

ISSN 2307—4558

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ

Одеський національний університет імені І. І. Мечникова

М О В А

**НАУКОВО-ТЕОРЕТИЧНИЙ ЧАСОПИС
З МОВОЗНАВСТВА**

№ 21

2014

Одеса
«Астропринт»
2014

*З а с н о в н и к : О д е с ь к и й н а ц і о н а л ь н и й у н і в е р с и т е т і м е н і І . І . М е ч н и к о в а .
Ч а с о п и с з а с н о в а н о в 1993 р о ц і .*

Головний редактор
Главный редактор
Editor-in-chief

Євгеній Миколайович СТЕПАНОВ
Евгений Николаевич Степанов
Ievgenii N. Stepanov

Заступники головного редактора
Заместители главного редактора
Vice-editors

Луїза Олександрівна ПЕТРОВА
Луиза Александровна Петрова
Luiza A. Petrova

Ірина Михайлівна КОЛЕГАЄВА
Ирина Михайловна Колегаева
Iryna M. Kolehajeva

Відповідальний секретар
Ответственный секретарь
Secretary

Ольга Вадимівна МАЛЬЦЕВА
Ольга Вадимовна Мальцева
Olga V. Maltseva

Редакційна колегія:

В. І. Аннушкін (Росія), **А. Валіпур** (Іран), **М. Д. Голєв** (Росія), **Л. М. Голубенко** (Україна), **В. В. Горбань** (Україна), **Г. Н. Гочев** (Болгарія), **Л. М. Гукова** (Україна), **Д. Дзевановська** (Польща), **А. К. Каїржанов** (Казахстан), **Т. Ю. Ковалєвська** (Україна), **В. О. Колесник** (Україна), **Н. В. Кондратенко** (Україна), **І. П. Лисакова** (Росія), **Мен Ся** (Китай), **Н. Б. Мечковська** (Білорусь), **І. Б. Морозова** (Україна), **М. Парзулова** (Болгарія), **С. В. Плотницька** (Україна), **С. Севіль** (Франція), **Л. Ф. Фоміна** (Україна), **Г. Хенчель** (Німеччина)

Редакционная колегия:

В. И. Аннушкин (Россия), А. Валипур (Иран), Н. Д. Голев (Россия), Л. Н. Голубенко (Украина), В. В. Горбань (Украина), Г. Н. Гочев (Болгария), Л. Н. Гукова (Украина), Д. Дзевановска (Польша), А. К. Каиржанов (Казахстан), Т. Ю. Ковалевская (Украина), В. А. Колесник (Украина), Н. В. Кондратенко (Украина), И. П. Лысакова (Россия), Мэн Ся (Китай), Н. Б. Мечковская (Белоруссия), И. Б. Морозова (Украина), М. Парзулова (Болгария), С. В. Плотницкая (Украина), С. Севиль (Франция), Л. Ф. Фомина (Украина), Г. Хенчель (Германия)

The editorial team:

Vladimir Annushkin (Russia), Alireza Valipur (Iran), Nikolay Golev (Russia), Lidiya Golubenko (Ukraine), Victoriya Gorban' (Ukraine), Gocho Gochev (Bulgaria), Lina Gukova (Ukraine), Dorota Dziewanowska (Poland), Abay Kairzhanov (Kazakhstan), Tetiana Kovalevska (Ukraine), Valentyna Kolesnyk (Ukraine), Natalya Kondratenko (Ukraine), Irina Lysakova (Russia), Meng Xia (China), Nina Mechkovskaya (Belorussia), Iryna Morozova (Ukraine), Mariana Parzulova (Bulgaria), Svetlana Plotnycka (Ukraine), Svetlana Seville (France), Lyudmyla Fomina (Ukraine), Gerd Hentschel (Germany)

Видано за фінансової підтримки Фонду «Русский мир» за Договором гранту № 1064Гр/II-083–13 від 23 липня 2013 року.

У збірнику представлені дослідження актуальних теоретичних і прикладних проблем лінгвістики на матеріалі різних мов: української, російської, болгарської, польської, англійської, німецької, турецької, китайської, арабської, сомалійської та ін. Адресовано широкому колу філологів: науковцям, вчителям, методистам, студентам.

ЗМІСТ

ПИТАННЯ ІСТОРІЇ МОВОЗНАВЧИХ ДОСЛІДЖЕНЬ, ЗАГАЛЬНОГО МОВОЗНАВСТВА ТА СОЦІОЛІНГВІСТИКИ

<i>Аннушкин В. И.</i> Классик русской филологии, профессор Одесского Ришельевского лицея Константин Петрович Зеленецкий (1812-1858) и проблемы современного филологического знания	7
<i>Синица И. А.</i> Павел Игнатович Житецкий и развитие гуманитарной мысли XIX века	15
<i>Гайер К. Е.</i> Герменевтика и интерпретативная семиотика в работах У. Эко	19
<i>Буянова Л. Ю.</i> Лингвоконфессиология в системе современной гуманитарной гносеосферы: методологический инструментарий и понятийный аппарат	23
<i>Степанов Е. Н.</i> Взаимодействие научных лингвистических подходов в исследовании русской городской речи	27
<i>Титаренко М. В.</i> Невербальные средства экспликации социального статуса в прозе А. П. Чехова	36

ПИТАННЯ КОМУНІКАТИВІСТИКИ, МЕДІАЛІНГВІСТИКИ ТА ГЕНРИСТИКИ

<i>Кондратенко Н. В.</i> Вербальні аспекти агональності як параметра політичної комунікації	40
<i>Стрий Л. І.</i> Ритуальний характер політичної комунікації: семіотика інавгурації президента	44
<i>Чувакин А. А.</i> Тексты малой прозы В. М. Шукшина в контексте филолого-коммуникативного знания	47
<i>Столярова И. В.</i> Символический смысл заголовка в прозаическом дискурсе (Т. Толстая «Лёгкие миры»)	52
<i>Трендович М.</i> Русский <i>анекдот</i> vs. польский <i>kawał</i> . Несколько замечаний по поводу комических жанров речи в русском и польском языках	56
<i>Кіщенко А. М.</i> Комунікативна роль адресанта в художньому дискурсі (на матеріалі сучасної української прози)	60
<i>Костенко М. А.</i> Друкована реклама як креолізований текст: шрифтові виділення	64

ПИТАННЯ КОГНІТИВНОЇ ЛІНГВІСТИКИ, КОНЦЕПТОЛОГІЇ ТА МОВНОЇ КАРТИНИ СВІТУ

<i>Коновалова Н. И.</i> Интерпретация сакрального текста традиционной народной культуры	68
<i>Кузнецова А. В.</i> Эстетическая когниция: метатекст в рефлексивно-интерпретативном пространстве	73
<i>Гужова Л. Н., Трушицына Е. А.</i> Концепт « <i>времена года</i> » в художественной картине мира А. С. Пушкина	77
<i>Коссаковска-Марас М.</i> Особенности репрезентации концепта <i>дом</i> в советском и современном российском кинематографе	83
<i>Сайгин В. В.</i> Десакрализация концепта «грех» в национальном сознании (по данным современного русского языка)	89
<i>Наймушина Т. А.</i> <i>Вода</i> в русской, турецкой и сомалийской языковых картинах мира (на материале пословиц и поговорок)	93
<i>Охрименко Т. В.</i> Национально-языковая картина мира сквозь призму номинаций денежных единиц	97
<i>Яроцкая Г. С.</i> Дискурсивное измерение отношения к богатству и бедности в русской лингвокультуре (на материале текстов русских народных сказок)	102
<i>Романенко В. А., Ион А. А.</i> Индексально-метонимический принцип рецепции текста	107
<i>Иванченко А. В.</i> Субъектно-объектные корреляции в экфрасисных эпизодах художественного произведения	112
<i>Маронь А.</i> Языковая картина мира в драматургии Николая Коляды	117

ПИТАННЯ ІСТОРІЇ МОВИ ТА ДІАЛЕКТОЛОГІЇ

<i>Низаметдинова Н. Х.</i> К вопросу о влиянии греческого языка на русское словосложение	123
<i>Зарипова А. Р.</i> Общая характеристика лексико-семантической группы «судьба» в древнерусском языке (на примере слов <i>суд</i> и <i>судьба</i>)	129
<i>Швец А. И.</i> Дialeктная глагольная лексика как предмет исследования: состав, структура	134
<i>Забольян Л. О.</i> Эмотивная лексика, характеризующая человека по интеллектуальным способностям, в русских говорах Одесской области	139

ПИТАННЯ ЛЕКСИКОЛОГІЇ, СЛОВОТВОРУ, СЕМАНТИКИ ТА ПРАГМАТИКИ

<i>Радбиль Т. Б.</i> Метаязыковые комментарии с компонентом «смысл слова» в современной русской речи	145
<i>Гажева И. Д.</i> Аспекты и методы изучения метонимии в современной лингвистике	150
<i>Гочев Г. Н.</i> Иноязычные новационные единицы в лексике русского языка	154
<i>Кадырова Л. Д.</i> Словообразовательный потенциал неозаимствований в современном русском языке	160
<i>Невойт В. И.</i> Семантика лексических эквивалентов в сопоставительном аспекте	165
<i>Ли Жунь.</i> Образ цветка в русской лингвокультуре	169
<i>Русенко Т. И.</i> Специфика использования одоративных номинаций в поэзии С. А. Есенина	172

ПИТАННЯ ОНОМАСТИКИ І ТЕРМІНОЗНАВСТВА

<i>Хейлик Т. А., Горлачѳва В. В.</i> Типология цветообозначений декоративной косметики в современной рекламе	177
<i>Томасик С.</i> Названия фарфоровых изделий Дулёвского завода	181
<i>Майданюк Д. В.</i> Логоэпистема-идеоним в лингвокультурологическом пространстве нарратива И. Ильфа и Е. Петрова	184
<i>Дробышева Н. Л.</i> Вопросы категориального анализа научно-технической терминологии	187

ПИТАННЯ ФРАЗЕОЛОГІЇ

<i>Стексова Т. И.</i> Семантика и прагматика русских высказываний с оборотом <i>если на то пошло</i>	192
<i>Ерѳменко И. А.</i> Фразеотворчество Л. Толстого как составляющая его эпистолярного идиостиля	195

ПИТАННЯ ГРАМАТИКИ

Петров А. В. Префиксальные повторы страдательных причастий в русском языке 201
Грыгель М. Аффирмация как грамматическая категория.....206
Каравалева Т. Л. Функциональная специфика операторов нереальности 210

ПИТАННЯ ГЛОТОДИДАКТИКИ ТА МЕТОДИКИ ВИКЛАДАННЯ МОВИ

Дзевановская Д. Использование ресурсов Интернета в процессе обучения иностранному языку 216
Нуртазина М. Б. Межкультурная компетенция как необходимое условие развития инновационных процессов в обучении русскому языку 221
Бердичевский А. Л. Методика РКИ в 21 веке, или Как что-либо изменить, ничего не меняя.....227
Плотницкая С. В. Теория коммуникации в свете лингводидактики 232
Внеки Э. Интерактивные методы обучения на уроках русского языка и литературы 237
Воронина Н. А. Использование форм и приёмов игрового обучения в процессе развития коммуникативной ответственности студентов вуза.....241
Мальцева Л. В. Адаптация учебно-научного текста: субтекст старого знания 246
Хлопьянов А. В. Об изучении русских поэтических атрибутивных словосочетаний в иноязычной аудитории 249
Цапко Т. П. Проблемы «глагольной» интерференции при обучении русскому языку как иностранному арабговорящих студентов 253
Цзя Юннин. Интерферентные ошибки китайских студентов при использовании русских предлогов и союзов.....258
Марусинець М. М. Модальні частки української мови: діагностичний і дидактичний контекст 261

РЕЦЕНЗІЇ

Карасик В. И. Г. С. Яроцкая. Аксиогенез экономического сознания в русской лингвокультуре : [монография] / Галина Сергеевна Яроцкая. — Одесса : Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова, 2013. — 552 с. 266

CONTENTS

ISSUES OF GENERAL LINGUISTICS, SOCIOLINGUISTICS AND HISTORY OF LINGUISTIC STUDIES

<i>Annushkin V. I.</i> The classic of Russian philology, professor of Odessa Richelieu lyceum Zelenetskiy Konstantin Petrovich (1812–1858) and issues of modern philological knowledge	7
<i>Symytsia I. A.</i> Pavlo Zhitetskiy and the development of humanitarian thought in XIX century	15
<i>Gayer K. Ye.</i> Hermeneutics and interpretative semiotics in U. Eco's works	19
<i>Buyanova L. Yu.</i> Linguoconfessiology in the system of modern gnoseosphere in the humanities: methodological and conceptual bases	23
<i>Stepanov Ie. N.</i> Interaction of scientific linguistic approaches to research the Russian urban language	27
<i>Titarenko M. V.</i> Non-verbal explication ways of social status in Chekhov's prose	36

ISSUES OF GENRISTICS, COMMUNICATIVE AND MEDIA LINGUISTICS

<i>Kondratenko N. V.</i> Verbal aspects of agonal parameters in political communication	40
<i>Striy L. I.</i> Ritual aspect of political communication: semiotics of the president's inauguration	44
<i>Chuvakin A. A.</i> Short prose texts by V. M. Shukshin in context of the philological-communicative knowledge	47
<i>Stoliarova I. V.</i> The symbolic meaning of the title in prosaic discursive (T. Tolstaya «Light Worlds»)	52
<i>Trendowicz M.</i> Russian <i>anekdot</i> (<i>anekdot</i>) vs. Polish <i>kawał</i> . A few comments on the comic speech genres in Russian and Polish languages	56
<i>Kishchenko A. M.</i> Communicative role of adresant in literary discourse (for materials of modern Ukrainian prose)	60
<i>Kostenko M. A.</i> Creolized text in print advertising: the font selection	64

ISSUES OF COGNITIVE LINGUISTICS, CONCEPTOLOGY AND LANGUAGE WORLD

<i>Konovalova N. I.</i> The interpretation of sacral text of traditional folk culture	68
<i>Kuznetsova A. V.</i> Esthetic cognition: the metatext in reflexive and interpretative space	73
<i>Gukova L. N., Trushicina E. A.</i> <i>Seasons'</i> concept in Pushkin's artistic worldview	77
<i>Kossakowska-Maras M.</i> The concept <i>house</i> in soviet and contemporary Russian movies	83
<i>Saigin V. V.</i> Desacralization of the concept "grekh" ("sin") in national consciousness (according to the data of the Modern Russian language)	89
<i>Naimushina T. A.</i> <i>Water</i> in Russian, Turkish and Somali lingual worldviews (based on proverbs and sayings)	93
<i>Okhrimenko T. V.</i> National linguistic snapshot through the prism of items currencies	97
<i>Yarotskaya G. S.</i> Discursive analyze of attitude to the wealth and poverty in the text of Russian folk tales	102
<i>Romanenko V. A., Ion A. A.</i> Index-metonymy principle of reseption of a text	107
<i>Ivanchenko A. V.</i> Subject-object correlation in the ekphrasis episodes in fiction	112
<i>Maroń A.</i> Linguistic view of the world in drama by Nikolai Kolada	117

ISSUES OF HISTORY OF LANGUAGE AND DIALECTOLOGY

<i>Nizametdinova N. H.</i> On the influence of Greek into Russian compounding	123
<i>Zaripova A. R.</i> General characteristics of lexical-semantic group «destiny» in the Old Russian language	129
<i>Shvets A. I.</i> Dialectal verbal vocabulary as the subject of research: composition, structure	134
<i>Zabolyan L. O.</i> Emotional lexis, characterizing a person on intellectual capabilities in Russian dialects of Odessa region	139

ISSUES OF LEXICOLOGY, DERIVATOLOGY, SEMANTICS AND PRAGMATICS

<i>Radbil T. B.</i> Metalanguage comments with component "smysl slova" ("sense of the word") in the Modern Russian speech	145
<i>Gazheva I. D.</i> Aspekts and methods of study of metonymy in modern linguistics	150
<i>Gochev G. N.</i> Foreign language novative units in the Russian vocabulary	154
<i>Kadyrova L. D.</i> The word-formation potential of borrowing in Modern Russian language	160
<i>Nevoit V. I.</i> Semantics of lexical equivalents in comparative aspect	165
<i>Li Zhun.</i> Image of a flower in Russian lingual culture	169
<i>Rusenko T. I.</i> The specific usage of olfactory nomination in the poetry by Sergey Esenin	172

ISSUES OF ONOMASTICS AND TERMINOLOGY

<i>Khejlik T. A., Gorlachova V. V.</i> The typology of colour designations for decorative cosmetics in modern advertising	177
<i>Tomasik S.</i> Names of porcelain products of the "Duliovskij Farfor" factory	181
<i>Maidaniuk D. V.</i> The logopisteme-ideonym in the lingual and cultural space of narrative in Ilf and Petrov's writings	184
<i>Drobysheva N. L.</i> Scientific and technical terminology categorial analysis	187

ISSUES OF PHRASEOLOGY

<i>Steksova T. I.</i> The semantics and pragmatics of the Russian utterances with the use <i>если на то пошло</i> (<i>iesli na to poshlo</i>)	192
<i>Yeremenko I. A.</i> The derivation of phraseologismus of Leo Tolstoy as a part of his epistolary individual style	195

ISSUES OF GRAMMAR

Petrov A. V. The prefixational repetitions of passive participles in the Russian language.....201
Grygiel M. Affirmation as a grammatical category.....206
Karavayeva T. L. Functional specifics of irrealis operators 210

ISSUES OF DIDACTICS AND METHODOLOGY OF LANGUAGE TEACHING

Dziewanowska D. Usage of the internet resources in the process of foreign language teaching.....216
Nurtazina M. B. Intercultural competence as a required condition for development the innovation processes in Russian language training 221
Berdichevsky A. L. New wine in old bellows 227
Plotnitskaya S. V. The theory of communication in the light of lingual didactics 232
Wnęk E. Interactive methods for the teaching Russian language and literature 237
Voronina N. A. Use of forms and techniques of the game training for the development of communicative responsibility of university students.....241
Maltseva L. V. Adaptation of the educational-scientific text: the subtext of old knowledge 246
Khlopyanov A. V. On the study of Russian poetic attributive collocations by foreigners.....249
Tsapko T. P. “Verb” interference problems in learning the Russian language as foreign for Arabic students.....253
Jia Yongning. Interferential errors by Chinese students during use of Russian prepositions and conjunctions 258
Marusynets M. M. Modal particles in Ukrainian: diagnostic and didactic context.....261

REVIEWS

Karasik V. I. G. S. Yarotskaya. Aksiogenez ekonomicheskogo soznaniya v russkoj lingvokulture : [monografija] / Galina Sergeevna Yarotskaya. — Odessa : Odesskij natsionalnyj universitet im. I. I. Mechnikova, 2013. — 552 S.....266

ПИТАННЯ ІСТОРІЇ МОВОЗНАВЧИХ ДОСЛІДЖЕНЬ, ЗАГАЛЬНОГО МОВОЗНАВСТВА ТА СОЦІОЛІНГВІСТИКИ

УДК 811.161.1-119:378(477.74-25)«18» К. Зеленецький

АННУШКИН Владимир Иванович,

доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина; Москва, Россия; e-mail: vladannushkin@mail.ru; тел.: +7 8 926 4397324

КЛАССИК РУССКОЙ ФИЛОЛОГИИ, ПРОФЕССОР ОДЕССКОГО РИШЕЛЬЕВСКОГО ЛИЦЕЯ КОНСТАНТИН ПЕТРОВИЧ ЗЕЛЕНЕЦКИЙ (1812-1858) И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Аннотация. В статье анализируется творчество К. П. Зеленецкого, способствовавшего своими трудами преобразованию предмета русской филологии и состава русских наук о речи. Делается обзор и краткая характеристика творчества К. П. Зеленецкого, создавшего целостный состав учебников русской словесности, включивший риторiku, поэтику и историю русской литературы. Учебники К. П. Зеленецкого легли в основу «Теории словесности», которая в середине XIX века стала основным курсом для всех гимназий Российской империи. Именно К. П. Зеленецкому принадлежало единственное до недавнего времени исследование «Введение в общую филологию», которое стало его последней книгой. Сопоставляя систему наук о Слове К. П. Зеленецкого, автор предлагает определения современного предмета и проблем русской филологии как науки о тексте и его связи с культурой, правилах создания, передачи, хранения и воспроизведения словесных произведений.

Ключевые слова: филология, словесность, литература, риторика, поэтика, стилистика, К. П. Зеленецкий, история русского языкознания.

Более 35 лет я вдохновлён изучением трудов профессора Одесского Ришельевского лицея, магистра Московского университета Константина Петровича Зеленецкого. Автор систематических трудов по философскому языкоучению, общей и частной риторике, поэтике, истории русской литературы, новаторски предлагавший реформу русской филологии в изложении новой «Науки о Слове», он безусловно недооценён потомками. Середина XIX века в России — время, подобное сегодняшней перестройке, время преобразований, поисков нового предмета, либеральной революционно-демократической критики старого культурного знания и предложения новых идей.

Чтобы почувствовать недооценённость К. П. Зеленецкого, достаточно взглянуть на то, что пишет о нём Википедия — главный источник знаний современного учёного-массового коммуниканта. Впрочем, отметим сразу, что Википедия, конечно, только переписывает Русский Библиографический словарь: *«Отличаясь необыкновенной трудоспособностью и любовью к своему делу, З., однако, не принадлежал к числу тех учёных, которые открывают новые горизонты в избранной ими специальности; он не был новатором и в трудах своих иногда являлся даже не вполне самостоятельным»* [17; 11, т. 10, с. 336] Любопытно высказывается потомок о трудах своих достойных предшественников: *«обладал трудоспособностью и любовью к делу, но не открывал новых горизонтов...»* Как это похоже на иных учёных (прежних и особенно новых), которые, не отличаясь трудоспособностью, «открывают новые горизонты...»

Конечно, в Википедии попросту переписан Русский Библиографический словарь, авторы которого отличались ультрасовременными знаниями. Очевидно, что текст «Википедии» писан критиком, не пожелавшим вчитаться в труды Зеленецкого, ибо весь стиль Зеленецкого отличается отличным знанием трудов предшественников и активным критическим настроением с предложениями к перестройке российского образования, что и было исполнено Зеленецким, а воплощено стараниями, я бы выразился, главного чиновника и покровителя филологического образования в России (обратите внимание: «чиновник», глава Института, глава Отделения русского языка и словесности, он же — анонимный автор нового переделываемого учебника) — директора Главного Педагогического института в Санкт-Петербурге профессора Ивана Ивановича Давыдова.

Как далеко друг от друга Одесса и Санкт-Петербург! Но и тогда и сейчас такие расстояния легко преодолевались людьми, желавшими потрудиться на филологической ниве.

«Некоторые из его работ к тому же носят на себе явные следы поспешности», — пишет википедист начала XX столетия. Это суждение в высшей степени странно и ничем не подкреплено. Напротив, именно труды Н. Ф. Кошанского, К. П. Зеленецкого носят на себе отпечаток энциклопедической глубины и разностороннего знания, которое как раз и было характерно для университетского образования и которое отсутствовало в трудах недоучившихся студентов — критиков-публицистов, формировавших новый облик русской словесности.

Состояние умов, видимо, было таковым, что поднять голос в защиту фундаментального образования в 40–50-е годы XIX века было так же непросто, как сегодня защищать и отстаивать лучшие традиции российского образования. Но учёному легче писать фундаментальные труды, сообразуясь с истиной и разговаривая с Богом, нежели писать бойкие статьи с новыми оценочными взглядами и пересматривая жизненные устои в угоду новым «перестроечным идеям». Между тем, идеи филолога-словесника прорастают как незримые результаты влияния его трудов на изменение характера и стиля вначале научно-филологической мысли, а затем стиля общественного сознания. И именно таков результат творчества К. П. Зеленецкого.

И. И. Давыдов, очевидно, курировавший или руководивший реформой словесного образования в России, предпринял после выхода в 1849 году 4-х-томника К. П. Зеленецкого, содержавшего Общую Риторiku, Частную риторiku, Поэтику и Историю русской литературы [6; 7; 8; 9], решение о создании общего учебника для гимназий всей Российской империи под названием «Теория словесности». В замысел выдающегося педагога-словесника, которого до сих пор — с лёгкой руки прежней демократической критики и в отсутствии истории филологического образования в России — считают «чиновником-краснобаем», входило создание первого коллективного анонимного труда, куда входили бы все лучшие, как теперь говорят, наработки курсов словесных наук, учений о речи и литературы.

Что же сделал И. И. Давыдов?

Он анонимно соединил, отредактировав с собственными дополнениями, два лучших учебника того времени: 1) «Реторики» Н. Ф. Кошанского, выдержавшие к 1849 году 10 изданий и подвергавшиеся несправедливой критике со стороны лагеря революционеров-демократов — ср. отзыв ректора Санкт-Петербургского университета Плетнёва, друга Пушкина: «Не знаю ничего лучше учебников Кошанского» (наше переиздание в 2013 году — см. [12]) и 2) четырёхтомник К. П. Зеленецкого 1849 года, изданный в Одессе. Очевидно, что расстояния не были препятствием для научных и человеческих контактов. К. П. Зеленецкий поддерживал живую связь со своими учителями: известны его письма непосредственному педагогу Михаилу Петровичу Погодину («досточтимый наставник, ...как бы я желал жить в виду кремлёвских башен»), а у И. И. Давыдова он наверняка учился в Московском университете в 1833–37 годах.

Очевидно, получив одесские издания К. П. Зеленецкого, И. И. Давыдов занялся созданием в Главном Педагогическом институте, готовившем учителей высшей школы, общего учебника для школ и гимназий для Российской империи. Прежде всего, учебнику было дано общее название «Теория словесности» и оно вполне совпадало с намерениями К. П. Зеленецкого создать «Науку о Слове, знамя которой водрузил профессор Давыдов» — именно так писал К. П. Зеленецкий в «Исследовании о риторике» 1846 года (подробное исследование создания «Теории словесности» Кошанского и Зеленецкого под анонимной редакцией И. И. Давыдова см. в нашей статье [1, с. 107–123]).

Возрождение современной риторики в России, настоятельное требование определить для современного учёного и педагога-словесника предмет филологической науки, природу классических и возрождаемых наук о речи (грамматики, риторики, поэтики, стилистики, словесности как чисто русского феномена) требуют внимательного анализа истории отечественного филологического знания.

К. П. Зеленецкому, вне всякого сомнения, принадлежит роль реформатора и преобразователя. Выпускник Ришельевского лицея, он был отправлен в 1833 г. за счёт лицея в Московский университет, где через год выдержал экзамен на кандидата словесных наук, а спустя два года получил степень магистра. Вернувшись в Одессу, Зеленецкий писал своему наставнику историку М. П. Погодину о своём «сильнейшем желании» «когда-либо поселиться жить в виду Кремлёвских башен» [1, с. 123]. В Москве же были опубликованы первые учёные труды К. П. Зеленецкого «Опыт исследования некоторых теоретических вопросов» (4 кн. — М., 1835–1836) [10], «Исследование значения, построения и развития слова человеческого» (М., 1837) [4].

Став профессором Одесского Ришельевского лицея, Зеленецкий сформировался в своеобразного, самостоятельно мыслящего учёного, что, как кажется, не вполне было оценено его современниками. Ко второй половине 40-х годов XIX в. относятся фундаментальные работы Зеленецкого, ставшие одновременно серьёзными учебными руководствами для гимназий и университетов: «Исследование о риторике...» (1846), «I. Общая риторика», «II. Частная риторика», «III. Поэтика» и «История русской литературы для учащихся» (все опубликованы в 1849 г.) [6; 7; 8; 9]. Кроме фундаментального разбора истории риторики, Зеленецкий представил новую классификацию филологических дисциплин; именно риторическое исследование давало систематику всех наук в целом, формировавшую будущую классификацию академической науки в России. В начале 50-х годов по заказу Министерства народного просвещения председательствующий Отделения языка и словесности Императорской Академии наук И. И. Давыдов отредактировал 4 курса словесности К. П. Зеленецкого и они в анонимном издании «Теории словесности» (1851–60), дополненном «Реториками» Н. Ф. Кошанского, стали основным «курсом гимназическим» для учебных заведений России [15].

В 1853 г. в Одессе было издано «Введение в общую филологию» К. П. Зеленецкого [3]. Неоднократными были выступления учёного с речами на торжественных актах Ришельевского лицея, статьи по вопросам церковно-славянского языка, русского и «его отношении к языкам западно-европейским», собственные литературные опыты и теоретические статьи о литературе в столичных и одесских журналах.

К. П. Зеленецкий стал учёным, поставившим под сомнение ценность прежних «словесных наук» и деклариовавшим в России рождение нового понимания предмета — теперь уже под названием «науки о Слове». Начав свое основное теоретическое сочинение с похвалы риторикам древности

и критики её достижений со стороны нынешних «самостоятельных обработчиков», К. П. Зеленецкий совершенно определённо заявил о начале нового века в науке: «Только в последнее время, когда здание *словесных наук распадается* само собой, когда его *заменяет наука о слове*, знамя которой, на *развалинах теории словесности* первый у нас водрузил профессор Давыдов, когда труды свои посвящают этому предмету мужи, каковы В. Гумбольдт и Бопп, *риторика как часть науки о слове* может надеяться получить полное право гражданства в сфере наук точных, положительных; может сбросить свою схоластическую одежду и принять вид более естественный, более согласный с духом и с направлением нашего времени» [6, с. 12]. Рассуждения о «точности и положительности» нового понимания науки слишком напоминают декларированные и не всегда оправдавшие себя заявления позднейших «самостоятельных обработчиков» науки.

Новации К. П. Зеленецкого при очевидной классической базе его образованности способствовали коренному изменению взглядов на предмет филологии. Речевой процесс объясняется К. П. Зеленецким как логическое действие мышления и собственно речь. Объясняя «природу и жизнь человека, мышление и слово сего последнего», К. П. Зеленецкий вычленяет две «особые науки», говоря о них следующее: «Логика принимает на себя всю систему мышления, понимания, рассуждения и умствования во всех его изгибах и утонченностях; её цель — в возможно очевидном и полном разложении процесса мысли; сила убеждения будет практическим следствием этих занятий в теории, а не предметом и целью науки. Риторика обратится к миру слова, избрет предметом своим *речь как полнейшую форму слова* и по близкому родству сего последнего с мышлением покажет, как *мысль* во всей полноте своего развития, *выражается в речи...*». Вот окончательное решение К. П. Зеленецким коренного вопроса русской риторики: связана ли эта наука с изобретением мысли? Если риторика есть лишь учение о речи, а речь — «словесное выражение нашей мысли», то необходимо свести речь к «слововыражению», то есть ограничить предмет риторики стилистикой. В 50-е годы XIX века этот взгляд на риторику, предмет которой необходимо «свести к стилистике» (см. у проф. Харьковского университета К. К. Фойгта: «общая риторика или стилистика» — [16]), возобладает окончательно.

Критика риторики осуществлялась К. П. Зеленецким в следующей реконструированной нами схеме основных терминов филологических наук (лишь внешне, по двоичному делению, она напоминает схему Н. Ф. Кошанского, но именно здесь — центр языковедческих новаций XIX века):

Терминология Науки о Слове (по К. П. Зеленецкому)

природа человека			
мышление —	слово		
логика	Науки о Слове		
понятие	речение	лексикология	«о красноречии здесь речи нету...»
суждение	предложение	грамматика	
умозаключение	период	синтаксис	
	речь:	риторика:	простая речь, красноречие

По мысли К. П. Зеленецкого, риторическое учение составляют следующие науки и их разделы:

1. Общая риторика:

- логическая основа речи (внутренняя сторона), законы мышления;
- собственно риторическая сторона (внешняя сторона речи);
- лингвистические условия речи в приложении к русскому языку (словарь языка и дух его грамматики).

2. Частная риторика:

- систематика (для описаний, повествований, догматики);
- теория поэзии (для изящной прозы);
- этика, наука о благом (для ораторского красноречия).

3. Пиитика (эстетическая теория поэзии).

Недостатки существующей теории словесности и риторики, по мысли Зеленецкого, состояли в следующем:

1. Риторика не должна быть наукой об «одном красноречии», она должна включить изучение «общих условий всякой речи вообще». Зеленецкий замечает основной недостаток существующей риторики: её учение о «красноречии» касается только «изящной (как бы красной, прекрасной) речи» и никак не касается «речи простой, некрасноречивой», которая лежит в основании первой — «подобно тому, как в основании высших действий ума, воли и фантазии лежит простой разум». Это важное наблюдение относится к смене стиля в самую середину XIX века, когда тенденция к демократическому «опрощению» (в некотором смысле сопровождающая всякое революционное движение) отмечается прежде всего в изящной словесности — поэтике натуральной школы, где как раз показывается эта «натуральная», «простая речь».

Риторика как наука об одном красноречии — лишь часть словесности. Красноречие, — с одной стороны, «способность говорить убедительно и изящно», с другой стороны, — «совокупность произведений» изящной или ораторской прозы. Зеленецкий настаивает, чтобы под словом *речь* понималась

не только речь ораторская, но «речь всякого рода», в которой «вполне выражается развитая мысль»). В то же время Зеленецкий указывает, что «такой особенной науки до сих пор нет». Расширяя предмет риторики до особенностей «всякой речи вообще», он пытается формировать новый состав наук с их новым содержанием.

2. Теории изобретения и расположения в их прежнем виде отрицаются Зеленецким. «Изобретаем ли мы наши мысли?... очевидно, нет... мысли рождаются сами собою... Можно сказать: изобрести стекло, компас, порох, но нельзя сказать: изобрести мысль, потому что каждая мысль наша есть самостоятельное, живое действие самого духа нашего». Тезис самопроизвольности рождения мысли будет отрицать возможность и необходимость управления процессом научения мыслить, ибо мысль и речь в риторическом действии неразделимы. Отрицая схоластические способы рождения мысли через систему общих мест («общие места бесполезны, даже вредны...»), Зеленецкий расчленил единый и органичный предмет *риторики* на *логику* (теории изобретения и расположения «должны слиться в одну, в теорию логического развития основной мысли в сочинении») и *стилистику* (именно так еще Аристотелем называлась «третья часть реторики, теория слововыражения, которая по праву занимает место в риторических курсах»).

3. Спор Зеленецкого с главным теоретическим предшественником — Н. Ф. Кошанским — касается способов педагогического приложения теории общих мест. Зеленецкий не отрицает «главы об изобретении мыслей и рассуждений о страстях, нравах, возрастах слушателей», которые «так к стати (писалось раздельно. — *А. В.*), по такой необходимости вошли в риторические учения древности», он отрицает «новейших учителей красноречия», которые «не проникли основательно в дух и содержание топических учений древности», придав им «схоластический дух».

4. Теория украшения мыслей через тропы и фигуры фактически также была отвергнута К. П. Зеленецким как не согласная с «природой». Идея «естественности», спонтанности (как стали писать в XX веке) вновь проявилась в критике искусственности прежних или существующих построений. Эта идея якобы «естественности» всегда сопровождает критику существующих риторико-поэтических вкусов: Аввакум призывал «в простоте Богу угождати» и не заботиться о «красноречии» (при этом известно его сугубое витийство); М. В. Ломоносов призывал учить «простым» языком и не заботиться об излишнем «распространении слов»; критика риторики в середине XIX века В. Г. Белинским (см. анализ в конце исследования) велась также с позиций естественности, простоты выражения мысли новыми литераторами в противовес искусственности построений прежних литературных теорий.

К. П. Зеленецкий пишет: «Разве не достаточно изобразить предмет или явление в том самом виде, в каком они существуют в действительности и надобно еще разукрашать их? верное, живое их изображение удовлетворительно во всяком случае. Старинная школа всего менее заботилась о естественности, согласии с природой». Риторическое «разукрашение мыслей» проявляется более всего в тропах и фигурах — их формально-теоретическое применение и стало, по мнению К. П. Зеленецкого, причиной той «напыщенности», которой отмечены похвальные оды М. В. Ломоносова. Поэтому тропы и фигуры лишь тогда «имеют значение и силу, когда мысль писателя, согласно со своим предметом, сама собою, по своей природе ложится в них». Зеленецкий не считает с тем, что всякая литературная (риторическая и поэтическая) эпоха рождает свои представления о соответствии мысли писателя своему предмету, которое фиксируется в правилах риторической или поэтической школы. Причем, каждая школа настаивает в соответствии со стилем времени, что именно она впервые и наиболее естественным образом выразила сущность предмета в соответствии с его природой.

Последнее общее замечание сделано К. П. Зеленецким относительно «условности и относительности правил и положений, преподаваемых новейшими реториками» (будто правила позднейших теорий не будут столь же условными и относительными!). Опору своей концепции К. П. Зеленецкий пытался найти в общих логических построениях. «Начала ума и слова», по его мнению, «общие и очевидны»; «мы рассуждаем, сводим данные и умозаключения по непреложным законам ума». «Откуда же, — неоднократно критикует конкретные законы, правила и категории риторики К. П. Зеленецкий, — взялась эта хрия ... откуда взяты и к чему ведут эти известные семь вопросов?.. из чего выведены эти двадцать четыре источника изобретения и каким образом распространять посредством их тему?»

Вся критика К. П. Зеленецкого направлена против Н. Ф. Кошанского, наиболее влиятельного автора из прежних теорий. В 1849 г. выходят последним 10-м изданием «риторики» Н. Ф. Кошанского, а в Одессе — четыре (!) тома курсов словесности для учащихся К. П. Зеленецкого: «Общая риторика», «Частная риторика», «Пиитика» и «История русской литературы». Однако при всей критике прежних теорий К. П. Зеленецкий продолжает в прикладных частях своих учебников следовать и развиваться в русле концепций словесности Н. Ф. Кошанского, И. И. Давыдова, В. В. Пляксина и др. Его «Частная риторика» даст наиболее развитый для всей истории русской теории словесности состав родов и видов словесности. Именно К. П. Зеленецкий разработает факультетскую классификацию наук, которая станет основой для всей концепции российского образования в последующие десятилетия.

* * *

Далее предлагаем лишь краткую суммацию наших определений того, ЧТО есть **филология, словесность, риторика** в современном научном пространстве. Этим определениям предшествовал серьезный анализ классических и современных определений наиболее авторитетных ученых. Так, в начальном

параграфе книги «Основы русской филологии» представлен критический обзор определений предмета филологии у Г. О. Винокура, С. И. Ожегова, С. С. Аверинцева, Ю. С. Степанова, Д. С. Лихачёва, Ю. В. Рождественского и др. [2, с. 6–4].

Филологическое творчество соединено с анализом текста, принципами его порождения, восприятия, бытования в культуре. Неслучайно культура рассматривается Ю. В. Рождественским как «форма коммуникации, принятая в данном обществе или общественной группе» [14, с. 3]. Форма коммуникации, характерная для данного состояния общества и отражающая определенный этап развития технического прогресса в создании текстов, диктует развитие всех остальных форм культуры. Методология, предложенная Ю. В. Рождественским, позволяет рассматривать культурную историю человечества как отражение форм словесности, а именно определённых фактур речи, способов создания, передачи, хранения и воспроизведения текста. Эти культурно значимые тексты отражают все «совокупности достижений людей» (второе определение культуры), проявленные в развитии общественной морали, экономическом прогрессе, разных видах семиотической деятельности (например, в развитии видов искусства), т. е. являются отражением форм коммуникаций, в которых существует общество. Материя и дух при этом таинственным образом переплетены: на духе «почиет материя» (технология речи), но реальное воплощение материи в конкретном тексте диктуется духом и идеологией, стилем общества в целом, философско-идеологическими устремлениями конкретных создателей текстов. Филология, таким образом, становится основанием общественных и экономических движений, вполне отражая основополагающий тезис европейской духовной культуры о Слове как инструменте творения мира и окружающей нас действительности.

Обратим внимание на то, как филологические принципы анализа текста соединяются с принципами культуры: текст может войти или не войти в данную область культуры — филолог не только отслеживает этот процесс, но и активно влияет на него собственными оценками. В общей филологии систематизируются все виды текстов — и эта систематизация может иметь вполне определённые приоритеты. Так, в русской филологии с 50–70-х годов XIX столетия произошло смещение интересов от систематизации всех имеющихся видов текстов (называвшихся родами и видами словесности) к преимущественной классификации форм изящной художественной литературы.

На ограниченность данного подхода, его исторические причины и опасность для будущего практического существования общества неоднократно указывал Ю. В. Рождественский, призывая заниматься всеми видами прозаической словесности (особенно деловым общением, риторикой СМИ), честно анализируя истоки советской социалистической риторики. Результатом пренебрежительного отношения к прозаическим формам речи должен был стать проигрыш в психологической войне, что имплицитно предрекалось в суждениях многих филологов-аналитиков 80-х годов и что в конце концов и произошло. Следствием нынешнего унылого состояния умов и общественного сознания в целом (что проявлено в деятельности наиболее авторитетных органов речи — СМИ) является также прежнее риторически пассивное состояние духа и настроения, не способное к энергичному творческому изобретению идей и честному, риторически эффективному воплощению их в словесной реальности. Впрочем, можно не сомневаться в возможностях применения эффективных приемов филологического анализа для современной общественно-речевой практики с приложением критериев культуры как национальной традиции и творческого развития лучших образцов применения достижения классических и современных наук о речи.

Большинство учёных полагают, что исходным объектом исследования для филолога является **текст**. Сам **текст** есть не что иное, как старинное и классическое **слово**, если понимать последнее не как единицу языка, а как «реализованный» текст, инструмент общения, орудие мысли и взаимодействия, совокупность осмысленных знаков, передаваемых от одного лица к другому. Сегодня многие классические термины принимают новый облик, что обыкновенно случается, когда человечество начинает жить в новых видах речевого взаимодействия. Именно в этом видится нам причина создания нового термина **дискурс**, которому приписываются новые свойства и смыслы по сравнению с «устаревшим» **текстом**, однако очевидно, что это есть развитие прежних смыслов культуры в новой информационно-речевой ситуации.

Полагаем, что в определениях филологии как науки следует учесть следующие компоненты:

1. Филология — учение о правилах и закономерностях создания, передачи, хранения, воспроизведения и функционирования словесных произведений. Современная филология должна быть адресована ко всем существующим родам и видам словесности развитого информационного общества — от семейно-бытовой речи до речи на электронных носителях (массовая информация, информатика, Интернет, мобильная связь и т. д.).

2. Филология — наука о культурном прогрессе человечества, выраженном в способах, принципах и правилах создания текстов (речи, словесных произведений). Филологическое знание показывает, как технологическое развитие фактуры речи влияет на смысл речи, позволяя развиваться всем формам общественной культуры, различным видам семиозиса. Сложность современной общественно-речевой ситуации состоит в том, что человечество впервые столкнулось с такими сложными формами словесности, как массовая информация, чье появление рождает совершенно новый облик человека, кардинально меняет стиль жизни, формируемый стилем речи. Оптимальное развитие человеческого общества возможно только в том случае, если оно будет опираться на культуру как совокупность нравственных и интеллектуальных достижений человечества.

3. Филология — наука о классификации всех словесных произведений данной национально-речевой культуры. Предмет филологии — тексты всех существующих родов и видов словесности.

Было бы недостаточно представлять ее задачи только в сфере изучения стиля преимущественно художественного текста.

Предмет филологии, согласно Ю.В. Рождественскому, — «словесность, или языковые тексты. Задачей филологии является, прежде всего, отделение произведений словесности, имеющих *культурное* значение, от таких, которые его не имеют. Для решения этой задачи необходимо сначала обозреть весь массив произведений словесности. Это можно сделать только путем классификации этих произведений» [13, с. 113].

4. Отношения филологии и языкознания не являются отношениями целого и части. «Для правильного прочтения текстов **филология выделяет языкознание** и науки о речи» [13, с. 113]. Если предмет филологии — текст, то предмет языкознания — система языка и объяснение фактов языка на разных его уровнях (фонетическом, лексическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом). Филология не «шире» языкознания, а имеет свой собственный предмет изучения, состоящий в обращении к сфере функционирования словесных произведений (текстов) в культуре, к правилам их создания, передачи, воспроизведения и хранения в культуре.

Исторически оптимистичный характер современной общественно-языковой ситуации состоит в возможностях приложения языка в речевой действительности. Основой такого приложения может быть только критерий культуры как творческого сохранения национальной культурной традиции, опоры на прецеденты деятельности, понятия правильности и нормы, возможности риторически эффективного изобретения и воплощения мысли в языковых (словесных) текстах.

Именно в контексте филологии следует говорить о русском языке, который, по всеобщему согласию, должен объединять общество и вдохновлять на служение истине, добру, подлинной красоте и на совершенствование жизни — все это должно быть выражено в реальных текстах, или, как говорили традиционно, в слове. Русский язык объединяет нас не через языковую систему, а через **осмысленные языковые тексты**. Иначе говоря, нас объединяет **филология как учение о культуре, проявленной в текстах**. Культура же несет в себе нравственное начало, идеи добра, истины, красоты. Знаком культуры является та **форма коммуникации**, в которой проявлена культура. Сложность современной ситуации состоит в том, что мы живем в новом информационном обществе с принципиально новыми формами и видами коммуникации, которых человечество не знало ранее. Наша задача — освоить эти новые формы речи с опорой на творческое применение филологического знания.

В современной науке термин *словесность* предполагает следующие понимания:

1. В соответствии с этимологией термина, словесность — способность человека выражать мысли и чувства в слове. Поэтому словесность — природный дар человека, которым он отличен от других одушевленных созданий. Владение словом показывает в человеке божественное начало, отражая в нём образ Божий.

2. Словесность — это совокупность словесных произведений. Можно говорить о словесности какого-либо народа, например, русской словесности. Именно филологи-словесники ставят вопросы о классификации и отборе наиболее ценных и культурно значимых текстов.

3. Словесность осмысливается также как искусство создания словесных произведений, которое предполагает постижение законов словесного творчества, обучение правилам создания словесных произведений и применение их в творческой деятельности.

4. Классический термин *словесность* был для русских ученых первой половины XIX века аналогом термина *филология*, поскольку само слово имело логическую, мироустраивающую функцию. Поэтому словесность и определялась либо как совокупность «словесных наук», либо как «наука о Слове».

5. Современная словесность как наука занимается прежде всего изучением существующих словесных произведений. Задача современной теории словесности — классификация и изучение специфики родов, видов и жанров словесности, отбор и изучение образцов словесного творчества.

6. Курс *истории русской словесности* (не литературы!) необходимо восстановить и расширить, предусматривая изучение не только литературной беллетристики, но Священного Писания как главного культурообразующего текста, разных жанров письменности, образцов деловой, учебной и научной литературы, ораторской прозы, реконструкции бытовой речи и т. д.

Восстанавливаемый термин *словесность* не противоречит традиционной филологической терминологии. При всей близости словесности к таким наукам о речи, как *риторика* и *стилистика*, она более относится к изучению текстов словесных произведений, их классификации и отбору, *риторика* — к построению оптимальной, эффективной речи, а *стилистика* — к использованию средств речевого выражения.

Современная риторика — теория и искусство убедительной и эффективной речи, фундаментальная наука, изучающая объективные законы и правила речевого творчества. Поскольку речь — инструмент управления и организации социальных и производственных процессов, риторика формирует норму и стиль общественно-культурной жизни.

Античная традиция рассматривала риторику как «искусство находить способы убеждения относительно каждого данного предмета» (Аристотель), «искусство хорошо и украшено говорить (Квинтилиан). В русской традиции риторика определяется как «учение о красноречии» (М. В. Ломоносов), «наука изобретать, располагать и выражать мысли» (Н. Ф. Кошанский), предметом которой является «речь», понимаемая как искусство говорить и писать (К. П. Зеленецкий).

Определения современной риторики включают следующие идеи:

1. Риторика — научная **теория речи**: в теории исследуются законы и правила построения всех видов речи современного информационного общества.

2. Риторика — искусство мыслить и выражать философско-профессиональную позицию в слове. Владение искусством речи предполагает определенные умения, техническую «выучку», практическую «ловкость» извлекать нужные мысли и выражать их в уместных словах в разных ситуациях общения.

Обучение искусству речи в риторике есть не только обучение говорению (например, в публичной речи), оно всегда предполагало одновременное обучение мыслить (и мыслить нравственно), формировать мировоззрение, получать знания и выражать свою жизненную позицию в слове. Отсюда особая серьезность риторики как реального мыслеречевого творчества, выражающего позицию каждого человека в жизни. Цель профессиональной деятельности конкретного ратора — защита своей философско-нравственной и профессиональной позиции, организация людей и общества с помощью речи. Основой риторики всегда были философия, этика, образованность — вне духовно-нравственной и интеллектуальной основы невозможно представить современные методики преподавания риторики или иных многочисленных речевых технологий. Без философско-этической базы обучение риторике и ее использование превращается либо в манипуляцию сознанием, либо в «праздноговорение».

3. Риторика — теория и практика совершенной речи: убедительной и эффективной, целесообразной и уместной, подлинно украшенной и т. д. В определениях риторики обычно ищут точные эпитеты для образцовых качеств речи, поэтому риторику называют наукой об убедительной, украшенной (в классических трудах), целесообразной, эффективной, действенной, гармонизирующей речи (в современных теориях риторики). Качества речи исследуются также в учении о стиле, где в русской традиции обычно называются ясность, правильность, точность, чистота, логичность, образность, краткость, и нек. др. Ни одно из указанных качеств не исчерпывает представлений о речевом идеале, но их совокупность позволяет назвать риторику учением о совершенной речи. Совершенство речи связано с имеющимися в общественном и личном сознании речевыми идеалами, образцами речи, культурно-стилевыми предпочтениями.

4. Риторика — учение о воспитании личности через слово. О личности человека как индивидуальном воплощении его телесно-духовного единства можно говорить только тогда, когда сформируется его нравственное и интеллектуальное мировоззрение, которое находит воплощение в характере речи. Поскольку в речи выражен весь человек, риторика способствует формированию личности человека, его жизненной позиции и способности защищать эту позицию словом. Примеры политико-речевой деятельности не только многих классических ораторов прошлого, но и наших современников свидетельствуют, что развитие личности ратора осуществляется постепенно с накоплением риторического опыта, проявляющегося в утверждении философско-профессиональной платформы, формировании навыков и умений. Для риторического воспитания безразлично, какими речами, текстами (содержанием учебного предмета) и методами (риторическая педагогика) будет осуществляться преподавание риторики.

Приведённые определения имеют очевидную связь с творчеством классика отечественной восточнославянской филологии, профессора Одесского Ришельевского лицея К. П. Зеленецкого, чьи идеи стали одним из наиболее влиятельных звеньев в формировании современной научной концепции филологического знания. Очередной задачей является научное переиздание трудов К. П. Зеленецкого с тщательным исследованием его творческой биографии и комментированием своеобразной терминологии, не всегда совпадающей с современным восприятием тех же слов.

Литература

1. Аннушкин В. И. Кто же составитель анонимной «Теории словесности» 1851–1860 годов? / В. И. Аннушкин // Риторика. Специализированный проблемный журнал. — М., 1996. — № 1 (3). — С. 107–123.
2. Аннушкин В. И. Основы русской филологии: курс лекций. Ч. 1 / В. И. Аннушкин. — М.: Флинта: Наука, 2014. — 128 с.
3. Зеленецкий К. П. Введение в общую филологию / К. П. Зеленецкий. — СПб., 1853.
4. Зеленецкий К. П. Исследование значения, построения и развития слова человеческого / К. П. Зеленецкий. — М., 1837.
5. Зеленецкий К. П. Исследование о риторике в её наукообразном содержании и в отношениях, какие имеет она к общей теории слова и к логике / К. П. Зеленецкий. — Одесса, 1846. — 137 с.
6. Зеленецкий К. П. Курс русской словесности для учащихся. I. Общая риторика / К. П. Зеленецкий. — Одесса, 1849. — 2, 138 с.
7. Зеленецкий К. П. Курс русской словесности для учащихся. II. Частная риторика / К. П. Зеленецкий. — Одесса, 1849. — 173 с.
8. Зеленецкий К. П. Курс русской словесности для учащихся: III. Пиитика / К. П. Зеленецкий. — Одесса, 1849. — 190 с.
9. Зеленецкий К. П. История русской литературы для учащихся / К. П. Зеленецкий. — Одесса, 1849. — 236 с.
10. Зеленецкий К. П. Опыт исследования некоторых теоретических вопросов: в 4 кн. / К. П. Зеленецкий. — М., 1835–1836.
11. Половцов А. А. Зеленецкий Константин Петрович / А. А. Половцов // Русский биографический словарь: в 25 т. — 1907. — Т. 10. — С. 336.
12. Кошанский Н. Ф. Риторика / Н. Ф. Кошанский; [изд. подготовили В. И. Аннушкин, А. А. Волков, Л. Е. Макарова]. — М.: ИД Русская панорама; Кафедра, 2013. — 320 с.
13. Рождественский Ю. В. Лекции по общему языкознанию / Ю. В. Рождественский. — М., 1990.
14. Рождественский Ю. В. Введение в культуроведение / Ю. В. Рождественский. — 2-е изд., испр. — М., 1999.
15. Теория словесности. Курс гимназический (издание анонимное) / сост.-ред. И. И. Давыдов. — СПб., 1851–1860; Издания 1–5 стереотипные¹: Год 1-й. Риторика / авт.: К. П. Зеленецкий, Н. Ф. Кошанский. — 2-е изд., 1851. — 163 с.; 5-е изд. — 1860. — 160 с.; Год 2-й. Теория прозы / авт. К. П. Зеленецкий. — 2-е изд. — 1852. — 252 с.; Год 3-й. Пиитика /

¹ Отмечаем только те издания, которые имеются в Российской Государственной библиотеке.

авт. К. П. Зеленецкий. — 4-е изд. — 1860. — 272 с.; Год 4-й. История русской словесности / авт. К. П. Зеленецкий. — 2-е изд. — 1852. — VI, 290 с.; 4-е изд. — 1858. — 292 с.

16. *Фойгт К. К.* Мысли об истинном значении и содержании риторики / К. К. Фойгт. — СПб., 1856. — 58 с.

17. [ru.wikipedia.org/wiki/Зеленецкий]

References

1. *Annushkin V. I.* Kto zhe sostavitel anonimnoy «Teorii slovesnosti» 1851-1860 godov? / V. I. Annushkin // Ritorika. Spetsializirovannyi problemnyy zhurnal. — M., 1996. — № 1 (3). — S. 107–123.
2. *Annushkin V. I.* Osnovy russkoy filologii : kurs lektsiy. Ch. 1 / V. I. Annushkin. — M. : Flinta : Nauka, 2014. — 128 s.
3. *Zelenetskiy K. P.* Vvedenie v obschuyu filologiyu / K. P. Zelenetskiy. — SPb., 1853.
4. *Zelenetskiy K. P.* Issledovanie znacheniya, postroeniya i razvitiya slova chelovecheskogo / K. P. Zelenetskiy. — M., 1837.
5. *Zelenetskiy K. P.* Issledovanie o retorike v ee naukoobraznom sodержanii i v otnosheniyah, kakie imeet ona k obschey teorii slova i k logike / K. P. Zelenetskiy. — Odessa, 1846. — 137 s.
6. *Zelenetskiy K. P.* Kurs russkoy slovesnosti dlya uchashchihya. I. Obschaya ritorika / K. P. Zelenetskiy. — Odessa, 1849. — 2, 138 s.
7. *Zelenetskiy K. P.* Kurs russkoy slovesnosti dlya uchashchihya. II. Chastnaya ritorika / K. P. Zelenetskiy. — Odessa, 1849. — 173 s.
8. *Zelenetskiy K. P.* Kurs russkoy slovesnosti dlya uchashchihya. III. Piitika / K. P. Zelenetskiy. — Odessa, 1849. — 190 s.
9. *Zelenetskiy K. P.* Istoriya russkoy literatury dlya uchashchihya / K. P. Zelenetskiy. — Odessa, 1849. — 236 s.
10. *Zelenetskiy K. P.* Opyt issledovaniya nekotorykh teoreticheskikh voprosov : v 4 kn. / K. P. Zelenetskiy. — M., 1835–1836.
11. *Zelenetskiy Konstantin Petrovich* // Russkiy biograficheskiy slovar' : v 25 t. / A. A. Polovtsov. — 1907. — Tom 10. — S. 336.
12. *Koshanskiy N. F.* Ritorika / N. F. Koshanskiy ; [izdanie podgotovili V. I. Annushkin, A. A. Volkov, L. E. Makarova]. — M. : ID Russkaya panorama ; Kafedra, 2013. — 320 s.
13. *Rozhdestvenskiy Yu. V.* Lektsii po obschemu yazykoznaniyu / Yu. V. Rozhdestvenskiy. — M., 1990.
14. *Rozhdestvenskiy Yu. V.* Vvedenie v kul'turovedenie / Yu. V. Rozhdestvenskiy. — 2-e izd., ispr. — M., 1999.
15. *Teoriya slovesnosti. Kurs gimnazicheskoy (izdanie anonimnoe) / sost.-red. I. I. Davydov.* — SPb., 1851–1860 ; Izdaniya 1–5 stereotipnye: God 1-y. Ritorika / avt.: K. P. Zelenetskiy, N. F. Koshanskiy. — 2-e izd. — 1851. — 163 s. ; 5-e izd. — 1860. — 160 s. ; God 2-y. Teoriya prozy / avt. K. P. Zelenetskiy. — 2-e izd. — 1852. — 252 s. ; God 3-y. Piitika / avt. K. P. Zelenetskiy. — 4-e izd. — 1860. — 272 s. ; God 4-y. Istoriya russkoy sovesnosti / avt. K. P. Zelenetskiy. — 2-e izd. — 1852. — VI, 290 s. ; 4-e izd. — 1858. — 292 s.
16. *Foygt K. K.* Mysli ob istinnom znachenii i sodержanii ritoriki / K. K. Foygt. — SPb., 1856. — 58 s.
17. [ru.wikipedia.org/wiki/ Zelenetskiy K. P.]

АННУШКІН Володимир Іванович,

доктор філологічних наук, професор, зав. кафедри російської словесності й міжкультурної комунікації Державного інституту російської мови імені О. С. Пушкіна; Москва, Росія;
e-mail: vladannushkin@mail.ru; тел.: +7 8 926 4397324

КЛАСИК РОСІЙСЬКОЇ ФІЛОЛОГІЇ, ПРОФЕСОР ОДЕСЬКОГО РІШЕЛЬСЬКОГО ЛІЦЕЮ КОСТЯНТИН ПЕТРОВИЧ ЗЕЛЕНЕЦЬКИЙ (1812–1858) І ПРОБЛЕМИ СУЧАСНИХ ФІЛОЛОГІЧНИХ ЗНАНЬ

Анотація. У статті аналізується творчість К. П. Зеленецький, що сприяв своїми працями перетворенню предмета російської філології та складу російських наук про мови. Робиться огляд та коротка характеристика творчості К. П. Зеленецький, який створив цілісний склад підручників російської словесності, що включив риторичну, поетичну та історію російської літератури. Підручники К. П. Зеленецького лягли в основу «Теорії словесності», яка в середині XIX століття стала основним курсом для всіх гімназій Російської імперії. Саме К. П. Зеленецький належало єдине донедавна дослідження «Введення в загальну філологію», яке стало його останньою книгою. Зіставляючи систему наук про Слово К. П. Зеленецький, автор пропонує визначення сучасного предмета і проблем російської філології як науки про текст і його зв'язки з культурою, правилах створення, передачі, зберігання та відтворення словесних творів.

Ключові слова: філологія, словесність, література, риторика, поетика, стилістика, К. П. Зеленецький, історія російського мовознавства.

Vladimir I. ANNUSHKIN,

Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Chair of Russian Philology and Cross-Cultural Communication of the State Russian Language A. S. Pushkin Institute; Moscow, Russia;
e-mail: vladannushkin@mail.ru; tel.: 7 8 926 4397324

THE KLASSIC OF RUSSIAN PHILOLOGY, PROFESSOR OF ODESSA RICHELIEU LYCEUM ZELENETSKIY KONSTANTIN PETROVICH (1812–1858) AND ISSUES OF MODERN PHILOLOGICAL KNOWLEDGE

Summary. The article analyses the creative work of K. Zelenetsky whose research contributed to the transformation of the subject of Russian philology and Russian studies of speech. It gives an overview and brief description of Zelenetsky's creative work, as he created a complete set of textbooks in Russian «Slovesnost» (literature), which included oratory, poetics and history of Russian literature. Zelenetsky's textbooks formed the basis for the «Theory of Slovesnost (Literature)», which became the main course at all schools and gymnasiums of the Russian Empire in the middle of XIX century. It was Zelenetsky who wrote the first and the only till recently study «Introduction to general philology» which was his last book. Comparing the system of studies of the Word introduced by K. Zelenetsky, the author outlines the subject and problems of modern Russian philology as the study of the text and its relationship with culture, rules of creation, transmission, storage and reproduction of verbal works.

Key words: philology, literature, rhetoric, poetics, logic, style, text.

Статтю отримано 12.03.2014 р.

УДК 811.161.1/.2'06(091) П. Житецкий

СИНИЦА Ирина Анатольевна,

доктор филологических наук, старший научный сотрудник, зав. кафедрой русской филологии
Киевского национального лингвистического университета; Киев, Украина;
e-mail: isynytsa@ukr.net; тел.: +38(044) 2956693; моб.: +38 067 5886235

ПАВЕЛ ИГНАТОВИЧ ЖИТЕЦКИЙ И РАЗВИТИЕ ГУМАНИТАРНОЙ МЫСЛИ XIX ВЕКА

Аннотация. Статья посвящена одному из вопросов истории русского и украинского языкознания, а именно актуализации научного наследия П. И. Житецкого, его роли в разработке теоретических основ изучения близкородственных языков в целом и современной русистики и украинистики. На формирование научных взглядов Житецкого оказали серьезное влияние идеи В. фон Гумбольдта. Близкой П. И. Житецкому является концепция родственных отношений русского и украинского языков М. А. Максимовича. Важное значение для становления взглядов учёного имела идея И. И. Срезневского о необходимости изучения языка в тесной связи с историей народа, её диалектов и современного состояния. На формирование мировоззрения Житецкого также оказали влияние А. Н. Пыпин, И. Я. Франко, А. А. Шахматов. В 1877 г. за «Очерк звуковой истории малорусского наречия», впервые осветивший вопросы исторической фонетики украинского языка, П. И. Житецкий был удостоен Уваровской премии Российской академии наук. Анализу работ П. И. Житецкого посвящены статьи А. А. Потебни, И. В. Ягича, В. М. Перетц и многих других современников учёного.

Ключевые слова: П. И. Житецкий, история языкознания, русский язык, украинский язык, национальная культура.

Оценивая сегодня XIX век с точки зрения развития гуманитарной мысли в славянских странах, прежде всего говорят об утверждении и преобладании национальных идей во всех гуманитарных сферах. Несомненно, эти идеи определили и характер развития гуманитарной науки и в Украине, входившей в указанный период в состав Российской империи. Для того, чтобы хотя бы частично представить роль украинской интеллигенции в развитии науки и культуры XIX в., вспомним имена украинских профессоров, которые называет Иван Огиенко в известной работе «Українська культура: Коротка історія культурного життя українського народу» [13, с. 121, 124]. Среди украинских профессоров назвал автор и Павла Игнатъевича Житецкого, чей 175-летний юбилей со дня рождения научная общественность отметила 4 января 2012 г. Юбилей прошёл тихо и незаметно, наверное, так же, как незаметно для большинства современников учёного прошла его жизнь. Если эту «незамеченность» можно простить современникам, то потомки, особенно филологи Украины, должны помнить и должным образом оценить то влияние, которое оказала научная деятельность Павла Житецкого на становление и развитие славяноведения в целом и украинского языкознания в частности.

Начало научной, общественной и педагогической деятельности Житецкого относится ко времени зарождения на Украине национально-культурного движения, возглавляемого либерально настроенной интеллигенцией. В Киеве, Харькове, Петербурге были созданы так называемые украинские «Громады», целью которых стало изучение народной жизни во всех её проявлениях. Тогда же по инициативе журнала «Основа» началась работа по сбору материалов для словаря украинского языка, в которой активное участие принимал П. И. Житецкий. Переодевшись в простую одежду, он вместе со своими товарищами Т. Рыльским, Н. Лысенко, М. Старицким отправляется по сёлам Киевщины, Полтавщины, Черниговщины собирать украинский фольклор [14, с. 51–53].

О взглядах П. И. Житецкого красноречиво свидетельствует уже его первая печатная работа «Русский патриотизм», написанная в студенческие годы и опубликованная в журнале «Основа» [3]. Статья стала одновременной демонстрацией как гражданской позиции, так и научных взглядов автора, связанных с вопросом, столь популярным для российской интеллигенции того времени, вопросом о самобытности украинского языка и культуры в целом. Поводом для написания статьи стала публикация В. И. Ламанского с таким же заглавием в газете «День» (1862, № 2). Ламанский утверждал об отсутствии каких-либо важных отличий между русским и украинским языком и поэтому не считал необходимым создавать украинцам собственный литературный язык. Украинский язык, по его мнению, пригоден лишь для «домашнего употребления». В других своих работах учёный пытался отчасти подтвердить, отчасти развить славянофильские идеи об отличительных особенностях славян и их просвещении, ставил задачу славянского объединения на основе русского языка как общего литературного языка всего славянства.

В статье-ответе П. И. Житецкий определил своё отношение к проблеме развития языка и литературы украинского народа, задекларировав демократические взгляды. Автор высказал свою уверенность в особенностях, самобытности и оригинальности украинского языка, отличного от других славянских, в том, что украинский народ в случаях, когда «посягают на его народную личность» должен искать опору в самом себе, и «его язык и литература — исторический орган его личности — единственно прочная сила, на которую он может рассчитывать» [3, с. 5].

Рассматривая историю становления украинского языка, Житецкий соглашается с Ламанским относительно близости украинского и русского языков: «Малорусский язык явился на памяти истории, и нет сомнения, что некоторые индивидуальные черты его были общи и языку того народа, кото-

рый впоследствии назвался Великорусским, были общи до того времени, пока Русь не распалась на две половины — каждая с своей особой исторической судьбой, и с этого времени эти черты начали обозначаться резче и резче по настоящему вызову истории» [3, с. 14]. Отстаивая и доказывая оригинальность украинского языка не только как разговорного, но и языка, с помощью которого созданы научные и высокохудожественные произведения, в завершении статьи П. И. Житецкий задаёт риторический вопрос: «Если правда, что Малорусский народ в самом строе своей духовной природы похож более на самого себя, чем на кого-нибудь, — что неотразимо доказал Шевченко своей поэзией и Костомаров — историей (в статье «Две русские народности»), то что мешает ему понимать и воспроизводить идеалы, присущие всему Русскому племени, по-своему, и рядом с Великорусской народностью идти к одной цели, только своей дорогой?» [3, с. 17].

В своём первом публичном выступлении П. И. Житецкий убедительно доказал право на полноценное существование украинского языка, который рядом с другими славянскими языками мог быть языком литературы, науки, образования, доказал и взаимосвязь между духовным развитием народа, его языком и культурой. Идеи, провозглашённые в статье студента университета св. Владимира, стали программой жизни и научной деятельности Житецкого до конца его жизни.

Высокую оценку статье дал И. К. Белодед, подчеркнувший, что её автор выступил против великодержавного унижения украинского языка, «особливо проти твердження, що вона ніби є лише зняряд-дям елементарної мислі; з гідністю громадянина і філолога він обстоював, що українська мова — як самостійна національна мова — здатна до прогресу у всіх сферах життя. Щодо мови науки, то вона, підкреслював П. Житецький, не відразу твориться, як і мова літератури... російська література лише недавно виробила свою наукову мову, отже, й для української мови ці перспективи цілком приступні при сприятливих умовах її розвитку» [1, с. 144].

Уже в первой статье учёного мы наблюдаем переключку с идеями В. фон Гумбольдта, к анализу которых Житецкий специально обратился впоследствии [9]. Сегодня практически все философские энциклопедии, основываясь на этой работе, называют П. И. Житецкого автором термина «философия языка» [см., напр.: 15].

Нельзя не упомянуть о влиянии на формирование взглядов молодого исследователя идей таких авторитетных учёных, как М. А. Максимович и И. И. Срезневский. Близкой П. И. Житецкому оказалась концепция родственных отношений русского и украинского языков М. А. Максимовича, доказавшего во время дискуссии с М. П. Погодиным автохтонность украинского народа и его языка. Не меньшее значение для становления взглядов учёного имело научное творчество И. И. Срезневского, утверждавшего о необходимости изучения языка в тесной связи с историей народа, её диалектов и современного состояния. На формирование мировоззрения П. И. Житецкого оказали влияние и А. Н. Пыпин, И. Я. Франко, А. А. Шахматов.

Одной из первых научных работ П. И. Житецкого стало «Описание Пересопницкой рукописи XVI в.», с которым учёный выступил на III археологическом съезде в Киеве в 1874 г. и в котором впервые в украинском языкознании продемонстрировал большое значение этого памятника для изучения истории украинского литературного языка.

Не меньшее значение как для понимания научной позиции Житецкого, так и для становления украинистики имеет опубликованный в 1876 г. в «Киевских университетских известиях» «Очерк звуковой истории малорусского наречия», впервые осветивший вопросы исторической фонетики украинского языка. Именно за это исследование в 1877 г. П. И. Житецкий был удостоен Уваровской премии Российской академии наук. В мае 1878 г. в результате защиты его как диссертации в университете св. Владимира учёный получил степень магистра русского языка и литературы.

Во вступительной части работы Житецкий изучает вопрос о формировании украинского языка, полемизируя с М. А. Максимовичем, М. П. Погодиным, П. А. Лавровским и др. Используя приёмы исторического анализа, предложенные И. И. Срезневским в книге «Мысли об истории русского языка», Житецкий настаивает на необходимости использования исторического метода для решения поставленных проблем. «Очерк...» стал первой работой по исторической фонетике в украинском языкознании и первой работой по исторической фонетике украинского языка в славистике.

В течение всей жизни Житецкий занимался плодотворной научно-исследовательской деятельностью, оставаясь верным филологии. Проблемы, освещённые в первой статье, продолжали волновать учёного в течение всей жизни. Так, в исследовании «К истории литературной русской речи в XVIII в.» Житецкий коснулся вопроса о взаимодействии русского и украинского литературных языков в эпоху Петра I и деятельности М. В. Ломоносова. Оценивая вклад Житецкого в изучение истории русского литературного языка, И. К. Белодед писал: «В житті і розвитку російської мови в другій половині XVIII ст. відбувалися бурхливі процеси. Нове життя нового вимагало слова. П. Житецький глибоко розумів творчий подвиг генія М. Ломоносова, зміст його реформи, його роль як речника тих мовних змагань народного духу, що стали на часі. Ломоносов ... і його послідовники прагнули до урівнення різноманітних стихій російської мови, до усунення кордону, що відділяє книжну мову від розмовної...» [1, с. 155]. В этой работе П. И. Житецкий не только осветил значение деятельности украинских учёных и писателей для развития образования в России, но и проанализировал язык документов Петра I и трудов М. В. Ломоносова.

Бережное отношение к слову отразилось в лексикографической работе учёного. В 1902 г. П. И. Житецкий читал и правил корректуру академического словаря русского языка под ред. А. А. Шахматова. Помогал собирать материал, а затем и редактировал «Словарь української мови» под редакцией Б. Д. Гринченко.

О признании авторитета П. И. Житецкого как лингвиста свидетельствует и тот факт, что именно к нему в 1908 г. обратилась Российская академия наук с просьбой написать отзыв о заседании Комиссии, созданной для выработки основ украинского правописания. В связи с чем в марте этого же года П. И. Житецкий отправляет подробное письмо акад. А. А. Шахматову [2, с. 15]. Разработанная П. И. Житецким орфографическая система оказала существенное влияние на правописание «Записок Юго-Западного отдела Русского географического общества» и журнала «Основа» и является «одной из интересных страниц украинского правописания» [2, с. 18].

Обобщая научное наследие П. И. Житецкого, И. К. Белодед называет восемь сфер филологии, которые охватывает в своих фундаментальных трудах учёный: 1) историческая фонетика украинского языка; 2) история украинского литературного языка; 3) история русского литературного языка; 4) история украинской литературы; 5) украинский фольклор; 6) теория словесности, поэтика, методика словесности; 7) общее языкознание; 8) лексикография, правописание, история восточнославянского языкознания [1, с. 146]. Несмотря на фундаментальный, глубокий анализ научного наследия учёного, мы сочли возможным назвать ещё несколько направлений творческой деятельности П. И. Житецкого, а именно: а) стилистика художественной речи и жанроведение [7]; б) теория перевода [6; 10]; в) научно-методические разработки, учебники [4; 8].

Кроме филологии интерес учёного распространялся и на историю, о чём свидетельствуют многие его работы [напр.: 5; 11].

Внимание к научным проблемам, поднятым в работах учёного, отражено в целом ряде обзоров, рецензий, статей, написанных в разное время. Анализу работ П. И. Житецкого посвящены статьи А. А. Потемни, И. В. Ягича, В. М. Перетц и многих других современников учёного. В XX в. новый взгляд на творчество исследователя частично отражён в работах М. А. Жовтобрюха, И. К. Белодеда, О. И. Брицыной, Г. П. Ижакевич, А. И. Вагмут, В. И. Глушенко, Л. Т. Масенко, О. М. Казакевич и др. (см. список основной литературы о П. И. Житецком в [12, с. 148–155]). Тем не менее, и сегодня осталось немало задач для историков языкознания, в частности задач, связанных с изучением и пропагандой научного творчества П. И. Житецкого. В то время как вклад учёного в развитие украинского, русского и общего языкознания трудно переоценить, до сих пор нет не только полного собрания сочинений автора, но даже полной библиографии его работ, не изучен и не опубликован архив его документов, в том числе и переписка. И хотя прошло уже сто лет со дня смерти П. И. Житецкого, мысли, высказанные им в первой публикации, звучат актуально и сегодня и могут служить ориентиром для решения злободневных проблем в гуманитарной сфере.

Литература

1. *Білодід І. К.* Києво-Могилянська академія в історії східнослов'янських літературних мов: нариси з історії літературної мови / І. К. Білодід. — К.: Наук. думка, 1979. — 200 с.
2. *Брицина О. І.* Питання українського правопису у висвітленні П. І. Житецького / О. І. Брицина // Українська мова в школі. — 1958. — № 6. — С. 15–19.
3. *Житецкий П. И.* Русский патриотизм (Ответ «Дню») / П. И. Житецкий // Основа. — 1862. — № 3. — С. 1–21.
4. *Житецкий П. И.* Записки о преподавании русского языка с церковнославянским и словесности в Киево-Подольской прогимназии: план, приёмы и программа преподавания / П. И. Житецкий // Циркуляр по управлению Киевским учебным округом. — 1869. — № 2. — С. 58–67.
5. *Житецкий П. И.* По поводу реферата г. Малышевского о роде князей Олельковичей киевских и слущких / П. И. Житецкий // Киевский телеграф. — 1875. — 23 апр.
6. *Житецкий П. И.* Описание Пересопницкой рукописи XVI в.: с приложением текста Евангелия от Луки, выдержек из др. евангелистов и 4-х стр. снимков / П. И. Житецкий. — К., 1876. — 79 с.
7. *Житецкий П. И.* Малорусский вертеп. Предварительные замечания [к публикации Галаганом] / П. И. Житецкий // Киевская старина. — 1882. — Т. 4, № 10. — С. 1–8.
8. *Житецкий П. И.* Теория сочинения с хрестоматией / П. И. Житецкий. — К., 1895. — 256 с.
9. *Житецкий П. И.* В. Гумбольдт в истории философского языкознания / П. И. Житецкий // Вопросы философии и психологии. — М., 1900. — Год XI, кн. I (51). — С. 1–30.
10. *Житецкий П. И.* О переводах Евангелия на малорусский язык / П. И. Житецкий // Известия Отделения русского языка и словесности. — 1905. — Т. 10, кн. 4. — С. 1–65.
11. *Житецкий П. Г.* З історії кийівської української громади: Промова П. Житецького на Шевченкових роковинах (з його посмертних паперів) / П. Г. Житецький // Записки Наукового товариства ім. Т. Шевченка. — 1913. — Т. 116, кн. 4. — С. 177–189.
12. *Казакевич О. М.* Павло Житецький. Життя та діяльність / О. М. Казакевич. — К.: Фітосоціоцентр, 2008. — 204 с.
13. *Огієнко І.* Українська культура: Коротка історія культурного життя українського народу. (Репринтне відтворення видання 1918 р.) / Іван Огієнко. — К., 1991. — С. 121, 124.
14. *Плалчинда В. П.* Павел Игнатьевич Житецкий: [укр. филолог] / В. П. Плалчинда. — К.: Наук. думка, 1987. — 204 с.
15. Философия языка // Новая философская энциклопедия: в 4 т. [Электронный ресурс] / Ин-т философии РАН, Нац. обществ.-науч. фонд; предс. науч.-ред. совета В. С. Стёпин. — М.: Мысль, 2000–2001. — Режим доступа: <http://iph.ras.ru/elib/3229.html>.

References

1. *Bilodid I. K.* Kijev-Mogiljans'ka akademija v istorii skhidnoslov'jans'kyh literaturnyh mov: narysy z istorii literaturnoi movy / I. K. Bilodid. — K.: Nauk. dumka, 1979. — 200 s.
2. *Brycyna O. I.* Pytannja ukrains'kogo pravopysu u visvitlenni P. I. Zhitec'kogo / O. I. Brycyna // Ukrain'ska mova v shkoli. — 1958. — № 6. — S. 15–19.
3. *Zhiteckij P. I.* Russkij patriotizm (Otvete «Dnju») / P. I. Zhiteckij // Osnova. — 1862. — № 3. — S. 1–21.
4. *Zhiteckij P. I.* Zapiski o prepodavanii russkogo jazyka s cerkovnoslavjanskim i slovesnosti v Kievo-Podol'skoj progimnazii: Plan, prijomy i programma prepodavaniya / P. I. Zhiteckij // Cirkuljar po upravleniju Kievskim uchebnym okrugom. — 1869. — № 2. — S. 58–67.

5. *Zhiteckij P. I.* Po povodu referata g. Malyshevskogo o rode knjazej Olel'kovichej kievskih i sluckih / P. I. Zhiteckij // Kievskij telegraf. — 1875. — 23 apr.
6. *Zhiteckij P. I.* Opisanie Peresopnickoj rukopisi XVI v. : s prilozheniem teksta Evangelija ot Luki, vyderzhek iz dr. evangelistov i 4-h str. snimkov / P. I. Zhiteckij. — K., 1876. — 79 s.
7. *Zhiteckij P. I.* Malorusskij vertep. Predvaritel'nye zamechanija [k publikacii Galaganom] / P. I. Zhiteckij // Kievskaja starina. — 1882. — T. 4, № 10. — S. 1–8.
8. *Zhiteckij P. I.* Teorija sochinenija s hrestomatiej / P. I. Zhiteckij. — K., 1895. — 256 s.
9. *Zhiteckij P. I.* V. Gumbol'dt v istorii filosofskogo jazykoznanija / P. I. Zhiteckij // Voprosy filosofii i psihologii. — M., 1900. — God XI, kn. I (51). — S. 1–30.
10. *Zhiteckij P. I.* O perevodah Evangelija na malorusskij jazyk / P. I. Zhiteckij // Izvestija Otdelenija russkogo jazyka i slovesnosti. — 1905. — T. 10, kn. 4. — S. 1–65.
11. *Zhiteckij P. G.* Z istorii kyivs'koj ukrains'koj gromady: Promova P. Zhiteckogo na Shevchenkovyh rokovynah (z jogo posmertnyh paperiv) / P. G. Zhiteckij // Zapysky Naukovogo tovarystva im. T. Shevchenka. — 1913. — T. 116, kn. 4. — S. 177–189.
12. *Kazakevych O. M.* Pavlo Zhiteckij. Zhittja ta dijalnist' / O. M. Kazakevych. — K.: Fitosociocentr, 2008. — 204 s.
13. *Ogijenko I.* Ukrains'ka kul'tura: Korotka istorija kul'turnogo zhittja ukrains'kogo narodu. (Repyntne vidtvoorenja vydannja 1918 r.) / Ivan Ogijenko. — K., 1991. — S. 121, 124.
14. *Plachinda V. P.* Pavel Ignat'evich Zhiteckij: [Ukr. filolog] / V. P. Plachinda. — K.: Nauk. dumka, 1987. — 204 s.
15. *Filosofija jazyka* // Novaja filosofskaja enciklopedija: v 4 t. [Elektronnyj resurs] / In-t filosofii RAN, Nac. obshhestv.-nauch. fond; preds. nauch.-red. soveta V. S. Stjopin. — M.: Mysl', 2000-2001. — Rezhim dostupa: <http://iph.ras.ru/elib/3229.html>.

СИНИЦЯ Ірина Анатоліївна,

доктор філологічних наук, старший науковий співробітник, зав. кафедри російської філології Київського національного лінгвістичного університету; Київ, Україна;
e-mail: isynytsa@ukr.net; тел.: +38 (044) 2956693; моб.: +38 067 5886235

ПАВЛО ГНАТОВИЧ ЖИТЕЦЬКИЙ І РОЗВИТОК ГУМАНІТАРНОЇ ДУМКИ ХІХ СТОЛІТТЯ

Анотація. Стаття присвячена одному з питань історії російського й українського мовознавства, а саме актуалізації наукової спадщини П. Г. Житецького, його ролі в розробці теоретичних основ вивчення близькоспоріднених мов у цілому та сучасної русистики й україністики. На формування наукових поглядів Житецького серйозно вплинули ідеї В. фон Гумбольдта. Близькою П. Г. Житецькому стала концепція спорідненості російської та української мов М. О. Максимовича. Важливе значення для становлення поглядів ученого мала ідея І. І. Срезневського про необхідність вивчення мови в тісному зв'язку з історією народу, її діалектів і сучасного стану. На формування світогляду Житецького також вплинули ідеї та дослідження О. М. Пипіна, І. Я. Франка, О. О. Шахматова. У 1877 р за «Нарис звукової історії малоруського нареччя», де вперше було висвітлено питання історичної фонетики української мови, П. Г. Житецький був удостоєний Уваровської премії Російської академії наук. Аналіз праць П. Г. Житецького присвячено статті О. О. Потебні, І. В. Ягича, В. М. Перетц і багатьох інших сучасників ученого.

Ключові слова: П. Г. Житецький, історія мовознавства, російська мова, українська мова, національна культура.

Ірина А. SINYTSIA,

Doctor of Philological Sciences, Senior Researcher, Head of Department of Russian Philology of Kyiv National Linguistic University; Kyiv, Ukraine;
e-mail: isynytsa@ukr.net; tel.: +38 (044) 2956693; моб.: +38 067 5886235

PAVLO ZHITETSKIY AND THE DEVELOPMENT OF HUMANITARIAN THOUGHT IN XIX CENTURY

Summary. The article is devoted to one of the questions in the history of Russian linguistics, namely the updating of Pavlo Zhitetskiy's scientific heritage and his role in the development of the theoretical foundations of the study of closely related languages in general and modern Russian studies and Ukrainian studies in particular. Humboldt's ideas had a serious impact on the formation of Zhitetskiy's scientific views. The concept by Mikhail Maksimovic of Russian and Ukrainian languages' relationship was close to views of Pavlo Zhitetskiy. The I. I. Sreznevskiy's idea of having to learn a language closely related to the history of the people, its dialects and the modern speech had also a strong influence on the formation of Zhitetskiy's scientific views. Scholarly works by Aleksandr Pypin, Ivan Franko, Alexey Shakhmatov influenced also in shaping of Zhitetskiy's worldview. In 1877, Pavlo Zhitetskiy was awarded the Uvarov Prize by the Russian Academy of Sciences for the «Narys zvukovoyi istoriyi Malorus'kogo narichchia» («Essay on the history of the sound system of Little Russian dialect»). The problem of historical phonetics of the Ukrainian language was first considered in this work. Aleksandr Potebnya, Ignaty (Vatroslav) Jagić, Vladimir Peretz and many other contemporaries of P. Zhitetskiy devoted a number of their works to analysis of his scientific activity.

Key words: Pavlo Zhitetsky, the history of linguistics, the Russian and the Ukrainian languages, national culture.

Статтю отримано 15.03.2014 р.

УДК 801.73:003 Умберто Эко

ГАЙЕР Кристина Евгеньевна,

аспирант кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации Алтайского государственного университета; Барнаул, Россия;
e-mail: abukris@mail.ru; моб.: +7 9069413190

ГЕРМЕНЕВТИКА И ИНТЕРПРЕТАТИВНАЯ СЕМИОТИКА В РАБОТАХ У. ЭКО

Аннотация. В статье рассматриваются основные идеи интерпретативной семиотики У. Эко. Традиционная герменевтика пересматривается У. Эко с позиций семиологии, и обосновывается введение в концепцию «герменевтического круга» таких понятий, как «*intentio operis*» (намерение текста), «*intentio lectoris*» (намерение читателя) и «*intentio auctoris*» (намерение автора). Данные понятия, наряду с понятием «гиперинтерпретация», отражают основные идеи концепции герменевтики У. Эко. Особое внимание в статье уделяется феномену гиперинтерпретации и его художественной реализации в романе «Маятник Фуко». Гиперинтерпретация представляет собой идеологическое прочтение текста, которое, по мнению У. Эко, является результатом использования герметического метода в качестве основного метода истолкования текста. Автор статьи анализирует герметическую стратегию интерпретации, которую У. Эко моделирует в своем романе «Маятник Фуко», а также доказывает, почему подобная стратегия толкования априори является неэффективной и ведёт к непониманию текста.

Ключевые слова: интерпретативная стратегия, гиперинтерпретация, идеология, У. Эко.

В данной статье рассматривается феномен гиперинтерпретации текста, понимаемый как «чрезмерная интерпретация», возникающая в том случае, когда интерпретатор в поисках смысла обращается к неэкономичным и неадекватным интерпретативным стратегиям, игнорирующим заложенный в текст смысл. Такое понимание гиперинтерпретации представлено в работах У. Эко, что, по мнению А. Р. Усмановой, является реакцией семиолога на распространение постструктуралистской концепции о смерти автора, характеризующейся «отсутствием каких-либо ориентиров или указателей на результативность или правомерность той или иной интерпретации текста» (при построении интерпретации не учитывается ни автор текста, ни сам текст) [2, с. 159]. В своей крайней форме гиперинтерпретация приводит к абсолютному «забвению» смысла текста, который начинает использоваться интерпретатором в личных целях. При этом немаловажную роль играет идеология интерпретатора, в соответствии с которой он выбирает стратегии интерпретации, позволяющие как игнорировать денотативные значения единиц в тексте, так и приписывать тексту произвольные смыслы. У. Эко называет подобные стратегии интерпретации «герметическими», противопоставляя им семиотические стратегии интерпретации, основанные на новом понимании концепции «герменевтического круга» понимания.

Так, В. Дильтей формулирует содержания понятия «герменевтический круг» следующим образом: «Для всякого истолкования характерно такое продвижение вперёд, которое переходит от восприятия определённо-неопределённых частей к попытке захватить смысл целого, чередующейся с попыткой, исходя из этого целого, точнее определить и сами части» [Цит. по: 3, с. 102]. Представление о понимании как о непрерывном движении от части — понимаемого, к целому — контексту, благодаря которому происходит обогащение смысла, характерно и для Г. Г. Гадамера, идеи которого повлияли на У. Эко. По Гадамеру, критерием правильности понимания и, соответственно, интерпретации, выступает «взаимосогласие отдельного и целого» [1, с. 72]. Однако чтобы от «части» перейти к «целому» необходимо совершить операцию «пробрасывания себя», «проецирования смысла целого», заключающуюся в отбрасывании субъективных заблуждений и в поиске смысла, соответствующего контексту интерпретируемого произведения. Г. Г. Гадамер даёт нам и упрощённую схему этого процесса: «Кто хочет понять текст, занят набрасыванием: как только в тексте появляется первый проблеск смысла, толкователь пробрасывает себя, проецирует смысл целого. А проблеск смысла, в свою очередь, появляется лишь благодаря тому, что текст читают с известными ожиданиями, в направлении того или иного смысла. И понимание того, что «стоит» на бумаге, заключается, собственно говоря, в том, чтобы разрабатывать такую предварительную проекцию смысла, которая, впрочем, постоянно пересматривается в зависимости от того, что получается при дальнейшем вникании в смысл» [1, с. 75].

У. Эко пересматривает концепцию понимания Г. Г. Гадамера, в основу которой положен принцип «герменевтического круга», с позиции семиологии. Для того чтобы понять текст, необходимо распознать его интенцию («*intentio operis*»), которую следует отличать от намерений автора («*intentio auctoris*») и намерений читателя («*intentio lectoris*»). В зависимости от того, какое «*intentio*» пытается найти интерпретатор в тексте, и будут выделяться различные виды анализа текста. Так, большое внимание, уделяемое поиску «*intentio auctoris*» (того, что подразумевал автор), характерно для биографической критики, а чрезмерное внимание к поиску «*intentio lectoris*» — для структурализма, который провозглашает «смерть автора» и свободу читательских интерпретаций. Одним из самых спорных понятий, предложенных Эко, является «*intentio operis*», под которым подразумевается некое имманентно присущее тексту и не зависящее от автора и читателя значение, предопределяющее смысл всего интерпретируемого текста.

На основе рассмотренных выше понятий и формируется семиотический подход к «герменевтическому кругу». Вот как У. Эко описывает процесс интерпретации текста: «Since the intention of the text is basically to produce a model reader able to make conjectures about it, the initiative of the model reader consists in figuring out a model author that is not the empirical one and that, in the end, coincides with the intention of the text. Thus, more than a parameter to use in order to validate the interpretation, the text is an object that the interpretation builds up in the course of the circular effort of validating itself on the basis of what it makes up as its result» [8, с. 64]. — По существу, намерение текста состоит в том, чтобы смоделировать такого читателя [идеального читателя], который сможет об этом догадаться; намерение читателя — в том, чтобы разгадать модель автора текста, который не совпадает с его эмпирическим автором, но в итоге совмещается с интенцией текста. Таким образом, чтобы обосновать определённую интерпретацию, используется несколько параметров, и текст является тем объектом, который создаётся интерпретацией в ходе повторной попытки обосновать саму себя тем, что является и её результатом (здесь и далее перевод наш. — *К. Г.*). Значит, главное значение в данном случае приобретает та часть интерпретативной стратегии читателя, которая отвечает за обнаружение «*intentio operis*», или семиотической стратегии текста [8, с. 64]. Гадамеровское «пробрасывание» неизбежно наступает в тот момент, когда интерпретатор обнаруживает интенцию текста и следует той стратегии, которая изначально заложена в тексте. При этом изначально выбранная интерпретативная стратегия подвергается корректировке в процессе «вникания» в смысл. Как и Г. Г. Гадамер, У. Эко настаивает на избавлении от субъективных заблуждений, которые представляют собой идеологию интерпретатора («всё то, с чем так или иначе знаком адресат [текста], и та социальная группа, которой он принадлежит, системы его психологических ожиданий, все его интеллектуальные навыки, жизненный опыт, нравственные принципы» [5, с. 137]). Разумеется, по Эко, полное избавление от идеологии невозможно, однако при интерпретировании следует придерживаться наибольшей объективности, чтобы не допустить появления гиперинтерпретации.

Какова же разница между интерпретацией, полученной с опорой на семиотическую стратегию текста, и гиперинтерпретацией, являющейся итогом использования интерпретатором «герметических» операций? Однозначного ответа У. Эко не даёт. Одной из главных особенностей герметического понимания, препятствующей адекватной интерпретации, У. Эко называет веру в то, что «текст может иметь любой смысл», но при этом он не отказывается от того, что «текст может иметь много смыслов». («I accept the statement that a text can have many senses. I refuse the statement that a text can have every sense» [8, с. 141]). Релевантность того или иного смысла, открывающегося в процессе интерпретации, выявляется в процессе его соотношения с целым («*intentio operis*»), которое игнорируется в герметическом понимании текста. Вместо этого в герметической стратегии на первый план выходит соответствие выявленного смысла идеологии интерпретатора, на основе предпочтений которого и строится интерпретация (зачастую, с нарушением принципа экономии и элементарных законов логики). Семиотическая стратегия интерпретации, напротив, базируется на том, что утверждается в тексте («*intentio operis*»). У. Эко называет несколько правил восприятия текста, благодаря которым можно построить адекватную «*intentio operis*» интерпретацию: а) правильно идентифицировать тему, или топик, текста, что позволит выбрать верный путь для дальнейшего построения изотопий (по А.-Ж. Греймасу, изотопия — это «набор избыточных семантических категорий, которые делают возможным единообразное прочтение повествования» [Цит. по: 6, с. 52]); б) выявить в тексте фреймы и интертекстуальные сценарии, которые дают возможность установить не только смысл текста, но и то, как следует интерпретировать данный текст на основе прецедентных сценариев и фреймов, предусматривающих определённое развитие событий [7, с. 183]. При этом на каждом этапе следует соотносить полученные значения лексем и предложений с контекстом, в роли которого выступает не только остальной текст, но и культура (семиосфера).

Обратимся теперь к примерам гиперинтерпретации, которые У. Эко даёт в романе «Маятник Фуко» (1988). Роман является своеобразным предостережением учёного, который подвергает критике чрезмерную подозрительность людей, стремящихся везде и всегда находить двойной смысл, некий таинственный подтекст событий и явлений. Эко показывает, как персонажи романа переписывают европейскую историю в угоду собственным желаниям, настаивая на своих заблуждениях. В научном и художественном творчестве У. Эко «Маятник Фуко» знаменует собой переход от семиотики открытости и авангардной эстетики, занимавших его в 60х-80х годах, к интерпретативной семиотике и теории литературы. А. Р. Усманова пишет: «Примечательно, что первым произведением, направленным против «чрезмерной интерпретации», был роман «Маятник Фуко», а несколько лет спустя были опубликованы и научные труды, посвященные этой проблеме» [2, с. 145]. Действительно, в основе романа лежат семиологические идеи Эко, которые становятся импульсом для развития новых концепций восприятия и понимания информации.

Сравним стратегии интерпретации, которыми пользуются персонажи романа и герметическую стратегию интерпретирования, описание которой У. Эко даёт в цикле лекций, собранных в книге «*Interpretation and overinterpretation*» (см. табл.).

Во фрагментах романа представлены рассуждения одного из главных героев, который пытается расшифровать тайное послание тамплиеров. Эти рассуждения носят иронический характер, для героя романа интерпретация — это игра. Однако игра незаметно перерастает в реальность, и герой начинает интерпретировать явления и события, происходящие вокруг него, используя те же самые «ненаучные» приёмы. При сравнении выделенных фрагментов текста становится очевидным, что приёмы, использованные героем романа, являются стратегиями интерпретации, характерными для средне-

Маятник Фуко	Interpretation and overinterpretation
<p>1) Всё что угодно становится значимым, если разбирать в связи с другим феноменом. Связь изменяет перспективу. Заставляет думать, что любой факт в этом мире, любое имя, любое сказанное или написанное слово имеют не тот смысл, который виден, а тот, который сопряжён с Тайной. Девиз тут простой: подозревать всегда, подозревать везде [4, с. 491].</p> <p>2) Я приступил к чтению не для того, что в манифестах было реально сказано, а для того, что в них можно было вычитать между строк. Я понимал, что, чтобы заставить их означать не то, что написано, я должен буду проскакивать некоторые места, а другие почитать важнейшими, нежели прочие. <...> Передвигаясь в тончайшем времени Откровения, никто не обязан подчиняться дотошным и тупым требованиям логики, перебирать скучные цепочки причин и следствий [4, с. 513].</p> <p>3) В нашей игре мы перекрещивали не слова, а понятия и факты, следовательно, правила сочетания были другие. <...> Во-первых, понятия сопрягаются по аналогии. Не существует критериев, чтобы знать с самого начала, хороша аналогия или плоха, ибо любая вещь напоминает любую другую вещь под определённым углом зрения. <...> Второе правило об этом и говорит: если в конце концов, tout se tient [всё связано между собой], всё сходится, значит, игра засчитывается [4, с. 798–799].</p>	<p>1) До тех пор, пока можно установить хоть какой-нибудь вид отношений [между вещами], критерий их установления не важен. <...> Образ, идея, истина, скрывающиеся за вуалью подобия, в свою очередь, станут знаком другой отсылки по аналогии. Каждый раз, как только кто-то думает, что нашёл нечто подобное, окажется, что оно ведёт к другому подобию, и так до бесконечности. <...> Это делает понятным другой основной принцип герметического семиозиса. Если две вещи подобны, то одна из них становится знаком другой и наоборот¹.</p> <p>2) Бесспорно, каждый из нас замечал в себе, что с определённой точки зрения все вещи связываются между собой отношениями аналогии, смежности и подобия. <...> Однако разница между разумной и параноидальной интерпретацией заключается в признании того, что их взаимосвязанность минимальна, а не в выводе из минимальной взаимосвязанности максимально возможного².</p> <p>3) Герметический семиозис идёт дальше как раз в практике интерпретации с подозрением, исходя из принципа облегчённости, который появляется во всех текстах данного течения. Прежде всего, неумеренность в [обнаружении] удивительного ведёт к переоценке важности случайных совпадений, которые можно объяснить другим способом. Ренессансный герметизм находился в поиске 'подписей' — видимых свидетельств, раскрывающих мистические взаимоотношения³.</p> <p>4) ...другой герметический принцип — замыкание на «после этого — значит по причине этого», когда последствие интерпретируется в качестве причины, его вызвавшей⁴.</p>

векового и ренессансного герметизма: склонность во всех явлениях и событиях видеть мистическую подоплёку (первый фрагмент из романа, третий фрагмент из текста лекций), признание родства всех вещей и их связи друг с другом (первый и третий фрагменты романа, первый и второй фрагменты лекций), пренебрежение правилами логики и здравым смыслом в пользу субъективных гипотез, которым необходимо найти подтверждение (второй и третий фрагменты романа, второй и четвёртый фрагменты лекций).

При построении гиперинтерпретации важную роль играет как идеологическая предвзятость интерпретатора (*подозревать всегда, подозревать везде; чтобы заставить их означать не то, что написано, я должен буду проскакивать некоторые места, а другие почитать важнейшими, нежели прочие; неумеренность в [обнаружении] удивительного ведёт к переоценке важности случайных совпадений, которые можно объяснить другим [рациональным] способом; вывод из минимальной взаимосвязанности максимально возможного*), так и логические ошибки и уловки: подмена понятий, основанная на наличии любого типа отношений между знаками (*пока можно установить хоть какой-нибудь вид отношений [между вещами], критерий их установления не важен; если две вещи подобны, то одна из них становится знаком другой и наоборот*), отождествление временной и причинно-следственной связи (*«после этого — значит по причине этого», когда последствие интерпретируется в качестве причины, его вызвавшей*). Следует заметить, что идеологически окрашенная стратегия интерпретации, представляет собой вариант такого интерпретирования текста, при котором предпочтение отдаётся не просто поиску «*intentio lectoris*» в тексте (которое соответствует модели «идеального читателя»), но и самому тексту произвольно приписываются другие смыслы. Разница между интерпретацией, ориентированной на поиск «*intentio lectoris*», и герметической стратегией состоит в том, что, обращаясь к последней, интерпретатор «использует» текст в корыстных целях (для доказательства собственной правоты, демонстрации своего мнения, психологического давления и т. д.), забывая о главном — понимании текста.

Таким образом, по мнению У. Эко, гиперинтерпретация, строящаяся на основе идеологических предпочтений интерпретатора, не только игнорирует правило «герменевтического круга» и является ошибочной или неполной интерпретацией, но и вовсе исключает понимание текста как итог процесса его интерпретирования.

Примечания

1. As long as some kind of relationship can be established, the criterion does not matter. <...> The image, the concept, the truth that is discovered beneath the veil of similarity, will in its turn be seen as a sign of another analogical deferral. Every time one thinks to have discovered a similarity, it will point to another similarity, in an endless progress. <...>

This makes clear another underlying principle of Hermetic semiosis. If two things are similar, the one can become the sign for the other and vice versa [8, с. 47]. (Здесь и далее перевод наш. — И. Г.)

2. Each of us has interjected into him or her an indisputable fact, namely, that *from a certain point of view everything bears relationships of analogy, contiguity and similarity to everything else*. <...> But the difference between the sane interpretation and paranoiac interpretation lies in recognizing that this relationship is minimal, and not, on the contrary, deducing from this minimal relationship the maximum possible [8, с. 48]. (В примечаниях — курсив У. Эко).

3. Hermetic semiosis goes too far precisely in the practices of suspicious interpretation, according to *principles of facility* which appear in all the texts of this tradition. First of all, an excess of wonder leads to overestimating the importance of coincidences which are explainable in other ways. The Hermeticism of the Renaissance was looking for 'signatures', that is, visible clues revealing occult relationships [8, c. 50-51].

4. ...another Hermetic principle, namely the short circuit of the post hoc, ergo ante hoc: a consequence is assumed and interpreted as the cause of its own cause [8, c. 51].

Література

1. Гадамер Г. Г. Актуальность прекрасного / Г. Г. Гадамер. — М.: Искусство, 1991. — 367 с.
2. Усманова А. Р. Умберто Эко: парадоксы интерпретации / А. Р. Усманова. — Минск: ПроPILEI, 2000. — 200 с.
3. Цурганова Е. А. Герменевтический круг / Е. А. Цурганова // Западное литературоведение XX века: энциклопедия. — М.: Intrada, 2004. — С. 102–103.
4. Эко У. Маятник Фуко / У. Эко; [пер. с итал. Е. А. Костюкович]. — М.: Астрель: CORPUS, 2012. — 832 с.
5. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко; [пер. с итал. В. Г. Резник и А. Г. Погоняйло]. — СПб.: Симпозиум, 2006. — 544 с.
6. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / У. Эко; [пер. с англ. и итал. С. Д. Серебряный]. — СПб.: Симпозиум, 2007. — 502 с.
7. Eco U. Semiotica e filosofia del linguaggio / U. Eco. — Einaudi, 1997. — 318 p.
8. Interpretation and overinterpretation / U. Eco, R. Rorty, J. Culler, C. Brook-Rose; ed. S. Collini. — Cambridge University Press, 1992. — 151 p.

References

1. Gadamer G. G. Aktual'nost' prekrasnogo / G. G. Gadamer. — M.: Iskusstvo, 1991. — 367 s.
2. Usmanova A. R. Umberto Eco: paradoksy interpretacii / A. R. Usmanova. — Minsk: Propilei, 2000. — 200 s.
3. Curganova Ye. A. Germenevticheskiy krug / Ye. A. Curganova // Zapadnoe literaturovedenie XX veka: enciklopediya. — M.: Intrada, 2004. — S. 102–103.
4. Eko U. Mayatnik Fuko / U. Eko; [per. s ital. E. A. Kostyukovich]. — M.: Astrel': CORPUS, 2012. — 832 s.
5. Eko U. Otsutstvuyushhaya struktura. Vvedenie v semiologiyu / U. Eko; [per. s ital. V. G. Reznik i A. G. Pogonyaylo]. — SPb.: Simpozium, 2006. — 544 s.
6. Eko U. Rol' chitatelya. Issledovaniya po semiotike teksta / U. Eko; [per. s angl. i ital. S. D. Serebryaniy]. — SPb.: Simpozium, 2007. — 502 s.
7. Eco U. Semiotica e filosofia del linguaggio / U. Eco. — Einaudi, 1997. — 318 p.
8. Interpretation and overinterpretation / U. Eco, R. Rorty, J. Culler, C. Brook-Rose; ed. S. Collini. — Cambridge University Press, 1992. — 151 p.

ГАЙЕР Христина Євгенівна,

аспірант кафедри російської мови, літератури та мовної комунікації Алтайського державного університету; Барнаул, Росія;
e-mail: abukris@mail.ru; моб.: +7 9069413190

ГЕРМЕНЕВТИКА Й ІНТЕРПРЕТАТИВНА СЕМІОТИКА У ПРАЦЯХ У. ЕКО

Анотація. У статті розглядаються основні ідеї інтерпретативної семіотики У. Еко. Традиційна герменевтика переглянута У. Еко з позицій семіології, і обґрунтовується введення в концепцію «герменевтичного кола» таких понять, як «intention operis» (намір тексту), «intention lectoris» (намір читача) і «intention auctoris» (намір автора). Наведені поняття, поряд з поняттям «гіперінтерпретація», відображають основні ідеї концепції герменевтики У. Еко. Особлива увага у статті приділяється феномену гіперінтерпретації та його художній реалізації в романі «Маятник Фуко». Гіперінтерпретація являє собою ідеологічне прочитання тексту, яке, на думку У. Еко, є наслідком використання герметичного методу як основного методу тлумачення тексту. Автор статті аналізує герметичну стратегію інтерпретації, яку У. Еко моделює у своєму романі «Маятник Фуко», а також доводить, чому подібна стратегія тлумачення априорі є неефективною та спричинює нерозуміння тексту.

Ключові слова: інтерпретативна стратегія, гіперінтерпретація, ідеологія, У. Еко.

Kristina Ye. GAYER,

Postgraduate student, Department of the Russian Language, Literature and Communication, Altai State University; Barnaul, Russia;
e-mail: abukris@mail.ru; моб.: +7 9069413190

HERMENEUTICS AND INTERPRETATIVE SEMIOTICS IN U. ECO'S WORKS

Summary. The article deals with the main ideas of U. Eco's interpretative semiotics. U. Eco has revised traditional hermeneutics from the point of view of semiotics and has substantiated the inclusion of such notions as «intention operis» (intention of text), «intention lectoris» (intention of reader), «intention auctoris» (intention of author) in the conception of «hermeneutic circle». These notions, as well as «overinterpretation», make up the grounds of U. Eco's hermeneutics. In the present article much attention is given to the phenomenon of overinterpretation and its realization in the novel «Foucault's Pendulum». The overinterpretation is considered as an ideological explanation of text. As U. Eco affirms, the main method of such an explanation is a Hermetic strategy. The author of this article analyses the Hermetic strategy of interpretation which was created in the novel «Foucault's Pendulum» by U. Eco and also proves why such a strategy of textual interpretation is a priori ineffective and will lead to misunderstanding of texts.

Key words: interpretative strategy, overinterpretation, ideology, U. Eco.

Статтю отримано 12.12.2013 р.

УДК 811.161.1-13/.52: 165.15:264-914

БУЯНОВА Людмила Юрьевна,

доктор филологических наук, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания

Кубанского государственного университета; Краснодар, Россия;

e-mail: lub_prof@mail.ru; тел.: +7(8612)264654; моб.: +7 89184338465

ЛИНГВОКОНФЕССИОЛОГИЯ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОЙ ГУМАНИТАРНОЙ ГНОСЕОСФЕРЫ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ И ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ

Аннотация. В статье обосновывается статус предлагаемого нами нового молодого направления («ответвления») лингвокультурологии — лингвоконфессиологии как научной дисциплины; даётся характеристика её категориального аппарата, показывается степень его сформированности, доказывается необходимость системного исследования различных религиозных/конфессиональных концептов, специфики вербально-семиотической репрезентации духовно-религиозных ценностей различных конфессий и религиозно-конфессиональных картин мира.

В статье осмысливается тот факт, что религия народа репрезентирована в рамках конкретной конфессии, без чего она не может существовать; таким образом, любая конфессия — всегда религиозна. В то же время конфессиональный аспект репрезентации лингвокультурных этических и нравственных концептов, всей системы языка ещё не исследовался в пространстве национального языка. Подчёркивается, что сегодня необходимо именно комплексное изучение языка той или иной конфессии, чтобы осознать, почувствовать, понять и принять её религиозно-культурную эксклюзивность и универсальность (например: *православие — ислам; ислам — иудаизм, православие — протестантизм* и т. д.), что объективируется не только лингвистически, но и экстралингвистически.

Ключевые слова: конфессиональная картина мира (ККМ), семиотика конфессии, православная этика, лингвоконфессиональный концепт, этническое vs конфессиональное.

В настоящее время, как показывает анализ, актуальность исследований национальных картин мира в рамках *лингвоконфессионального подхода* существенно возрастает, так как под «натиском» глобализации пришло понимание того, что именно каждая из них содержит, хранит и передаёт новым поколениям носителей родного национального языка все сокровенные смыслы и значения вербальных и знаковых систем, в которых навечно запечатлён образ национальной души, раскрыта цивилизационная эволюция самого этноса и его нравственно-духовные и конфессиональные ценности, стереотипы, опыт, мудрость; разработана и имплицитно выражена национальная программа обустройства своего мира и жизни.

Сегодня отечественной филологией накоплен большой и достаточно репрезентативный научный материал, свидетельствующий о возникновении нового *самостоятельного* направления (комплексной дисциплины) в рамках лингвокультурологии, связанного с исследованием онтологии и корреляции таких взаимосвязанных и взаимообусловленных феноменов, как **язык и конфессия** (религия), которое постепенно набирает силу. Во многом становлению этого направления способствовали и способствуют экстралингвистические факторы, важнейшим из которых выступает, по нашему мнению, начавшийся с конца 20-го столетия процесс религиозно-православного и духовно-нравственного возрождения всего российского социума, чему в первую очередь способствовало усиление духовного и морально-нравственного влияния на общество Русской Православной Церкви, прерванное в 20-е годы прошлого столетия. Всё это обуславливает **цель** данной статьи — выявить, изучить и описать специфику лингвоконфессиологии как одного из актуальных направлений лингвокультурологии и теории языка в целом.

Российские учёные, также отмечающие важность подобного подхода, предлагают разные термины для номинации соответствующих исследований. Так, В. И. Постовалова пишет о том, что «в настоящее время высказывается мысль о необходимости создания комплексной дисциплины на стыке лингвистики и теологической антропологии — теолингвистики, направленной на изучение языка и религии. При дальнейшем методологическом углублении можно было бы говорить также о создании *теолингвокультурологии*, посвящённой изучению взаимосвязи языка и конфессиональной культуры, и *теоконцептологии*, посвящённой изучению религиозных концептов в духовном мире человека» [12, т. 2, с. 267] (курсив наш. — Л. Б.). На наш взгляд, предлагаемые сложные термины-номинации в функциональном плане отражают своей внутренней формой прагматическую сущность и векторы исследований несколько иной гносеологической области (акцент на понятии «теология»), сужая её «лингвокультурные» границы. Считаем, что есть все основания назвать подобное направление **лингвоконфессиологией**: гносеологический акцент исследований в рамках этой дисциплины «падает» на выявление и описание тех или иных языковых феноменов и уровней национальных языков в зависимости от **конкретной конфессиональной** принадлежности этноса, преломившейся и отразившейся в первую очередь именно в языке как артефакте культуры. Кроме того, этот лингвистический термин органично включает в себя все необходимые смыслы: ведь религия народа репрезентирована в рамках конкретной конфессии, без чего она не может существовать; таким образом, любая конфессия всегда религиозна. Как одно из лингвокультурологических направлений лингвоконфессиология органично включает в себя все вышеперечисленные аспекты исследования соотношения и специфики

языковой репрезентации феноменов **язык** и **религия**. Подобный подход, как нам видится, позволит сегодня именно через комплексное исследование языка той или иной конфессии осознать, почувствовать, понять и принять её религиозно-культурную эксклюзивность и универсальность (например, *православие — ислам; ислам — иудаизм* и т. д.), воплощающуюся не только лингвистически, но и экстралингвистически.

Понимание конфессиональной обусловленности многих религиозных аспектов, воплощённых в языке, всё яснее прослеживается в работах современных лингвистов. Например, Л. Л. Григорьева отмечает, что «**религиозная картина мира отличается у представителей различных конфессий**» [7, с. 180] (выделено нами. — Л. Б.).

Предмет лингвоконфессиологии — вербально-семиотическая экспликация, взаимокорреляции и взаимообусловленность национального языка (всех его ярусов), конфессии и культуры; **цель** — изучение тех когнитивно-семиотических, прагматических, ментально-деривационных и иных механизмов, средств и способов, с помощью которых язык актуализирует в своих единицах, сохраняет и передаёт от поколения к поколению конфессиональную культуру того или иного социума, а также многофакторное исследование специфики *языкового* воплощения, презентации феномена **конфессиональной идентичности**; систематизация и лексикографическая упорядоченность не только религиозно, но и, главным образом, *конфессионально маркированных* языковых средств на фонетическом, лексическом, фразеологическом и грамматическом уровнях, в пространстве сакрального текста. Способность национального языка осуществлять вербально-семиотическую репрезентацию конфессии и культуры обуславливает возможность его воздействия на ментальность и модус мировоззрения и миропонимания, типичный для той или иной лингвоконфессиональной общности.

В отечественном языкознании одним из первых на религиозную сферу обратил внимание Л. П. Крысин, который отметил необходимость выделения в стилистической системе современного русского литературного языка *религиозно-проповеднического* стиля [9]. В последующих работах этот стиль стал называться другими терминами: церковно-религиозный, церковно-проповеднический, церковно-библейский, богослужебный, литургический и др. О. А. Прохвятилова справедливо отмечает, что при попытках описания религиозного стиля возникают трудности, так как «уникальность этого явления не позволяет подходить к нему с привычными мерками» [13, с. 75].

Подчеркнём, что национальные *языки* могут быть *разными*, но общая конфессиональная культура обуславливает наличие в них общих базовых лингвоконцептов, конфессиональных концептов и/или иных языковых явлений. Например, ключевым понятием **православия** и православной этики (русский, украинский, белорусский языки) выступает религиозный концепт «Душа»; **протестантизма** (английский, немецкий и др. языки) — концепт «Успех» и т. п. [см., напр.: 3; 4; 6]. Каждый национальный язык не только закрепляет, аккумулирует и хранит в своих единицах смыслы, символы, образы, ассоциации, знаки, концепты, постулаты, заповеди и установки конкретной конфессии, но и способствует тому, что все они воспроизводятся в *конфессиональной памяти* и менталитете народа из поколения в поколение.

Религия — особая форма духовного осознания мира, обусловленная верой в Бога. Она является одной из форм бытия человека, регулятором его жизнедеятельности, составляет базу духовной культуры и концентрирует в себе глобальные понятия человечества, определяющие бытие как верующих людей, так и неверующих. Этнокультурной и национально-культурной формой воплощения, бытия религии в каждом *социуме* выступает **конкретная конфессия**. На этой базе в знаково-языковой форме формируются специфические для неё отношения, стереотипы действия, культовая практика и организация. Главный признак религиозной картины мира — разделение мира на сверхъестественный и естественный, при абсолютном господстве первого над вторым. Специфичным является язык религиозной картины мира и способы её семиотико-вербальной передачи, обусловленные, в свою очередь, особенностями конфессиональной культуры и *конфессионального сознания* конкретного социума. По нашим наблюдениям, универсализму религиозной картины мира противопоставлена семиотико-языковая специфичность конкретной **конфессиональной картины мира** (ККМ) (например, в семиотике ислама отсутствует знак *креста*, важнейший в семиотике православия, и т. п.). Она выполняет ряд важных функций в жизни человека и общества, важнейшими из которых выступают *объяснительная, упорядочивающая, аксиологическая, профетическая*; является мировоззренческим и методологическим ориентиром в познании конкретных явлений природы, общества и человеческой жизни, представляя собой основу конструирования новых знаний на базе завершённой догматической картины мира в целом.

Необходимость и право на самостоятельное существование той или иной новой научной области / дисциплины обуславливаются существованием и уровнем сформированности её категориально-терминологического аппарата, системы базовых терминов. По нашему убеждению, теоретико-методологическую и терминологическую базу понятийно-категориального аппарата лингвоконфессиологии образуют сложные феномены «человек верующий», «конфессиональная картина мира», «конфессиональный концепт», «концептосфера конфессии», «семиотика конфессии», лингвогносеологическая разработка которых в рамках лингвокультурологии до настоящего времени полностью не осуществлена.

Исследуя взаимосвязь феноменов религии и языка, В. Н. Телия отмечает, что «мощным культурно-источником для русского миропонимания послужило христианство с его теософией, нравственными установками и ритуалами» [14, с. 244]. Н. Б. Мечковская определяет: «язык и религия: две семиотики, два образа мира, две стихии в душе человека, уходящие корнями в подсознание, два самых глубоких, несхожих и взаимосвязанных начала в человеческой культуре...» [11, с. 36]. При

лингвоконфессиональном подходе релевантными, по нашим наблюдениям, также являются следующие корреляции: национальный язык и православие; национальный язык и протестантизм; национальный язык и ислам, национальный язык и иудаизм; семиотика православия, семиотика протестантизма, семиотика ислама; православная этика, протестантская этика, этика ислама и т. д. Подобная лингвоконфессиональная стратификация национального языка и культуры, надеемся, позволит в будущем более чётко увидеть, понять, осознать и принять как универсальные этнодуховные и культурные особенности каждого народа, так и эксклюзивные, определяющие своеобразие всего его жизненного и духовного уклада, конфессионально обусловленные — в самом широком смысле этого понятия.

Языковая концептуализация **православия** и христианской культуры в целом, а также **ислама**, **иудаизма** и других конфессий — через религиозное, конфессиональное сознание — это исторически и хронологически длительный и семиотически сложнейший процесс «оязычивания» посредством национальных языков духовно-нравственных основ и этики соответствующей **конфессиональной культуры**, закрепления в различных языковых единицах и концептах денотативно-сигнификативной специфики феноменов, формирующих картину своего конфессионального мира. Реалии любой религиозной картины мира находят своё концептуальное воплощение и отражение в национальном языке как в отдельных словах (религиозная лексика), фразеологизмах, пословицах, поговорках, паремиях, концептах, так и в текстах — религиозных, художественных, философских, научно-богословских, сакральных и др. Каждый национальный язык сегодня следует определить как семиотико-прагматический код духовно-конфессиональной культуры этноса. Будучи уникальным ментально-знаковым основанием национальной культуры, формирующим внутренний, духовный мир языковой личности, человека верующего, он концептуализирует и сохраняет на века основополагающие культурные ценности, репрезентируя национальные формы жизни народа, его психологию, морально-нравственные законы и конфессионально-религиозное сознание. «Концептосфера национального языка тем богаче, чем богаче вся культура нации — её литература, фольклор, наука, изобразительное искусство (оно также имеет непосредственное отношение к языку и, следовательно, к национальной концептосфере), она соотносима со всем историческим опытом нации и **религией особенно**» [10, с. 282] (выделено нами. — Л. Б.).

Итак, результаты наших многолетних исследований проблемы корреляции феноменов «этнос» — «язык» — «культура» — «религия» — «конфессия» [см., напр.: 1; 2; 3; 4; 5; 6 и мн. др.] дают все основания сегодня признать глубокий смысл и справедливость идеи о том, что «самое глубокое единение людей возникает из их духовной однородности, из сходного душевно-духовного уклада, из сходной любви к единому и общему, из единой судьбы, связующей людей в жизни и смерти, из одинакового созерцания, *из единого языка, из однородной веры и из совместной молитвы*» [8, с. 55] (курсив наш. — Л. Б.). В рамках **лингвоконфессиологии** также должны стать актуальными исследования **лингвоконфессиональных (конфессиональных) концептов**, в зависимости от конфессиональной принадлежности формирующих конкретную религиозную картину мира и лингвоментальное и этносемиотическое пространство каждой национальной культуры. Именно при таком подходе концепт структурируется как этноментальная и этнокогнитивная единица особого типа, характеризующаяся специфическими свойствами и вербально-семиотической репрезентацией, что обусловлено как национальным языком, ментальностью, культурно-историческим опытом, так и конфессиональной принадлежностью этноса и языковой личности верующего.

В ходе исследования нами установлено, что концепты, являющиеся результатом вербализации православия, следует интерпретировать как особые ментально-языковые образования, в которых закрепились культурный и *духовный*, религиозно-конфессиональный, нравственно-этический опыт русского (российского) народа. В структуре каждого **«православного»** концепта выделяются его составляющие: *образная* (представления, образы, символы), *понятийная* (их вербальное обозначение посредством имён, развёрнутых толкований, системных противопоставлений), *аксиологическая* (соотнесение этнического опыта с системой базовых духовных и иных ориентиров поведения) и *сакрально-конфессиональная, или религиозно-конфессиональная* (актуализация знаками языка религиозных традиций, приоритетов и ценностей христианства, православия).

Думается, сегодня необходимо признать, что изучение русского языка и всех национальных языков России также и в парадигме *культурно-конфессиональной* интерпретации должно представлять собой одну из главных задач и целей современной отечественной лингвоконфессиологии и в целом — российской системы национального образования. Духовная культура современного российского полиэтнического общества, как и любого другого, неразрывно связана со своим источником — великим национальным языком, представляющим собой бесценное хранилище опыта предков и национальной памяти.

Литература

1. Буянова Л. Ю. Концепт «Душа» как основа русской ментальности: особенности речевой реализации / Л. Ю. Буянова // Этика и социология текста: сб. ст. науч.-метод. семинара «TEXTUS». — СПб.; Ставрополь: СГУ, 2004. — Вып. 10. — С. 265–270.
2. Буянова Л. Ю. Языковая концептуализация православия как системообразующий механизм формирования русской культуры / Л. Ю. Буянова // Теоретические и прикладные проблемы лингвокультурологии: сб. науч. тр. — Тула: ТГУ, 2009. — С. 53–57.
3. Буянова Л. Ю. Русские концепты морально-нравственной сферы как отражение базисных ценностей православной картины мира / Л. Ю. Буянова // Континуальность и дискретность в языке и речи (памяти доктора филологических наук, профессора А. Г. Лыкова): сб. науч. ст. — Краснодар: КубГУ, 2009. — С. 21–24.

4. Буянова Л. Ю. Языковая концептуализация основополагающих констант православно-религиозного сознания / Л. Ю. Буянова // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: межвуз. сб. науч. тр. — Сочи: СГУ, 2009. — Вып. 13. — С. 48–54.
5. Буянова Л. Ю. Языковая концептуализация религиозно-сакральных смыслов: этико-аксиологическая доминантность / Л. Ю. Буянова // Язык. Речь. Речевая деятельность: межвуз. сб. науч. тр. — Нижний Новгород: НГЛУ, 2011. — Вып. 12. — С. 49–55.
6. Буянова Л. Ю. Русский язык как отражение и хранилище православно-духовного опыта, культуры и истории Русского мира: «западная» глобализация как механизм ментально-нравственного разрушения / Л. Ю. Буянова // Русский язык и русский мир: материалы XI Междунар. Форума русистов Украины «Русский язык и Русский мир в эпоху глобализации», 17–21 марта 2011 г. — Симферополь: ТНУ им. В. И. Вернадского, 2011. — С. 21–28.
7. Григорьева Л. Л. Фразеологическое отражение христианской и мусульманской религиозных картин мира (на материале русского, английского и арабского языков) / Л. Л. Григорьева // Учёные записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. — 2009. — Т. 151, кн. 3. — С. 180–183.
8. Ильин И. А. Основы христианской культуры. Путь духовного обновления / И. А. Ильин. — СПб.: Шпиль, 2004. — 352 с.
9. Крысин Л. П. Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка / Л. П. Крысин // Поэтика. Стилистика. Язык и культура: памяти Т. Г. Винокур. — М., 1996. — С. 135–138.
10. Лихачёв Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачёв // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антология. — М.: Рус. яз., 1997. — С. 280–287.
11. Мечковская Н. Б. Язык и религия: учеб. пособие / Н. Б. Мечковская. — М.: Агентство «ФАИР», 1998. — 352 с.
12. Постовалова В. И. Язык и духовный мир человека. Религиозные концепты в «антропологическом» представлении / В. И. Постовалова // Живодействующая связь языка и культуры: материалы Международ. конф., посвящ. юбилею доктора филологических наук профессора В. Н. Телия: в 2 т. — М.; Тула: ТГПУ, 2010. — Т. 2: Дискурс. Текст. Культура. — С. 266–280.
13. Прохvatилова О. А. Экстралингвистические параметры и языковые характеристики религиозного стиля / О. А. Прохvatилова // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. — Волгоград: ВГУ, 2006. — Вып. 5. — С. 19–26.
14. Телия В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. — М.: Языки рус. культуры, 1996. — 324 с.

References

1. Buyanova L. Yu. Kontsept «Dusha» kak osnova russkoy mentalnosti: osobennosti rechevoy realizatsii / L. Yu. Buyanova // Etika i sotsiologiya teksta: sb. st. nauch.-metod. seminaru «TEXTUS». — SPb.; Stavropol: SGU, 2004. — Vyip. 10. — S. 265–270.
2. Buyanova L. Yu. Yazykovaya kontseptualizatsiya pravoslaviya kak sistemoobrazuyushiy mehanizm formirovaniya russkoy kultury / L. Yu. Buyanova // Teoreticheskie i prikladnyye problemy lingvokulturologii: sb. nauch. tr. — Tula: TGU, 2009. — S. 53–57.
3. Buyanova L. Yu. Russkie kontseptyi moralno-nravstvennoy sfery kak otrazhenie bazisnykh tsennostey pravoslavnoy kartiny mira / L. Yu. Buyanova // Kontinualnost i diskretnost v yazyke i rechi: (pamyati doktora filologicheskikh nauk, professora A. G. Lyikova): sb. nauch. st. — Krasnodar: KubGU, 2009. — S. 21–24.
4. Buyanova L. Yu. Yazykovaya kontseptualizatsiya osnovopolagayushchikh konstant pravoslavno-religioznogo soznaniya / L. Yu. Buyanova // Lingvoriticheskaya paradigma: teoreticheskie i prikladnyye aspekty: mezhvuz. sb. nauch. tr. — Sochi: SGU, 2009. — Vyip. 13. — S. 48–54.
5. Buyanova L. Yu. Yazykovaya kontseptualizatsiya religiozno-sakralnykh smyslov: etiko-aksiologicheskaya dominantnost / L. Yu. Buyanova // Yazyk. Rech. Rechevaya deyatel'nost': mezhvuz. sb. nauch. tr. — Nizhniy Novgorod: NGLU, 2011. — Vyip. 12. — S. 49–55.
6. Buyanova L. Yu. Russkiy yazyk kak otrazhenie i hranilische pravoslavno-duhovnogo opyta, kultury i istorii Russkogo mira: «zapadnaya» globalizatsiya kak mehanizm mentalno-nravstvennogo razrusheniya / L. Yu. Buyanova // Russkiy yazyk i russkiy mir: materialy XI Mezhdun. Foruma rusistov Ukrainy «Russkiy yazyk i Russkiy mir v epohu globalizatsii», 17–21 marta 2011 g. — Simferopol: Tavricheskiy natsionalnyy universitet im. V. I. Vernadskogo, 2011. — S. 21–28.
7. Grigoreva L. L. Frazeologicheskoe otrazhenie hristianskoy i musulmanskoy religioznykh kartin mira (na materiale russkogo, angliyskogo i arabeskogo yazykov) / L. L. Grigoreva // Uchyonye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye nauki. — 2009. — T. 151. kn. 3. — S. 180–183.
8. Ilin I. A. Osnovy hristianskoy kultury. Put duhovnogo obnoveniya / I. A. Ilin. — SPb.: Shpil, 2004. — 352 s.
9. Krysin L. P. Religiozno-propovednicheskii stil i ego mesto v funktsionalno-stilisticheskoy paradigme sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka / L. P. Krysin // Poetika. Stilistika. Yazyk i kultura: pamyati T. G. Vinokur. — M., 1996. — S. 135–138.
10. Lihachyov D. S. Kontseptosfera russkogo yazyka / D. S. Lihachyov // Russkaya slovesnost. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta: antologiya. — M.: Rus. yazyk, 1997. — S. 280–287.
11. Mechkovskaya N. B. Yazyk i religiya: ucheb. posobie / N. B. Mechkovskaya. — M.: Agentstvo «FAIR», 1998. — 352 s.
12. Postovalova V. I. Yazyk i duhovnyy mir cheloveka. Religioznye kontseptyi v «antropologicheskoy» predstavlenii / V. I. Postovalova // Zhivodeystvuyushchaya svyaz yazyka i kultury: materialy Mezhdun. konf., posvyaschyonnoy yubileyu doktora filologicheskikh nauk professora V. N. Teliya: v 2 t. — M.; Tula: TGPU, 2010. — T. 2: Diskurs. Tekst. Kultura. — S. 266–280.
13. Prokhatilova O. A. Ekstralingvisticheskie parametry i yazykovyye harakteristiki religioznogo stilya / O. A. Prokhatilova // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2: Yazykoznanie. — Volgograd: VGU, 2006. — Vyip. 5. — S. 19–26.
14. Teliya V. N. Russkaya frazeologiya: Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokulturologicheskii aspekty / V. N. Teliya. — M.: Yazyki rus. kultury, 1996. — 324 s.

БУЯНОВА Людмила Юрійвна,

доктор филологічних наук, професор кафедри загальної та слов'яно-російського мовознавства Кубанського державного університету; Краснодар, Росія;
e-mail: lub_prof@mail.ru; тел.: +7 (8612) 264654; моб.: +7 89184338465

ЛІНГВОКОНФЕСІОЛОГІЯ В СИСТЕМІ СУЧАСНОЇ ГУМАНІТАРНОЇ ГНОСЕОСФЕРИ: МЕТОДОЛОГІЧНИЙ ІНСТРУМЕНТАРІЙ І ПОНЯТІЙНИЙ АПАРАТ

Анотація. У статті обґрунтовано статус пропонованого нами нового молодого напрямку («відгалуження») лінгвокультурології — лінгвоконфесіології як наукової дисципліни; надано характеристику її категоріального апарату, показано ступінь його

сформованості, доведено необхідність системного дослідження різних релігійних / конфесійних концептів, специфіки вербально-семіотичної репрезентації духовно-релігійних цінностей різних конфесій і релігійно-конфесійних картин світу.

У статті осмислено той факт, що релігія народу репрезентована в рамках конкретної конфесії, без чого вона не може існувати; таким чином, будь-яка конфесія — завжди релігійна. Водночас конфесійний аспект репрезентації лінгвокультурних етичних і моральних концептів, всієї системи мови ще не досліджувався у просторі національної мови. Підкреслюється, що сьогодні необхідно саме комплексне вивчення мови тієї чи іншої конфесії, щоб усвідомити, відчутти, зрозуміти і прийняти її релігійно-культурну ексклюзивність і універсальність (наприклад: православ'я — іслам; іслам — іудаїзм, православ'я — протестантизм тощо), що об'єктивується не лише лінгвістично, а й екстралінгвістично.

Ключові слова: конфесійна картина світу (ККС), семіотика конфесії, православна етика, лінгвоконфесійний концепт, етичне vs конфесійне.

Lyudmila Yu. BUYANOVA,

Grand PhD in Philological Sciences, Professor of the Department of Slavic and Russian Linguistics of the Kuban State University; Krasnodar, Russia;

e-mail: lub_prof@mail.ru; tel.: +7(8612)264654; mob.: +7 89184338465

LINGUAL CONFESSIOLOGY IN THE SYSTEM OF MODERN GNOSOSPHERE IN THE HUMANITIES: METHODOLOGICAL AND CONCEPTUAL BASES

Summary. The article explains the status of a new developing direction («a branch») of the cultural linguistics — the **confessional linguistics** proposed by us as a scientific discipline; it gives the categorical system characteristics, it shows the formation degree. We can prove the need for systematic studies of various religious/confessional concepts, specific verbal-semiotic representations of spiritual-religious values of different confessions and religious-confessional worldviews.

The article is devoted to the fact that the religion of the people is represented within a particular denomination, without which it can not exist, so any confession is always religious. At the same time the confessional aspect of representation of linguocultural ethical and moral concepts of the entire system of language has not been searched in the sphere of the national language. It is emphasized that the complete study of the language of a particular faith is compulsory, in order to understand it, to feel it and accept its religious and cultural exclusivity and versatility (eg, Orthodoxy — Islam, Islam — Judaism, Orthodox Christianity — Protestantism, etc.) that is objectified not only linguistically, but also extra-linguistically.

Key words: confessional world view (CWV), confession semiotics, Orthodoxy ethics, linguoconfessional concept, ethnical vs. confessional.

Статтю отримано 20.02.2014 р.

УДК 811.161.1-116'362'27'282:711.433

СТЕПАНОВ Евгений Николаевич,

доктор филологических наук, зав. кафедрой русского языка Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Одесса, Украина;

e-mail: stepanov.odessa@gmail.com; тел.: +38 (048) 7762277; моб.: +38 096 4966406

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАУЧНЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ В ИССЛЕДОВАНИИ РУССКОЙ ГОРОДСКОЙ РЕЧИ

Аннотация. В статье изучаются пути взаимодействия сравнительно-исторического, системно-структурного и антропоцентрического подходов в научном исследовании русской городской речи. Полипарадигмальный подход обеспечивает комплексное исследование феномена языка города.

Методика сравнительно-исторического анализа используется в выявлении собственно лингвистических и экстралингвистических причин, порождающих речевые особенности горожан, помогает установить процессы изменения этноязыковых и цивилизационных приоритетов в разных городах. Изучаются процессы влияния диалектов и иностранных языков на речь горожан, история и закономерности развития городских и территориальных койне.

Системно-структурный подход даёт возможность рассматривать язык города как стратификационно, функционально, ситуативно, семиотически, идеографически упорядоченную структуру. Системно-структурные способы исследования помогают обнаруживать, инвентаризовать и систематизировать фонетические, лексические, словообразовательные, фразеологические, грамматические и другие особенности разных городских койне; установить правила моделирования городского текста.

Объект антропоцентрических исследований в урбанолингвистике — языковая личность горожанина. В рамках этого направления исследуются когнитивные, психолингвистические, этнолингвистические, лингвокультурологические проблемы языковой практики человека в городе; изучается языковая картина мира горожанина, специфика его речевого портрета, процессы порождения новых смыслов и форм в индивидуальном сознании, их закрепления либо угасания в коллективном коммуникативном пространстве города; выделяются городские языковые типы, городские лингвокультурные сценарии. Изучаются также механизмы становления индивидуальной картины мира и идиолекта городской языковой личности. С точки зрения авторского идиостиля исследуется городской текст.

Ключевые слова: русский язык; городская речь; методология урбанолингвистического исследования; сравнительно-исторический подход; системно-структурный подход; антропоцентрический подход; полипарадигмальный подход.

Город и село (деревня) — исторически сложившиеся, территориально локализованные специфические формы организации жизнедеятельности общества, которые представляют в современной картине мира компоненты бинарной оппозиции, различающиеся количественным, формальным, функциональным, аксиологическим параметрами социально-пространственной структуры. В современной научной

парадигме *город* феноменологически противостоит *деревне*. Исследования в области языка города указывают на множественность подсистем технической и социальной городской инфраструктуры, обеспечивающих витальные и социально-личностные потребности горожан (геолого-архитектурная, энергетическая, экологическая, экономическая, транспортная, информационная, административная, санитарная, страховая, социально-стратификационная, этносоциальная, языковая, научно-образовательная, культурно-просветительская и другие подсистемы). Механизмы взаимосвязанного функционирования этих подсистем, интегративная междисциплинарность урбанографии и урбанолингвистики свидетельствуют о полипарадигмальном характере города как системы и обуславливают необходимость использования разных подходов к научному исследованию городских проблем, в том числе языка города. Определение и изучение механизмов взаимосвязанного использования сравнительно-исторического, системно-структурного и антропоцентрического подходов в научном исследовании русской городской речи является основной целью данной статьи.

Смена научных парадигм представляет историю науки. В языкознании имеются разные подходы к выделению научных лингвистических парадигм. Нам представляется, что наиболее оптимальной является система парадигм, соответствующая общим исследовательским тенденциям и закономерностям в истории научного познания. В лингвистике это расширяющаяся система, состоящая на данном этапе из трёх равнозначных парадигм: *сравнительно-исторической, системно-структурной и антропоцентрической*. «Каждая из существующих парадигм содержит своё рациональное зерно, свои открытия и взлёты, но охватить все «лики» языка, все его аспекты ни одна из них пока не в состоянии» [30, с. 18]. Именно поэтому всякая новая парадигма не отменяет предыдущую, а лишь на определённое время становится приоритетной благодаря получению возможности для исследователей изучить грани языка, недоступные либо малодоступные при использовании научного инструментария предыдущих / иных парадигм.

История научного исследования проблем языка города приводит нас к выводу о том, что на любом этапе научного познания мира эти проблемы не могли рассматриваться вне антропоцентрической парадигмы, без изучения горожанина как субъекта речевой деятельности. Однако общая направленность исследований в области урбанолингвистики на этапах приоритетного использования методологии и инструментария других парадигм была подчинена тем задачам, которые были наиболее актуальными в науке в целом.

Первые попытки научного осмысления генезиса и развития городов появились на рубеже XIX–XX в. Основатель геополитики Фридрих Ратцель, определяя рамки географии человека, назвал городом «долговременное скопление людей и их жилищ, занимающее значительное пространство и расположенное в центре крупных коммуникаций». Учёный выделил три признака, по которым город отличается от села и которые обычно упоминаются в последующих определениях феномена города: 1) специфика основных видов деятельности (промышленность и торговля); 2) плотность жилой застройки (плотное «скопление жилищ»); 3) численность населения (минимальный предел 2 тыс. жителей) [33]. Определение Ф. Ратцеля отражает технократический подход к изучению проблем города и свидетельствует о преобладании в науке того времени предметно-ориентированной пространственно-временной рефлексии бинарного объектно-субъектного кода данного феномена. В этот период город обычно изучался в рамках сравнительно-исторической научной парадигмы. Сравнительно-исторически рассматриваются вопросы экономической, военно-политической, демографической, научной, культурной, духовно-психологической жизни городов, их роли в цивилизационном процессе, в этноязыковой эволюции общества, в эволюции биосистемы. Для выяснения причин современной урбанизации исследователи часто обращаются к сравнению тех или иных процессов с подобными процессами и их причинами в древнем Египте, Междуречье, Греции, Риме, средневековой Европе [напр.: 4; 12; 43]. Хронологический признак является ключевым в исследовании истории города И. М. Гревсом, который образно трактует город как центр «культурного притяжения» и «лучеиспускания», высший показатель цивилизованности, «прекраснейший путеводитель хода истории и её судьбы» [11]. В связи с этим М. М. Бахтин заметил, что древний город воспринимается наукой не как «мертвенная руина, лишённая всякой связи с окружающей современностью и всякого влияния на неё», а как «существенный и живой след прошлого в настоящем» [1, с. 224]. В современных урбанологических исследованиях продолжают широко использовать сравнительно-исторический подход.

Своеобразие отечественных урбанолингвистических исследований периода господства сравнительно-исторической научной парадигмы заключается в том, что российские лингвисты на этом этапе систематизируют языковой материал на основе сравнения его использования в городе и деревне, а также пытаются установить особенности русской речи в разных городах, исходя из истории их создания и заселения разными этническими группами. На этом этапе развития лингвистики складывается учение о диалектах русского языка как языковых образованиях, противопоставленных литературному языку — наддиалектной форме существования языка, генетически связанной с городом [27, с. 189]. Русская речевая литературная норма к середине XIX века ориентируется на городскую речь, как правило, Москвы и Санкт-Петербурга [7, с. 48–54, 355; 23, с. 8–10, 112–116; 14, с. 646–702; 9, с. 9].

В XIX в. некоторые исследователи указывали на существование ряда фонетических, лексических и грамматических особенностей русской речи в нестоличных городах Российской империи. Раньше других к изучению этой проблемы с научной точки зрения обратился К. П. Зеленецкий, профессор Ришельевского лицея в Одессе. Особенности русской речи жителей городов Новороссийского края: Одессы, Таганрога, Бердянска, Николаева — он связывает с влиянием других этнических языков и русской диалектной речи: «...В Новороссийском крае, при большом числе обруселых инородцев, нет

единства в составе русского народонаселения» [19, с. 9]. Например: *смянуть* = «дёрнуть»; *тучный* = «облачный»; *нестись* = «гордиться»; *недостаточество* = «несовершенство»; *нанять свой дом* = «сдать в наём свой дом»; *делать торговлю* = «вести торговлю»; *купить две собаки* = «купить двух собак»; *через минуты две* = «минуты через две»; *служить за кучера* = «служить в кучерах»; *к очень многим* = «очень ко многим»; *он с меня смеётся* = «он надо мной смеётся»; *молоко разводит с водою* = «молоко разводить водою»; *стери* = «сотри»; *перекупка* = «торговка»; *хутор* = «дача»; *больше никто, как он* = «больше никто, кроме него»; *Что; конеЧНо; скуЧНо; оставь его делать* = «пусть он делает» и т. д. Фонетические, лексические, грамматические особенности русской речи Одессы и прилегающего к Одессе региона пытаются выявить, систематизировать и проанализировать в конце XIX в. В. Долопчев [13]. Например: *доЖДик; луЧШе; совесТливый; крепКИЙ; ветХИЙ; строГИЙ; НептуНА; недОбимка; приобрЕтение; искрИвленный; слесАрный; грушОбвый; скучать ЗА КЕМ/ЧЕМ; щурить ГЛАЗАМИ; ехать ЛОШАДЬМИ* и т. д. Некоторые из отмеченных в этих работах речевые особенности уже стали нормативными в литературном русском языке, другие рассматриваются как территориально ограниченные (диалектные либо региональные), социально ограниченные (просторечные, общежаргонные) либо переставшие употребляться в живой речи. В середине XIX в. разгорается полемика между москвичами и петербуржцами о том, кто правильнее говорит по-русски. Эта полемика носит публицистический характер и находит отражение на страницах журнала «Современник» (1859). Вот, например, строки о Петербурге из «Московского стихотворения» (1859) Н. А. Некрасова: *Столица новая возникла при Петре. / Возникнув с помощью чудотского народа / Из топей и болот в каких-нибудь два года, / Она до наших дней с Россией не срослась: / В употреблении там гнусный рижский квас, / С немецким языком там перемешан русский, / И над обоими господствует французский, / А речи истинно народный оборот / Там редок столько же, как честный патриот!*

Об особенностях речи жителей разных городов делают замечания писатели на страницах художественных произведений. Например, о большом количестве заимствований в речи петербуржцев у А. С. Пушкина: *Но панталоны, фрак, жилет, / Всех этих слов на русском нет; / А вижу я, винюсь пред вами, / Что уж и так мой бедный слог / Пестреть гораздо б меньше мог / Ино-племенными словами, / Хоть и заглядывал я встарь / В Академический Словарь* («Евгений Онегин», 1, XXVI). У Ф. М. Достоевского в рассказе «Скверный анекдот» (1862) находим: *«Есть два существенные и незабываемые признака, по которым вы тотчас же отличите настоящего русского от петербургского русского. Первый признак состоит в том, что все петербургские русские, все без исключения, никогда не говорят: «Петербургские ведомости», а всегда говорят: «Академические ведомости». Второй, одинаково существенный, признак состоит в том, что петербургский русский никогда не употребляет слово «завтрак», а всегда говорит: «фрыштик», особенно напирая на звук фры»*. С научной точки зрения причины речевых различий москвичей и петербуржцев стали рассматриваться значительно позже.

В произведениях О. Рабиновича, А. Куприна, В. Катаева, К. Паустовского, В. Жаботинского и многих других писателей, писавших в Одессе либо об Одессе XIX — начала XX в., находим немало метаязыковых замечаний, в которых толкуются используемые в речи героев одессизмы. Например: *Двое из его помощников рыскали по городу, а третий взвешивал на скандале какой-то продукт* (О. Рабинович. «Мориц Сефарди»). В примечании автор толкует слово *скандал*: «От итал. «scandaglio», поверка, испытание. Так называется небольшой металлический аппарат, по которому узнаётся вес в четверти зернового хлеба» [32, с. 88]. *В Одессе «занять денег» значит не брать взаймы, а дать взаймы* (В. М. Дорошевич «Одесский язык»). *Одесситы приняли меня так хорошо, что я, со своей стороны, был бы не против того, чтобы отблагодарить их небольшим подарком: поднести им в вечное и постоянное пользование букву «Б!»* (А. Аверченко. «Одесса»). *Ну а что касается митральез, то они не имели ничего общего со знаменитыми митральезами Парижской коммуны. Это были толстые картонные трубочки, заклеенные с одной стороны папиросной бумагой, в то время как с другой стороны, из глухого картонного кружка, торчала верёвочка, за которую нужно было дёрнуть, и тогда из митральезы с лёгким и нестрашным выстрелом вылетал заряд: пороховой дымок и пригоршня бумажных конфетти...* (В. Катаев. «Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона»). *...Нужно было двумя пальцами взять грецкий орех — иногда у нас в городе его называли волошский...* (Там же). *Пароход «Васильев» конкурировал с «Тургеневым», и ... билет от Аккермана до Одессы уже стоил только пятнадцать копеек, или, как у нас говорили, «злот»* (Там же). *...Малхамузы — маленькие жидовские повозочки без рессор, кучера которых на козлах сидели чуть не голые. Их брали студенты и другая небогатая публика...* (К. Скальковский. «Воспоминания молодости: По морю житейскому, 1843–1869»). — *Декохт такой, что упаси господи! / — Декохт?! / — Ну да... голод!.. Страсть как терпит народ! Валяется по ночам в клёпках и вагонах! На баржан четырёх копеек нет! / — А баржан что такое? / — Да что вы, ей-богу, смеётесь? — обиделся Сенька. — Не знаете, что баржан — приют? (Л. Кармен. «Дети набережной»). В тяжёлые минуты «декохта», что на морском и портовом жаргоне обозначает полное безденежье, к Сашке свободно и безотказно обращались за мелкими суммами или за небольшим кредитом у буфета (А. Куприн. «Гамбринус»). Тёплый ветер, дувший с Босфора, мягкий «левант» мгновенно высушивал мостовые (К. Паустовский. «Южная Пальмира»). Катакомбы... — это искусственные подземные пустоты... Одни из них представляют собой бывшие каменоломни, другие — ходы из подвалов домов (в Одессе такие ходы чаще всего называли «минами») (В. Файтельберг-Бланк. «Бандитская Одесса: «Двойное дно» Южной Пальеры»).*

Уже с конца XIX века в градovedческие исследования проникают приёмы другой, структурной (системно-структурной) научной парадигмы, которая становится основной при приоритетном использовании технократического подхода. В I трети XX в. смена парадигм произошла во всех областях знаний. В урбанолингвистике она была обусловлена прежде всего необходимостью решать острые задачи научно-технической революции и потребностями обеспечения безопасности жизни в условиях стремительно растущих промышленных мегаполисов. Однако во многих исследованиях XX века методы и приёмы структурной парадигмы органически сочетаются с методами и приёмами уже выполнившей свою основную миссию в науке сравнительно-исторической парадигмы и ещё не ставшей приоритетной антропоцентрической парадигмы. Так, Льюис Мамфорд (Lewis Mumford) диалектически использует приёмы и методы всех трёх парадигм, распространяя теорию эмерджентной эволюции (скачкообразного развития) на феномен города. Учёный представляет город как эмерджент, возникновение которого в древнем обществе стало одним из цивилизационных скачков, так как вызвало всеобъемлющее изменение структуры экономической, духовной и культурной жизни социума и обусловило развитие человеческих способностей во всех направлениях [44].

Приоритет системно-структурной научной парадигмы своеобразно отразился на проблематике урбанолингвистических исследований. Их основной целью стало создание лингвистически ориентированных моделей города. На пути к этой цели изучались фонетические, лексические, фразеологические, грамматические, идеографические особенности речи разных этнических, профессиональных и других социальных групп городского населения, представляя городскую речь как совокупность субкодов (подсистем) единого языкового кода [2, с. 24–25], используемых горожанами, как реализацию поликомпонентной языковой ситуации.

В 1920–1930-е годы одной из первых в мире начала формироваться советская школа урбанолингвистики. Ведущие отечественные учёные активно исследовали многие проблемы языка города: вопрос о влиянии на формирование и развитие норм русского литературного языка, начиная с XVII века, *городского просторечья*, разных *стилей городского обиходного языка*, *просторечья демократических масс города* [см., напр.: 7, с. 49–54, 478–482]; вопросы теории и практики *городского языкового быта*; систему *городских арго, жаргонов, специальных профессиональных языков, городских говоров*, механизмы их взаимодействия и воздействия на литературный язык; *билингвизм* и *поллингвизм / полиглотизм горожан*; *языковую политику* государства в многоязычном городе); вопросы фонетической и грамматической *ассимиляции* и идеографической *дифференциации* компонентов *языковой ситуации города* [напр.: 27; 18; 22; 10]. Успехи научно-практического изучения этих вопросов в русистике стали возможными только благодаря умелому использованию в новых условиях инструментария сравнительно-исторической научной парадигмы. Этот инструментарий в научном исследовании языка города используется для выявления собственно городских концептов и их отделения от тех, которые являются общими для языка. Методы и приёмы этой парадигмы используются также для наблюдения за процессами влияния на речь горожан диалектной речи разных регионов и иноязычной речи, для изучения особенностей развития городских и территориальных койне. Сравнительно-исторический подход помогает установить процессы изменения цивилизационных и этноязыковых приоритетов в речи жителей разных городов.

В 1926 г. Б. А. Ларин видел причины кризиса лингвистических исследований в игнорировании изучения языка города: «Если картографически представить лингвистическую разработку ... современной Европы, то самыми поразительными проблемами на ней оказались бы не отдалённые и неприступные уголки, а именно большие города. Из всего языкового богатства этих сложных конгломератов изучались только литературные языки. Но, развиваясь на языковой почве города, они давно стали экстерриториальными и, в своей теперешней функции, как бы «не помнящими родства». Оттого и их изучение как-то обходилось без обращения к их непосредственному лингвистическому окружению. Но именно оттого, что изучение «языка города» не сложилось до сих пор, так шатки и неполны у нас и исторические и стилистические объяснения литературных языков. Городской фольклор, неканонизированные виды письменного языка, разговорная речь разных групп городского населения — оказывают непосредственное и огромное воздействие на нормализуемый литературный язык, на «высокие» его формы» [27, с. 175–176]. Данное замечание фактически констатирует смену научной парадигмы: методы и приёмы сравнительно-исторической парадигмы уже не справлялись с объёмом задач, поставленных языкознанию обществом. Первостепенным в этом процессе усматривалось изучение социолингвистической структуры языкового кода, в первую очередь, путём рассмотрения социальных диалектов и других идиомов городского языкового быта. Разумеется, на новый уровень необходимо было поднять и исследования собственно лингвистической (формальной) структуры языка и всех его субкодов. Таким образом, необходимость изучить язык города стала в первой трети XX в. одним из факторов утверждения в языкознании приоритета структурной парадигмы.

К сожалению, в сер. 1930-х годов урбанолингвистические исследования в СССР пришлось свернуть по идеологическим соображениям. ВКП(б) взяла курс на социальное равенство советских граждан, стирание границ между городом и деревней, активное этнокультурное и языковое взаимодействие народов СССР. Особенности же каждого из языковых субкодов подчёркивали социальные различия, а не единство их носителей. Методы и приёмы структурной парадигмы в русистике до конца 1960-х годов стали использоваться односторонне: без социолингвистической составляющей. С собственно лингвистической стороны рассматривался, в первую очередь, русский литературный язык. Изучение территориальных диалектов было подчинено исследованию истории языка, а практическая деятельность учителей-русистов была направлена на воспитание культуры устной и письменной речи на основе

единой литературной нормы, практически не предусматривавшей региональной вариативности (за исключением немногих различий в литературном произношении жителей Москвы и Ленинграда).

В языковедческих центрах Европы и Америки изучением языка города долгое время пренебрегали, считая городскую речь «нечистой», «смешанной» в результате беспорядочного соединения в «языковом котле» города разных языков, стилей, литературного языка и диалектов и под. Преобладала отрицательная оценка понятия «язык города». Этот взгляд на язык города нельзя признать научным. В отечественном гуманитарном пространстве он обычно характерен для журналистов, артистов эстрады, писателей, публицистов. Так эту точку зрения высказали одесские журналисты А. Стецюченко и А. Осташко в предисловии к своему популярному изданию: «Характерная черта законов одесского языка состоит в том, что их просто не существует» [37, с. 7]).

Американские и европейские лингвисты серьёзно начали изучать язык города лишь в 1960-е годы. Исследуя систему фонетических, синтаксических, морфологических средств английского и некоторых других языков США, Европы и Азии, учёные столкнулись с необходимостью научной интерпретации вариативных явлений собственно лингвистической и социолингвистической структуры, которые были замечены в речи постоянных жителей некоторых городов, даже городских районов. В США это было связано также с разработкой государственных программ социальной адаптации афроамериканцев, пуэрториканцев, мексиканцев, которые вели обособленный образ жизни и, как правило, находились за чертой бедности. В этот период были проведены исследования социальной стратификации английской речи городов Нью-Йорка (W. Labov 1961, 1964, 1966), Детройта (R. Shuy, W. Wolfram, W. K. Rilaу 1967), Чикаго, Кливленда, Лафайетта, Чарлстона, Гринвила (J. A. Drake 1961; H. Kurath, R. I. McDavid, Jr 1961, 1964; L. Pederson 1964) негритянских гетто некоторых других городов (W. Labov, P. Cohen, C. Robins, J. Lewis 1968) на основе её фонологических, грамматических и лексических вариантов, исследование испанско-английского двуязычия в пуэрториканских общинах городов Нью-Йорка и Джерси-Сити (J. J. Gumperz, J. Fishman, R. L. Cooper, R. Ma и др. 1968) и некоторые другие [26, с. 117–128; 29]. Использование структурных методов исследования даёт возможность детально систематизировать общественные отношения в городе, показать его пространство как определяющую символические и культурные смыслы мастерски сконструированную социальную систему.

Изучение языковой ситуации города, где на небольшой территории, как правило, мозаично расселяются и взаимодействуют представители разных социальных групп и конфессий, носители разных языков, диалектов, культур, во многом способствовало разработке ко второй половине XX в. основ социолингвистики как самостоятельной дисциплины, развившейся на стыке языкознания, социологии, социальной психологии и этнографии. Мы выделяем урбанолингвистику как одно из ведущих направлений современной социолингвистики, в рамках которого в период господства структурной научной парадигмы возникли и развивались разнообразные научные проблемы: языковое и диалектное контактирование в городе; языковая практика и социальные роли горожан; язык города и политические процессы; идиомы города и их место в языковом пространстве мира, страны, региона; языковое портретирование городов на определённых хронологических срезах (в том числе перспективное); язык города и его роль в литературе и искусстве; семиотика городского текста и городские прецедентные феномены; городская топонимия и антропонимия.

Успешное использование методики структурных исследований в социологии заставило научную общественность осознать тот факт, что именно город явился в истории человечества «создателем нового типа пространства — социального, где люди не только живут и занимаются разнообразной деятельностью, но создают новый тип отношений, новую многогранную структуру общества, основанную на осознании глубоких различий и противоречий между ними, социальных, политических, экономических и этнических неравновесий» [38, с. 20–21]. Город представляет собой социально упорядоченную структуру. Язык города коррелирует с его социальной структурой. Следовательно, структурная парадигма языка города включает пересекающиеся и взаимодействующие собственно лингвистические и экстралингвистические структуры. Так, в городах, значительная часть населения которых непосредственно или через родственников связана с каким-либо одним видом профессиональной деятельности, обязательно имеется профессиональное арго, где многие единицы изменяют свой функциональный статус, предусмотренный общеязыковыми нормами. Многие единицы профессиональных арго функционируют как единицы городского койне, то есть общегородского просторечия, а часто проникают и в региональную литературную речь. Это явление нетрудно обнаружить в речи жителей городов, которые принято называть шахтёрскими, портовыми, курортными, городами нефтяников, металлургов, химиков, военных. В речи жителей таких городов как литературные функционируют метафоры, образованные на базе терминов и профессионализмов. Например, в портовых городах: *сойти на берег* = «уйти в отставку», «уйти на пенсию»; *табанить* — «двигаться назад», «выполнять манёвр заднего хода»; в Одессе *лёгкий бриз* — «освежающий массаж»; *круиз в один конец* — в начале XX в. «рейс с каторжниками на Сахалин» и др. Профессионально обусловленные регионализмы нередко имплантируются в общеупотребительное просторечие и даже в литературный язык: из речи жителей шахтёрских городов пришли фразеологизмы *выдать на гора* = «произвести (о продукции)» (выдать на гора тысячи сверхплановых пар обуви, десятки тонн мяса, сотни литров молока и т. д.); *пустая (беспользная) порода* = «некачественное изделие», «несерьёзный человек», «безрезультатное дело».

Исследования в области языка города возобновились в СССР лишь в 1970-е годы. Одними из первых появились работы о региональных особенностях речи жителей Перми, Томска и о русских арго досоветской, а затем и советской эпохи. Язык города вновь становится объектом исследования ака-

демических учреждений. В советском языкознании появляются работы, в которых систематизируются разные аспекты городской речи. В. В. Колесов на примере городской речи С.-Петербурга показывает её особенности, характерные для разных городских сословий, некоторых этнических групп, сравнивает речь Петербурга с образцовой старомосковской речью XIX в. [23]. В ряде работ рассматривается вопрос о языковых ситуациях в Саратове [34], Киеве [42; 25], Одессе [35], городах Крыма [3], Донбасса [24] и др. Широко понимая текст, Ю. М. Лотман и В. В. Иванов [28; 20] семиотически моделируют город, сравнивая его структуру со структурой текста. Город, по мнению Ю. М. Лотмана, является гипертекстом, в котором в социальных знаках закреплена информация о многообразии жизни, который объединяет всю совокупность артефактов, зафиксированных в определённое время на определённом пространстве и описанных с помощью разных семиотических кодов. Город — «котёл текстов и кодов, разноустроенных и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням» [28, с. 35]. Во многих работах исследуются фонетические, лексические, лексикографические, фразеологические, грамматические особенности речи жителей ряда городов, возникающие под влиянием диалектной либо иноязычной речи, в разных ситуациях социальной коммуникации, в результате следования историко-культурным традициям города и региона, в котором он находится [напр.: 21; 16; 17; 31; 39; 8]. Подобные исследования появляются в этот период не только в русистике, но и в украинистике, полонистике, болгаристике, словенистике, германистике и т. д.

Одним из достижений русской урбанолингвистики в период господства в языкознании методов и приёмов системно-структурного подхода является начавшийся процесс инвентаризации территориально и/или социально ориентированных лексических, фразеологических, словообразовательных, фонетических, грамматических средств разных русских городских койне и частичный лингвистический анализ этих средств. Наиболее ярко эта работа выразилась в систематизации лексических средств в словарях. Была проведена лексикографическая обработка местных особенностей русской речи некоторых социальных слоёв жителей Москвы, С.-Петербурга, Омска, Магнитогорска, Уфы, Киева, Пскова, Одессы, Бердянска и некоторых других городов. Кроме учёных, составлением словарей городской речи начали заниматься и художники слова, журналисты.

Таким образом, основными достижениями в изучении языка города в период господства в языкознании системно-структурной парадигмы является признание языка города упорядоченной структурой; стратификационное, функциональное, ситуативное, семиотическое, идеографическое структурирование речи горожан; разработка способов обнаружения, систематизации и инвентаризации фонетических, лексических, словообразовательных, фразеологических, грамматических особенностей разных городских койне; анализ собственно лингвистических и экстралингвистических причин, порождающих эти особенности; моделирование городского текста.

В конце XX в., когда системно-структурный подход начал уступать приоритеты подходу антропоцентрическому, во многих авторитетных научных исследованиях сравнительно-историческое изучение оставалось по-прежнему актуальным и объективно необходимым. Использование сравнительно-исторического, системно-структурного и атропоцентрического подходов в лингвистике является неотъемлемой составной частью нашего исследования русской городской речи Одессы [35; 36].

Объектом современных антропоцентрических исследований в урбанолингвистике является языковая личность горожанина. В исследованиях конца XX — нач. XXI в. рассматриваются когнитивные, психолингвистические, этнолингвистические, лингвокультурологические проблемы языковой практики человека в городе; изучается языковая картина мира горожанина, специфика его речевого портрета, процессы порождения новых смыслов и форм в индивидуальном сознании, их закрепления либо угасания в коллективном коммуникативном пространстве города; выделяются городские языковые типы, городские лингвокультурные сценарии [напр.: 40; 41]. Изучаются также механизмы становления индивидуальной картины мира и идиолекта городской языковой личности, с точки зрения авторского идиостиля исследуется городской текст.

Итак, определение и изучение путей и механизмов взаимосвязанного использования сравнительно-исторического, системно-структурного и антропоцентрического подходов в научном исследовании русской городской речи заставляет сделать вывод о преимуществах полипарадигмального подхода при исследовании феномена языка города.

Литература

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — М.: Искусство, 1986. — 445 с.
2. Беликов В. И. Социolingвистика: учебник / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. — М.: РГГУ, 2001. — 440 с.
3. Богданович Г. Ю. Русский язык в мультикультурной языковой ситуации (по данным социolingвистических исследований) / Г. Ю. Богданович // Наука и образование Крыма. — Симферополь, 2002. — № 2. — С. 11–26.
4. Большие города, их общественное, политическое и экономическое значение: сборник: пер. с нем. / [ред. К. Бюхер]. — СПб.: Просвещение, 1905. — 208 с.
5. Бондалетов В. Д. Условные языки русских ремесленников и торговцев. Словопроизводство / В. Д. Бондалетов. — Рязань, 1980. — 105 с.
6. Бондалетов В. Д. Типология и генезис русских арго / В. Д. Бондалетов. — Рязань: РГПИ, 1987. — 82 с.
7. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков / В. В. Виноградов. — 3-е изд. — М.: Высш. шк., 1982. — 529 с.
8. Гайдамак Н. А. Диалектизмы как составная часть народно-разговорной речи современного города: на материале речи жителей г. Омска: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Н. А. Гайдамак. — Омск, 2003. — 271 с.
9. Гойхман О. Я. Речевая коммуникация [Электронный ресурс] / О. Я. Гойхман, Т. М. Надеина. — 70 с. — Режим доступа: http://ixbook.net/read_rechevaqa_kommunikaciya_id33906.html. — Время доступа: 10.10.2011.
10. Горбач О. Арго в Україні / Олекса Горбач. — Л.: Ін-т українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 2006. — 688 с. — (Діалектологічна скриня).

11. Гревс И. М. Монументальный город и исторические экскурсии / И. М. Гревс // Экскурсионное дело. — 1922. — № 1. — С. 11–32.
12. Даркевич В. П. Происхождение и развитие городов Древней Руси (X–XIII века) / В. П. Даркевич // Вопросы истории. — 1994. — № 10. — С. 43–60.
13. Долопчев В. Опыт словаря неправильностей в русской разговорной речи (преимущественно в Южной России) / Владимир Долопчев. — О.: Тип. «Одесский Вестник», 1886. — 180 с.
14. Елистратов В. С. Язык старой Москвы: лингвоэнцикл. слов. / В. С. Елистратов. — М.: Рус. словари, 1997. — 704 с.
15. Ерофеева Т. И. Локальная окрашенность литературной разговорной речи горожан / Т. И. Ерофеева. — Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1979. — 91 с.
16. Живая речь уральского города: [сб. науч. тр.] / [ред. Н. А. Купина]. — Свердловск, 1988. — 182 с.
17. Жильцова Т. П. Локальные особенности предударного вокализма в речи жителей г. Красноярска / Т. П. Жильцова // Сибирские говоры: функционирование и взаимодействие диалектной речи и литературного языка. — Красноярск, 1988. — С. 3–9.
18. Жирмунский В. М. Национальный язык и социальные диалекты / В. М. Жирмунский. — Ленинград: Худ. лит., 1936. — 300 с.
19. Зеленецкий К. П. О русском языке в Новороссийском крае / К. П. Зеленецкий. — О.: Францов и Нитче, 1855. — 34 с.
20. Иванов Вяч. Вс. Языки большого города // Лингвистика третьего тысячелетия / Вячеслав Всеволодович Иванов. — М.: Языки славян. культуры, 2004. — С. 106–122.
21. Игнаткина Л. В. Из речевых портретов русских городов (социолингвистический этюд) / Л. В. Игнаткина // Живое слово в русской речи Прикамья: межвуз. сб. науч. тр. — Пермь, 1993. — С. 77–82.
22. Каринский Н. М. Язык образованной части населения города Вятки и вятские говоры / Н. М. Каринский // Учёные записки Института русского языка и литературы. — М., 1929.
23. Колесов В. В. Язык города / В. В. Колесов. — М.: Высш. шк., 1991. — 192 с.
24. Кудрейко И. О. Социолингвистичний портрет малих міст Донеччини: автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.01 — українська мова / І. О. Кудрейко. — Донецьк, 2011. — 19 с.
25. Кудрявцева Л. А. Русское городское просторечие: Киев — 2000 / Л. А. Кудрявцева // Русистика: [науч. сб.] / [КНУ им. Т. Шевченко]. — К., 2001. — Вып. 1. — С. 4–8.
26. Лабов У. Исследование языка в его социальном контексте / Уильям Лабов; [пер. с англ. Ю. Д. Апресян] // Новое в лингвистике. Социолингвистика. — М.: Прогресс, 1975. — Вып. VII. — С. 96–181.
27. Ларин Б. А. О лингвистическом изучении города; К лингвистической характеристике города (несколько предпосылок) // История русского языка и общее языкознание (избранные работы) / Б. А. Ларин. — М.: Просвещение, 1977. — С. 175–189, 189–199.
28. Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города / Ю. М. Лотман // Семиотика города и городской культуры. Петербург: труды по знаковым системам. — Тарту, 1984. — Т. 18, вып. 664. — С. 30–45. — (Учёные записки [Тартуского ун-та]).
29. Макдэвид Р. И. Диалектные и социальные различия в городском обществе / Р. И. Макдэвид; [пер. с англ. Г. С. Шур] // Новое в лингвистике. — М.: Прогресс, 1975. — Вып. VII: Социолингвистика. — С. 363–381.
30. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие / В. А. Маслова. — 3-е изд., перераб. и доп. — Минск: Тетра-Системс, 2008. — 272 с.
31. Осипов В. И. Лексикографическое описание народно-разговорной речи современного города: теоретические аспекты / В. И. Осипов, Г. А. Боброва, Н. А. Имедадзе и др. — Омск, 1994. — 144 с.
32. Рабинович О. Мориц Сефарди: [повесть] / Осип Рабинович // Литературные вечера. — О.: Н. Фумели, 1850. — Ч. 2. — С. 5–154.
33. Ратцель Ф. Земля и жизнь. Сравнительное землеведение: в 2 т.: [пер. с нем.] [Электронный ресурс] / Фридрих Ратцель. — СПб.: Просвещение, 1905. — Режим доступа: <http://www.boengo.com/Problema-nauchnogo-opredeleniya-ponyatiya-gorod.html>. — Время доступа: 10.12.2011.
34. Сиротинина О. Б. Языковой облик Саратова / О. Б. Сиротинина // Разновидности городской устной речи. — М.: Наука, 1988. — С. 247–252.
35. Степанов С. М. Російське мовлення Одеси: [монографія] / С. М. Степанов; [ред. Ю. О. Карпенко; ОНУ ім. І. І. Мечникова]. — О.: Астропринт, 2004. — 496 с.
36. Степанов Е. Н. Русская городская речь в полилингвокультурном пространстве Одессы: дис. ... д-ра фил. наук: 10.02.02 — русский язык / Е. Н. Степанов. — О., 2013. — 595 с.
37. Стецюченко А. Самоучитель полуживого одесского языка с комментариями, дополнениями, толковым словарём / Алексей Стецюченко, Александр Осташко. — М.: Новое время; О., 1999. — 92 с.
38. Тыхеева Ю. Ц. Человек в городском пространстве: философско-антропологические основания урбанографии: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.13 «Религиоведение, философская антропология, философия культуры» / Юлия Цыреновна Тыхеева. — СПб., 2003. — 35 с.
39. Федянина О. Н. Некодифицированная лексика языка города Кирова: на материале просторечия и жаргона: дис. ... канд. фил. наук: 10.02.01 / О. Н. Федянина. — Калуга: КГУ, 1997. — 285 с.
40. Шалина И. В. Уральское городское просторечие: лингвокультурные типажы / И. В. Шалина // Известия Уральского ун-та. Серия 2. — 2009. — № 4 (70). — С. 144–150.
41. Шалина И. В. Уральское городское просторечие: культурные сценарии: монография / И. В. Шалина. — Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2009. — 444 с.
42. Шумарова Н. П. Про розвиток мовної ситуації в Києві / Н. П. Шумарова // Язык и культура: IV междунар. конф.: материалы. — К.: Collegium, 1996. — Ч. 2. — С. 183–197.
43. Geddes P. Cities in evolution / Patrick Geddes. — London: Williams & Norgate, 1915. — 117 p.
44. Mumford L. The city in history. Its Origins, its Transformations, and its Prospects / Lewis Mumford. — London: Harcourt, 1961. — 568 p.

References

1. Bahtin M. M. Estetika slovesnogo tvorcestva / M. M. Bahtin. — M.: Iskusstvo, 1986. — 445 s.
2. Belikov V. I. Sociolinguistika: uchebnik / V. I. Belikov, L. P. Krysin. — M.: RGGU, 2001. — 440 s.
3. Bogdanovich G. Ju. Russkij jazyk v mul'tikul'turnoj jazykovoj situacii (po dannym sociolinguisticheskikh issledovanij) / G. Ju. Bogdanovich // Nauka i obrazovanie Kryma. — Simferopol', 2002. — № 2. — S. 11–26.
4. Bol'shie goroda, ih obshhestvennoe, politicheskoe i ekonomicheskoe znachenie: sbornik: [per. s nem.] / [red. K. Bjuher]. — SPb.: Prosveshhenie, 1905. — 208 s.
5. Bondaletov V. D. Uslovnye jazyki russkikh remeslennikov i trgovcev. Slovoпроизводство / V. D. Bondaletov. — Rjazan', 1980. — 105 s.
6. Bondaletov V. D. Tipologija i genezis russkikh argo / V. D. Bondaletov. — Rjazan': RGPI, 1987. — 82 s.

7. *Vinogradov V. V.* Ocherki po istorii russkogo literaturnogo jazyka XVII–XIX vekov / V. V. Vinogradov. — 3-e izd. — M.: Vysshaja shkola, 1982. — 529 s.
8. *Gajdamak N. A.* Dialektizmy kak sostavnaja chast' narodno-razgovornoj rechi sovremennogo goroda: na materiale rechi zhitelej g. Omska: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01 / N. A. Gajdamak. — Omsk, 2003. — 271 s.
9. *Gojhman O. Ja.* Rechevaja komunikacija [Elektronnyj resurs] / O. Ja. Gojzman, T. M. Nadeina. — 70 s. — Rezhim dostupa: http://ixbook.net/read_rehevaya_kommunikaciya_id33906.html. — Vremja dostupa: 10.10.2011.
10. *Gorbach O.* Arro v Ukraïni / Oleksa Gorbach. — L'viv: In-t Ukraïnoznavstva im. I. Krip'jakevicha NAN Ukraïni, 2006. — 688 s. — (Dialektologichna skrynja).
11. *Grevs I. M.* Monumental'nyj gorod i istoricheskie ekskursii / I. M. Grevs // Ekskursionnoe delo. — 1922. — № 1. — S. 11–32.
12. *Darkevich V. P.* Proishozhdenie i razvitie gorodov Drevnej Rusi (X–XIII veka) / V. P. Darkevich // Voprosy istorii. — 1994. — № 10. — S. 43–60.
13. *Dolopchev V.* Opyt slovarja nepravil'nostej v russkoj razgovornoj rechi (preimushhestvenno v Juzhnoj Rossii) / Vladimir Dolopchev. — O.: Tip. «Odesskij Vestnik», 1886. — 180 s.
14. *Eliustratov V. S.* Jazyk staroj Moskvy: lingvoenciklopedicheskij slovar' / V. S. Eliustratov. — M.: Rus. slovari, 1997. — 704 s.
15. *Erofeeva T. I.* Lokal'naja okrashennost' literaturnoj razgovornoj rechi gorozhan / T. I. Erofeeva. — Perm': Izd-vo Permskogo un-ta, 1979. — 91 s.
16. *Zhivaja rech' ural'skogo goroda*: [sb. nauch. tr.] / [red. N. A. Kupina]. — Sverdlovsk, 1988. — 182 s.
17. *Zhil'cova T. P.* Lokal'nye osobennosti predudarnogo vokalizma v rechi zhitelej g. Krasnojarska / T. P. Zhil'cova // Sibirskie govory: funkcionirovanie i vzaimodejstvie dialektnoj rechi i literaturnogo jazyka. — Krasnojarsk, 1988. — S. 3–9.
18. *Zhirmunskij V. M.* Nacional'nyj jazyk i social'nye dialekty / V. M. Zhirmunskij. — Leningrad: Hudozhestvennaja literatura, 1936. — 300 s.
19. *Zeleneckij K. P.* O russkom jazyke v Novorossijskom krae / K. P. Zeleneckij. — Odessa: Francov i Nitche, 1855. — 34 s.
20. *Ivanov Vjach. Vs.* Jazyki bol'shogo goroda // Lingvistika tret'ego tysjacheletija / Vjacheslav Vsevolodovich Ivanov. — M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. — S. 106–122.
21. *Ignatkina L. V.* Iz rechevych portretov russkih gorodov (sociolingvističeskij etjud) / L. V. Ignatkina // Zhivoe slovo v russkoj rechi Prikam'ja: mezhvuz. sb. nauch. tr. — Perm', 1993. — S. 77–82.
22. *Karinskij N. M.* Jazyk obrazovannoj chasti naselenija goroda Vjatki i vjatskie govory / N. M. Karinskij // Uchionye zapiski Instituta russkogo jazyka i literatury. — M., 1929.
23. *Kolesov V. V.* Jazyk goroda / V. V. Kolesov. — M.: Vysshaja shkola, 1991. — 192 s.
24. *Kudrejko I. O.* Sociolingvističnyj portret malyh mist Donechchyn: avtoref. dys. ... kand. filol. nauk: 10.02.01 — Ukraïns'ka mova / I. O. Kudrejko. — Donec'k, 2011. — 19 s.
25. *Kudrjavceva L. A.* Russkoe gorodskoe prostorechie: Kiev — 2000 / L. A. Kudrjavceva // Rusistika: [nauch. sb.] / [KNU im. T. Shevchenko]. — K., 2001. — Vyp. 1. — S. 4–8.
26. *Labov U.* Issledovanie jazyka v ego social'nom kontekste / Uil'jam Labov; [per. s angl. Ju. D. Apresian] // Novoe v lingvistike. Sociolingvistika. — M.: Progress, 1975. — Vyp. VII. — S. 96–181.
27. *Larin B. A.* K lingvističeskoj karakteristike goroda (neskol'ko predposylok) // Istorija russkogo jazyka i obshhee jazykoznanie (izbrannye raboty) / B. A. Larin. — M.: Prosveshhenie, 1977. — S. 189–199.
28. *Lotman Ju. M.* Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda / Ju. M. Lotman // Semiotika goroda i gorodskoj kul'tury. Peterburg: trudy po znakovym sistemam. — Tartu, 1984. — T. 18, vyp. 664. — S. 30–45. — (Uchionye zapiski [Tartuskogo un-ta]).
29. *Makdevid R. I.* Dialektnye i social'nye razlichija v gorodskom obshhestve / R. I. Makdevid; [per. s angl. G. S. Shhur] // Novoe v lingvistike. — M.: Progress, 1975. — Vyp. VII: Sociolingvistika. — S. 363–381.
30. *Maslova V. A.* Kognitivnaja lingvistika: ucheb. posobie / V. A. Maslova. — 3-e izd., pererab. i dop. — Minsk: TetraSistemas, 2008. — 272 s.
31. *Osipov B. I.* Leksikograficheskoe opisanie narodno-razgovornoj rechi sovremennogo goroda: teoreticheskie aspekty / B. I. Osipov, G. A. Bobrova, N. A. Imedadze i dr. — Omsk, 1994. — 144 s.
32. *Rabinovich O.* Moric Sefardi: [povest'] / Osip Rabinovich // Literaturnye vechera. — Odessa: N. Fumeli, 1850. — Ch. 2. — S. 5–154.
33. *Ratcel' F.* Zemlja i zhizn'. Sravnitel'noe zemlevedenie: v 2 t.: [per. s nem.] [Elektronnyj resurs] / Fridrih Ratcel'. — SPb.: Prosveshhenie, 1905. — Rezhim dostupa: <http://www.boengo.com/Problema-nauchnogo-opredeleniya-ponyatiya-gorod.html>. — Vremja dostupa: 10.12.2011.
34. *Sirotinina O. B.* Jazykovej oblik Saratova / O. B. Sirotinina // Raznovidnosti gorodskoj ustnoj rechi. — M.: Nauka, 1988. — S. 247–252.
35. *Stepanov Ie. M.* Rosijs'ke movlennja Odesi: [monografija] / Ie. M. Stepanov; [red. Ju. O. Karpenko; ONU im. I. I. Mechnikova]. — Odesa: Astroprint, 2004. — 496 s.
36. *Stepanov Ie. N.* Russkaja gorodskaja rech' v polilingvokul'turnom prostranstve Odessy: dis. ... doktora filol. nauk: 10.02.02 — russkij jazyk / Ie. N. Stepanov. — Odessa, 2013. — 595 s.
37. *Steciuchenko A.* Samouchitel' poluzhivogo odesskogo jazyka s kommentarijami, dopolnenijami, tolkovym slovariom / Aleksej Steciuchenko, Aleksandr Ostashko. — M.: Novoe vremia; Odessa, 1999. — 92 s.
38. *Tyheeva Ju. C.* Chelovek v gorodskom prostranstve: filosofsko-antropologicheskie osnovanija urbanologii: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk: 09.00.13 «Religiovedenie, filosofskaja antropologija, filosofija kul'tury» / Julija Cyrenovna Tyheeva. — SPb., 2003. — 35 s.
39. *Fedjanina O. N.* Nekodificirovannaja leksika jazyka goroda Kirova: na materiale prostorechija i zhargona: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01 / O. N. Fedjanina. — Kaluga: KGU, 1997. — 285 s.
40. *Shalina I. V.* Ural'skoe gorodskoe prostorechie: lingvokul'turnye tipazhi / I. V. Shalina // Izvestija Ural'skogo un-ta. Serija 2. — 2009. — № 4 (70). — S. 144–150.
41. *Shalina I. V.* Ural'skoe gorodskoe prostorechie: kul'turnye scenario: monografija / I. V. Shalina. — Ekaterinburg: Izd-vo UrGU, 2009. — 444 s.
42. *Shumarova N. P.* Pro rozvitok movnoi situacii v Kievii / N. P. Shumarova // Jazyk i kul'tura: IV mezhdunar. konf.: materialy. — K.: Collegium, 1996. — Ch. 2. — S. 183–197.
43. *Geddes P.* Cities in evolution / Patrick Geddes. — London: Williams & Norgate, 1915. — 117 p.
44. *Mumford L.* The city in history. Its Origins, its Transformations, and its Prospects / Lewis Mumford. — London: Harcourt, 1961. — 568 p.

СТЕПАНОВ Євгеній Миколайович,

доктор філологічних наук, зав. кафедри російської мови Одеського національного університету імені І. І. Мечникова;
Одеса, Україна;
e-mail: stepanov.odessa@gmail.com; тел.: +38 (048) 7762277; моб.: +38 096 4966406

ВЗАЄМОДІЯ НАУКОВИХ ЛІНГВІСТИЧНИХ ПІДХОДІВ У ДОСЛІДЖЕННІ РОСІЙСЬКОГО МІСЬКОГО МОВЛЕННЯ

Анотація. У статті показано шляхи взаємодії порівняльно-історичного, системно-структурного й антропоцентричного підходів у науковому дослідженні російського міського мовлення. Поліпарадигмальний підхід забезпечує комплексне дослідження феномену мови міста.

Методика порівняльно-історичного аналізу використовується у виявленні власне лінгвістичних і екстралінгвістичних причин, що породжують мовленнєві особливості городян, допомагаючи встановити процеси зміни етномовних і цивілізаційних пріоритетів у різних містах. Вивчаються процеси впливу діалектів та іноземних мов на мовлення городян, історія та закономірності розвитку міських і територіальних койне.

Системно-структурний підхід дає змогу розглянути мову міста як стратифікаційно, функціонально, ситуативно, семіотично, ідеографічно впорядковану структуру. Системно-структурні методи дослідження допомагають виявляти, інвентаризувати й систематизувати фонетичні, лексичні, словотвірні, фразеологічні, граматичні та інші особливості різних міських койне; встановити правила моделювання міського тексту.

Об'єктом антропоцентричних досліджень в урбанолінгвістиці є мовна особистість городянина. У рамках цього напрямку досліджуються когнітивні, психолінгвістичні, етнолінгвістичні, лінгвокультурологічні проблеми мовної практики людини в місті; вивчається мовна картина світу городянина, специфіка його мовного портрета, процеси породження нових смислів і форм в індивідуальній свідомості, їх закріплення або згасання в колективному комунікативному просторі міста; виділяються міські мовні типи, міські лінгвокультурні сценарії. Вивчаються також механізми становлення індивідуальної картини світу й ідіолекту міської мовної особистості. З точки зору авторського ідіостилу досліджується міський текст.

Ключові слова: російська мова; міське мовлення; методологія урбанолінгвістичного дослідження; порівняльно-історичний підхід; системно-структурний підхід; антропоцентричний підхід; поліпарадигмальний підхід.

Ievgenii N. STEPANOV,

Grand Ph.D. in Philological Sciences, Head of the Russian Language Department of the Odessa I. I. Mechnikov National University; Odessa, Ukraine;
e-mail: stepanov.odessa@gmail.com; tel.: +38 (048) 7762277; моб.: +38 096 4966406

INTERACTION OF SCIENTIFIC LINGUISTIC APPROACHES TO RESEARCH THE RUSSIAN URBAN LANGUAGE

Summary. The article examines the interactive ways of comparative and historical, systematic-structural, and anthropocentric approaches in scientific research the Russian urban language. Multiparadigmatic approach provides a comprehensive study of the phenomenon of urban language.

The methodology and the technique of comparative and historical analysis are used to identify the proper linguistic and extralinguistic causes of speech features of the townspeople, helping to establish the processes of change the ethno-linguistic and civilizational priorities in different cities. The processes of influence of dialects and foreign languages in the speech of townspeople, the history and patterns of development of urban and territorial Koine are studied in this article.

Systemic-structural approach allows to consider the urban language as a stratificationally, functionally, situationally, semiotically, ideographically ordered structure. Systemic-structural research methods help to detect, to inventory and to systematize phonetic, lexical, derivational, phraseological, grammatical and other characteristics of different urban Koine; to establish the rules for modeling urban texts.

Language personality of a townsman is an object of anthropocentric research in urbanolinguistics. The cognitive, psycholinguistic, ethno-linguistic, cultural problems of language practice by human; language world picture of a townsman, the specificity of his speech portrait, the processes of generating new meanings and forms in the individual consciousness, or fixing their fading in the collective communicative space of the city are studied in developing anthropocentric line. Character types of townsmen and urban lingual cultural scenarios, the mechanisms of formation of personal world picture and idiolect of townsman, as well as author's idiostyle for urban text are investigated in the framework of anthropocentric approach.

Key words: the Russian language; urban language; urbanolinguistic research methodology; comparative-historical approach; systemic-structural approach; anthropocentric approach; multiparadigmatic approach.

Статтю отримано 25.04.2014 р.

УДК 811.161.1'221'276.1-05 Чехов

ТИТАРЕНКО Майя Валерьевна,аспирант кафедры общего языкознания и германистики Национального педагогического университета имени М. П. Драгоманова; Киев, Украина;
e-mail: mayavt@mail.ru; тел. +38 (067) 4338380

НЕВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ЭКСПЛИКАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА В ПРОЗЕ А. П. ЧЕХОВА

Аннотация. В статье говорится об информации, которая передаётся невербальным путём, а точнее посредством знаков. Подобная информация переносится автором в подтекст произведения в расчёте на то, что читатель самостоятельно, с учётом собственных фоновых знаний интерпретирует её. Трудности могут возникнуть в случае культурного разрыва между читателем и автором, то есть при межкультурной коммуникации или в случае принадлежности текста другой эпохе. В статье проанализированы знаки и символы социального статуса, их реализация в прозе А. П. Чехова. Особый интерес представили типы знаковых систем невербальной семиотики. Знаки в художественном тексте были рассмотрены с помощью междисциплинарного подхода к изучению данной проблемы. Выявлены также индексы высокого и низкого социального статуса в исследуемый период в русском языковом обществе.

Ключевые слова: знак, символ, социальный статус, код.

Экспликация социального статуса в коммуникации является крайне важной; особенно важна она в художественной речи. Наличие такой экспликации помогает коммуникантам получить необходимую информацию друг о друге ещё до начала речевого акта, лучше узнать друг друга, выбрать необходимую речевую стратегию.

Для отображения социального статуса в тексте автор необязательно прямо указывает на статус персонажа. С целью обозначить социальный статус героя автор употребляет различные знаки и символы. Знаки заменяют сущности, явления, вещи и позволяют людям обмениваться информацией. Наиболее знакомый и употребляемый вид знаков — слова. Однако мы широко пользуемся и другими видами знаков. Знаки с особенной активностью аккумулируют социальный опыт: ордена и звания, гербы и ритуалы, деньги и обряды — всё это знаки, отражающие разные принципы организации человеческого коллектива [5, с. 9].

Цель данного исследования: определить и проанализировать невербальные средства, которые указывают на высокий или низкий социальный статус персонажа в художественном тексте.

Проблемы семиотики рассматривались в разное время широким кругом учёных, как лингвистов, так и не лингвистов: Ч. Пирсом, Ф. де Соссюром, Р. О. Якобсоном, Ю. М. Лотманом, Ю. С. Степановым, Р. Бартом, Г. Е. Крейдлиным, Г. С. Кнабе, Т. С. Махлиной.

Знак характеризуется определёнными особенностями. Соссюр выделяет два принципа: произвольность знака и линейный характер означающего. Первый принцип основан на том, что «всякий принятый в данном обществе способ выражения в основном покоится на коллективной привычке» [8, с. 79]. В этом и заключается основное отличие знака от символа: «символ характеризуется тем, что он не до конца произволен; он не вполне пуст, в нём есть рудимент естественной связи между означающим и означаемым» [8, с. 79]. Символ связан с памятью культуры, и целый ряд символических образов пронизывает по вертикали всю историю человечества или большие её ареальные пласты [5, с. 225]. Основным же отличием символа от знака является то, что «символ не принадлежит какому-либо одному синхронному срезу культуры — он пронзает этот срез по вертикали, соединяя прошлое и будущее» [5, с. 239]. Символ — посредник между разными сферами семиозиса, а также между семиотической и внесемиотической реальностью. В равной мере он посредник между синхронией текста и памятью культуры. Роль его — роль семиотического конденсатора. Обобщая, можно сказать, что структура символов той или иной культуры образует систему, изоморфную и изофункциональную генетической памяти индивида [5, с. 249].

Таким образом, знаки, по которым можно определить социальный статус, могут различаться в зависимости от нации, времени, социального положения в обществе. Некоторые знаки могут перестать быть индикатором статуса, в то время как их заменят другие, чего нельзя утверждать относительно символов.

Все знаки в тексте вступают в соотношения с внетекстовой памятью. [5, с. 21]. Следовательно, любой знак носит социальный характер и направлен на взаимосвязь с социумом. Совокупности знаков представляют собой коды, посредством которых воспринимаются сообщения. Автор текста использует коды для передачи информации [5, с. 217].

Семиотика находит свои объекты повсюду. Но везде её непосредственным предметом является информационная система, т. е. система, несущая информацию, и элементарное ядро такой системы — знаковая система [2, с. 5]. Каждый знак относится к определённой системе. Ю. С. Степанов выделял 10 типов знаковых систем: внутреннее состояние отражения, тропизм, физиологическая система связи, этограмма, паралингвистика, неявный уровень материальной культуры, неявный уровень языка: коннотативный уровень языка, денотативный уровень языка, структурный уровень языка, абстрактная семиотика. Из предложенной классификации в ходе исследования нас интересует: паралингвистика

(действия, жесты и позы человека, как, напр., подталкивание — знак удалиться), неявный уровень материальной культуры (действия, жесты и позы человека, такие, как культовый танец; манера сидеть; расстановка мебели) [7]. Символика элементов культуры жизнеобеспечения (предметов быта, воинского снаряжения, украшений) относится к системе невербальной коммуникации.

В своём исследовании С. Т. Махлина выделяет два типа семиотики повседневности: невербальную семиотику и семантику окружающих человека предметов и явлений [6]. В то время как Г. Е. Крейдлин, исследовавший невербальную семиотику в полном объёме, предлагает также ввести в круг наук, изучающих невербальную семиотику, системологию, которую он обозначает как науку о системах объектов, каковыми люди окружают свой мир.

Среди наук, которые занимаются трактовкой тех или иных знаков и символов различают следующие:

Ольфакция — наука о языке запахов, смыслах, передаваемых с помощью запахов, и роли запахов в коммуникации. Запахи играют важную роль при определении статуса, так как дорогие духи могут позволить себе состоятельные люди. Так, в рассказе «Толстый и Тонкий» при описании Толстого «пахло от него хересом и флёр-д'оранжем» Тонкого — «пахло от него ветчиной и кофейной гущей». В рассказе «Анна на шее» при характеристике отца упоминается, что он «прыскался духами», это даёт читателю понять, что, несмотря на нынешнюю бедность героя, у него осталась привычка, характерная для людей высшего общества, — использовать парфюмерию.

Гастика — наука о знаковых и коммуникативных функциях снадобий и угощений. Очевидно, что имущественный статус легко определить по диете — неординарности, дороговизне, разнообразию продуктов. Еда и напитки различаются по ценовой категории, некоторые блюда могут быть признаком эксклюзивности.

Так, в рассказе «Анна на шее» автор описывает обыденную трапезу семьи Анны следующим образом, подчёркивая её бедность: *«она садилась и кушала с ними щи, кашу и картошку, жаренную на бараньем сале, от которого пахло свечкой»*. На балу же подавали *«блюдечко с красным мороженым»* и *«бокал шампанского»*.

Гастика изучает также сервировку стола. На благотворительном балу в этом же рассказе был *«серебряный самовар с чашками»*. О статусе чиновника из рассказа «Ряженые» можно судить также по его вкусовым пристрастиям: *«несколько слуг готовят для него устриц, шампанское и фазанов»*.

Языки Жестов, или Кинесика. Жест — демонстративное выразительное движение человеческого тела или некоторого органа, сигнализирующего о чём-то [4]. Языки жестов являются природной формой выражения индивидуально-психологических и общественных процессов. Среди знаковых форм кинесики выделяют жесты, мимику, позы, телодвижения и манеры.

При описании Анны в рассказе «Анна на шее» упоминается, что она *«умела щурить глаза, картавить, принимать красивые позы, приходиться, когда нужно, в восторг, глядеть печально и загадочно»* (несмотря на ироничность данного высказывания, автор все же даёт описание, того, что Анна умела вести себя в светском обществе). В этом же рассказе, когда Модест Алексеич пришёл благодарить графа, то *«его сиятельство отложил в сторону газету и сел поглубже в кресло»*. В этом эпизоде мы видим пример несимметричного поведения. Г. Е. Крейдлин обращает внимание на то, что несимметричное приветствие интерпретируется как выражающее доминацию или, наоборот, подчинённое положение одного из коммуникативных партнеров [4].

Проксемика — наука о пространстве коммуникации, о том, как человек мыслит коммуникативное пространство, обживает его и использует.

Одним из любимых предметов проксемики является семиология (наполнение культурными смыслами) различных частей жилища: дома, квартиры, комнаты. Так, бельэтаж традиционно считается хорошим этажом, а для простолюдинов отводят первые этажи и подвалы.

В сер. XIX в. с развитием буржуазных отношений появился многоэтажный дом — доходный. Городская квартира в этом доме — новый тип жилого пространства. Так, в рассказе «Анна на шее» герои живут в казённой квартире вместе с сослуживцами мужа Анны. А дом князя значительно больше, в нём есть *«подъезд со швейцаром»*, *«передняя с вешалками»* и *«большой зал»*. Когда Червяков в «Смерти чиновника» приходит к Бризжалову, то генерал встречает его в собственной приёмной, которая находится в его квартире: *«генерал кончил беседу с последним просителем и направился во внутренние апартаменты»*. В рассказе «Ряженые» чиновник ожидает, когда ему подадут ужин в столовой: *«в столовой несколько слуг готовят для него»*.

Можно проследить тенденцию: чем выше у человека статус, тем большей территорией он обладает.

Немалую роль в жизни общества XIX в. играет театр. Особенность посадочных мест с лёгкостью помогала определить положение в обществе «места в театре резко различались по социальному составу зрителей» [9].

Чехов в рассказе «Ряженые» описывает театр следующим образом: *«шесть подъездов, тысяча огней, толпа, жандармы, барышники. Это театр»*. В рассказе «Смерть чиновника» первая встреча героев происходит в театре: *«Иван Дмитрич Червяков сидел во втором ряду кресел»*, а статский генерал Бризжалов сидел в первом ряду.

Следует обратить внимание на то, что креслами именовались передние ряды партера и занимали их исключительно мужчины, принадлежавшие высшему свету; состоятельные женщины из высших кругов занимали ложи. Так, в рассказе «Ряженые» упоминается дама в ложе. Признаком её богат-

тва является также лакей, ожидающий в коридоре: «состоятельные люди ездили в театр со своими лакеями, которые во время спектакля стерегли их одежду» [9] — «в коридоре ожидает её лакей с галунами».

Хронемика — использование времени в невербальном коммуникационном процессе. Для общения время является не менее важным фактором, чем слова, жесты, позы и дистанции. Так, в рассказе «Анна на шее» время играет важную роль для определения статуса: «Аню провожали домой, ... уже светало, и кухарки шли на рынок», «возвращалась она домой каждый день под утро», «во втором часу дня её разбудила горничная». Следовательно, человек, имеющий высокий социальный статус, может себе позволить более свободно проводить время.

Вещи и интерьер также являются знаками. Вещь может быть ценной, с древности она начинает служить в качестве знака, символа социального положения человека [6]. В рассказе «Анна на шее» муж дарил «Ане кольца, браслеты и броши». Дама из «Ряженных» — обладательница недешёвых ювелирных украшений: «на белых руках её по массивному браслету, на груди бриллиантовая брошь».

Описывая бал в рассказе «Анна на шее», автор уточняет, что у дам был «в руках веер». Вообще веер представляет собой особый интерес, так как он обладает своим языком. Причём языком должны были владеть не только дамы, но и мужчины, чтобы прочесть эти знаки. Существовали специальные учебные пособия, где был описан этот язык. Мы можем прийти к выводу, что люди, не вхожие в высшее общество, вряд ли знали этот код, следовательно, сам веер также можно считать символом определённого статуса.

В рассказах Чехова фигурируют также ордена. Более того, в рассказе «Анна на шее» автор имплицитно ссылается на орден уже в заглавии, так как орден святой Анны второй степени носился на шее, в обиходе он назывался «Анна на шее». Кроме того, речь идёт и об ордене Владимира IV степени. Рассказ «Толстый и Тонкий» также изобилует указаниями на обладание героев наградами. Так, Тонкий говорит, что имеет орден Святого Станислава. Это орден Российской империи с 1831 до 1917 года, самая младшая по старшинству в иерархии государственных наград, которой, награждали, главным образом, чиновников. Толстый же обладает не только орденом Святого Станислава, но и орденом Святой Анны: «две звезды имею». Императорский орден Святой Анны был учреждён для отличия широкого круга государственных чиновников и военных.

Несмотря на то, что животные не относятся к миру вещей, они также являются символами социального статуса. Так, к примеру, у Артынова в рассказе «Анна на шее» были «две борзые», у Анны Сергеевны из «Дамы с собачкой» был шпиц. Обладать породистой собакой могли только состоятельные люди.

Одежда — это определённый знак личностных особенностей, она информирует о многих качествах человека. В оформлении внешнего облика индивида с помощью семиотики одежды заключена целая иерархия знаковых систем. Ведь известно, что с древних пор костюм являл собой знак социального статуса хозяина. О. Е. Баженова рассматривает мундир как способ демонстрации социального статуса его владельца. По её мнению, форменный костюм выполнял важную символическую и коммуникативную функции. Как знак-символ он позволял мгновенно производить заключение по разным признакам: свой — чужой; старший — равный — низший; по роду службы, ведомству; по сословной принадлежности его владельца [1].

Отец Анны при первом упоминании появляется «в учительском фраке», что сразу даёт подсказку о его профессии и статусе; при подготовке к балу он «завязывал бантом галстук, потом надевал перчатки, цилиндр». Чтобы сравнить социальный статус Анны до и после замужества, автор, описывая её одежду до замужества, указывает, что Анна одета в «дешёвую шляпку и дырочки на ботинках, замазанные чернилами»; а вот после замужества она была в «новом великолепном платье и в шляпке», «бальном платье».

Важную роль одежда играет в рассказе «Ряженные». Так, сидящая в театре дама «одета роскошно», «около неё лежит тысячная шубка», «в коридоре ожидает её лакей с галунами». Чиновник же из этого рассказа сидит во «фраке». Фраки служили самым обычным одеянием имущих горожан [9]. Для описания толпы бродяг из этого же рассказа автор с помощью синекдохи одушевляет предметы одежды неимущих слоёв: «толпа, состоящая из пьяных тулузов и кацавеек». В рассказе «Смерть чиновника» Червяков надевает вицмундир (непременная форменная одежда чиновников) перед походом к генералу, и в нём же помирает.

Семиотика денег. Деньги — общепринятый символ богатства, материального благосостояния и торговли. В рассказе «Анна на шее» неоднократно упоминаются деньги: «Двадцать пять копеек» (за грушу), «давал двугривенные» (на личные расходы), «пятьдесят рублей взаймы», «сто рублей» (на платье) (и за бокал шампанского), «не меньше рубля» (за чашку чая), «десять рублей» (за рюмку коньяка). На момент написания рассказа (1895) один рубль был эквивалентен 780 рублям нашего времени [11].

В рассказе «Ряженные» чиновник играет в карты на большие суммы: «около его рук куча денег. Ему ведь ничего не стоит проиграть тысячу, другую». Внимание читателя обращено на то, что денег у него действительно много, за счёт использования слова «куча», определение которого толковый словарь под ред. С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой даёт как множество кого-чего-н., то есть количество денег сложно сосчитать [12]. Следует обратить внимание и на то, что он на них играет в карты. Как отмечает Ю. А. Федосюк, «карточные игры занимали огромное место в жизни имущих и образованных слоёв общества XVIII—XIX веков» [9].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что часть информации о социальном статусе персонажа подаётся автором невербальным путём, посредством использования знаков и символов. Знаки с особенной активностью аккумулируют социальный опыт: ордена и звания, гербы и ритуалы, деньги и обряды — всё это знаки. Социальный статус можно определять не только посредством знаков, но и грамотным их прочтением, так как некоторые знаки носят имплицитный характер и раскрываются в определённом социальном кругу.

Литература

1. *Баженова О. Е.* Социокультурный код в мундире горного офицера 18–19 вв. / О. Е. Баженова // Всероссийский семинар молодых учёных. Дефиниции культуры. — Томск, 1998. — Вып. I. — С. 31–35.
2. *В мире семиотики* // Семиотика: антология / сост. Ю. С. Степанов. — М.: Академический Проект, 2001. — С. 5–42.
3. *Карасик В. И.* Язык социального статуса / В. И. Карасик; Ин-т языкознания РАН, Волгогр. гос. пед. ин-т. — М., 1992. — 330 с.
4. *Крейдлин Г. Е.* Невербальная семиотика / Г. Е. Крейдлин. — М.: НЛО, 2002. — 581 с.
5. *Лотман Ю. М.* Семносфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров: Статьи. Исследования. Заметки / Ю. М. Лотман. — СПб.: Искусство-СПБ, 2000. — 704 с.
6. *Махлина Т. С.* Семиотика культуры повседневности / Т. С. Махлина. — СПб.: Алетейя, 2009. — 231 с.
7. *Степанов Ю. С.* Семиотика / Ю. С. Степанов. — М.: Наука, 1971. — 168 с.
8. *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр. — М., 1999. — 278 с. — (Лингвистическое наследие XX века).
9. *Федосюк Ю. А.* Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века / Ю. А. Федосюк. — М.: Флинта, Наука, 2010. — 264 с.
10. *Чехов А. П.* Собрание сочинений. В 12 т. Т. 2 / А. П. Чехов. — М.: ГИХЛ, 1954. — 503 с.
11. *Деньги России* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.russian-money.ru>.
12. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — Режим доступа: <http://ozhegov.info/slovar/>

References

1. *Bazhenova O. E.* Sotsiokulturniy kod v mundire gornogo ofitsera 18-19 vv. / O. Ye. Bazhenova // Vserossiyskiy seminar molodykh uchenykh. Definitzii kulturyi. — Tomsk, 1998. — Vyp. I. — S. 31–35.
2. *V mire semiotiki* // Semiotika: antologiya / sost. Yu. S. Stepanov. — M.: Akademicheskii Proekt, 2001. — S. 5–42.
3. *Karasik V. I.* Yazyk sotsialnogo statusa / V. I. Karasik; In-t yazykoznaneya RAN, Volgogr. gos. ped. in-t. — M., 1992. — 330 s.
4. *Kreydlin G. Ye.* Neverbálnaya semiotka / G. E. Kreydlin. — M.: NLO, 2002. — 581 s.
5. *Lotman Yu. M.* Semiosfera. Kultura i vzryv. Vnutri myslyaschih mirov: Statji. Issledovaniya. Zametki / Yu. M. Lotman. — SPb.: Iskusstvo-SPB, 2000. — 704 s.
6. *Mahlina T. S.* Semiotika kulturyi povsednevnosti / T. S. Mahlina. — SPb.: Aleteyia, 2009. — 231 s.
7. *Stepanov Yu. S.* Semiotika / Yu. S. Stepanov. — M.: Nauka, 1971. — 168 s.
8. *Sossjur F. de.* Kurs obshhej lingvistiki / F. de Sossjur. — M., 1999. — 278 s. — (Lingvisticheskoe nasledie XX veka).
9. *Fedosjuk Yu. A.* Chto neponyatno u klassikov, ili Entsiklopediya russkogo byta XIX veka / Yu. A. Fedosjuk. — M.: Flinta, Nauka, 2010. — 264 s.
10. *Chehov A. P.* Sobranie sochineniy. V 12 t. T. 2 / A. P. Chehov. — M.: GIHL, 1954. — 503 s.
11. *Dengi Rossii.* [Elektronnyy resurs]. — Rezhim dostupa: <http://www.russian-money.ru>.
12. *Ozhegov S. I.* Tolkovyi slovar russkogo yazyka [Elektronnyy resurs] / S. I. Ozhegov, N. Yu. Shvedova. — Rezhim dostupa: <http://ozhegov.info/slovar/>

ТІТАРЕНКО Майя Валеріївна,

аспірант кафедри загального мовознавства та германістики Національного педагогічного університету імені М. П. Драгоманова; Київ, Україна;
e-mail: mayavt@mail.ru; тел.: +38 067 4338380

НЕВЕРБАЛЬНІ ЗАСОБИ ВИРАЖЕННЯ СОЦІАЛЬНОГО СТАТУСУ У ПРОЗІ А. П. ЧЕХОВА

Анотація. У статті розглянуто інформацію, яка передається невербальними засобами за допомогою певних знаків. Подібна інформація міститься у підтексті твору. Читач самостійно інтерпретує подібну інформацію, спираючись на власні фонові знання. Труднощі під час адекватної інтерпретації виникають внаслідок культурного розриву. Такі ситуації виникають у випадках міжкультурної комунікації або приналежності тексту до іншої культурної епохи. У статті проаналізовані знаки та символи соціального статусу на матеріалі прози А. П. Чехова. Особливу увагу надано типам знакових систем невербальної семиотики. Знаки в художньому тексті було розглянуто завдяки міждисциплінарному підходу. Під час дослідження були виявлені також індекси високого / низького соціального статусу в досліджуваній період російського суспільства.

Ключові слова: знак, символ, соціальний статус, код.

Maya V. TITARENKO,

postgraduate student of general linguistics and germanistics department in Dragomanov's National Pedagogical University; Kiev, Ukraine;
e-mail: mayavt@mail.ru; tel.: +38 067 4338380

NON-VERBAL EXPLICATION WAYS OF SOCIAL STATUS IN CHEKHOV'S PROSE

Summary. In this article we talk about the information that is transmitted in non-verbal way by means of signs. Such information is transferred by the author into the subtext. The reader should interpret such information taking to account his own basic world knowledge. The problem of correct interpretation is because of cultural gap between reader and author. It happens during intercultural communication, or in way, when text belongs to the other time period. The article analyzes the signs and symbols of social status, their implementation in Chekhov's prose. Of particular interest is the type of sign systems of non-verbal semiotics. Signs of a fiction text are reviewed by a multidisciplinary approach to the problem. Also during the research we found out indexes of high / low social status of studied time period of Russian society.

Keywords: sign, symbol, social status, code.

Статтю отримано 21.04.2014 р.

ПИТАННЯ КОМУНІКАТИВІСТИКИ, МЕДІАЛІНГВІСТИКИ ТА ГЕНРИСТИКИ

УДК 811.161.2'373.612.2'42:32:316.77:355.233.22

КОНДРАТЕНКО Наталія Василівна,доктор філологічних наук, завідувач кафедри прикладної лінгвістики Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Одеса, Україна;
e-mail: kondr_nat@ukr.net; тел.: +38-066-7662885**ВЕРБАЛЬНІ АСПЕКТИ АГОНАЛЬНОСТІ ЯК ПАРАМЕТРА ПОЛІТИЧНОЇ КОМУНІКАЦІЇ**

Анотація. Статтю присвячено аналізу агональності як одного із засадничих параметрів політичної комунікації. Репрезентовано огляд наукових праць із загальнотеоретичних проблем політичної лінгвістики. Представлено типологію визначальних параметрів української політичної комунікації, серед яких наголошено на параметрі агональності. Визначено агональний характер українського політичного дискурсу та здійснено аналіз спортивної лексики в аспекті реалізації політичної агональності. Проаналізовано загальну спортивну лексику, що метафоризована в політичному дискурсі. Запропоновано виокремлювати тематичні підгрупи загальної спортивної лексики, що є вербальними засобами вираження агональності. Простежено механізми метафоризації спортивної лексики в українському політичному дискурсі. Дослідження виконано на матеріалі текстів засобів масової інформації політичної тематики.

Ключові слова: політичний дискурс, агональність, спортивна лексика, спортивна метафора.

Дослідження української політичної комунікації в лінгвістичному аспекті належать до **актуальних** проблем сучасного мовознавства, оскільки вербальні складники політичного дискурсу становлять його ядрну частину та визначають вектор розгортання сучасних лінгвополітичних наукових розвідок. Загальнотеоретичні питання політичної лінгвістики наразі потребують ґрунтовного дослідження, зважаючи на відсутність в україністиці наукових праць інтегрованого характеру, присвячених сутнісних параметрам політичної комунікації.

Серед українських дослідників політичної комунікації зазначені питання було порушено в поодиноких розвідках Л. П. Нагорної [3], Л. М. Синельникової [5], К. С. Серажим [4], тоді як у російському мовознавстві діє потужна наукова школа політичної лінгвістики (А. М. Баранов, О. І. Воробйова, Н. О. Купіна, А. П. Чудінов, О. Й. Шейгал та ін.). Активний розвиток політичної лінгвістики за кордоном відбувається на фоні повільного формування цієї галузі в Україні. Цей факт вказує на необхідність розгортання новітніх українознавчих досліджень з політичної лінгвістики, передусім в аспекті визначення термінологічного апарату та визначальних параметрів політичної комунікації.

Виявлення параметрів політичної комунікації передбачає створення типології характерних ознак політичного дискурсу, серед яких засадничими вважаємо ритуальність, міфологізацію, театралізацію та агональність [2, с. 28-50]. Одним з найважливіших серед цих параметрів є агональність, що актуалізує аспект боротьби за владу [10, с. 121] в політичній комунікації.

Мета статті — аналіз вербальних засобів реалізації агональності як параметра політичної комунікації. **Завдання** роботи: визначити параметри політичної комунікації, схарактеризувати агональність як один із засадничих параметрів функціонування політичного дискурсу, виявити вербальні засоби репрезентації агональності і текстах ЗМІ політичної тематики.

Об'єкт аналізу — українська політична комунікації, **предмет** дослідження — спортивна лексика і метафорика як вербалізатори політичної агональності.

Агональність безпосередньо стосується ігрових аспектів політичної комунікації, що зумовлені актуалізацією змагальних елементів у політичній взаємодії. Термін належить до ключових культурологічних понять та пов'язаний з давньогрецькою культурою, де агонем називали етап у спортивних або інтелектуальних змаганнях. Й. Гейзінга, пропонуючи ігрову концепцію розвитку людської цивілізації та культури, вважав агон «базисом культури» [7, с. 92], що активізує людину в іграх-змаганнях. О. Й. Шейгал зазначає, що в лінгвістиці відсутнє єдине витлумачення поняття агональності, проте, аналізуючи його в когнітивному аспекті, наголошує та таких напрямках «конкретизації процесуального фрейму» [9, с. 2], як розгортання процесу у часі та в певних фазах; характеристика процесу змагання та його учасників, їх взаємин, передумов виникнення змагання тощо, тобто всі загальні риси політичної комунікації як своєрідного змагання.

Одним із вербальних засобів реалізації агональності, на нашу думку, є спортивна лексика і метафорика, тому що в політичній комунікації використання спортивної лексики зумовлено прагненням внести елементи змагання та прагнення перемоги. Проте у спорті головною є не власне перемога, а участь у спортивних змаганнях, тоді як у політиці перемога — головна мета учасників політичних перегонів. Зважаючи на це, термінологічні сполуки, як-от «політична гра», «правила гри», «політичні гравці» підкреслюють не лише ігровий характер політичної комунікації [2, с. 29], а й її агональ-

ність. При цьому активно вживають її лексику на позначення політики як гри загалом, безвідносно до спорту, що доводить загальне уявлення про політичну комунікацію як гру, напр.: *За великим рахунком, великі гравці розглядають Україну як трофей. Хтось — як політичний, хтось — як ресурсно-ідеологічний* (Дзеркало тижня. 25.11.2011). Змагальний аспект ігрової взаємодії передбачає першість, перемогу, певні дії, що мають своїми наслідками перемогу, зокрема в політичних та виборчих перегонах. Прагнення перемоги зумовлене агональністю політичної комунікації.

Агональність політичної комунікації виявляється в загальній спортивній лексиці, що не стосується окремих видів спорту, а характеризує процес заняття спорту або змагання загалом. Саме лексика, пов'язана зі змаганнями, становить ядро тематичної групи «спорт» у політичному дискурсі. Насамперед сюди належать лексеми, що вказують на характеристики спортивних ігор і процесів, напр.: *Депутат Бундестагу Віола фон Крамон назвала справу экс-міністра внутрішніх справ Юрія Луценка «політичним реваншем»* (Українська правда. 13.10.2011); *«Будь-який демонтаж Майдану у найближчий час означатиме дуже агресивний реванш з боку Януковича. Реванши не тільки щодо політиків, а щодо усього суспільства», — зазначив Луценко і наголосив: «Цього відкату з феодалізму в рабовласництво не можна допустити»* (Львівська газета. 24.12.2013). Спортивна лексика, що характеризує спортивні змагання та спорт загалом, представлена в мас-медійних текстах політичної проблематики дуже широко. Вона пов'язана з фазами спортивних змагань, характеризує умови проведення спортивних змагань або може бути використана під час розповіді про всі види спорту. А. П. Чудінов, аналізуючи російську політичну метафору, виокремлює низку фреймів, що характеризують сферу спорту, актуалізовану в політичній комунікації [8, с. 122–129].

Ми проаналізували спортивну лексику в українському політичному дискурсі й виокремили декілька тематичних підгруп (ТПГ). Перша ТПГ охоплює найменування стадій та етапів спортивних змагань, зокрема початку і завершення, які у спорті мають термінологічні назви «старт», «фініш», «раунд», «тайм» тощо залежно від специфіки виду спорту. Ю. М. Кирилова стверджує, що спортивні метафори на позначення етапів і результатів спортивних змагань становлять 25% від загальної кількості спортивних метафор [1, с. 54]. Лексика на позначення початку і завершення спортивних змагань представлена лексемами «старт» і «фініш», напр.: *Політичний сезон: низький старт, Попелюшки і принци на чорних кадилаках* (Час і Події. 9.08.2010); *Політичний старт євроінтеграційного осіннього забігу відбувся дуже мляво* (День. 21.10.2013). *Депутат від НУНС Лілія Григорович виходить із партії «Наша Україна». «Наш результат на виборах — 1% — це вирок для всієї партії, це політичний фініш», — сказала вона* (Українська правда. 9.11.2012); *Фініш для експрем'єра: румунський варіант* (УкрІнформ. 10.01.2014). Лексеми «старт» і «фініш» характеризують насамперед бігові види спорту та деякі командні, проте їх використовують і на позначення початку і завершення спортивних дій та змагань загалом.

Частотним є вживання лексем «старт» і «фініш» у політичному дискурсі щодо виборчих перегонів та політичної кампанії різних політиків. Початок виборчої кампанії асоціюється зі стартом, а є завершення, зокрема передчасне, з фінішем, напр.: *Старт президентської кампанії-2015 ознаменувався одним заявленим учасником на полі так званого «біло-синього» електорату проти щонайменше трьох бігунів на «помаранчевому» полі* (Українська правда. 4.07.2013). У наведеному прикладі актуалізовано семантичний зв'язок лексеми «старт» з біговими видами спорту, а вжито її щодо президентських виборчих перегонів. Саме в такому значенні, для найменування політичного процесу напередодні чергових виборів переважно і вживають лексему «старт», що характеризує початок спортивних і політичних змагань, напр.: *Незважаючи на те, що до офіційного старту виборчої кампанії залишається ще 3 місяці, розгортання політичними силами роботи в регіонах сигналізує про фальстарт. Про це 25 квітня повідомили представники Громадянської мережі ОПОРА під час презентації кампанії спостереження за виборами народних депутатів до Верховної Ради України та результатів першого моніторингового звіту* (Опора. 25.04.2012). Словникове значення лексеми «старт» пов'язане саме зі спортом: «Старт. — 1. Початковий етап спортивних змагань. перен. Початок чого-небудь. // Початковий момент зльоту літального апарата. // Сигнал про початок спортивного змагання або зльоту літального апарата. 2. Місце, лінія, пункт, з якого починається подолання якої-небудь віддалі (перев. на спортивних змаганнях) // Місце, лінія, пункт, з якого починається зліт літального апарата» [6, т. 9, с. 663]. Переносне значення як «початок чого-небудь» актуалізовано у метафоричному перенесенні значення лексеми «старт» у політичній комунікації.

У цьому ж прикладі наявний спортивний термін, що має одне термінологічне значення, — фальстарт як «передчасно взятий старт ким-небудь із учасників змагання» [6, т. 10, с. 555]. У політичній комунікації в такому значенні термін «фальстарт» вживають на позначення невдало розпочатих політичних процесів, напр.: *Старт чи фальстарт конституційної реформи?* (Дзеркало тижня. 12.10.2012); *Серед причин втягнення переважної частини депутатів Верховної Ради «у вир політичних амбіцій опозиційних фракцій та їх лідерів» — жадоба до влади політиків, які марять президентською булавою і «зірвалися» у фальстарт власної президентської кампанії* (Українська правда. 21.12.2013). Це приклад метафоричного вживання термінологічної лексики. Якщо лексема «старт» належить до лексики загального вжитку, то «фальстарт» має термінологічно обмежене вживання.

Припинення або перерва у спорті має термінологічну назву «тайм-аут» — це «перерва в спортивній грі на вимогу команди, передбачена правилами гри» [6, т. 5, с. 432]. У політичній комунікації цей спортивний термін вживають на позначення перерви у політичній діяльності, напр.: *Звільнена з ув'язнення лідер партії «Батьківщина» Юлія Тимошенко прийняла мудре рішення — взяла політичний тайм-аут, щоб зрозуміти настрої українського суспільства та намітити подальшу*

стратегію дій (Преса України. 25.02.2014); *Тимчасове призупинення підписання Асоціації з ЄС — це не політичний, а економічний крок. Це тайм-аут для серйозних економічних перетворень, щоб увійти в європейську сім'ю на рівних!*, — заявили депутати обласної ради у своєму зверненні (Газета по-українськи. 3.12.2013). Політичний тайм-аут також передбачений правилами політичної гри, цю лексему вживають як політичну метафору, проте стрижневе значення зберігається.

Крім позначень хронологічних меж політичної комунікації — початку, кінця та перерви, вживають номінації на позначення проміжків політичних перегонів або діяльності. Це номінації, що мають значення інтервалів, стадій спортивних змагань, напр., *тайм, тур, сет, етап* тощо. В аналізованому матеріалі частотним є використання лексеми «тур» у значенні «етап якої-небудь гри, якогось змагання, конкурсу, що становить окрему її частину // етап розвитку якої-небудь події, окрема дія або захід як частина чого-небудь» [6, т. 10, с. 323]. Саме в такому значенні лексему «тур» вживають на позначення етапів виборчої кампанії, напр.: *«Перемога Петра Порошенка вже у першому турі засвідчить єдність українського народу, сприятиме суспільній злагоді і торуватиме шлях до європейського майбутнього України», — йдеться у зверненні* (УНІАН. 30.04.2014).

Друга ТПГ загальної спортивної лексики охоплює **номінації учасників спортивних змагань**, зокрема політичних гравців, тому в ній переважають найменування учасників командних видів спорту та спортивних ігор. Проте семантичного зв'язку з конкретними видами спорту тут не зафіксовано, тому уналежнюємо цю підгрупу до загальної спортивної лексики.

Насамперед потрібно зазначити поширення в політичному дискурсі термінологічної сполуки «політичні гравці», що активно використовують сучасні ЗМІ для коментування політичної ситуації в країні, напр.: *«Під час дискусії була висловлена підтримка української територіальної цілісності і суверенітету. Рада вважає важливим стриманість всіх політичних гравців в Україні і закликає до політичного діалогу», — сказала литовський дипломат* (Дзеркало тижня, 2014, 1 березня). А. П. Чудінов стверджує, що вживання «у політичному мовленні метафори гри переважно має негативний прагматичний потенціал: вважають, що політичний діяч, який поважає себе, свою справу та оточуючих, має бути щирим» [8, с. 124]. Найменування суб'єктів спортивних змагань і спортивних ігор поширене в політичних текстах, де їх називають «політичними гравцями» або «учасниками політичної гри», напр.: *Це не означає, що всі українські крайні праві політичні гравці є підробкою* (Критика. 10.04.2014); *В Україні та за її межами є політичні гравці, які не хочуть успішних виборів 25 травня* (Радіо Свобода. 1.05.2014).

На позначення групи політичних гравців або сукупності політиків зі спільними політичними поглядами використовують поняття «команда», що вживають як спортивний термін для найменування учасників командних спортивних ігор — футболу, баскетболу, волейболу тощо, напр.: *«Це провокація з метою дискредитувати Верховну Раду автономії, позбавити її легітимності. На жаль, ця провокація організована і підтримана макіївською командою в кримському уряді, яка заради збереження влади готова пожертвувати суспільно-політичною стабільністю на півострові», — цитує Константинова прес-центр ВР Криму* (ВВС Україна 26.02.2014). Інтерес українських політиків до командних видів змагань зумовлює активне використання таких збірних номінацій, як «команда» та «збірна», напр.: *Шкода, але більшість талановитих гравців не пройшла у збірну українських політиків і незаслужено ізольована від активної політичної діяльності у ВР. Але оскільки ми створюємо уряд, здатний працювати, то дозволимо собі залучити їх до гри в команді. Зрештою гравець не обов'язково повинен належати до одного з вищезгаданих фан-клубів* (2000. 30.06.2006); *Новостворений Кабмін може починати виводити країну з кризи хоч завтра. Можливо, в ньому недостатньо зірок, які забивають під будь-яким кутком, але зрештою гру роблять не зірки, а спрацьована команда* (Українська правда. 23.02.2013). Номінації суб'єктів спортивних змагань, вжиті як політичні метафори становлять нечисленну групу в проаналізованому матеріалі.

Крім двох ТПГ загальної спортивної лексики в політичному дискурсі вживають вузькоспеціалізовану лексику, пов'язану з різними видами спорту.

Отже, сучасна українська політична комунікація має внутрішню ігрову природу, що уможлиблює її порівняння з іграми різних типів, серед яких особливе місце належить спортивним іграм. У спортивних іграх на перше місце виходить змагальний аспект, що орієнтований не лише на перемогу, а загалом на участь. Будь-які спортивні заходи передусім мають на меті не перемогу, а участь, але в політичній комунікації релевантними є як участь, так і перемога. Порівняння політики зі спортом є частотним на шпальтах сучасних видань та Інтернет-джерел, тому термінологічні сполуки «політична гра», «правила гри», «політичні гравці» підкреслюють не лише ігровий характер політичної комунікації, а й її агональність.

Спортивна лексика в політичній комунікації поділена на дві групи: перша група охоплює загальну спортивну лексику безвідносно до видів спорту, а друга група містить вузькоспеціалізовану спортивну термінологію. Спортивна лексика, що характеризує спортивні змагання та спорт загалом пов'язана з фазами спортивних змагань, характеризує умови проведення спортивних змагань або може бути використана під час розповіді про всі види спорту. Крім того, сюди належить і номінації суб'єктів спортивних змагань та учасників спортивних заходів.

До перспектив дослідження уналежнюємо дослідження різних аспектів агональності та метафоричності різних тематичних груп, що здатні реалізувати параметр агональності.

Література

1. *Кириллова Ю. Н.* Концептуальная сфера «спорт» как источник метафорической экспансии (на материале немецких печатных СМИ) / Ю. Н. Кириллова // Мир науки, культуры, образования : науч. журн. — 2010. — № 6 (25). — С. 52–56.
2. *Кондратенко Н.* Український політичний дискурс : текстуалізація реальності / Н. В. Кондратенко. — О. : Чорномор'я, 2007. — 156 с.
3. *Нагорна Л.* Політична мова і мовна політика: діапазон можливостей політичної лінгвістики / Л. Нагорна. — К. : Світогляд, 2005. — 315 с.
4. *Серажим К. С.* Дискурс як соціолінгвальне явище: методологія, архітектоніка, варіативність / К. С. Серажим. — К. : Київ. нац. ун-т, 2002. — 392 с.
5. *Синельникова Л. Н.* Политическая лингвистика: координаты междисциплинарности / Л. Н. Синельникова // Политическая лингвистика. — Екатеринбург, 2009. — № 4 (30). — С. 41–47.
6. *Словник української мови* : в 11 т. — К. : Наук. думка, 1970–1980.
7. *Хейзинга Й.* Homo ludens. В тени завтрашнего дня / Й. Хейзинга. — М. : Прогресс, 1992. — 459 с.
8. *Чудинов А. П.* Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) : [монография] / А. П. Чудинов. — Екатеринбург : УрГПУ, 2001. — 238 с.
9. *Шейгал Е. И.* Агональность в коммуникации : структура понятия [Электронный ресурс] / Е. И. Шейгал, В. В. Дешевова. — Режим доступа: <http://lib.vkarp.com/2013/12/23/>
10. *Шейгал Е.* Семиотика политического дискурса / Е. Шейгал. — М. : Гнозис, 2004. — 326 с.

References

1. *Kirillova N.* Conceptual sphere «sport» as a source of metaphorical expansion (based on the German print media) / N. Kirillova // World of Science, Culture and Education : science magazine. — 2010. — № 6 (25). — P. 52–56.
2. *Kondratenko N. V.* Ukrainian political discourse : tekstualization reality / N. V. Kondratenko. — Odessa : Chornomorja, 2007. — 156 p.
3. *Nagorna L.* The political language and language policy : the range of possibilities of political linguistics / L. Nagorna. — K. : Ideology, 2005. — 315 p.
4. *Serazhym K. S.* Discourse as sociolinguistic phenomenon : methodology, architectonic, variation / K. S. Serazhym. — K. : Kyiv National University, 2002. — 392 p.
5. *Sinelnikova L. N.* Political linguistics : coordinates of interdisciplinary / L. N. Sinelnikova // Political linguistics. — Ekaterinburg, 2009. — № 4 (30). — P. 41–47.
6. *Ukrainian dictionary* : in 11 volumes. — K. : Naukova Dumka, 1970–1980.
7. *Huizinga J.* Homo ludens. In the shadow of tomorrow / J. Huizinga. — M. : Progress, 1992. — 459 p.
8. *Chudinov A. P.* Russian metaphorical mirror : cognitive study political metaphor (1991–2000) / A. P. Chudinov. — Ekaterinburg : USPU, 2001. — 238 p.
9. *Sheigal E. I.* Agonal in communication : the structure of concepts [Electron. resource] / E. I. Sheigal, V. V. Deshevov. — URL: <http://lib.vkarp.com/2013/12/23/>
10. *Sheigal E. I.* Semiotics political discourse / E. I. Sheigal. — M. : Gnosis, 2004. — 326 p.

КОНДРАТЕНКО Наталия Васильевна,

доктор филологических наук, зав. кафедрой прикладной лингвистики Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Одесса, Украина;
e-mail: kondr_nat@ukr.net; тел.: +38-066 7662885

ВЕРБАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ АГОНАЛЬНОСТИ КАК ПАРАМЕТРА ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу агональности как одного из основных параметров политической коммуникации. Представлен обзор научных трудов по общетеоретическим вопросам политической лингвистики. Предложена типология основных параметров украинской политической коммуникации, среди которых выделен параметр агональности. Определён агональный характер украинского политического дискурса и осуществлён анализ спортивной лексики в аспекте реализации политической агональности. Проанализированы спортивная лексика и метафоры в политическом дискурсе. Предложено выделять тематические подгруппы спортивной лексики, являющиеся вербальными средствами выражения агональности. Прослежены механизмы метафоризации спортивной лексики в украинском политическом дискурсе. Исследование выполнено на материале текстов СМИ политической тематики.

Ключевые слова: политический дискурс, агональность, спортивная лексика, спортивная метафора.

Natalia V. KONDRATENKO,

Grand PhD in Philological Sciences, Head of Applied Linguistics of Odessa I. I. Mechnikov National University; Odessa, Ukraine;
e-mail: kondr_nat@ukr.net; phone: +38-066 7662885

VERBAL ASPECTS OF AGONAL PARAMETERS IN POLITICAL COMMUNICATION

Summary. This article is devoted of agonalities as one of the basic parameters of political communication. The author suggests a review of scientific publications of general theoretical problems of political linguistics. A typology defining parameters of Ukrainian political communication, including the highlighted option of agonalities is presented. The agonal nature of the Ukrainian political discourse and analysis of sports vocabulary in aspects of political agonalities is defined. The common sports vocabulary and metaphors in political discourse are analyzed. An isolate thematic subgroups of the general sports vocabulary that is verbal expression agonalities are suggested. The mechanisms of metaphor sports vocabulary in Ukrainian political discourse are traced. Research is carried out on the material of media political issues.

Key words: political discourse, agonalities, sports lexicon, sports metaphor.

Статтю отримано 6.05.2014 р.

СТРІЙ Людмила Іванівна,
старший викладач кафедри прикладної лінгвістики Одеського національного університету
імені І. І. Мечникова; Одеса, Україна;
e-mail: lsluda@mail.ru; тел.: +38-096-1145451

РИТУАЛЬНИЙ ХАРАКТЕР ПОЛІТИЧНОЇ КОМУНІКАЦІЇ: СЕМІОТИКА ІНАВГУРАЦІЇ ПРЕЗИДЕНТА

Анотація. Статтю присвячено дослідженню семіотичних аспектів політичної комунікації. Виявлено знакові компоненти в інавгураційних промовах українських президентів та визначено ритуальний характер церемонії інавгурації. Здійснено лінгво-семіотичний та лінгвостилістичний аналіз інавгураційних дій і промов українських президентів Л. Кучми, В. Ющенка, В. Януковича та П. Порошенка. У статті визначено ознаки інавгурації як політичного ритуалу та схарактеризовано їх на матеріалі інавгурацій українських президентів. Окремо проаналізовано функції та семантику інавгураційних промов в аспекті семіотики політичного дискурсу.

Ключові слова: політична комунікація, ритуал, інавгурація, семіотика.

Актуальність статті. Політична комунікація належить до складних багатомірних процесів, для характеристики яких використовують й семіотичний підхід, що уможливорює актуалізацію символічних і знакових компонентів у політичному дискурсі. Ґрунтуючись на семіотичній методології, доцільно виявити основні ознаки символічності політичної комунікації, зокрема її ритуальну специфіку, що на-самперед виражена в церемонії інавгурації президента. На думку Н. Б. Мечковської, «ритуальна дія була першим семіотичним процесом, який формував міфологічні уявлення та мовлення» [3, с. 2], а Г. Г. Почепцов стверджує, що ритуали «є важливим складником будь-якого суспільства» [5, с. 330], тому дослідження ритуальних аспектів комунікативної діяльності людини належить до актуальних проблем сучасної лінгвістики.

Ступінь розробленості проблеми. Ритуал у семіотичному аспекті здебільшого було досліджено в межах семіотики мистецтва (Н. Б. Мечковська) та комунікативістики (Г. Г. Почепцов). Лінгвісти зосередили увагу на особливому типі дискурсу — ритуальному (В. І. Карасик), а також ритуалізації як одному з параметрів політичної комунікації (Н. В. Кондратенко). Інавгураційні промови ставали предметом аналізу в межах дослідження президентської риторики (О. В. Горіна, О. В. Спиридовський, А. Т. Тазміна, Л. С. Чикілева та ін.). Проте семіотичний аспект інавгурації президентів не був предметом окремого наукового дослідження.

Мета роботи — визначити семіотичні складники інавгурації президента як ритуальної дії в межах політичної комунікації. *Завдання* випливають з мети наукової розвідки: 1) визначити семіотичне навантаження ритуального дискурсу; 2) схарактеризувати інавгурацію президента як політичний ритуал; 3) проаналізувати вербальні компоненти інавгурації українських президентів; 4) визначити характерні риси інавгураційних промов в українському політичному дискурсі. *Об’єкт* дослідження — українська політична комунікація, *предмет* — інавгураційні промови та ритуал інавгурації українських президентів.

Лінгвістичне витлумачення ритуалу ґрунтується на визнанні його дискурсивного статусу, що започатковано у працях В. І. Карасика, який вважає, що ритуал — «це динамічне комунікативне утворення, він виникає на ґрунті певної соціально значущої дії, яку символічно переосмислюють (ритуалізують)» [1, с. 340]. У визначенні ритуального дискурсу актуалізовано символічну закріпленість певних дій, що набуває в політичній комунікації особливого значення. Так, А. П. Чудінов, аналізуючи типові риси (антиномії) політичної комунікації, розглядає інформативність і ритуальність: «політичні тексти мають бути максимально інформативними, тобто реалізовувати комунікативну функції, передавати нову інформацію, однак політична комунікація нерідко стає ритуальною, тобто такою, для якої характерні фіксованість форми та відсутність настанови на новизну змісту» [6, с. 42]. На ритуальному характері політичної комунікації наголошує й Н. В. Кондратенко, простежуючи спорідненість політичного і релігійного дискурсів та аналізуючи інавгураційні промови та новорічні привітання президентів різних країн [2, с. 38–49]. На нашу думку, наукове дослідження інавгурації президента в межах політичної дискурсології має відбуватися інтегровано: з одного боку, це вивчення семіотичної природи ритуалу інавгурації, а з іншого — аналіз інавгураційної промови як мовленнєвого жанру політичної комунікації.

По-перше, інавгурація як ритуальна дія має яскраво виражені семіотичні риси. В Україні відповідно до ст. 104 Конституції України новообраний Президент України вступає на пост не пізніше ніж через тридцять днів після офіційного оголошення результатів виборів, з моменту складання присяги народом на урочистому засіданні Верховної Ради.

Процедура інавгурації Президента України передбачає й певні знакові обмеження: дія відбувається у визначеному топі (Верховна Рада), проводить ритуал визначена особа (голова Верховної Ради), оголошується та підписується ритуальний текст незмінного змісту (присяга народу України), наявні ритуальні предмети (Конституція України та Пересопницьке Євангеліє, можливо й залучення додатко-

вих знакових предметів, що мають символічне значення), виголошується інавгураційна промова. Окремі етапи ритуалу можуть бути як ускладнені, так і спрощені, але хронотоп і функції залишаються без змін. В Україні інавгурації президентів законодавчо визначені з 1996 року (прийняття Конституції), тому офіційне прийняття присяги перших президентів Л. Кравчука (1991 р.) та Л. Кучми (1994 р.) ще не було підпорядковане інавгураційним правилам і не мало ритуального характеру. Зважаючи на це, ми розглядаємо ритуал інавгурації українських президентів з 1999 року — інавгурації Л. Кучми на другий термін президентської каденції після прийняття Конституції України.

На нашу думку, інавгурація президента як ритуальна дія має наступні ознаки.

1. *Формалізація символічних дій* зумовлена закріпленістю часу і простору, у яких відбувається інавгурація, та законодавчою визначеністю політичної символіки (новообраний президент проходить ритуал інавгурації протягом тридцяти днів у Верховній Раді, присягаючи на вірність народу).

2. *Підвищена церемоніальність* зумовлена урочистістю ритуальної дії та використанням символічних предметів сакрального характеру. Обов'язковими елементами є президентський штандарт, колар (знак) Президента, гербова печатка та президентська булава, тексти Конституції України та Пересописницького Євангелія, виконання державного гімну.

3. *Сюжетна цілісність* інавгурації представлена закріпленою послідовністю ритуальних дій: оголошення переможця виборів, виголошення присяги, отримання символів влади, інавгураційна промова. Кожна інавгурація відбувається за своєрідним сценарієм, підпорядкованим загальній схемі почергових дій, яку не можна порушувати.

4. *Фатичність комунікації* традиційно протиставляється її інформативності. Фатичність політичного ритуалу виявляється в актуалізації подієвого аспекту: ритуал є самоцінним, факт його проведення визначає комунікативне навантаження в політичному дискурсі.

5. *Соціальна значущість* інавгурації зумовлена загальною характеристикою ритуалу як події, що є знаковою для соціуму або для певної соціальної групи людей. Крім того, ритуал інавгурації знаменує початок нового етапу історії країни, пов'язаного з діяльністю новообраного президента.

6. *Повторюваність або періодичність* інавгурації зумовлена її циклічним характером [1, с. 334]. Ритуал відбувається після кожних виборів президента — через п'ять років у разі чергових виборів, проте можливі ситуації, коли вибори є позачерговими (перша каденція Л. Кучми та вибори П. Порошенка).

По-друге, інавгураційна промова як жанр політичної комунікації має перформативний характер, оскільки ґрунтується на мовленнєвому акті «клятва». Інавгураційна промова одночасно є актом вступу президента на посаду, тому і характеризується перформативністю. О. Й. Шейгал виокремлює такі функції інавгураційної промови, як інтегративна, інспіративна, декларативна і перформативна [7, с. 248]. Зміст інавгураційної промови підпорядкований саме цим функціям.

Інтегративна функція реалізована як заклик до об'єднання українського народу та звернення до народу як єдиної спільноти, напр.: *...сьогоднішній день є для мене датою не власного торжества, не особистої перемоги, а торжества і перемоги усієї української спільноти* (Л. Кучма); *Дякую всім і кожному громадянину України, за кого б він не голосував. Моя перемога — це перемога усіх. Кожен має право обирати шлях України, кожен може обирати ті кольори, які йому близькі* (В. Ющенко). Ця функція передбачає насамперед декларування єдності народу, територій, а також «керівництва держави і народу» [4, с. 35].

Якщо на граматичному рівні засобами вираження інтеграції є відповідні займенники (*ми, всі, кожний*) і дієслівні форми (1-ої особи множини), то на лексичному рівні фіксуємо такі слова, як *спільний, єдиний, об'єднання, соборність* і под., напр.: *Ми, громадяни України, стали єдиною українською нацією. Нас не розділити ні мовами, якими ми розмовляємо, ні вірами, які ми ісповідуємо, ні політичними поглядами, які ми обираємо* (В. Ющенко); *Україна — різноманітна, але вона сильна духом і духом єдина! Прагнення до миру та соборності нашої держави домінує в усіх областях України* (П. Порошенко). У промові В. Ющенка у значенні «єдиний» вжито лексему «один», що також вказує на актуалізацію функції інтеграції.

Інспіративна функція полягає у формуванні державних цінностей та закликах до кращого майбутнього, що має давні історичні традиції. В інавгураційних промовах цій функції підпорядкований цілісний структурно-композиційний елемент, що становить досить великий за обсягом семантичний блок. У цих блоках репрезентовано екскурс у героїчне минуле нашої країни і представлено сьогоднішнього як наслідок минулого і спадщини традицій наших предків. Насамперед це представлено загальною героїзацією історичних подій та вихваллянням національних традицій: *Історична пам'ять, розуміння того, хто ми і якого роду, допоможуть зміцнити державу і зцементувати націю* (Л. Кучма); *Підводячи рису під своїм минулим, ми не відрікаємося від жодної з його сторінок. Не відрікаємося від власної історії* (Л. Кучма); *Ми зробили свій вибір, бо пам'ятаємо хто ми, чії діти й чії онуки. Не в минулому нам шукати відповідей на виклик майбутнього. Проте, ми завжди будемо берегти свої джерела. Тільки так залишимося самими собою. Тільки так завжди будемо переможцями!* (В. Ющенко). Спадкоємність сучасності і минулого становить так званий «топос спадковості» [7, с. 251], що передбачає опертя на історичне минуле та досвід попередників.

Декларативна функція полягає у формулюванні принципів, за якими буде працювати новий президент, тобто їй підпорядкована програмна частина інавгураційної промови. Здебільшого цей семантичний блок ґрунтується на тих програмних положеннях, які було оприлюднено під час передвиборчої кампанії президента, тому вони мають збігатися з попередніми обіцянками політика. Кожний промовець формулює під час інавгурації свій головний принцип, своєрідне політичне кредо, напр.:

Робота і результат в ім'я процвітання моєї Батьківщини — ось кредо, з яким я розпочинаю виконання своїх обов'язків на новій відповідальній посаді (В. Янукович); *Наше місце в Європейському союзі, моя мета — Україна в об'єднаній Європі! В Європі історичний шанс України розкрити свої можливості* (В. Ющенко); *Я йду на посаду Президента, щоб зберегти і зміцнити єдність України. Забезпечити тривалий мир і гарантувати надійну безпеку. Знаю: мир — найголовніше, чого прагне сьогодні український народ* (П. Порошенко). Декларування свого основного політичного принципу передбачає й перелік основних дій програмного характеру — як політичних, так і соціальних, що є найактуальнішими за відповідних умов.

Перформативна функція вказує на те, що новий президент присягає народу на вірність, дає клятву дбати про країну і виступає як лідер держави. Семіотичність цієї функції найбільша, оскільки промова має переконати адресатів у тому, що президент здатний виступити лідером, тобто виконати свою високу символічну роль. Після інавгурації він перетворюється зі звичайної людини-політика на обрану людину — президента.

Свою унікальну роль як новообраного президента промовець пов'язує як з вибором народу, так і з Божою волею, напр.: *Моя перемога — це перемога всього українського народу і кожного громадянина зокрема. Дякую за неї Господу Богу, який дав нам віру, надію і любов. Ними ми перемогли!* (В. Ющенко). Звернення до народу і подяка завжди тісно пов'язані в інавгураційній промові зі зверненням до Бога, що становить характерну рису в текстах промов президентів останніх каденцій.

Отже, функціональне навантаження інавгураційної промови визначає її структуру та семантику. До характерних ознак інавгурації як політичного ритуалу уналежнюємо: формалізацію символічних дій, підвищену церемоніальність, сюжетну цілісність, фатичність комунікації, соціальну значущість, повторюваність або періодичність. Як жанр політичної комунікації інавгураційна промова виконує такі функції: інтегративну, інспіративну, декларативну та перформативну.

Перспективи подальшого дослідження полягають у структурно-композиційному та лінгвопрагматичному аналізі текстів інавгураційних промов українських президентів.

Література

1. *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — М.: Гнозис, 2004. — 390 с.
2. *Кондратенко Н. В.* Український політичний дискурс: текстуралізація реальності / Н. В. Кондратенко. — О.: Чорномор'я, 2007. — 156 с.
3. *Мечковская Н. Б.* Искусства в свете семиотики: филогенез и типология художественных языков человечества [Электронный ресурс] / Н. Б. Мечковская // Respectus Philologicus. — 2002. — № 2 (7). — Режим доступа: <http://filologija.vukhf.lt/2-7/mechkovskaja.htm>.
4. *Паршина О. Н.* Российская политическая речь: теория и практика / О. Н. Паршина. — М.: Изд-во ЛКИ, 2007. — 232 с.
5. *Почепцов Г. Г.* Теория коммуникации / Г. Г. Почепцов. — М.: Ваклер; К.: Рефл-Бук, 2001. — 656 с.
6. *Чудинов А. П.* Современная политическая коммуникация: [учеб. пособие] / А. П. Чудинов. — Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2009. — 292 с.
7. *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса: [монография] / Е. И. Шейгал. — М.: Гнозис, 2004. — 326 с.

References

1. *Karasik V. I.* Linguistic Circle: personality, concepts, discourse / V. I. Karasik. — M.: Gnosis, 2004. — 390 p.
2. *Kondratenko N. V.* Ukrainian political discourse: tekstualization reality / N. V. Kondratenko. — Odessa: Chornomorja, 2007. — 156 p.
3. *Mechkovskaya N. B.* Art in light of semiotics: Phylogeny and typology of artistic languages of mankind / N. B. Mechkovskaya // Respectus Philologicus. — 2002. — № 2 (7). — <http://filologija.vukhf.lt/2-7/mechkovskaja.htm>.
4. *Parshina O.* Russian political speech: Theory and Practice / O. Parshina. — M.: Publishing House of the LCI, 2007. — 232 p.
5. *Pochepctov G. G.* Communication Theory / G. G. Pochepctov. — M.: Vakler; K.: Refl-Book, 2001. — 656 p.
6. *Chudinov A. P.* Modern political communication / A. P. Chudinov. — Ekaterinburg: Ural State University, 2009. — 292 p.
7. *Sheigal E. I.* Semiotics political discourse / E. I. Sheigal. — M.: Gnosis, 2004. — 326 p.

СТРИЙ Людмила Ивановна,

старший преподаватель кафедры прикладной лингвистики Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Одесса, Украина; e-mail: 1sluda@mail.ru; тел.: +38-096-1145451

РИТУАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ: СЕМИОТИКА ИНАУГУРАЦИИ ПРЕЗИДЕНТА

Аннотация. Статья посвящена исследованию семиотических аспектов политической коммуникации. Выявлены знаковые компоненты в инавгурационных речах украинских президентов и определен ритуальный характер церемонии инавгурации. Проведен лингвосемиотический и лингвостилитический анализ инавгурационных действий и выступлений украинских президентов Л. Кучмы, В. Ющенко, В. Януковича и П. Порошенко. В статье определены признаки инавгурации как политического ритуала и охарактеризованы на материале инавгураций украинских президентов. Отдельно проанализированы функции и семантика инавгурационных речей в аспекте семиотики политического дискурса.

Ключевые слова: политическая коммуникация, ритуал, инавгурация, семиотика.

Ludmila I. STRIY,

Lecturer of Applied Linguistics Department in Odessa I. I. Mechnikov National University; Odessa, Ukraine;
e-mail: 1sluda@mail.ru; tel.: +38-096-1145451

RITUAL ASPECT OF POLITICAL COMMUNICATION: SEMIOTICS OF THE PRESIDENT'S INAUGURATION

Summary. The article investigates the semiotic aspects of political communication. Identified symbolic components in the inaugural speeches and Ukrainian presidents are defined, during inauguration ceremony. We make lingual semiotic and stylistic analysis activities and inaugural speeches by Ukrainian Presidents L. Kuchma, V. Yushchenko, V. Yanukovich and P. Poroshenko. The article defines the characteristics of the inauguration as a political ritual. These characteristics are done on the basis of material of inaugurations of Ukrainian presidents. The features and the semantics of the inaugural speeches are analyzed in terms of semiotics of political discourse.

Key words: political communication, ritual, inauguration, semiotics, president.

Статтю отримано 22.06.2014 р.

УДК 811.161.1'42'367.5 В. Шукшин

ЧУВАКИН Алексей Андреевич,

доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и речевой коммуникации Алтайского государственного университета; Барнаул, Россия;
e-mail: chuvakin@inbox.ru; тел.: +7-3852-245334; моб.: +7-913-2602740

ТЕКСТЫ МАЛОЙ ПРОЗЫ В. М. ШУКШИНА В КОНТЕКСТЕ ФИЛОЛОГО-КОММУНИКАТИВНОГО ЗНАНИЯ

Аннотация. В современной русистике тексты малой прозы В. М. Шукшина представляют собой особый объект филологического исследования. В данной статье они рассматриваются на пересечении филологического и коммуникативного знания, что оказывается возможным, так как современная филология изучает три объекта (*homo loquens*, язык и текст) и имеет коммуникативную ориентированность. Короткие рассказы анализируются в аспекте диалогичности — важнейшей составляющей описания коммуникации «глазами» филолога. Установлены приёмы диалога между автором и читателем и знаки коммуникативных отношений между персонажами; эти отношения в текстах рассказов предстают как диалогические или анти-диалогические. В связи с этим выдвигается проблема кризиса речевой коммуникации в эвokasiонном аспекте.

Ключевые слова: В. М. Шукшин, рассказы, филолого-коммуникативный подход.

В современной русистике тексты малой прозы В. М. Шукшина фактически представляют собой особый объект филологических исследований. Предлагаемая оценка опирается на работы о творчестве писателя, выполненные специалистами из разных стран, в том числе России и Украины [см., напр.: 6; 7; 2; 3], и учитывает значимость малой прозы в его творчестве. Более того, рассказы Шукшина, обладая мощным коммуникативным потенциалом, существенны и как факт современной гуманитарной культуры и науки, о чём свидетельствуют многие материалы [8]. Не случайно, когда в шукшиноведении предпринимается попытка «увидеть» сквозь призму шукшинской прозы человека третьей четверти XX в. в его движении, в его поступках и общении, исследователи обращаются прежде всего к рассказам писателя. В данном контексте и выдвигается в прозе Шукшина феномен коммуникации: персонажи его рассказов не столько *показаны* автором, сколько *показывают* себя «сами» в актах коммуникации. Интересны следующие данные: в рассказе «Залётный» (в хронологическом перечне рассказов он занимает срединную позицию) пространство текста, в котором располагается прямая речь персонажей (вместе с авторскими ремарками), в два раза больше пространства, принадлежащего авторскому монологическому слову (вместе с формами непрямого речи персонажа).

Сказанное делает возможным рассмотрение текстов малой прозы Шукшина в контексте филолого-коммуникативного знания. Этот вид междисциплинарного гуманитарного знания рождается и существует на пересечении филологических и коммуникативных наук. Оно базируется на фундаментальной значимости (для обеих наук) человека как объекта исследования [9, с. 11]. Из методологически и теоретически существенных положений, входящих в состав филолого-коммуникативного знания, здесь укажем лишь два. Первое: принцип деятельности природы человека, одинаково важный и для филологии, и для коммуникативных наук. В современной филологии он входит в базу, на которой конституируется *homo loquens* как исходная реальность и объект филологии; в коммуникативных науках является основой современного представления о коммуникации как деятельности человека, опосредованной символами («двойная» опосредованность видится в художественной коммуникации). Второе: принцип коммуникативности. Его реализация обеспечивает выбор угла зрения на феномен коммуникации, тем более когда в поле зрения исследователя попадает текст, содержащий факты языковой и/или неязыковой коммуникации. Если учесть, что новейшая филология отличается многообъектностью (*homo loquens*, естественный язык, текст) и коммуникативной ориентированностью [10, с. 151–155;

11;], станет понятным место филолого-коммуникативного знания как контекста исследования языка, в том числе и языка текстов художественной прозы.

Наши рассуждения вполне коррелируют с оценкам Шукшиным проблемы *язык — человек — коммуникация*. Приведём несколько суждений писателя: «...для меня «проблема языка» возникает именно потому, что — люди очень разные» [14, с. 368], «по-разному говорят и ведут себя умный и дурак, человек степенный и трепач, <...> слабохарактерный и властный» [14, с. 367]; «Прямая речь позволяет мне крепко поубавить описательную часть: какой человек? Как он думает? Чего хочет? В конце концов, мы ведь так и составляем понятие о человеке — послушав его. Тут он не сойдёт — не сумеет, даже если захочет» [14, с. 370]; «Ведь нельзя, наверное, писать, если не иметь в виду, что читатель сам «досочинит» многое» [14, с. 365].

Итак, контекст филолого-коммуникативного знания не навязывается текстам малой прозы Шукшина, а присущ им органично. Вместе с тем подчеркнём, что такого рода задача для русистики является новой и актуальной, в особенности если учесть тот факт, что наше время — это время коммуникативной революции («communications revolution»), а «Modern society is to an astonishing extent the constantly evolving product of this revolution» — «Современное общество есть в удивительной степени постоянно развивающийся продукт этой революции» (перевод наш. — А. Ч.) [15, 1, р. XIX]. Решение сформулированной здесь задачи предполагает обращение к категориям диалогичности, интерпретативности, эвокативности, креолизованности, ибо в них выражается интегративное филолого-коммуникативное знание о тексте, в том числе, разумеется, и художественном: диалогичность представляет собой принцип организации коммуникации, интерпретативность есть основа специфически человеческой коммуникации, эвокативность — базовый механизм коммуникации, креолизованность — принцип формы сообщения [13, с. 188]. В данной статье, по условиям места, рассмотрим материал только в аспекте первой из названных категорий.

Диалогичность, в русле идей М.М. Бахтина, — это принцип организации коммуникации, базирующийся на способности человека к выражению своей интеллектуально-ценностной позиции и восприятию позиции других людей и заключающийся в стремлении коммуникантов к соучастию, согласию, переговорности. Понимаемая так диалогичность выражает сущность коммуникативных отношений между участниками коммуникативного акта и определяет статус текста как его элемента. В нашем случае выделяются коммуникативные акты, участниками которых являются автор и читатель, где в качестве текста выступает текст произведения; повествователь и персонажи произведения с соответствующим сложно устроенным текстом; наконец персонажи со «своим» текстом.

При описании отношений между автором и читателем традиционно учитываются приёмы диалогичности, ведущее место в совокупности которых принадлежит цитации и диалогизации, приемам интертекстуальности [8, 1, с.121-127; 131-133]. Приёмы диалогичности приобретают в тексте функцию сигналов различных интеллектуально-ценностных позиций, они-то и усматриваются читателем — как типовым, как типом или индивидом. Эти приёмы в текстах Шукшина фиксируются в разных слоях художественно-речевой структуры. Приведём примеры приёма цитации:

- в авторском речевом слое (начало рассказа): *Молодого Григория Думнова, тридцатилетнего, выбрали председателем колхоза. Собрание было шумным; сперва было заколебались — не молод ли? Но потом за эту же самую молодость так принялись хвалить Григория, что самому ему, и тем, кто приехал рекомендовать его в председатели, стало даже неловко. Словом, выбрали («Наказ»);*

- в персонажном речевом слое (из монолога Вани Татуса): — *Я собрал вас, чтобы сообщить важную новость... <...> Мы получили из области пьесу. Пьесу написал наш областной автор. <...> Острит, Маров, тот, кто острит последним. <...> Пьеса из колхозной жизни, бьёт по... — Ваня взглянул в аннотацию. — Бьёт по частнособственническим интересам. Автор сам вышел из народной гущи, хорошо знает современную колхозную деревню, её быт и нравы. Слово его крепко, как... дуга («Крыша над головой»).*

Цитируя разные источники, автор словно обращается к читателям: выбирайте позицию, оценку! присоединяйтесь к тому или иному взгляду, думайте! Исследователи (и это крайне важно в контексте наших рассуждений) связывают действие этих приёмов с главной чертой стиля Шукшина, каковой является «нивелирование авторской позиции как единственно авторитетной» [8, 1, с. 124]. Функцию носителя сигнала выполняют и коммуникативные отношения между персонажами; эти отношения в текстах рассказов предстают как диалогические (1) или анти-диалогические (2).

Примером отношения (1) рода может служить диалогическая система в рассказе «Одни». В состав системы входит два диалога: начальный, обобщённо представляющий ситуацию; основной, в данной конкретной ситуации. Уже в первом диалоге сталкиваются жизненные позиции героев, Антипа Качачикова и его жены Марфы. Антип обращается к Марфе:

— <...> Тебе что требуется? Чтобы я день и ночь только шил и шил? А у меня тоже душа есть. Ей тоже попрыгать, побаловаться охота, душе-то.

— Плевать мне на твою душу.

Можно предположить, что развитие коммуникативных отношений пойдёт по пути анти-диалогичности. Обе стороны имеют сильные аргументы: Антип (раздумчиво): «вспомнил твоего папашу кулака, царство ему небесное»; Марфа (категорично): «Ты папашу моего не трожь... Понял?». Так сталкиваются две линии — праздника души (Антип) и «день и ночь» работой (Марфа). Работа Антипа для Марфы означает одно: деньги. Однако финальная часть разбираемого диалога:

— *Шибко ты уж строгая, Марфынька. Нельзя так, милая: насадишь сердечушко свое и помрешь.*

Марфа за сорок лет совместной жизни с Антипом так и не научилась понимать: когда он говорит серьёзно, а когда шутит.

— *Вопчем, шей.*

— *Шью, матушка, шью —*

с примирительными формулами и интонациями делает возможным развитие диалога в направлении согласия. Так диалогическая система в рассказе получает волнообразную структуру: конфликт — согласие — конфликт — согласие... Волнообразность структуры задаётся стреленой темой всего диалогического пространства текста — темой детей, которая одинаково значима для Антипа и Марфы (но к теме обращается именно Марфа!) и которая возникает постоянно. (Впрочем, иногда эта тема уступает место другим, но внутренне связанным с ней.) Вот этапы развития «волн» диалога: 1) (Антип) *Всё думаешь, как денюжат побольше скопить?* → (Антип) <...> *Для чего же, спрашивается, мне жизнь была дана? — Для детей, — серьёзно сказала Марфа.* → (Марфа) *Перестань уж!.. Завёл — противно слушать.* → (Антип) *Значит, не понимаешь;* 2) (Марфа) *Разлетелись наши детушки по всему белому свету.* → (Антип) *А хочешь, я тебе сыграю, развею тоску твою?* → (Антип) *А ты говоришь: Антип у тебя плохой!* → (Марфа) *Не плохой, а придурковатый* → (Антип) *Значит, не понимаешь.* <...> *Но тебя замучили окаянные деньги.* — (Марфа) *Не деньги меня замучили, а нету их — вот что мучает-то;* 3) Далее идёт сцена «про Володю-молодца», в известном смысле ключевая; 4) Финальная часть последней сцены рассказа: *Марфа сердито протянула ему шесть рублей — означает «благоприятный» исход. Но надолго ли? См.: разговаривать или медлить было опасно — Марфа легко могла раздумать.*

Развитие диалога в сторону согласия усиливается средствами формальной организации диалогических пар:

- поддержками: — *Для чего же, спрашивается, мне жизнь была дана? — Для детей, — серьёзно сказала Марфа.*

Антип не ждал, что она поддержит разговор;

- повторами: (Антип) — *Эх-х...* (Марфа) — *Чего «эх»? Чего «эх»? — Так...* (в первом диалоге); — *Эх, Марфа!* — *Антип тяжело вздохнул.* — *Что «эх»? Что «эх»? — Так...* (во втором диалоге);

- смягчениями, сменой темы, молчанием, игрой и пр.

Так в рассказе проявляется один из главных приемов Шукшина, имеющий коммуникативную природу: внутренне скрывается под внешним. Стало быть, сигнал, посылаемый читателю, становится более сильным, но и более сложным, требующим от читателя интерпретационных усилий. Возможно, именно поэтому центральный диалог рассказа даётся без традиционных для прозы «купюр», в нем важную роль играет каждая реплика, каждое слово, каждое молчание, каждый невербальный элемент.

Как рождается согласие, как оно труднодостижимо и хрупко, — вот важнейший эстетический смысл рассказа, типичного для Шукшина: здесь социальное сливается с коммуникативным, живёт в коммуникативном. Напомню тезис Бахтина: *Быть значит общаться.*

Обратимся к материалу, в котором коммуникативные отношения между персонажами реализуются в направлении анти-диалогичности. Таковы, например, рассказы, где воспроизводится межперсонажная кризисная коммуникация. О кризисе коммуникации писал кинокритик И. Манцов: «...У нас плохо с диалогами. В стране с хорошей литературной традицией не умеют писать диалоги. Кроме прочего, это говорит о системном кризисе коммуникации. В современной России не уважают Другого и как следствие не желают с ним разговаривать» [5, с. 203–204]. Разумеется, упрёк в неумении писать диалоги к Шукшину не относится. Наоборот, писатель демонстрирует и способы предотвращения, преодоления кризисных явлений в коммуникации (например, в рассказе «Одни») и факты, которые мы оцениваем как проявление кризиса коммуникации [4, с. 165–166].

Приведём фрагмент рассказа «Ванька Тепляшин». В этом фрагменте полностью представлена речевая партия персонажа, который именуется красноглазым:

А мать уже стояла возле этого художого с красными глазами, просила его. Красноглазый даже и не слушал её.

— *Это ко мне!* — *издали ещё сказал Ванька.* — *Это моя мать.*

— *В среду, субботу, воскресенье, — деревянно прокукувал красноглазый.*

Мать тоже обрадовалась, увидев Ваньку, даже и пошла было навстречу ему, но этот красноглазый придержал её.

— *Назад.*

— *Да ко мне она!* — *закричал Ванька.* — *Ты что?!*

— *В среду, субботу, воскресенье, — опять трижды отстукал этот... вахтёр, что ли, как их там называют.*

— *Да не знала я, — взмолилась мать, — из деревни я... Не знала я, товарищ. Мне вот посидеть с им где-нибудь, маленько хоть...*

<...>

— *Товарищ, — вежливо и с достоинством обратился он к вахтёру, но вахтёр даже не посмотрел в его сторону.* — *Товарищ!* — *повысил голос Ванька.* — *Я к вам обращаюсь!*

— *Вань, — предостерегающе сказала мать, зная про сына, что он ни с того ни с сего может соскочить с зарубки.*

Красноглазый всё безучастно смотрел в сторону, словно никого рядом не было и его не просили сзади и спереди.

— *Пойдём вон там посидим, — изо всех сил спокойно сказал Ванька матери и показал на скамеечку за вахтером. И пошёл мимо него.*

— *Наз-зад, — как-то даже брезгливо сказал тот. И хотел развернуть Ваньку за рукав.*

<...>

Красноглазый на какое-то короткое время оторопел, потом пришёл в движение и подал громкий голос тревоги.

— *Стигнеев! Лизавета Сергеевна!.. — закричал он. — Ко мне! Тут произвол!.. — И он, растопырив руки, как если бы надо было ловить буйнопомешанного, пошёл на Ваньку. Но Ванька сидел на месте, только весь напряжился и смотрел снизу на красноглазого. И взгляд этот остановил красноглазого. Он оглянулся и опять закричал: — Стигнеев!*

Из боковой комнаты, из двери выскочил квадратный Евстигнеев в белом халате, с булочкой в руке.

— *А? — спросил он, не понимая, где тут произвол, какой произвол.*

— *Ко мне! — закричал красноглазый. И, растопырив руки, стал падать на Ваньку.*

Речевая партия красноглазого является своего рода образцом кризисогена, взрывающего коммуникативный акт; вахтёр в рассказе не обладает способностью к восприятию просьбы, более того, к восприятию человека (*Красноглазый даже и не слушал её; но вахтёр даже не посмотрел в его сторону; Красноглазый всё безучастно смотрел в сторону, словно никого рядом не было и его не просили сдать и спереди*) и, следовательно, не способен вступать в диалог с Другим. Формулы, которые он *деревяннo прокужал* или *отступал*, фактически не являются ответными репликами: ответная реплика есть выражение коммуникативных отношений с собеседником. Будучи «при исполнении», красноглазый видит себя хозяином ситуации и не вступает в диалог с посетителем, тем самым помещает себя за границами не только согласия, но обычного человеческого соучастия или стремления к общению (что может быть свойственно людям «при исполнении»). Почему речевая партия красноглазого интерпретируется нами как пример кризисной коммуникации, но, например, не конфликта? Если при рассмотрении кризиса коммуникации выдвигается негативная составляющая, то можно признать, что коммуникативный барьер, непонимание, конфликт и подобные явления речевой коммуникации, по отдельности или в определённых совокупностях, знаками кризиса становятся в случае глубины, всеохватности, влияния, системной и фундаментальной значимости, что создаёт угрозу не только коммуникативному, но социальному существованию человека (а также общества, государства). Вот эти признаки критичности и наблюдаются в рассматриваемой ситуации рассказа, что видно и из анализа речевой партии персонажа и может быть обнаружено в приёмах, использованных писателем. Из числа приёмов укажем следующие: 1) речевая партия красноглазого *предельно* насыщена смешанными (креолизованными) высказываниями [12, с. 48–54], что показывает неспособность персонажа в своём сознании и поступках подняться над ситуацией, вступать в коммуникативные отношения с партнёром; 2) приём прерывания речи собеседника, демонстрирующий явное неуважение к нему; 3) приём несоответствия когнитивного стиля высказываний — командного — и ситуации их употребления (вахтёр в больнице не сотрудник силовых структур в пенитенциарных учреждениях). Наконец, диагностировать кризисный характер диалога в рассматриваемом фрагменте позволяет финал диалога и финал рассказа в целом. В отличие от рассказа «Одни», во втором итог деструктивный: Ванька покидает больницу; но главное, пожалуй, в другом: на реплику доктора Сергея Николаевича, попытавшегося уговорить Ваньку не уходить из больницы: *Не обращай внимания на этих дураков! Что с ними сделаешь? А мама будет приходить к тебе...* — Ванька отвечает: *Нет <...>. Ему вспомнилось, как мать униженно просила этого красноглазого...* — *Нет. Что вы!*

Анализ материала двух рассказов В. М. Шукшина в аспекте диалогичности показал, что фактически оказалось неизбежным обращение и к другим филолого-коммуникативным категориям: креолизованности (при рассмотрении смешанных высказываний), эвокативности (при оценке высказывания на предмет соответствия ситуации), интерпретативности (в анализе коммуникативных отношений автор — повествователь — персонаж — читатель). Таким образом, намечается возможность целостного рассмотрения текстов малой прозы В. М. Шукшина в контексте филолого-коммуникативного знания.

Литература

1. *Алавердян К.* Поэтика малой прозы В. М. Шукшина : монография / Карина Алавердян ; пер. с фр. Л. С. Раппопорт. — Барнаул : Азбука, 2010. — 180 с.
2. *Козлова С. М.* Поэтика рассказов В. М. Шукшина : монография / С. М. Козлова. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1992. — 184 с.
3. *Кукуева Г. В.* Рассказы В. М. Шукшина: лингвотипологическое исследование : монография / Г. В. Кукуева. — Барнаул : БГПУ, 2008. — 284 с.
4. *Малыгина Э. В.* Кризис речевой коммуникации: некоторые размышления и наблюдения / Э. В. Малыгина, Ю. В. Подсадный, А. А. Чувакин // Университетская филология — образованию: регулятивная природа коммуникации / ред. Т. В. Чернышова. — Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2009. — С. 163–169.
5. *Кинообозрение* Игоря Манцова. Ангел истребления / Игорь Манцов // Новый мир. — 2002. — № 6. — С. 203–208.
6. *Наривская В. Д.* Шукшин и Тютюнник (к проблеме национального характера) / В. Д. Наривская // Творчество В. М. Шукшина. Проблемы, поэтика, стиль / ред. С. М. Козлова. — Барнаул : Краевой музей истории литературы, искусства и культуры Алтая, 1991. — С. 174–192.
7. *Пономаренко Л. А.* Зоосемная лексика в рассказах В. М. Шукшина / Л. А. Пономаренко // Язык и стиль прозы В. М. Шукшина / ред. А. А. Чувакин. — Барнаул : АлтГУ, 1991. — С. 91–98.
8. *Творчество* В. М. Шукшина : энциклопедический словарь-справочник : в 3 т. / науч. ред. А. А. Чувакин. — Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2004–2007.

9. Чувакин А. А. К построению филологической теории коммуникации. Статья 1 / А. А. Чувакин // Филология и человек. — 2011. — № 4. — С. 7–18.
10. Чувакин А. А. К построению филологической теории коммуникации. Статья 2 / А. А. Чувакин // Филология и человек. — 2012. — № 4. — С. 146–157.
11. Чувакин А. А. Основы филологии: учеб. пособие / А. А. Чувакин. — М.: Флинта: Наука, 2011. — 240 с.
12. Чувакин А. А. Смешанная коммуникация в художественном тексте: основы эвokasiонного исследования: монография / А. А. Чувакин. — Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1995. — 126 с.
13. Чувакин А. А. Филология и коммуникативные науки: направления взаимодействия (постоянно действующий семинар в Алтайском государственном университете) / А. А. Чувакин // Филология и человек. — 2013. — № 1. — С. 187–190.
14. Шукшин В. М. Я пришёл дать вам волю: роман; публицистика / В. М. Шукшин. — Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1991. — 506 с.
15. Barnouw E. Preface / E. Barnouw // International Encyclopedia of Communications / editor in Chief E. Barnouw. — N. Y., Oxford: Oxford University Press, 1989. — Vol. 1. — URL: <http://www.asc.upenn.edu/gerbner/Asset.aspx?assetID=2223>.

References

1. Alaverdyan K. Poetika maloy prozyi V. M. Shukshina: monografiya / Karina Alaverdyan; per. s fr. L. S. Rappoport. — Barnaul: Azbuka, 2010. — 180 s.
2. Kozlova S. M. Poetika rasskazov V. M. Shukshina: monografiya / S. M. Kozlova. — Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1992. — 184 s.
3. Kukueva G. V. Rasskazyi V. M. Shukshina: lingvotipologicheskoe issledovanie: monografiya / G. V. Kukueva. — Barnaul: BGPU, 2008. — 284 s.
4. Malyigina E. V. Krizis rechevoy kommunikatsii: nekotorye razmyshleniya i nablyudeniya / E. V. Malyigina, Yu. V. Podsadnyy, A. A. Chuvakin // Universitetskaya filologiya — obrazovaniyu: regulativnaya priroda kommunikatsii / red. T. V. Chernyishova. — Barnaul: Izd-vo AltGU, 2009. — S. 163–169.
5. Kinoobozrenie Igorya Mantsova. Angel istrebleniya / Igor Mantsov // Novyy mir. — 2002. — N 6. — S. 203–208.
6. Narivskaya V. D. Shukshin i Tyutyunnik (k probleme natsionalnogo haraktera) / V. D. Narivskaya // Tvorchestvo V. M. Shukshina. Problemyi, poetika, stil / red. S. M. Kozlova. — Barnaul: Kraevoy muzey istorii literatury, iskusstva i kul'turyi Altaya, 1991. — S. 174–192.
7. Ponomarenko L. A. Zoosemnaya leksika v rasskazah V. M. Shukshina / L. A. Ponomarenko // Yazyk i stil prozyi V. M. Shukshina / red. A. A. Chuvakin. — Barnaul: AltGU, 1991. — S. 91–98.
8. Tvorchestvo V. M. Shukshina: entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik: v 3 t. / nauch. red. A. A. Chuvakin. — Barnaul: Izd-vo AltGU, 2004–2007.
9. Chuvakin A. A. K postroeniyu filologicheskoy teorii kommunikatsii. Statya 1 / A. A. Chuvakin // Filologiya i chelovek. — 2011. — N 4. — S. 7–18.
10. Chuvakin A. A. K postroeniyu filologicheskoy teorii kommunikatsii. Statya 2 / A. A. Chuvakin // Filologiya i chelovek. — 2012. — N 4. — S. 146–157.
11. Chuvakin A. A. Osnovy filologii: ucheb. posobie / A. A. Chuvakin. — M.: Flinta: Nauka, 2011. — 240 s.
12. Chuvakin A. A. Smeshannaya kommunikatsiya v hudozhestvennom tekste: osnovy evokatsionnogo issledovaniya: monografiya / A. A. Chuvakin. — Barnaul: Izd-vo AltGU, 1995. — 126 s.
13. Chuvakin A. A. Filologiya i kommunikativnyye nauki: napravleniya vzaimodeystviya (postoyanno deystvuyushchiy seminar v Altayskom gosudarstvennom universitete) / A. A. Chuvakin // Filologiya i chelovek. — 2013. — N 1. — S. 187–190.
14. Shukshin V. M. Ya prishol dat' vam volyu: Roman. Publitsistika / V. M. Shukshin. — Barnaul: Alt. kn. izd-vo, 1991. — 506 s.
15. Barnouw E. Preface / E. Barnouw // International Encyclopedia of Communications / editor in Chief E. Barnouw. — N. Y., Oxford: Oxford University Press, 1989. — Vol. 1. — URL: <http://www.asc.upenn.edu/gerbner/Asset.aspx?assetID=2223>.

ЧУВАКІН Олександр Андрійович

доктор філологічних наук, професор кафедри сучасної російської мови і мовної комунікації Алтайського державного університету; Барнаул, Росія;
e-mail: chuvakin@inbox.ru; тел.: +7-3852-245334; моб.: +7-913-2602740

ТЕКСТИ МАЛОЇ ПРОЗИ В. М. ШУКШИНА В КОНТЕКСТІ ФІЛОЛОГО-КОМУНІКАТИВНОГО ЗНАННЯ

Анотація. У сучасній русистіці тексти малої прози В. М. Шукшина являють собою особливий об'єкт філологічних досліджень. У даній статті ці тексти розглянуто на перетині філологічного та комунікативного знання, що виявляється можливим, оскільки сучасна філологія вивчає три об'єкта (homo loquens, мову і текст) і має комунікативну орієнтованість. Короткі оповідання аналізуються в аспекті діалогічності — найважливішої складової опису комунікації «очима» філолога. Встановлено прийоми діалогу між автором і читачем і знаки комунікативних відносин між персонажами. Ці відносини в текстах оповідань постають як діалогічні або анти-діалогічні. У зв'язку з цим висувається проблема кризи мовної комунікації в евokasiонному аспекті.

Ключові слова: В. М. Шукшин, оповідання, філолого-комунікативний підхід.

Alexey A. CHUVAKIN,

Grand PhD in Philological Sciences, Prof. of the Chair of the Modern Russian Language and Lingual Communication of Altai State University; Barnaul, Russia;
e-mail: chuvakin@inbox.ru; phone: +7-3852-245334; mob.: +7-913-2602740

SHORT PROSE TEXTS BY V. M. SHUKSHIN IN CONTEXT OF THE PHILOLOGICAL-COMMUNICATIVE KNOWLEDGE

Summary. In modern Russian studies the texts of short stories by V. M. Shukshin are a special object of philological research. Our article considers this material at the intersection of Philology and Communicative knowledge. It is possible because the modern Philology has three objects (homo loquens, language, text) and a communicative focus. Short stories are discussed in light of dialogic sphere as the most important component of description of communication in the viewpoint of a philologist. This article demonstrates devices of dialogic between the Author and the Reader and signs of communicative relationships between the characters. These relations appear as dialogic or anti-dialogical. Ad locum the problem of speech communication crisis is advanced in aspect of evocation theory.

Key words: V. M. Shukshin, short stories, philological-communicative approach.

Статтю отримано 10.04.2014 р.

УДК 811.161.1'42'373.2/.612.2:801.7 Т. Толстая

СТОЛЯРОВА Ирина Витальевна,кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена; Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: stolirina@gmail.com; тел. моб.: +7 911 916 2220**СИМВОЛИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ЗАГОЛОВКА В ПРОЗАИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(Т. ТОЛСТАЯ «ЛЁГКИЕ МИРЫ»)**

Аннотация. В статье говорится о значении заглавия в интерпретации художественного текста. На материале рассказа Т. Толстой «Лёгкие миры» анализируется многозначность заглавия — «сильной позиции» текста. Наряду с номинативной, информативной, прогностической, выявляются интригующая и метафорическая функции одной из смысловых доминант текста. Рассматривается «двойное кодирование» как приём коммуникативной стратегии. Предлагаются возможности различной интерпретации текста.

На входе в текст читатель воспринимает заглавие как имя текста, то есть в его номинативной функции, а также в его информативной и проспективной (прогностической) функциях. По мере прочтения текста значение заглавия обогащается дополнительным смыслом и рядом коннотаций. Читатель осваивает «двойное кодирование». Постепенно становится ясным символический, метафорический смысл заглавия. На выходе из текста читатель обладает всем комплексом семантической и эстетической информации, смысл заглавия реализуется максимально. Каждый акт чтения представляет собою сложную транзакцию между компетенцией читателя и тем типом компетенции, которую данный текст постулирует.

Ключевые слова: текст, интерпретация, сильная позиция, полисемантность, двойное кодирование, метафора, коммуникативная стратегия, заголовок.

Текст написан, и он порождает собственные смыслы. «В промежутке между непостижимым намерением автора и спорным намерением читателя присутствует прозрачное намерение текста как такового, которое самостоятельно отмечает любые несостоятельные интерпретации» [11, с. 90].

Адекватная интерпретация художественного текста опирается на определённые композиционные и семантические доминанты, то есть компоненты произведения, которые приводят в движение и определяют отношения всех прочих его компонентов [5, с. 411]. Смысловые доминанты осуществляют прагматическое фокусирование на важнейших частях текстовой информации. Особое значение приобретают так называемые «сильные позиции», то есть помещение важных для смысла текста компонентов «на такое место в тексте, где они психологически особенно заметны» [1, с. 46]. К сильным позициям текста обычно относят начало, конец текста, заголовок. Начальная и конечная позиции любого текста играют значительную роль в определении его когнитивных и коммуникативно-прагматических особенностей, так как именно они словесно «очерчивают» границы «мира» текста, а также начинают и завершают процесс общения его автора с читателем [3, с. 92].

Художественный текст, по устоявшемуся мнению, устроен таким образом, что наряду со сведениями, которые в нём сообщаются в явной форме, он содержит и такую информацию, которую читатель должен «извлечь», пройдя через цепочку умозаключений. Иначе говоря, текст содержит сведения и идеи, выраженные не эксплицитно. И эта неэксплицитность может составить художественный приём [6, с. 47].

Функция начала — привлечение внимания читателя, что особенно выражено в так называемых необычных началах. Среди «необычных начал» можно назвать начало «с середины». В исследованиях литературного текста подобные композиционные явления объединяются под термином «инициальная ретардация», а к их лингвистическим маркерам относятся, прежде всего, используемые в нестандартной для них позиции личные местоимения, указательные местоимения, диалогические реплики [10, с. 5].

Рассказ Т. Толстой «Лёгкие миры» [9] открывает литературный проект «Всё о моём доме» в журнале «Сноб». Установка писателей — авторов цикла — познакомить со своим домом или тем, что стоит за этим понятием. Рассказ начинается так: — *И вы понимаете, не правда ли, что с этого момента все права, обязанности и проблемы, связанные с этим имуществом, становятся вашими, — терпеливо повторил адвокат. — Это уже будет ответственность не Дэвида и Барбары, а ваша.* На первый взгляд, рассказ «Лёгкие миры» — о покупке и продаже автором американского дома. На этом строится сюжет, опирающийся на автобиографический материал. Автор-повествователь описывает своё пребывание в Америке в начале 90-х годов, работу в колледже, сравнивает американский и русский менталитет, образ жизни, особенности преподавания. Но почему название всему этому — «Лёгкие миры»?

Вводя понятие «двойного кодирования» по отношению к художественному произведению, Умберто Эко определяет его как одновременное использование интертекстуальной иронии и скрытого метанарративного обращения: «Используя в произведении технику двойного кодирования, автор тем самым вступает в некий необъявленный сговор с искусственным читателем, тогда как массовая аудитория, не уловив львиную долю присутствующих в тексте культурных аллюзий, чувствует, что важная часть произведения “прошла стороной”» [11, с. 50].

Как начало связано с названием рассказа? Заголовок взаимодействует со всем текстом как на содержательном, так и на композиционно-языковом уровне. Заголовок выполняет номинативную функцию, которая даёт возможность идентифицировать текст; что касается информативной функции, то она, скорее, отсутствует, чем информирует читателя о теме, идее и об основном содержании произведения; прогностическая функция здесь также не действует, так как читатель не может прогнозировать, о чём пойдет речь в рассказе. На этапе входа в текст реализуется, в первую очередь, интригующая функция заголовка и начала произведения. Таким образом, читательское восприятие получает уже на входе в текст определённую перспективу, возникают ассоциации между идейно-тематическим содержанием уже известной, прецедентной ситуации и нового текста. Двойное кодирование в художественных текстах входит в систему коммуникативной стратегии писателя и занимает важное место в диалоге автора и читателя. На передний план выходит не предмет высказывания (мир), а именно «точка зрения», важны не факты, а отношение к ним. Жизнь автора-повествователя не строится в строго линейном порядке, основана не столько на взаимодействии с бытовой реальностью, сколько на взаимодействии с вечными ценностями. Биография выстраивается от столкновения с событиями реальности до необходимости осознания базовых жизненных ценностей: *Голым приходишь ты в этот мир, голым и уходи*, — так заканчивается рассказ.

Как представляется, «лёгкие миры» — это неизъяснимая творческая энергия, не поддающееся описанию и анализу состояние, которое можно поймать в совершенно неожиданном месте и встретить в абсолютно неподходящих условиях. Топос в тексте одновременно служит («в качестве языка для выражения других, непространственных отношений» [4, с. 280]). Он способен метафорически принимать на себя моделирование разных связей мира и человека (социальных, этических, личностных) и в некоторых случаях стать существенной смысловой доминантой, или, как пишет Г. В. Степанов, «конденсатом образа» [7, с. 26]. Способность топоса стать «конденсатом образа» может реализовываться широкими описательными контекстами, в которых топонимические детали входят в разветвлённые семантические отношения с иными текстовыми элементами (обозначениями предметов и вещей, оценочными предикатами и др.) и увеличивают тем самым смысловую ёмкость изображаемого, проекцию непосредственно выраженного содержания на глубокие пласты художественного смысла текста.

Америка, с её формализмом, непререкаемостью установок, жёсткостью законов, вызывает у автора-повествователя удивление и иронию: *Вот сейчас я поставлю на американской бумажке свою нечитаемую закорючку, и один акр Соединённых Штатов Америки перейдёт в мои частные руки. Стоит — а вернее, течёт, хлещет и бурлит — 1992 год, и я приехала из России, где всё развалилось на части и непонятно, где чьё, но уж точно не твоё, и где земля уходит из-под ног, — зато тут я сейчас куплю себе зелёный квадрат надёжной заокеанской территории и буду им владеть, как ничем и никем никогда не владела. А если кто сунется ко мне в дом без спросу — имею право застрелить. Впрочем, надо уточнить, какие права у воров и грабителей, потому что на них тоже распространяется действие Конституции.*

Определение «американский» в контексте Т. Толстой, условно говоря, превращается из относительного прилагательного в качественное, со значением большой интенсивности признака: *1. Проворный американский паук изготавливает высококачественную паутину за ночь. 2. Когда я вырвала гигантские американские сорняки и вырубил чудовищные американские колючки ... обнаружили вполне себе прекрасные белые розы, и, в общем, они даже пахли, хотя в Америке цветы не пахнут, овощи не имеют вкуса, и вообще, запахи в целом в здешней культуре не приветствуются. 3. Когда настало пыльное американское лето... 4. Я, ползая на карачках, оттерла половицы от всякой дряни каким-то особым американским маслом для оттирания паркета от дряни.*

Автор-повествователь постоянно возвращается мыслями в Россию, не идеализируя бестолковость и парадоксальность русской жизни. Однако всё это близкое, своё, во многом раздражающее и необъяснимое, но родное, родное... Толстая стремится показать жизнь во всём её противоречивом многообразии, намеренно выставляет противоречия на передний план, делает их явными, очевидными. Автор не предлагает читателю готовый рецепт, но просит найти решение самостоятельно.

Вспоминая об отношениях с рабочими, ремонтировавшими московскую квартиру, писательница говорит: *«Я попадала в какую-то пролетарскую культурную парадигму, и от меня ожидали соответствующего статусу поведения, а я никак не могла соответствовать неизвестным мне нормам... Чего, чего они ждали от меня?..»* Вопрос отсылает нас к Гоголю.

Как метафора воспринимается такой фрагмент текста: *Весна в Америке, на Восточном побережье, совсем сумасшедшая. За одну ночь воскресает всё, что вчера ещё торчало ещё мёртвыми прутьями. Вишнёвые деревца стоят на зелёных лужайках как розовые фонтаны... Грушевые деревья — о боже мой, я не выдерживаю такой красоты. Потом распускается магнолия, но это уже слишком, простому сердцу такой пышности не надо. Цветы должны быть мятыми, рваными, растрёпанными, как, например, пионы.* Избыточность «красоты по-американски» чужда «простому сердцу».

Русский и американский менталитет и образ жизни сопоставляются и на бытовом уровне: *А вот американский плотник был не народ; он не спал днём в ватнике с открытым ртом, не предавался буйным утехам на рабочем месте, не пробивался в лёгкие миры с помощью портвейна с плавленым сырком «Дружба», к нему не являлась жаркая Венера под личиной генеральши, и вообще мифотворческая сила в нём не бурлила, потому и построил он террасу тупо и точно; с накладной не обманул, сколько договаривались — столько и взял, и не ссылаясь на то, что рельеф местности как-то особо ужасен или брёвна оказались необыкновенно неподатливыми и надо бы прибавить; после пришёл муниципальный инспектор и тоже, не заводя глаза вбок и не*

покашливая в том смысле, что хорошо бы обмыть постройку, а также не давая советов насчёт приласить попа и кота (поп — чтобы освятил, кот — чтобы взял на себя нехорошие энергии), просто потрогал доски и замерил просвет между балясинами, убедившись, что американская голова не застрянет и меня как владельца никакой микроцефал не засудит на сумму, равную троекратной стоимости дома.

А. Генис отмечает, что рассказы Т. Толстой густо населены, видя в этом связь с Гоголем [2, с. 87]. Из небольшого второстепенного отступления вполне может вырасти самостоятельный сюжет. Таких «боковых линий», мини-историй в рассказе много, в результате одной из них возникает вывод: *Мне приятно было, что американцы тоже тырят: не всё ж мы одни.*

Ироничное описание учебного процесса в колледже, где автор-повествователь преподаёт курс писательского мастерства, также подчёркивает различие двух культур: *Культура, провозгласившая: «нет — это значит нет, а да — это значит да», да и вообще ориентированная на протестантскую этику, совсем не считает метафору, боится игры, бежит даже нарисованным порокам... Ещё желателен отказ от собственного интеллекта: интеллект раздражает. И словарь попроще, а то они уже жаловались, что я употребляю непонятные им слова.*

Автор-повествователь называет здешний мир тяжёлым и душным, а «нелёпая, чудесная постройка, эта воздушная, прозрачная коробочка» — «волшебная комната» со стеклянными дверями — недостроенная терраса в купленном доме — обещала выход в «лёгкие миры»: *1. Человеку открывается лёгкий мир. Да, я тоже хожу туда, но с трудом, и недалеко, и без озарений, и без судорог, а ключ к этим дверям — слёзы. Ну, иногда любовь. 2. Я сплю в волшебной комнате... откуда есть ход в лёгкие миры. 3. Всего за время работы в Америке я внимательно прочитала пятьсот сопок текстов. И ещё перечитала их. Не знаю, как я не сошла с ума. К концу моего тюремного срока все тонкие каналы, связывавшие меня с лёгкими мирами, были забиты пластиковым, плохо разлагающимся мусором.*

В то же время автор готов щедро одарить всякого, в ком чувствовала хоть малейшую мечту, малейшую робость перед жизненной тьмой — салют, братья! — малейшее желание встать на цыпочки и заглянуть через изгородь. Встретив талантливого студента, автор-повествователь чувствует себя счастливым.

Постепенно становится очевидным, что американский дом, который сначала заманил «волшебной комнатой», из которой есть ход в лёгкие миры, не может быть местом жизни. *Почти все деньги, что я зарабатывала в колледже, я тратила на поддержание дома. При этом работа в колледже убивала меня. Ещё несколько лет назад я умела видеть сквозь вещи, а теперь на меня надвигалась умственная глаукома, тёмная вода. Надо было бросать тут всё и ехать домой — в свой прежний дом, в Москву, например. Или в Питер.*

Желание неизъяснимого, стремление к «лёгким мирам» расцветает в душе. *Да, девушка, вот такой финал: стоишь ты себе одна-одинёшенька посреди американского континента, без гроша в кармане... Голым приходишь ты в этот мир, голым и уходи. Существенно только то, что внутри нас. Дом — тот, который позволяет пребывать в «лёгких мирах».*

Как отмечает Умберто Эко, «те, кого называют «авторами художественной литературы», никогда, ни в коем случае не должны объяснять смысл ими написанного» [11, с. 57]. «Автор художественного текста, будучи по совместительству здравомыслящим читателем собственного произведения, обладает безусловным правом опспорить любые надуманные интерпретации. Однако, как правило, писатель должен уважать своих читателей, ибо он, выражаясь фигурально, швыряет текст в мир, словно послание в бутылке» [11, с. 14–15]. Каждый акт чтения представляет собою сложную транзакцию между компетенцией читателя (читательским знанием о мире) и тем типом компетенции, которую данный текст постулирует, чтобы быть истолкованным самым «экономичным» образом — так, чтобы интерпретация строилась на максимальном понимании написанного и поддерживалась контекстом [11, с. 68–69].

На входе в текст читатель воспринимает заголовок как имя текста, то есть в его номинативной функции, а также в его информативной и проспективной (прогностической) функциях. По мере прочтения текста значение заголовка обогащается дополнительным смыслом и рядом коннотаций. Читатель осваивает «двойное кодирование». Постепенно становится ясным символический, метафорический смысл заголовка. На выходе из текста читатель обладает всем комплексом семантической и эстетической информации, смысл заголовка реализуется в полном объёме. «Лёгкие миры» — это мир мечты, вдохновения, творчества, а истинный дом — тот, который созвучен им [8, с. 169].

По глубокому убеждению Умберто Эко, литература должна воодушевлять и провоцировать на повторное или даже многократное прочтение одного и того же текста, чтобы лучше понять его. Таким образом, двойное кодирование — не аристократическая придурь, а способ проявить уважение к доброй воле и умственным способностям читателя [11, с. 50–51].

Литература

1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка / И. В. Арнольд. — М.: Просвещение, 1990. — 313 с.
2. Генис А. А. Рисунки на полях: Татьяна Толстая // Избранное: в 3 т. / А. А. Генис. — М.: Подкова, 2002. — Т. 2: Исследования — ДВА. — С. 84–94.
3. Гончарова Е. А. Интерпретация текста: учеб. пособие по немецкому языку / Е. А. Гончарова, И. П. Шишкина. — М.: Выш. шк., 2005. — 237 с.
4. Лотман Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. — М.: Искусство, 1970. — 359 с.
5. Мукаржовский Я. Литературный язык и поэтический язык / Я. Мукаржовский // Пражский лингвистический кружок. — М.: Прогресс, 1967. — С. 406–432.

6. Падучева Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива) / Е. В. Падучева. — М.: Языки рус. культуры, 1996. — 464 с. — (Язык. Семиотика. Культура).
7. Степанов Г. В. О границах лингвистического и литературоведческого анализа художественного текста / Г. В. Степанов // Теория литературных стилей. Современные аспекты изучения. — М.: Наука, 1982. — С. 4–98.
8. Столярова И. В. Многозначность «сильных позиций» текста (на материале рассказов Т. Толстой) / И. В. Столярова // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. — 2014. — № 3. — С. 162–170.
9. Толстая Т. Лёгкие миры / Т. Н. Толстая // Сноб. — 2013. — № 5. — С. 167–179.
10. Шилина Т. В. Реконструкция предтекста при инициальной ретардации художественного дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. В. Шилина. — СПб., 2004. — 24 с.
11. Эко Умберто. Откровения молодого романиста / Умберто Эко; [пер. с англ. А. Климин]. — М.: АСТ: CORPUS, 2013. — 300 с.

References

1. Arnol'd I. V. Stilistika sovremennogo anglijskogo jazyka / I. V. Arnol'd. — М.: Prosveshhenie, 1990. — 313 s.
2. Genis A. A. Risunki na poljah: Tat'jana Tolstaja // Izbrannoe: v 3 t. / A. A. Genis. — М.: Podkova, 2002. — Т. 2: Rassledovanija — DVA. — S. 84–94.
3. Goncharova E. A. Interpretacija teksta: ucheb. posobie po nemeckomu jazyku / E. A. Goncharova, I. P. Shishkina. — М.: Vysshaja shkola, 2005. — 237 s.
4. Lotman Ju. M. Struktura hudozhestvennogo teksta / Ju. M. Lotman. — М.: Iskusstvo, 1970. — 359 s.
5. Mukarzhovskij Ja. Literaturnyj jazyk i poeticheskij jazyk / Ja. Mukarzhovskij // Prazhskij lingvisticheskij kruzhok. — М.: Progress, 1967. — S. 406–432.
6. Paduceva E. V. Semanticheskie issledovanija (Semantika vremeni i vida v russkom jazyke; Semantika narrativa) / E. V. Paduceva. — М.: Jazyki rus. kul'tury, 1996. — 464 s. — (Jazyk. Semiotika. Kul'tura).
7. Stepanov G. V. O granicah lingvisticheskogo i literaturovedcheskogo analiza hudozhestvennogo teksta / G. V. Stepanov // Teorija literaturnyh stilej. Sovremennye aspekty izuchenija. — М.: Nauka, 1982. — S. 4–98.
8. Stoliarova I. V. Mnogoznachnost' «sil'nyh pozicij» teksta (na materiale rasskazov T. Tolstoj) / I. V. Stoliarova // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. — 2014. — № 3. — S. 162–170.
9. Tolstaja T. Ljogkie miry / T. N. Tolstaja // Snob. — 2013. — № 5. — S. 167–179.
10. Shilina T. V. Rekonstrukcija predteksta pri inicial'noj retardacii hudozhestvennogo diskursa: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / T. V. Shilina. — SPb., 2004. — 24 s.
11. Eko Umberto. Otkrovenija molodogo romanista / Umberto Eko; [per. s angl. A. Klimin]. — М.: AST: CORPUS, 2013. — 300 s.

СТОЛЯРОВА Ирина Віталіївна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри російської мови Російського державного педагогічного університету імені О. І. Герцена; Санкт-Петербург, Росія;
e-mail: stolirina@gmail.com; моб.: +7 911 9162220

СИМВОЛІЧНИЙ ЗМІСТ ЗАГОЛОВКА У ПРОЗОВОМУ ДИСКУРСІ (Т. ТОЛСТАЯ «ЛЕГКІ СВИТИ»)

Анотація. У статті йдеться про значення заголовка в інтерпретації художнього тексту. На матеріалі оповідання Т. Толстої «Легкі світи («Лёгкие миры»)» аналізується багатозначність заголовка — «сильної позиції» тексту. Поряд з номінативною, інформативною, прогностичною виявляються інтригуюча та метафорична функції однієї із смислових доміант тексту. Розглянуто «подвійне кодування» як прийом комунікативної стратегії. Запропоновано можливості різної інтерпретації тексту.

На вході в текст читач сприймає заголовок як ім'я тексту, тобто в його номінативній функції, а також у його інформативній і проспективній (прогностичній) функціях. У процесі прочитання тексту значення заголовка збагачується додатковим смислом і рядом конотацій. Читач освоює «подвійне кодування». Поступово стає ясним символічний, метафоричний зміст заголовка. На виході з тексту читач володіє всім комплексом семантичної й естетичної інформації, зміст заголовка реалізується максимально. Кожен акт читання являє собою складну транзакцію між компетенцією читача і тим типом компетенції, яку даний текст постулює.

Ключові слова: текст, інтерпретація, сильна позиція, полісемантичність, подвійне кодування, метафора, комунікативна стратегія, заголовок.

Irina V. STOLIAROVA,

PhD in Philological Sciences, Associate Professor of the Russian Language Department of Herzen State Pedagogical University; St. Petersburg, Russia;
e-mail: stolirina@gmail.com; mob.: +7 911 9162220

THE SYMBOLIC MEANING OF THE TITLE IN PROSAIC DISCURSIVE (T. TOLSTAYA «LIGHT WORLDS»)

Summary. The role of title in interpretation of fiction text is discussed in this paper. Polysemy of the «strong position» of the text — the title — is analysed in Tatiyana Tolstaya's story «Light Worlds». Semantic dominant reveals not only the nominative, informative, predictive, but intriguing and metaphorical functions. «Double code» is considered as a method of communication strategies. The possibility of different interpretations of the text has been offered.

At the entrance to the text the reader perceives the title as the name of the text, that is, in its nominative function, as well as his informative and prospective (predictive) features. The title is enriched with additional sense and close connotations. The reader develops a «double coding». Gradually it becomes clear symbolic, metaphorical title. At the exit the reader has all the complex semantic and aesthetic information from the text, the meaning of the title is realized. Every act of reading represents a complex transaction between the competence of the reader and the type of competence that this text postulates.

Key words: text, interpretation, strong position, polysemy, double code, metaphor, strategy communicative.

Статтю отримано 21.02.2014 р.

УДК [811.161.1+811.162.1]’398.23

ТРЕНДОВИЧ Марчин,магистр русской филологии, аспирант Института восточнославянской филологии Гданьского университета; Гданьск, Польша;
e-mail: marcin.trendowicz@ug.edu.pl; тел.: +48 58 5232134**РУССКИЙ АНЕКДОТ VS. ПОЛЬСКИЙ KAWAŁ. НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ ПО ПОВОДУ КОМИЧЕСКИХ ЖАНРОВ РЕЧИ В РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ**

Аннотация. Целью настоящей статьи является сравнительно-сопоставительная характеристика комических (смеховых) жанров речи, существующих в русском и польском языках. Главное внимание уделяется двум речевым жанрам: русскому *анекдоту* и польскому *кавалу* (*kawał*). Кроме характеристик вышеназванных жанров, выявляются системные связи между другими комическими жанрами речи в обоих языках (*шутка* — в русском языке, *anegdota*, *dowcip* и *żart* — в польском). Проведённый анализ опирается, в первую очередь, на теорию семантических примитивов, принципы которой были разработаны Анной Вежбицкой, и словарные толкования названий (номинаций) отдельных жанров, рассмотрение которых является начальным этапом жанроведческого исследования. Дополнительно анализируются словарные толкования других однокоренных слов (глаголов и имён существительных, описывающих свойства человека), которые подтверждают поставленный тезис о существовании параллели между определёнными речевыми жанрами в русском и польском языках, при одновременном несовпадении набора речевых жанров в обоих языках по причине культурной обусловленности данного явления.

Ключевые слова: комизм, смех, речевой жанр, анекдот, шутка, теория семантических примитивов, русский язык, польский язык.

Теория речевых жанров в её современном виде, — пишет В. В. Дементьев — стала одним из наиболее актуальных и значимых направлений дискурсивной лингвистики [2, с. 8]. Разработке теоретических положений жанроведения (называемого ещё генристикой или генологией) [8] посвящаются всё больше научных работ [1; 2; 6 и др.]. Положение о том, что разные языки (и, соответственно, разные культуры) можно изучать через призму характерных для них жанров речи, не вызывает сомнений. Поскольку межкультурные исследования речевых жанров требуют специального научного аппарата, Анной Вежбицкой был разработан отдельный семантический метаязык, целью которого является описание отдельных жанров речи при помощи *семантических примитивов*, т. е. последовательности простых предложений, выражающих мотивы, интенции и другие ментальные факты говорящего, определяющие данный тип высказывания [1; 12; 13; 14 и др.]. Их применение позволяет избежать влияния данного языка и культуры при описании отдельных жанров.

Цель настоящей статьи — проведение межкультурных исследований комических (смеховых) речевых жанров, выступающих в русском и польском языках. Предметом анализа являются отдельные жанры в обоих языках, описанные с помощью семантического метаязыка, с учётом их особенностей, свойственных лишь данному жанру речи. Кроме того, приводятся определения (дефиниции) отдельных комических жанров, разработанные ведущими специалистами в области теории речевых жанров, и словарные толкования названий некоторых жанров.

Наш анализ начнём с речевого жанра *анекдота*, существующего в русском языке, характеристики которого достаточно хорошо разработаны, поскольку он являлся предметом интереса многих лингвистов, среди которых следует назвать, в первую очередь Е. Я. и А. Д. Шмелёвых [7], В. В. Дементьева [2], В. И. Карасика [4] и ряд других. При этом необходимо подчеркнуть, что *анекдот* может быть исследован не только с точки зрения его лингвистических особенностей, но ещё и с точки зрения фольклористики. В таком направлении данный жанр рассматривается Е. Кургановым [5], выделяющим наряду с бытовым (фольклорным) анекдотом ещё историко-биографический (литературный) анекдот.

С помощью семантического метаязыка, речевой жанр *анекдота* можно описать следующим образом:

*говорю: я хочу, чтобы ты себе представил, что случилось X
думаю, что ты понимаешь, что я не говорю, что это случилось
говорю это, потому что хочу, чтобы ты смеялся
думаю, что ты понимаешь, что люди говорят это друг другу, чтобы смеяться [1, с. 108].*

Из вышеприведённой характеристики вытекают основные черты данного жанра речи: во-первых, устная форма бытования; во-вторых, — вымышленный характер представленных событий; в-третьих, — направленность на комический эффект. Дополнением данной характеристики может служить определение речевого жанра, предложенное А. Д. и Е. Я. Шмелёвыми: *анекдот — это короткий устный смешной рассказ о вымышленном событии с неожиданной остроумной концовкой, в котором действуют постоянные персонажи, известные всем носителям русского языка [7, с. 20].*

В приведённом толковании подчёркиваются не только три ранее названные нами характеристики речевого жанра *анекдота* (т. е. устная форма бытования, вымышленный характер представленных событий и направленность на комический эффект), но отмечаются ещё другие характерные черты: во-первых, небольшая длина (короткость) текста; во-вторых, его определённая структура (обязательным

элементом анекдота является остроумная концовка) и, в-третьих, действие в текстах анекдотов постоянных общеизвестных персонажей, благодаря которым анекдоты складываются в тематические серии. К вышеперечисленным характеристикам следует добавить и такие: анонимность, воспроизводимость и вариативность, связанная с двумя первыми чертами. Кроме того, для анекдота типичным является присутствие определённых метатекстовых вводов (например, *ты знаешь тот анекдот про Штирлица?*) [7; 11 и др.].

Параллельным комическим жанром в польском языке, согласно мнению многих исследователей, является речевой жанр *kawał*, который с помощью семантических примитивов был описан А. Вежбицкой следующим образом:

*mówię: chcę, żebyś sobie wyobraził, że zdarzyło się X
sądzę, że rozumiesz, że nie mówię, że się to zdarzyło
mówię to, bo chcę żebyś się śmiał
sądzę, że rozumiesz, że ludzie mówią to jedni drugim, żeby się śmiali* [14, с. 133].

Не вызывает сомнений факт, что два вышеописанных жанра выполняют в обоих языках (*анекдот* в русском и *kawał* в польском) похожую функцию. Поскольку как система речевых жанров в данном языке в целом, так и специфика отдельных жанров характеризуется культурной детерминированностью, оба жанра отличает набор персонажей, присутствующих в их текстах. Для русского речевого жанра *анекдота* характерны такие персонажи, как, например: герои отечественного кино и телевидения (*Штирлиц, Чебурашка, Чапаев и Петя* и др.), политические деятели (*Ленин, Сталин, Брежнев, Хрущёв, Ельцин, Путин* и др.). В обоих языках можно встретить тексты, героями которых являются представители некоторых народов и национальностей (например, *русские, американцы, немцы, французы, евреи* и др.). Анекдоты о *новых русских*, об *эстонцах* и *чукчах* встречаются исключительно в русском языке, а в польском популярны *kawały* о трёх героях: *поляке, русском и немце* (поляк, как правило, оказывается умнее и хитрее всех). В текстах на обоих языках имеются некоторые собирательные, стереотипные образы героев (*муж, жена и любовник; тёща; милиционер или полицейский, профессор и студенты* и др.). Примером серии, характерной лишь для польского языка, служит цикл *про бабу и врача* (начинающийся стандартным зачином: *Приходит баба к врачу... — Przychodzi baba do lekarza...*).

Факт существования параллели между русским речевым жанром *анекдота* и польским речевым жанром *kawał*, по нашему мнению, не вызывает сомнений. Однако следует обратить внимание на название польского жанра, которое является разговорным и регистрируется словарями польского языка в значении: *dowcipna, często dwuznaczna anegdotka; dowcip* [9] или *krytka, prosta historyjka z zaskakującą i zabawną pointą, nie zawsze cenzuralną* [10, т. 2, с. 217]. В русском языке его эквивалентом (лишь в некоторых значениях) может являться жаргонная лексема *прикол*, фиксируемая словарями как *что-либо смешное, остроумное, интересное; шутка, анекдот, свежая новость* [3, с. 323].

Поэтому считаем, что русскому речевому жанру *анекдота* в польском языке соответствует жанр *dowcip*, хотя данное положение не совпадает с мнением А. Вежбицкой, чётко разграничивающей оба жанра (*kawał* и *dowcip*) [12]. Однако следует подчеркнуть, что выдвинутое нами положение подтверждает речевая практика поляков, которые используют определение *dowcip* в качестве нейтрального (т. е. литературного) синонима разговорной лексемы *kawał*. Печатные сборники польских анекдотов чаще всего содержат в своём названии лексему *dowcip*, например, *1000 dowcipów o blondynkach* или *Najlepsze dowcipy o Chucku Norrisie*.

Кроме двух вышеперечисленных польских жанров (*kawał* и *dowcip*), существует ещё один речевой жанр — *anedgota*, который нередко ошибочно отождествляется с русским речевым жанром *анекдот* по поводу похожих названий. Данный жанр не являлся предметом исследований А. Вежбицкой и не был описан с помощью семантического метаязыка, поэтому обратимся к словарному толкованию названия жанра, добавляя к нему некоторые замечания. Словари польского языка определяют слово *anedgota* следующим образом: *krótkie, niekiedy zabawne opowiadanie o jakimś charakterystycznym zdarzeniu, często przedstawiające epizod z życia znanej osoby* [10, т. 1, с. 35]. Следует отметить, что кроме некоторых сходств с речевым жанром *анекдота* (например, устная форма бытования и краткость текста), данные жанры значительно различаются. Во-первых, польский речевой жанр *anedgota* не всегда является комическим (хотя может рассказывать забавную историю); во-вторых, жанры отличает характер представленных событий (вымышленный — в русском речевом жанре *анекдот* и реальный — в польском речевом жанре *anedgota*). Кроме вышеизложенного, польские *anedgoty*, в отличие от русских *анекдотов*, не объединяются в серии, так как для них нехарактерен постоянный набор персонажей. В приведённом нами словарном толковании отмечается, что нередко рассказ представляет происшествие из жизни известного лица, причём имеется в виду как общеизвестное лицо (например, политических деятелей, актёров и т. п.), так и лицо, известное собеседникам (например, коллегу).

Обобщением наших рассуждений может служить следующая таблица, в которой представлен короткий сравнительно-сопоставительный анализ охарактеризованных жанров речи (табл. 1).

Как мы уже отметили, речевому жанру *анекдот* в русском языке отвечает речевой жанр *dowcip / kawał* в польском языке. Кроме данной пары жанров можно выделить ещё следующую: русский речевой жанр *шутка* и отвечающий ему польский речевой жанр — *żart*. С целью их характеристики вновь обратимся к теории семантических примитивов. Речевой жанр *шутка* в русском языке определяется как:

говорю: я хочу, чтобы ты себе представил, что я говорю X

Сравнение русского РЖ анекдот и польских РЖ *dowcip / kawał, anegdota*

	русский язык		польский язык	
	<i>анекдот</i>	<i>dowcip / kawał</i>	<i>anedgota</i>	
направленность на комический эффект	обязательно	обязательно	необязательно	
характер представленных событий	вымышленный	вымышленный	реальный (или частично реальный)	
форма бытования	устная	устная	устная	
метатекстовые вводы	присутствуют	присутствуют	Присутствуют (другие, чем в РЖ <i>анекдот</i> или <i>dowcip / kawał</i>)	
длина текста	небольшая	небольшая	небольшая	
анонимность	да	да	нет	
вариативность	да	да	да	
серийность	да	да	нет	
тип комизма	ситуационный или языковой	ситуационный или языковой	преобладает ситуационный	

думаю, что ты понимаешь, что я этого не говорю говорю то, что говорю, потому что хочу, чтобы ты смеялся [1, с. 108].

Параллельный жанр *żart* в польском языке был охарактеризован А. Вежбицкой следующим образом:

*mówię: chcę, żebyś sobie wyobraził, że mówię X
sądzę, że rozumiesz, że tego nie mówię
mówię to, co mówię, bo chcę żebyś się śmiał* [14, с. 133].

Вышеприведённые определения обоих жанров в русском и польском языках совпадают, так как, по мнению А. Вежбицкой и многих других исследователей, данные жанры являются сходными. В отличие от первой пары параллельных жанров (*анекдот* и *kawał / dowcip*), имеющих исключительно вербальный характер, *шутка* в русском языке и *żart* в польском языке могут приобретать как вербальный, так и невербальный характер.

Отметим, что в обоих языках наряду с именами существительными, называющими определённые жанры, имеются однокоренные глаголы и имена существительные, называющие свойства человека. Целесообразным представляется приведение и рассмотрение их словарных толкований с целью обнаружения дополнительных характеристик исследуемых нами жанров речи. В русском языке, кроме названия жанра *шутка*, есть глагол *шутить* (отмечаемый словарями в следующих значениях: 1. 'говорить, поступать смешно, забавно; делать что-либо ради потехи', 2. 'насмехаться, подшучивать, смеяться над кем-либо', 3. 'говорить, делать что-либо не всерьёз, ради шутки' и др.) и имя существительное *шутник* ('тот, кто любит шутить'). В польском языке, кроме названия жанра *żart*, имеется глагол *żartować* (1. 'mywić lub robić coś dla wywołania uśmiechu', 2. 'nie traktować czegoś poważnie') и имя существительное *żartowniś* ('osoba lubiąca żartować').

Нужно отметить, что в польском языке наряду с формами *żart — żartować — żartowniś* функционирует и другой ряд слов: *dowcip — dowcipkować — dowcipniś*, — требующий отдельного комментария, так как обладает двойным значением. Обсудим данный вопрос на примере глагола *dowcipkować*, который обозначает, с одной стороны, *opowiadać dowcipy* (т. е. сближается с парой жанров *анекдот — dowcip / kawał*), с другой, — фиксируется как синоним глагола *żartować* (соотносясь со второй парой жанров: *шутка* и *żart*). Похожая ситуация складывается с именем существительным *dowcipniś*, которое может обозначать и человека, любящего рассказывать анекдоты, и любителя пошутить. Из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что в польской системе комических жанров речи существует *dowcip* — жанр, дополнительный, по сравнению с системой русских комических жанров, который, в зависимости от контекста и ситуации речевого общения, может быть, во-первых, нейтральным определением жанра *kawał* и, во-вторых, аналогом жанра *żart*.

Сделанные наблюдения позволяют подвести предварительные итоги. Каждый язык и, соответственно, каждая культура, обладает собственным запасом характерных для неё актов и жанров речи. Однако в случае некоторых языков (особенно — в случае родственных языков, каковыми являются русский и польский) можно выделить речевые жанры, выполняющие схожие функции в обоих языках. Такие жанры мы определили как параллельные. Их примерами могут служить следующие пары: во-первых, русский речевой жанр *анекдот* и польский речевой жанр *dowcip / kawał* и, во-вторых, речевой жанр *шутка* в русском языке и речевой жанр *żart* в польском языке. Системы комических жанров в обоих языках не совпадают полностью, поскольку польский речевой жанр *dowcip* становится в речевой практике, в зависимости от контекста, с одной стороны, нейтральным наименованием жанра *kawał*, с другой — аналогом жанра *żart*.

Польський речевий жанр *anegdota* нередко отождествляется с русским речевым жанром *анекдот*, хотя между данными жанрами имеются существенные различия (например, в характере представленных событий и возможности образования серий текстов).

Литература

1. Вежицка А. Речевые жанры : [пер. с пол.] / А. Вежицка // Жанры речи / [отв. ред. В. Е. Гольдин]. — Саратов : Колледж, 1997. — Вып. 1. — С. 99–113.
2. Деметьев В. В. Теория речевых жанров / В. В. Деметьев. — М. : Знак, 2010. — 600 с.
3. Елистратов В. С. Толковый словарь русского сленга / В. С. Елистратов. — М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2010. — 672 с.
4. Карасик В. И. Анекдот как предмет лингвистического изучения / В. И. Карасик // Жанры речи. — Саратов : Колледж, 1997. — Вып. 1. — С. 144–153.
5. Курганов Е. Анекдот как жанр / Е. Курганов. — СПб. : Академический проект, 1997. — 123 с.
6. Покровская Е. А. Речевые жанры в диалоге культур / Е. А. Покровская, Н. В. Дудкина, Е. В. Кудинова. — Ростов н/Д : Foundation, 2011. — 200 с.
7. Шмелёва Е. Я. Русский анекдот: Текст и речевой жанр / Е. Я. Шмелёва, А. Д. Шмелёв. — М. : Языки славян. культуры, 2002. — 144 с.
8. Шмелёва Т. В. Жанроведение? Генристика? Генология? / Т. В. Шмелёва // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация / [общ. ред. К. Ф. Седов]. — М. : Лабиринт, 2007. — С. 34–51.
9. *Słownik języka polskiego* [Электронный ресурс] / [red. W. Doroszewski]. — Warszawa : Wiedza Powszechna, 1958–1969. — Режим доступа: <http://sjpd.pwn.pl/>
10. *Słownik języka polskiego* : w 6 t. / [red. M. Bańko]. — Warszawa : Wyd-wo Naukowe PWN, 1997.
11. Trendowicz M. Особенности реализации речевого жанра *анекдот* в современном русском языке / M. Trendowicz // Коммуникация междзылudzka. Лексыка. Семантыка. Прагматыка / [red. nauk.: E. Komorowska, K. Kondziola-Pich i A. Ochrymowicz]. — Szczecin : PPH Zapol, 2012. — Т. III. — С. 356–366.
12. Wierzbicka A. Akty i gatunki mowy w różnych językach i kulturach / A. Wierzbicka // Język, umysł, kultura: wybór prac / [red. J. Bartmiński]. — Warszawa : Wyd-wo Naukowe PWN, 1999. — S. 228–269.
13. Wierzbicka A. Analiza lingwistyczna aktyw mowy jako potencjalny klucz do kultury / A. Wierzbicka // Problemy wiedzy o kulturze: prace dedykowane Stefanowi Żółkiewskiemu / [red.: A. Brodzka, M. Hopfinger, J. Palewicz]. — Wrocław : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1986. — S. 103–114.
14. Wierzbicka A. Genry mowy / A. Wierzbicka // Tekst i zdanie : zbiór studiów / [red.: T. Dobrzyńska, E. Janus]. — Wrocław : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1983. — S. 125–137.

References

1. Vezhbicka A. Rechevy zhanry : [per. s pol.] / A. Vezhbicka // Zhanry rechi / [otv. red. V. E. Gol'din]. — Saratov : Kolledzh, 1997. — Vyp. 1. — S. 99–113.
2. Dement'ev V. V. Teorija rechevyh zhanrov / V. V. Dement'ev. — M. : Znak, 2010. — 600 s.
3. Elistratov V. S. Tolkovoj slovar' russkogo slenga / V. S. Elistratov. — M. : AST-PRESS KNIGA, 2010. — 672 s.
4. Karasik V. I. Anekdot kak predmet lingvisticeskogo izucheniya / V. I. Karasik // Zhanry rechi. — Saratov : Kolledzh, 1997. — Vyp. 1. — S. 144–153.
5. Kurganov E. Anekdot kak zhanr / E. Kurganov. — SPb. : Akademicheskij projekt, 1997. — 123 s.
6. Pokrovskaja E. A. Rechevy zhanry v dialoge kul'tur / E. A. Pokrovskaja, N. V. Dudkina, E. V. Kudinova. — Rostov n/D : Foundation, 2011. — 200 s.
7. Shmeljova E. Ja. Russkij anekdot: Tekst i rechevoj zhanr / E. Ja. Shmeljova, A. D. Shmeljov. — M. : Jazyki slav. kul'tury, 2002. — 144 s.
8. Shmeljova T. V. Zhanrovedenie? Genristika? Genologija? / T. V. Shmeljova // Antologija rechevyh zhanrov: povsednevnaia komunikacija / [obshh. red. K. F. Sedov]. — M. : Labirint, 2007. — S. 34–51.
9. *Słownik języka polskiego* [Elektronnyj resurs] / [red. W. Doroszewski]. — Warszawa : Wiedza Powszechna, 1958–1969. — Rezhim dostupa: <http://sjpd.pwn.pl/>
10. *Słownik języka polskiego* : w 6 t. / [red. M. Bańko]. — Warszawa : Wyd-wo Naukowe PWN, 1997.
11. Trendowicz M. Osobennosti realizacii rechevogo zhanra anekdot v sovremenom russkom jazyke / M. Trendowicz // Komunikacija mezzdyudzka. Leksyka. Semantuka. Pragmatyka / [red. nauk.: E. Komorowska, K. Kondziola-Pich i A. Ochrymowicz]. — Szczecin : PPH Zapol, 2012. — T. III. — S. 356–366.
12. Wierzbicka A. Akty i gatunki mowy w różnych językach i kulturach / A. Wierzbicka // Język, umysł, kultura: wybór prac / [red. J. Bartmiński]. — Warszawa : Wyd-wo Naukowe PWN, 1999. — S. 228–269.
13. Wierzbicka A. Analiza lingwistyczna aktyw mowy jako potencjalny klucz do kultury / A. Wierzbicka // Problemy wiedzy o kulturze: prace dedykowane Stefanowi Żółkiewskiemu / [red.: A. Brodzka, M. Hopfinger, J. Palewicz]. — Wrocław : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1986. — S. 103–114.
14. Wierzbicka A. Genry mowy / A. Wierzbicka // Tekst i zdanie : zbiór studiów // [red.: T. Dobrzyńska, E. Janus]. — Wrocław : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1983. — S. 125–137.

ТРЕНДОВИЧ Марцін,

магістр російської філології, аспірант Інституту східнослов'янської філології Іданського університету; Іданськ, Польща; e-mail: marcin.trendowicz@ug.edu.pl; тел.: +48 58 5232134

РОСІЙСЬКИЙ АНЕКДОТ VS. ПОЛЬСЬКИЙ КАВАЛ. ДЕКІЛЬКА ЗАУВАЖЕНЬ З ПРИВОДУ КОМІЧНИХ ЖАНРІВ У РОСІЙСЬКІЙ І ПОЛЬСЬКІЙ МОВАХ

Анотація. У статті представлено порівняльну характеристику комічних (сміхових) мовленнєвих жанрів, що існують у російській і польській мовах. Головна увага приділяється двом мовленнєвим жанрам: російському *анекдоту* і польському *kawałowi*. Крім характеристик вищезазначених жанрів, виявляються системні зв'язки між іншими комічними жанрами в обох мовах (*шутка* — у російській мові, *anegdota*, *dowcip* і *żart* — у польській мові). Проведений аналіз спирається, в першу чергу, на теорію семантичних примітивів, принципи якої були розроблені А. Вежицькою, і на словникові тлумачення назв (номінації) окремих жанрів, розгляд яких є початковим етапом жанрознавчого дослідження. Додатково аналізуються словникові тлумачення інших спільнокореневих слів (дієслів і іменників), які підтверджують висунуту тезу про існування паралелі між деякими російськими та польськими мовленнєвими жанрами. Проте, внаслідок культурної зумовленості має місце асиметрія між наборами мовленнєвих жанрів в обох мовах.

Ключові слова: комізм, сміх, мовленнєвий жанр, анекдот, жарт, теорія семантичних примітивів, російська мова, польська мова.

Marcin TRENDOWICZ,

MA in Russian Philology, student of Doctoral Studies in Institute of East Slavonic Philology at the University of Gdansk; Gdansk, Poland;

e-mail: marcin.trendowicz@ug.edu.pl; tel.: +48 58 5232134

RUSSIAN ANEKDOT (АНЕКДОТ) VS. POLISH KAWAL. A FEW COMMENTS ON THE COMIC SPEECH GENRES IN RUSSIAN AND POLISH LANGUAGES

Summary. The purpose of this article is comparative characteristics of comic speech genres in Russian and Polish languages. Attention has been aimed mainly at two speech genres: *anekdot* (in Russian language) and *kawal* (in Polish language). In addition to the characteristics of above-mentioned speech genres, we have described relationships existing between other comic speech genres (*шутка* — in the Russian language, *anegdota*, *dowcip* and *zart* — in the Polish language). The analysis is based mainly on theory of semantic primes developed by Anna Wierzbicka and the dictionary definitions of the lexemes representing speech genres, analysis of which is the initial stage of study speech genres. The research includes also analysis of dictionary definitions other lexemes that contain the same root (verbs and other nouns), that confirm thesis about existence of parallels between certain speech genres in Russian and Polish languages and also differences between the systems of comic speech genres due to culture-dependent.

Key words: comic, humor, laugh, speech genre, joke, theory of semantic primes, the Russian language, the Polish language.

Статтю отримано 30.05.2014 р.

УДК 811.161.2'367.52

КІЩЕНКО Алла Миколаївна,

аспірант кафедри прикладної лінгвістики Одеського національного університету

імені І. І. Мечникова; Одеса, Україна;

e-mail: alla-kischenko@ua.ru; тел.: +38-093 0704073

КОМУНІКАТИВНА РОЛЬ АДРЕСАНТА В ХУДОЖНЬОМУ ДИСКУРСІ (на матеріалі сучасної української прози)

Анотація. Статтю присвячено аналізу лінгвістичних аспектів образу автора в художньому тексті. Дослідження здійснено в комунікативно-прагматичному аспекті, що передбачає дискурсивний підхід до аналізу художнього тексту як акту комунікативної взаємодії автора і читача. Простежено функції учасників комунікативної взаємодії в сучасній українській прозі з пріоритетним розглядом позиції ініціатора спілкування — автора художнього тексту. Представлено традиційні і новаторські підходи до вивчення образу автора в художній комунікації. Актуалізовано комунікативну позицію мовця як ініціатора спілкування та визначено поняття комунікативної ролі. Запропоновано типологію комунікативних ролей мовця в художньому тексті, виокремлено комунікативні ролі оповідача, коментатора та персонажа. Зроблено спробу пов'язати реалізацію образу автора з таким синтаксичним засобом, як вставлені конструкції в художньому тексті. Простежено реалізацію кожної комунікативної ролі у вставлених синтаксичних конструкціях у сучасній українській прозі. Основну увагу приділено комунікативній ролі оповідача, що найбільшою мірою реалізована у вставлених синтаксичних конструкціях. Меншою мірою виявлено специфіку реалізації комунікативних ролей коментатора та персонажа, що визначає перспективи подальших наукових досліджень. Матеріалом дослідження слугували прозові твори українських письменників початку ХХІ століття.

Ключові слова: художній текст, комунікативна роль, комунікація, мовець, адресат.

Художня комунікація в аспекті дискурсивного підходу передбачає аналіз комунікативних ролей учасників спілкування — мовця та адресата. Дослідження комунікативної позиції мовця переважно здійснювали в аспекті аналізу образу автора в художньому тексті, що зумовило пріоритетне вивчення мовних засобів репрезентації образу автора в тексті. Такий підхід було закладено ще в працях В. В. Виноградова [1] та реалізовано в наукових розвідках російських та українських учених (В. А. Кухаренко, В. О. Лукіна, Л. О. Новикова, В. В. Одинцова, С. Я. Ермоленко, В. П. Дроздовського, Л. І. Мацько, І. М. Кочан та ін.). Інший напрям досліджень образу автора пов'язаний з нарративним аналізом та лінгвістичним описом нарративу як основної форми художньої комунікації, представленій авторським мовленням (Р. Барт, С. П. Биби́к, В. Шмі́д та ін.).

Однак розвиток комунікативної лінгвістики зумовив наукові пошуки в галузі текстолінгвістики, наслідком яких стали комунікативно-прагматичні дослідження художнього тексту і дискурсу (О. П. Воробйова, Н. В. Кондратенко, Т. Ф. Плеханова, Є. В. Сидоров та ін.). Виокремлення текстово-дискурсивних категорій (О. О. Селіванова) та визнання домінуючої позиції антропоцентризму й функціоналізму уможливило актуалізацію комунікативної позиції автора-мовця як учасника художньої комунікації, що й визначає **актуальність** нашої статті. У сучасній українській прозі автор-мовець виконує особливу комунікативну роль: він взаємодіє з читачем через текст, впливає на сприйняття тексту, «задає» вектор розгортання читацького сприйняття та визначає «горизонт очікування» (М. М. Бахтін) читача. У такий спосіб розширено комунікативні функції автора-мовця, роль якого не обмежена лише створенням тексту.

Цей потенціал комунікативних функцій автора-мовця потребує відповідних мовних засобів реалізації, серед яких особливе місце належить вставленим конструкціям, що є **предметом** нашого аналізу, а **об'єктом** обрано художні тексти української літератури поч. ХХІ ст. Матеріалом дослідження слугувати прозові твори українських сучасних письменників (І. Роздобудько, Ю. Іздрика, І. Карпи, Ю. Андруховича, В. Шкляра та ін.).

Мета роботи — виявити особливості вербальної репрезентації комунікативної ролі автора в сучасній українській прозі. Сформульована мета зумовила виконання таких завдань: 1) визначити поняття учасників художньої комунікації — мовця (адресанта) та читача (адресата); 2) схарактеризувати комунікативну позицію автора-мовця в художньому тексті; 3) проаналізувати специфічні засоби реалізації чинника мовця у вставлених конструкціях у художньому тексті.

Художня комунікація реалізується через взаємодію автора (адресанта) та читача (адресата), посередником у якій виступає художній текст. Адресант та адресат — це «мовні особистості, які, з одного боку, мають типізовані, узагальнені риси свого народу, своєї культури та свого соціального середовища, а з іншого боку — особистісний досвід знань, думок, уподобань, оцінок, відношень» [6, с. 42]. Обидва учасники комунікативної взаємодії займають активну позицію, проте мовець ініціює та стимулює художню комунікацію. Комунікативна роль мовця-автора насамперед полягає у створенні текстової поліфонії: «автор, який організує діалог і бере в ньому участь, перебуває не в монологічному центрі, а в постійно змінному місці перетину «голосів» або «сміслових позицій», світів, точок відліку» [5, с. 114]. При цьому комунікативна позиція автора не є однорідною: Н. В. Кондратенко, аналізуючи сучасний український художній дискурс, оперує поняттям «мовленнєва маска» та виокремлює чотири типи мовленнєвих масок відповідно до комунікативної позиції адресанта: маски імітатора, іронізатора, критика і творця [3, с. 81]. Реалізація цих типів мовленнєвих масок сприяє текстопородженню як виявленню основної функції образу автора.

Отже, вважаємо текстотвірну функцію для адресанта (автора) основною в художній комунікації. Крім того, комунікативна роль адресанта передбачає й стимулювання адресата до відповідної реакції, а в разі художньої комунікації до читання та інтерпретації тексту. Для реалізації цих функцій безпосередньо в тексті мовець закладає вербальні маркери, що вказують на його комунікативну діяльність з текстопородження та взаємодії з читачем. Одними з таких вербальних позначок є вставлені синтаксичні конструкції, які мають характер додаткового повідомлення і містять коментарі, авторські відступи, зауваження тощо. У сучасній українській прозі функції вставлених конструкцій значно розширено, вони стають репрезентантом комунікативної позиції автора-мовця. Ми виходимо з того, що комунікативна роль адресанта в художньому тексті реалізується через образ автора, який має конкретні вербальні репрезентанти — оповідач (наратор), коментатор (або інтерпретатор) та персонаж. В інтегрованому вигляді ці реалізації охоплюють комунікативну роль адресанта, до них також додається реалізація комунікативної позиції автора, що представлена поодинокими випадками безпосередньої вербалізації авторської позиції в тексті, наприклад, у примітках та коментарях. Розглянемо кожну комунікативну роль.

1. Комунікативна роль оповідача вербалізована у вставлених синтаксичних конструкціях як у випадку монологічного, так і діалогічного мовлення. Здебільшого художній нарратив, представлений авторським мовленням у формі 1-ої особи однини поєднує комунікативну позицію оповідача як в основному тексті, так і у вставлених конструкціях, що мають пояснювальний, доповнювальний характер, напр.: *Після виходу роману на Окрю посипалися всілякі літературні премії, стипендії, він почав виїжджати на Захід, отримувати запрошення на різноманітні фестивалі, коротше кажучи, дістав додатковий бонус, якого, по правді, я заслуговував не менше від нього. (Довкола літературні недоумки стверджували, ніби Іржон до того ще й вступив у масонську ложу «Нова зоря», однак, на мою думку, це вже повна дурня)* (Ю. Іздрик АМ™). У такому разі комунікативна позиція оповідача в основній оповіді та в додатковій повністю збігається за вербальними засобами вираження. Текст побудований як розповідь від 1-ої особи, що переривається міркуваннями оповідача, коментарями власної оповіді, уточненнями й доповненнями. Яскраво виражена комунікативна роль адресанта тут простежується на всіх рівнях тексту, а вставлені конструкції лише посилюють ефект внутрішнього мовлення, поєднаного з основним художнім нарративом.

Оповідне мовлення, подане від 1-ої особи, в сучасній прозі не лише ускладнене вставленими конструкціями, а перетворюється на своєрідний двовимірний текст, у якому паралельно актуалізовано художній нарратив та внутрішнє мовлення оповідача, напр.: *Ось вона, я — вродлива і молода (байдуже, скільки промине років!), струнка (даремно боявся!), успішна і ділова (він був упевнений, що моя доля — кухня!), в надзвичайному (зірки Голлівуду відпочивають!) білому костюмі, подзенькую ключами від власного авто... (І. Роздобудько. Гра в пацьорки). Використання кількох вставлених конструкцій в одному реченні у цьому прикладі вказує на вираження комунікативної ролі оповідача, що переважає над основним нарративом: суб'єктивність позиції оповідача передають коментарі, представлені у вставлених фрагментах. При цьому фрагментовані повідомлення мають характер коментарів, додаткових пояснень, а їхня усунення не «руйнує» текстову тканину, як у випадку зі вставними конструкціями, напр.: *У виставкових залах та «червоних кутках» закладів демонструвалися картини місцевих малярів виключно на робочу тематику — «Клятва сталевара» (цікаво, яку клятву дають сталевари перед тим, як варити сталь?), «Мати» (вітання Горькому!), «Шахтарі, що п'ють кефір» (достойний напій для роботяг!), «Майбутній гірник» (куди ж іще податися підлітку з робочої слобідки?)* (І. Роздобудько. Гудзик). Оповідач у цьому прикладі доповнює власну розповідь, тому ці доповнення є більш важливими, ніж власне нарратив. Одночасне залучення кількох*

вставлених речень у межах однієї реченнєвої побудови створює ефект поліфонії в тексті, а комунікативна позиція оповідача представлена як внутрішній емоційний коментар основної лінії оповіді, що у свою чергу відступає на другий план.

Такий тип вираження комунікативної ролі оповідача характерний для художніх текстів, де переважає авторське мовлення і форми 1-ї особи однини, тому наявність вставлених елементів сприймається як внутрішній діалог оповідача з собою (або «другим Я»). Зважаючи на це, в оповідному мовленні частотні випадки подання питальних речень у вставлених синтаксичних конструкціях, напр.: *Моя дівчинка (коханка? подружка?) Саша сьогодні відмовилася вийти заміж* (І. Карпа. 50 хвилин трави). Внутрішній діалог оповідача не обов'язково має форму питально-відповідного комплексу, проте доповнення власної оповіді, сперечання із самим собою репрезентує процес текстопородження, оскільки художній текст поступово формується з кількох оповідних вимірів, представлений в основному тексті та вставлених елементах.

Характерною ознакою вербалізації саме комунікативної ролі оповідача, на нашу думку, є темпоральна віднесеність усіх вимірів оповіді: усі оповідні лінії синхронізовані, вони розгортаються одночасно, напр.: *У мене три синці на пів обличчя — один на вилиці й два майже однакових під очима, такі собі блідо-блакитні «окуляри», котрі (знаю з власного досвіду) незабаром посиніють, а потім пожовкнуть* (І. Роздобудько. Гудзик). У таких випадках фіксуємо збіг займенниково-дієслівних форм, що мають однакові видо-часові характеристики, переважно це граматичні форми минулого або теперішнього часу та доконаного виду. Усі описувані події відбуваються одночасно або в минулому, або в теперішньому часі, напр.: — *By the way... — тільки й встигла сказати вона (і тут я зрозумів, що зовнішність у неї ніяка не семітська, радше циганська), як десь удалині бабахнуло, ніби феєрверки* (Ю. Іздрік. АМ™). Міркування, подані у вставлених конструкціях, семантично містять зауваження, що виникли раптово, під впливом обставин, тому є необхідними доповненнями до основного наративу.

Комунікативна роль оповідача реалізується у вставлених конструкціях і в таких випадках, коли основна оповідь представлена від 3-ї особи, але доповнення подаються від власного імені оповідача, напр.: *Монтенегро (мені чомусь приємніше називати цю країну саме так) — маленька країна, що не так уже й давно влилася до складу колишньої Югославії* (І. Роздобудько. Гудзик). Художній нарратив може бути представлений різними вербальними формами, часом поєднанням та чергуванням цих форм, однак внутрішнє мовлення оповідача, вербалізоване у вставлених конструкціях, має форму 1-ї особи однини. Саме в таких випадках йдеться про вербалізацію внутрішнього мовлення оповідача, на що вказують і додаткові маркери, напр.: — *Ага, минулого четверга, — погодилася та, котру звали Ксюхою (тобто Кееною, відмітив я про себе), — вона ще читала цей прикольний вірш...* (Ю. Іздрік АМ™). В останньому прикладі актуалізована вказівка на внутрішнє мовлення «відмітив я про себе», що посилює ефект багатовимірності, поліфонічності сучасної прози, де поєднано не лише «голоси» автора і різних персонажів, а й різні виміри оповіді.

Комунікативна роль оповідача тут реалізована виключно у вставлених конструкціях, тоді як основний текст розгортається без активної участі оповідача.

2. Комунікативна роль коментатора-інтерпретатора властива сучасній прозі, де авторське і персональне мовлення, відзеркалене в різних нарративних формах, виконує, поміж інших, і метатекстову функцію, «надбудовуючись» над основним текстом. Мовець (автор, оповідач, персонаж) коментує описані події, при цьому вставлені конструкції сприймаються читачами справді вставленими, оскільки є пізнішими, доданими коментарями, напр.: *Так от: шпитальні міграції напочатку мали суто місцевий характер. (Хоча тепер я вже й у цьому не впевнений: цісарсько-королівська сецесія однаковісінька від Дону до Сяну, тож легко помилитися)* (Ю. Іздрік АМ™). Мовець оцінює описані події, коментує їх відсторонено, з позиції події, хронологічно пізнішої, ніж описано в тексті. Момент мовлення і момент описаної комунікативної ситуації не збігаються на відміну від попереднього випадку, коли фіксуємо повний темпоральний збіг.

Коментар завжди функціонує паралельно до основного тексту, має факультативний характер і додається в тих випадках, коли автор вважає, що цього потребує читач. При цьому коментар не лише актуалізує внутрішнє авторське мовлення, він взагалі здебільшого стосується описаних фактів і подій, а не внутрішнього світу мовця, напр.: *Вогник блимнув яскравіше (вона зробила затяжку) і ковзнув униз (вона опустила руку)* (І. Роздобудько. Гудзик). наведений приклад демонструє ефект візуалізації оповіді, коли прозовий текст відтворює екранну, кінематографічну реальність: читач сприймає описані події через візуальні образи, створені автором, а пояснення цих образів подано як коментар у вставлених конструкціях. У такий спосіб нашаровуються два типи репрезентації художньої реальності — візуальна та вербальна.

Комунікативна роль коментатора-інтерпретатора насамперед орієнтована на адресата, який потребує додаткової інформації для адекватного розуміння тексту, напр.: — *Кі сожалеңню, ми винуждени і вас безоружність, — сказав я, звільняючи його кобуру від кілограмового тягаря (саме стільки важить парабелум з усіма набоями)* (В. Шкляр. Залишенець. Чорний ворон). Мовець розтлумачує текст, спрощує для читача його зміст, коментує та подає додаткові семантичні блоки, релевантні саме для адресата. Якщо комунікативна роль оповідача скерована на виявлення образу автора та представлення адресантної позиції в художньому тексті, то комунікативна роль інтерпретатора переважно актуалізує адресата та посилює ефект діалогічності в тексті. Загалом реалізація різних комунікативних ролей мовця-автора зумовлена «поступовим розмиванням меж між різними суб'єктно-мовленнєвими планами» [4, с. 240]. У тексті автор реалізує себе в одній текстовій одиниці і як оповідач, і як

коментатор. Ці комунікативні позиції визначаємо як зовнішньотекстові, проте внутрішньотекстова авторська позиція представлена і персонажним мовленням.

3. Комунікативна роль персонажа також репрезентує авторську комунікативну позицію, оскільки основні персонажі є носіями авторських ідей, поглядів, уподобань тощо. Завдяки цьому персонажне мовлення, що часто переривається авторськими коментарями, здатне репрезентувати образ автора. Здебільшого комунікативна роль персонажа представлена у вставлених конструкціях внутрішнім мовленням героїв, напр.: «*Нажерся б атенолу, тоді б я подививсь на твоє мислення... Але ж і лежцю сьогодні (Господи, на все воля Твоя!), напевне, завалю... Клята пігулка*». — *Корват починає ненавидіти кабінет часопису «Духовне відродження»...* (В. Єшкілев. Пафос). Як основний текст репліки, так і фрагмент, поданий як вставлена конструкція, належать внутрішньому мовленню персонажа. Проте в цьому разі вставлена конструкція містить коментар персонажа до власних міркувань. Наявність такого «подвійного» внутрішнього мовлення має характер додаткового повідомлення до основного тексту внутрішнього мовлення. Мовець, виконуючи комунікативну роль персонажа, здатний оцінювати та коментувати власні думки, тому й виникає потреба у використанні вставлених конструкцій.

Інший випадок вживання вставлених синтаксичних конструкцій пов'язаний з персонажним мовленням, зверненням до інших персонажів художнього твору в діалогічній або полілогічній взаємодії, напр.: — *Я н-н-не н-н-про світло тебе н-н-питаю, я н-н-питаю, чи є в тебе р-р-радіоприймач («Я не про світло питаю...») — хіба може щось звучати безнадійніше?* (Ю. Іздрік АМ™). Персонаж коментує власну репліку, оцінюючи її емоційно, нібито відсторонено, тобто як її сприймає адресат.

Комунікативна роль персонажа найменшою мірою репрезентує залучення вставлених конструкцій, однак у випадку функціонування так званого «паралельного тексту» цей спосіб подання інформації активно використовується в художньому тексті. Так, основний текст та його синхронний переклад, представлений у С. Жадана, демонструє саме цей варіант текстової презентації: *Дорогі брати і сестри! (Дорогі брати і сестри! — перекладає тьотка в костюмі). Господь маніпуляціями своїх божественних рук зібрав нас тут до купи! (Господь проробив певні маніпуляції, — перекладає вона. — Купу)* (С. Жадан. Деш Мод). Вставлені конструкції створюють ефект синхронізації мовлення персонажа та його перекладу. Отже, комунікативна роль персонажа реалізована як на рівні внутрішнього мовлення, так і у зверненнях до адресата репліках.

Загалом автор художнього тексту представлений у комунікативних ролях оповідача, коментатора та персонажа, вербалізованих у свою чергу за допомогою вставлених синтаксичних конструкцій. Кожна роль розкриває один із аспектів образу автора в художньому творі, проте переважає реалізація комунікативної ролі оповідача в авторському монологічному мовленні. Перспективи дослідження пов'язані з аналізом інших форм репрезентації комунікативних ролей автора-мовця в художньому тексті.

Література

1. *Виноградов В. В.* О языке художественной литературы / В. В. Виноградов. — М.: Гослитиздат, 1959. — 653 с.
2. *Винокур Т. Г.* Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения / Т. Г. Винокур. — М.: Наука, 1993. — 172 с.
3. *Кондратенко Н. В.* Синтаксис українського модерністського і постмодерністського художнього дискурсу: [монографія] / Н. В. Кондратенко. — К.: ВД Дм. Бураго, 2012. — 328 с.
4. *Николина Н. А.* Активные процессы в языке современной русской художественной литературы / Н. А. Николина. — М.: Гнозис, 2009. — 336 с.
5. *Плекханова Т. Ф.* Дискурс-анализ текста / Т. Ф. Плекханова. — Минск: ТетраСистемс, 2011. — 368 с.
6. *Формановская Н. И.* Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика / Н. И. Формановская. — М.: Икар, 2007. — 480 с.

References

1. *Vinogradov V. V.* Language fiction / V. V. Vinogradov. — M.: State Publishing House, 1959. — 653 p.
2. *Vinokur T. G.* Speaking and listening. Dining verbal behavior / T. G. Vinokur. — M.: Nauka, 1993. — 172 p.
3. *Kondratenko N. V.* Syntax of Ukrainian modernist and postmodernist literary discourse / N. Kondratenko. — K.: Dm. Burago PH, 2012. — 328 p.
4. *Nikolina N. A.* Active processes in the language of modern Russian literature / N. A. Nikolina. — M.: Gnosis, 2009. — 336 p.
5. *Plekhanova T. F.* Discourse Analysis Text / T. F. Plekhanova. — Minsk: TetraSistems 2011. — 368 p.
6. *Formanovskaya N. I.* Speech communication: communication and pragmatics / N. I. Formanovskaya. — M.: Icar, 2007. — 480 p.

КИЩЕНКО Алла Николаевна,

аспирант кафедры прикладной лингвистики Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Одесса, Украина; e-mail: alla-kischenko@ua.ru; тел.: +38-093 0704073

КОМУНИКАТИВНАЯ РОЛЬ АДРЕСАНТА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ (на материале современной украинской прозы)

Аннотация. Статья посвящена анализу лингвистических аспектов образа автора в художественном тексте. Исследование осуществлено в коммуникативно-прагматическом аспекте, предусматривающем дискурсивный подход к анализу художественного текста как акта коммуникативного взаимодействия автора и читателя. Прослежены функции участников коммуникативного взаимодействия в современной украинской прозе при приоритетном рассмотрении позиции инициатора общения — автора художественного текста. Представлены традиционные и новаторские подходы к изучению образа автора в художественной коммуникации. Актуализирована коммуникативная позиция говорящего как инициатора общения и определено понятие коммуникативной

ролі. Предложена типологія комунікативних ролей говорящего в художественном тексте, выделены комунікативные роли рассказчика, комментатора и персонажа. Сделана попытка связать реализацию образа автора с таким синтаксическим средством, как вставные конструкции в художественном тексте. Прослежена реализация каждой комунікативной роли во вставных конструкциях в современной украинской прозе. Основное внимание уделено комунікативной роли рассказчика, в наибольшей степени реализующейся во вставных синтаксических конструкциях. В меньшей степени выявлена специфика реализации комунікативных ролей комментатора и персонажа, что и определяет перспективы дальнейших научных исследований. Материалом исследования послужили прозаические произведения украинских писателей начала XXI века.

Ключевые слова: художественный текст, комунікативная роль, коммуникация, говорящий, адресат.

Alla M. KISHCHENKO,

Postgraduate of the Department Head of Applied Linguistics of Odessa I. I. Mechnikov National University; Odessa, Ukraine; e-mail: alla-kisichenko@ua.ru; phone: +38-093 0704073

COMMUNICATIVE ROLE OF ADRESANT IN LITERARY DISCOURSE (on material of modern Ukrainian prose)

Summary. This article analyzes the linguistic aspects of the author's image in fiction. The research is carried out in communicative pragmatic aspect, providing discursive approach to the analysis of a literary text as an act of communicative interaction between the author and the reader. The functions of communicative interaction between members taking part in contemporary Ukrainian prose with priority position of the initiator of communication, the author of a literary text, are traced. The traditional and innovative approaches to the study of the author's image in fiction are presented. The communicative position of the speaker as the initiator of communication and the notion of communicative roles are modified. A typology of communicative roles of the speaker in a fiction is determined; the communicative role of narrator, commentator and character is suggested. The attempt to link the realization of the author's image with the syntactic means as structures in fiction is made. The implementation of each communicative role in inserted syntactic structures in contemporary Ukrainian prose is traced. The communicative role of the narrator, which is realized in the most inserted syntactic structures are focused. To a lesser degree the specificity of communicative roles of commentator and personage is discovered and it defines the prospects for further research. The Ukrainian prose of the early twenty-first century writers serve as material for research.

Key words: literary text, communicative role, communication, speaker, addressee.

Статтю отримано 12.05.2014 р.

УДК 81'42:659:316.77:003.03

КОСТЕНКО Марія Андріївна,

аспірант кафедри прикладної лінгвістики Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Одеса, Україна; e-mail: kostenko.masha@mail.ru; тел.: +38-063-4944034

ДРУКОВАНА РЕКЛАМА ЯК КРЕОЛІЗОВАНИЙ ТЕКСТ: ШРИФТОВІ ВИДІЛЕННЯ

Анотація. Статтю присвячено семіотичним проблемам аналізу текстів друкованої реклами, що поєднують елементи різних знакових систем. Застосування семіотичного підходу дозволило поєднати в межах одного дослідження вербальні та невербальні знаки, що наявні в рекламному дискурсі. Визначено поняття креолізованого та полікодового тексту, описано специфіку лінгвістичних досліджень полікодових рекламних повідомлень, окреслено наукові пошуки щодо теоретичного обґрунтування поняття полікодових текстів. На матеріалі української друкованої реклами простежено закономірності використання шрифтових виділень як візуальних маркерів креолізації рекламного тексту. Розглянуто друковану рекламу, що скерована на візуальне сприйняття реципієнтами, проте містить знакові елементи різних типів. Актуалізовано графічний аспект вербальних знаків, а саме спосіб візуальної репрезентації графічних елементів у рекламному дискурсі. У центрі уваги перебували такі шрифтові виділення, як курсив, великі літери, жирне накреслення та латинська графіка. Виявлено специфіку семантичного навантаження кожного виду графічного виділення та проаналізовано особливості функціонування графічних виділень у рекламних повідомленнях. Узагальнено отримані результати із семіотичного дослідження рекламного дискурсу.

Ключові слова: рекламний текст, рекламний слоган, креолізований текст, графічне виділення.

Актуальність статті. Сучасна рекламна комунікація передусім орієнтована на полікодові тексти, що є поєднанням семіотичних елементів різних типів, зокрема текстового та ілюстративного. Одноманітне подання тексту в друкованій рекламі замінено активним залученням іконічних елементів, серед яких, крім власне ілюстрацій, особливе місце належить візуальним характеристикам безпосередньо тексту. До таких характеристик зараховуємо розташування тексту, специфіку його формальної репрезентації в друкованому виданні, кольорове і шрифтове оформлення. Основним засобом виокремлення інформації в рекламному тексті вважаємо шрифтові виділення, використання яких є найпоширенішим прийомом текстової візуалізації. Такі виділення, як курсив, жирне накреслення, розрідження тексту, підкреслення, поєднання різного кеглю (розміру) літер тощо, були апробовані в художніх постмодерністських текстах, де вони виражають загальну настанову сучасної культури на візуалізацію тексту [6, с. 122–133].

Ступінь розробленості проблеми. Тексти, що становлять комплекс елементів з різних семіотичних систем, переважно отримали в лінгвістиці таку термінологічну назву, як креолізовані (О. Анісімова [1],

А. Бернацька [2], Н. Валгіна [3], Д. Удод [12] та ін.). Крім цього, М. Ворошилова наводить перелік термінів на позначення поєднання в одному тексті елементів різних знакових систем: полікодові тексти (Г. Ёйгер, В. Юхт), лінгвовізуальний комплекс (Л. Большиянова), ізовербальний комплекс (Е. Бернацька), ізоверб (А. Михєєв), семіотично ускладнені тексти (О. Протченко), відеовербальні тексти (О. Пойманова) [4, с. 181–182]. Однак найпоширенішим і загальноживаним терміном є «креолізований текст», уперше вжитий Ю. Сорокіним і Є. Тарасовим на позначення текстів, «фактура яких складається з двох негомогенних частин (вербальної (мовленнєвої) та невербальної (належної до інших знакових систем)» [11, с. 182]. В одній з останніх дисертацій з проблем креолізації рекламного тексту Д. Чигаєв подає таку дефініцію терміна: «об'єднане граматичним, семантичним, комунікативним і когнітивним зв'язком негомогенне лінгвовізуальне утворення, яке складається з вербальних ілюстративно-візуальних знакових одиниць, створене через взаємодію кількох авторів, що виражає відношення до описаного, скероване на певний тип адресата і пов'язане з попередньою культурною традицією» [13, с. 7].

Мета нашої наукової розвідки — дослідити креолізовані тести друкованої реклами, що містять елементи різних знакових систем та графічному рівні. Мета зумовила розв'язання таких **завдань**: 1) визначити поняття креолізованого тексту; 2) довести креолізований характер рекламних текстів; 3) проаналізувати шрифтові виділення в друкованій рекламі; 4) розробити типологію креолізованих елементів у рекламному тексті. **Об'єкт** дослідження — тексти друкованої комерційної реклами, **предмет** — креолізовані елементи в рекламних текстах.

Широкий підхід до креолізації тексту уможливорює вивчення поєднання різних типів знаків у рекламних повідомленнях, проте друкована реклама насамперед демонструє комплекс графічних виділень тексту. Такі виділення отримали назву параграфемних (О. Анісімова, І. Ванушина), що охоплюють знаки, «не передбачені правилами орфографії, вживання, наприклад, використання лапок, дефіса, вставки, закреслення тощо» та «графічну сегментацію тексту, довжину рядків, пробіли, шрифт, курсив, лінійки підкреслення та відкреслення, типографічні знаки, графічні символи, цифри, незвичну орфографію та пунктуаційні знаки» [12, с. 98]. Параграфемні засоби виконують додаткову функцію щодо вербальних знаків і створюють оптимальні умови для візуального сприйняття рекламного повідомлення.

На вербальному рівні основним елементом креолізації є шрифтове виділення, що в текстах друкованої реклами репрезентовано такими аспектами, як розмір літер (кегель), жирне або курсивне накреслення, підкреслення, розрідження тексту тощо. Для друкованої реклами, що не містить зображень або інших іконічних елементів, друкований текст стає єдиним засобом подання інформації, тому актуальні будь-які способи її урізноманітнення. Переважно графічних трансформацій зазнають рекламні слогани, побудовані на «графічній грі» [10, с. 137], що реалізовано у використанні різних видів шрифтів у тексті рекламного повідомлення.

Детальніше розглянемо на прикладах характер шрифтових виділень та мету їх застосування.

Курсивне виділення переважно використовується у разі цитування або наведення ілюстративного матеріалу, якщо йдеться про суцільний текст. Проте в рекламних повідомленнях друкованого характеру за допомогою курсиву здебільшого виділяють слоган — «коротке самостійне рекламне повідомлення, що може існувати ізольовано від інших рекламних продуктів та становить згорнутий зміст рекламної кампанії» [9, с. 7]. Наприклад, рекламний текст соку «Садочок» містить курсивом виділений слоган: *Сік прямого віджиму*; реклама косметичної продукції «NIVEA» *Утоли жажду*; друкована реклама радіостанції «ХІТ FM» також містить слоган, виділений курсивом *Встрчайте утро с улыбкой*; у рекламі вина торгової марки «GANCIA» слоган виділений курсивом *Модный марафон* тощо. Подання слогану курсивом на фоні звичайного друкованого тексту створює відповідний семіотичний ефект, посилює семантичне навантаження слогану як центрального компонента рекламного тексту.

З цією ж метою курсивом виділяють не лише слоган, а й назву торгової марки або безпосередньо назву продукції, напр., друкована реклама сиропу від кашлю «Гербіон»: *Гербіон*. Здорова сім'я — барвіста весна! У цьому тексті слоган залишений нейтральним, він надрукований звичайним шрифтом, без виділень будь-якого типу, а назва продукту — ліків — виділена курсивом.

Останній поширений варіант курсивного виділення — це одночасне виокремлення назви торгової марки чи продукції та слогану, що утворює один цілісний візуальний центр рекламного повідомлення, напр.: реклама туалетної води торгової марки «L'ОCCITANE»: *Туалетна вода «Вишневий цвіт»*. *Перший подих кожанья*. Ми бачимо, що курсив використовується переважно для виділення назви товару або слогану, а головною метою виділення є привертання уваги.

Великі літери використовують у друкованій рекламі доволі обмежено. Ми визначили дві тенденції такого виділення: по-перше, за допомогою великих літер виділяють назви торгових марок та слоганив, напр., реклама тонального крему ТМ BOURJOIS: «Тональна основа HAPPY LIGHT. ПОКРАЩУЄ КОЛІР ОБЛИЧЧЯ. ДОДАЄ СЯЯННЯ ШКІРІ» або реклама радіостанції «Наше радіо»: «ПЕСНИ. ШУТКИ. ДЕНЬГИ». Однак збільшення семантичної ваги великих літер демонструє друга тенденція — використання великих літер у графодеривації (див. про це праці Г. Іванової [5], О. Лазаревої [7], С. Мельник [8] та ін.). Графічні деривати створюють гібридні вербальні знаки, що мають подвійну семантику, напр.: реклама сиропу від кашлю «Амбролітин»: «ОТ КАШЛЯЙся», реклама препарату для схуднення Ідеал: «ИДЕАЛЬНОЙ стать ЛЕГКО». У цих прикладах виділені частини слів актуалізують інші лексеми, суголосні для рекламованої продукції. У такий спосіб створено семантичне нашарування рекламних маркерів, що становлять ядерний компонент рекламного повідомлення. Великі літери є од-

ним з основних засобів графодеривації, вони уможливають створення так званих слів-мотрійок, що мають подвійне семантичне навантаження.

Жирне накреслення вживають здебільшого безсистемно: в одному рекламному тексті або слогані можуть бути виділені окремі компоненти в різний спосіб, наприклад, почергово: реклама соку «Сандора»: «Сандора робить овочі смачними». Проте в аналізованому матеріалі переважають виділення жирним шрифтом окремих синтаксичних конструкцій, що вказує на сегментацію, синтаксичний паралелізм або внутрішню центрованість рекламного тексту. У цьому разі жирне накреслення актуалізує найважливіші із семантичного боку компоненти, наприклад, у рекламі продукції для догляду за волоссям ТМ PANTENE: «Миттєве збільшення густоти волосся. Захист без обтяження» жирне накреслення актуалізує унікальну рекламну пропозицію. У рекламі лікарського препарату «Квертин»: «Ви приймаєте знеболюючі протизапальні засоби?» наявна актуалізація тематичної групи ліків, про які йдеться в рекламі. Жирне накреслення в таких випадках підпорядковано функції привернення уваги споживача, воно лише гальмує увагу реципієнта, готуючи його до сприйняття вербальної інформації.

Також жирне накреслення використовують для посилення ефекту стилістичних фігур, наприклад, у рекламі губної помади ТМ MARY KAY: «Небезпечно ніжна. Чарівно спокуслива» позначено кінець першого речення та початок другого, що візуально є центром рекламного слогану, який сприймається як побудований на синтаксичному паралелізмі та з графічною централізацією. У рекламному слогані підгузків ТМ PAMPERS: «Суха ніч — щасливий ранок!», що містить згорнуту імплікатуру, причиннова частина виділена жирним, на ній зосереджено увагу, тому наслідкова частина сприймається некритично, як логічний висновок.

Отже, жирне накреслення підпорядковано функції посилення семантичного ефекту та актуалізації синтаксичних прийомів і фігур.

Використання **латинської графіки** здебільшого зумовлено відтворенням назв іноземних торгових марок або конкретної продукції, що неперекладені українською мовою, напр.: *Veet. Відчуй свою красу*, реклама телевізійного музичного каналу MUSIC BOX: *Music box. Побач більше музики в новому форматі*, реклама продукції для догляду за волоссям ТМ LOREAL: *Hairchalk. Колір як фешиш аксесуар*; реклама кави ТМ CARTE NOIRE: *Carte noire. Довершена насиченість смаку*. Відомі в Україні торгові марки традиційно подають латиницею в оригінальному вигляді, що переважно є англомовним варіантом назви торгової марки або продукції. Зважаючи на це, видільна функція латинської графіки обмежена, її використовують лише в офіційно закріплених відомостях про певну торгову марку.

З проаналізованих нами прикладів ми можемо зробити висновок, що головною метою шрифтових виділень у рекламних текстах є привертання уваги споживача та надання рекламному тексту яскравих та візуально привабливих елементів. Шрифтові виділення слугують акцентом рекламного повідомлення, оскільки зосереджують увагу споживача на певних головних характеристиках товару або послуги. Використання візуальних елементів у рекламі дає можливість створити чіткіше уявлення про рекламувану продукцію. Інформаційна ефективність безпосередньо залежить як від вербальних складників тексту рекламного повідомлення, так і від способу його шрифтового оформлення.

Перспективи подальшого дослідження полягають у вивченні розширеного комплексу креолізованих елементів рекламних текстів, зокрема іконічних елементів та способів візуальної репрезентації тексту.

Література

1. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолізованных текстов) / Е. Е. Анисимова. — М.: ИЦ «Академия», 2003. — 128 с.
2. Бернацкая А. А. К проблеме «креолізации» текста: история и современное состояние / А. А. Бернацкая // Речевое общение: специализированный вестник. — Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 2000. — Вып. 3 (11). — С. 104–110.
3. Валгина Н. С. Теория текста: [учеб. пособие] / Н. С. Валгина. — М.: Логос, 2003. — 280 с.
4. Ворошилова М. Б. Креолізованный текст: аспекты изучения / М. Б. Ворошилова // Политическая лингвистика. — 2006. — Вып. 20. — С. 180–189.
5. Иванова Г. А. Графические гибриды: к проблеме языкового статуса / Г. А. Иванова // Русский язык: исторические судьбы и современность: [сб. тр.]. — М.: Изд-во МГУ, 2010. — С. 465–466.
6. Кондратенко Н. В. Синтаксис українського модерністського і постмодерністського художнього дискурсу: [монографія] / Н. В. Кондратенко. — К.: ВД Дм. Бураго, 2012. — 328 с.
7. Лазарева О. А. Графикация: окказиональность или демократизация коммуникативных норм (статья) / О. А. Лазарева // HUMANIORA: LINGUA RUSSICA. — Тарту: Изд-во Тарт. ун-та, 2009. — Вып. XII. — С. 277–283.
8. Мельник С. М. Графодеривация в українській постмодерністській прозі / С. М. Мельник // Наукові записки: зб. наук. пр. Сер. «Філологічна». — Острог: Вид-во Нац. ун-ту «Острозька академія», 2013. — Вып. 35. — С. 213–216.
9. Морозова И. Слагая слоганы / И. Морозова. — М.: РИП-Холдинг, 2006. — 174 с.
10. Рябкова Н. И. Языковая игра в рекламном тексте / Н. И. Рябкова // Культура и сервис: взаимодействие, инновации, подготовка кадров: материалы I межрегион. науч.-практ. конф. — СПб.: Изд-во СПб ГУСЭ, 2009. — С. 137–140.
11. Сорокин Ю. А. Креолізованные тексты и их коммуникативная функция / Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. — М.: Наука, 1990. — С. 180–196.
12. Удод Д. А. Креолізованный текст как особый вид паралингвистически активного текста / Д. А. Удод // Современная филология: материалы II междунар. науч. конф. (г. Уфа, янв. 2013 г.). — Уфа: Лето, 2013. — С. 97–99.
13. Чигаев Д. П. Способы креолізации современного рекламного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.01 — русский язык / Д. П. Чигаев. — М., 2010. — 20 с.

References

1. *Anisimova E. E.* Text Linguistics and Intercultural Communication (based on creolized texts) / Ye. Ye. Anisimova. — M.: Academy, 2003. — 128 p.
2. *Bernatskaya A.* On the problem of «creolization» of the text: history and current status / A. A. Bernatskaya // Speech communication: special bulletin. — Krasnoyarsk: Krasnoyarsk. Univ, 2000. — Vol. 3 (11). — P. 104–110.
3. *Valgina N. S.* Theory text / N. S. Valgina. — M.: Logos, 2003. — 280 p.
4. *Voroshilova M. B.* Creolized text: aspects of research. [Electron resource] / M. B. Voroshilova // Political Linguistics. — 2006. — Vol. 20. — P. 180–189. — Mode of access: <http://www.philology.ru/linguistics2/voroshilova-06.htm>.
5. *Ivanova G. A.* Graphic hybrids: the problem of language status / G. A. Ivanova // Russian language: Historical Destiny and Present. — M.: MGU, 2010. — P. 465–466.
6. *Kondratenko N. V.* Syntaksys Ukrainian modernist and postmodernist literary discourse / N. Kondratenko. — K.: Dmytro Burago publishing house, 2012. — 328 p.
7. *Lazareva O. A.* Grafiksation: occasional or democratization of communication rules (article) / O. A. Lazareva // HUMANIORA: LINGUA RUSSICA. — Tartu: Univ Tart. University Press, 2009. — Vol. XII. — P. 277–283.
8. *Melnyk S.* Hrafoderyvatsiia in Ukrainian postmodernism prose / S. Melnyk // Scientific notes. Ser. «Philological.» — «Ostrog: Type of Nat. Univ. «Ostrog akademiya», 2013. — Vol. 35. — P. 213–216.
9. *Morozova I.* Slug slogans / I. Morozova. — M.: RIP-Holding, 2006. — 174 p.
10. *Ryabkova N. I.* Language game in the advertising text / N. I. Ryabkova // Culture and Services: interaction, innovation, training: materials I Intern. scientific and practical conf. — St. Petersburg: Univ. St. Petersburg, 2009. — P. 137–140.
11. *Sorokin Y.* Creolized texts and their communicative function / Y. Sorokin, E. Tarasov // Optimization of speech influence. — M.: Nauka, 1990. — P. 180–196.
12. *Udod D. A.* Creolized text as a kind of active paralinguistic text [Electron resource] / D. A. Udod // Modern Philology: materials II Intern. scientific. conf. (Ufa, January 2013). — Ufa: Summer, 2013. — P. 97–99. — Mode of access: <http://www.moluch.ru/conf/phil/archive/78/3254/>
13. *Chigaev D. P.* Creolization modern methods of advertising text: author. dis. ...: spec. 10.02.01 «Russian language» / D. P. Chigaev. — M., 2010. — 20 p.

КОСТЕНКО Мария Андреевна,

аспирант кафедры прикладной лингвистики Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Одесса, Украина; e-mail: kostenko.masha@mail.ru; tel.: +38063-4944034

ПЕЧАТНАЯ РЕКЛАМА КАК КРЕОЛИЗОВАННЫЙ ТЕКСТ: ШРИФТОВЫЕ ВЫДЕЛЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена семиотическим проблемам анализа текстов печатной рекламы, сочетающих элементы различных знаковых систем. Применение семиотического подхода позволило соединить в пределах одного исследования вербальные и невербальные знаки, имеющиеся в рекламном дискурсе. Определено понятие креолизованного и поликодового текста, описана специфика лингвистических исследований поликодовых рекламных сообщений, обозначены научные поиски по теоретическому обоснованию понятия поликодового текста. На материале украинской печатной рекламы прослеживаются закономерности использования шрифтовых выделений как визуальных маркеров креолизации рекламного текста. Рассмотрена направленная на визуальное восприятие печатная реклама, которая содержит знаковые элементы различных типов. Актуализирован графический аспект вербальных знаков, а именно способ визуальной репрезентации графических элементов в рекламном дискурсе. В центре внимания находятся такие шрифтовые выделения, как курсив, прописные буквы, жирное начертание и латинский графика. Выявлена специфика семантической нагрузки каждого вида графического выделения и проанализированы особенности функционирования графических выделений в рекламных сообщениях. Обобщены полученные результаты по семиотическому исследованию рекламного дискурса.

Ключевые слова: рекламный текст, рекламный слоган, креолизованный текст, графическое выделение.

Maria A. KOSTENKO,

postgraduate student of the Applied Linguistics Department of Odessa I. I. Mechnikov National University; Odessa, Ukraine; e-mail: kostenko.masha@mail.ru; tel.: +38-063-4944034

CREOLIZED TEXT IN PRINT ADVERTISING: THE FONT SELECTION

Summary. This article is devoted to the problems of semiotic analysis of texts print ads that combine elements of different sign systems. Applying semiotic approach allows to combine in one study verbal and non-verbal signs that are available in the advertising discourse. The author suggests the concept of creolized and multicoded text, describes the specific linguistic studies of multicoded advertisements, outlines scientific research on the theoretical concept of justification of multicoded texts. On the basis of Ukrainian print advertising patterns using font selections as visual markers of creolized advertising text are traced. We consider print advertisements that are directed to recipients as visual perception, but they contain significant elements of different types. The graphical aspect of verbal signs, namely visual way of representing graphical elements in advertising discourse is updated. The font selection such as italics, capital letters, bold typeface and the Latin alphabet are focused. The specific semantic load of each type of graphics selection and analysis of image features functioning emissions in advertisements are presented. The results of the semiotic study of the advertising discourse are summarized.

Key words: advertising text, slogan, creolized text, graphics selection.

Статтю отримано 27.05.2014 р.

ПИТАННЯ КОГНІТИВНОЇ ЛІНГВІСТИКИ, КОНЦЕПТОЛОГІЇ ТА МОВНОЇ КАРТИНИ СВІТУ

УДК 811.161.1'42-291.1:[348.41+392/393]

КОНОВАЛОВА Надежда Ильинична,
доктор филологических наук, профессор, директор Института филологии, культурологии
и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета;
Екатеринбург, Россия;
e-mail: sakralist@mail.ru; тел.: 007(343)354-11-75; моб.: +7-922-610-77-95

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ САКРАЛЬНОГО ТЕКСТА ТРАДИЦИОННОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. В статье рассматривается проблема исследования сакрального содержания, представленного в текстах традиционной народной культуры. Определяется суть понятия *сакральное* и коды его воплощения в культурной традиции. Предлагается комплексная лингвокультурологическая модель интерпретации сакрального текста с учётом его семантики, синтактики и прагматики. Выделяются такие параметры сакрального текста, как особые правила и /или условия произнесения, суггестивность, символическая насыщенность и др. Отмечена основная тенденция функционирования сакрального текста в современном социокультурном контексте — десакрализация на основе предметно-символической метафоры, метонимии, экспрессивно-оценочного переосмысления, деспециализации, расширения исходного сакрального значения и др.

Ключевые слова: сакральный текст, лингвокультурологическая модель, мифологема, десакрализация.

Для современной лингвокультурологии, этнолингвистики, социоллингвистики и ряда других смежных с лингвистикой областей научного знания актуальными становятся исследования текста как феномена, соединяющего пространства языка и культуры.

При исследовании сакрального содержания, формы его выражения в тексте и представленности в культурной традиции необходимо учитывать, прежде всего, то, что это фольклорный текст бытует, в основном, в устной традиции и выступает, следовательно, как «культурная память» социума. Эта память избирательна и непоследовательна, зависит во многом от моды и других социокультурных факторов и поэтому может «стираться». Ср.: «Традиционная народная культура — крестьянская, территориальная, диалектно неравномерная, с целым рядом типовых признаков и множеством местных вариантов, воплощенная в фольклоре, национальном костюме, в народных ритуалах, музыке и танцах, в художественных промыслах, — явление угасающее, растворяющееся в современной интегрирующей цивилизации» [11, с. 240]. В таком случае средством борьбы с «амнезией» культурной памяти, источником выявления информации об этом феномене являются культурные тексты в семиотическом смысле этого понятия, тексты многокодовые, в которых вербальные и невербальные компоненты выступают как единый смысловой комплекс, как взаимодополняющие способы передачи культурно значимой информации от поколения к поколению. При этом «следует иметь в виду, что здесь мы имеем дело не с отдельными самодостаточными явлениями, подобными материальным предметам, а с функцией, ролью: поэтическое и прозаическое, <вербальное и невербальное> и т. д. постоянно меняются местами, перетигаясь в едином динамическом целом культуры. Поэтому нельзя в областях культуры и быта априорно отвергнуть тот или иной элемент, как незначительный» [5, с. 387]. Снятие с текста ограничений вербальными рамками характерно для этнолингвистических исследований в русле школы Н. И. Толстого, объясняющего такой подход следующими обстоятельствами: «Культура многоязычна в семиотическом смысле этого слова и нередко пользуется одновременно в одном тексте несколькими языками. В этом случае ... под текстом понимается не последовательность написанных или произнесённых слов, а некая последовательность действий и обращения к предметам, имеющим символический смысл, и связанная с ними речевая последовательность. Считаая, например, обряд таким текстом, выраженным семиотическим языком культуры, мы выделяем в нём три формы, три кода или три стороны языка — вербальную, реальную (предметную) и акциональную (действенную)» [10, с. 15–16].

Продуктивным для анализа сакрального текста (далее — СТ) как лингвокультурного феномена представляется подход к тексту как к семиотическому способу трансляции информации. Ср. понимание текста как модели мира, обусловленной «присущим данной культуре семиотическим пространством» [6, с. 165].

Традиционно понятие «сакральное» связывается с понятиями «священное», «религиозное», «культурное». Однако более детализированные словарные дефиниции сакрального дают основания для расширительного определения сути этого понятия: сакральное — 1) особые существа, связи и отношения, которые в различных религиях приобретают характер сверхъестественного; 2) совокупность вещей, лиц, действий, текстов, языковых формул, зданий и пр., входящих в культовую систему

[12, с. 337]. Сакральный компонент, таким образом, характеризуется целым спектром содержательных характеристик: а) 'священный', 'обрядовый', 'ритуальный', 'таинственный', 'магический', 'сверхъестественный' (см. конкретизаторы, которые приводятся в словарных дефинициях). В этот ряд включаются как субстанциональные свойства сакрального, так и функциональные признаки, которые характеризуют форму его проявления (обряд, ритуал, магия). Здесь понятие «священное» — лишь один из компонентов, составляющих сверхъестественное, одна из его ипостасей; б) 'относящийся к существу, персонажу, лицу', а также 'к вещи, зданию, действию, таинству' (см. релятивные параметры словарных толкований). Данные характеристики демонстрируют воплощение сакрального в некотором персонифицированном или опредмеченном начале; в) сакральность — явление комплексное, его значение может быть передано разными кодами: вербальным (тексты, языковые формулы), акциональным (действия, обряды, ритуалы), предметным (вещи, здания), субъектно-объектным (существа, персонажи, лица) и т. д. (см. содержательный компонент 'совокупность' в ряде словарных статей).

Вполне закономерно, что при расширительном понимании сути сакрального в фокус интерпретации попадают как языковые единицы религиозного (и шире — культового, обрядового) содержания, так и демонологическая лексика и фразеология как два полюса одного феномена: «Сакральное обладает благоприятным или неблагоприятным действием и характеризуется противоположными понятиями чистого и нечистого, святого и кощунственного, которые своими границами как раз и обозначают пределы религиозного мира» [3, с. 166].

Разрабатываемая нами концепция расширительного толкования сути сакрального позволяет рассматривать СТ в качестве компонента традиционной духовной культуры народа и источника этнокультурной информации. Опираясь на предложенное выше понимание сакральности, к СТ мы относим заклинания, заклички, обереги, заговоры, гадания, обрядовую поэзию, традиционный народный календарь, а также «свернутые» тексты: мифологемы и приметы, устойчивые ритуальные формулы и идиомы, связанные с отдельными семантическими полями. Предварительные наблюдения над формой организации сакрального содержания в указанных СТ, а также над особенностями их функционирования и восприятия современными носителями языка (говора) позволяют выдвинуть следующие предположения относительно параметров, которые необходимо учитывать при интерпретации СТ как лингвокультурного феномена:

1. В сознании современного носителя языка в той или иной степени представлены структуры мифологического сознания, которые дают возможность адекватной интерпретации сакрального содержания.

2. Сакральному тексту присуща своя логика, поскольку его цель — воздействие на адресата, не предполагающее рациональной оценки содержания, которое принимается как нечто данное.

3. Для передачи культурно значимых смыслов в СТ моделируются особые типовые ситуации, реальные или воображаемые (= симулякры), при этом «действительность передаётся не прямо, а сквозь призму известного мышления, <в котором> еще не существует причинно-следственных связей, здесь господствуют иные формы связи... За реальное признается то, что мы никогда не признаем за реальное, и наоборот» [7, с. 146].

4. Основным элементом культурного содержания СТ является регламентация, которая проявляется в частности в предписании адресату сообщения выполнять определенные действия *post factum* с учётом описанной в тексте ситуации и на основе «отфильтрованных» народной аксиологией стереотипов поведения.

5. Сакральный текст имеет регламентированные традицией правила и / или условия произнесения, чётко предписывающие исполнителю соблюдение мельчайших деталей (от слов и интонации до жестов и атрибутики). Кроме того, СТ часто является лишь фрагментом сакрального ритуала, обряда, однофункциональной и семантически однородной системы текстов, которые объединяются в некий макротекст.

6. Интерпретация полученной информации осуществляется с учётом существенных для адресата сообщения социальных, этнопсихологических, лингвокультурных и пр. пресуппозиций.

7. Сакральность, с одной стороны, — явление стабильное (текст практически в неизменном виде передается от поколения к поколению), с другой — динамичное (в процессе функционирования текст может десакрализоваться).

8. Любой СТ характеризуется символичностью и суггестивностью.

Отмеченные признаки условно обозначим как элементы канона СТ, определение которого можно сформулировать следующим образом: сакральный текст — это произносимый по особым правилам или в особых условиях суггестивный текст, символически насыщенный, обладающий относительно устойчивой формально-содержательной структурой, которая отражает особенности мифологического сознания [4].

Прокомментируем компоненты данного определения.

Особые правила и / или условия произнесения сакрального текста. Сакральные тексты характеризуются ритуализованностью, т. е. непременно включением текста в ритуал его исполнения. Для того чтобы СТ возымел действие, для каждого жанра существуют свои правила произнесения. Так, заговоры проговариваются интонационно невыразительной скороговоркой или шепотом; заклинания — с особой интонационной и ритмической выразительностью, сопровождающейся экзальтацией и усиленной жестикуляцией. Условия произнесения СТ также регламентированы традицией. Заговоры читаются чаще всего немолодыми женщинами, обладающими «тайным знанием»; приметы произносятся всегда «к случаю», определяя действия адресата. Произнесение текста заговора де-

тально регламентировано ритуалом (обрядом), который, выступая как зеркало морально-этических, национально-культурных, культовых и других представлений народа, детально «алгоритмизирует» действия участников. Например, регламентированными компонентами ритуала излечения были место и время его проведения. Так, прострел («острая пронизывающая кратковременная боль») лечили *обязательно где-нибудь на дверном пороге* (считалось, что эта боль «входит» в человека с порывом ветра, когда кто-нибудь чужой открывает дверь); *в бане* сначала лечили вывихи (ср. расслабление мышц от тепла), потом почти все болезни изгоняли в бане: *Наешишь луку, ступай в баню, натришь хреном да запей квасом // Баня — мать вторая. Кости распаришь, всё тело направишь* [2, т. 2, с. 170–171]; место *у огня (у печи, костра)* использовалось при лечении от лихорадки, а *между огнями* — от поварных болезней и мора скота, когда стадо скота прогоняли между огнями; на *межу* (символическое воплощение грани жизни и смерти) выносили особо тяжело больных, когда непонятна была причина заболевания, другие способы не помогали и надежд на выздоровление было мало (ср. выражения *пограничное состояние, между жизнью и смертью*). Время проведения ритуального действия было приурочено к восходу и заходу солнца, например, *по трем зорям* — вечером, утром и вечером следующего дня изгоняли лихорадку; *на вечерней заре* читали заговоры против зубной боли, *на утренней заре* — от «насыльных» болезней (порчи, сглаза, испуга и прочих детских болезней, которые, как традиционно считалось, были «насланы» на детей специально в наказание родителям). Лишь «обманные» ритуальные действия совершались *ночью*: прятались от лихорадки, притворялись мертвыми, заменяли человека куклой (чучелом) и т. п.

Суггестивность сакрального текста (от лат. *suggestio* ‘подсказывание, внушение, намёк’) понимается нами как воспринимаемое без критической оценки активное воздействие текста на воображение, эмоции, чувства слушателя посредством образных, символических, цветовых, ритмических, звуковых и т. п. ассоциаций. Так, одним из приёмов суггестии примет народного календаря является интерпретация метеорологических признаков на основе их ложноэтимологических связей (по случайному созвучию) с именами святых, связанных с днём-указателем: *Мокро на Мокея — жди лета ещё мокрее; На Луку высаживай лук; На Евтихия день тихий* и др. Суггестивный эффект основывается в таких случаях уже не на семантических, а, скорее, на формальных (фонетических, звукосимволических, ритмико-мелодических, структурных) параметрах СТ. Ср., например, серии звукоподражательных обозначений персонифицированного ночного детского страха, встречающиеся в текстах заговоров от бессонницы: *шутуха-бутуха-рокоуха-стрепетуха-егозуха-лепетуха, не май и не мучь моего дитятка ...* Маркером суггестии текста, содержащего культурно значимую информацию, является не только форма языкового знака, но и семантический потенциал ритуала, в который включён вербальный текст.

Символическая насыщенность сакрального текста связана с тем, что СТ не простое бытописание, это представление о бытии по модели архаичного сознания, которому была свойственна произвольная эмоционально-ассоциативная связь реального и воображаемого, природного и человеческого, вещи и ее имени, слова и действия и т. п. Сакральный текст — это особый ритуализованный мир, насыщенный символическими знаками, понять смысл которых можно только при соотнесении их друг с другом. Мифосимволизм продемонстрируем на примере гадательного СТ. Каждый знак в нём — условный, имеющий множественную интерпретацию, которая зависит от адресата сообщения (его «запроса», состояния, жизненных обстоятельств, воображения и т. п.), от исполнителя (его мотивов, компетенции, творческой фантазии и т. п.), от соотношения с другими знаками и т. д. Так, одним из видов гадания является объяснение тени: *Листок бумаги, на котором записан вопрос, сминают в комочек, поджигают на тарелке, поднесённой к стене, и смотрят на тень, пытаясь разглядеть какое-либо изображение и объяснить его с учетом загаданного. Тень человека предвещает незамужней девушке встречу с суженым, бедному — неожиданную помощь, богатому — кражу имущества* и т. д. Прогностический потенциал визуального знака реализуется в опоре на самые общие социальные, культурные, бытовые и др. импликатуры («девушка надеется выйти замуж», «слабый ждёт помощи от сильного», «богатый боится потерять нажитое» и т. п.), что даёт возможность установления различных ассоциативных связей для формирования содержания гадательного СТ. Ассоциативную связь мы, вслед за Т. А. Гридиной, понимаем как «основу вариативности планов выражения и содержания словесного знака ... во всех возможных аспектах его актуализации, включая системные и асистемные тенденции его функционирования в языке и речи и намерения (интенции) интерпретатора» [1, с. 38]. Вербальный компонент СТ чаще всего варьируется в соответствии с реакцией адресата гадательного прогноза на первые реплики и поддерживается акционально-предметным компонентом СТ (сжигание листа бумаги с вопросом), «эксплуатирующим» двойственную символику огня — стихии уничтожения, разрушения, смерти, с одной стороны, и очищения, света и тепла, — с другой.

Относительная устойчивость формально-содержательной структуры сакрального текста — «требование» его магической функции. Устойчивость проявляется в разных жанрах СТ по-разному. Например, для примет — составом тематики предсказаний и набором регламентаций, для заговоров — набором клишированных языковых формул и т. д. Общим параметром устойчивости СТ является то, что основная его часть воспроизводится, а не порождается, варьироваться могут отдельные детали, но не инвариантная формально-содержательная структура.

Вариативность проявляется в таких параметрах, как: а) выбор лексического наполнения структур; б) территориальная и временная изменчивость; в) соотнесённость отдельных компонентов с разными символами и ситуациями; г) возможность передачи одного и того же содержания разными средствами; д) набор символов, соотносимых с традиционными мотивами и значимых для данного этнокультурного

пространства. В качестве ограничителей вариативности выступают функция текста, адресная направленность и традиция.

Существенным для понимания параметра «устойчивость» СТ является определение «относительная», что связано с явлением десакрализации. Этот процесс отражает общую динамику функционирования отдельных форм традиционной культуры, связанную с забвением их первичных функций и мифоритуальных основ. Так, приметы и заговоры могут базироваться на игровой когнитивной стратегии, становясь в большей или меньшей степени игровыми текстами, не выходя при этом за рамки жанра. В этом случае можно говорить об утрате изначальной связи приметы с ритуалом и магией, что ведёт к функциональному сдвигу в целеполагании текста: если исконная функция приметы эзотерическая, то в настоящее время усиливается её познавательная, развлекательная, эстетическая функция. Исходная магия тайного знания стирается.

Отражение особенностей мифологического сознания в СТ заключается в том, что языковые средства СТ конституируют основные параметры сопоставления макро- и микрокосма (природы и человека), важные, с точки зрения носителей архаического сознания, приёмы воздействия человека на окружающий мир. Здесь не может быть истинного или ложного сопоставления, поскольку таковы особенности пралогического сознания. Таким образом, в результате подобных сопоставлений не просто описываются свойства явлений, а актуализируются наиболее важные для языкового сознания (или мифологического мышления) признаки, раскрываются их магические связи и т. п. Приведём в качестве иллюстрации примеры симпатической магии, которая заключена не только в создании ритуального (акционального) подобия, но и в вербальном выражении сопричастности сходных предметов, животных и человека как части природы, что приводит к установлению между ними глубинных связей. Считается, что, используя механизмы установления тождества, в том числе и вербального (имени и вещи, лица), можно воздействовать на различные «символические эквиваленты» человека или животного и тем самым опосредованно влиять на него самого. Ср., например, заговор, построенный на таком подобии: *Чтобы корова домой ходила с пастбища. Кладут в ворота пояс, который носят часто, и говорят: «Как этот пояс всегда со мной, не отходит от меня, так чтоб и ты, моя коровушка, не отходила от двора».*

Одним из наиболее популярных средств симпатической народной медицины является воздействие на символические эквиваленты симптома болезни или лечение больного с помощью этих эквивалентов. При этом само название обряда выступает в качестве симпатического средства. Отметим в этой связи магические заклинания, заклички, присловья, заговорные формулы, наговоры, в которых обыгрывается эпидигматическая связь названия болезни по названию производимого ею в организме действия, и обозначения действия, которое должно быть произведено над самой болезнью с целью её уничтожения: — *Что грызёшь? — Грызь грызу. — Грызи, да гораздо.* Название болезни *грызь* ‘резь, ломота, ноющая острая боль’ связано с определёнными болевыми ощущениями «боль грызёт», поэтому в соответствии с принципами симпатической магии, чтобы избавиться от боли, её надо *изгрызть*. Кроме того, в данном случае магический эффект усиливается за счёт фоносемантического сближения контекстуальных партнёров с одинаковым консонантным звукокомплексом [грз]: *грызь — грызи — гораздо.*

В процессе современного функционирования архаических сакральных текстов происходит **трансформация сакральных смыслов** даже устойчивых единиц (клише, стереотипных формул, фразеологизмов, малых сакральных текстов). Это находит отражение в забвении одних и переосмыслении других базовых культурных компонентов, их социальной мифологизации, в рождении новых смыслов, ориентированных в значительной мере на сферу профанного.

Основной тенденцией функционирования сакральных языковых единиц разных уровней является их десакрализация. Процесс десакрализации можно наблюдать в развитии у слова многозначности, когда сакральные и профанные лексико-семантические варианты сосуществуют в семантической структуре: **Зааминить**. 1. Закончить, завершить что-либо, сказав *аминь*. *Думаешь, зааминил, — так и прав.* 2. Уничтожить, заговорить болезнь (колдовством, заклинанием). *Зааминю все чирьи, все вередь.* (При болезни глаз) *лекарка зааминивает зрачки на утренней заре и вечерней.* 3. В суеверном представлении — оградить себя от какого-нибудь неприятного обстоятельства, беды произнесением слов *аминь будь*. *Старик его [черта] там опять и зааминил* [9, вып. 9, с. 238].

Можно выделить несколько направлений десакрализации в структуре диалектных полисемантов, причём этот процесс универсален и отмечается в большей или меньшей степени во всех говорах:

а) на основе предметно-символической метафоры: *ад, адина* — ‘рот, горло, глотка’ — *чего ад-то раскрыл* [8, т. 1, с. 13], *алтарь* — ‘круглая чистая площадка на сенокосе между зарослями кустарника’ — *места, где кустов-то нет, и будут алтари* [8, т. 1, с. 15];

б) на основе метонимии: *ангел* — ‘большое облако’ — *ангел* — *облако большое в вышине, благость от него* [8, т. 1, с. 17];

в) на основе экспрессивно-оценочного переосмысления: *запеть аллилуйю* — ‘долго и нудно твердить одно и то же’, ‘нести вздор’;

г) на основе деспециализации, расширения значения (изначально только сакрального): *алтарёвый* — ‘вид вышивки’, ‘вид бисероплетения’: *фенечки таки из бисеру, нечё, басеньки.*

Крайней степенью десакрализации является развитие энантиосемии, как правило, оценочной: *апостол* — ‘бездельник, разгильдяй’ (*бран.*) — *Выростила апостолов эжих! Эдаки поганцы — ничего не робят* [8, т. 1, с. 19]; ‘чиновник, который кичится своим положением’ (*презр.*) — *Ванька к имя и не зааживат, апостол такой дак, оне ему нехто!*

Таким образом, современная сакральная коммуникация представляет «культурный текст» (в широком понимании), включающий в качестве компонентов такие составляющие, как *обрядность*, ритуально-магические *действия* с символическими *предметами*, выполняемые *людьми*, которые владеют неким *тайным знанием*. Производится этот сакральный акт в заданном сакральном каноне *месте*, в определённое *время* и в регламентированной *последовательности* действий, представляющих некую алгоритмизированную процедуру. Воздействие на адресата в сакральной коммуникации осуществляется за счёт дополнения словесных магических формул изобразительными символическими действиями или атрибутами, что в целом создаёт комплекс культурно насыщенных знаков, в сочетании передающих сакральное содержание.

Литература

1. Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество / Т. А. Гридина. — Екатеринбург: УрГПУ, 1996. — 214 с.
2. Даль В. И. Пословицы русского народа. В 3 т. Т. 2 / В. И. Даль. — М.: Рус. яз., 1993. — 267 с.
3. Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное / Р. Кайуа. — М.: ОГИ, 2003. — 296 с.
4. Коновалова Н. И. Сакральный текст как лингвокультурный феномен / Н. И. Коновалова. — Екатеринбург: АТГрупп, 2007. — 278 с.
5. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века) / Ю. М. Лотман. — СПб.: Искусство, 1994. — 412 с.
6. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история / Ю. М. Лотман. — М.: Язык рус. культуры, 1996. — 412 с.
7. Пропп В. Я. Поэтика фольклора / В. Я. Пропп. — М.: Лабиринт, 1998. — 352 с.
8. Словарь говоров Русского Севера. Т. 1 / ред. А. К. Матвеев. — Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2001. — 234 с.
9. Словарь русских народных говоров / ред. Ф. П. Филин. — М.; Л., 1965—1998. — Вып. 1—37.
10. Толстой Н. И. Язык и народная культура: очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н. И. Толстой. — М.: Индик, 1995. — 512 с.
11. Химик В. В. Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен / В. В. Химик. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. — 272 с.
12. Энциклопедический словарь по культурологии / ред. А. А. Радугин. — М.: Центр, 1997. — 478 с.

References

1. Gridina T. A. Jazykovaja igra: stereotip i tvorchestvo / T. A. Gridina. — Ekaterinburg: UrGPU, 1996. — 214 s.
2. Dal' V. I. Posloviцы russkogo naroda. V 3 t. T. 2 / V. I. Dal'. — M.: Rus. jaz., 1993. — 267 s.
3. Kajua R. Mif i chelovek. Chelovek i sakral'noe / R. Kajua. — M.: OGI, 2003. — 296 s.
4. Konovalova N. I. Sakral'nyj tekst kak lingvokul'turnyj fenomen / N. I. Konovalova. — Ekaterinburg: ATgrupp, 2007. — 278 s.
5. Lotman Ju. M. Besedy o russkoj kul'ture: Byt i tradicii russkogo dvorjanstva (XVIII — nachalo XIX veka) / Ju. M. Lotman. — SPb.: Iskusstvo, 1994. — 412 s.
6. Lotman Ju. M. Vnutri mysljashhij mirov. Chelovek — tekst — semiosfera — istorija / Ju. M. Lotman. — M.: Jazyk rus. kul'tury, 1996. — 412 s.
7. Propp V. Ja. Pojetika fol'klora / V. Ja. Propp. — M.: Labirint, 1998. — 352 s.
8. Slovar' govovor Russkogo Severa. T. 1 / red. A. K. Matveev. — Ekaterinburg: Izd-vo UrGU, 2001. — 234 s.
9. Slovar' russkij narodnyh govovor / red. F. P. Filin. — M.; L., 1965—1998. — Vyp. 1—37.
10. Tolstoj N. I. Jazyk i narodnaja kul'tura. Ocherki po slavjanskoj mifologii i jetnolingvistike / N. I. Tolstoj. — M.: Indrik, 1995. — 512 s.
11. Himik V. V. Pojetika nizkogo, ili prostorechie kak kul'turnyj fenomen / V. V. Himik. — SPb.: Izd-vo SPbGU, 2000. — 272 s.
12. Enciklopedicheskij slovar' po kul'turologii / red. A. A. Radugin. — M.: Centr, 1997. — 478 s.

КОНОВАЛОВА Надія Іллівна,

доктор філологічних наук, професор, директор Інституту філології, культурології та міжкультурної комунікації Уральського державного педагогічного університету; Екатеринбург, Росія;
e-mail: sakralist@mail.ru; тел.: 007 (343) 354-11-75; моб.: + 7-922-610-77-95

ІНТЕРПРЕТАЦІЯ САКРАЛЬНОГО ТЕКСТУ ТРАДИЦІЙНОЇ НАРОДНОЇ КУЛЬТУРИ

Анотація. У статті розглянуто проблему дослідження сакрального змісту, представленого в текстах традиційної народної культури. Визначено суть поняття *сакральне* і коди його втілення в культурній традиції. Запропоновано комплексну лінгвокультурологічну модель інтерпретації сакрального тексту з урахуванням його семантики, синтактики та прагматики. Виділено такі параметри сакрального тексту, як особливі правила й / або умови проголошення, сугестивність, символічна насиченість та ін. Відзначено основну тенденцію функціонування сакрального тексту в сучасному соціокультурному контексті, а саме тенденцію десакралізації на основі предметно-символічної метафори, метонімії, експресивно-оцінного переосмислення, деспеціалізації, розширення вихідного сакрального значення й ін.

Ключові слова: сакральний текст, лінгвокультурологічна модель, міфологема, десакралізація.

Nadezhda I. KONOVALOVA,

Doctor of Philology, Professor, Director of the Institute of Linguistics, Cultural and Intercultural Communication in Ural State Pedagogical University; Ekaterinburg, Russia;
e-mail: sakralist@mail.ru; tel.: 007 (343) 3541175; mob.: + 7 922 6107795

THE INTERPRETATION OF SACRAL TEXT OF TRADITIONAL FOLK CULTURE

Summary. The problem of study of sacral contents presented in the texts of traditional folk culture is considered in the article. The essence of concept *sacral* and codes of its realization in cultural traditions is determined. A complex lingual and culturological model of interpretation of sacral text, taking into account its semantics, syntactics and pragmatics is supposed. Such parameters of sacral text, as specific rules and/or conditions of pronunciation, suggestiveness, symbolic saturation and others are picked out. Main tendency of functioning of sacral text in the modern sociocultural context is marked (desacralization on the basis of object-symbolic metaphor, metonymy, expressive evaluative rethinking, despecialization, extension of the original sacral meaning, etc).

Key words: sacral text, lingual and culturological model, mythologem, desacralization.

Статтю отримано 30.01.2014 р.

УДК 81'16'23'42:17.022.1

КУЗНЕЦОВА Анна Владимировна,

доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики преподавания

Южного федерального университета; Ростов-на-Дону, Россия;

e-mail: avk21@yandex.ru; тел.: 007(863) 2831334; моб.: +7 918 5002312

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ КОГНИЦИЯ: МЕТАТЕКСТ В РЕФЛЕКСИВНО-ИНТЕРПРЕТАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. Изучение метатекста с позиций современной лингвистики соотносится с антропоцентрической исследовательской парадигмой. Метатекст осмысливается в координатах модусных категорий: авторизации как квалификации сообщаемой информации в оппозиции «свое / чужое» слово», оценочности как аксиологической составляющей сообщаемого или его части, персуазивности (оценки говорящим полноты / неполноты своих знаний о достоверности сообщаемой информации), обеспечивая, в целом, эстетическую когнитивную деятельность продуцента и реципиента художественного текста. Особенности структурно-семантической и прагматической организации такого текста обуславливаются интертекстуальностью и его метатекстовыми характеристиками.

Ключевые слова: интерпретация, интертекстуальность, лингвокогнитивный потенциал, метатекст, прагматикон.

Художественная коммуникация, представляя собой интеллектуально-эмоциональную связь автора и читателя (адресата, реципиента), осуществляется посредством художественного текста. Эстетическая когнициция, которая является конечной целью художественной коммуникации, детерминирована характером художественной информации, авторской аксиологии, художественной концепцией и закономерно имеет двусторонний характер. Безусловно, реципиент не только воспринимает художественный текст, но также участвует в осуществлении эстетической когнициции на основе усвоенной художественной информации. В установлении онтологического статуса художественного текста одинаково важная роль принадлежит и автору, и читателю с его способностью и готовностью к взаимодействию с автором. Такое взаимодействие определяется историческим, групповым и личным опытом реципиента, что обуславливает наличие диалогических отношений между текстом и реципиентом. Поэтому глубина понимания художественного текста зависит от читательской компетентности, прежде всего, общекультурного уровня. Изменчивость смысла художественного текста зависит от насыщенности «диалога» авторского опыта, консервированного в тексте, и опыта реципиента. Однако количество интерпретаций текста всё же не бесконечно ввиду целостного характера аксиологических установок и семантического наполнения художественных структур, что образует рефлексивно-интерпретативное пространство конкретного художественного текста. В этом пространстве представлен некий интерпретативный инвариант, который исключает произвольность прочтения и истолкования эстетических смыслов и обеспечивает диалектику открытости и герметичности художественного текста.

Художественный текст — не только воплощение структурных норм, но и их нарушение; и его существование может быть адекватно воспринято только в диалектическом взаимодействии этих разнонаправленных векторов. Аномальное становится краеугольным камнем художественной структуры, поскольку всегда является семиотическим, обладающим высокой степенью информативной компрессии. Стандартные, типовые контексты создают условия для реализации узуального значения слова, тогда как нетипичные контексты предполагают употребление лексических единиц в еще не закреплённых узусом значениях, выявляя их возможный семантический потенциал. Такие нетипичные контексты составляют основу художественного дискурса. При этом важно подчеркнуть, что этот процесс протекает без нарушения понимания смысла высказывания, так как инновации имеют ассоциативные связи с закреплёнными в языковой системе единицами.

Литература обращается к аномальному и исключительному не только вследствие желания привлечь внимание и удивить. Ненормативное явление само по себе воспринимается семиотически, как *знак скрытого смысла*. Именно «ненормированность» выступает маркером эстетической когнициции. Высказывание М. Хайдеггера подтверждает этот тезис: «Так ли мы в языке, что касается его существа, понимаем его как язык и, вслушиваясь собственно в него, воспринимаем его?» [6, с. 259]. Но сущность художественного творчества состоит вовсе не в постоянных поисках аномалий, а лишь в реализации принципа различительности, выделения аномального на фоне нормы, обращённости тем самым к согласованности норм жанра и семантических правил. Норма как основное понятие культуры речи трактуется теперь не как «норма запрета», а как «норма выбора», что, соответственно, обуславливает ориентированность современной науки о языке на когнитивную лингвистику и лингвопрагматику. С этой точки зрения, художественная литература как вид искусства, активно воздействующий на реципиента с помощью различных изобразительно-выразительных средств, также включается в сферу прагмалингвистических исследований.

Поэтому кроме своей изначальной «ненормированности», в силу принадлежности к литературе как виду искусства, на уровне сочетания эстетических знаков, а значит, обладая потенциалом эстетической когнициции, художественный текст несёт в себе и «ненормированность» на уровне отражения языковыми средствами национальной и индивидуальной картин мира. Многослойная структура

художественного текста, интерпретативная вариативность и многоуровневость являются следствием взаимодействия лингвистического и экстралингвистического компонентов в дискурсивной деятельности продуцента, которая поддержана метатекстовой и метапоэтической активностью автора.

Определяющее значение для осмысления литературно-художественного творчества и собственно филологических проблем имеют те направления когнитивной науки, которые связаны с «человеческим разумом и мышлением и теми ментальными (психическими, мыслительными) процессами и состояниями, предметом которых является когниция — познание и связанные с ним структуры и процессы» [3, с. 58], имеющие дело с репрезентацией внешнего и внутреннего мира мыслящего субъекта. Для изучения художественного текста важен, прежде всего, тезис когнитивизма о том, что «когниция равносильна операциям с символами, она представляет собой, таким образом, некое вычисление» [3, с. 47].

Нет таких текстов, которые не являлись бы конечным итогом *дискурсивной*, т. е. социально ориентированной и социально обусловленной коммуникативной деятельности. *Текст отражает речемыслительный акт*, поэтому понятия текста и дискурса следует различать, но они отнюдь не противопоставлены друг другу, не являются взаимоисключающими. Слово в художественном тексте (и дискурсе!) предстаёт не как парадигма словоформ и значений, но как парадигма контекстов, конкретных словоупотреблений в их синтагматических связях. Смысл создания художественного текста состоит в реализации в особой языковой форме семантического пространства. Под таким углом зрения текст становится возможным объектом концептуального и когнитивного анализа, что позволяет установить, какое видение мира отражено в данном тексте, какие именно фрагменты знания и оценок в нём закреплены и пр. Когнитивный и структурно-семантический методы анализа позволяют выявлять единицы художественного текста, обладающие потенциальностью интегрирования в смыслы, концепты. Образование новой семантики в художественном тексте осуществляется разными путями.

Каждый художественный текст обладает своей фоновой парадигматикой, строящейся из языковых составляющих текста. Идейные сущности (смыслы) текста соотносимы с содержанием всех конкретных художественных текстов, поскольку являются определённой степенью абстрагирования содержания текста. Универсальные смыслы *время, пространство, человек, событие* образуют в совокупности с речевыми средствами их воплощения соответствующие *текстовые категории* — категории времени, пространства, героя, события. Семантизация каждой текстовой категории в конкретном тексте трансформирует универсальные смыслы в *индивидуальные*.

Установление глубинных связей между реально существующим миром и идеальными сущностями является основополагающим в эстетической когниции, а механизмами мышления и познания становятся элементы языковой структуры. Активное функционирование подтекста, метатекста и интертекста становится отправной точкой возникновения нового знания: так, именно в подтексте «формируются структуры знания, не имеющие адекватных форм языкового воплощения» [5, с. 5].

Семантически «колеблющийся» характер эстетического знака, его многоплановость побуждает реципиента к его творческому восприятию: один план изображения неожиданно сменяется другим, не отменяя первого, но углубляя и расширяя его. Значение эстетического знака содержит в себе антиномию — поэтическая реальность представляет собой систему художественных квазипредметов с их «колеблющейся» семантикой; узнавание квазипредметов с их противоречивым значением вызывает в читателе чувство эстетического удовлетворения. Гибкость поэтической семантики слов лежит в основе динамики словесного образа.

Для теории *художественной коммуникации* существенным явилось установление известного параллелизма между свойствами художественного текста и речевым актом. Так, к числу общих свойств художественного сообщения и языка как средства речевого общения относится *диалогичность* того и другого. «Целое высказывание — это уже не единица языка (и не единица «речевого потока» или «речевой цепи»), а единица речевого общения, имеющая не значение, а смысл (то есть целостный смысл, имеющий отношение к ценности — к истине, красоте и т. п. — и требующий ответного понимания, включающего в себя оценку). Ответное понимание речевого целого всегда носит диалогический характер» [1, с. 305]. Однако лингвистические определения языка могут быть использованы для анализа художественного текста лишь как исходные термины описания, поскольку это не элементы системы языка, а моменты высказывания. Язык в любом случае ориентирован на диалог, и художественная коммуникация вскрывает эту диалогическую функцию языка.

Принятие за основу когнитивно-концептуальных, деятельностных подходов к речи, учитывающее психофизиологическую природу восприятия, позволяет приблизиться к собственно когнитивной и к психолингвистической трактовке речевого произведения. Это влечёт за собой необходимость установления механизмов когнитивно-ментального освоения действительности, её концептуализации сознанием, способов актуализации определённой части знаний и представления их с помощью значений языковых единиц в зависимости от эстетической и иной мотивации.

Процесс текстообразования и рецептивный потенциал текста представляют собой актуальные объекты исследования в современной лингвистической парадигме: «В центре внимания современной филологической науки стоит овладение динамическим аспектом текста, включающим в себя подробное изучение способов текстообразования, риторической программы продуцента с целью адекватного выявления авторских интенций и постижения идеи художественного произведения... отражает процесс сближения продуктивных и рецептивных навыков в диалоге «текст — читатель». В художественном тексте, представляющем особую форму коммуникации, происходит переход от актуализации к концептуализации с выходом в экстралингвистическую область, в условия текстовой деятельности субъектов

общения, в процессе которой человек познаёт и преобразует самого себя. Промежуточным этапом в этом направлении является рефлексия, то есть связь между пониманием знаков и самопониманием» [7, с. 3].

Текст, созданный творческой личностью, передаёт словесно выраженное знание внешнего мира, и с этой точки зрения он — знаковое отображение индивидуальной картины мира. Картина мира формируется как результат мироощущения, мировосприятия, представления о мире; она вырабатывается в процессе постижения многообразия мира, конструирования его в соответствии с логикой миропонимания и представления о нем. Таким образом, *концепция мира* — обязательный фрагмент картины мира. Концепция отражает способ понимания и познания мира человеком и является инструментом выработки образно-эстетических представлений о мире и человеке, его назначении, ценностях, соответствии высшим общечеловеческим идеалам. Концептуальная картина мира нуждается в вербальном выражении. Мысль о языке как посреднике в интерпретации мира была сформулирована в начале XIX в. В. Гумбольдтом: «Язык — это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека» [2, с. 304]. Посредством языка факты внеязыковой действительности преобразуются в объекты сознания.

«Язык в действии» играет ведущую роль в системе культурно-значимых средств коммуникации, формируя, тем самым, национальную картину мира в социокультурном контексте. Современная лингвистическая парадигма при опоре на концепции общей теории языка, риторики и герменевтики, привлекая определённые результаты в сфере изучения художественного текста, создаёт фундамент для его наиболее доказательного и обоснованного анализа. Субъективность интерпретации исключается посредством выделения в художественном тексте метатекстовых маркёров, позволяющих установить специфику семантического и функционально-прагматического потенциала как определённого фрагмента, так и текста в целом.

Национальная картина мира в художественных текстах, как правило, репрезентирована фоновыми прецедентными элементами или текстами, тем самым представляя некие социокультурные сведения, специфичные для определённого этноса, освоенные нацией в целом и отражённые в языке. Такие прецедентные фоновые элементы или тексты могут быть квалифицированы как метатексты, создающие универсальную картину мира исходного национального языка, поддерживающие интертекстуальность национальной культуры на основе прецедентных фоновых знаний. Проблема передачи прецедентной информации — одна из самых важных в сфере перевода и общей теории текста и языка, так как национально маркированная лексика выполняет разнообразную функцию, релевантную для адекватности перевода. «Метатексты мотивируют многообразие форм повествования (как отражений форм самой жизни), оправдывая уравнение в правах непосредственной реальности и воспоминания, действительно бывшего и воображённого, исторически и непосредственно переживаемого времени» [4, с. 298], что обуславливает также восприятие характеристик «первого» и «второго» языков, а также маркёров национальных языковых картин мира как элементов метатекстов. Особое значение в реализации метатекстового потенциала художественного текста имеет интертекстуальность, которая всегда становится условием выявления некоего метатекста, поскольку для более глубокого понимания конкретного художественного текста необходимо знание текстов прецедентных. Игровые структурные особенности метатекстов обусловлены применением различного рода конструкций «текст в тексте», частным случаем которых можно считать, например, наличие национальных маркеров первого языка в художественном тексте, созданном на втором языке.

Языковая личность, воспринимая тот или иной объект, не только реализует рецепцию, но и формирует аксиологическую систему, «встраивая» новый объект в уже существующие отношения и связи. Непосредственная рецепция отражена в дискурсивной деятельности как рассуждения, умозаключения и пр.

В когнитивной парадигме художественный текст осмысливается как эстетически мотивированная модель действительности и вербальное воплощение когнитивных компонентов концептосистемы создателя. Исследовательская разновидность такой модели строится с помощью сквозного когнитивного моделирования, являющегося специфической интерпретацией текста. Цель и принципы такого исследования обуславливаются общими особенностями когнитивного подхода к языковым / речевым явлениям, а также акцентированием эстетической мотивировки порождения художественного текста. Когнитивный подход позволяет определять «ценность» текста, то есть устанавливать, заложены ли в нём (и какие именно) основы семантической интерпретации и за счёт чего он существует. Обладая целостной системой категоризации концептуально-эстетического восприятия мира, когнитивизм расширяет возможности осмысления внутренних закономерностей искусства слова и способности человека творческого использования своих возможностей.

Текст предстаёт как концептуальный (когнитивный) теоретический конструкт динамической модели языка, что позволяет изучать его как действенный инструмент взаимодействия человека с миром, поместив текстообразование в онтологическую триаду «сознание — язык — мир». Для филологии XXI в. художественный текст мыслится уже не как замкнутая автономная структура, т. к. вектор современных исследований направлен на уточнение коммуникативной функции художественного текста. Такой ракурс предполагает рассмотрение художественного текста в системе «автор — произведение — читатель», как диалог художника с последующими поколениями. Рефлексивно-интерпретативное пространство фокусируется как в метатекстовых и метапоэтических характеристиках конкретного текста, так и в выяснении позиции читателя, автора и повествователя. Квалифицирование позиции наблюдателя варьируется от отождествления наблюдателя с одним из персонажей до повествователя,

приравниваемого к простому наблюдателю. Модель действительности, включающая в себя наблюдателей, мыслится как более сложная, поскольку читатель в ней занимает положение наблюдающего за наблюдателями, определённым образом выражающего отношение к наблюдаемому и наблюдателям. Эстетическая когниция усложняется не только за счёт восприятия художественного вымысла (fiction), но и за счёт включённости в сам процесс его восприятия другими наблюдателями. Тем самым читательская интерпретация апеллирует к рецепции уже воспринятой реальности и ситуации её восприятия. Метатекст в рефлексивно-интерпретативном пространстве выступает как отправная точка восприятия художественного текста, продуцирующая множественность его истолкования.

Литература

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. — М.: Сов. Россия, 1979. — 320 с.
2. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. — М.: Прогресс, 1984. — 400 с.
3. Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. — М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. — 245 с.
4. Левин Ю. И. Биспациальность как инвариант поэтического мира Вл. Набокова / Ю. И. Левин // Избранные труды. Поэтика. Семиотика. — М.: Языки рус. культуры, 1998. — С. 323–392.
5. Синельникова Л. Н. Когнитивно-языковая характеристика современного лирического сюжета: дис. ... д-ра филол. наук / Л. Н. Синельникова. — Краснодар: КубГУ, 1994. — 438 с.
6. Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления / М. Хайдеггер; [сост., пер. с нем. и коммент. В. В. Бибихин]. — М.: Республика, 1993. — 447 с.
7. Шульженко М. Ю. Процесс понимания художественного текста как постижение риторико-герменевтической организованности смыслов (на материале романа О. Уайльда «Портрет Дориана Грея»): автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. Ю. Шульженко. — Ставрополь, 2010. — 27 с.

References

1. Bahtin M. M. Problemy pojetiki Dostoevskogo / M. M. Bahtin. — M.: Sov. Rossija, 1979. — 320 s.
2. Gumbol'dt V. fon. Izbrannye trudy po jazykoznaniju / V. fon Gumbol'dt. — M.: Progress, 1984. — 400 s.
3. Kubrjakova E. S. Kratkij slovar' kognitivnyh terminov / E. S. Kubrjakova, V. Z. Dem'jankov, Ju. G. Pankrac, L. G. Luzina. — M.: Filol. f-t MGU im. M. V. Lomonosova, 1997. — 245 s.
4. Levin Ju. I. Bispacial'nost' kak invariant pojeticheskogo mira Vl. Nabokova / Ju. I. Levin // Izbrannye trudy. Pojetika. Semiotika. — M.: Jazyki rus. kul'tury, 1998. — S. 323–392.
5. Sinel'nikova L. N. Kognitivno-jazykovaja harakteristika sovremennogo liricheskogo sjuzheta: dis. ... dokt. filol. nauk / L. N. Sinel'nikova. — Krasnodar: KubGU, 1994. — 438 s.
6. Hajdegger M. Vremja i bytie. Stat'i i vystuplenija / M. Hajdegger; [sost., per. s nem. i komment. V. V. Bibihin]. — M.: Respublika, 1993. — 447 s.
7. Shul'zhenko M. Ju. Process ponimaniya hudozhestvennogo teksta kak postizhenie ritoriko-germenevticheskoj organizovannosti smyslov (na materiale romana O. Uajl'da «Portret Doriana Greja»): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / M. Ju. Shul'zhenko. — Stavropol', 2010. — 27 s.

КУЗНЕЦОВА Анна Володимирівна,

доктор філологічних наук, професор кафедри літератури та методики викладання Південного федерального університету; Ростов-на-Дону, Росія;
e-mail: avk21@yandex.ru; тел.: 007 (863) 2831334; моб.: +7 918 5002312

ЕСТЕТИЧНА КАГАНЕЦЬ: МЕТАТЕКСТ У РЕФЛЕКСИВНО-ІНТЕРПРЕТАТИВНОМУ ПРОСТОРИ

Анотація. Вивчення метатекста з позицій сучасної лінгвістики співвідноситься з антропоцентричною дослідницькою парадигмою. Метатекст осмислюється в координатах модусних категорій: авторизації як кваліфікації переданої інформації в опозиції «своє / чуже» слово», оцінювання як аксіологічної складової повідомлення або його частини, персуазивності (оцінки мовцем повноти / неповноти своїх знань про достовірність переданої інформації), забезпечуючи, в цілому, естетичну когнітивну діяльність продуцента і реципієнта художнього тексту. Особливості структурно-семантичної та прагматичної організації такого тексту зумовлюються інтертекстуальністю та його метатекстовими характеристиками.

Ключові слова: інтерпретація, інтертекстуальність, лінгвокогнітивний потенціал, метатекст, прагматикон.

Anna V. KUZNETSOVA,

Doctor of Philological Sciences, Professor of Literature and Teaching Methods Department of the Southern Federal University; Rostov-on-Don, Russia;
e-mail: avk21@yandex.ru; tel.: 007(863) 2831334; mob.: +7 918 5002312

ESTHETIC COGNITION: THE METATEXT IN REFLEXIVE AND INTERPRETATIVE SPACE

Summary. Metatext is being studied from positions of modern linguistics corresponding to an anthropocentric research paradigm. The metatext is comprehended in coordinates of categories of modus: to authorization as qualification of given information in opposition «own / someone» else's» word», estimation as with an axiological component reported or its parts, a persuasivity (estimates Speaking completeness / incompleteness of the knowledge of reliability of given information), providing, as a whole, esthetic cognitive activity of a producer and the recipient of the art of text. Features of the structural-semantic and pragmatical organization of such text are caused by an intertextuality and its metatext characteristics.

Key words: interpretation, intertextuality, lingual and cognitive potential, metatext, pragmatikon.

Статтю отримано 19.01.2014 р.

УДК 811.161.1'373.22:821.161.1 Пушкин

ГУКОВА Лина Николаевна,кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Одесса, Украина;
e-mail: gukova@inbox.ru; тел.: +38(048)7763407; моб.: +38-0982377116**ТРУШИЦЫНА Елена Александровна,**преподаватель кафедры общего и славянского языкознания Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Одесса, Украина;
e-mail: 1234512345qwerty51@gmail.com; тел.: +38(048)7565413; моб.: +38-0672644930

КОНЦЕПТ «ВРЕМЕНА ГОДА» В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА А. С. ПУШКИНА

Аннотация. В статье представлен лингвокогнитивный анализ концепта «*времена года*» в языковой картине мира А. С. Пушкина. Исходными являются теоретические понятия антропоцентрической научной парадигмы о языке как средстве концептуализации, рационализации и репрезентации человеческого опыта. Исследуемый концепт рассматривается как фрагмент художественной картины мира гениальной языковой личности. Концепт квалифицируется как мыслительная категория, выявление которой возможно только благодаря языковой объективации, а художественная картина мира — как мировоззренческая система, особый склад мировидения, особый характер прочтения действительности. Внимание к временам года в творчестве А. С. Пушкина стимулировано его идеей о том, что «климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии». Концепт «*времена года*» представлен в статье как комплексная структура, состоящая из четырёх субконцептов, обладающих совокупностью понятийных, перцептивно-образных и личностно-оценочных компонентов. Принципом организации семантического пространства данного концепта в творческом наследии А. С. Пушкина является двойная бинарная оппозиция — общенародная и индивидуально-авторская. Отбор признаков, оценок и их презентация отражает русские национальные и индивидуально-авторские эстетические интенции.

Ключевые слова: концепт, время года, художественная картина мира, когнитивный признак, репрезентанты, семантическая оппозиция.

Антропоцентрическое направление, родившееся в отечественной лингвистике в конце минувшего века и активно развивающееся в XXI веке, открыло новые возможности в исследовании как общенародного языка, так и лингвистического потенциала отдельной языковой личности. В пространстве этой научной парадигмы язык рассматривается как «универсальная форма первичной концептуализации и рационализации человеческого опыта, выразитель и хранитель бессознательного, стихийного знания о мире, историческая память о социально значимых событиях в человеческой жизни» [10, с. 30].

Художественную картину мира мы, вслед за Л. А. Петровой, понимаем как «мировоззренческую систему, особый склад мировидения, особый характер прочтения действительности» [7, с. 15] писателем, хотя в ядре его индивидуально-авторского восприятия действительности присутствует «языковая картина мира народа, к которому он принадлежит и носителем языка которого является» [5, с. 6].

Действительность в картине мира народа и писателя определённым образом структурирована, а фрагменты её в науке получили разные терминологические именованья: концепты, фреймы, сценарии. Понятие «концепт» является дискуссионным. Многие исследователи считают, что концепт — это невербальная, мыслительная категория [9, с. 29–30], но выявление её содержания возможно только благодаря языковой объективации [6, с. 90–92].

Вопрос о том, как видит все четыре времени года один писатель и как это видение представлено в его творчестве, ещё не был предметом специального лингвистического исследования. Этим и обуславливается актуальность нашей работы. Материалом для изучения темы послужили поэтические, прозаические произведения и письма А. С. Пушкина.

Цель работы состоит в том, чтобы показать моделирование фрагмента картины мира с концептом «времена года», средства его выражения и специфику авторского отношения к его компонентам. При этом каждое из времён года может быть рассмотрено и как отдельный концепт. Но в связи с тем, что мы представляем видение А. С. Пушкиным годового цикла в целом и соотношение его сезонов в сознании поэта, то именуем *времена года* комплексным концептом, а каждый сезон в отдельности субконцептом. В содержании каждого субконцепта мы покажем основные составляющие семантики, их речевое воплощение и характерный для данной единицы компонент «переживаемости» [2, с. 66] — авторские личностные оценки.

Интересно, что А. С. Пушкин включал в свои произведения пейзажно-временные зарисовки не просто как компоненты хронотопа, — в одной из своих работ он совершенно чётко сформулировал идею о том, что «климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии» [10; 6, с. 238]. И наш анализ показывает, что времена года в их бинарной семантической оппозиции (зима — лето, осень — весна) представлены не только в сугубо климатическом и температурном аспектах, но также в личностно-оценочном восприятии поэта. Так, *зима* в произведениях А. С. Пушкина служит не только средством изображения

сезона, в условиях которого живут и действуют его персонажи, — это также весьма существенный компонент типичного русского пейзажа; это условия, которые формируют характер русских людей. И наконец, зима в разных её проявлениях является релевантной составляющей художественных коллизий в произведениях русского гения: понятие, лежащее в основе данного субконцепта, послужило темой ряда самостоятельных произведений А. С. Пушкина. А именно: стихотворения «Зима. Что делать нам в деревне?»; «Зимнее утро»; «Зимний вечер», «Зимняя дорога», «Бесы»; повесть «Метель». В романах «Евгений Онегин» и «Капитанская дочка» «зимние» фрагменты занимают значительное место и в количественном, и в качественном (содержательном) отношении. В семантическом пространстве [6, с. 8] субконцепта ЗИМА в произведениях А. С. Пушкина включено большое количество когнитивных составляющих, которые вербализуются с помощью более 100 слов — разных частей речи (более 2000 словоупотреблений). Все они объединены семьей «холодный»; при этом обобщающим является имя субконцепта — *зима*. Все другие, входя в его семантическое пространство, репрезентируют разные проявления данного сезона. А именно: представление о времени года (самое холодное); о пейзаже как внешнем облике природы в определенное время года; о разных агрегатных состояниях воды в это время года; об особенностях жизни человека зимой; о неблагоприятных или, напротив, благоприятных вторжениях зимы в судьбы людей; о зимних праздниках и забавах; о чертах характера и поведения людей [3, с. 284–291], образно соотносимых с зимними явлениями. Все слова, с помощью которых передаются когнитивные слагаемые зимы, метафорически тоже можно назвать «зимними».

Как показано в работах А. Н. Афанасьева, Е. Петровской, М. Н. Эпштейна, слово *зима* у народов Западной Европы связано с мотивами гибели, смерти; **снег** ассоциируется с сединой, старостью, умиранием [1; 8; 13]. Такие ассоциации отнюдь не чужды и носителям русского языка. Враждебность холода и мороза по отношению к человеку можем увидеть, например, у Н. А. Некрасова, да и у самого А. С. Пушкина: *Иль чума меня подцепит, Иль мороз окостенит* [Дорожные жалобы; 12, т. 1, с. 451].

«*Эй, пошёл, ямщик!...*» — «*Нет мочи: Коням, барин, тяжело; Вьюга мне слипает очи; Все дороги занесло...*» [Бесы; 12, т. 1, с. 475]. Зимний вечер у А. С. Пушкина омрачается злой вьюгой: *Вьюга злится, вьюга плачет* [Бесы; 12, т. 1, с. 476]. *Вот вечер: вьюга воет...* [Зима. Что делать нам в деревне? 12, т. 1, с. 452]. *Вечор, ты помнишь, вьюга злилась...* [Зимнее утро; 12, т. 1, с. 453] и бурей, которая свирепа, как дикий зверь, и в то же время плачет, как дитя: *Буря мглою небо кроет, Вихри снежные крутя, То, как зверь, она завоет, То заплачет, как дитя* [Зимний вечер; 12, т. 1, с. 362].

Русская зима, как показывает А. С. Пушкин, долгая и многоснежная: *Полгода снег да снег* [Осень; 12, т. 1, с. 520]; со свирепыми ветрами, трескучими морозами: *Какая ночь! Мороз трескучий...* [Какая ночь...; 12, т. 1, с. 399], метелями, буранами. В стихотворении «К Овидию» поэт говорит о жестокости зимних бурь и пасмурном декабре: *Уж пасмурный декабрь на русские луга Слогами растопил пушистые снега; Зима дышала там...* [К Овидию; 12, т. 1, с. 256].

И при этом А. С. Пушкин считает, что автор обязан хорошо знать предмет описания; он упрекает за неточности в изображении зимы, одного из своих любимых сезонов, Байрона, которого любит и называет «властителем наших дум». Поэт пишет: «Например, он [Байрон — Л. Г., Е. Т.] говорит о грязи улиц Измаила; Дон Жуан отправляется в Петербург в кибитке, беспоконной повозке без рессор, по дурной каменистой дороге. Измаил взят был зимою, в жестокий мороз. На улицах неприятельские трупы прикрыты были снегом, и победитель ехал по ним, удивляясь опрятности города: *Помилюй Бог, как чисто!*... Зимняя кибитка не беспоконна, а зимняя дорога не камениста» [Отрывки из писем, мысли и замечания; 12, т. 3, с. 445].

Образы суровой зимы, трескучих морозов, пасмурного декабря, злой вьюги, будучи вполне реалистическими, не являются преобладающими в русском сознании и в творчестве А. С. Пушкина. Введение их необходимо поэту скорее всего для того, чтобы привлечь внимание к подлинно национальному мировосприятию и тем чертам характера, которые проявляются в отмеченных суровых условиях, то есть реалистичность здесь сочетается с идейно-художественной интенцией.

Большая часть пушкинских «зимних эпизодов» репрезентирует оптимистическое восприятие всех сторон этого времени года, выполняя либо пейзажно-живописную, либо сюжетообразующую функцию, либо является частью художественного рассуждения. Негативные признаки зимы сочетаются с такими позитивными признаками, которые не только перекрывают отрицательный эффект первых, но и формируют, как правило, светлое (а иногда даже лучезарное) настроение всего текста. Так, *снег*, являющийся одной из основных когнитивных составляющих русской зимы, представлен у А. С. Пушкина как пухлая, чистая, ослепительная пелена — белый, волнистый, великолепный, блестящий ковёр: *Под голубыми небсами Великолепными коврами, Блестя на солнце, снег лежит...* [Зимнее утро; 12, т. 1, с. 453].

Снег символизирует зимнюю роскошь и чистоту. И мороз, и лёд, и метель, и «синий небосклон» у него блестят, сияют, радуют эстетическое чувство: *Блеснул мороз. И рады мы...* [Евгений Онегин; 12, т. 2, с. 304]; *И речка подо льдом блестит* [Зимнее утро; 12, т. 1, с. 453]; *И перемётная метель блестит и вьётся...* [Евгений Онегин; 12, т. 2, с. 285]. *Зима стояла грозно, И снег скрипел, и синий небосклон, Безоблачен, в звездах, сиял морозно* [Домик в Коломне; 12, т. 2, с. 69].

Зимнее утро с морозом и солнцем знаменует чудесный день: *Мороз и солнце! День чудесный!* [Зимнее утро; 12, т. 1, с. 453]. Зима в романе «Евгений Онегин» характеризуется как волшебница, как *матушка: Вот север, тучи нагоняя, Дождил, завыл — и вот сама Идёт волшебница зима...* (Заметим попутно, что *волшебница*, в отличие от слов *колдунья*, *ведьма*, — слово с положительной

коннотацией: 'добрая чародейка'). А дальше: *Блеснул мороз. И рады мы проказам матушки зимы* [Евгений Онегин; 12, т. 2, с. 304].

А. С. Пушкин показывает, что зима дает возможность всем, даже детям, проверить себя, свою выносливость: *Шалун уж заморозил пальчик: Ему и больно и смешно, А мать грозит ему в око* [Евгений Онегин; 12, т. 2, с. 200]. Взрослым же совсем не страшны «косматые дружины» зимы: *Когда могущая зима, Как бодрый вождь ведёт сама На нас косматые дружины Своих морозов и снегов, — Навстречу ей трещат каминьы, И весел зимний жар пиров* [Пир во время чумы; 12, т. 2, с. 482-483].

В то же время, в произведениях А. С. Пушкина очень много прямых утверждений в форме предложений, презентующих личностное отношение лирического героя к зиме и её проявлениям, в том числе и весьма суровым. Например, сопоставляя разные времена года в стихотворении «Осень», автор сообщает о том, что любит и начало зимы с её первыми морозами, и её более суровые проявления, и зимние забавы: *Люблю я ... первые морозы, И отдалённые седой зимы угрозы... Суровою зимой я более доволен, Люблю её снега* [Осень; 12, т. 1, с. 520-521]. А в поэме «Медный всадник» видим нарастающую градацию в выражении любви к зимним проявлениям: *Люблю зимы твоей жестокой Недвижный воздух и мороз, Бег санок вдоль Невы широкой, девичьи лица ярче роз...* [Медный всадник; 12, т. 2, с. 174]. Любит зиму и трепетнейшая из пушкинских героинь — Татьяна Ларина: *Татьяна (русская душою, сама не зная почему) С её холодною красотою Любила русскую зиму, На солнышке иной в день морозный, И сани, и зарёю поздней Сиянье розовых снегов, И мглу крещенских вечеров* [Евгений Онегин; 12, т. 2, с. 200]. Конструкция с глаголом *любить* (в разных его формах) весьма частотна и в отношении к анализируемому явлению, и, как покажем далее, для характеристики отношения к другим временам года.

Зима, судя по произведениям А. С. Пушкина, предоставляет много возможностей для движения и активизации жизненных сил, что делает эту холодную и суровую пору праздничной, весёлой, полезной для здоровья, приносящей много радостей. Это эксплицируется словами *радость, радостный, праздник, весёлый, весело*, восклицательными предложениями, которые маркированы не только интонационно, но и формально-грамматически — частицами *как, то-то*; риторическими вопросами. *Мальчишек радостный народ коньками звучно режет лёд...* [Евгений Онегин; 12, т. 2, с. 255]; *Как весело, обув железом острым ноги, Скользят по зеркалу стоячих, ровных рек! А зимних праздников блестящие тревоги?..* [Осень; 12, т. 1, с. 520]; *Настали святки. То-то радость!* [Евгений Онегин; 12, т. 2, с. 262]; *Как лёгкий бег саней с подругой... быстр и волен...* [Осень; 12, т. 1, с. 520].

Экспликацию и акцентуацию национально-культурного семантического компонента и компонента своей общности с народом А. С. Пушкин осуществляет путём введения определений *русский, наш* и личного местоимения *мы*. И в целом ряде «зимних сюжетов» содержатся утверждения о том, что холод, мороз, снег, вьюги, бури не только не вредны русским, но даже полезны, «укрепительны», что они украшают русского человека: *И дева в сумерки выходит на крыльцо: Открыты шея, грудь, и вьюга ей в лицо! Но бури севера не вредны русской розе. Как жарко поцелуй пылает на морозе! Как дева русская свежа в пыли снегов!* [Зима. Что делать нам в деревне?; 12, т. 1, с. 453]. *Здоровью моему полезен русский холод* [Осень; 12, т. 1, с. 521]. *Полезен русскому здоровью Наш укрепительный мороз: Ланиты, ярче вешних роз, Играют холодом и кровью* [Как быстро в поле...; 12, т. 1, с. 440-441].

Россия — край снегов — представлена у А. С. Пушкина как страна, благодатная для творчества. Вот как в виде загадки он говорит о своём друге А. А. Дельвиге: *Кто на снегах возрастил Феокритовы нежные розы? В веке железном, скажи, кто золотой угадал? Кто славянин молодой, грек духом, а родом германец? Вот загадка моя...* [Кто на снегах возрастил...; 12, т. 1, с. 445]. А обращаясь к персидскому поэту Фазиль-Хану, А. С. Пушкин призывает его к творческой активности на лоне «северных снегов»: *Ты посетишь наш край полночный, Оставь же след... Цветы фантазии восточной рассыпь на северных снегах* [Благословен твой подвиг новый...; 12, т. 1, с. 460].

Семантический противочлен зимы — субконцепт *лето* — представлен в произведениях А. С. Пушкина, напротив, совсем лаконично, что объясняется сослагательно-условным модальным отношением автора к этому времени года. Мотивируется это так: *Ох, лето красное! любил бы я тебя, Когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи. Ты, все душевные способности губя, Нас мучишь; как поля, мы страждем от засухи; Лишь как бы напоить да освежить себя — Иной в нас мысли нет...* [Осень; 12, т. 1, с. 520-521]. *За весной, красной природы, Лето знойное пройдёт* [Цыганы; 12, т. 2, с. 64].

Как видим, русское лето, хотя оно и «красное» = 'красивое', отличается по А. С. Пушкину, зноем, краткостью, губительным воздействием на «душевные способности» человека; и последнее, пожалуй, наиболее существенно для поэта. Этим же объясняется и то, что с летними картинами мы встречаемся в творчестве поэта значительно реже. Лето представлено на фоне типичной для России, северной природы — в её оппозиции природе южной: *Но наше северное лето, Карикатура южных зим, Мелькнёт и нет: известно это, Хоть мы признаться не хотим* [Евгений Онегин; 12, т. 2, с. 254].

Лето (на которое приходится меньшее число упоминаний в пушкинских текстах — в сравнении с другими субконцептами) задаёт противоположный зиме семантический разворот судьбы. Вопреки динамическому развёртыванию зимних любовных коллизий лето предстаёт ловушкой судьбы — гибелью и холодным русалочьим инобытием — псевдожизнью героини в пьесе «Русалка» и балладе «Яныш Корольвич». Летняя любовь — губительное искушение для души, ведущее к измене своей избраннице,

обету, судьбе, а потому губит душу (эта сема лежит в основании ряда летних событий в пушкинских текстах).

В такой же оппозиции представлены субконцепты *осень* — *весна*; в ней сильным членом является компонент *осень*, а слабым — *весна*.

Дескриптором субконцепта *осень* является слово *осень*, именуемое сезон, который следует за летом и предшествует зиме. Это время увядания природы. В словаре В. И. Даля *осень* толкуется так: «от «осенять» — затенять: наступление сумрака. Осень — переходный сезон, когда заметно уменьшение светового дня и постепенно понижается температура окружающей среды [4, т. 2: с. 160].

Грамматический состав репрезентантов *осени* несколько меньше — в сравнении с сильным членом предшествующей оппозиции (*зимы*). Субконцепт *зима* даже в секторе его дескриптора представлен более разнообразно: именами существительными (*зима, зимовка, зимовье*), прилагательным (*зимний*), глаголом (*зимовать*), наречием (*зимой*). А в грамматико-дескриптивном участке субконцепта *осень* представлены только существительное (*осень*), прилагательное (*осенний*), наречие (*осенью*). Но состав чувственно воспринимаемых когнитивных признаков и авторских оценок *осени* так же широк, как и у субконцепта *зима*.

Среди температурных и сугубо климатических признаков осени отмечаются, как и у зимы, *холод* и *ненастье*, хотя проявляются они по-разному: зима светлая, а осень — *дождливая, гнилая*, её признаки — *грязь, туман, ветер, мелкий снег, вой волков, скука*. **И туман и непогоды Осень поздняя несёт:** [Цыганы; 12, т. 2, с. 164]. *Под вечер, осенью ненастной, В далёких дева шла местал...* [Романс; 12, т. 1, с. 75]. *Дождил осенний хлад — дорога промерзает. Журча, ещё бежит за мельницу ручей* [Осень; 12, т. 1, с. 520]. *В деревне скучно: грязь, ненастье, Осенний ветер, мелкий снег Да вой волков* [Граф Нулин; 12, т. 2, с. 80].

Но всё-таки это только внешние признаки осени. Писатель же противопоставляет узуальное и своё, личностное отношение к этому времени года: *Дни поздней осени бранят обыкновенно, Но мне она мила, читатель дорогой...* [Осень; 12, т. 1, с. 521]. *И с каждой осенью я расцветаю вновь; Здоровью моему полезен русский холод* [Осень; 12, т. 1, с. 521].

По мнению А. С. Пушкина, осень — благотворное время года и для природы (*Да не вредят полям опасный хлад дождей И ветра позднего осенние набеги* [Домовому; 12, т. 1, с. 203], и для человека — в частности, поэта: *...Настала осень золотая, Природа трепетна, бледна, Как жертва, пышно убрана...* [Евгений Онегин; 12, т. 2, с. 304].

А. С. Пушкин видит поэтические черты в увядании осенней природы: желтеющая листва деревьев окрашивается у него «в багрец и золото», увядание природы ему видится *пышным и чарующим*. Это любовное восприятие осени человеком, который преподносит читателю даже и печальные признаки данного времени года как поэтические. Как и зиму, русский гений любит осень: **Унылая пора! очей очарованье! Приятна мне твоя прощальная краса — Люблю я пышное природы увяданье, В багрец и в золото одетые леса, В их сенях ветра шум и свежее дыханье, И мглой волнистою покрыты небеса. И редкий солнца луч, и первые морозы, И отдалённые седой зимы угрозы...** [Осень; 12, т. 1, с. 521].

Он любит *осень* даже больше, чем зиму, — за то, что в эту пору поэта посещает вдохновение и ему «любо писать»: *В мои осенние досуги, В те дни, как люблю мне писать, Вы мне советуете, друзья, Рассказ забытый продолжать* [В мои осенние досуги; 12, т. 1, с. 578]. Именно в эту пору: *...мысли в голове волнуются в отваге, И рифмы лёгкие навстречу им бегут, И пальцы просятя к перу, перо к бумаге, Минута — и стихи свободно потекут* [Осень; 12, т. 1, с. 522].

Репрезентация центральной зоны субконцепта *весна* — зоны дескрипторов — осуществлена существительным *весна* (во всех его формах), прилагательным (*весенний*) и наречием (*весной*).

Существительное *весна* А. С. Пушкин употребляет в нескольких значениях:

- а) в прямом значении — ‘время года между зимой и летом’;
- б) в переносном значении — ‘год’;
- в) в переносном значении — ‘юность’, ‘молодость’.

Примеры употребления в 1-м значении: *Прошлой весной Юною Хлою Вздумал любить* [Измены; 12, т. 1, с. 74]. *Его прошедшею весной Свезли на барке.* [Медный всадник; 12, т. 2, с. 184]. В этом значении существительное *весна* почти всегда употребляется в сопровождении определений, обозначающих именно временной этап (*прошлая, прошедшая*) или качественные характеристики: *тёплая, блиснувшая весна*.

Примеры употребления во 2-м значении, в значении ‘год’. *С пятнадцатой весной, Как лилия с зарею, Красавица цветёт* [Фавн и пастушка; 12, т. 1, с. 166]. *Встречаюсь я с осемнадцатой весной. В последний раз, быть может, я с тобой* [Князю А. М. Гончарову; 12, т. 1, с. 158].

Примеры употребления в 3-м значении — в значении ‘юность, молодость’:

Куда, куда вы удалились, Весны моей златые дни [Евгений Онегин; 12, т. 2, с. 283]. *Я был свидетелем златой твоей весны; Тогда напрасен ум, искусства не нужны* [Я был свидетелем; 12, т. 1, с. 371].

В таком же (переносном) значении — ‘молодость, хорошая пора жизни человека’ — употребляется у А. С. Пушкина и слово *лето*. И в этом значении *весна* и *лето* употребляются контактно: *Уж я не тот любовник страстный, Кому дивился прежде свет: Моя весна и лето красно Навек прошли, пропал и след* [Старик; 12, т. 1, с. 17].

Весна, как известно, тёплое время года. Поэтому когнитивные признаки этого ряда обозначаются словами *тепло, тёплый, теплеть*. И мы наблюдаем словосочетания *весенняя тёплая пора, тёплая*

весна и под. *Свет нам солнышко! Ты ходишь Круглый год по небу, сводишь Зимы с тёплой весной, Всех нас видишь пред собой* [Сказка о мёртвой царевне и о семи богатырях; 12, т. 1, с. 644]. *Как весенней тёплой порою Из-под утренней белой зорюшки Что из лесу, из лесу, из дремучего Выходила медведиха* [Сказка о медведихе; 12, т. 1, с. 604].

Чрезвычайно ценным качеством пушкинской поэзии является то, что она представляет особенности анализируемых времен года именно в России. Так, о весне поэт сообщает, что она «на севере нашем суровом **кратко царствует**»: *Благословен твой подвиг новый, Твой путь на север наш суровый, Где кратко царствует весна* [Благословен твой подвиг новый; 12, т. 1, с. 460].

С психологических позиций А. С. Пушкин характеризует весну как *сладостную, золотую, красную 'красивую'*, как *красу природы, пору любви*: *До сладостной весны Простился я с блаженством и душою* [Осеннее утро; 12, т. 1, с. 176]. *Свидетели минувших дней забавы! Забыты вы до сладостной весны!* [Осеннее утро; 12, т. 1, с. 132]. *Вы помните ль то розовое поле, Друзья мои, где красной весной, Оставив класс, резвились мы на воле И тешились отважною борьбой?* [Гавриилиада; 12, т. 2, с. 34].

Для всех весна — прекрасное время года (когда православные отмечают светлейший из праздников — Пасху), это *дорогая гостья*: *Взлетела первая пчёлка, Полетела по ранним цветочкам, О красной весне поразведать, Скоро ль будет гостья дорогая* [Ещё дуют холодные ветры; 12, т. 1, с. 422]. *На волю птичку выпускаю При светлом празднике весны* [Птичка; 12, т. 1, с. 291]. В числе климатических признаков весны — *тающий снег, оттепель, грязь*, но в то же время и *зелень, первые цветы, вернувшиеся с юга птицы*: *В безмолвии садов, весной, во мгле ночей, Поёт над розою восточный соловей* [Соловей и роза; 12, т. 1, с. 395].

Однако для художественной картины мира писателя важным, релевантным оказывается не исчерпывающий перечень признаков того или иного явления, а их избирательность; не общая, а индивидуальная, личностная оценка явления, его субъективная «переживаемость». В письме жене А. С. Пушкин пишет: *Теперь у нас опять мороз, весну-дуру мы опять спровадили в бурю. Что у нас за погода! Дни жаркие, с утра маленькие морозы — роскошь!* [Письмо Н. Н. Пушкиной; 12, т. 10, с. 155].

Таким образом, в характеристиках зимы и осени часто функционируют восклицательные высказывания с частицами *как, то-то, что за*; со словами *веселый, весело, радость, радостно, вольный, чудесный, проказы, роскошь* (хотя есть и грустные эпизоды); утвердительные предложения с глаголом *люблю*: *Мальчишек радостный народ коньками звучно режет лёд...* [Евгений Онегин; 12, т. 2, с. 255]; *Как весело, обув железом острым ноги, Скользят по зеркалу стоячих, ровных рек! А зимних праздников блестящие тревоги?..* [Осень; 12, т. 1, с. 520]; *Настали святки. То-то радость!* [Евгений Онегин; 12, т. 2, с. 262]; *Как лёгкий бег саней с подругой... быстр и волен...* [Осень; 12, т. 1, с. 520].

А в обобщающей характеристике весны, несмотря на то, что она *красная, сладостная*, что это *пора любви*, преобладают слова эгегической тональности: *скука, скучный, тоска, тяжело, болен*; используется общеотрицательное высказывание *Я не люблю весны*: *Весна, весна, пора любви, Как тяжело мне твоё явленье... Всё, что лжует и блестит, наводит скуку* [Весна, весна, пора любви; 12, т. 1, с. 410]. *Я не люблю весны; Скучна мне оттепель; вонь, грязь — весной я болен; Кровь бродит, чувства, ум тоскою стеснены...* [Осень; 12, т. 1, с. 520].

Обобщение характеристик субконцептов, составляющих семантическое пространство концепта *времена года* в дискурсе А. С. Пушкина, позволяет сделать вывод, что на базе обобщающей оппозиции *зима — лето, осень — весна* в художественной картине мира поэта функционирует его индивидуально-авторская оппозиция *холодные — тёплые сезоны*, в которых сильным членом являются первые, а слабым, соответственно, вторые. И хотя любимыми являются прохладные времена (*люблю зимы твоей жестокой недвижный воздух и мороз; люблю я пышное природы увяданье*), в этой диаде тоже есть признак, позволяющий сформулировать предпочтение, — это отношение с музой, вдохновением: зимой — *«ко звуку звук нейдёт... Теряю все права над рифмой»* [Зима. Что делать нам в деревне?; 12, т. 1, с. 452], а осенью — *«пробуждается поэзия во мне... И рифмы лёгкие навстречу ... бегут»* [Осень; 12, т. 1, с. 522].

Таким образом, анализ того, какими функционально-семантическими и синтаксическими средствами репрезентируются когнитивные составляющие концепта *времена года* в творчестве А. С. Пушкина, позволяет нам выявить климатические, пространственные, психологические и эстетические представления автора, которые связаны с данным явлением, его использование данного концепта для изображения русского характера, но прежде всего — перед нами фрагмент художественной картины мира русского гения. Его оценки времён года осуществляются не столько с научных или обиходных позиций, сколько с позиций творческой личности: насколько тот или иной сезон, во всей совокупности его признаков, вдохновляет, мобилизует творческую активность писателя.

Литература

1. Афанасьев А. И. Поэтические воззрения славян на природу / А. И. Афанасьев. — М., 1865–1896. — Т. 1–3.
2. Воркачёв С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачёв // Филологические науки. — 2001. — № 1. — С. 64–72.
3. Гукова Л. Н. Концепт *зима* в языковой картине мира А. С. Пушкина / Л. Н. Гукова // А. С. Пушкин и мировой литературный процесс: сб. науч. ст. по материалам науч. конф., посвящ. памяти проф. А. А. Слюсаря. — О.: Астропринт, 2002. — С. 284–292.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. — М.: Рус. яз., 1981.

5. *Иванова Л. П.* Пособие к спецкурсу «Отображение языковой картины мира автора в художественном тексте (на материале романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин»)» / Л. П. Иванова. — К.: Освіта України, 2006. — 140 с.
6. *Кубрякова Е. С.* Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков [и др.]. — М.: Филол. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. — 245 с.
7. *Петрова Л. А.* Лингвокогнитивные основы художественной картины мира: монография / Л. А. Петрова. — Симферополь: ОАО «СГТ», 2006. — 284 с.
8. *Петровская Е. О.* О выявлении некоторых ключевых ассоциативных мотивов пушкинской поэзии при обучении иностранцев чтению художественного текста / Е. О. Петровская // III Международный симпозиум МАПРЯЛ по лингвострановедению: тез. докл. и сообщ. — О.: ОГУ, 1989. — Ч. I. — С. 139–141.
9. *Попова З. Д.* Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — М.: АСТ: Восток–Запад, 2007. — 314 с.
10. *Постовалова В. И.* Картина мира в жизнедеятельности человека / В. И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / [отв. ред. Б. А. Серебренников]. — М.: Наука, 1988. — С. 8–86.
11. *Пушкин А. С.* Собрание сочинений: в 10 т. / А. С. Пушкин. — М.: АН СССР, 1976.
12. *Пушкин А. С.* Собрание сочинений: в 3 т. / А. С. Пушкин. — М.: Худ. лит., 1985–1987.
13. *Эпштейн М. Н.* Природа, мир, тайник вселенной... Система пейзажных образов в русской поэзии / М. Н. Эпштейн. — М.: Высш. шк., 1990. — 304 с.

References

1. *Afanas'ev A. I.* Poeticheskie vozzrenija slavian na prirodu / A. I. Afanas'ev. — M., 1865–1896. — Т. 1–3.
2. *Vorkachjov S. G.* Lingvokul'turologija, jazykovaja lichnost', koncept: stanovlenie antropocentricheskoj paradigmy v jazykoznanii / S. G. Vorkachjov // Filologičeskie nauki. — 2001. — № 1. — S. 64–72.
3. *Gukova L. N.* Koncept zima v jazykovoј kartine mira A. S. Pushkina / L. N. Gukova // A. S. Pushkin i mirovoj literaturnyj process: sb. nauch. st. po materialam nauch. konf., posvjash. pamjati prof. A. A. Sljusarja. — O.: Astroprint, 2002. — S. 284–292.
4. *Dal' V. I.* Tolkovij slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka: v 4 t. / V. I. Dal'. — M.: Rus. jaz., 1981.
5. *Ivanova L. P.* Posobie k spekursu «Otobrazhenie jazykovoj kartiny mira avtora v hudozhestvennom tekste (na materiale romana A. S. Pushkina «Evgenij Onegin»)» / L. P. Ivanova. — K.: Osvita Uktayiny, 2006. — 140 s.
6. *Kubryakova E. S.* Kratkij slovar' kognitivnyh terminov / E. S. Kubryakova, V. Z. Dem'jankov [i dr.]. — M.: Filol. fak. MGU im. M. V. Lomonosova, 1996. — 245 s.
7. *Petrova L. A.* Lingvokognitivnye osnovy hudozhestvennoj kartiny mira: monografija / L. A. Petrova. — Simferopol': ОАО «SGT», 2006. — 284 s.
8. *Petrovskaja E. O.* O vyjavlenii nekotoryh ključevykh asociativnyh motivov pushkinskoj poezii pri obuchenii inostrancev chteniju hudozhestvennogo teksta / E. O. Petrovskaja // III Mezhdunarodnyj simpozium MAPRJaL po lingvostranovedeniju: tez. dokladov i soobshhenij. — O.: OGU, 1989. — Ch. I. — S. 139–141.
9. *Popova Z. D.* Kognitivnaja lingvistika / Z. D. Popova, I. A. Sternin. — M.: AST: Vostok–Zapad, 2007. — 314 s.
10. *Postovalova V. I.* Kartina mira v zhiznedejatel'nosti cheloveka / V. I. Postovalova // Rol' chelovecheskogo faktora v jazyke: jazyk i kartina mira / otv. red. B. A. Serebrennikov. — M.: Nauka, 1988. — S. 8–86.
11. *Pushkin A. S.* Sobranie sochinenij: v 10 t. / A. S. Pushkin. — M.: AN SSSR, 1976.
12. *Pushkin A. S.* Sobranie sochinenij: v 3 t. / A. S. Pushkin. — M.: Hud. lit., 1985–1987.
13. *Epshtejn M. N.* Priroda, mir, tajnik vselejnoj... Sistema pejzaznyh obrazov v russkoј poezii / M. N. Epshtejn. — M., 1990.

ГУКОВА Ліна Миколаївна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри російської мови Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Одеса, Україна;
e-mail: gukova@inbox.ru; тел.: +38(048)7763407; моб.: +38-0982377116

ТРУШИЦІНА Олена Олександрівна,

викладач кафедри загального і слов'янського мовознавства Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Одеса, Україна;
e-mail: 1234512345qwerty51@gmail.com; тел.: +38(048)7565413; моб.: +38-0672644930

КОНЦЕПТ «ПОРИ РОКУ» В ХУДОЖНІЙ КАРТИНІ СВІТУ О. С. ПУШКІНА

Анотація. Стаття представляє лінгвокогнітивний аспект концепту «пори року» у мовній картині О. С. Пушкіна. Вихідними є теоретичні поняття антропоцентричної наукової парадигми про мову як про засіб концептуалізації, раціоналізації та репрезентації людського досвіду. Концепт, що досліджується, розглядається як фрагмент художньої картини світу геніальної мовної особистості. Концепт кваліфікується як мисленнєва категорія, виявлення якої можливе лише завдяки мовній об'єктивації, а художня картина світу — як світоглядна система, особливий склад світосприйняття, особливий характер читання дійсності. Увага до пір року у творчості О. С. Пушкіна стимульована його ідеєю про те, що «клімат, вид правління, віра дають кожному народові його особливу фізіономію, яка більш чи менш відображається у дзеркалі поезії». Концепт «пори року» подано у статті як комплексну структуру, що складається з чотирьох субконцептів, які мають сукупність поняттєвих, перцептивно-образних та особистісно-оцінних компонентів. Принципом організації семантичного простору цього концепту у творчій спадщині О. С. Пушкіна є подвійна бінарна опозиція — загальнонародна та індивідуально-авторська. Відбір ознак, оцінок та їх презентація віддзеркалюють російські національні та індивідуально-авторські естетичні інтенції.

Ключові слова: концепт, пори року, художня картина світу, когнітивна ознака, репрезентанти, семантична опозиція.

Lina N. GUKOVA,

Ph.D. in Philology, Associate Professor of the Russian Language Department of Odessa I. I. Mechnikov National University; Odessa, Ukraine;
e-mail: gukova@inbox.ru; phone: +38(048)7763407; cellphone: +38-0982377116

Elena A. TRUSHICINA,

lecturer of the General and Slavic Language Science Department of Odessa I. I. Mechnikov National University; Odessa, Ukraine;
e-mail: 1234512345qwerty51@gmail.com; phone: +38 (048) 7565413; cellphone: +38 067 2644930

SEASONS' CONCEPT IN PUSHKIN'S ARTISTIC WORLDVIEW

Summary. This article presents the linguo-cognitive analysis of the four seasons' concept in the Alexander Pushkin's works. The basis is the theory of the anthropocentric scientific language paradigm as a human's experience tool of conceptualization and

rationalization. The mentioned concept is a fragment of a great person's artistic worldview. This concept has been qualified as a cogitative category, its detection is possible only due to lingual activation; and the artistic worldview as a worldview system, a unique way to watch the world, a special sense of reality perception. Pushkin pays a special attention to seasons in his creative work due to the following idea: «the climate, the kind of reign and religion give a special physiognomy to each folk and this physiognomy is more or less reflected in a poetry mirror». The seasons' concept has been presented in this article as a composite structure consisting of four subconcepts, which characterized as a set of notional, perceptive-image and personally-attitudinal components. The main principle is dual binary opposition — a common-folk one and author's personal one. The selection of features, appreciations, presentation displays the Russian national and author's individual esthetic intents.

Key words: concept, the four seasons, artistic worldview, cognitive feature, representants, semantic opposition.

Статью получено 14.04.2014 г.

УДК 811.161.1'23:791.43/.45:347.517.1

КОССАКОВСКА-МАРАС Мария,

кандидат филологических наук, адъюнкт кафедры русского языка Жешувского университета;

Жешув, Польша;

e-mail: kossakowska-maras@wp.pl; тел. моб.: +48 600363792

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА *ДОМ* В СОВЕТСКОМ И СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ

Аннотация. Статья посвящена проблеме репрезентации концепта *дом* в советском и современном российском кинематографе. В статье представлен обзор различных классификаций концептов. Рассматриваются три основных направления в понимании концепта в современной лингвистике: лингвистическое, культурологическое и когнитивное. Лингвистический подход представлен подходом С. А. Аскольдова, Д. С. Лихачёва, В. Н. Телия, культурологический подход — концепциями Ю. С. Степанова, Г. Г. Слышкина, когнитивный подход — точкой зрения Е. С. Кубряковой и В. А. Масловой. Отдельно рассматривается концепт *дом* как один из важнейших в русской языковой картине мира и представляющий собой важное значение в системе ценностных ориентиров русских людей с древних времён. Квартирный вопрос был проблемой и в советское время, и в современной России. Жилищная проблема отразилась во многих произведениях советского и современного российского кинематографа. В статье приводятся примеры квартир и домов, таких как *коммуналка*, *хрущёвка*, *брежневка*, *рабочее общежитие*, *сталинская высотка*, *элитный дом*, *современный коттедж*, представленные в самых известных фильмах советского и современного российского кинематографа.

Ключевые слова: концепт, типология концептов, концепт *дом*, кинематограф, квартирный вопрос, советское кино, современное российское кино.

Концепт как всякий сложный когнитивный лингвосоциальный конструкт не имеет однозначного толкования в науке о языке на современном этапе её развития. Концепт — категория мыслительная, ненаблюдаемая, и это даёт большой простор для её толкования. Категория концепта фигурирует сегодня в исследованиях философов, логиков, психологов, культурологов и несёт на себе следы всех этих внелингвистических интерпретаций.

Мнения учёных совпадают в том, что концепт — сложное многоуровневое по своему строению явление. Ю. С. Степанов отмечает сложность структуры концепта: *С одной стороны, к ней принадлежит все, что принадлежит строению понятия ..., с другой стороны, в структуру концепта входит всё то, что и делает его фактом культуры — исходная форма (этимология), сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки и т. д.* [13, с. 43].

В современной лингвистике можно выделить три основных направления (подхода) к пониманию концепта: лингвистическое, культурологическое, когнитивное.

Лингвистический подход представлен точкой зрения С. А. Аскольдова, Д. С. Лихачёва, В. Н. Телия. Представители данного подхода считают, что концепт как продукт человеческой мысли «реконструируется» через своё языковое выражение и внеязыковое значение. Под концептом С. А. Аскольдов понимал *мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределённое множество предметов одного и того же рода* [1, с. 267]. Д. С. Лихачёв предлагает называть крупную структурную организацию концептов *концептосферой* [7, с. 3]. Для Д. С. Лихачёва концепт — это заместитель *каждого основного (словарного) значения отдельно*. Учёный предлагает считать *концепт своего рода «алгебраическим» выражением значения (алгебраическим выражением или «алгебраическим обозначением», которым мы оперируем в своей письменной и устной речи* [7, с. 4]. По мнению В. Н. Телия, концепт — это *всё то, что мы знаем об объекте во всей экстенсии этого знания* [14, с. 97]. В целом, представители данного направления понимают концепт как весь потенциал значения слова вместе с его коннотативным элементом.

По мнению представителей культурологического подхода — Ю. С. Степанова, Г. Г. Слышкина и др., концепт трактуется как *микромодель культуры*. Вся культура понимается как совокупность концептов и отношений между ними. Концепт трактуется как основная ячейка культуры в ментальном мире человека. *Концепт, являясь основной ячейкой культуры в ментальном мире человека, не только мыслится, но и переживается, являя собой предмет эмоций, симпатий и антипатий,*

а иногда и столкновений [12, с. 43]. Являясь сгустком культуры, концепт обладает экстралингвистической, прагматической, т. е. внеязыковой информацией [12, с. 40].

Представителями когнитивного подхода к пониманию сущности концепта являются Е. С. Кубрякова, В. А. Маслова и др. Они относят концепт к явлениям ментального характера, определяя его как глобальную мыслительную единицу: *концепт — оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы мозга, всей картины мира, отражённой в человеческой психике* [6, с. 90]. В. А. Маслова соотносит культурные концепты с именами абстрактных понятий, в которых культурная информация прикрепляется к понятийному ядру [9, с. 48]. З. Д. Попова и И. А. Стернин представляют концепт как *глобальную мыслительную единицу, представляющую собой квант структурированного знания. Концепты — это идеальные сущности, которые формируются в сознании человека* [10, с. 4-5].

Обзор различных классификаций концептов приводят в своих работах также С. Г. Воркачёв, Л. А. Касьян, О. И. Лыткина, В. И. Карасик и Г. Г. Слышкин, Е. П. Болдырева и др.

Несмотря на разнообразие толкования концепта, исследователи едины во мнении, что концепт — это условная ментальная структура.

Одним из важнейших в национальной, языковой и художественной картинах мира многих народов, в том числе и в русской языковой картине мира, является концепт *дом*, относящийся к числу архетипических образов. Он имеет большую значимость в системе ценностных ориентиров русских людей с древних времён и представлен большим числом вербализаторов. Тема дома является одной из ключевых во многих произведениях устного народного творчества, в пословицах, поговорках, во фразеологизмах, в художественной литературе, в песнях, в кинематографе, поскольку данная тема тесно связана со многими сторонами человеческой жизни.

Как показывает толковый словарь, слово *дом* многозначно. В нём выделяется шесть значений: «1. Здание, строение, предназначенное для жилья, для размещения различных учреждений и предприятий. <...> 2. Жилое помещение, квартиры, жильё. <...> 3. Семья, люди, живущие вместе, одним хозяйством. <...> 4. Династия, царствующий род. <...> 5. *чего* или *какой*. Культурно-просветительское, научное, бытовое и т. п. госучреждение, а также, здание, в котором оно находится. <...> 6. Устар. Заведение, предприятие. <...>» [МАС т. I, с. 425].

В ТСРЯ при слове *дом* (в 1-м значении) зафиксированы определения, характеризующие материал, из которого он изготовлен (*деревянный, каменный*), место расположения (*сельский, городской*), количество этажей (*одноэтажный, многоэтажный, в три этажа*), комфортабельность (*благоустроенный, со всеми удобствами*), принадлежность (*государственный, кооперативный, собственный*).

Н. Л. Чулкина выделяет параметры, которые особенно важны для русских людей: размер квартиры (*большая, маленькая, огромная*), местонахождение дома и квартиры (*в центре города*), тип дома (*в новом доме, хрущёбы, кирпичный, каменный, многоэтажный*), тип квартиры (*отдельная, коммунальная*) [15, с. 136].

Непосредственно с концептом *дом* связано понятие *квартирный вопрос*, т. е. отсутствие нормальных жилищных условий для большинства граждан. *Квартирный вопрос* был проблемой и в советское время, и в современной России. Жилищная проблема отразилась во многих произведениях советского и современного российского кинематографа. Такие типы квартир и домов, как коммуналка, хрущёвка, брежневка, рабочее общежитие и сталинская высотка, представлены в различных советских фильмах. Приведём примеры самых известных фильмов.

Действие многих советских фильмов происходит в коммунальных квартирах. В фильме *Пять вечеров* (режиссёр Н. С. Михалков, 1978) несколько сцен, прекрасно показывающих жизнь в коммунальной квартире. Проживающие в одной коммуналке ходят смотреть телевизор к тому соседу, у которого он есть. В данном случае телевизор только у одной жительницы, Тамары (Л. М. Гурченко). *У меня в квартире у одной телевизор, вот, зову посмотреть*, — говорит Тамара своему гостю. Особенности поведения были на кухне. У каждой семьи был свой стол, и нельзя было сесть не за *свой*.

В лирической комедии *Наши соседи* (режиссёр С. И. Сплошнов, 1957) итрига завязывается в одной из минских коммунальных квартир. Очень тёплая комедия из советской жизни в коммуналке, куда получил ордер на освободившуюся комнату молодой слесарь. Коммуналка состоит из пяти комнат, в которых проживают разные по характеру жильцы. Здесь показана борьба за полки в холодильнике — ведь холодильник один, а пользующихся много. Современному зрителю интересно узнать, как пользоваться звонком, если он один на всю коммунальную квартиру: закадровый голос объясняет, что всё зависит от количества звонков.

Комические сцены из жизни коммунальной квартиры 1970-х годов показаны в фильме *Странные взрослые* (режиссёр А. Г. Шахмалева, 1974). Маленькая девочка, появляясь в большой коммунальной квартире, полностью меняет монотонную жизнь взрослых. Она постоянно удивляет всему: почему нельзя пользоваться чайником, которым в данный момент никто не пользуется? — Оказывается, он не принадлежит её семье. Почему не надо мыть всю посуду? и т. д. — Она не понимает, что в коммуналке есть правила, которые надо соблюдать, например, не только не мыть посуду всех жильцов, но вообще не трогать, если она чужая.

Сцены из жизни московской коммунальной квартиры 1950-х годов представлены в лирической музыкальной комедии *Покровские ворота* (режиссёр М. М. Козаков, 1982). В этом старом доме раскрываются самые разные характеры героев — и сентиментальная Любочка (Е. А. Коренева), инфантильный Хоботов (А. Ю. Равикович), деспотичная Маргарита Павловна (И. И. Ульянова) и деревен-

ская простота Саввы Игнатьевича (В. А. Борцов) — всё это представлено в удвоенном размере, чтобы было интересней наблюдать за жизнью простых людей. Все являются интересными личностями. В этом фильме и большие победы, и маленькие разочарования, и много любви, которая спасает многих людей от серой жизни.

Разные коммуналки 1950-х годов показаны в драме *Вор* (режиссёр П. Г. Чухрай, 1997). Главный герой, красавец Толян (В. А. Машков), храбрый и обаятельный офицер, оказывается вовсе не оставленным военным, а профессиональным воров. При полном сопротивлении своей новой подруги Кати (Е. В. Редникова) он обворовывает коммунальные квартиры, чтобы как-то прокормиться. Прекрасно показан быт в коммуналках в нелёгкие послевоенные годы. Квартиры очень разные: есть коммуналка в подвале с маленькими окнами и постоянно проходящими мимо людьми, есть большая коммуналка с несколькими комнатами, где живут представители разных слоёв общества.

Проблема *уплотнения* в Москве 1920-х годов появляется в фильме *Собачье сердце* (режиссёр В. В. Бортко, 1988) — экранизации одноимённой повести М. А. Булгакова. Профессор Филипп Филиппович Преображенский (Е. А. Евстигнеев), выдающийся хирург, живёт в большой семикомнатной квартире, в которой принимает пациентов и делает операции. Жильцы дома на общем собрании решают, что надо «уплотнить» квартиру профессора, на что последний никак не соглашается, более того, считает, что ему нужна ещё одна комната, восьмая. Шариков (В. А. Толоконников), который в результате экспериментов профессора превратился из собаки в человека, делает жизнь профессора Преображенского и обитателей его квартиры полным кошмаром. Подстрекаемый председателем дома Швондером (Р. А. Карцев), он пишет доносы на своего «создателя», требует выделить ему жилплощадь и угрожает револьвером. Следует отметить, что повесть была написана в 1925 г., впервые напечатана в СССР только в 1987.

В советском кино много фильмов, герои которых проживают в различных общежитиях.

В замечательной комедии *Девчата* (режиссёр Ю. С. Чулюкин, 1961) представлена жизнь молодых людей — девушек и юношей — в рабочем общежитии в сибирском посёлке, куда приехала юная повараха Тося Кислицына (Н. В. Румянцева) — наивная и эксцентричная девчонка. Она проживает в общежитии вместе с девушками, у которых разные судьбы и разные представления о жизни. Возникает много странных ситуаций. Так, в самом начале фильма Тося первый раз приходит в комнату, где никого нет. Она ест не своё варенье, пользуется не своей посудой и считает это вполне нормальным, так как в детстве, в котором она росла, пользоваться вещами другого считалось нормальным. Каким является её удивление, когда Анфиса (С. С. Дружинина) обращает её внимание на то, что пользоваться чужими вещами нельзя.

Женский коллектив рабочего общежития представлен в фильме *Одиноким предоставляется общежитие* (режиссёр С. И. Самсонов, 1983). Главная героиня, Вера Голубева (Н. Г. Гундарева), работница текстильного комбината, в свободное время устраивает судьбу своих подруг. Вера подходит к этому занятию профессионально: работает с прессой, рассылает брачные объявления по всему Советскому Союзу и тщательно подбирает женихов. Всё это она делает, естественно, бескорыстно и неформально. Сама Вера одинока. Гуляя на чужих свадьбах, она забывает мечтать о собственном семейном счастье.

Во второй половине XX века русские семьи начали переезжать в панельные или кирпичные многоэтажные (чаще всего пятиэтажные) дома массовых серий, называемые сегодня в народе хрущёвками.

Во многих советских фильмах показаны эти квартиры. Самым известным фильмом является, конечно, популярная культовая мелодраматическая комедия *Ирония судьбы, или С лёгким паром!* (режиссёр Э. А. Рязанов, 1975). В сюжете этого фильма квартиры принимают непосредственное участие. Московский врач Женя Лукашин (А. В. Мягков), сходя с друзьями в баню, оказался по ошибке в другом городе, в Ленинграде, в квартире ленинградской учительницы Нади Шевелёвой (Б. Брыльска). Друзья по ошибке отправили на самолёт из Москвы в Ленинград не того, кого нужно было. Проснувшись в Пулковском аэропорту, пьяный Женя берёт такси и называет таксисту свой московский адрес. Оказывается, по этому адресу в Ленинграде расположен точно такой же типовой дом, как в Москве. Поэтому Женя поднимается в квартиру, которую считает своей, и открывает типовой замок своим ключом от московской квартиры. В квартире Нади также беспорядок после новоселья, и, ничего не подозревающий, обессиленный от долгого дня и алкоголя, Женя засыпает. Женя и Надя проживали с мамами по одинаковому адресу: 3-я улица Строителей, дом 25, квартира 12, — только Женя в Москве, а Надя в Ленинграде. Всем советским зрителям этот адрес прекрасно известен, хотя в реальной действительности такого адреса не было. Картина стала своеобразной сатирой на мир типового панельного жилья с одинаковыми названиями улиц, домами и квартирами. Квартиры Лукашина и Шевелёвой не были большими, но в то время получить такую квартиру (а это были стандартные 2-комнатные квартиры в панельных многоэтажках с общей площадью комнат 32 квадратных метра) было большим счастьем, хотя большая комната была проходной.

Действие популярного советского фильма *Маленькая Вера* (режиссёр В. В. Пичул, 1988) тоже происходит в пятиэтажной хрущёвке. Для съёмок выбрали обычную мариупольскую (в советское время это был город Жданов) хрущёвку. В панельных стенах обыкновенной квартиры типичная рабочая советская семья со своими большими и маленькими проблемами. У Веры (Н. И. Негода) типичная судьба молодой женщины провинциального города: много ссор с родителями, сложные отношения с молодым человеком. Откровенные диалоги и сцены в фильме показывают настоящие, сложные будни среднестатистической рабочей семьи.

Героиня одного из самых известных фильмов перестройки *Интердевочка* (режиссёр П. Е. Тодоровский, 1989) Таня (Е. А. Яковлева) мечтает вырваться из обыкновенной и серой жизни в типичной брежневке. Она мечтает о красивой жизни где-то за рубежом, выйти замуж за иностранца, жить в красивом доме с новой мебелью. Мечта частично сбывается: ей удаётся после различных трудностей попасть в Швецию, где она начинает жить в прекрасном доме. Однако возникает старый вопрос: в богатстве ли счастье? Мелодрама Петра Тодоровского показывает, как нелегко было в советской стране вырваться из замкнутого круга валютной проститутке.

Главным фильмом, олицетворявшим достижение *советской мечты* — *квартиры, дачи, машины* — стала мелодрама *Москва слезам не верит* (режиссёр В. В. Меньшов, 1980). В картине разные виды советского жилья. История начинается в тесном, но на удивление дружном рабочем общежитии в 1958 году, где в одной комнате живут 3 девушки. В таких рабочих общежитиях жили миллионы жителей села и провинциальных городков, массово переселявшихся в большие города для удовлетворения потребностей растущей промышленности в дешёвой рабочей силе. На противоположном полюсе всего спектра московского жилья находились роскошные отдельные апартаменты в «номенклатурных» сталинских домах. У Кати Тихомировой (В. В. Алентова) обнаружился дальний родственник-профессор, проживающий в прекрасной многокомнатной квартире в настоящей сталинской высотке на площади Восстания. Роскошный мраморный холл с лифтами, барельефами и специально обученной консьержкой лишний раз доказывает, что в Советском Союзе все были равны, но некоторые всё же равнее. Здесь и профессорская спальня с отдельным туалетным столиком, телефоном, элегантными обоями и портьерами, отдельный кабинет для интеллектуального труда, столовая с тяжёлой деревянной мебелью, резным буфетом и телевизором «Ленинград». Телеоператор Рудольф проживает вместе с мамой и маленьким братом в отдельной, но двухкомнатной квартире, скорее всего в типовой «сталинке» или ранней «хрущёвке». Здесь пианино, радио, телевизор, фарфор и хрусталь. Во второй серии действие фильма переносится в конец 1970-х, и у героини уже своя двухкомнатная квартира на 2 человека в престижном доме из жёлтого кирпича, где она проживает с повзрослевшей дочерью. А человек, в которого она влюбляется — простой рабочий Гоша (он же Гога), проживает в обычной коммуналке.

Почти во всех современных российских фильмах действие либо происходит в каком-то доме или квартире, либо жильё остаётся на втором плане, однако в какой-то степени выполняет свою роль в фильме. Приведём примеры.

Именно город является главным героем мелодрамы *Питер ФМ* (режиссёр О. О. Бычкова, 2006). Санкт-Петербург показан почти в каждом кадре: то в виде из окна, то в отражении реки, то лично предстаёт в кадре со своими улицами и невероятной красоты домами. Маша (Е. О. Федулова) и Костя (А. И. Барабаш) решают свои проблемы в прекрасной двухэтажной квартире в центре Питера, а вот у Максима (Е. Э. Цыганов) с квартирой проблема, он снимает комнату, с которой ему необходимо съехать. В фильме много сцен, происходящих прямо на улицах, мостах, во дворах, на крышах домов. На фоне прекрасных фасадов зданий Петербурга Маша и Максим оказываются перед выбором: что для них в жизни действительно важно.

Большая современная квартира в элитном доме, в которой живёт молодая семья с маленькими детьми и собакой, появляется в начале комедии *О чём говорят мужчины* (режиссёр Д. Дьяченко, 2010). В квартире очень много света, современная мебель в комнатах и на кухне. Во всей квартире небольшой беспорядок — это вполне естественно для молодой семьи, в которой, особенно по утрам, каждый куда-то спешит. Понятно, что Лёше (Л. Г. Барац) не очень хочется за всем следить, всё убирать, к тому же расчёсывать дочке волосы. Он просто убегает из квартиры, в буквальном смысле этого слова, что дочка комментирует словами *Мам, папа сбежал!* и, вместе с друзьями — Сашей (А. С. Демидов), Камилем (К. Ш. Ларин) и Славой (Р. В. Хаит) — едет в Одессу.

Очень необычной кажется квартира в доме, находящемся в центре северной столицы, в которой живёт интеллектуалка Лиза (А. Н. Михалкова), главная героиня фильма *Кюкюко* (режиссёр А. А. Смирнова, 2012). Это типичное современное жильё для творческой интеллигенции. Однако оно не часто встречается, так как художников и различных артистов не так уж много. Квартира очень большая, тёмная, захламлённая огромным количеством ценных и бесценных предметов, в том числе и предметов искусства. Лиза не убирает квартиру, почти совсем не заглядывает на кухню. Квартира со своей театральностью и неестественностью создаёт довольно грустное впечатление.

Большинство россиян в обычных провинциальных городах живёт в типичных хрущёвках 1970-х годов. Именно в такой квартире живёт сын главной героини драмы *Елена* (режиссёр А. П. Звягинцев, 2011). Небольшая квартира, расположенная на окраине Москвы, очень тесная, а будет теснее, так как родится ещё один ребенок. Условия жизни непутёвого сына толкают Елену (Н. К. Маркина) на страшный поступок. А сама Елена живёт с богатым мужем Владимиром (А. С. Смирнов) в роскошных условиях — в большом и современном, но очень холодном особняке.

Молодые успешные россияне добиваются многого — так, как молодая пара Маша и Максим из комедии *Сваты* (режиссёр Ю. Ю. Морозов, 2008). Они уезжают отдыхать в Италию, а дочку Женю оставляют под присмотр бабушек и дедушек. Присмотреть за ребёнком приезжают и родители мамы Маши — типичные сельские жители (Т. Э. Кравченко, Ф. В. Добронравов), и родители папы Максима — типичные городские (Л. В. Артемьева, А. А. Васильев). События протекают в прекрасном современном коттедже с большими стеклянными окнами. Внутри — современная гостиная с камином, большая кухня, соединённая со столовой, много спален. Каждая из семейных пар живёт в отдельной спальне на втором этаже. В доме чистота и порядок. Дом расположен недалеко от озера, рядом с домом много зелени, созданы все условия для приятного времяпрепровождения. Однако у каждой пары

сватов свои методы воспитания, и они начинают борьбу за внимание внушки. При этом все постоянно попадают в нелепые ситуации, выход из которых приходится находить вместе. Именно такой дом — ухоженный, просторный и уютный — создаёт все условия для полноценной жизни всей семьи, так как все члены семьи в конце фильма начинают относиться друг к другу доброжелательно.

В заключение отметим, что дом — это один из важнейших элементов жизни человека, это база для восприятия всего остального мира, окружающего человека. Пространство своего дома очень близко человеку, именно через него человек входит в существующий мир. Место, в котором люди живут, в очень большой степени влияет на их жизненные взгляды, их характер, наличие или отсутствие стресса и нервных расстройств. Знание того, в каких условиях живут представители другой культуры, в большой степени даёт возможность понять их нравы, особенности их характера и поведения.

Литература

1. *Аскольдов С. А.* Концепт и слово / С. А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста : антология / [ред. проф. В. П. Нерознак]. — М.: Academia, 1997. — С. 267–279.
2. *Болдырева Е. П.* Линвокультурология: к становлению подхода. Формирование основного понятия — «концепт» [Электронный ресурс] / Е. П. Болдырева. — Режим доступа: <http://www.seun.ru/content/info/learndepart/faculty/gf/1/konf/boldireva.pdf>.
3. *Воркачёв С. Г.* Культурный концепт и значение / С. Г. Воркачёв // Труды Кубанского государственного технологического университета. Сер. Гуманитарные науки. — Краснодар, 2003. — Т. 17, вып. 2. — С. 268–276.
4. *Карасик В. И.* Линвокультурный концепт как единица исследования / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики : сб. науч. тр. / под ред. И. А. Стернина. — Воронеж : ВГУ, 2001. — С. 75–80.
5. *Касьян Л. А.* Термин «концепт» в современной лингвистике: различные его толкования [Электронный ресурс] / Л. А. Касьян // Вестник Югорского государственного университета. — 2010. — Вып. 2 (17). — С. 50–53. — Режим доступа: <http://wwwold.ugrasu.ru/science/journal/17/11/documents/50-53.pdf>.
6. *Кубрякова Е. С.* Концепт / Е. С. Кубрякова // Краткий словарь когнитивных терминов. — М.: Филол. фак МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. — С. 90–93.
7. *Лихачёв Д. С.* Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачёв // Известия РАН. Сер. литературы и языка. — М., 1993. — Т. 52, № 1. — С. 3–9.
8. *Лыткина О. И.* К вопросу о типологии концептов в современной лингвистике [Электронный ресурс] / О. И. Лыткина // Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. Сер. «Филологические науки». — М., 2010. — № 2. — С. 68–75. — Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-tipologii-kontseptov-v-sovremennoy-lingvistike#>.
9. *Маслова В. А.* Линвокультурология / В. А. Маслова. — М.: Академия, 2001. — 208 с.
10. *Попова Э. Д.* Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / Э. Д. Попова, И. А. Стернин. — Воронеж, 1999. — 30 с.
11. *Слышкин Г. Г.* Линвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г. Г. Слышкин. — М.: Academia, 2000. — 140 с.
12. *Степанов Ю. С.* Константы : словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. — М.: Академический Проект, 2001. — 990 с.
13. *Степанов Ю. С.* Концепты. Тонкая плёнка цивилизации / Ю. С. Степанов. — М.: Языки славян. культур, 2007. — 248 с.
14. *Телия В. Н.* Русская фразеология. Семантические, прагматические и линвокультурологические аспекты / В. Н. Телия. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. — 288 с.
15. *Чулкина Н. Л.* Концептосфера русской повседневности как объект линвокультурологии и лексикографии : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 — русский язык / Н. Л. Чулкина. — М., 2005. — 345 с.

Список сокращений

- МАС — *Словарь русского языка* : в 4 т. / [ред. А. П. Евгеньева] — М., 1985–1988.
 ТСРЯ — *Саяхова Л. Г.* Тематический словарь русского языка / Л. Г. Саяхова, Д. М. Хасанова, В. В. Морковкин ; [ред. В. В. Морковкин]. — М.: Рус. яз., 2000. — 556 с.

References

1. *Askoldov S. A.* Kontsept i slovo / S. A. Askoldov // Russkaya slovesnost. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta : antologiya / [red. prof. V. P. Neroznak]. — M.: Academia, 1997. — S. 267–279.
2. *Boldyireva E. P.* Linvokulturologiya: k stanovleniyu podhoda. Formirovanie osnovnogo ponyatiya — «kontsept» [Elektronnyy resurs] / E. P. Boldyireva. — Rezhim dostupa: <http://www.seun.ru/content/info/learndepart/faculty/gf/1/konf/boldireva.pdf>.
3. *Vorkachyov S. G.* Kulturnyy kontsept i znachenie / S. G. Vorkachyov // Trudy Kubanskogo gosudarstvennogo tehnologicheskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki. — Krasnodar, 2003. — T. 17, vyp. 2. — S. 268–276.
4. *Karasik V. I.* Lingvokulturnyy kontsept kak edinitsa issledovaniya / V. I. Karasik, G. G. Slyshkin // Metodologicheskie problemy kognitivnoy lingvistiki : sb. nauch. tr. / [red. I. A. Sternin]. — Voronezh : VGU, 2001. — S. 75–80.
5. *Kasyan L. A.* Termin «kontsept» v sovremennoy lingvistike: razlichnyye ego tolkovaniya [Elektronnyy resurs] / L. A. Kasyan // Vestnik ugorsskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2010. — Vyp. 2 (17). — S. 50–53. — Rezhim dostupa: <http://wwwold.ugrasu.ru/science/journal/17/11/documents/50-53.pdf>.
6. *Kubryakova E. S.* Kontsept / E. S. Kubryakova / Kratkiy slovar kognitivnykh terminov. — M.: Filol. fak. MGU im. M. V. Lomonosova, 1996. — S. 90–93.
7. *Lihachyov D. S.* Kontseptosfera russkogo yazyka / D. S. Lihachyov // Izvestiya RAN. Ser. literatury i yazyka. — M., 1993. — T. 52, N 1. — S. 3–9.
8. *Lytchina O. I.* K voprosu o tipologii kontseptov v sovremennoy lingvistike [Elektronnyy resurs] / O. I. Lytchina // Vestnik MGGU im. M. A. Sholohova. Ser. «Filologicheskie nauki». — M., 2010. — N 2. — S. 68–75. — Rezhim dostupa: <http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-tipologii-kontseptov-v-sovremennoy-lingvistike#>.
9. *Maslova V. A.* Lingvokulturologiya / V. A. Maslova. — M.: Akademiya, 2001. — 208 s.
10. *Popova Z. D.* Ponyatie «kontsept» v lingvisticheskikh issledovaniyakh / Z. D. Popova, I. A. Sternin. — Voronezh, 1999. — 30 s.
11. *Slyshkin G. G.* Lingvokulturnyye kontsepty pretsedentnykh tekstov v soznanii i diskurse / G. G. Slyshkin. — M.: Academia, 2000. — 140 s.
12. *Stepanov Yu. S.* Konstanty : slovar russkoy kultury / Yu. S. Stepanov. — M.: Akademicheskii Proekt, 2001. — 990 s.
13. *Stepanov Yu. S.* Kontsepty. Tonkaya plyonka tsivilizatsii / Yu. S. Stepanov. — M.: Yazyki slavyan. kultur, 2007. — 248 s.

14. *Teliya V. N.* Russkaya frazeologiya. Semanticheskie, pragmaticheskie i lingvokulturologicheskie aspekty / V. N. Teliya. — M.: Shkola «Yazyki russkoy kultury», 1996. — 288 s.
15. *Chulkina N. L.* Kontseptosfera russkoy povsednevnosti kak ob'ekt lingvokulturologii i leksikografii: dis. ... doktora filol. nauk: 10.02.01 — russkiy yazyk / N. L. Chulkina. — M., 2005. — 345 s.

Spisok sokrascheniy

- MAS — *Slovar russkogo yazyka*: v 4 t. / [red. A. P. Yevgenieva]. — M., 1985–1988.
- TSRYa — *Sayahova L. G.* Tematicheskiy slovar russkogo yazyka / L. G. Sayahova, D. M. Hasanova, V. V. Morkovkin; [red. V. V. Morkovkin]. — M.: Rus. yaz., 2000. — 556 s.

КОССАКОВСЬКА-МАРАС Марія,

кандидат філологічних наук, ад'юнкт кафедри російської мови Жешувського університету; Жешув, Польща;
e-mail: kossakowska-maras@wp.pl; тел. моб.: +48 600363792

ОСОБЛИВОСТІ РЕПРЕЗЕНТАЦІЇ КОНЦЕПТУ ДІМ / БУДИНОК У РАДЯНСЬКОМУ ТА СУЧАСНОМУ РОСІЙСЬКОМУ КІНЕМАТОГРАФІ

Анотація. Статтю присвячено проблемі репрезентації концепту *дім / будинок* у радянському і сучасному російському кінематографі. У статті подано огляд різних класифікацій концептів. Розглянуто три основні підходи в розумінні концепту сучасною лінгвістикою: лінгвістичний, культурологічний і когнітивний. Лінгвістичний підхід представлено поглядами С. О. Аскольдова, Д. С. Лихачова, В. М. Телія, культурологічний підхід — концепціями Ю. С. Степанова, Г. Г. Слишкіна, когнітивний підхід — точкою зору О. С. Кубрякової та В. А. Маслової. Окремо розглянуто концепт *дім / будинок* як один з найважливіших у російській мовній картині світу і такий, що представляє важливе значення в системі ціннісних орієнтирів російських людей з давніх часів. Квартирне питання було проблемою і в радянські часи, і в сучасній Росії. Житлова проблема відбилася в багатьох творах радянського та сучасного російського кінематографа. У статті наводяться приклади квартир і будинків, таких як *комуналка*, *хрущовка*, *брежньєвка*, *робочий гуртожиток*, *сталінська висотка*, *елітний будинок*, *сучасний котедж*, представлені в найвідоміших фільмах радянського та сучасного російського кінематографа.

Ключові слова: концепт, типологія концептів, концепт *дім / будинок*, кінематограф, квартирне питання, радянське кіно, сучасне російське кіно.

Maria KOSSAKOWSKA-MARAS,

PhD in Philological Sciences, lecturer of the Russian Philology Institute of Rzeszow University; Rzeszow, Poland;
e-mail: kossakowska-maras@wp.pl; phone: +48 600363792

THE CONCEPT *HOUSE* IN SOVIET AND CONTEMPORARY RUSSIAN MOVIES

Summary. The article deals with the issues of presentation of the «house» concept in Soviet and contemporary Russian movies. The article presents the review of different kinds of concepts. There are three main directions of research concerning the concept in contemporary linguistics in this article. Such researchers as: S. A. Askoldov, D. S. Likhachiov, V. N. Teliya are representatives of linguistic approach. Culturological approach is represented by Ju. S. Stepanov and G. G. Slyshkin. Ye. S. Kubriakova and V.A. Maslova are representatives of cognitive approach. We describe the «house» concept, which is one of the most important concepts in the Russian linguistic picture of the world. The concept has huge importance in the system of values of Russian people for ages. Housing problem existed both in Soviet times as well as in contemporary Russia and it is presented in different movies of Soviet and contemporary Russian cinematography. We present in the article the examples of flats and houses such as: *kommunalka*, *khrushchyovka*, *labour hostels*, *Stalinskie vysotki*, *luxury houses*, and *cottages* presented in the most popular Soviet and contemporary Russian movies.

Key words: concept, types of concept, concept «house», cinematography, housing problem, soviet cinema, Russian modern films.

Статтю отримано 15.04.2014 р.

УДК 811.161.1'371'373.612.2:165.12:[233.2+241.4]

САЙГИН Вадим Викторович,кандидат филологических наук, проректор по экономическому развитию и АХР Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского; Нижний Новгород, Россия;
e-mail: secretar@ahch.unn.ru; тел.: +7 (831) 4623005; моб.: +7 905 6616032**ДЕСАКРАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ГРЕХ» В НАЦИОНАЛЬНОМ СОЗНАНИИ
(по данным современного русского языка)**

Аннотация. Статья посвящена проблеме *десакрализации* концепта «грех» в обыденном сознании носителей русского языка, отраженной как в системно-языковых значениях слова «грех», так и в особенностях его речевой реализации в разных контекстах употребления. Под *десакрализацией* понимается стилистическое снижение слов, изначально выражающих высокие духовные и религиозно-нравственные понятия. Это отражает общую тенденцию к понижению ценностного регистра высоких понятий при переходе их из религиозной коммуникативной среды в коммуникативную среду светскую. Явление десакрализации рассматривается на примере функционирования концепта *грех* в современном русском языковом сознании. Материалом для анализа выступают основные русские словари и данные Национального корпуса русского языка. Доказано, что десакрализация концепта *грех* на уровне лексического значения слова обнаруживается в понимании греха как простительной человеческой слабости, а на уровне коннотативной сферы она проявляется в приобретении этим словом контекстуальной положительной оценочности, что в свою очередь обуславливает оттенок несерьезного, шутивого отношения к греху, отражающего современные реалии бездуховного общества потребления.

Ключевые слова: концепт «грех», десакрализация, языковая экспликация, русский язык.

Понятие греха входит в число тех ключевых идей русской культуры, которые издавна определяют вектор её духовной эволюции. Сформировавшись в русле религиозно-христианского, православного мировоззрения, это понятие во многом обуславливает специфику отношения русских людей к миру, их системы ценностей и жизненных установок.

Несомненно, на первый план в содержании этого понятия выходит религиозный компонент: это необходимо учитывать при комплексном описании соответствующего концепта.

В наших предыдущих работах мы выявили основные содержательные компоненты понятия «грех» в религиозно-христианском православном мировоззрении:

1. 'Сознательное или бессознательное совершение действия, нарушающего Божественные установления'.

2. 'Состояние вины субъекта перед Богом, наступающее в результате совершения действия, нарушающего Божественные установления'.

3. 'Прекращение жизни в Боге субъекта, изначально живущего по Божественным установлениям, в результате совершения действия, нарушающего Божественные установления'.

4. 'Изначальное состояние любого смертного человека по причине первородного греха, совершенного Адамом и Евой, требующее специфических духовных действий покаяния'.

Однако при этом следует отметить, что на уровне обыденного употребления языка непосредственно религиозный смысл этого понятия зачастую уступал место совсем иным семантическим компонентам, отражающим уже особенности быта и нравов народа, его ценностей и предпочтений, лишённых христианской окраски.

Отмеченное несовпадение двух во многом противоположных интерпретаций, которое ведёт к неполному и неточному пониманию светскими носителями языка этого понятия, составляет, на наш взгляд, главную особенность концептуального содержания *греха* в современном мире. Об этом непонимании пишет Л. Г. Панова: «С одной стороны, о словах типа *«грех»*, *«исповедь»*, *«молитва»* какие-то представления (пусть даже самые поверхностные) есть практически у любого носителя языка. Но с другой стороны, полное знание о них, а уж тем более умение ими пользоваться, можно ожидать только от верующего человека. Дилемма эта возникла, конечно же, только в XX веке, когда общество предоставило человеку свободу вероисповедания» [4, с. 177].

В целом, сегодня можно говорить о сосуществовании в национальном сознании двух пластов понимания «греха» — религиозного и внерелигиозного. Так, например, Л. Г. Панова справедливо отмечает различия между религиозной трактовкой понятия и его общенародным содержанием, отражённым в языке.

Прежде всего, это тенденция к *десакрализации греха*, интерпретация которого в языке сводится к любому типу нарушения чего-либо, вины или ошибки [4, с. 177]. Своего максимума десакрализация греха достигает в русском языке в советскую эпоху. Так, в БАС, создававшемся в период с 1950 по 1965 г.г., собственно религиозное значение слова «грех» 'нарушение религиозного предписания; проступок против правил религии и нравственности' подаётся лишь как третье значение и с пометой «устаревшее» [6]. В МАС на период 80-х г.г. XX в. это значение, хотя и указано первым, но имеет характерную помету «У верующих» [5].

Ряд контекстов сохраняет первоначальное религиозное понимание греха. Однако в большинстве случаев можно говорить о десакрализации греха, которая находит своё выражение в расширительном

понимании греха как любого нарушения какой-либо нормы, сознательного или бессознательного, как ошибочных или неправильных действий в любой сфере: социальной, политической, идеологической, этической, эстетической, культурной. Грешным может быть, таким образом, не только поступок в отношениях между человеком и Богом. Грешными могут квалифицироваться также действия обобщённых или коллективных субъектов, не предполагающих наказания, покаяния или вообще какой-либо ответственности за его совершение.

Всё это и многое другое отражено в фактах языка. Язык ярко, точно и глубоко манифестирует коллективную психологию этноса. Именно поэтому с помощью языка можно диагностировать истинное отношение народа к тому или иному явлению жизни. Это в полной мере относится к языковой концептуализации понятия «грех» в национальном сознании.

В описании концептуального содержания того или иного концепта необходимо включать данные, извлечённые из анализа его **внутренней формы (этимологии)**. Так, внерелигиозный, бытовой, «приземлённый» семантический компонент во внутренней форме «грех» унаследован из общего праславянского и праиндоевропейского языка-источника. В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера слово связывается с *греть* с первоначальным значением 'жжение (совести)'. Ещё один ряд этимологических сближений связывает слово «грех» с литовским *graijas* 'косой', включая элементы *groikso- или *groiso- 'изгиб, кривизна'. Возможно, сходными по происхождению являются такие слова как *гроза*, *грёза* [8].

П. Я. Черных в «Историко-этимологическом словаре современного русского языка» возводит *грѣхъ* к праславянскому *groi-s-us 'заблуждение, путаница, ошибка'; ср. *сзгрѣза* 'ошибка', ср. *грёза*, *грозы* ← лит. *graižty* 'вертеть, крутить, сверлить'; *graižus* 'скрученный, изогнутый, искривлённый' [10].

Таким образом, мы можем выделить идею искривления, сгибания, т. е. нарушения первоначального состояния чего-л., которое перешло через метафору в идею заблуждения, ошибки, путаницы, своего рода искривления, сворачивания с прямого пути. Отметим, что указанное нарушение чего-л. не обязательно связано с сознательными действиями субъекта; это любое нарушение, отклонение от прямого пути по любым причинам или основаниям, и даже без причин.

В предыдущих работах мы определили семантический объём концепта «грех» по данным основных толковых словарей русского языка и выявили 11 когнитивных признаков данного концепта.

1. Нарушение действием, словом или мыслью воли Бога (поступок, противный закону Божию).
2. Нарушение религиозных предписаний, правил.
3. Состояние (чувство, ощущение) вины перед Богом.
4. Нарушение предписаний, правил нравственности.
5. Проступок, преступление.
6. Ошибка.
7. Состояние (чувство, ощущение) вины.
8. Порок, недостаток.
9. Беда, несчастье.
10. Состояние греховности = ощущение неправильности, предосудительности (своих действий).
11. Распутство.

В этом списке на 4 собственно религиозных аспекта греховности приходится 7 светских.

Дальнейший анализ показал развитие светских компонентов содержания концепта «грех» в его языковой экспликации. Так, показательными являются случаи, когда сочетаемость слова «грех» приводит к его семантическим преобразованиям по типу контекстуальной метафоризации и метонимизации.

С точки зрения принадлежности к лексико-грамматическому разряду в системе языка, слово «грех» относится к категории абстрактных существительных — 'состояние'; хотя возможна конкретизация в значении '(конкретный) поступок'. В когнитивной лингвистике (Дж. Лакофф, Р. Лангакер, Р. Джекендофф и др.) давно отмечается, что абстрактные понятия в наивной картине мира, которую репрезентирует система естественного языка, всегда подлежат конкретно-чувственному переосмыслению. Этот процесс получил название *реификация* (овеществление абстракции). Другая сторона этого явления — *одушевление* (рассмотрение неодушевлённой сущности как одушевлённого объекта). Базой такого овеществления или одушевления выступает концептуальная метафора [3].

Языковая экспликация концепта «грех» в ряде контекстов демонстрирует примеры метафорической реификации. Так, нами обнаружены случаи перехода абстрактного существительного «грех» в лексико-грамматический разряд конкретных существительных:

1) по модели 'абстрактное понятие → конкретный предмет, вещь', в сочетании с глаголами конкретного физического действия: *закапывать старые грехи*; *грех на совести лежит*; *греха не видеть*; ср. также в сочетании *грех пополам*; в этом случае «грех» осмысливается как вещь, продукт, вообще как чувственно воспринимаемый предмет, с которым можно производить разнообразные конкретные действия;

2) по модели 'абстрактное понятие → среда или вместилище': *впасть [погрузиться] в грех*; *жить в грехе*; *погрязнуть в грехе*; «грех» здесь представлен в виде среды, в которую погружается субъект действия;

3) по модели 'абстрактное понятие → вещество, субстанция': *вкусить греха (грех)*.

Встречаются контексты, в которых «грех» подвергается метонимическому одушевлению: словом «грех» именуется одушевлённый источник греха: *грех попутал* = *чёрт / бес попутал*; «грех» выступает как одушевлённый агент — активный субъект действия: *грех рождает смерть*, — или как объект действия, в область применения которого в норме входит одушевлённое существо: *убить грех*.

Сама возможность овеществления или одушевления абстрактного существительного является обычной для «наивной картины мира» (Ю. Д. Апресян), и подобные контексты свидетельствуют об определённой «приземлённости» в трактовке греха в обыденном сознании носителей языка, об актуализации и обогащении внерелигиозного компонента его концептуального содержания.

Также показательны в аспекте интересующей нас проблемы десакрализации и дериваты слова «грех». Так, только внерелигиозный компонент смысла имеет стилистически окрашенное прилагательное *небезгрешный* с явной отрицательной оценочностью и стилистически ограниченным употреблением (ср. модель *известный* → *безизвестный* → *небезизвестный*): '(разг. фам.). 1. Достаточно греховный, не невинный. 2. Незаконный, неправильный': **Небезгрешные** *доходы* (взятки). Здесь выявляется новый оттенок смысла, потенциально могущий рассматриваться как когнитивный признак — 'что-то неправильное, незаконное'.

Только внерелигиозный компонент, соответствующий КП 'вина, ошибка' реализуется в предикативной, краткой форме прилагательного *грешен* (разг. виноват, повинен): *Друг Дельвиг, мой парнасский брат, Твоей я прозой был утешен, / Но признаюсь, барон, я грешен: / Стихам я больше был бы рад* (Пушкин, Дельвигу) [6].

То же можно сказать о категории состояния *грешно* в сочетании с инфинитивом в роли сказуемого в безличном односоставном предложении, которая реализует значение: '(разг.). Предосудительно, стыдно, нехорошо': **Грешно** *вам так говорить!* — Отметим, что оба слова имеют ограничения в употреблении: они присущи только разговорной речи, что ещё раз подтверждает нашу мысль о преимущественно светском понимании греха в народном мироощущении.

Десакрализованное, светское понимание греха как человеческой слабости, а также шутливое, т. е. несерьёзное отношение к нему проявляет себя также в деривате с уменьшительно-ласкательным суффиксом *грешок*: *мелкие грешки, простительные грешки*.

Расширение объёма концептуального содержания «грех» проявляет такой дериват, как *погрешность*. Это слово реализует представление о грехе как о некоей неправильности в общем смысле слова — 'ошибка, неправильность, неточность, допущенная кем-л. в чём-л.': **погрешность** *в вычислениях; стилистические погрешности*, — и потому распространяет это понимание на неодушевлённые предметы, вещи — 'недостаток, изъян в работе какого-л. механизма, устройства и т. д.' [5]: **погрешности** *в моторе трактора*. Иными словами, «грешить» могут даже неодушевлённые объекты, что приводит к максимуму десакрализованности в понимании этого концепта в обыденном сознании.

Итак, десакрализованное представление о грехе обнаруживается в понимании греха как простительной человеческой слабости (*грешок*), что, в свою очередь, обуславливает оттенок несерьёзного, шутливого отношения к греху, отражённый в разнообразных словарных пометах.

Десакрализация греха в обыденном сознании носителей языка проявляется также в его речевой реализации в устойчивых моделях сочетаемости по данным фразеологии и паремиологии.

Так, фразеологические единицы фиксируют и новые оттенки концептуального содержания «грех», не отмеченные в словарях или не акцентированные в них полноценным образом. Все эти новые когнитивные признаки имеют отчётливо выраженный внерелигиозный, десакрализованный характер. Это, например, непредметное, общеоценочное значение 'что-то плохое, неправильное': *С грехом пополам* — только в значении: 'Кое-как; едва-едва, с трудом'. **Грех** *сказать, чтобы...* — 'нельзя сказать, неверно было бы утверждать, упрекать'.

Значение обмана: *С грехом пополам* — только в значении: б) 'Нечестно; с обманом, сомнительными путями'; ср. в словаре А. И. Молоткова: '2. Устар. Сомнительным путём, неблагоприятным способом, нечестно, с обманом' [9]. *Брать, взять грех / греха на душу* — только в третьем значении 'допускать обман, ложь'.

Значение состояния раздражения, досады: *Вести, вводить кого в грех* — только в значении: 'Сердить, раздражать'. *И смех и грех* (разг.) — только в значении 'смешно и досадно'.

Значение грусти, печали: *И смех и грех* = *И смех и горе* — в словаре А. И. Молоткова: 'Одновременно смешно и грустно, весело и печально; трагикомично' [9].

Пословицы и поговорки часто актуализуют десакрализованные компоненты в понимании греха. Так, очень важным представляется развитие значения «грех» в плане эстетическом — 'о ком-то некрасивом, физически непривлекательном': *Как смертный грех* (страшен, некрасив кто-н.) — '(разг.) очень страшен, некрасив'.

Отметим, что пословица чаще всего употреблялась в отношении лиц женского пола. Об этом писала Л. Г. Панова: «Более интересен случай, когда итальянский и русский языки сходятся в эстетической оценке греха — *Страшна, как смертный грех / Brutta come il peccato* (в итальянской поговорке нет определения «смертный», но вместо него стоит определённый артикль, передающий грех как родовое понятие); имеется аналог этой пословицы и в английском языке, *ugly as sin*» [4, с. 177]. Это, очевидно, связано с легендой о грехопадении Евы, что в народном миропонимании обусловило представление об изначальной греховности женской природы. Ср. пословицу: *Адам плотью наделил, Ева — грехом*.

В целом, языковая экспликация концепта «грех» обнаруживает стремление к десакрализации этого понятия, к шутливому, обытовлённому, сниженному его истолкованию, что можно рассматривать как отражение «карнавализации» [1] или «анти-поведения», также имеющего ритуальный смысл мены старых норм отношения к миру и поведения на новые [7].

С другой стороны, стремление осмыслить в терминах «греха» самые разнообразные бытовые, светские проявления психологической, социальной и моральной жизни и даже неодушевлённые предметы

и артефакты может свидетельствовать о своеобразном «практическом идеализме» русского народа, о такой черте семантического универсума русского языка, которую А. Вежбицкая определяет как «моральная страстность», т. е. тяготение к категорическим моральным суждениям по поводу и без повода [2].

Литература

1. *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса : монография / М. М. Бахтин. — 2-е изд. — М. : Худ. лит., 1990. — 543 с.
2. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая ; [отв. ред. и сост. М. А. Кронгауз]. — М. : Рус. словари, 1997. — 412 с.
3. *Лакофф Дж.* Метафоры, которыми мы живём : [пер. с англ.] / Дж. Лакофф, М. Джонсон. — М. : Едиториал УРСС, 2004. — 256 с.
4. *Панова Л. Г.* Грех как религиозный концепт (на примере русского слова «грех» и итальянского «peccato») / Л. Г. Панова // Логический анализ языка. Языки этики. — М. : Языки рус. культуры, 2000. — С. 167–177.
5. *Словарь русского языка* : в 4 т. / [ред. А. П. Евгеньева]. — М. : Рус. яз., 1985. — Т. 1.
6. *Словарь современного русского литературного языка* : в 17 т. — М. ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1958. — Т. 8.
7. *Успенский Б. А.* Избранные труды. Т. I. Семиотика истории. Семиотика культуры / Б. А. Успенский. — М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. — 608 с.
8. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; [пер. с нем. и доп. чл.-кор. АН СССР О. Н. Трубачёв ; ред. и авт. предисл. проф. Б. А. Ларин]. — М. : Прогресс, 1986. — Т. 1.
9. *Фразеологический словарь русского языка* / [сост.: Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков (ред.), А. И. Фёдоров]. — М. : Сов. энцикл., 1968.
10. *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / П. Я. Черных. — М. : Рус. яз. — Медиа, 2006. — Т. 1.

References

1. *Bakhtin M. M.* Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekovya i renessansa : monografiya / M. M. Bakhtin. — 2-e izd. — M. : Khud. lit., 1990. — 543 s.
2. *Vezhbickaya A.* Yazyk. Kul'tura. Poznaniye / A. Vezhbickaya ; [otv. red. i sost. M. A. Krongauz]. — M. : Rus. sloviri, 1997. — 412 s.
3. *Lakoff D.* Metafory, kotorymi my zhiv'om : [per. s angl.] / D. Lakoff, M. Dzhonson. — M. : Editorial URSS, 2004. — 256 s.
4. *Panova L. G.* Grekh kak religioznyy concept (na primere russkogo slova «grekh» i italyanskogo «peccato») / L. G. Panova // Logicheskiy analiz yazyka. Yazyki etiki. — M. : Yazyki rus. kul'tury, 2000. — S. 166–167.
5. *Slovar' russkogo yazyka* : v 4 t. / [red. A. P. Yevgenyeva]. — M. : Rus. yaz., 1985. — T. I.
6. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* : v 17 t. — M. ; Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1958. — T. I.
7. *Uspenskiy B. A.* Izbrannyye trudy. T. I. Semiotika istorii. Semiotika kul'tury / B. A. Uspenskiy. — M. : Shkola «Yazyki russkoy kul'tury», 1996. — 608 s.
8. *Fasmer M.* Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka : v 4 t. / M. Fasmer ; [per. s nem. i dop. chl.-kor. AN SSSR O. N. Trubachev ; red. i avt. predisl. prof. B. A. Larin]. — M. : Progress, 1986. — T. I.
9. *Frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka* / [sost.: L. A. Voynova, V. P. Zhukov, A. I. Molotkov (red.), A. I. F'odorov]. — M. : Sov. encikl., 1968.
10. *Chernykh P. Ya.* Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka : v 2 t. / P. Ya. Chernykh. — M. : Rus. yaz. — Media, 2006. — T. I.

САЙГІН Вадим Вікторович,

кандидат філологічних наук, проректор з економічного розвитку та АГР Нижегородського державного університету імені Н. І. Лобачевського; Нижній Новгород, Росія;
e-mail: sekretar@ahch.unn.ru; тел.: +7 (831) 4623005; моб.: +7 905 6616032

ДЕСАКРАЛІЗАЦІЯ КОНЦЕПТУ «ГРІХ» У НАЦІОНАЛЬНІЙ СВІДОМОСТІ (за даними сучасної російської мови)

Анотація. Статтю присвячено проблемі десакралізації концепту «гріх» у повсякденній свідомості носіїв російської мови, що відбивається як у системно-мовних значеннях слова «гріх», так і в особливостях його мовної реалізації в різних контекстах вживання. Під десакралізацією розуміємо стилістичне зниження слів, які виражають високі духовні й релігійно-моральні поняття. Це відображає загальну тенденцію до зниження ціннісного регістра високих понять при переході їх з релігійного комунікативного середовища у світське комунікативне оточення. Явище десакралізації розглянуто на прикладі функціонування концепту «гріх» у сучасній російській мовній свідомості. Матеріалом для аналізу виступають основні російські словники і дані Національного корпусу російської мови. Доведено, що десакралізація концепту «гріх» на рівні лексичного значення слова виявляється у розумінні гріха як пробачної людської слабкості, а в конотативній сфері вона виявляється у набутті цим словом контекстуальної позитивної оцінності, яка зумовлює відтінок несерйозного, жартівливого ставлення до гріха. Таке ставлення до гріха відображає сучасні реалії бездуховного споживачього суспільства.

Ключові слова: концепт «гріх», десакралізація, мовна експлікація, російська мова.

Vadim V. SAIGIN,

PhD (Philological Sciences), Vice-Rector for Administrative and Logistical Affairs of the N. I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod; Nizhni Novgorod, Russia;
e-mail: sekretar@ahch.unn.ru; tel.: +7 (831) 4623005; моб.: +7 905 6616032

DESACRALIZATION OF THE CONCEPT «GREKH» («SIN») IN NATIONAL CONSCIOUSNESS (according to the data of the Modern Russian language)

Summary. The article is devoted to the problem of *desacralization* of the concept «grekh» («sin») in ordinary consciousness of native speakers, which is reflected both in system-linguistic meaning of the word «grekh» («sin») and in its speech realization in different contexts. The author treats *desacralization* as stylistic decrease of words which primarily expressed high spiritual, religious and moral values. It reflects the general tendency to decrease the level of high value of terms in their transition from religious communicative sphere into the worldly one. The phenomenon of «desacralization» is analyzed on the example of the

concept «grekh» («sin») functioning in Modern Russian national language consciousness. Main Russian vocabularies and the data of Russian National Corpus come out as sources of the material for analysis. It is proved, that desacralization of concept «grekh» («sin») is expressed in understanding of a sin as excusable human weakness within lexical meaning of the word. In connotational sphere it possesses contextual positive evaluation because it has a shade of light-hearted attitude to sin, which reflects modern realia of our spiritually deprived consumer society.

Key words: concept «grekh» («sin»), desacralization, language explication, the Russian language.

Статью получено 28.05.2014 г.

УДК [811.161.1+811.512.161+811.415.323]’373.74:398.9:351.778.3

НАЙМУШИНА Татьяна Алексеевна,

кандидат филологических наук, доцент подготовительного факультета для иностранных граждан Астраханского государственного технического университета; Астрахань, Россия;

e-mail: naimtat@mail.ru; тел.: 007 (8512) 544393; моб.: +7 8 960 8618814

ВОДА В РУССКОЙ, ТУРЕЦКОЙ И СОМАЛИЙСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА (на материале пословиц и поговорок)

Аннотация. Каждая культура имеет свой набор образов, среди которых встречаются образы, общие для многих народов. Одним из таких общих образов является образ воды — один из базовых элементов менталитета трёх разных народов: русского, турецкого и сомалийского. Паремии с ключевым словом «вода» отражают народное мнение о жизни, приоритетных ценностных ориентирах, принятых в русской, турецкой и сомалийской лингвокультурных общностях.

Ключевые слова: пословица, поговорка, языковая картина мира, образ, русский язык, турецкий язык, сомалийский язык.

Национальное восприятие мира, отражённое в языке, представляет языковую картину народа. Такая «картина мира», т. е. то, как человек номинирует окружающие его объекты, на что обращает внимание, какую дает им оценку, существует в сознании каждого представителя языкового сообщества и через субъективную систему взглядов отражает национальный менталитет.

Каждый народ, имея свой исторический опыт, творит оригинальную языковую картину мира, в которой особое место занимают пословицы и поговорки, можно даже говорить о «пословичном проявлении менталитета» разных народов [2, с. 35]. Паремии отражают народное мнение о жизни, приоритетных ценностных ориентирах, принятых в данной лингвокультурной общности. Пословицы и поговорки изучаются с разных ракурсов, многоаспектно, в том числе, с точки зрения языковой прагматики, т. е. коннотативного аспекта. «Этот аспект приобретает особую значимость при сопоставлении разных языков и культур, ибо он помогает выявить собственно-национальное на фоне межъязыкового, универсального» [3, с. 89].

Каждая культура имеет свой набор образов, среди которых встречаются образы, общие для многих народов. Одним из таких общих образов является образ воды — один из базовых элементов менталитета трех разных народов: русского, турецкого и сомалийского. Нами сделаны выборки паремий с компонентом «вода» из словаря В.И. Даля «Пословицы русского народа» [1], из сборника «Сомалийские пословицы и поговорки» [6] и из турецкого словаря пословиц и поговорок «Atasözleri Deyimler ve Özdeyişler» [8], привлекался также материал от носителей турецкого языка.

Вода в представлениях столь разных народов обладает безусловной значимостью для жизни человека, что определяет частотность ключевого слова «вода» в русских, турецких и сомалийских паремиях. В словаре В.И. Даля оно употребляется в 500 паремиях; в сборнике сомалийских пословиц и поговорок в 50 единицах (из 1001), в нашей турецкой картотеке насчитывается 30 единиц; слово семантически «нагружено».

Компонент «вода» служит источником порождения определённых семантических коннотаций, в значительной степени схожих в паремиях всех трех языков. Реалия, обозначенная словом «вода», в русских паремиях включена в большое количество ситуаций и характеризуется наличием определённого объёма значений. Все паремии со словом «вода» можно разделить на несколько семантических групп, включающих в себя следующие концептуальные признаки: 1) стихия, природное явление; 2) пищевой продукт, питьё, напиток; 3) предмет приложения усилий, труда; 4) средство очищения, 5) текущая вода — течение времени; 6) вода что-то приносит с собой; 7) наличие воды в данном месте приводит к определённым последствиям.

Лексема «вода» со значением ‘стихия’ в русских пословицах и поговорках часто несёт отрицательные коннотации. Вода в сознании русского человека представляется как стихийное бедствие, поэтому в паремии слово *вода* часто рифмуется со словом *беда*: *Где вода, тут и беда; От воды всегда жди беды; Огонь — беда, и вода — беда; а без огня и воды — и нище беды; Жди горя с моря, беды от воды; Пришла беда, разлилась вода: переждать нельзя, а стоять не велят; Огонь да вода — нужда да беда; Беда — что с гор вода.* В наших климатических условиях воды всегда было много: тая-

ние снега вызывало разливы рек, речушек и ручейков. Во время весенних разливов водой сносило мосты и переправы, когда вода уходила, появлялись овраги и промоины. Вода имеет большую, часто разрушительную, силу. И это находило отражение в паремиях: *И царь воды не уймёт; Вода путь найдёт; Огнём вода ключом кипит, а водою и огонь заливают; Вода и землю точит и камень долбит; Силён, как вода, а глуп, как дитя; Вода камень точит*. Ср. в турецком языке: *Su akar yolunu bulur*. Вода находит свой путь (т. к. вода обладает огромной силой).

Вода таит опасность, скрывает в своей глубине нечто неизвестное. А неизвестное пугает или вызывает опасение. В воде, по поверьям, живёт всякая нечисть, в том числе, и черти; об этом прямо говорится в пословице: *Работа не чёрт, в воду не уйдёт*. Как отмечает О. А. Черепанова: «В общерусских, особенно северных мифологических представлениях вода является основным местом обитания чёрта, в записях говорю: *Чёрт только в воде живёт, а в болотах он не живёт, В воде чёрт живёт*» [7, с. 34]. Поэтому звучат предостережением следующие пословицы и поговорки: *Тихие воды глубоки; Не зная броду, не суйся в воду; Тихая вода берега подмывает (и плотины рвёт); Тиха вода, да от неё подтоп живёт; Вода всё кроет и берег роет; В тихом омуте черти водятся; В земле черви, в воде черти, в лесу сучки, в суде крючки — куда уйти!* В таких паремиях наблюдается имплицитное или эксплицитное противопоставление: *тихий — опасный*.

В турецких паремиях: *Dibi görünmeyen sudan geçme*, что значит буквально: Не переходи реку, dna которой не видно. Ещё одна турецкая пословица: *Adamın yere bakanından, suyun sessiz akanından kor*, буквально: Опасайся беспшумно текущей воды и человека, который не поднимает глаз. Как нам известно, по турецким поверьям, в силу своей исключительной ценности, вода не может быть местом обитания нечистой силы.

Интересно, что, по наблюдениям М. В. Порхомовского, в турецких пословицах и поговорках лексема «вода», во-первых, также обладает частотностью (104 употребления, по его подсчётам), а во-вторых, является символом безусловной ценности в условиях жаркого сухого климата и постоянного дефицита воды: *Hiyar akçesiyle alinan eşegin ölümü sudan olur*. Дешёвый осёл умирает от воды (т. е. от чего-то хорошего, от чего умереть нельзя) [5, с. 29].

Значение «стихия» слова «вода», по нашим наблюдениям, для сомалийских пословиц и поговорок также характерно, но в отличие от русских паремий, оно не несёт отрицательных коннотаций, что вполне объяснимо особенностями жаркого климата: воды мало. Хотя в период дождей ручьи разливаются так сильно, что иногда сомалийцам приходится сооружать земляные насыпи (дамбы). См., например: *Biyo intayasan ku soo gaarin ayaa layska moosaa*. — Отгородись от воды, пока она не разлилась [т. е. пока она не залила тебя и твоё хозяйство]. Но всё-таки в сознании сомалийца вода — это благо. Дождь в представлении сомалийцев ассоциируется с благодатью. Например: *Na-bar roob uu da'ay meel kasta ramaas bay mooddaa*. Когда над старухой идёт дождь, она думает, что зеленеет повсюду [т. е. когда человеку хорошо, он не думает о несчастных других]. *Meel mir ku da'ay mooro kuma baaba'do*. Там, где прошёл дождь, загон не развалится [т. е. оттуда не откочуют животные].

В сомалийских пословицах вода (или дождь) манифестирует «хорошее» и вступает в антонимические отношения «хорошее» — «плохое», например: (дождь — засуха; дождь — туман) *Inta jiilaal loo adkeysto jir roob looma adkeysto*. — Длительную засуху выдержать легче, чем длительный дождь [т. е. даже хорошее в избытке — это плохо]. *Meeshii circa laga fileyey yaa ciiryaamo ka timid*. — Откуда ждали дождя, оттуда пришёл туман. Ср. русские: *Ждали обозу, а дождались навозу. Вместо калача да кучкиш*. Если дождь и приводит к каким-то негативным последствиям, то они не столь серьёзные. Например: *Roob waa raaxo, waana rasi*. — Дождь — и благо, и грязь.

Для паремий всех трёх языков характерно противопоставление проточной (чистой) воды стоячей (грязной) воде. Ср.: тур. *Akan su yosun (pislik) tutmaz*. (Проточная вода грязной не станет). — Сом. *Biyo fadhiiya biyo socdaa kiciya*. (Стоячую воду приводит в движение текущая вода). — Русск. *Стоячая вода гниёт (киснет)*.

Лексема «вода» в значении «питьё» в русских пословицах и поговорках часто противопоставляется вину или мёду (напитку), а также квасу и молоку как менее ценное более ценному: *Лаком гость к мёду, да пить ему воду; Лучше воду пить в радости, чем мёд в кручине; И худой квас лучше хорошей воды; Корова на дворе, а вода на столе; Часом с квасом, а порой с водой*. Иногда это противопоставление скрытое: *У князя были, да воду пили; Пьёшь и воду: не барского роду*. Вода может противопоставляться твёрдой пище как более ценной: *Хорошуйка на водуйке, дурнышка на яичках; Без хлеба на воде ноги жидки*. В то же время, вода как питьё имеет неоспоримую ценность, ибо без воды нет жизни: *Не корми блином, напои прежде водой!* Очень выразительно о ценности воды сказано в турецкой пословице: *Один глоток воды стоит семи шагов пути*.

Однако в большинстве случаев вода не противопоставляется хлебу, а по значимости равняется ему: *Покуда есть хлеб да вода, всё не беда; Что за беда (то не беда), коли пьётся вода; Хлеб да вода — крестьянская (бурлацкая, казацкая, солдатская, мужицкая) еда*.

В сомалийской пословице встречаем подобное противопоставление воды молоку: *Ninkii dhaydiisu deeqdo biyo kuma barxo*. — У кого молока вдоволь, тот не развлекает его водой. В турецкой пословице вода противопоставляется мёду: *Dostunun yanındaki su, düş maninin yanındaki baldan daha iyidir*. — Лучше вода у друга, чем мёд у врага.

Вода для русского человека — нечто обыденное, то, чего в избытке вокруг, а потому не особенно ценное. Но за водой приходится ходить: носить, возить воду — образы тяжёлой повседневной работы: *Кляча воду возит, а козёл бородой потряхивает; На сердитых воду возят; Велик верблюд, да воду*

возит; мал соболю, да на голове носят; Кто в кони пошёл, тот и воду вози; На отце воду важивали, так к сыну с хомутом не ходи (так сыну хомута не кажи); Не в том сила, что кобыла сива, а в том, чтобы воду возила.

Сравните схожие образные представления о тяжёлой работе, отражённые в турецких пословицах: *Eşeği düğüne çağırmışlar. Demiş: «Ya odun eksik, ya su»* (Ишака звали на свадьбу. Сказали: «И дров нет, и воды»). Ишака пригласили на свадьбу потому, что нужно было возить дрова и воду, т. е. выполнять тяжёлую работу. Ещё одна интересная поговорка зафиксирована нами: *Düğününde kalburla su taşımak*. — На свадьбу воду на горбе таскать, т. е. для молодожёнов или для друзей сделать любую работу, даже самую тяжёлую. Ср. с сомалийской пословицей: *Ceel nin tooxsaday isna ki caddiban, ciidna ta sokana*. — Если воду из колодца достанешь один — и из сил выбьешься, и скот не напоишь. *Обычно эту работу выполняют несколько человек одновременно.

Носить воду неподходящим предметом в неподходящее место, лить воду туда, где её много — символы пустого, ничемного занятия у многих народов мира. Подтверждением являются следующие русские поговорки: *В лес дров не возят, в колодезь воды не льют; Бездонную кадку водой не наполнить; Дурака учить (С дураком говорить) — решетом воду носить; В худого коня корм тратить, что в худую кадушку воду лить; Неразумного учить — в бездонную кадку воду лить*. В сомалийской паремии встречаем аналогичный образ: *Bad biyo laguma beero*. — В море воду не льют [Букв.: не сеют]. В турецкой поговорке о бесполезном занятии: *Suyu mizrakla delmek* (Букв. Дыривать воду копьём).

Течение воды ассоциируется с течением времени: *Пора — проточная вода; Уплыли годы, как весенние воды. В русский час много воды утечёт (сейчас); Пока травка подрастёт, воды много утечёт; Много воды утекло с тех пор*. Ср. в турецком языке: *Su, başında kesilir*. — Остановить воду в самом начале, т. е. зарубить что-либо на корню. *Su akar göz bakar*. — Всё течёт, всё изменяется (букв.: Вода течёт, глаз смотрит).

Вода — носитель информации — у русского народа, как и у многих других, играла важную роль в различных обрядах очищения, освобождения от чего-то плохого. Воду заговаривали, а потом больных spryskivali, умывали заговорённой водой с особыми приговорами, чтобы те выздоровели. Вода принимала на себя информацию о болезни, и вместе с водой уходила болезнь. В словаре пословиц В. И. Даля мы находим такие приговоры: *С гуся вода, с лебедя вода, а с тебя, моё детятко, вся худоба. Вода бы книзу, а сама б ты кверху (в бане)*; пожелание: *Будь здорова, как вода, богата, как земля, плодovitа, как свинья*. Вспомним, кстати, что в русских сказках есть мёртвая вода, от которой затягиваются раны, срastaются конечности, и живая вода, от опрыскивания которой человек возвращается к жизни, оживает. В языке существуют фразеологические единицы про живую и мёртвую воду: *мёртвой и живой воды добыть; как живой водой сбрызнуть*. В поговорках остались следы старинных верований, что вода обладает очищающей силой: *Лейся беда, что с гуся вода; С него всякая беда, как с гуся вода*. На основе этих поговорок были образованы идиомы: 1) *как с гуся вода* (с кого) — 'не восприниматься, не иметь последствий' (о каких-либо неблагоприятных воздействиях на кого-либо), 2) *'как с гуся вода* (с кого)' — 'не восприниматься кем-либо, не воздействовать на кого-либо' (о внушениях, порицаниях, угрозах или наказаниях) [4, с. 99].

Вода во всех мировых религиях играет важную роль в обрядах очищения. В христианстве погружение в воду при таинстве крещения символизирует смерть Христа и его сошествие в ад. А следующий выход из воды символизирует его исход из ада. Совершая таинство крещения, крещаемый соединяется со Христом и благодаря этому освобождается от грехов. Общеизвестно, что у мусульманских народов перед молитвой омывают водой ступни ног, руки и лицо. Интересно, что в Турции существует поверье: чтобы очиститься от грехов, нужно обязательно съездить на водопад.

В старину существовал обычай: что плывёт по воде, то можно выловить из воды и взять себе. Это не было предосудительно, не рассматривалось как кража. Считалось: что приходит по воде, то даёт бог. Например: *Что по воде плывёт, то бог даёт; Что на воде плывёт, всего не переимёшь; Не всё перенять, что по воде плывёт*.

Присутствие воды в данном месте связано с произрастанием определённых видов растений. Эти наблюдения людей нашли отражение в паремиях: *Зелена трава — недалече (не глубоко) вода; Где вода, там и верба; где верба, там и вода*. После того, как вода ушла, остаются следы: *Нанос укажет, где вода была*. В турецкой пословице: *Su gider tozu kalir*. — Поток уходит, песок остаётся.

Таким образом, самая большая семантическая группа «вода как стихия, природное явление» в русских паремиях нагружена отрицательными коннотациями: вода — разрушительная, губительная для человека стихия, место обитания нечистой силы. В этом состоит основное отличие русских пословиц от турецких и сомалийских, для которых отрицательные семантические ассоциации с водой не характерны в силу особенностей жаркого, сухого климата; к этому же можно добавить различия в верованиях, обычаях. Русские верят, что нечистая сила, чёрт обитает именно в воде, но это абсолютно не характерно для турецкой и сомалийской картин мира.

Языковая картина мира у столь разных народов, на примере пословиц и поговорок с компонентом «вода», имеет как совпадения, так и различия. Совпадения объясняются безусловной ценностью, которой обладает вода для жизни человека. Без воды нет жизни. Различия обусловлены, прежде всего, природными условиями, а также историей народа, его обычаями, традициями, верованиями и ценностными системами. Наряду с общечеловеческими образами-символами типа «вода», у каждого народа имеются национально-специфические символы, отражающие особенности идиоэтнического мировосприятия.

Литература

1. *Даль В. И.* Пословицы русского народа : в 2 т. / В. И. Даль. — М. : Худ. лит., 1984.
2. *Иванова Е. В.* Пословичная концептуализация мира (на материале английских и русских пословиц) : дис. ... д-ра филол. наук / Е. В. Иванова. — С.Пб., 2003. — 415 с.
3. *Мокиенко В. М.* О коннотативном потенциале традиционных названий некоторых профессий / В. М. Мокиенко // Вестник Челябинского государственного университета. — 2011. — № 24 (239) : Филология. Искусствоведение. — Вып. 57. — С. 88–91.
4. *Огольцов В. М.* Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимно-антонимический) / В. М. Огольцов. — М. : Рус. словари, 2001. — 800 с.
5. *Порхомовский М. В.* Язык турецких пословиц (грамматический и лексический аспекты) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. В. Порхомовский. — М., 2009. — 42 с.
6. *Сомалийские* пословицы и поговорки. На сомалийском и русском языках с русскими соответствиями / сост., пер., предисл. и прим. Г. Л. Капчица. — М. : Гл. ред. вост. лит., 1983. — 284 с.
7. *Черепанова О. А.* Мифологическая лексика русского Севера / О. А. Черепанова. — Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1983. — 240 с.
8. *Özşahin H.* Atasözleri Deyimler ve Özdeyişler. Ata dersanecilik, kitapçılık, yayıncılık, matbaacılık eğitim, turizm, inş. / Hilal Özşahin, Mehmet Uluçay, Raşit Yetim. — Ankara : San. Tic. Ltd. Ş. — 336 p.

References

1. *Dal' V. I.* Posloviцы russkogo naroda : v 2 t. / V. I. Dal'. — M. : Hud. lit., 1984.
2. *Ivanova E. V.* Poslovichnaja konceptualizacija mira (na materiale anglijskih i russkih poslovic) : dis. ... d-ra filol. nauk / E. V. Ivanova. — SPb., 2003. — 415 s.
3. *Mokienko V. M.* O konnotativnom potenciale tradicijnyh nazvanij nekotoryh professij / V. M. Mokienko // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2011. — № 24 (239) : Filologija. Iskusstvovedenie. — Vyp. 57. — S. 88–91.
4. *Ogol'cov V. M.* Slovar' ustojchivyh sravnenij russkogo jazyka (sinonimo-antonimicheskij) / V. M. Ogol'cov. — M. : Rus. slovari, 2001. — 800 s.
5. *Porhomovskij M. V.* Jazyk tureckih poslovic (grammaticeskij i leksicheskij aspekty) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / M. V. Porhomovskij. — M., 2009. — 42 s.
6. *Somalijskie* posloviцы i pogovorki. Na somalijskom i russkom jazykah s russkimi sootvetstvijami / [sost., per., predisl. i primech. G. L. Kapchica]. — M. : Gl. red. vost. lit., 1983. — 284 s.
7. *Cherepanova O. A.* Mifologicheskaja leksika russkogo Severa / O. A. Cherepanova. — Leningrad : Izd-vo LGU, 1983. — 240 s.
8. *Özşahin H.* Atasözleri Deyimler ve Özdeyişler. Ata dersanecilik, kitapçılık, yayıncılık, matbaacılık eğitim, turizm, inş. / Hilal Özşahin, Mehmet Uluçay, Raşit Yetim. — Ankara : San. Tic. Ltd. Ş. — 336 p.

НАЙМУШИНА Тетяна Олексіївна,

кандидат філологічних наук, доцент підготовчого факультету для іноземних громадян Астраханського державного технічного університету; Астрахань, Росія;
e-mail: naimtat@mail.ru; тел.: 007 (8512) 544393; моб.: +7 8 960 8618814

**ВОДА В РОСІЙСЬКІЙ, ТУРЕЦЬКІЙ І СОМАЛІЙСЬКІЙ МОВНИХ КАРТИНАХ СВІТУ
(на матеріалі прислів'їв і приказок)**

Анотація. Кожна культура має свій набір образів, серед яких зустрічаються образи, спільні для багатьох народів. Одним з таких загальних образів є образ води — один з базових елементів менталітету трьох різних народів: російського, турецького та сомалійського. Паремії з ключовим словом «вода» відображають народну думку про життя, пріоритетні ціннісні орієнтири, прийняті у російській, турецькій і сомалійській лінгвокультурних спільнотах.

Ключові слова: прислів'я, приказки, мовна картина світу, образ, російська мова, турецька мова, сомалійська мова.

Tatyana A. NAIMUSHINA,

Candidate of Philology, Associate Professor of the Preparatory Faculty for Foreign Citizens of Astrakhan State Technical University; Astrakhan, Russia;
e-mail: naimtat@mail.ru; phone: 007 (8512) 544393; mob.: +7 8 960 8618814

**WATER IN RUSSIAN, TURKISH AND SOMALI LINGUAL WORLDVIEWS
(based on proverbs and sayings)**

Summary. Every culture has its own set of images; there are images, which are common for many peoples. One of these common images is the image of water — it is one of the basic elements of the mentality of three peoples: Russian, Turkish and Somali. The proverbs with the key word «water» reflect national perception of life and values, accepted in the Russian, Turkish and Somali lingual and cultural communities.

Key words: proverb, saying, linguistic worldview, key image, the Russian language, the Turkish language, the Somali language.

Статтю отримано 24.01.2014 р.

УДК 811.161.2'373.2:336.74

ОХРИМЕНКО Татьяна Владимировна,кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии Киевского национального лингвистического университета; Киев, Украина;
e-mail: tv.okhrim@mail.ru; тел. дом.: +38 (044) 2500168; моб.: +38-067 3035587**НАЦИОНАЛЬНО-ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА СКВОЗЬ ПРИЗМУ
НОМИНАЦИЙ ДЕНЕЖНЫХ ЕДИНИЦ**

Аннотация. В статье речь идёт о системе номинаций денежных средств, характеризующих украинскую национально-языковую картину мира — традиционную и современную. Понятие языковой картины мира опирается прежде всего на лексику историко-культурного, этнографического характера, к которой принадлежат и номинации денежных единиц, фиксирующие историю нации. Национально-языковая картина мира — это вербализованная интерпретация языковым социумом окружающего мира согласно национальным концептуально-структурным канонам, отражающим коллективное этническое сознание.

Современная украинская языковая картина мира явлена посредством обобщённых понятий *деньги* (как абстрактное наименование во многих языках оформляется из иностранных слов), *валюта* (национальная *гривна* или многочисленная иностранная), которые переосмысляются в системе метафорических тропов, имеют доминирующую пейоративную оценочность (исключение — номинация *евро*) и характеризуются антропоморфностью. Это свидетельствует о противоречивом и негативном отношении общества к теме денег, закономерно приобретающей в художественном оформлении персонифицированные свойства. Украинская традиционная языковая картина мира отражает конкретные номинации денежных средств — как аутентичных, самобытных и декоративных, близких актуальной национальной валюте и прочно связанных с культом семьи-рода, так и множественных чужеземных, использовавшихся для удержания территории подчинённого государства.

Концептуальная картина мира логически включает в себя языковую, но также целый ряд невербальных феноменов, сознательную и подсознательную сферы, логическое и алогичное мышление, научную концепцию и художественную рефлексию. Поэтому национально-языковые картины мира объединяются прежде всего в универсально-языковые, интегрирующие вербализованную информацию человека о мире. Так, денежные номинации разных этносов указывают на повсеместное использование в качестве денег металлов, обращённых в слитки.

Ключевые слова: украинская национально-языковая картина мира, традиционная и современная картины мира, универсально-языковая и концептуальная картины мира, денежные номинации, деньги, гривна, копейка, евро.

Деньги издавна интересуют учёных: историков, археологов, этнографов, культурологов, социологов, экономистов и иных исследователей из области общественных наук — как вещественные доказательства исторического развития народа, его экономической жизни и материальной культуры. В современном украинском социуме возрастает уровень прагматизма и индивидуализма, постулируются идеи доступа и контроля социальных благ, ресурсов, капитала [1, с. 218, 230; 14, с. 1], что, несомненно, вновь актуализирует обращение к денежным единицам и к их языковым номинациям.

Номинации денежных единиц как часть активного словаря носителя того или иного языка находятся в тесной связи с иными лексическими группами, представляющими языковую картину мира (ЯКМ) определённого сообщества. Так, вне устройства украинской ЯКМ тяжело представить функционирование номинации *гривна*, в то время как русская ЯКМ способна раскрыть семантическую полноту номинации *рубль*, и т. д. В связи с этим актуально высказывание авторов украинского словаря лингвистических терминов о том, что особенности ЯКМ отражает прежде всего лексика историко-культурного, этнографического характера [12, с. 38], к которой принадлежат и автохтонные номинации денежных средств, распространённые на территории проживания того или иного народа.

Знания о языковых картинах мира позволяют ориентироваться в современной системе глобализированных ценностей и сообществ. Поэтому не подлежит сомнению утверждение современных филологов о том, что ЯКМ — одно из наиболее важных понятий межкультурной коммуникации: отражённые в категориях и формах идиоэтнического языка целостные, многоаспектные представления определённой национальной лингвокультурной общности о строении, элементах, процессах действительности. Это изображение средствами языковой номинации человека, его внутреннего мира, действительности, природы [2, с. 72; 5, с. 15], пространства и времени, живой и неживой природы, социума [12, с. 37]. Это выраженное средствами определённого языка мировосприятие и миропонимание этноса, вербализованная интерпретация языковым социумом окружающего мира и себя самого в этом мире [3, с. 6; 4, с. 93].

Языковая картина мира в приложении к конкретному языку — всегда национально-языковая. Трудно согласиться с мыслью этнолингвистов о том, что ЯКМ стремится отражать «относительно объективное состояние вещей окружающего мира и внутреннего мира человека, то есть вообще картину (модель) мира как таковую» [5, с. 15]. На наш взгляд, языковая картина мира неповторима. Логично, что конкретная национально-языковая картина мира не только отражает реальный мир (точнее, его фрагмент, данный этносу в непосредственно-чувственном восприятии) и коллективное этническое сознание, которое сохраняет опыт предыдущих поколений и отражает реальный мир в поступательном процессе познания [3, с. 29]. Национально-языковая картина мира и сама воздействует на мышление носителей определённого языка и культуры [2, с. 72], так как является интерпретацией окружающего мира согласно национальным концептуально-структурным канонам [7, с. 368]. Таким образом, ЯКМ — это вербализованная интерпретация языковым социумом

окружающего мира согласно национальным концептуально-структурным канонам, отражающим коллективное этническое сознание.

В украинском языкознании существует мнение, что через проникновение в ЯКМ познаётся не только ментальность народа, его мифологическое мышление, но и проявление языковых форм, которые оттеняют универсальные логические законы человеческого мышления [4, с. 93]. Однако следует уточнить, что «отражение современного уровня развития научной интернациональной мысли, находящей своё выражение в классификациях и терминологиях конкретных наук» [3, с. 31], принадлежит сфере деятельности научной, или концептуальной, картины мира, единой для всех языковых коллективов.

В современной украинистике утвердилось мнение, что концептуальная картина мира (ККМ) порождается научным сознанием, тяготеет к объективному отражению реального мира, а языковая картина мира (ЯКМ) является результатом отражения действительности обычным, «наивным» сознанием [2, с. 71; 3, с. 31]. Последняя изменяется очень медленно, «сохраняя фрагменты наивного, часто алогичного знания о мире, сформировавшегося в период первичного языкового освоения действительности» [3, с. 31]. Стоит ли утверждать о «чистоте» научной мысли в ККМ и «вялой текучести» ЯКМ? На наш взгляд, более точное толкование предлагает автор труда о научно-художественной картине мира: «Концептуальная картина мира — это глобальная эмоционально-образно-символически-понятийная картина мира как органическое единство упорядоченных определённым образом мировидения, мировосприятия, мироощущения, миропонимания и вербальных, невербальных знаний. Поэтому ККМ не следует относить только к понятийной, научной или логической; она не только научная, но и собственно наивная и художественная рефлексия, проявляющая себя как на уровне сознательного, так и подсознательного. Понятийная же картина мира включает в себя и научно-понятийную, и наивно-понятийную» [6, с. 113].

Таким образом, концептуальная картина мира логически включает в себя языковую и не существует без неё. Именно языковая картина мира со своим индивидуально-этническим опытом по крупным создаёт глобальную систему знаний человечества. Понимание же самой ЯКМ опирается прежде всего (но не только) на лексику историко-культурного, этнографического характера, к которой принадлежат и номинации денежных единиц, характерные для истории определённой нации.

Существует большая историко-нумизматическая литература о денежной системе в Украине и в России, однако отражению денежных номинаций в национально-языковых картинах мира посвящены лишь отдельные работы лингвистов — либо занимающихся сферой конкретного подъязыка, либо погружённых в этимологию денежных наименований, либо рассматривающих их культурологическую сущность в контексте государственной политики.

Так, исследователи украинской терминологии финансового права отмечают принципиальную важность присутствия в языке тематической группы *деньги*, сформированной на основе понятия о материальной основе существования и функционирования финансов. Приоритетное право принадлежит обобщённой номинации *валюта*, затем следуют *ценные бумаги*, *акции*, *банкноты* [16, с. 9]. Ценными являются сведения лексикографов о том, что в современной финансовой терминологии выявляется огромное количество примеров синтаксических гнёзд, сформированных исключительно метафорическими обозначениями денежного оборота. К примеру, тематическая группа *валюта* распространяется в украинском языке образными определителями *блокована*, *конвертована*, *замкнена*, *колективна*, *м'яка*, *тверда*, *резервна*, *спадна*, *вільно плаваюча*, *ключова*, *стійка*, *базисна*, *керована* [8, с. 9]. Благодаря этому факту утверждают, что семантическая природа термина не противоречит наличию в нём экспрессивно-эмоционального пласта, что подобный пласт не искажает сущности термина, не мешает ему выполнять главную функцию — обозначать специальное понятие [8, с. 4]. Этим подтверждается мнение исследователей о том, что наиболее ярким выразителем мировидения народа, его картины мира считается лексика и особенно та её часть, которая создана способом метафорического переноса.

Рост фразеологических изысканий в лингвистике повлёк обращение ко всем пластам лексики, в частности к номинациям денег. Анализ семантики украинских и словацких фразеологизмов с компонентами-названиями денежных единиц показал, что целостное значение такой фразеологической единицы, несмотря на различие сопоставляемых языков, опирается прежде всего на переосмысленные значения — на метафору, метонимию, синекдоху, а сам нумизматический компонент часто выражает понятие *деньги* как таковые. (Вспомним, что в подъязыке финансов выделялась *валюта* как обобщённое терминопонятие.) Спецификой двуязычной семантики фразеологи называют её пейоративное доминирование и антропоморфность [13, с. 13-14], что можно пояснить противоречивым или даже негативным отношением общества к теме денег, закономерно приобретающей в художественном оформлении персонифицированные, часто очеловеченные свойства.

Не только усиление лингвистических акцентов, но и сама политическая ситуация в стране диктуют обращение к нумизматической номинации. Так, «европейский выбор Украины» как один из важнейших социально-политических векторов страны способствует расширению языкового поля влияния денежной номинации *евро*. Исследователи публицистического дискурса Украины описывают образ Европы не только как культурно и политически определяющий стратегический мотиватор развития независимой Украины, но и как актуализированное «европонятие», имеющее исторически изменчивую и противоречивую парадигму. И даже как ментальный прообраз будущего Украины, как наиболее важную современную идеологему, мифологему и культурему [9, с. 410]. Отсюда становится понятной распространённость в языковой картине мира Украины персонифицированных, метафорических и перифрастических тропов, отсылающих к еврономинациям и связанных с образами *человека*, *дома*,

духа, мечты, пути. Например, при образно-перифрастическом описании материального богатства страны — *бездонна скриня храму, омріяний сад* [9, с. 419]. Заметно изменение оценочности — с пейоративной во фразеологизмах с компонентом *деньги* к мелиоративной в публицистических текстах, содержащих «перспективный» компонент *евро*. Неизменным остаётся обращение к метафорическим тропам, переосмысляющим и одухотворяющим деньги как витальную сущность, неизбежную характеристику рыночного общества и воплощение самого человека новой эпохи.

Историческая ретроспектива, повествующая о формировании национальных денег Украины, позволяет пролить свет на устроение языковой картины мира украинцев — с её традициями и позднейшими влияниями. Известно, что современная украинская денежная единица (согласно Указу Президента Украины «Про грошову реформу в Україні» — полноценная национальная валюта), она же одна из основных счётных единиц Киевской Руси, *гривна* образовалась от древнерусского названия шеи (грива) и первичным значением имела определение шейного украшения. Затем — кольца, гири, единицы веса, слитка серебра, монеты и денег вообще, что частично фиксируется и в белорусском языке [11, с. 12; 14, с. 3-4]. В торговых отношениях Украины с Польшей в XVII в. сыграла немаловажную роль и серебряная монета *злотый* — единица, этимологически связанная с названием металла, из которого она чеканилась [14, с. 9]. Украинскому языку, в отличие от русского, известны в значении собственной денежной единицы также *карбованець* (*купюно-карбованець*), *шаг* и другие, ориентированные на западные страны-соседи, — *лев, чех, дукат, крона, дудек, талляр, крэйцер, бифони*. Стоит согласиться с мнением историков-нумизматов о том, что часто на денежном рынке Украины иностранная валюта была ведущей ровно настолько, чтобы удерживать территорию подчинённого государства [10, с. 11, 13, 16; 14, с. 10–15].

Исследователи национальных традиций утверждают, что денежные знаки Украины были оригинальны, часто оформлялись красочными орнаментами, заимствованными из «писанок», «рушників», «килимів», из росписи хат, а сами надписи — из старопечатных текстов. Использовались и изысканные орнаменты украинского барокко, различные декоративные шрифты [10, с. 1, 10, 16]. Отметим, что и сегодня на государственном уровне регулируется вопрос тематического и художественного оформления украинских денежных знаков. Так, признано целесообразным разместить на гривневых банкнотах изображения портретов известных деятелей истории и культуры Украины соответственно номинальному ряду: Владимир Великий, Ярослав Мудрый, Иван Мазепа, Иван Франко, Михаил Грушевский, Тарас Шевченко, Богдан Хмельницкий, Леся Украинка.

Современная украинская нумизматика по достоинству оценивается в мировом нумизматическом сообществе. Совершенные технологии производства превратили печатную монету Украины по разноплановости тематики, материалу чеканки, по уровню художественного оформления в богатую «справочную» истории, культуры, духовности украинского народа. Отдельные серии выпусков чрезвычайно редкостны, они высоко ценятся среди коллекционеров. Современная украинская монета с гривневым номиналом постоянно представлена на международных нумизматических форумах, европейских монетных конвенциях, выставках-ярмарках монет, на многочисленных аукционах.

Интересно, что при обязательном творческом, художественном подходе к оформлению денежных средств у украинцев имеется противоречивое отношение к самим деньгам, которые могут способствовать как позитивным, так и негативным намерениям. Исследователи типов денежной культуры отмечают, что в современном украинском обществе денежная награда (в любой валюте) играет важную роль в системе трудовых ценностей. Однако тема денег недостаточно открыта на уровне общественного сознания, сохраняются неписанные правила запрета касательства этой темы [15, с. 239–240], что заметно сужает выявление демократических свобод и прав личности.

Указанный факт можно отнести к чертам недостаточной социализации большинства народов, населяющих страны бывшего СССР. Следующий же феномен можно отметить как специфический в украинской картине мира. Установлено, что монетарное поведение украинцев детерминировано установкой на достижение не собственных интересов, а обеспечения родных и близких [15, с. 240], что гармонично вписывается в традиционную, матриархальную, глубоко «семейную» культуру украинской нации. Современная же модель мира с её рыночной экономикой диктует молодому поколению, и украинцам в том числе, не только восприятие новых форм финансового поведения, но и позитивное отношение к девиантному поведению в сфере получения денег. Деньги для молодых людей превращаются в эквивалент материальных и духовных ценностей, становятся показателем социальной успешности. В оправдание современной молодёжи отметим, что она более оптимистична в отношении своего финансового будущего, чаще готова жертвовать деньги для защиты окружающей среды [15, с. 240–242], что, несомненно, выводит украинскую, закрытую в рамках семьи-рода культуру, на мировые стандарты отношений в современном глобализованном обществе.

Что касается близкородственной, русской ЯКМ, то денежные наименования как одно из важных звеньев лексической системы известны русскому языку на протяжении всей его истории. Функционирование денежных наименований исследовалось в диахроническом плане на материале летописей, «Русской правды», многочисленных памятников деловой письменности, новгородских берестяных грамот, привлекалась лексикографическая литература: словари И. И. Срезневского, А. Г. Преображенского, Ф. Миклошича, М. Фасмера [11, с. 3].

К особенностям языковой картины мира Киевской Руси следует отнести использование в качестве денег скота, пушнины, украшений, а уже потом — драгоценных металлов. Так, историки языка утверждают, что самые древние из известных на Руси наименований денег — это *скот* (домашние животные), *кунь, куна* (куница), *векша, веврица, белъ* (белка) [11, с. 9–10; 14, с. 3]. Данный факт

соответствует общеевропейским тенденциям развития номинаций товарно-денежного оборота, зафиксированных письменностью.

Начало собственноручной чеканки монет на Руси (с X века н. э. появляются *златники*, *серебренники*) приостановилось на долгое время, что было вызвано татаро-монгольскими завоеваниями. В результате сильнейшего ограбления русских и украинских земель целый ряд названий монет отразил в своей семантике процесс деления денежных единиц на части, которые должны были в отдельности сохранять прежнюю ценность, — *рубль*, *полтина*, *полушка*, *полуденьга*, *резана* [11, с. 13–14]. Благодаря таким денежным наименованиям славянское языковое сознание смогло зафиксировать попытки выхода Руси из тяжёлого экономического кризиса.

Интересно, что серебро в качестве денежного материала применялось на Руси значительно шире, чем золото. Так, *серебренник* (*серебренник*) означало и деньги вообще, и серебряных дел мастера, и крестьянина, взявшего у феодала денежную ссуду. *Сребролюбие* означало корыстолюбие, сменившее более древнее название *скотолобие*. Бескорыстного человека до сих пор в русском языке называют *бессребренник* [11, с. 12–13]. По-видимому, серебро пользовалось у славян большей популярностью в силу своей доступности.

Русскую ЯКМ, отражающую наименования денежных единиц, тяжело представить вне понятия *копейка*. Это слово — самое позднее из всех денежных наименований русского языка. Копейками были названы монеты, на которых по приказу князя Ивана Васильевича (Грозного) в 1535 г. стали чеканить изображение всадника с копьем в руке. До этого чеканились монеты с изображением меча, назывались они *мечевыми*. Со временем копейка как общее для всех русских земель денежное наименование вытеснила *московку* (*московскую деньгу*) и *новгородку* (*новгородскую деньгу*), проявила словообразовательную активность: стали популярными названия *копеечный* (стоящий копейку), *копейщина* (название подати), *копейничать* (скряжничать), *копеечник* (и монета, и скряга) [11, с. 15–16]. В украинском языке производными являются формы *копійєчка*, *копійчина*, *копійчаній*, *копійшний* [14, с. 9].

Универсально-языковая картина мира, отразившая ход развития денежных наименований в различных государствах, свидетельствует о важности металлов, обращённых в слитки. Ценность слитка определялась его весом, потому у многих народов названия металлических денег совпадали с наименованиями весовых единиц: *марка*, *франк*, *лира*, *ливр*, *талант*, *драхма*, *фунт стерлингов* [11, с. 8]. Универсальные законы развития языковых моделей мира отразились и в образовании обобщающего для всех денежных единиц названия, проистекающего от иноязычного слова. Например, на русской почве было образовано слово *деньги*, употребляющееся до сих пор и рождённое от тюркского *деньга* (дамга, теньга, тамга — «чеканка», «знак», «монета»). Укр. *гроші*, англ. *топеу* относятся к словам романо-германского происхождения [11, с. 18; 14, с. 6–7].

Таким образом, система номинаций денежных средств украинского и русского этносов отражает характерные черты данных национально-языковых картин мира. Национально-языковая картина мира — это вербализованная интерпретация языковым социумом окружающего мира согласно национальным концептуально-структурным канонам, отражающим коллективное этническое сознание. Так, украинская современная ЯКМ явлена посредством обобщённых понятий *деньги* (как абстрактное наименование во многих языках оформляется из иностранных слов), *валюта* (национальная или иностранная), которые переосмысляются в системе метафорических тропов, имеют доминирующую пейоративную оценочность (исключение — номинация *евро*) и характеризуются антропоморфностью. Свидетельствуют о противоречивом и негативном отношении общества к теме денег, закономерно приобретающей в художественном оформлении персонифицированные, очеловеченные свойства. Украинская традиционная ЯКМ отражает конкретные номинации денежных средств — как аутентичных, самобытных и декоративных, близких актуальной национальной валюте и прочно связанных с культом семьи-рода, так и множественных чужеземных, использовавшихся для удержания территории подчинённого государства.

Концептуальная картина мира логически включает в себя языковую, но также целый ряд невербальных феноменов, сознательную и подсознательную сферы, логическое и алогичное мышление, научную концепцию и художественную рефлексию. Поэтому национально-языковые картины мира объединяются прежде всего в универсально-языковые, интегрирующие вербализованную информацию человека о мире. Например, денежные номинации разных этносов указывают на повсеместное использование в качестве денег металлов, обращённых в слитки.

Литература

1. Александров Д. В. Категорія «інтерес» в соціологічному дискурсі: історична еволюція змісту / Д. В. Александров // Мультіверсум. Філософський альманах: зб. наук. пр. — 2009. — № 77. — С. 217–232.
2. Бацевич Ф. С. Словник термінів міжкультурної комунікації / Ф. С. Бацевич. — К.: Довіра, 2007. — 205 с. — (Словники України).
3. Голубовська І. О. Етнічні особливості мовних картин світу: монографія / І. О. Голубовська. — К.: Логос, 2004. — 284 с.
4. Єрмоленко С. Я. Українська мова: короткий тлумачний словник лінгвістичних термінів / С. Я. Єрмоленко, С. П. Бирик, О. Г. Тодор. — К.: Либідь, 2001. — 224 с.
5. Жайворонок В. В. Українська етнолінгвістика: нариси: навч. посіб. / Віталій Жайворонок. — К.: Довіра, 2007. — 262 с.
6. Іващенко В. Л. Концептуальна репрезентація фрагментів знання в науково-мистецькій картині світу (на матеріалі української мистецтвознавчої термінології): монографія / В. Л. Іващенко. — К.: ВД Дм. Бураго, 2006. — 328 с.

7. *Кочерган М. П.* Основи зіставного мовознавства : підручник / М. П. Кочерган. — К. : ВЦ «Академія», 2006. — 424 с. — (Алма-матер).
8. *Кришталь С. М.* Структурно-семантичний аналіз метафоричних термінів підмови фінансів в англійській і українській мовах : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.17 — порівняльно-історичне і типологічне мовознавство / С. М. Кришталь. — Донецьк, 2003. — 20 с.
9. *Прихода Я. В.* Еволюція концепту «Європа» в українському науково-публіцистичному дискурсі / Я. В. Прихода // Вісник Львівського університету. Сер. журналістика. — 2004. — Вип. 24. — С. 409–422.
10. *Римар А. П.* Українські гроші як атрибут соціокультурної самоідентифікації національної держави : автореф. дис. ... канд. культурології : 26.00.01 — теорія та історія культури / А. П. Римар. — К., 2009. — 20 с.
11. *Рядченко Н. Г.* Действие внутренних и внешних факторов языкового развития в истории русских денежных наименований : автореф. дис. ... канд. філол. наук / Н. Г. Рядченко. — О., 1966. — 23 с.
12. *Струганець Л. В.* Культура мови : словник термінів / Л. В. Струганець. — Тернопіль : Навч. кн. — Богдан, 2000. — 88 с.
13. *Унук З. І.* Словацька й українська фразеологія з компонентами-назвами метрологічних і грошових одиниць : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.03 — слов'янські мови / З. І. Унук. — К., 2000. — 19 с.
14. *Чернов Е. І.* История названий денег и денежных единиц в украинском языке : автореф. дис. ... канд. філол. наук / Е. І. Чернов. — К., 1960. — 16 с.
15. *Шкребець М. С.* Особливості формування і розвитку грошової культури в Україні / М. С. Шкребець // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства : зб. наук. пр. — Х. : ВЦ ХНУ ім. В. Н. Каразіна, 2008. — С. 238–242.
16. *Шпильківська О. В.* Українська термінологія фінансового права : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.01 — українська мова / О. В. Шпильківська. — К., 2010. — 22 с.

References

1. *Aleksandrov D. V.* Kategoriya «Interes» v sotsiologichnomu diskursi : istorichna evolyutsiya zmistu / D. V. Aleksandrov // Multyversum. Filosofskiy almanah : zb. nauk. pr. — 2009. — N 77. — S. 217–232.
2. *Batseyevych F. S.* Slovnnyk terminiv mizhkulturnoyi komunikatsiyi / F. S. Batseyevych. — K. : Dovira, 2007. — 205 s. — (Slovnnyky Ukrainy).
3. *Golubovs'ka I. O.* Etnichni osoblyvosti movnyh kartyn svitu : monografiya / I. O. Golubovs'ka. — K. : Logos, 2004. — 284 s.
4. *Ermolenko S. Ya.* Ukrainys'ka mova : korotkyi tlumachnyi slovnyk lingvistychnykh terminiv / S. Ya. Ermolenko, S. P. Bybyk, O. G. Todor. — K. : Lybid', 2001. — 224 s.
5. *Zhayvoronok V. V.* Ukrainys'ka etnolingvistyka : narysy : navch. posib. / VItaliy Zhayvoronok. — K. : Dovira, 2007. — 262 s.
6. *Ivaschenko V. L.* Kontseptualna reprezentatsiya fragmentiv znannya v naukovu-mystets'kiy kartyni svitu (na materialy ukrainys'koyi mystetstvoznavchoyi terminologiyi) : monografiya / V. L. Ivaschenko. — K. : VD Dm. Burago, 2006. — 328 s.
7. *Kochergan M. P.* Osnovy zistavnogo movoznavstva : pidruchnyk / M. P. Kochergan. — K. : VTS «Akademiya», 2006. — 424 s. — (Alma-mater).
8. *Kryshtha S. M.* Strukturno-semantychnyi analiz metaforychnykh terminiv pidmovy finansiv v angliys'kiy i ukrayins'kiy movah : avtoref. dys. ... kand. filol. nauk : 10.02.17 — porivnyal'no-istorychne i typtologichne movoznavstvo / S. M. Kryshthal'. — Donetsk, 2003. — 20 s.
9. *Pryhoda Ya. V.* Evolyutsiya kontseptu Evropa v ukrayins'komu naukovu-publytsystychnomu dyskursi / Ya. V. Pryhoda // Visnyk Lvivs'kogo universytetu. Ser. zhurnalistyka. — 2004. — Vyp. 24. — S. 409–422.
10. *Rymar A. P.* Ukrainys'ki groshi yak atribut sotsiokulturnoyi samoidentyfikatsiyi natsionalnoyi derzhavy : avtoref. dys. ... kand. kulturologiyi : 26.00.01 — teoriya ta istoriya kultury / A. P. Rymar. — K., 2009. — 20 s.
11. *Ryadchenko N. G.* Deystvie vnutrennih i vneshnih faktorov yazykovogo razvitiya v istorii russkikh denezhnykh naimenovaniy : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / N. G. Ryadchenko. — O., 1966. — 23 s.
12. *Struganets' L. V.* Kultura movy : slovnnyk terminiv / L. V. Struganets'. — Ternopil : Navch. kn. — Bogdan, 2000. — 88 s.
13. *Unuk Z. I.* Slovats'ka y ukrayins'ka frazeologiya z komponentami-nazvamy metrologichnykh i groshovykh odynits' : avtoref. dys. ... kand. filol. nauk : 10.02.03 — slov'yanski movy / Z. I. Unuk. — K., 2000. — 19 s.
14. *Chernov E. I.* Istoriya nazvaniy deneg i denezhnykh edimits v ukrainskom yazyke : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / E. I. Chernov. — K., 1960. — 16 s.
15. *Shkrebets' M. S.* Osoblyvosti formuvannya i rozvytku groshovoyi kultury v Ukraini / M. S. Shkrebets' // Metodologiya, teoriya ta praktyka sotsiologichnogo analizu suchasnoho suspil'stva : zb. nauk. pr. — H. : VTS HNU im. V. N. Karazina, 2008. — S. 238–242.
16. *Shpil'kivs'ka O. V.* Ukrainys'ka terminologiya finansovogo prava : avtoref. dys. ... kand. filol. nauk : 10.02.01 — ukrayins'ka mova / O. V. Shpil'kivs'ka. — K., 2010. — 22 s.

ОХРИМЕНКО Тетяна Володимирівна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри російської філології Київського національного лінгвістичного університету; Київ, Україна;
e-mail: tv.okhrim@mail.ru; тел.: +38(044)2500168; моб.: +38(067)3035587

НАЦІОНАЛЬНО-МОВНА КАРТИНА СВІТУ КРІЗЬ ПРИЗМУ НАЙМЕНУВАНЬ ГРОШОВИХ ОДИНИЦЬ

Анотація. У статті йдеться про систему номінацій грошових засобів, які характеризують українську національно-мовну картину світу — традиційну та сучасну. Поняття мовної картини світу спирається перш за все на лексико історико-культурного, етнографічного характеру, до якої належать також номінації грошових одиниць, що покликані фіксувати історію розвитку нації. Національно-мовна картина світу — це вербалізована інтерпретація мовним соціумом навколишнього світу відповідно до національних концептуально-структурних канонів, які відбивають колективну етнічну свідомість.

Сучасну українську мовну картину світу представляють: узагальнююче поняття гроші (як абстрактне найменування у багатьох мовах оформлюється за допомогою іноземних слів), валюта (національна гривня чи різного роду чужоземна), що переосмислюються у системі метафоричних тропів, отримують домінуючу пейоративну оцінку (виняток — номінація євро) і характеризуються антропоморфією. Ці номінації свідчать про протиріччя чи навіть негативне ставлення суспільства до теми грошей, яка за умови художнього оформлення закономірно набуває персоніфікуючих здатностей. Українська традиційна картина світу відбиває конкретні номінації грошових засобів — як автентичних, декорованих, близьких актуальній національній валюті та міцно пов'язаних із родинним культом, так і різнопланових чужоземних, що використовувалися задля утримання території підлеглої країни.

Концептуальна картина світу логічно включає у себе мовну, але також цілий ряд невербальних феноменів, сферу свідомого та підсвідомого, логічне та алогічне мислення, наукову концепцію та художню рефлексію. Через це національно-мовні картини

світу поєднуються перш за все в універсально-мовні, що інтегрують вербалізовану інформацію людини про світ. Наприклад, грошові номінації різних етносів свідчать про спільне використання у якості грошей металу, який переливається у зливков.

Ключові слова: українська національно-мовна картина світу, традиційна та сучасна картини світу, універсально-мовна і концептуальна картини світу, грошова номінація, гроші, гривня, копійка, євро.

Tatyana V. OKHRIMENKO,

PhD in Philology, Associate Professor of Department of Russian Philology of the Kyiv National Linguistic University;
Kyiv, Ukraine;
e-mail: tv.okhrim@mail.ru; tel.: +38(044)2500168; mob.: +38(067)3035587

NATIONAL LINGUISTIC SNAPSHOT THROUGH THE PRISM OF ITEMS CURRENCIES

Summary. The article deals with the system of nominations of funds that characterize Ukrainian national linguistic snapshot — traditional and modern. The concept of linguistic snapshot is based primarily on historical, cultural, ethnographic vocabulary, which nominates currencies that are designed to capture the history of the nation. National linguistic snapshot we call verbalized interpretation of linguistic society of the world according to national conceptual and structural canons which reflect collective ethnic consciousness.

The modern Ukrainian linguistic snapshot has general meaning of *money* (as an abstract name in many languages formalized with foreign words) and *currency* (Ukrainian hryvnia or foreign various kinds) — which are reinvented the system of metaphorical tropes, acquired a pejorative negative assessment (exception — nomination *euro*) and characterized as anthropomorphic values. These nominations show contradictory, or even negative public attitude to the subject of money, which provided artwork personifying natural abilities. Ukrainian traditional world view reflects the specific category of funds — as authentic, decorated, close to the actual local currency and closely related to the family cult and diverse foreign, used to hold a subordinate territory of the country.

Conceptual world view logically includes the language, but also a range of non-verbal phenomena sphere of conscious and subconscious, logical and illogical thinking, scientific concepts and artistic reflection. Because of it, the national linguistic snapshot combined primarily in the universal language, integrates information of verbalized man. For example, monetary nomination of different ethnic groups suggest sharing as a money metal that is poured into ingot.

Key words: Ukrainian national linguistic snapshot, the traditional and the modern world view, universal language and conceptual world view, monetary nomination, the money, the hryvnia, penny, euro.

Статтю отримано 25.01.2014 р.

УДК 811.161.1-112'23

ЯРОЦКАЯ Галина Сергеевна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры прикладной лингвистики Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Одесса, Украина;
e-mail: g.yarotskaya@gmail.com; тел.: +38-050-391-66-00

ДИСКУРСИВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ОТНОШЕНИЯ К БОГАТСТВУ И БЕДНОСТИ В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ (на материале текстов русских народных сказок)

Аннотация. В статье проводится лингвокультурологический анализ отношения к богатству / бедности в текстах русских народных сказок, результаты которого позволяют сделать вывод о ценностной амбивалентности русского обыденного экономического сознания. Дискурсивное измерение отношения к богатству / бедности отображает идеальную сторону экономического взаимодействия: в сказках через призму поведения героев описывается желаемая, идеальная модель экономического устройства, которая в большинстве случаев расходится с реальностью, однако позволяет определить ценностные ориентиры обыденного русского экономического сознания. Материальное богатство не представляет собой средства повышения значимости, социального статуса личности, однако является заслуженным вознаграждением для того, кто проявляет высокие моральные качества. Отсутствие потребности в достижении материального богатства является одним из условий его получения. Материальное богатство требует своеобразного оправдания от своего владельца: человек, не заслуживающий богатства, лишается его, при этом восстановление справедливости заключается в том, чтобы отнять у недостойного его богатство и отдать бедному, либо «чудесным образом» озолотить заслуживающего материального вознаграждения. Дискурсивное измерение отношения к богатству/бедности в текстах русских народных сказок свидетельствует об аксиологической асимметрии: богатство — греховно и постыдно, богатство — награда за доброе сердце и усердный труд; бедность — страдания и лишения, бедность — знак чистой совести и праведности.

Ключевые слова: сказка, лингвокультурология, аксиология.

Одним из базовых культурных механизмов, наряду с мифом, является сказка [1, с. 8]. «Сказка — это программа, включающаяся в человеческую жизнедеятельность в момент открытого контакта с планом намерений и надежд и, таким образом, определяющая образ всей жизни человека в рамках его культуры» [4, с. 34].

Русские народные сказки (прежде всего волшебные) отражают, вероятно, не только раннехристианское мировоззрение древних восточных славян, но и языческое, поскольку авторы (составители), будучи носителями языка и культуры, непроизвольно отражали в текстах глубоко укоренившиеся

в этническом сознании ценности языческого периода. По мнению С. Г. Воркачёва, волшебная сказка представляет собой в каком-то смысле фольклорную «сбычу мечт» русского простолудина, её сюжеты пришли из незапамятных дохристианских времен язычества, а ее протагонисты являются носителями «обыденного прасознания» русского этноса [2, с. 146].

О взаимосвязи сказки и экономической системы нации говорил ещё В. Я. Пропп, обсуждая отображение сказкой основных экономических реалий определенной эпохи «... (созданная в эпоху другой экономической формации) сказка не соответствует той форме производства, при которой она широко и прочно существует» [5, с. 28]. Объясняя это несоответствие, учёный цитирует К. Маркса: «С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке». В. Я. Пропп замечает, что изменение в идеологии происходит не всегда сразу после изменения экономических основ. Получается «несоответствие», чрезвычайно интересное и ценное для исследователя [5, с. 112]. Оно означает, что сказка создалась на основе докапиталистических форм производства и социальной жизни, а значит, представляет те фундаментальные культурные конструкции, которые на уровне подсознательного, архетипов определяют современное бытие носителя лингвокультуры.

По мнению С. Г. Тер-Минасовой, русские народные сказки — «опасная» вещь. Они с раннего детства внушают нам простую мысль: быть богатым — плохо, а быть бедным — хорошо, потому что в русских сказках все богатые плохие, а все бедные хорошие. Отсюда пренебрежительное отношение к любым материальным благам как типичная характеристика русского сознания, русской культуры, совершенно непонятная и загадочная для англоязычных культур. «Именно поэтому когда-то русские купцы, а сейчас «новые русские» так беззаботно сорят деньгами. «Новые русские» определяются не количеством денег, не счетами в банке — богатые люди есть во всех странах и у всех народов, а отношением к деньгам, тем, как легко они расстаются со своим богатством» [10, с. 55].

Лингвокультурологический анализ 30 русских народных сказок (материал взят из сборника «Русские народные сказки», 1997) с целью выявления основных дискурсивных средств, иллюстрирующих отношение к богатству / бедности в русском языковом сознании, построен с опорой на непосредственное содержание сказки, подтекст, мораль, обращенную к читателю / слушателю, а также структурные и композиционные особенности объективации отношения к богатству / бедности в сказочном дискурсе.

Отметим, что дискурсивное измерение отношения к богатству / бедности отображает идеальную сторону экономического взаимодействия древних восточных славян: в сказках через призму поведения героев описывается желаемая, идеальная модель экономического устройства, которая в большинстве случаев расходится с реальностью, однако позволяет определить ценностные ориентиры обыденного экономического сознания.

Отмечаемое многими исследователями русского национального характера определенное равнодушие русских к деньгам и материальным ценностям [6; 7; 8] находит свое отражение в текстах русских народных сказок. Признается приоритет духовного совершенствования: не может быть высшей целью жизни стремление к выгоде, материальным благам. Тем не менее, в качестве вознаграждения «духовно возросший» герой получает не только жену, душевное спокойствие, уважение окружающих, но нередко и значительные материальные блага. В самом деле, концовка сказки «*И царь озолотил Ивана, дал ему земли надел, да ещё доброго коня в придачу*» («Сказка об Иване-Дураке») является практически хрестоматийной.

В то же время стремление к материальным ценностям, деньгам часто высмеивается. В основном, это касается представителей крестьянства, среднего класса и особенно духовенства, которые в таких ситуациях зачастую показаны как недалёковидные и алчные люди: «*Жил-был поп, имел большой приход, а был такой жадный, что великим постом за исповедь меньше гривенника ни с кого не брал; если кто не принесёт гривенника, того и на исповедь не пустит, а зачнет срамить:*

— *Экая ты рогатая скотина! За целый год не мог набрать гривенника, чтоб духовному отцу за исповедь дать, ведь он за вас, окаянных, богу молится!*

Вот один раз пришёл к этому попу на исповедь солдат и кладет ему на столик всего медный пятак. Поп просто взбесился.

— *Послушай, проклятый, — говорит ему, — откуда ты это выдумал принести духовному отцу медный пятак? Смеешься, что ли?»* («Жадный поп»).

Такие черты русского национального характера, как нестяжательность, коллективизм, большей частью пассивность в достижении собственного благополучия [5, с. 18], ярко и даже гиперболически отображены в мотивах русских народных сказок. В сказках «Сивка-Бурка», «Волшебный конь», «Волшебное кольцо», «Несмеяна-царевна» герой не стремится к приобретению собственности, а, получив ее, — к приумножению. К примеру, герой сказки «Царевна и батрак» отказывается от несметных богатств в награду за спасение царевны, прося взамен волшебное кольцо, дающее иные блага: «*Не требуется мне ни золота, ни серебра, ни камней самоцветных: коли хочешь жаловать, дай мне колечко со своей царской руки — с мизинного перста. Я человек холостой; стану на колечко почаще поглядывать, стану про невесту раздумывать, тем свою скуку разгонять*» («Царевна и батрак»).

Наоборот, при первой же возможности он отдает материальные блага, которые в современной экономической и правовой парадигме считаются принадлежащими ему по праву, не испытывая при этом каких-либо сожалений. «*Мартышка выпросил телегу с лошадью и поехал в город. Едет он мимо мясных лавок — шум, брань, толпа народу. Что такое?*

— *А то мясники изловили охотничью собаку, привязали к столбу и бьют её палками; собака рвётся, визжит, огрызается... Мартышка подбежал к тем мясникам и спрашивает:*

— *Братцы! За что вы бедного пса так бьёте немилостиво?*

— *Да как его, проклятого, не бить, — отвечают мясники, — когда он целую тушу говядины испортил!*

— *Полно, братцы! Не бейте его, лучше продайте мне.*

— *Пожалуй, купи, — говорит один мужик шутя, — давай сто рублей.*

— *Мартышка вытащил из-за пазухи сотню, отдал мясникам, а собаку отвязал и взял с собой».*

Интересно, что такое поведение не находит одобрения у окружающих, даже близких герою людей. В сказке «Волшебное кольцо» мать ругает Мартынку за то, что он, отдав заработанные деньги, чтобы спасти kota и собаку, не принёс ничего на обед: *«Нам самим есть нечего; нынче последние поскребышки по закромам собрала да лепёшку стекла, а завтра и того не будет! Завтра искупи хлеба, а задаром денег не бросай».*

Характерным для русских сказок является отношение к деньгам как ко злу. Например, в сказке «Несмеяна-Царевна» главный герой, случайно потеряв свой небольшой заработок, не огорчается по этому поводу, считая, что деньги счастья не приносят: *«... жил честный работник: по утрам он двор убирал, вечерами скот выпасал, в беспрестанных был трудах. Хозяин его — человек богатый, правдивый, платою не обижал. Только покончился год, он ему мешок денег на стол: — Бери, — говорит, — сколько хочешь! А сам в двери и вышел вон. Работник подошел к столу и думает: как бы не согрешить, за труды лишнего не положить? Выбрал одну только денежку, зажал ее в горсть да вздумал водицы напиться, нагнулся в колодезь — денежка у него выкатилась и потонула на дно. Остался бедняк ни при чем. Другой бы на его месте заплакал, затужил и с досады б руки сложил, а он нет. — Все, — говорит, — бог посылает; знает, кому что давать... Видно, я худо рачил, мало трудился, теперь стану усердней!»* («Несмеяна-Царевна»). Культивируется смирение, отсутствие сожалений по поводу отсутствия большого заработка, потери денег, что во многих сказках объясняется актом Божьей воли — *«видимо, несправедно, чтобы у меня столько денег было»* («Несмеяна-Царевна»); деньги (богатства) — *они греховны и постыдны*, не несут счастья.

В русских народных сказках отсутствует мотив, широко пропагандируемый в современном капиталистическом мире, — отношение к деньгам как к средству достижения свободы, уважения, статуса. Наоборот, не имеющий денег часто показан как более свободный и уважаемый человек («Никита Кожемяка»), в то время как наличие материальных ценностей заставляет человека беспокоиться об их сохранности, делает его несвободным человеком. Например, в сказке «Барин и лакей» богатч не может выехать из дому, так как боится, что соседи украдут его пшено: *«Да как же, ведь покрадут, окаянные, всё пшено моё!»* («Барин и лакей»). Решение проблемы лакеем — скармливание пшена птицам и скоту — «развязывает руки» барину, он едет на приём к царю, где получает вознаграждение.

Значительный интерес представляет тема выбора в русских народных сказках. В частности, в сказках о богатырях герой оказывается на распутье, предлагающем ему материальное богатство, славу, власть либо значительные потери (*«коня потеряешь», «смерть найдёшь»*). Примечательно, что мотив, побуждающий героя выбрать именно этот путь, — отсутствие властных амбиций и потребности в материальных благах: *«Богатство мне не нужно, царём — да куда мне царём!...»* («Сказка о Богатыре и Змее-Горыныче»). Впоследствии выбор такого пути неизменно вознаграждается как материальными, так и духовными ценностями. Выбор же альтернативы — материального — приводит к неудаче: *«И стала Марьюшка женой Финиста — Ясна сокола, а сестры ее златолюбные умерли от зависти»* («Финист — Ясный сокол»).

Известная в русской лингвокультуре формула *«богатство не приносит счастья»* находит свое отражение и в текстах русских народных сказок. Причем обладание богатством не только наказывается, но оно изначально представляется неспособным принести духовное счастье. Часто встречающийся персонаж Кощей Бессмертный, несмотря на все свои богатства, постоянно стремится получить «духовную» радость — любовь, редкую вещь либо красивую жену («Кощей Бессмертный»).

В социальной стратификации богатство поощряется только у высшего собственника, наделенного властью Богом — царя. Богатство вельмож и представителей более низкого социального статуса порицается и высмеивается. Приветствуется добровольное «освобождение» от богатства, которое представляется как духовное совершенствование. *«Жил-был купец, и много богатств у него было и злата, и серебра, и шелков несметных. Всё было, а жены не было. В один день решил купец пойти по свету жену искать. Закрыв он свои лавки, товары отдал, а из злата только и оставил себе что на краюху хлеба»* («Марья-царевна»).

Аксиологический подход к концептуализации богатства на материале русских сказок подтверждает мнение учёных о том, что в сознании носителя русской культуры богатство требует своеобразного «оправдания» [3]. Возможно, необходимостью прохождения тяжёлого пути духовного совершенствования является единственным справедливым оправданием богатства. В этом прослеживается отношение к богатству как к значительному фактору общественной жизни, источнику власти, который должен находиться в руках духовно развитой личности. Лишь *«трое бабшмаков железных износив, трое посохов железных изломав, трое колпачков железных порвав»*, герой получает желаемое — зачастую нематериальный объект — любовь: *«Сидит Марьюшка за работой, берет в руки серебряное донце, золотое веретенце. А царица увидала: продай да продай! — Продай не продам, а могу и так отдать, если позволишь с Финистом — ясным соколом хоть часок побыть»* («Финист — Ясный

сокол»), счастье и благополучие близких: *«Воротился Иван-крестьянский сын домой, и на цареву награду хлеба закупил, избу новую выстроил, и стали они жить как раньше»* («Иван — крестьянский сын»). Отсутствие потребности в достижении материального богатства является одним из условий его получения. Следует отметить, что это касается лишь материальных ценностей — стремление же к духовному богатству, понимаемому как доброта, искренность, готовность прийти на помощь, эстетическое наслаждение, всегда поощряется.

Вышесказанное относится к главным героям сказок — идеальным прототипам. В «земном» же, реальном мире богатство часто приравнивается к таким понятиям, как счастье, радость, благополучие: *«...его дочь весёлая, румяная, в собольей шубе, вся в золоте, в серебре, и около — короб с богатыми подарками. Старик обрадовался...»*, *«...старухину дочь замуж берут, а стариковой дочери косточки везут...»*, *«...старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину замуж не берут...»* («Морозко»). В то же время богатство само по себе не является гарантией счастья: *«В царских палатах, в княжьи чертогах, в высоком тереме красовалась Несмеяна-царевна. Какое ей было житьё, какое приволье, роскошь! Всего много, всё есть, чего душа хочет; а никогда она не улыбалась, не смеялась, словно сердце её ничему не радовалось»* («Несмеяна-царевна»).

Удачная женитьба и замужество выступают средством повышения социального статуса и улучшения материального положения: *«Воротится сынок, а через год-другой поправим хозяйство, пригладим хорошую невесту, женим его и заживём не хуже людей»* («Хитрая наука»); *«Женился он на Василисе-царевне и жил с нею долгие лета в любви и согласии»* («Жар-птица и Василиса-царевна»); *«Старик выдал свою дочь замуж за хорошего жениха, и стали они жить-поживать да добра наживать»* («Дочь и падчерица»).

Таким образом, в русском языковом сознании материальное богатство связывается с радостью и счастьем, но зачастую им незаслуженно, несправедливо обладает человек, которого характеризуют такие черты, как алчность, отсутствие стыда, совести, моральная нечистоплотность. Восстановление справедливости заключается в том, чтобы отнять у недостоинного его богатство и отдать бедному, либо «чудесным образом» озолотить заслуживающего материального вознаграждения.

Бедность в русских сказках воспринимается как обыденная ситуация для героя — будущего духовного лидера — и является условием достижения уважения в обществе. Бедность зачастую служит импульсом к действию — отсутствие еды в доме заставляет героя отправляться в дорогу, где он проходит различные испытания. *«В некотором царстве, в некотором государстве жил да был старик со старухой, и был у них сын Мартышка. Вся жизнь свою занимался старик охотой, бил зверя и птицу, тем и сам кормился и семью питал. Пришло время — заболел старик и умер. Мартышка с матерью потужили-поплакали, да делать-то нечего: мертвого назад не воротить. Пожили с неделю и приели весь хлеб, что в запасе был. Видит старуха, что больше есть нечего, надо за денежки приниматься... Пошёл Мартышка в соседнее село искать работы...»* («Волшебное кольцо»). Однако смирение с собственной бедностью не вызывает порицания — зачастую такие герои показаны как уважаемые и достойные люди («Мудрая жена»). Вместе с тем богатство часто служит наградой за хорошую службу, высокий духовный уровень, и даже за бедность и отказ от богатства: *«За отвагу свою и за то, что на богатство не покусился, а жил скромно, как все люди, наградила его царь стерна: и земли дал, и скотины, и денег 1000 золотых»* («Сказка о Богатыре и Змее-Горыныче»).

Проблема бедности простого русского народа в сказках разрешается двумя путями: либо материальным вознаграждением, либо констатацией того, что бедная, но дружная (коллективная) жизнь лучше царских палат. Иначе говоря, идея бытовой скромности, непритязательности, небольшого достатка тесно переплетается в сказках с ценностями коллективизма.

Как видим, отношение к богатству и бедности амбивалентно и зависит от нескольких факторов: моральных качеств обладателя богатства, перенесенных им испытаний, его отношения к обогащению. Открытое стремление к богатству, материальным ценностям в сказках наказывается, тогда как добровольный отказ от них при условии прохождения определённых испытаний (нравственно и духовно развивающих героя) вознаграждается как морально, так и материально. Таким образом, в иерархии ценностных идеалов русского экономического сознания богатство играет второстепенную роль и представляет собой награду за усердный труд, чистую совесть и доброе сердце.

Литература

1. Алещенко Е. И. Когнитивные аспекты языка русской народной сказки: учеб. пособие / Елена Ивановна Алещенко. — Волгоград: Перемена, 2006. — 151 с.
2. Воркачёв С. Г. Что есть человек и что польза его: идея смысла жизни в лингвокультуре: монография / С. Г. Воркачёв. — Волгоград: Парадигма, 2011. — 203 с.
3. Воркачёв С. Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа / С. Г. Воркачёв. — Краснодар: Кубан. гос. техн. ун-т, 2002. — 142 с.
4. Помаранцева Е. У. Судьба русской сказки / Е. У. Помаранцева. — М.: Наука, 1977. — 156 с.
5. Пропт В. Я. Морфология волшебной сказки / В. Я. Пропт. — М.: Лабиринт, 2001. — 144 с.
6. Сергеева А. В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность / А. В. Сергеева. — М.: Флинта: Наука, 2004. — 328 с.
7. Русское культурное пространство: лингвокультурол. слов. Вып. 1 / под ред. И. С. Брилёвой [и др.]. — М.: Гнозис, 2004. — 320 с.
8. Шмелёв А. Д. Русская языковая модель мира: материалы к словарю / А. Д. Шмелёв. — М.: Языки славян. культуры, 2002. — 224 с.
9. Русские народные сказки: сборник / ред., сост. В. В. Безбожный. — Ростов н/Д: ЗАО «Книга», 1997. — 544 с.

10. *Тер-Минасова С. Г.* Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики : учеб. пособие/ С. Г. Тер-Минасова. — М. : АСТ : Астрель : Хранитель, 2007. — 286 с.

References

1. *Aleschenko E. I.* Kognitivnyie aspektyi yazyka russkoy narodnoy skazki : ucheb. posobie / E. I. Aleschenko. — Volgograd : Peremena, 2006. — 151 s.
2. *Vorkachev S. G.* Chto est chelovek i chto polza ego: ideya smysla zhizni v lingvokulture : monografiya / S. G. Vorkachev. — Volgograd : Paradigma, 2011. — 203 s.
3. *Vorkachev S. G.* Kontsept schastya v russkom yazykovom soznanii : opyt lingvokulturologicheskogo analiza / S. G. Vorkachev. — Krasnodar : Kuban. gos. tehn. un-t, 2002. — 142 s.
4. *Pomarantseva E. U.* Sudba russkoy skazki / E. U. Pomarantseva. — M. : Nauka, 1977. — 156 s.
5. *Propp V. Ya.* Morfologiya volshebnoy skazki / V. Ya. Propp. — M. : Labirint, 2001. — 144 s.
6. *Sergeeva A. V.* Russkie : stereotipy povedeniya, traditsii, mentalnost / A. V. Sergeeva. — M. : Flinta : Nauka, 2004. — 328 s.
7. Russkoe kulturnoe prostranstvo : lingvokulturolog. slov. / pod red. I. S. Brilevoy [i dr.]. — M. : Gnozis, 2004. — Vyp. 1. — 320 s.
8. *Shmelev A. D.* Russkaya yazykovaya model mira : materialy k slovari / A. D. Shmelev. — M. : Yazyki slavyan. kultury, 2002. — 224 s.
9. *Russkie narodnye skazki : sbornik / red., sost. V. V. Bezbozhnyiy.* — Rostov n/D : ZAO «Kniga», 1997. — 544 s.
10. *Ter-Minasova S. G.* Voyna i mir yazykov i kultur: voprosy teorii i praktiki : ucheb. posobie/ S. G. Ter-Minasova. — M. : AST : Astrel : Hranitel, 2007. — 286 s.

ЯРОЦЬКА Галина Сергіївна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри прикладної лінгвістики Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Одеса, Україна;
e-mail: g.yarotskaya@gmail.com; тел.: +38 050 3916600

ДИСКУРСИВНИЙ ВИМІР СТАВЛЕННЯ ДО БАГАТСТВА ТА БІДНОСТІ В РОСІЙСЬКІЙ ЛІНГВОКУЛЬТУРІ (на матеріалі текстів російських народних казок)

Анотація. У статті запропоновано лінгвокультурологічний аналіз ставлення до багатства / бідності в текстах російських народних казок, результати якого дозволяють дійти висновку про ціннісну амбівалентність російської буденної економічної свідомості. Дискурсивний вимір ставлення до багатства / бідності відображає ідеальну сторону економічної взаємодії: у казках кризь призму поведінки героїв описується бажана модель економічного устрою, яка в більшості випадків відрізняється від реальності, проте дозволяє визначити ціннісні орієнтири буденної економічної свідомості. Матеріальне багатство не вважається засобом підвищення значущості, соціального статусу особистості, проте є заслуженою винагородою того, хто проявляє високі моральні якості. Брак потреби в досягненні матеріального багатства є однією з умов його отримання. Матеріальне багатство вимагає своєрідного виправдання від свого власника: людина, що не заслуговує на багатство, позбавляється його. Проте відновлення справедливості полягає в тому, щоб відібрати у негідника його багатство та віддати бідному або «дивним чином» озолотити того, хто заслуговує на матеріальну винагороду. Дискурсивний вимір ставлення до багатства / бідності у текстах російських народних казок свідчить про аксіологічну асиметрію: бути багатим гріховно й соромно, водночас багатство — винагорода за добре серце та старанну працю; бідність вказує на страждання й лихо, водночас бідність — знак чистої совісті й праведності.

Ключові слова: казка, лінгвокультурологія, аксіологія.

Galina S. YAROTSKAYA,

PhD in Philological Sciences, Associate Professor of the Applied Linguistic Department of Odessa I. I. Mechnikov National University; Odessa, Ukraine;
e-mail: g.yarotskaya@gmail.com; phone: +38 050 3916600

DISCURSIVE ANALYZE OF ATTITUDE TO THE WEALTH AND POVERTY IN THE TEXT OF RUSSIAN FOLK TALES

Summary. In the article we analyze linguistic and cultural attitude to the wealth / poverty in the texts of Russian folk tales. The results of the analysis allow us to make a reasonable conclusion about the axiological ambivalence of ordinary Russian economic perception. Discursive cognition in relation to the wealth / poverty reflects the ideal side of economic interaction. For example, in the Russian fairy tales the desired, ideal economic model, which in most cases differs from the reality, is described through the behavior of the characters. However it is well to determine the value systems of ordinary Russian economic perception. Material wealth does enhance the importance or the social status of the individual, but at the same time it is a well-deserved reward for the one who has good moral character. The absence of need to pursue the material wealth is one of the conditions of gaining it. Material wealth requires a kind of justification by its owner in the eye of the people: the man who does not deserve the wealth, must be deprived of it, while the restoration of justice means to take away from the unworthy his wealth and give it to the poor, or «miraculously» to make the worthy rich giving him a financial reward. Discursive cognition in relation to wealth / poverty in the texts of Russian folk tales indicates axiological asymmetry: the wealth — is sinful and shameful, the wealth is a reward for good heart and hard work; poverty is a suffering and deprivation, poverty is a sign of pure conscience and righteousness.

Key words: fairy tale, cultural linguistics, axiology.

Статтю отримано 12.05.2014 р.

УДК 81`23`42`367`373.612.2

РОМАНЕНКО Виктория Андреевна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры функциональной лингвистики Института языка и литературы Приднестровского государственного университета имени Т. Г. Шевченко;

Тирасполь, Молдавия;

e-mail: vita28-28@mail.ru; тел.: +373(533)71136

ИОН Антонина Александровна,

учитель высшей категории Гимназии № 1 г. Бендеры; Бендеры, Молдавия;

тел.: +373(533)56876

ИНДЕКСАЛЬНО-МЕТОНИМИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП РЕЦЕПЦИИ ТЕКСТА

Аннотация. Совокупность опорных слов текста и их актуализированных сем формирует различные типы парадигм, выделение которых во многом зависит от читательской рецепции. В статье говорится об одной из ключевых функций метонимии — рецептивной, суть которой заключается в способности метонимии продлевать эффект восприятия текста, образа. В результате это приводит к более полному и осознанному раскрытию эстетического содержания объекта, в том числе и такого сложно-организованного феномена, как индексально-метонимический символ. Синергетическая концепция точки бифуркации находит своеобразное преломление в изучении символа как высшего модуса проявления метонимического индексального знакаобраза, прочтение которого во многом опирается на рецептивный опыт адресата.

Ключевые слова: метонимия, символ, рецепция, текст.

Метонимия способствует эффекту продления восприятия — сотворчеству, когда реципиент участвует в раскрытии формально объективированного эстетического содержания объекта, ситуации, текста. В этом нам видится рецептивная функция метонимии. Известно, что наиболее яркие *актуализации* (термин рецептивной эстетики) — превращения детали в целостный образ, мимолётного эпизода в развёрнутую картину и прочее — вызываются не законченными, полными описаниями, а фрагментами, деталями как жеста-индексами в широком смысле слова. При метонимическом способе восприятия информации реципиент способен менять угол зрения на объект с целью выделения нужных смыслов, укрупнять опорные пункты текста. Выявить концепт текста путём поэтапного установления значимости синтаксических и семантических связей в системе целого позволяет метод герменевтического круга. «Концепт текста», по А. А. Брудному [7], может видоизменяться по мере последовательного развития ситуации под влиянием перемещения мысленного центра от одного элемента к другому.

Со стороны оформления пространства текста метонимическими участками появляются фрагменты, способствующие лучшему запоминанию информации, стимулирующие воображение с помощью большей степени смысловой компрессии. К ним относятся, прежде всего, заголовки, зачин и концовка, а также фрагменты, выделенные метаграфически (шрифт, курсив, разрядка, подчёркивание, цвет и прочее). Эти приёмы рамочного оформления достаточно хорошо разработаны в публицистике, рекламе. «Фактор эффекта края» [11, с. 113, 116] или проблема «рамы» в семиотике изображения [см.: 22], а затем и в вербальной семиотике не даёт смыслу растекаться до беспредельности, переходить грань, отделяющую искусство от жизни. Средствами метонимической компрессии текста являются также послетексты (метатекст) и интертекстуальные фрагменты. Вот почему «...Запоминание и воспроизведение целого смыслового отрывка является не столько процессом его непосредственного запечатления и «считывания», сколько процессом его сложнейшей реконструкции — выделения основных смысловых компонентов, анализа их соотношений и восстановления тех смысловых схем, которые образованы этими компонентами» [16, с. 267].

Метонимическая реконструкция может осуществляться по модели, предложенной И. А. Зимней [11, с. 319–320]: на первой ступени — получение информации; на второй — идентификация выделенных из общего фона объектов восприятия; на третьей — интеграция получаемой информации с прошлым опытом; на четвёртой — оценка воспринятой информации; на пятой — интерпретация как продолжение субъективно-оценочной обработки принятой информации с выявлением общего смысла, подтекста и т. д.; на шестой — интерполирование подтекста, намерения, предвосхищение будущего действия, прогноз; на седьмой — интроспективная оценка всего процесса.

В структурализме и традиционном языкознании понимание (герменевтика) интерпретировалось как универсальная категория, независимая от участников ситуации общения и определяемая значением языковых форм [см., напр., 19]. Однако было установлено, что понимание зависит от модели мира участников акта коммуникации и от «фактора интереса» [3, с. 300]. Герменевтика (греч. «толкую, разъясняю, перевожу») даёт возможность рассматривать слово, тексты не как имманентные структуры, смысл которых может быть истолкован для другого, будучи сам изначальным (интерпретация), а как метаструктуры, производящие индивидуальное или социальное знание, обращённое к рефлексивному слою сознания [см.: 8, с. 274]. Герменевтический подход к тексту позволяет выявить в нём коды культуры, если сам текст располагает ими. Для исследования таких макрознаковых семиотических

объектов, как театр, кино, балет, опера, ритуально-магические действия, в которых сообщение передаётся «синхронно и вместе с тем в различных ритмах» [4, с. 276] (декорации, музыка, свет, танец, речь, пение, пантомима), герменевтический подход остаётся незаменимым. С его помощью адресат может осознавать текст как политопическую структуру, сформированную из множества текстов, кодов и смыслов, вступающих в диалог друг с другом, т. е. как гипертекст. Т. Нельсон определил гипертекст как «множество текстов», позволяющих устранить монологичность [3, с. 31]. (Идея о первичности диалога по отношению к монологу высказывалась Л. П. Якубинским, М. М. Бахтиным). Отсюда требование применять дискурсивный (гипертекстовый) анализ глубинных уровней текста — подтекста, затекста, метатекста, надтекста, интертекста. Один из вариантов герменевтического подхода к анализу текста, знака является анализ частей с точки зрения целого и целого с точки зрения части — принцип герменевтического круга (Г.-Г. Гадамер). В герменевтике впервые внимание обращено на включённость текста в рамки диалога, дискурса, коммуникации [3, с. 315]. Произведение же мыслится как «эффект текста», зримый результат «текстовой работы, происходящей на второй сцене» [4, с. 40]. По мнению В. А. Лукина, «текст — последовательность знаков, воспринимаемая носителями данного языка в значительной мере инвариантно. Произведение — вариативное восприятие текста, в значительной мере индивидуальное для каждого читателя» [15, с. 58]. Бартовское понимание произведения соответствует фенотексту (по Ю. Кристевой) — «авансцене семиотического объекта», тогда как текст-письмо соответствует генотексту (по Ю. Кристевой) — «второй сцене», сфере неструктурированной смысловой множественности, обретающей структурную упорядоченность на уровне фенотекста (произведения). Согласно концепции Р. Барта, текст мыслится как часть дискурса, а произведение представляет собой застывший текст. Задача исследователя и читателя — «оживить» заложенные в произведении смыслы, герменевтические голоса, коды (смысловые, перцептивные, прагматические, культурно-исторические и прочие): «Текст понимается как пространство, где идёт процесс образования значений, т. е. процесс означивания (выделено нами). Задача исследователя текста не в том, чтобы зарегистрировать устойчивую структуру, а в том, чтобы произвести подвижную структуризацию текста (которая меняется от читателя к читателю на протяжении истории). Текстовый анализ не стремится выяснить, чем детерминирован данный текст: цель — увидеть, как он взрывается и рассеивается в межтекстовом пространстве. Задача — уловить и классифицировать коды (формы), через которые идёт возникновение смыслов текста, а не найти один из возможных смыслов текста, как в литературной критике герменевтического типа (стремящейся дать интерпретацию с целью выявления скрытой истины). Цель — помыслить, пережить *множественность* (выделено нами) текста» [4, с. 424]. Термин «герменевтический», как явствует из смысла цитаты, употреблен в значении *интерпретационный*. Термин *текст* в концепции Р. Барта понимается как *текст-письмо*, т. е. как дискурс. По Р. Барту, выделяются следующие основные коды:

1. Нарративный, поддерживающий событийную канву произведения.
2. Семантико-содержательный.
3. Символический (подтексты).
4. Культурно-исторический, включающий субкоды (научный, риторический, социально-исторический) [см., напр.: 4, с. 455].
5. Герменевтический (надтекст).
6. Метаязыковой [4, с. 431; см. также 5].

По мысли учёного, «текстовый анализ (дискурсивный — В. Р.) требует, чтобы мы представляли себе текст как ткань или переплетение разных голосов, многочисленных кодов, одновременно перепутанных и незавершённых» [4, с. 459]. Для *распутывания* сложной ткани текста, в первую очередь, подходит компонентный (семический) анализ, зародившийся в американской антропологии и этнолингвистике и примыкавший к теории «семантических полей», где возникло представление о том, как вокруг некоторого концепта формируется ансамбль элементов [17, с. 66–67].

От степени информированности читателя зависит выделение психологического сказуемого, «психологического предиката», ремы высказывания [11, с. 76–77]. Замысел произведения симультанно воплощается в пространственно-понятийной схеме и в схеме временной развёртки. Пространственно-понятийная схема — сетка соотношения понятий, поле номинации, где действует критерий осмысленности, лингвистический опыт, чувство языка, знание узуса — условий и правил употребления единиц. Схема временной развёртки выявляет «грамматику мысли» [11, с. 260–261], которая есть отражением логики событий. Здесь создаётся поле предикации и определяется порядок следования понятийных комплексов образования мысли. В аспекте изучения метонимизации актуальна методика целевой интерпретации текста. Если у субъекта создана целевая установка на определённый аспект текста (идея, образ коммуникатора, запомнить общее впечатление и т. д.), то он оперирует не со всем текстом, а только с частью, несущей эту информацию [14, с. 240–241]. Таким образом, разночтения текста зависят как от поливокальности самого текста (множественность голосов), так и от герменевтической практики читателя. Установлено, что «Заполнение семантического пространства текста различными типами ключевых слов (текстемами, контекстемами, идеологемами, аксиологемами, колорными полюсами (...), которые по своему существу являются выражением авторских смыслов — замыслов, создаёт тот интерпретационный фон, который следует дешифровать читателю» [9, с. 118]. В силу дискретного характера индивидуального восприятия речи, текста в процессе чтения происходит укрупнение смысловой информации путём выделения опорных смысловых пунктов текста. Смысловая перспектива ключевых слов намного глубже их значения, представляющего собой лингвосоциальное обыденное, научное знание о предмете, процессе, признаке, актуальное в данную эпоху данного языкового мыш-

ления [9, с. 109], в то время как смысл представляет собой психофилологическое знание о предмете, процессе, признаке, рождённое в определённом тексте и допускающее авторское / читательское толкование [9, с. 109]. Лексическое значение воспринимается как многокомпонентное семантическое поле [20, с. 55], организованное сигнификативными, денотативными и коннотативными компонентами. Сам термин «денотат» двойствен, обозначая и конкретный предмет, и обобщённое представление о нём или целом классе однородных предметов. Кроме сигнификативного, денотативного и коннотативного компонентов выделяют и этнокультурный компонент [20, с. 62]. Последний представляет собой отражение в значении национально-специфического восприятия тем или иным народом реалий, фрагментов действительности и даже чистых конструктов народного сознания [20, с. 62–63].

По мнению Р. Барта, лингвистика стремится не к устранению языковых двусмысленностей, но к их пониманию, к их институированию. Явление, с давних времён известное поэтам под названием суггестии (внушающая сила слова), сейчас начинает привлекать внимание лингвистов, которые пытаются придать научный статус самой переливчатости смыслов [4, с. 352].

В конкретной речевой ситуации знаки приобретают коммуникативный характер. В языке денотативно-сигнификативная отнесённость знака формирует его значение; в речи же она формирует смысл знака, (ситуативное, актуальное значение). Различие между значением и смыслом раскрывает следующее определение: «... *Значение* составляет семантическую категорию инактуального языка, а *смысл* — семантическую категорию актуального языка (речи. — В. Р.).

Значение — это бывший и тем самым застывший смысл, переведённый из живой ситуации, из повседневной практики в систему данного инактуального языка и выступающий в качестве внутренней, семантической стороны языкового знака (означаемого), закреплённого за внешней, звучащей стороной языкового знака (означающим); значение связано с действительностью только через посредство актуального смысла, инактуальным коррелятом которого является и для выражения которого оно служит. Именно значение является одним из компонентов актуального смысла в познавательной и коммуникативной деятельности людей. Следовательно, значение относится к смыслу так же, как инактуальный язык относится к актуальному, т. е. как средство к цели» [10, с. 22–23]. Как подчёркивал Ю. С. Степанов, обобщая выводы Г. Фреге и А. Черча, «... значение слова — это тот предмет или те предметы, к которым это слово правильно, в соответствии с нормами данного языка применимо, а *концепт* — это смысл слова» [21, с. 44]. Таким образом, различают, с одной стороны, «референцию говорящего» (отношение имени к предмету, которое устанавливает говорящий) и «семантическую референцию» (отношение того же имени к предмету, которое заранее установлено системой языка) (С. Крипке) [цит. по: 21, с. 22–23].

По Е. И. Дибровой, «... смысл — это речевая реализация языковой потенции, это индивидуальное, личностное отношение, возникающее под влиянием всех психологических контекстных факторов. (...) Семантика единиц, не соответствующая лексикографической нормативности и выводимая из контекстного употребления, является авторским личностным смыслом, возникающим под влиянием собственного мнения, намерения, понимания» [9, с. 109]; «Значение единицы при её смысловом преобразовании оказывается под игом психологизма и материальности обстановки; экспрессивная волна коммуникативно-когнитивного акта поглощает исходную первичность значения, рождая либо двуплановость значения ↔ смысла, либо собственно контекстную семантику» [9, с. 110]. Современные исследователи неоднократно подчеркивают, что первичное значение может составлять ядро смысла, но может оказаться и на периферии. Разграничивая содержания терминов «значение» и «смысл», О. А. Леонтович утверждает, что «значение внеконтекстно, неинтерактивно и статично; смысл в свою очередь контекстуально обусловлен, интерактивен и динамичен», «смысл всегда в той или иной степени культурно маркирован, если культуру понимать широко и считать, что контекст (как внутренний, так и внешний) всегда культурно обусловлен» [13, с. 19]. Единицы, трансформирующие или модифицирующие словарное значение слова (интенсификаторы), располагаются в непосредственной близости к слову либо дистантно. Происходит монтаж нового смысла, в соответствии с законом *семантического согласования* (Э. В. Кузнецова). Влияние контекста на изменение смысла знаковой единицы было в свое время продемонстрировано Л. В. Кулешовым на примере кинотекстов [см., напр.: 24], а чешский филолог Я. Мукаржовский на примере литературных текстов показал зависимость каждого составного элемента от окружения его другими элементами. Поэтому неправомерно рассматривать слово только в аспекте его словарного значения, о чем в своё время писал А. А. Потебня: «Обыкновенно мы рассматриваем слово в том виде, как оно является в словарях. Это всё равно, как если бы мы рассматривали растение, каким оно является в гербарии, то есть не так, как оно действительно живёт, а как искусственно приготовлено для цели познания. Отсюда произошло то, что многие явления языка понимались ошибочно» [цит. по: 8, с. 298]. Идея семантической реконструкции при концептуальном анализе заключается в определении значения ключевых слов с учётом совокупности контекстов их употребления, дистрибуции типов связей [6, с. 136] и последующей интерпретацией смысловых различий в словоупотреблении.

Адресат может дискретно воспринимать различные аспекты семемы ключевого слова — собственно языковой, социопсихологический, прагматический, аксиологический, референтно-денотативный, сигнификативный, эстетический, образный и т. п. По наблюдению А. А. Зимней, разные слушатели (читатели) характеризуются разными шагами смыслового восприятия — дробными или крупными [11, с. 99–100]. Поэтому процесс квантования смысла сам по себе может рассматриваться как метонимический, когда накопление и обработка информации в процессе её восприятия осуществляется порциями, квантами (дискретно), создающими смысловое поле с опорными пунктами в виде ключевых

слов и доминирующих сем, синекдохически выделенных фрагментов «картины мира». Доказано, что кажущаяся простота иных текстов в любом медиуме (дискурсе) является фикцией, так как всегда имеют место личностные подходы к сегментации действительности.

Совокупность опорных слов текста и их актуализированных сем формирует различные типы парадигм, выделение которых во многом зависит от читательской рецепции. «Связанность знаковых единиц текста, в конечном счёте, служит для повтора некоторого содержания, которое может составлять «тему отдельного абзаца, сверхфразового единства..., а в предельном случае целого текста. Данное явление получило название «изотопия»» (А. Греймас) [цит. по: 15, с. 27]. Неоднородность семантического пространства текста создается неравнозначностью, «разновесностью» его знаков, взаимосвязанных и взаимодействующих между собой [15, с. 105]. Так, Л. О. Чернейко выделяет анафорические (повтор ключевых слов), фреймовые, предикатные (синонимические) парадигмы [23, с. 458].

Фреймовая, или мифологическая (сущностная), парадигма выстраивает информацию о картине мира, хранящуюся в индивидуальном сознании. Здесь инвариант — сущее; варианты — его предикаты. Например, камень (сущее, имя фрейма) собирает «в пучок» такие предикаты, как «холодный», «тяжёлый», «серый»; его можно «бросить», «разбить», «нагреть» [23, с. 451].

Аксиологическая, предикатная, парадигма раскрывает мироощущение личности [23, с. 458]. Инвариант этой парадигмы — аксиологический предикат; варианты — имена фрагментов мира, составляющие индивидуальное аффективное поле [23, с. 458]. Метонимический принцип позволяет выделить в ряду членов предикатной парадигмы инвариантную сему, объединяющую разнородные объекты. Например, предикат «серый» является интегральным гиперпризнаком таких денотатов и, соответственно, закреплённых за ними слов, как «камень», «дом», «мышь», «костюм» и т.п. Объединение в парадигму денотатов-квазиобъектов происходит по принципу обертоно-аликвотного монтажа. Аликвотный монтаж (интеллектуальный, по С.М. Эйзенштейну) [1] текстовых кусков способствует извлечению из соотносимых слов их вторичного, часто символического смысла, проявляемого в контексте и отсутствующего в языковой парадигме. По аликвотному принципу в музыкальном тексте выделяются ноты, фактически не исходящие от звучащего тела, а производные двух обертонов, которые, сливаясь, образуют новый третий звук. «Эйзенштейн называет именем интеллектуального монтажа собирание кусков по признакам, которые отсутствуют в непосредственном материале изображения кадров и не могут быть непосредственно отысканы ни в одном из них, даже в виде физиологических раздражителей той или иной интенсивности.

Аликвотные ноты кинокадров возникают в куске как результат наличия скрытого в изображениях интеллектуального раздражителя, вызывающего их отвлечённое обобщение в сознании зрителя...» [1, с. 75]. На аликвотном принципе иногда строятся целые произведения, где «за кадром» может оказаться вся основная нарративная часть произведения, содержание которой выводится из рамочных фрагментов текста — зачина и концовки. Эллипсис текста, таким образом, подготавливает появление нарративной метонимии.

На эмпирической основе формируются парадигмы знакообразов по признакам, соответствующим тому или иному каналу перцепции. Внутри таких парадигм могут оформляться субпарадигмы. Например, в рамках визуальной парадигмы выделяют субпарадигмы словообразов, объединённых по семе «фактура», «цвет», «объём», «тон», «форма» и тому подобное. Эмпирический уровень парадигматики определяет денотативно-референтное поле текста.

На основе комбинации различных видов парадигм рождается такая полевая структура, как символ, изучение которой возможно в свете концепции нелинейных динамик, т. е. в свете концепции синергетики [18, с. 499; см. также 2]. Синергетика даёт новый образ мира, сложно организованного, становящегося, непрерывно возникающего [12, с. 15]. Синергетическая концепция точки бифуркации находит своеобразное преломление в изучении символа как высшего модуса проявления метонимического индексального знакообраза, прочтение которого во многом опирается на рецептивный опыт адресата.

Литература

1. Аксёнов И. А. Сергей Эйзенштейн. Портрет художника / И. А. Аксёнов. — М.: Киноцентр, 1991 — 128 с.
2. Алефиренко Н. Ф. Поэтическая энергия слова: Синергетика языка, сознания и культуры / Н. Ф. Алефиренко. — М.: Academia, 2002. — 394 с.
3. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику / А. Н. Баранов. — 2-е изд. — М.: УРСС, 2003. — 360 с.
4. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Роллан Барт; [пер., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова]. — М.: Прогресс, 1989. — 616 с.
5. Барт Р. Мифологии / Роллан Барт. — М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2004. — 320 с.
6. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. — М.: Прогресс, 1974. — 448 с.
7. Брудный А. А. Психологическая герменевтика / А. А. Брудный. — М.: Лабиринт, 1998. — 336 с.
8. Верещагин Е. М. Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. — М.: Рус. яз., 1980. — 320 с.
9. Диброва Е. И. Пространство текста в композитном членении / Е. И. Диброва // Структура и семантика художественного текста: докл. VII Междунар. конф. — М., 1999. — С. 91–138.
10. Домбровольский И. Знак и смысл / И. Домбровольский // Вопросы языкознания. — М., 1973. — № 6. — С. 22–32.
11. Зимняя И. А. Лингвопсихология речевой деятельности / И. А. Зимняя. — М.: Моск. психол.-социал. ин-т; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. — 432 с.
12. Князева Е. Н. Одиссея научного разума: синергетическое видение научного прогресса / Е. Н. Князева. — М.: Изд-во Ин-та философии, 1995. — 228 с.
13. Леонтович О. А. Проблема ретрансляции и адаптации культурных смыслов / О. А. Леонтович // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — М., 2008. — № 2. — С. 18–24.
14. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики / А. А. Леонтьев. — М.: Смысл, Академия, 1999. — 288 с.

15. *Лукин В. А.* Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа: учеб. для филол. спец. вузов / В. А. Лукин. — М.: Ось-89, 1999. — 192 с.
16. *Лурия А. Р.* Письмо и речь: нейролингвистические исследования: учеб. пособие / А. Р. Лурия. — М.: ИЦ Академия, 2002. — 352 с.
17. *Мейзерский В. М.* Философия и неориторика / В. М. Мейзерский. — К.: Лыбидь, 1991. — 192 с.
18. *Можейко М. А.* Нелинейных динамик теория / М. А. Можейко // Постмодернизм: энциклопедия / А. А. Грицанов, М. А. Можейко. — Минск: Белорус. дом печати, 2001. — С. 499–501.
19. *Рузавин Г. И.* Проблемы понимания и герменевтика / Г. И. Рузавин // Герменевтика: история и современность: критические очерки. — М.: Мысль, 1985. — С. 162–178.
20. *Сологуб Ю. П.* Структура лексического значения / Ю. П. Сологуб // Филологические науки. — М., 1997. — № 2. — С. 54–66.
21. *Степанов Ю. С.* Константы: словарь рус. культуры / Ю. С. Степанов. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Академический Проект, 2004. — 992 с.
22. *Успенский Б. А.* Поэтика композиции / Б. А. Успенский // Семиотика искусства. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. — С. 9–218.
23. *Чернейко Л. О.* Гипертекст как лингвистическая модель художественного текста / Л. О. Чернейко // Структура и семантика художественного текста: докл. VII Междунар. конф. — М., 1999. — С. 439–460.
24. *Ямпольский М. Б.* Эксперименты Кулешова и новая антропология актёра / М. Б. Ямпольский // Ноосфера и художественное творчество. — М.: Наука, 1991. — С. 183–199.

References

1. *Aksjonov I. A.* Sergej Ejzenshtejn. Portret hudozhnika / I. A. Aksjonov. — M.: Kinocentr, 1991 — 128 s.
2. *Alefirenko N. F.* Poeticheskaia energija slova: Sinergetika jazyka, soznaniia i kul'tury / N. F. Alefirenko. — M.: Academia, 2002. — 394 s.
3. *Baranov A. N.* Vvedenie v prikladnuju lingvistiku / A. N. Baranov. — 2-e izd. — M.: URSS, 2003. — 360 s.
4. *Bart R.* Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika / Rollan Bart; [per., obshh. red. i vstup. st. G. K. Kosikova]. — M.: Progress, 1989. — 616 s.
5. *Bart R.* Mifologii / Rollan Bart. — M.: Izd-vo im. Sabashnikovych, 2004. — 320 s.
6. *Benvenist E.* Obshhaja lingvistika / E. Benvenist. — M.: Progress, 1974. — 448 s.
7. *Brudnyj A. A.* Psihologicheskaia germenevika / A. A. Brudnyj. — M.: Labirint, 1998. — 336 s.
8. *Vereshhagin Je. M.* Lingvostranovedcheskaia teorija slova / Je. M. Vereshhagin, V. G. Kostomarov. — M.: Rus. jaz., 1980. — 320 s.
9. *Dibrova Je. I.* Prostranstvo teksta v kompozitnom chlenenii / Je. I. Dibrova // Struktura i semantika hudozhestvennogo teksta: dokl. VII Mezhdunar. konf. — M., 1999. — S. 91–138.
10. *Dombrovol'skij J.* Znak i smysl / J. Dombrovol'skij // Voprosy jazykoznanija. — M., 1973. — № 6. — S. 22–32.
11. *Zimnjaja I. A.* Lingvopsihologija rechevoj dejatel'nosti / I. A. Zimnjaja. — M.: Mosk. psihol.-social. in-t; Voronezh: NPO «MODEK», 2001. — 432 s.
12. *Knjazeva Je. N.* Odisseja nauchnogo razuma: sinergeticheskoe videnie nauchnogo progressa / Je. N. Knjazeva. — M.: Izd-vo In-ta filosofii, 1995. — 228 s.
13. *Leontovich O. A.* Problema retransl'jacii i adaptacii kul'turnyh smyslov / O. A. Leontovich // Vestnik MGU. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija. — M., 2008. — № 2. — S. 18–24.
14. *Leont'ev A. A.* Osnovy psiholingvistiki / A. A. Leont'ev. — M.: Smysl, Akademiya, 1999. — 288 s.
15. *Lukin V. A.* Hudozhestvennyj tekst: Osnovy lingvisticheskoj teorii i jelementy analiza: ucheb. dlja filol. spec. vuzov / V. A. Lukin. — M.: Os'-89, 1999. — 192 s.
16. *Lurija A. R.* Pis'mo i rech': nejrolingvisticheskie issledovanija: ucheb. posobie / A. R. Lurija. — M.: IC Akademiya, 2002. — 352 s.
17. *Mejzerskij V. M.* Filosofija i neoritorika / V. M. Mejzerskij. — K.: Lybid', 1991. — 192 s.
18. *Mozhejko M. A.* Nelinejnyh dinamik teorija / M. A. Mozhejko // Postmodernizm: jenciklopedija / A. A. Gricanov, M. A. Mozhejko. — Minsk: Belorus. dom pečati, 2001. — S. 499–501.
19. *Ruzavin G. I.* Problemy ponimaniia i germenevika / G. I. Ruzavin // Germenevika: istorija i sovremennost': kriticheskie ocherki. — M.: Mysl', 1985. — S. 162–178.
20. *Sologub Ju. P.* Struktura leksicheskogo znachenija / Ju. P. Sologub // Filologicheskie nauki. — M., 1997. — № 2. — S. 54–66.
21. *Stepanov Ju. S.* Konstanty: slovar' rus. kul'tury / Ju. S. Stepanov. — 3-e izd., ispr. i dop. — M.: Akademicheskij Proekt, 2004. — 992 s.
22. *Uspenskij B. A.* Pojetika kompozicii / B. A. Uspenskij // Semiotika iskusstva. — M.: Shkola «Jazyki russkoj kul'tury», 1995. — S. 9–218.
23. *Chernejko L. O.* Gipertekst kak lingvisticheskaia model' hudozhestvennogo teksta / L. O. Chernejko // Struktura i semantika hudozhestvennogo teksta: dokl. VII Mezhdun. konf. — M., 1999. — S. 439–460.
24. *Jampol'skij M. B.* Eksperimenty Kuleshova i novaja antropologija aktjora / M. B. Jampol'skij // Noosfera i hudozhestvennoe tvorcestvo. — M.: Nauka, 1991. — S. 183–199.

РОМАНЕНКО Вікторія Андріївна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри функціональної лінгвістики Інституту мови та літератури Придністровського державного університету імені Т. Г. Шевченка; Тирасполь, Молдова;
e-mail: vita28-28@mail.ru; тел.: +373(533)71136

ІОН Антоніна Олександрівна,

учитель вищої категорії Гімназії № 1 м. Бендери; Бендери, Молдова;
тел.: +373(533)56 876

ИНДЕКСАЛЬНО-МЕТОНИМИЧНИЙ ПРИНЦИП РЕЦЕПЦІЇ ТЕКСТУ

Анотація. Сукупність опорних слів тексту та їх актуалізованих сем формують різні типи парадигм, виокремлення яких багато в чому залежить від читачької рецепції. У статті йдеться про одну з ключових функцій метонімії — рецептивну, суть якої полягає у здатності метонімії продовжувати ефект сприйняття тексту, образу. У результаті це призводить до більш повного й усвідомленого розкриття естетичного змісту об'єкта, в тому числі і такого складного феномена, як індексально-метонімічний символ. Синергетична концепція точки біфуркації своєрідно виявляється у вивченні символу як вищого модусу функціонування метонімічного індексального знакообразу, сприйняття якого багато в чому спирається на рецептивний досвід адресата.

Ключові слова: метонімія, символ, рецепція, текст.

Victoria A. ROMANENKO,

Candidate of Philology, Associate Professor of the Functional Linguistics Department of Institute of Language and Literature of the Transnistrian T. G. Shevchenko State University; Tiraspol, Moldova;
e-mail: vita28-28@mail.ru; tel.: +373(533)71136

Antonina A. ION,

Teacher of the high category of High School No 1 in Bender; Bender, Moldova;
tel.: +373(533)56876

INDEX-METONYMY PRINCIPLE OF RESEPTION OF A TEXT

Summary. The set of key words of the text and their actualized semes generate various types of paradigms, the allocation of which depends on the reader's reception. The article deals with receptive function of a metonymy. Its essence has an ability of metonymy to prolong an artistic effect of the perception of any text or image. As a result, it leads to a more complete disclosure and conscious aesthetic content of the object, including a complex phenomenon as indexical-metonymic symbol. Synergistic concept of a bifurcation point has a peculiar refraction in the study of a symbol as higher mode of manifestation metonymic indexical sign image, understanding of which relies heavily on the experience of receptive experience by addressee.

Key words: metonymy, symbol, reception, text.

Статтю отримано 19.04.2014 р.

УДК 811.111'42:165.12

ИВАНЧЕНКО Андрей Валентинович,

преподаватель кафедры иностранных языков Одесского государственного экологического университета; Одесса, Украина;
e-mail: shiah@ukr.net; моб.: +38-097-1364841

СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНЫЕ КОРРЕЛЯЦИИ В ЭКФРАСИСНЫХ ЭПИЗОДАХ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена семантическим ролям и их вербальной репрезентации в экфрасисных эпизодах, которые определяются как фреймовые ситуации, предусматривающие восприятие живописного полотна. Семантические роли субъекта и объекта в экфрасисном эпизоде и в реальной перцептивной ситуации не совпадают. Агентивный потенциал объекта значительно возрастает за счёт процессов персонификации и метаморфозы изображения в художественном произведении.

Явление экфрасиса — это своего рода связующее звено между словесным повествованием и объектом изобразительного искусства, таким образом, экфрасис представляет собой текст, создаваемый на стыке двух разных различных художественных систем, характерным признаком которого является выполнение дескриптивной функции. Результатом такого выполнения является передача эмоционально-стилистической составляющей художественного образа.

Описательная сила экфрасиса способствует лучшей передаче читателю вербальной информации, относящейся к произведениям изобразительного искусства. Особый интерес представляет эмоциональный аспект восприятия перцептом художественного полотна, когда изображённые на нём объекты обретают способность буквально «оживать» на безжизненном холсте и эффективным образом воздействовать на окружающих. Такое же или максимально приближённое к нему воздействие, как представляется, должен нести в себе и сам экфрасис, отвечающий за качественную передачу визуального компонента по маршруту «визуальный объект — перцепт — текстовый объект — читатель».

Экфрасис, будучи широко распространённым инструментом для описания визуально воспринимаемых объектов художественного творчества, всё же остаётся малоисследованным явлением.

Ключевые слова: субъект, объект, экфрасис, художественный текст, корреляция.

Особенности взаимодействия различных кодов художественного творчества в последнее время привлекают внимание всё большего числа исследователей [1; 2; 3; 4]. В связи с этим рассмотрение перекодировки иконических знаков в вербальные представляется весьма актуальным. Отдельные лингво-психологические аспекты перцепции рассматривались в ряде работ [5], однако в них не анализировались лингво-психологические особенности перцепции в экфрасисных ситуациях.

Подобный анализ, проводимый на материале художественного текста (ХТ) XIX–XX вв. и направленный на выявление специфики корреляции «субъект-объект» восприятия в экфрасисных эпизодах художественного текста, предпринимается впервые, что определяет новизну данного исследования.

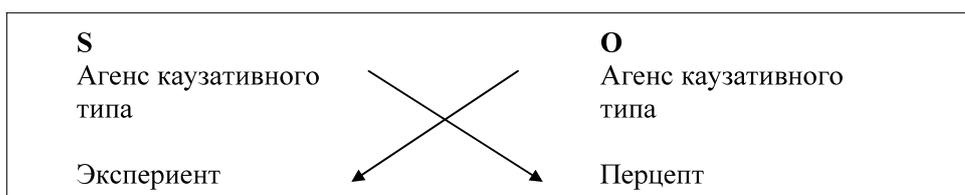
В настоящей статье впервые подробно рассматриваются вопросы специфики взаимодействия субъекта и объекта перцепции и семантических ролей последних в экфрасисных эпизодах, которые определяются здесь как фреймовые ситуации, предполагающие перцепцию артефакта, а точнее рассмотрение и восприятия живописного полотна. Субъектом (S) при этом является наблюдатель (зритель), а объектом (O) произведение художественного творчества, в нашем случае — картина (живописное полотно или его репродукция).

В реальной действительности взаимодействие субъекта и объекта перцепции проявляется в двунаправленности процессов апперцептивного комплекса:

- 1) на порождение чувственного образа (в этом случае имеет место вектор «объект → субъект»);
- 2) на организацию перцептивной активности (здесь действует вектор «субъект → объект») [6].

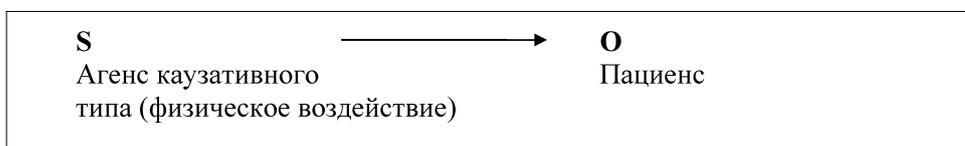
Процесс восприятия выражает единство перцепции (чувственного образа) и апперцепции, т. е. системы внутренних условий, обеспечивающих возможности его существования. Таким образом, субъект (S) — наблюдатель — и объект (O) — живописное полотно — в процессе перцепции одновременно выступают как носители активного или псевдоактивного начала, а также как носители пассивного начала. Субъект воздействует на предмет и сам поддается воздействию последнего. Воздействие субъекта пассивно, — оно не приводит к качественным изменениям объекта при наблюдении. Поэтому его агентивная роль лимитирована. Активность субъекта заключается в том, что он проявляет инициативу и организует условия для восприятия, хотя наблюдение может осуществляться и спонтанно, и не целенаправленно. В этом случае субъект выполняет роль косвенного каузативного Агенса.

Активность объекта достаточно опосредована: он стимулирует сенсорные центры и приводит к возникновению зрительных образов, которые затем трансформируются в ментальные, т. е. также выполняет агентивные функции косвенного каузативного характера. Вместе с тем, как поддающийся воздействию в момент непосредственного наблюдения субъект выступает в роли Эксперимента, а объект в роли Перцепта:

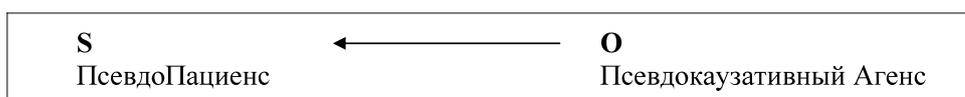
В период подготовки к восприятию субъект может оказывать непосредственное физическое воздействие на объект (поворачивать картину, прочищать поверхность и т. д.). В этом случае субъект выступает как Агнс каузативного типа, а объект как Пациенс. Например: *He (Conchis) moved the Rodin to one side and he lifted the frame down. He lifted it for me to see* [Fowles. Magus: 65].

Речь идёт об одной из предполагаемых картин Модильяни из коллекции Кончиса, одного из достаточно загадочных персонажей романа Фаулза «Волхв». В данном случае субъект выполняет прямую агентивную функцию, является каузативным Агнсом, поскольку подвергает объект непосредственному физическому воздействию. Объект здесь выступает в роли Пациенса. Схематически это можно представить следующим образом:

В художественном тексте взаимодействие субъекта и объекта перцепции может быть аутентично реальной корреляции. Однако оно может существенно отличаться от взаимодействия субъекта и объекта в реальной действительности. В экфрасисных эпизодах ХТ нередко наблюдаются определенные сдвиги семантических ролей субъекта и объекта. В частности, во многих ХТ (см. произведения Н. В. Гоголя, Ч. Диккенса, А. Конан Дойла, Э. По и др.) значительно возрастает агентивная роль объекта наблюдения. Объект может оказывать воздействие, которое не уступает по силе и по последствиям прямому физическому воздействию на субъект. При этом следует подчеркнуть, что изображение не персонафицируется, — оно по-прежнему остается в своем статическом состоянии, метаморфоза не происходит. Поэтому в этом случае есть основания говорить о кажущейся, мнимой каузативной агентивности объекта и мнимом ощущении физического воздействия, которое испытывает субъект наблюдения. Таким образом, субъект выполняет роль псевдоПациенса, а объект — роль псевдокаузативного Агенса. Например, в романе А. Мердок «Замок на песке» Мор видит портрет Демонта, который оказывает на него, как ему кажется, прямое физическое воздействие: *When Mor looked at the picture, everything else went out of his mind <...>. Now its presence assailed him with a shock that was almost physical* [Murdoch. Sandcastle: 118].

Мнимое нападение передается здесь с помощью каузативного глагола *to assail*. Это ощущение физического воздействия призвано подчеркнуть энергетику портрета, его магическую жизненную силу. Схематически это можно представить следующим образом:

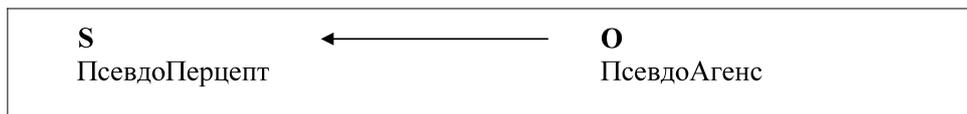
Случаи подобной псевдоактивности объекта можно найти, например, в «Собаке Баскервильей» Конан Дойла: *The face of Stapleton had sprung out of the canvas* [Doyle. The Hound of the Baskervilles: 183].

Естественно, что лицо в действительности не выпрыгнуло из полотна, но объект наблюдения здесь выполняет формальную функцию псевдоАгенса, максимально актуализируя экспрессивный потенциал высказывания. Изображение, оставаясь таковым, оказывает сильное эмоционально-психологическое воздействие на наблюдателя, — доктора Ватсона, которому показалось, что изображение может выпрыгнуть и напасть на него (мнимая физическая каузация). Кажущаяся наблюдателю антропоморфизация изображения лица Стэплтона осуществляется благодаря изобразительному глаголу *to spring out*, который в своем буквальном значении традиционно образует коллокации с одушевленным субъектом.

Не остаётся совершенно безжизненным и портрет немецкого композитора Г.-Ф. Генделя у Ч. Диккенса: *It was a most wonderful closet <...>. Above it, a portrait of Handel in a flowing wig beamed down at the spectator, with a knowing air of being up to the contents of the closet, and a musical air of intending to combine all its harmonies in one delicious fugue* [Dickens. *Mystery*: 56].

Г.-Ф. Гендель словно меняется ролями с наблюдателем, достойным Септимусом, который любил подкрепиться стаканчиком-другим вина из упомянутого буфета. Композитор, а точнее его портрет, стал свидетелем «невинных» забав Септимуса. Глагол *to beam down*, атрибутив *knowing (a knowing air)* способствуют превращению статического изображения в лицо с псевдоагентивной функцией. Оставаясь портретным изображением, Гендель воспринимается как живой участник происходящих в его присутствии событий. Он словно вступает в некий заговор молчания с теми, кто питает слабости к крепким напиткам, снисходительно им улыбаясь со своего портрета.

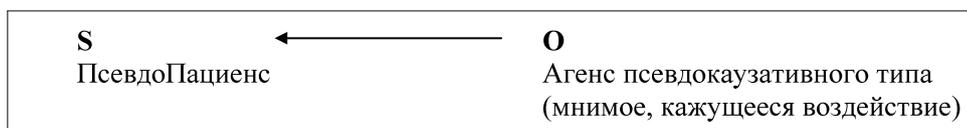
Таким образом, портрет у Ч. Диккенса, оставаясь статическим объектом, приобретает некоторые свойства динамического порядка, что приводит к изменению семантической роли объекта: из Перцепта он превращается в псевдоАгенса (мнимое активное лицо), а Септимус — в псевдоПерцепт (мнимый объект наблюдения):

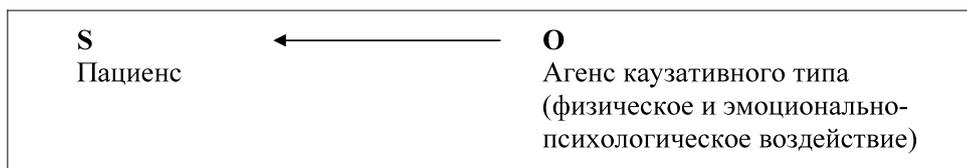
В произведениях сюрреалистического направления речь идет уже не только и не столько о псевдоактивности объекта перцепции, — живописного полотна, а о конкретных физических действиях, которые в некоторых случаях предпринимает и осуществляет объект изображения и восприятия.

В этой связи можно вспомнить действия ожившего портрета ростовщика в повести Н. В. Гоголя «Портрет», где изображение покидает рамки полотна и начинает действовать как антропоморфное существо: изображение ростовщика персонифицируется, совершает некие действия, в том числе направленные на физическое воздействие на субъект наблюдения (прямая физическая каузация). Своим дьявольским взглядом он вызывает ужас у очередного владельца картины, приносит ему несчастья и даже смерть, т. е. оказывает эмоционально-психологическое воздействие сродни физическому (эмоционально-психологическая каузация): *Художник вдруг задрожал и побледнел: на него глядело, высунувшись из-за поставленного холста, чье-то судорожно искаженное лицо. Два страшных глаза прямо вперились в него, как бы готовясь сожрать его; на устах написано было грозное повеление молчать* [Гоголь. *Портрет*: 82]. И далее: *<...>старик пошевелился и вдруг уперся в рамку обеими руками. Наконец приподнялся на руках и, высунув обе ноги, выпрыгнул из рам<...>* [Гоголь. *Портрет*: 85].

Таким образом, на первом этапе соотношение субъекта и объекта схематически можно представить следующим образом:

На следующем этапе (реальное оживление портрета, метаморфоза), соотношение трансформировалось, что схематически можно представить следующим образом:

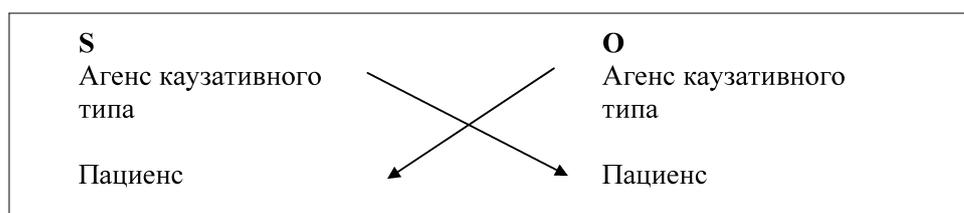
В фантастических произведениях прямое физическое воздействие на картину может иметь реверсивную силу. Попытка уничтожить свой портрет Дорианом Греем, ставший зеркалом его чёрной души, привела к смерти агрессивного субъекта, в то время как портрет вернулся в своё первоначальное

статическое состояние и вновь превратился в изображение прекрасного юноши, каковым некогда был герой произведения. Здесь Дориан Грей (наблюдатель) выполняет роль Агенса, а портрет — роль Пациенса. Однако как только удар по изображению был нанесён, оно начинает выполнять роль Агенса, который умерщвляет того, кто пытался уничтожить картину, тем самым трансформируя его в Пациенса.

В вербальном плане эта ролевая трансформация обеспечивается соответствующими глаголами воздействия (физической каузации) одного предмета на другой, в результате чего субъект (наблюдатель) и объект (картина) начинают выполнять не свойственные им в действительности функции: *He (Dorian) seized the thing (knife), and stabbed the picture with it* [Wilde. Portrait: 216].

Здесь субъект совершает конкретное, вполне возможное в реальности действие по отношению к объекту (*stabbed the picture*), т. е. выступает в роли каузативного Агенса, а портрет выполняет функцию Пациенса. Обратный, невозможный в реальности, сюрреалистический процесс О. Уайльд не описывает. Читатель узнаёт лишь о последствиях самого события: *Lying on the floor was a dead man, in evening dress, with a knife in his heart* [Ibid.: 217].

Схематически взаимодействие субъекта и объекта в данном случае можно представить следующим образом:

Итак, в ХТ роли субъекта и объекта в экфрасисной ситуации нередко трансформируются. В частности, значительно возрастает агентивная роль объекта, который выполняет функции не только Агенса косвенного каузативного типа, но и функции каузативного Агенса или псевдокаузативного Агенса. В двух последних случаях изображение персонифицируется и может оказывать на субъект прямое физическое воздействие либо, качественно не меняясь, оказывает мнимое, кажущееся физическое воздействие. Однако наблюдателю в такой ситуации представляется, что он подвергается реальному физическому воздействию со стороны объекта.

Если псевдокаузативная роль объекта наблюдается в ХТ как реалистичных жанров, так и сюрреалистических, то каузативно-агентивная роль присуща объектам наблюдения только в сюрреалистических произведениях (персонификация объекта, метаморфоза). Последнее позволяет говорить о том, что корреляция «субъект-объект» перцепции может выполнять жанрообразующую функцию. В результате подобной трансформации семантической роли объекта наблюдения меняется и роль субъекта перцепции, который начинает выполнять функции псевдоПациенса или собственно Пациенса.

Таким образом, корреляция субъекта и объекта в экфрасисной ситуации может значительно отличаться от их корреляции в реальном мире.

Отмеченные нами трансформации обусловлены спецификой художественного мира с его образностью, различными абберациями, касающимися взаимодействия людей и предметов, их топологических характеристик и прочего. Механизмы субъектно-объектных отношений в художественном тексте, в том числе в экфрасисных эпизодах, требуют дальнейшего более пристального внимания и анализа, что приведёт к более глубокому пониманию внутренней структуры художественного произведения и особенностей перекодировки разных знаковых систем.

Литература

1. Баева Н. А. Интертекстуальность в романном творчестве Чарльза Диккенса / Н. А. Баева. — Кемерово : Кузбассвузиздат, 2007. — 143 с.
2. Барабанщиков В. А. Динамика зрительного восприятия / В. А. Барабанщиков. — М. : Наука, 1990. — 240 с.
3. Елина Е. А. Вербальные интерпретации произведения изобразительного искусства: номинативно-коммуникативный аспект: монография / Е. А. Елина. — Саратов, 2002. — 256 с.
4. Лотман Ю. М. Семiosфера / Ю. М. Лотман. — СПб. : Искусство СПб, 2000. — 703 с.
5. Падучева Е. В. К структуре семантического поля «восприятие» / Е. В. Падучева // Вопросы языкознания. — 2001. — № 4. — С. 23–44.
6. Тишунина Н. В. Взаимодействие искусств в литературном произведении как проблема сравнительного литературоведения / Н. В. Тишунина // Филологические науки. — 2003. — № 1. — С. 19–26.

Источники иллюстративного материала

1. Гоголь Н. В. Портрет // Собр. соч. : в 7 т. / Н. В. Гоголь. — М. : Худ. лит., 1966. — Т. 3 : Повести. — С. 74–134.
2. Dickens Ch. The Mystery of Edwin Drood // Edwin Drood and other stories / Ch. Dickens. — London : Chapman & Hall, Ltd. — P. 1–155.
3. Doyle A. C. The Hound of the Baskervilles / A. C. Doyle. — М. : Manager, 2004. — 240 p.
4. Fowles J. The Magus / J. Fowles. — Toronto : Little, Brown & Company Limited, 1965. — 489 p.
5. Murdoch I. The Sandcastle / I. Murdoch. — Ленинград : Просвещение, 1975. — 216 p.
6. Wilde O. The Picture of Dorian Gray / O. Wilde. — К. : Dnipro Publishers, 1978. — 231 p.

References

1. Bayeva N. A. Intertekstual'nost'v romannon tvorchestve Charl'za Dickensa / N. A. Bayeva. — Kemerovo : Kuzbassvuzizdat, 2007. — 143 s.
2. Barabanshchikov V. A. Dinamika zritel'nogo vospriyatiya / V. A. Barabanshchikov. — M. : Nauka, 1990. — 240 s.
3. Yelina Y. A. Verbal'nyye interpretetsyi proizvedeniya izobrazitel'nogo iskusstva: Nominativno-kommunikativnyi aspect : monografiya / Y. A. Yelina. — Saratov, 2002. — 256 s.
4. Lotman Y. M. Semiosfera / Y. M. Lotman. — SPb. : Iskusstvo SPB, 2000. — 703 s.
5. Paducheva Y. V. K structure semanticheskogo polia «vospriyatiye» / Y. V. Paducheva // Voprosy yazykoznaniya. — 2001. — N 4. — S. 23–44.
6. Tishunina N. V. Vzaimodeystviye iskusstv v literaturnom proizvedenii kak problema sravnitel'nogo literaturovedeniya / N. V. Tishunina // Filologicheskiye nauki. — 2003. — N 1. — S. 19–26.

Sources of illustrative material

1. Gogol' N. V. Portret // Sobr. soch. : v 7 t. / N. V. Gogol'. — M. : Hud. lit., 1966. — T. 3 : Povesti. — S. 74–134.
2. Dickens Ch. The Mystery of Edwin Drood // Edwin Drood and other stories / Ch. Dickens. — London : Chapman & Hall, Ltd. — P. 1–155.
3. Doyle A. C. The Hound of the Baskervilles / A. C. Doyle. — M. : Manager, 2004. — 240 p.
4. Fowles J. The Magus / J. Fowles. — Toronto : Little, Brown & Company Limited, 1965. — 489 p.
5. Murdoch I. The Sandcastle / I. Murdoch. — Leningrad : Prosveshhenie, 1975. — 216 p.
6. Wilde O. The Picture of Dorian Gray / O. Wilde. — K. : Dnipro Publishers, 1978. — 231 p.

ІВАНЧЕНКО Андрій Валентинович,

викладач кафедри іноземних мов Одеського державного екологічного університету; Одеса, Україна;
e-mail: shiah@ukr.net; моб.: +38-097-1364841

СУБ'ЄКТНО-ОБ'ЄКТНІ КОРЕЛЯЦІЇ В ЕКФРАСИСНИХ ЕПІЗОДАХ ХУДОЖНЬОГО ТЕКСТУ

Анотація. Стаття присвячена семантичним ролям і їх вербальній репрезентації в екфрасисних епізодах, які визначаються як фреймові ситуації, що передбачають сприйняття живописного полотна. Семантичні ролі суб'єкта й об'єкта в екфрасисному епізоді та у реальній перцептивній ситуації не збігаються. Агентавний потенціал об'єкта значно зростає за рахунок процесів персоніфікації та метаморфози зображення в художньому творі.

Явище екфрасису це свого роду сполучна ланка між словесним оповіданням і об'єктом образотворчого мистецтва, таким чином, екфрасис являє собою текст, створений на межі двох різних художніх систем, характерною ознакою якого є виконання дескриптивної функції. Результатом такого виконання є передача емоційно-стилістичної складової художнього образу.

Описова сила екфрасису сприяє кращій передачі читачеві вербальної інформації, що має відношення до творів образотворчого мистецтва. Особливий інтерес представляє емоційний аспект сприйняття перцептом художнього полотна, коли зображені на ньому об'єкти знаходять здатність буквально «оживати» на безжиттєвому полотні й ефективним чином впливати на навколишніх. Такий же або максимально наблизений до нього вплив, як представляється, повинен нести в собі й сам екфрасис, відповідальний за якісну передачу візуального компонента за маршрутом «візуальний об'єкт — перцепт — текстовий об'єкт — читач».

Екфрасис, будучи широко розповсюдженим інструментом для опису об'єктів художньої творчості, що сприймаються візуально, залишається сьогодні малодослідженим явищем.

Ключові слова: суб'єкт, об'єкт, екфрасис, художній текст, кореляція.

Andrey V. IVANCHENKO,

teacher of Foreign Languages Department of Odessa State Ecological University; Odessa, Ukraine;
e-mail: Shiah@ukr.net; моб.: +38-097-1364841

SUBJECT-OBJECT CORRELATION IN THE EKPHRASIS EPISODES IN FICTION

Summary. The article is devoted to the semantic roles and their verbal representation in the ekphrasis episodes which are defined as the perception scenes of the painting being the object of observation. The semantic roles in reality and fiction do not completely coincide. The agentive force of the object greatly increases at the account of personification and metamorphosis of the image.

The phenomenon of ekphrasis is a sort of connecting agent between a verbal narration and a visual art object, therefore the ekphrasis consists in a text created at the confluence of two different artistic systems and has a distinctive feature namely performance of the descriptive function. Such performance results in transmission of emotional and stylistic component of an artistic image.

The descriptive force of the ekphrasis facilitates better transmission of verbal information related to works of visual art to the readers. Of special interest is an emotional aspect of percept's comprehension of artistic canvas when the objects described on it get a capability to revive on a lifeless linen and to influence the people around in an effective manner. The same or maximum approximate influence is seemingly to be contained in the ekphrasis itself which is responsible for a qualitative transmission of a visual component along the route «a visual object — a percept — a text object — a reader».

The ekphrasis being a widespread instrument for description of visual perceivable artistic objects still remains to be an underinvestigated phenomenon.

Key words: subject; object; ekphrasis; fiction; correlation.

Статтю отримано 28.03.2014 р.

УДК 811.161.1'276.2'42:821.161.1-2 Н. Коляда

МАРОНЬ Анна,аспирант Жешувского университета; Жешув, Польша;
e-mail: annamaron@rambler.ru; тел.: +48 602 296 316**ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА В ДРАМАТУРГИИ НИКОЛАЯ КОЛЯДЫ**

Аннотация. В статье говорится о языковых средствах, употребляемых Николаем Колядой, при помощи которых, драматург создаёт авторскую картину мира в своих пьесах. Для Коляды характерно сочетание нормативной и ненормативной лексики. Реплики персонажей неоднократно переполнены бранной лексикой, что является способом привлечения внимания собеседника, а также способом преодоления невозможности коммуникации.

Большую роль в драматургии Н. Коляды играют формы остражнения чужого слова, а также поговорки, пословицы, слоганы советского времени, языковые клише, с которыми автор играет, изменяя и преобразуя их. Характерной чертой языковой манеры Николая Коляды является введение в тексты пьес неологизмов, которые, с одной стороны, отражают богатство, необыкновенность духовного мира автора, а с другой, служат средством передачи авторской иронии. На основе реального, живого языка Коляда создаёт свой мир — мир, который передаёт авторское сознание.

Ключевые слова: ненормативная лексика, интертекстуальность, неологизмы, игра с языком, язык драматического произведения, Николай Коляда.

Драматургия — исключительный род литературы, в котором, как ни в одном другом, речь персонажей играет ключевую роль. Именно она является материальным выражением героев, раскрывает их внутренний мир, их характеры. Поскольку драматургический текст, по мнению М. А. Головановой, представляет собой оречевлённый мир авторского сознания [2, с. 5], именно в высказываниях героев проявляется авторский способ создания художественного образа мира в пьесе. Поскольку художественная природа драматургического текста заключена в языке, в речи персонажей непосредственно раскрывается картина мира автора, а зачастую развивается драматическое действие, характеры героев, сюжет пьесы.

Особым примером речевой организации драматургического текста являются пьесы Николая Коляды. Они представляют собой интересный материал для исследования, а их речевая организация до сих пор вызывает крайне противоречивые отзывы, реакции как среди исследователей и критиков театра, так и среди читателей / зрителей.

На мастерское владение Колядой языком обратил внимание один из первых исследователей его творчества Н. Л. Лейдерман, подчёркивая, что «у Коляды драматургично само слово, (...) весь словесный массив в его пьесах насковозь диалогичен. (...) В пьесах Коляды первостепенная роль принадлежит сцеплению двух речевых стилей — того, что тяготеет к литературной норме, и ненормативного, бранного. Диалог этих речевых стихий является *стилевой доминантой* драматургического дискурса Коляды. (...) На самом крайнем полюсе в дискурсе Коляды — голое бранное слово. (...) На противоположном полюсе — обескровленное, дистиллированное слово из нормативной речи» [13, с. 37–39].

Такой принцип речевого контраста особенно часто наблюдается во многих пьесах 1990-х годов. Драматургию этих двух речевых стилей обнаруживаем в *Полонезе Огинского* (1993); на этом контрасте строится действие, представляются портреты, раскрываются характеры персонажей. Изысканная, поэтичная речь Тани, вернувшейся в Россию, в Москву, желающей найти убежище в оставленной умершими родителями квартире, передаёт её духовную чистоту, красоту. Метафоричность и экспрессивность, повышенная эмоциональность её высказываний раскрывают артистическую натуру Тани. На противоположном полюсе грубый, простой, полный брани, цинизма язык теперешних обитателей квартиры — бывшей прислуги — Людмилы и Сергея.

На особенности языка Тани обратила внимание Е. Сальникова, утверждая, что «Таня из *Полонеза Огинского* оказывается как бы вне нации, вне социума, вне государства. Коляда создаёт для неё особый язык — он уже не литературный и не разговорный, не русский и не американский, с не нашими и не западными интонациями, красивый и нескладный, — такова речь человека, у которого ничего не осталось, кроме самого себя. Героиня живёт в агонии и протрации, замкнутости и легкомысленности, свойственных тем, кто давно не чувствует земли под ногами, опоры» [16, с. 209].

Драматургическая выразительность литературного и бранного слова создаёт драматургическое действие в следующем шедевре Николая Коляды — в пьесе *Мурлин Мурло* (1989). Изысканный язык московского студента Алексея, снимающего квартиру у сестёр Зайцевых, противопоставлен примитивной, площадной речи Инны и Ольги. Алексей ни внешне, ни в речевом плане не похож на обитателей Шипиловска, что резко подчёркнуто драматургом.

ИННА. Ладно, ты, Мурлин Мурло! Гундосишь! Заткнись!

АЛЕКСЕЙ. Нет, нет, я совсем другое! Тайна сия велика есть! У меня есть цель жизни, должен я вам сообщить, да, да! А пишу огромный роман! Огромный по замыслу, философии, обобщенно! Ог-ром-ный! Чудовищно огромный! Он всё и всех потрясёт! Он переделает людей! Он всех нас перестроит! Потрясёт! Заставит думать! Вы все изменитесь, когда прочтёте его! Я работаю над ним вот уже много лет, лишая себя личной жизни, чтобы сделать свой роман настоящим, великим, понимаете? Я сейчас! Я вам прочту последнюю главу! Секундочку! Одну только секундочку! [7]

Как в *Полонезе Огинского*, так и в *Мурлин Мурло* язык персонажей отражает уровень их образования, принадлежность к определённой социальной среде, культурный уровень. Изысканная лексика указывает на духовную красоту, грубая, бранная воспринимается, в первую очередь, как знак духовного примитивизма. Но следует добавить, что Н. Коляда играет с этой схемой, зачастую мистифицируя зрителя. Так, в его пьесах не раз находим примеры, в которых речь образованных, культурных героев переполнена грубыми, циничными и даже матерными словами. Всё для того, чтобы привлечь внимание собеседника к определённому внутреннему состоянию, к проблемам, которые переживают его герои. Отступление от вышеупомянутой схемы находим и в высказываниях простых, убогих духом, закостеневших в обывательских стереотипах персонажей. Их речь драматург неожиданно наполняет красивым, изысканным словом с целью раскрыть потенциал их внутреннего мира, не реализованного в нелюдских условиях жизни.

Обширный пласт ненормативной лексики вызвал резкую реакцию критиков: «Веет лёгкий матерок», «пространство русского сквернословия», «лексикон хамского остроумия» [3]. Однако и сам Николай Коляда не оставался равнодушным к таким оценкам и неоднократно жаловался на неестественные рецензии: «В одной из рецензий на *Старосветскую любовь* написали, что мол, «гореть в аду этому Коляде» [14, с. 7]. Тем не менее, со временем расширяется ряд исследователей, литературоведов, рецензентов, отстаивающих право драматурга на нецензурную лексику (Н. Л. Лейдерман, М. И. Громова, Е. В. Сальникова, И. Болотян). Так, Е. В. Сальникова отмечает: «На мой, сугубо субъективный взгляд, ненормативных выражений у Коляды не так уж много, они по-своему изящны и остроумны, образуя, скорее, часть народного фольклора, чем грубой непристойной ругани. В языке, на котором говорят герои, больше артистизма, чем вульгарности. Для них и в контексте сюжетов и ситуаций пьес такой язык вполне нормативен — он адекватен миру и внутренним состояниям действующих лиц» [16, с. 203].

Интересно и мнение самого драматурга по поводу присутствия бранной лексики в современной драматургии: «я не люблю матерные слова не по делу. Как говорил покойный генерал Лебедь: «Мы матом не ругаемся. Мы на нём разговариваем». Вот когда «на нём» разговаривают — замечательно, люблю. А когда просто ругаются — противно» [15]. Именно на таком ненормативном языке «разговаривают» героини пьесы *Половики и валенки* (1988).

ВЕРА. *Ах ты, гадина подколодная, дрянь ты эдакая! Так вот кто сплетни про меня по деревне распускает! Понятно! Да даже скотина безрогая, безмозглая так себя не ведёт, как ты себя ведёшь! Что ты делаешь, а? Где стыд у тебя? Ты кого воровкой называешь? Меня? Меня, да? Нет, ты меня так называешь, да? Меня? Ах ты...*

ТАСЯ. *Ах ты... Да ты сама гадина, сама ты змея, сама ты скотина безрогая, безмозглая! Ишь ты, какая умная! Да воровка ты и есть, самая натуральная! Гребёшь и гребёшь всё к себе!* [10, с. 81].

Случайная встреча на улице двух, как выявляется в развязке, родственниц позволяет им излить свои обиды. Матерные слова, произносимые героинями, — это способ скрыть страх перед одиночеством, способ обратить на себя внимание, вызвать какие бы то ни было чувства к себе, даже отрицательные.

Однако самым поразительным примером брани, ненормативной речи является ссора разводящихся супругов из пьесы *Черепаша Маня* (1991). Это не что иное, как реакция на пустоту существования, самый выразительный способ привлечения внимания к нищете духовного бытия, к отсутствию понимания другим человеком.

Вдруг начинается дикий ор, крик, визг, ругань:

ИРА. (Она стоит посередине комнаты, волосы у неё на голове торчат в разные стороны.) *Дерьмо собачье!*

СЛАВА. (Рвёт волосы у себя на голове.) *Чмошница!*

ИРА. *Дятел долбаный!*

СЛАВА. *Свинья!*

ИРА. *Козёл!*

СЛАВА. *Дура!*

ИРА. *Дебил!*

СТАРИК. *Коза рогатая!*

ИРА. *Скотина подлючая!*

СЛАВА. *Фуфло накрашенное!*

ИРА. *Сука ты!*

СЛАВА. *Сама сука!*

ИРА. *Я сука?! Ты сука!*

СЛАВА. *Ты сука! (...)* [11, с. 120–121].

В последующей ремарке Коляда, обращаясь к читателю / зрителю, как бы извиняется за своих героев, а также и за самого себя:

Фу-у-у-у-у-у-у-у...

Отвёл я душу.

Ну-ну — больше не буду. А то — некрасиво, вы правы... [11, с. 121].

Однако ругань не прекращается, а напротив, длится до конца пьесы, даже черепаша в конце уже не выносит и с грустью в голосе просит супругов прекратить. Ругань — это их общий язык, единственный способ преодолеть невозможность понимания другим человеком. При помощи ненормативной

лексики Коляда передаёт отсутствие возможности коммуникации между людьми, сосуществующими в пределах «дурдома».

СЛАВА *Зачем? На каждое слово у тебя — десять штук готово. Ты не хочешь выслушать меня. Понять не можешь* [11, с. 127].

М. И. Громова отмечает: «Особенно преуспели его герои в ругани, словесных перепалках, опрокидывая на «собеседника» целый поток изощрённой брани, не давая опомниться и вставить хоть слово в оправдание, что-то возразить» [4, с. 195]. И хотя причины употребления драматургом ненормативной лексики вполне оправданы, тем не менее, их наличие шокирует, тем более, что герои Коляды, а, скорее, сам драматург очень изобретательны в ругательствах. В пьесе *Канотье* героиня Катя называет своего соседа Виктора «бестолочь полоротая», «мудило первостатейное», свою соседку — старуху — «клизьма с горчицей». Подобные прозвища, по мнению Е. Лазаревой, «с одной стороны, призваны подчеркнуть несуществующую дистанцию между людьми, с другой — обозначить проходящий через всё творчество Коляды мотив «одичания»: «Господа, вы звери...» — постоянно твердит Катя» [12, с. 158]. В её реплике распознаётся чеховская аллюзия и тем самым воссоздаётся атмосфера чеховской беспомощности героини перед хамством.

Ненормативная лексика в пьесах Коляды — это реакция на бессмысленное существование в пределах «дурдома», способ разрушения стереотипов, протест против бессмысленности жизни.

Изобретательность Коляды в области языка проявляется также в наличии создаваемых драматургом неологизмов. Так, в пьесе *Канотье* находим целый ряд таких примеров: «внутри», «внорки», «ханорики», «Чезано Педерутти», «Леонардо Недовинченный», «подружки-по-тоскушки» — от слова «тосковать», «разбудильник» и др. Словообразование уральского драматурга широко проявляется и в других его пьесах: «наединенцию», «кабанера», «колбасень» (*Мурлин Мурло*); «разьюморился», «лебледь», «тёлкоохранилище», «марихуяна, гашиши» (*Полонез Огинского*); «кобеляж», «солдапень», «кошматерно» (*Уйди-уйди*) и др. Все создаваемые Колядой слова отражают богатство, необыкновенность духовного мира его героев, а также безграничный талант драматурга в словотворчестве.

Н. Лейдерман обратил внимание на ещё одну форму словесной игры — оговорку, которая у Коляды способствует развитию драматического действия. Так, в пьесе *Рогатка* (1989) сигналом очищения души героя становится очищение его речи. При первой встрече с Антоном Илья говорит: «На кухне кран *текёт*». Антон его поправляет, и позже, после поворотной в развитии сюжета сцены, в которой герои ругаются и спорят о «красоте» самоубийства, Илья в разговоре с Людмилой поправляет её: «*Не «текёт», а «течёт»*» [13, с. 38]. В начале второго действия встречаем похожую сцену, в которой герои смотрят фотографии Ильи со школьных лет. Илья говорит: «*Я посере́дке тут*». Антон снова его поправляет, но в этот раз уже с намерением указать собеседнику своё превосходство. После происшедшего сближения между ними молодой мужчина хочет продемонстрировать, что он лучше, что он не такой, как Илья, что он не гомосексуальный.

АНТОН: *Посере́дке, посере́дке! Надо говорить — посередине! Понял, нет?* [9].

Анализ языкового уровня этой пьесы показывает, что в процессе развития действия речь Ильи очищается не только от оговорок, но прежде всего от ненормативной лексики. Все эти изменения в речи героя — первый сигнал внутренней перемены, ухода от злобных чувств и возможность искренности с собой, а также с читателем / зрителем. Таким образом, пьеса *Рогатка* показывает, что игра драматурга с языком сопровождает развитие действия. Эта игра является неотъемлемым элементом драматургии Николая Коляды.

Особенно интересным примером является одна из последних известных нам пьес — *Носатый* (2013), герой которой, Пётр Ильич, вышедши из тюрьмы после двадцатилетнего наказания, не способен найти себя в новой действительности. Жизнь Ады Николаевны, ждавшей своего мужа, полностью переменялась, её «настоящая» жизнь заменилась пространством Интернета. Общение в виртуале стало средством спасения героини от одиночества. Такое общение создаёт иллюзию того, что кто-то её слушает, что она с кем-то ведёт диалог, что она кому-то необходима.

АДА НИКОЛАЕВНА (встала, идёт в комнату). *Мне вот всё было дано. Но что-то — нет. А что — не могу понять. Но чувствую, что что-то он, Бог, мне не додал. Что-то такое важное. Надо написать про это сегодня в «Фейсбуке», «В контакте» и в «ЖэЖэ». И попросить комментариев у френдов. Хорошая мысль. Соседи залили, попросила советов у «френдов» — тысяча комментариев была, как отомстить: поджечь им дверь, насыпать битого стекла у порога, написать фломастером в подьезде всякие слова. До сих пор думаю, чей совет взять. Великая вещь интернет, «жэжэ» и френды* [8].

АДА НИКОЛАЕВНА. *Петя, френды — это мои друзья в интернете. В виртуале, так сказать, понял? Потому что в жизни — их нету. А в виртуале проще: они, вроде, есть, и их, вроде как — нет. И никаких обязательств. Зато не скучно и не одиноко. А главное — все советуют, как жить. Будто уже жили один раз и всё знают* [8].

Желание прекратить невыносимое чувство одиночества нашло выразительный отпечаток в высказываниях Ады Николаевны. Именно язык «френдов» заменил её собственный. Героиня говорит обезличенным языком, который создаёт условную виртуальную реальность, иллюзию некой общности с миром. Но это квазиреальность и квазиязык — искусственный конструкт, в основе которого — манипуляция кодами общения.

Образу героини Коляда противопоставил фигуру человека, которому сложно или даже невозможно сориентироваться в чужом, непонятном мире, человека советского времени, с его стереотипами поведения, мышления. Речь этого героя создаёт эффект остранения в виртуальном мире компьютерных «френдов».

ПЁТР ИЛЬИЧ. *Никакой я тебе не петушок. Смотрит. Захлопнись. Всю ночь сидит у компьютера. Чего-то стучит там. Чего стучишь? Заявы на меня пишешь?* [8].

Характерной чертой языковой манеры Николая Коляды является введение в текст поговорок, пословиц, идиом, с которыми он играет, изменяя и преобразуя их. В тексты пьес драматург вводит слоганы советского времени, языковые клише. Речевой материал, который становится предметом изображения в пьесе драматург находит в среде постсоветского поколения, фиксируя услышанное на улице. Подобно Горькому, Николай Коляда ведёт свою книжку, в которой собирает «перлы народного остроумия» [1].

Свою записную книжку Коляда постепенно заполняет всё новыми фразами, которыми время от времени делится с читателями своего живого журнала. По словам драматурга, почти всё из его ЖЖ перешло в пьесы, но, как подчёркивает автор, «не так, как подслушано, а как-то иначе. Фраза моделируется, в неё вставляется подслушанное (...) Да, красивых слов, словечек, каких-то неожиданных фраз в речи много — их надо только услышать и совсем не обязательно, чтобы это было что-то заковыристое. А просто красиво» [15]. И, действительно, пьесы переполнены такими умело вставленными автором фразами, отражающими духовный мир его героев, картину мира, создаваемую Колядой. Напр.:

АДА НИКОЛАЕВНА. *Хорошо быть молодым, в башке ветер, в попе дым.* [8].

В драматургии Николая Коляды важно и чужое слово, игра с ним. Чужой язык или интертекст — это неотъемлемый элемент пьес уральского драматурга, игра, маска, скрывающая подтекст. Коляда использует аллюзии, перевёртывает слова, вводит прямые цитаты из произведений Чехова, Горького, Некрасова, цитаты из песен. Этот дискурс становится полноправным героем его пьес — это манифестация свободы языка писателя, его независимости. Чужой текст в драматургии Н. Коляды — свидетельство многоплановости драматургического мышления, это средство, способствующее соединению смешного и серьёзного, высокого и низкого. Цитированные тексты выявляют внутренние переживания героев, богатство их духовного мира.

Интересный пример обнаруживаем в пьесе *Баба Шанель* (2010), где диалог героинь — солисток любительского ансамбля «Наите» — построен драматургом по принципу обмена строками из народных, а точнее, псевдонародных песен. Разговор пенсионерок напоминает пародийный коллаж, в котором слово утрачивает природные смыслы, неожиданно передаёт беспомощность героинь, их страх перед меняющимся миром, уже не понятным им.

ИРАИДА (снова вдруг громко поёт). *Ты встаёшь-ошь, как из тумана! Раздвигая грудью ро-ожь! Ты ему навстречу, Анна, белым лебедем плывёшь-о-ошь!*

КАПИТОЛИНА (поёт, стучит по столу кулаком). *Пчёлочка золотая! Да что же ты жужжишь!* [6].

Здесь Коляда подменяет собственную речь персонажей безликими цитатами, указывая на отсутствие настоящей коммуникации. Высказывания героинь служат им только для того, чтобы продемонстрировать своё существование.

Николай Коляда мастерски использует все возможности, которые предоставляет ему русский язык. Драматург называет его неисчерпаемым источником, который увлекает его: «Великий могучий русский язык для меня — это такое огромное, фантастическое существо, похожее на огромную-преогромную змею, которое, сверкая фосфором, переливается, перекачивается по городам и деревням России, постоянно видоизменяется, то превращаясь в маленькую зелёную ящерку, то снова становясь огромным чёрным змеем, то вдруг белым, то красным, горящим (...)».

Наш язык — что-то великое и прекрасное, и для меня — абсолютно живое. Он настолько огромен, чуден, он такой сильный — наш русский язык. Ему смешны наши разговоры об охране языка. Он кого хочешь раздавит сам. Мы даже и не понимаем сами, каким великим богатством, какой силой владеем» [15].

Пьесы Николая Коляды синтезируют в себе целую палитру возможностей, которые представляет драматургу язык. В них проявляется карнавальность, сочетаются ненормативная и литературная речь, а также свойственные самому Коляде эмоциональность, сентиментальность, экспрессивность.

Герои Николая Коляды говорят на созданном автором языке, специально домысливаемым драматургом. Так, Коляда писал: «Мои герои в моих пьесах никогда не говорили и не говорят, как в жизни. У меня всегда выдуманный театральный язык. Я долго и нудно пишу каждую фразу, переставляю слова, «натягиваю» фразу, чтобы она звучала музыкально. Я говорю о лучших своих пьесах, не обо всех. Я так пытался писать, во всяком случае» [15].

Исключительность языковой палитры отмечают даже те критики и литературоведы, которые раньше как раз за неё упрекали уральского драматурга. Среди таких критиков — О. Игнатюк, скоро осознавший неповторимый характер языка Коляды. Так, О. Игнатюк отмечает, что в драматургии Николая Коляды «такие речевые повороты, подходы и решения, такие аллитерации и дух заводящие выражения, такая подвижность и точность словосложения и такой артистизм красок, которые требуют, знаете ли, отдельного постановочного мастерства (ещё никак не развитого и не усвоенного драматической сценой)» [5, с. 212].

И, действительно, Коляда — виртуоз использования языковых средств в драматургии. На основе реального, живого языка он создаёт фантастический речевой мир — его мир, в котором отражается и он сам.

Литература

1. *Болотян И.* Право писать грубо [Электронный ресурс] / И. Болотян // Независимая газета. — 2007. — 14 июня. — Режим доступа: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2007-06-14/8.
2. *Голованева М. А.* Слово в коммуникативно-когнитивном пространстве русской драмы конца XX века : монография / М. А. Голованева ; Астрахан. гос. ун-т. — Астрахань : Изд. дом «Астраханский университет», 2011. — 208 с.
3. *Горгома О.* Веет легкий матерок / О. Горгома // Сегодня. — 1996. — 16 июля ; *Игнатюк О.* Пространство русского сквернословия / О. Игнатюк // Культура. — 1996. — 27 июля ; *Соколянский А.* Лексикон хамского остроумия / А. Соколянский // Общая газета. — 1996. — 18–24 июля.
4. *Громова М. И.* Русская драматургия конца XX — начала XXI века : учеб. пособие / М. И. Громова. — М. : Наука, 2006. — 364 с.
5. *Игнатюк О.* Грешник / О. Игнатюк // Драматург. — 1995. — № 3. — С. 212.
6. *Коляда Н.* Баба Шанель [Электронный ресурс] / Н. Коляда. — Режим доступа: <http://kolyada.ur.ru/babachanel/>
7. *Коляда Н.* Мурлин Мурло [Электронный ресурс] / Н. Коляда. — Режим доступа: http://kolyada.ur.ru/murlin_murlo/
8. *Коляда Н.* Носатый [Электронный ресурс] / Н. Коляда. — Режим доступа: <http://kolyada.ur.ru/nosatyi/>
9. *Коляда Н.* Рогатка [Электронный ресурс] / Н. Коляда. — Режим доступа: <http://kolyada.ur.ru/rogatka/>
10. *Коляда Н.* Половики и валенки / Н. Коляда // Персидская сирень и другие пьесы. — Екатеринбург : Банк культур. информ., 1997. — С. 254–298.
11. *Коляда Н.* Черепаха Маня / Н. Коляда // Персидская сирень и другие пьесы. — Екатеринбург : Банк культур. информ., 1997. — С. 138–179.
12. *Лазарева Е. Ю.* Особенности художественного мира Н. Коляды в контексте исканий драматургии 1980–1990-х гг. / Е. Ю. Лазарева. — М., 2010. — 185 с.
13. *Лейдерман Н. Л.* Драматургия Николая Коляды, критический очерк / Н. Л. Лейдерман. — Каменск Уральский, 1997. — 160 с.
14. *Руднев П.* В неравной битве с критикой [Электронный ресурс] / П. Руднев // Независимая газета. — 2000. — № 28 (16 февр.). — Режим доступа: http://www.ng.ru/culture/2000-02-16/7_struggle.html
15. *Руднев П.* Интервью Николая Коляды о современном драматургическом языке [Электронный ресурс] / П. Руднев. — Режим доступа: <http://kolyada.ur.ru/interview/2006/05/intervyu-nikolaya-kolyadyi-o-sovremennom-dramaturgicheskom-yazyike/>
16. *Сальникова Е. В.* В отсутствии несвободы и свободы / Е. В. Сальникова // Современная драматургия. — 1995. — № 1–2. — С. 202–215.

References

1. *Bolotjan I.* Pravo pisat' grubo [Elektronnyj resurs] / I. Bolotjan // Nezavisimaja gazeta. — 2007. — 14 ijunja. — Rezhim dostupa: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2007-06-14/8.
2. *Golovaneva M. A.* Slovo v kommunikativno-kognitivnom prostranstve russkoj dramy konca XX veka : monografija / M. A. Golovaneva ; Astrahan. gos. un-t. — Astrahan' : Izd. dom «Astrahanskij universitet», 2011. — 208 s.
3. *Gorgoma O.* Veet legkij materok / O. Gorgoma // Segodnja. — 1996. — 16 ijulja ; *Ignatjuk O.* Prostranstvo russkogo skvernoslovija / O. Ignatjuk // Kul'tura. — 1996. — 27 ijulja ; *Sokoljanskij A.* Leksikon hamskogo ostroumija / A. Sokoljanskij // Obshhaja gazeta. — 1996. — 18–24 ijulja.
4. *Gromova M. I.* Russkaja dramaturgija konca XX — nachala XXI veka : ucheb. posobie / M. I. Gromova. — M. : Nauka, 2006. — 364 s.
5. *Ignatjuk O.* Greshnik / O. Ignatjuk // Dramaturg. — 1995. — № 3. — S. 212.
6. *Koljada N.* Baba Shanel' [Elektronnyj resurs] / N. Koljada. — Rezhim dostupa: <http://kolyada.ur.ru/babachanel/>
7. *Koljada N.* Murlin Murlo [Elektronnyj resurs] / N. Koljada. — Rezhim dostupa: http://kolyada.ur.ru/murlin_murlo/
8. *Koljada N.* Nosatij [Elektronnyj resurs] / N. Koljada. — Rezhim dostupa: <http://kolyada.ur.ru/nosatyi/>
9. *Koljada N.* Rogatka [Elektronnyj resurs] / N. Koljada. — Rezhim dostupa: <http://kolyada.ur.ru/rogatka/>
10. *Koljada N.* Poloviki i valenki / N. Koljada // Persidskaja siren' i drugie p'esy. — Ekaterinburg : Bank kul'tur. inform., 1997. — S. 254–298.
11. *Koljada N.* Cherepaha Manja / N. Koljada // Persidskaja siren' i drugie p'esy. — Ekaterinburg : Bank kul'tur. inform., 1997. — S. 138–179.
12. *Lazareva E. J.* Osobennosti hudozhestvennogo mira N. Koljady v kontekste iskanij dramaturgii 1980–1990-h gg / E. J. Lazareva. — M., 2010. — 185 s.
13. *Lejderman N. L.* Dramaturgija Nikolaja Koljady, kriticheskij ocherk / N. L. Lejderman. — Kamensk Ural'skij, 1997. — 160 s.
14. *Rudnev P.* V neravnoj bitve s kritikoj [Elektronnyj resurs] / P. Rudnev // Nezavisimaja gazeta. — 2000. — № 28 (16 fevr.). — Rezhim dostupa: http://www.ng.ru/culture/2000-02-16/7_struggle.html
15. *Rudnev P.* Interv'ju Nikolaja Koljady o sovremennom dramaturgicheskom jazyke [Elektronnyj resurs] / P. Rudnev. — Rezhim dostupa: <http://kolyada.ur.ru/interview/2006/05/intervyu-nikolaya-kolyadyi-o-sovremennom-dramaturgicheskom-yazyike/>
16. *Sal'nikova E. V.* V otsutstvii nesvobody i svobody / E. V. Sal'nikova // Sovremennaja dramaturgija. — 1995. — № 1–2. — S. 202–215.

МАРОНЬ Анна,

аспірант Жешувського університету; Жешув, Польща;
e-mail: annamaron@ Rambler.ru; тел.: +48 602 296 316

МОВНА КАРТИНА СВІТУ В ДРАМАТУРГІЇ МИКОЛИ КОЛЯДИ

Анотація. У статті йдеться про мовні засоби, уживані Миколою Колядою, за допомогою яких драматург створює авторську картину світу у своїх п'єсах. Для Коляди характерним є поєднання нормативної та ненормативної лексики. Репліки персонажів неодноразово переповнюються лайливою лексикою, що є способом залучення уваги співрозмовника, а також способом подолання неможливості комунікації.

Значну роль у драматургії М. Коляди відіграють форми здивакування чужого слова, а також приказки, прислів'я, слогаги радянського часу, мовні кліше, які автор обіграє, змінюючи та трансформуючи їх. Характерною рисою мовної манери Миколи Коляди є введення в тексти п'єс неологізмів, які, з одного боку, відображають багатство, незвичайність духовного світу автора, а з іншого, служать засобом авторського іронізування. На основі реального, живого мовлення Коляда створює свій світ, який передає авторську свідомість.

Ключові слова: ненормативна лексика, інтертекстуальність, неологізми, гра з мовою, мова драматичного твору, Микола Коляда.

Anna MAROŃ,

PhD student at Rzeszyw University; Rzeszyw, Poland;
e-mail: annamaron@rambler.ru; phone: +48 602 296 316

LINGUISTIC VIEW OF THE WORLD IN DRAMA BY NIKOLAI KOLADA

Summary. The article refers to the means of language used by Nikolai Kolada which allow the playwright to create the linguistic view of the world in his plays. The characteristic feature of the dramatist' writing manner is the combination of normative and non normative vocabulary. The characters' cues are filled with the vulgar lexis, which is not only a way of attracting attention of the interlocutor, but also the way to overcome the impossibility of communication.

A major role in the dramaturgy of N. Kolada plays various forms of intertextuality, as well as proverbs, idioms, slogans of Soviet times, linguistic clichés with which the author is playing by changing and altering them. Another characteristic feature of the language manner of Nikolai Kolada is an introduction in the texts of his plays neologisms, created by the dramatist himself, which on the one hand, reflect the wealth, unusualness of the spiritual world of the author, and on the other, they reflect the author's irony. On the basis of real, living language, Kolada creates his own world — a world that conveys the author's picture of the world.

Key words: non normative vocabulary, intertextuality, neologisms, play with the language, tongue of dramatic work, Nikolai Kolada.

Стаття отримано 22.04.2014 р.

ПИТАННЯ ІСТОРІЇ МОВИ ТА ДІАЛЕКТОЛОГІЇ

УДК [811.161.1'01+811.14'02]'373.611

НИЗАМЕТДИНОВА Надира Хомятовна,доктор филологических наук, профессор кафедры истории русского языка и общего языкознания
Московского государственного областного университета; Москва, Россия;
e-mail: n3@list.ru; тел.: 007 499 3235047; моб.: +7 8 916 9509083**К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКОЕ
СЛОВОСЛОЖЕНИЕ**

Аннотация. В статье на значительном историческом материале рассматривается проблема происхождения словообразовательных моделей сложных слов и влияния древнегреческого языка на древнерусское словосложение. Словосложение — древнейший и до сих пор весьма продуктивный способ словообразования. Наше обращение к древнегреческому оригиналу позволяет проникнуть в смысловые глубины древнерусских параллелей. Исследование древнерусских переводных памятников дало возможность установить ряд древнерусских моделей сложных слов, активность которых была в значительной мере стимулирована калькированием древнегреческих сложных слов. Широкое использование синонимии при калькировании, а также передача греческих сложных слов путём мены компонентов и образование русских сложных слов на месте греческих простых слов и словосочетаний свидетельствует о существовании в русском языке традиции словосложения, восходящей к глубокой древности.

Ключевые слова: словосложение, словообразовательная модель, калькирование, сложные слова-кальки, древнерусский язык, древнегреческий язык.

Словосложение относится к древнейшим и до сих пор весьма продуктивным способам словообразования. Выразительность формы дериватов, возможность максимальной экспликации значения, орнаментализации текста, создания яркой метафоричности делают этот способ словообразования чрезвычайно привлекательным для писателей и поэтов. В. В. Маяковский, обладавший блистательным талантом словотворчества, создал достаточно много эологизмов в области словосложения. Вспомним, например, «*каждое слово душу новородит*», «*крикогубый Заратустра*» («Облако в штанах»); «*массомаяся быкомордая орава*», «*в прогрызанной душе золотопым микробом вился рубль*» («Посвящение») и многие другие.

Вопрос о влиянии греческого языка (непосредственно или через старославянское посредство) на русское словосложение, особенно на уровне моделей, до сих пор остаётся открытым.

Под моделью мы здесь имеем в виду структурную схему построения производных слов. **Под сложным словом** мы понимаем лексему, формально и семантически мотивированную двумя (или более) самостоятельными словами и обладающую единством грамматического оформления.

В зависимости от способа словообразования мы выделяем следующие категории сложных слов: *сложения, сложносуффиксальные слова, сращения и суффиксальные сращения*. Сложениями называются слова, образованные путём сложения двух знаменательных слов при помощи соединительного гласного или (реже) без соединительного гласного; при этом одно из них (I-й компонент) выступает в виде чистой основы, а другое (II-й компонент) — в виде самостоятельного слова (*душеспаситель, богоизбранный, дятлотворити*). Сложносуффиксальными являются слова, образованные в результате одновременного действия словосложения и суффиксации (*правдолюбство, златоперный, благовѣстити*). Сращения представляют собой лексикализованные словосочетания (*присноживый, длъготрꙗньти*). Суффиксальными сращениями (термин введён нами) называются слова, образованные путём одновременного действия сращения и суффиксации (*многострадалецъ, борзоходный*) [о критериях установления статуса сложного слова и типов сложных слов см. 12, 1, с. 53–69].

Как известно, сложные слова-кальки с греческого влились в русский язык через старославянское посредство при принятии христианства. Появившись первоначально в переводных памятниках, сложные слова-кальки проникали и в оригинальную литературу, оставаясь принадлежностью книжно-письменного языка. Вспомним высказывание Ф. П. Филина, великолепного знатока древнерусской литературы: «Самое начало древнерусской письменности и письменной культуры во всех её жанрах связано с перенесением на Русь богослужебно-религиозных книг» [17, с. 5]. Следует признать верным высказывание и другого блистательного учёного-филолога А. И. Соболевского: «... в первое время распространения у нас церковнославянских текстов русской оригинальной литературы совсем не существовало... и мы едва ли ошибёмся, если скажем, что даже к концу домонгольского периода собственно русские труды совершенно терялись в массе перенесённых из Болгарии текстов и по числу и по объёму едва ли были более 1/10 этих последних» [14, с. 364–365].

Таким образом, основу книжно-письменного языка Древней Руси составлял церковнославянский язык, подвергавшийся, как считал Б. А. Успенский, «в течение XI–XIV вв. постепенной и последовательной русификации» и, несмотря на это, отчётливо противопоставленный русскому некнижному

языку» [16, с. 3]. Н. И. Толстой убедительно доказывал, что церковнославянский (в терминологии Н. И. Толстого — древнеславянский) был общим литературным языком православного славянства вплоть до XVIII в. и при тяготении «к общей норме» и «общей стандартизованности» являлся живым и развивающимся средством выражения славянской культуры, существуя в форме «локальных вариантов или типов» [15].

Необходимо подчеркнуть, что сложные слова-кальки, перенесённые на древнерусскую почву из старославянских памятников, в структурном отношении тождественны тем, которые создавались в процессе собственных переводов. Эту же мысль высказал М. М. Копыленко: «Очень трудно (и вряд ли необходимо) провести различие между кальками, возникшими в пределах и за пределами восточнославянской ойкумены» [8, с. 142]. Правильность этого положения в полной мере подтверждается фактом большой близости исследованного нами старославянского материала [12, 1, с. 94–97; ср. также: 18, с. 186–189] и данных приведённого ниже исследования древнерусских переводов. Причём, в основном, тождественными оказываются и типы соотношений между словами-переводами и их греческими соответствиями. Весьма справедливым в связи с этим является высказывание Е. М. Верещагина: «Сознание славянского языкового единства (в отношении, по крайней мере, к церковнославянскому языку) сохранялось и в средние века. Южные славяне широко пользовались русскими книгами... На Руси были приняты южнославянские книжники («второе южнославянское влияние»)» [4, с. 10].

Итак, происходило ли в процессе калькирования заимствование словообразовательных моделей сложных слов из греческого языка или всё же возможность калькирования предполагала наличие на родной почве соответствующих моделей?

Как уже отмечалось выше, словосложение является одним из древнейших способов образования сложных слов в индоевропейских языках. Об этом свидетельствуют исследования сложных слов в праиндоевропейском языке [20], в классическом санскрите [6, с. 96–103], эпическом санскрите [9], немецком языке древневерхнемецкой эпохи [10] и др. В грамматике выдающегося древнеиндийского учёного Панини (V в. до н. э.), состоящей из восьми книг («Восьмикнижие»), классификации сложных слов посвящена вторая книга. Сложные слова были распространены и в праславянском языке [11]. «В образовании новых сложных слов применялись те же средства, какими пользовались славяне и в давнее время», — полагал А. М. Селищев [13, с. 82], блестящий знаток славянских языков и культуры *Slavia Orthodoxa*. Ещё раньше Ф. И. Буслаев, основоположник исторической грамматики русского языка, указывал на древнее, дохристианское, происхождение сложных слов в русском языке, таких, например, как *Дажь-богъ* [у восточных славян — «бог солнца и небесного огня»; ← 2 л. ед. ч. повелит. накл. гл. *дати* + *богъ*. — Н. Н.]; *Влади-миръ* [← 2 л. ед. ч. повелит. накл. гл. *владѣти* + *миръ*. — Н. Н.]; *Перея-славъ* [← 3 л. ед. ч. аориста гл. *перяяти* + *слава* «*тот, кто перяял* («завоевал в поединке») *славу*». — Н. Н.], «Остатками глубокой древности» учёный называл сложные слова *бѣлобрыси* [← *бѣла* + *бры* («бровь») «*имеющий белые брови*». — Н. Н.]; *мед-в-тѣдь* (морфемное членение Ф. И. Буслаева); *стрѣмглавъ* [← *стрѣмитися* + *глава*. — Н. Н.]. Ф. И. Буслаев отмечал, что значительное количество сложных слов, переведённых с греческого, вошло в русский язык при принятии христианства. Однако, полагал Ф. И. Буслаев, параллельно употреблялись слова «чисто русского сложения» (*Держи-славъ, злато-кованный, душе-грѣйка, ноч-легъ* и др.) [3, с. 170–171].

Как известно, наиболее распространёнными и продуктивными моделями сложных слов в восточнославянских языках являются модели с соединительным гласным -о- (-е-) [о соединительном гласном см.: 12, 1, с. 283–287]. Сложные слова без соединительного гласного являются преимущественно более древними образованиями.

Вопрос о происхождении моделей сложных слов может быть рассмотрен на материале переводных памятников путём сличения с греческим оригиналом. Обследование переводных памятников XI–XIV в. — Хроники Георгия Амартола (далее — Г. Амарт.), Ефремовской кормчей (Ефр.крм.), Древнерусской Пчелы (П.) и XIII слов Григория Богослова по рукописи XI в. (ГБ) [7; 2; 1; ср.: 5] — позволило установить, что значительное количество выявленных сложных слов представляют собой кальки с греческого языка. Большинство из них характеризуются первыми компонентами *благо-* // *добро-* // *удобь-* (εὖ-), *бogo-* (θεο-), *всье-* (παν-), *зъло-* (κακο-), *мъногo-* (πολυ-), *веле-* // *велико-* (μεγαλο-), *кумиро-* // *идоло-* (εἰδωλο-), *нище-* // *убого* (πτωχο-), *себе-* // *само-* (αὐτο-) и др.

В ряде случаев лишь сличение с греческим оригиналом дало возможность определить лексический статус образований. Это относится, прежде всего, к сложным глаголам с первыми субстантивными и адвербиальными компонентами. Действительно, исходя из русского рукописного текста, не делившегося, как известно, вплоть до XVI в. на слова, трудно установить, являются ли сложными словами такие образования, как, например, *благо()**дарьствовати*, *благо()**вътьствовати*, *благо()**сздѣлати*, *добро()**мыслити*, *мимо()**ити*, *мимо()**ходити* и др. Обращение к параллельному греческому тексту помогло установлению их истинного статуса: ср. *благодарьствовати* — εὐχαριστέω (Г. Амарт., 299, 29), *благовътьствовати* — εὐαγγελίζομαι (Ефр.крм., 70а), *благосздѣлати* — εὐεργετέω (ГБ, 329δ), *добромыслити* — εὐνοέω (П., 12 об.), *мимоити* — παρέρχομαι (Г. Амарт., 185, 22).

Сопоставление с греческим оригиналом выявило также, что слова с компонентами *прежде-* // *преже-*, *неудобь-*, *противу-* // *супротивъ(о)-* не относятся к сложным словам в традиционном понимании, т. к. соотносятся с греческими приставками: *прежде-* // *преже-* — προ- (*прежевъзмъщати* — προχωρεῖν (Ефр.крм., 295б)), *неудобь-* — δυσ- (*неудобьпостижьньи* — δυσέπιχτος (Ефр.крм., 232а)), *противу-* // *супротивъ(ъ)-* — ἀντι- (*супротивъхытрьць* «*соперник по ремеслу*» — ἀντίτεχρος (ГБ, 35γ)).

Калькируя греческие сложные слова, русский переводчик максимально использовал лексическое и аффиксальное богатство своего родного языка. С этим связано довольно значительное синонимическое варьирование как в первой части сложных слов, так и во второй.

Так, греческий компонент *εὐ-* передается русскими *благо-*, *добро-*, *скоро*: *εὐεργέτης* — *благодетель* (ГБ, 65β), *добродетель* (Г.Амарт., 333, 11); *εὐσέβεια* — *добročыстие* (ГБ, 241β), *благочыстие* (ГБ, 23δ); *εὐταξία* — *добročинение* (Ефр.крм., 2а), *благочинение* (Ефр.крм., 273а); *εὐπίστος* — *скороверный* (ГБ, 262γ), *εὐφώρατος* — *скороразумеый* (П., 90). В одном случае *εὐ-* переведено компонентом *красно-* в значении («красивый»): *εὐστερνος* (στέρνον, τό «грудь») — *краснопърсыцъ*: *Μυζή* же *κраснопърсецъ* и *дивенъ* (Г.Амарт., 428, 30). В ряде случаев в соответствии с синонимичными *добро-* и *благо-* в греческом языке выступают разные слова: *доброволение* — *ἀρετή* (ГБ, 294δ), *благоволение* — *εὐεργεσία* (ГБ, 326α; Г.Амарт., 128, 13).

Греческие *καλο-*, *ἀγαθο-* переводятся преимущественно компонентом *добро-* и лишь в одном случае *благо-*.

Греческому *πτωο-* (πτωρός «нищий, бедный») соответствуют русские синонимичные компоненты *нище-*, *убого-*: *πτωχοτρόφος* — *нищекормильцъ* (Ефр.крм., 295а), *πτωχοτροφία* — *убогокърмля* (ГБ, 293а), *πτωχομαγίστρος* — *убогомагистръ* (Г.Амарт., 510, 9).

Греческое *ἱερο-* передается синонимами *чисто-*, *священно-*: *ἱεροπρετής* — *чистолъпный* (Ефр.крм., 118а), *священнолпный* (там же, 120а).

Греческому *εἰδωλο-* соответствуют *идоло-*, *кумиро-*, *капище-*: *εἰδωλόατρης* — *идолослужение* (Ефр.крм., 193а), *кумирослужение* (Г.Амарт., 60, 25), *капищетворение* (ГБ, 17δ).

Компонент *αὐτο-* (αὐτε-) переводится и как *само-*, и как *себъ-*: *αὐτόνομος* «живущий по собственным законам, независимый» — *самовластный* (П., 110 об.), *αὐτεξούσιος* — *себевластный* (там же).

Во второй части сложных слов также наблюдается синонимичное варьирование: *ζωοφθορία* (ζῷον «животное», φθείρω «убивать, губить») — *скотоблудство* (Ефр.крм., 241а), *скоторастлъные* (там же); *ὁμογεής*, *ὁμογένης* (ὁμός «равный, одинаковый», γένος «род, племя») — *единородный* (Г.Амарт., 232, 24), *единочадный* (Г.Амарт., 355, 20); *ὁμόφυλος* (φυλή «род, племя») — *единоколпный* (Г.Амарт., 277, 18), *единоплеменный* (Г.Амарт., 562, 24); *τόποτηρητής* (τόπος «место», τηρέω «хранить, беречь») — *землесмотрный* (Г.Амарт., 462, 22), *землехранитель* (там же, 344, 8); *εἰδωλόθυτον* (θύω «приносить жертву») — *идоложъреныи* (Ефр.крм., 277а), *идоложъртъвныи* (там же, 87б); компоненту *-μαχος* соответствуют русские *-боръникъ*: *θεομάχος* — *богоборъникъ* (ГБ, 155γ); *-κρამολъникъ*: *χριστομάχος* — *святоκρამолъникъ* (Г.Амарт., 480, 4); *-хульникъ*: *εἰκωνομάχος* — *иконохульникъ* (Г.Амарт., 494, 21).

Обращение к греческому оригиналу позволяет проникнуть в смысловые глубины русских параллелей, что помогает также лексикографам при выработке толкований слов в исторических словарях [19, с. 201–210].

Ещё более многочисленны случаи словообразовательной синонимии.

Под словообразовательными синонимами мы имеем в виду производные слова, обладающие формально-семантическим единством производящих основ и различающиеся синонимичными словообразовательными аффиксами.

Для большей наглядности представляем материалы в таблице.

Греческий язык	Русский язык
εὐλάβεια «осторожность, предусмотрительность»	благобязнь (ГБ, 208α) благобязньство (Ефр.крм., 225б)
εὐποιία (ποιέω «делать»)	добртворие (Ефр.крм., 89а) добртворение (П., 24)
καθημερινός (ἡμέρα «день»)	вьседньныи (П., 134 об.) вьседньвыи (Ефр.крм., 133б)
μεγαλοπρετής (πρεπω «быть приличным, пристойным»)	велелптъный (Ефр.крм., 36а) велелпныи (Г.Амарт., 559, 13)
εὐσεβής (σεβας «почитание, уважение»)	благочытивыи (Ефр.крм., 1а; П., 68) благочытивъныи (Г.Амарт., 380, 4)
ἰσοουσία (οὐσία «сущность»)	единосущныи (Г.Амарт., 323, 15) единосущтъвныи (Ефр.крм., 284а)
σωφροσύνη (σῶς «целый, здравый, невредимый»; φρόνιμος «разумный, умный, благоразумный»)	цългомудрие (П., 71, Ефр.крм., 234б) цългомудръство (Ефр.крм., 44а)
В пределах одного памятника	
σωφρονεῖν	цългомудровати (П., 12 об.) цългомудрити (там же, 108) цългомудръствовати (там же, 120)
μικρολόγος»	малословъцъ (ГБ, 14δ) малословсъникъ (там же, 29β)
μεγαλοурγία (ἔργον «дело, труд, работа»)	великодълание (ГБ, 154β) великосдълание (там же, 331β)

Греческий язык	Русский язык
μεγαλόφρων	высокомысленный (ГБ, 57δ) высокозамысленный (там же, 50γ)
ἀξιόλογος (ἄξιος «достойный»)	достолюбынный (Ефр.крм., 178б) достоинсловесный (там же, 183б)
θεοσέβεια	богочестие (Ефр.крм., 274а) богочестивие (там же, 218а)
νομοθεσία (νόμος «закон», θέσις «положение, постановление»)	законодательство (Г.Амарт., 231, 23) законодательство (там же, 176, 7) законодательство (там же, 456, 12)
εἰδωλομανία (μανία «бешенство, сумасшествие»)	идололюбие (Г.Амарт., 311, 8) идололюбование (там же, 149, 23) идололюбование (там же, 61, 24)
πολυθεία	многобожество (Г.Амарт., 28, 19) многобожество (там же, 354, 25)
ψυχροποσία (ψυχρός «холодный», πόσις «питье»)	студенопитие (Г.Амарт., 426, 6) студенопитие (там же, 292, 4)
χειροτονία (χειρ «рука», τόνος «натягивание, напряжение»)	рукоположение (Г.Амарт., 369, 15) рукоположение (там же, 392, 22) руководствование (там же, 477, 23)

О том, что в лингвистическом сознании переводчика существовали модели сложных слов, наиболее ярко свидетельствуют случаи передачи греческих сложных слов не путём калькирования, а путёммены компонентов, а также перевода греческих простых слов и словосочетаний при помощи русских сложных слов.

Так, для русского языка были характерны сложные слова с препозицией компонента, выражающего объект действия, названного вторым компонентом. Это очень древняя модель сложного слова (ср. в новгородских грамотах *земледържьць*, *плодородие* и др.; хотя: *Переяславъ*, *Держиславъ* и др.). В греческом языке, наоборот, в препозиции чаще выступает компонент со значением действия. Ср. *μισάνθρωπος* — *человеконенавидяць* (П., 23 об.), *μνησικαχία* — *злупоминание* (Ефр.крм., 239а) и др.; в единственном случае: *μισανθρωπία* — *ненависточеловечьи* (ГБ, 17δ).

Особо следует выделить сложные слова с компонентом *φιλο-* (*любо-*, *люб-*). В этой группе нет ортодоксальной последовательности в позиции указанного компонента: он оказывается то в препозиции, то в постпозиции, как в греческом языке, так и в русском. Ср. *φιλόθεος*, *θεοφιλής* (*боголюбивый*). В рассмотренных текстах сложные слова с первым компонентом *φιλο-* чаще передаются путеммены компонентов, хотя отмечаются случаи калькирования, а также использования словосочетания и даже простого слова: *φιλοτιμία* — *честолубие* (Ефр.крм., 121б), *любочестие* (Г.Амарт., 75, 3), *чсть и любовь* (Г.Амарт., 143, 3), *любовна чсть* (Г.Амарт., 191, 11), *почсть* (ГБ, 26γ); *φιλάμαρτος* (*ἀμαρτάνω* «грешить») — *грѣхлюбяць* (Г.Амарт., 118, 20), *любя грѣха* (Г.Амарт., 395, 64); *φιλανθρωπία* — *человѣколюбие* (ГБ, 77α), *любочеловѣчьство* (ГБ, 8α); *φιλοδοξία* — *славолюбие* (Г.Амарт., 239, 3; П., 114 об.; Ефр.крм., 238б), *любославие* (Г.Амарт., 247, 21); *φιλοσοφία* — *мудролюбие* (П., 27), *любомудрие* (П., 53); *φιλόλογος* — *славолюбяць* (Г.Амарт., 30, 5), *любяй словеса* (ГБ, 57β).

Представляет интерес случай передачи греческих компонентов *-πονος*, *-πονία* (*πονέω* «*делать, работать*») при помощи синонимичных в данном контексте *трудо-*, *страда-* (ср. *страда* «*тяжёлая летняя работа при косьбе, уборке хлеба*»), что говорит о соединении в сознании русского переводчика понятий «труд» и «страдание»: ср. *φιλόπονος* — *трудолюбивый* (Ефр.крм., 222б), *страдалюбяць* (П., 88), *φιλοπονία* — *трудолюбие* (Ефр.крм., 222б), *страдалюбие* (П., 87).

В рассмотренных текстах довольно многочисленны факты употребления сложных слов на месте греческих простых:

Русский язык	Греческий язык
<i>прелюбодѣи</i> (Г.Амарт., 421, 13) <i>прелюбодѣиникъ</i> (там же, 68, 9)	μοιχός
<i>прелюбодѣяти</i> (Ефр.крм., 192б)	μοιχᾶσθαι
<i>прелюбодѣиница</i> (Ефр.крм., 188а) <i>прелюбодѣица</i> (Г.Амарт., 402, 4)	μοιχαλῆς
<i>любодѣяние</i> (Г.Амарт., 473, 7) <i>прелюбодѣяние</i> (там же, 474, 1)	πορνεία («блуд»)
<i>благодѣтие</i> (Г.Амарт., 390, 19)	χάρισμα («милость, дар»)
<i>благородѣство</i> (П., 89)	δόξα («слава, мнение»)
<i>благоумѣство</i> (ГБ, 115δ)	ἐργασία («дело, труд»)
<i>богословие</i> (Г.Амарт., 222, 13)	δόγμα (позд. «философское учение»)
<i>нищекърмительныи</i> (Ефр.крм., 10а)	πτωχεία («нищета»)

Русский язык	Греческий язык
<i>нравоучѣнь</i> (Ефр.крм., 240а)	ἠθικός (« <i>нравственный</i> »)
<i>огнежьжение</i> (Г.Амарт., 158, 8)	πυρετός (« <i>лихорадка, горячка</i> »)
<i>православие</i> (Г.Амарт., 533, 19)	πρωτέρμα (« <i>преимущество, превосходство</i> »)
<i>смѣхотравникъ</i> (Г.Амарт., 952, 21)	γότης (« <i>плакальщик, колдун</i> »)
<i>устобѣдствѣ</i> (Г.Амарт., 72, 24)	στωμολία (« <i>болтливость, словоохотливость</i> »)

Следует отметить случаи перевода ряда греческих простых слов при помощи одного сложного слова: *благодать* — χάρις (ГБ, 1δ; Г.Амарт., 256, 7; П., 28; Ефр.крм., 243а); χάρισμα (Г.Амарт., 280, 4), ἀγαθός (П., 1), ἀγαθότης (Ефр.крм., 229б); *душегубный* — βλαβερός («*вредный, пагубный*») (Ефр.крм., 185а); σφαλερός («*рискованный, опасный*») (там же, 112а).

Одно и то же простое греческое слово могло передаваться разными русскими сложными словами и даже словосочетаниями; например: ἀρετή — *благодѣяние* (П., 53); *благоугодие* (там же, 5), *добръ нравъ* (ГБ, 14δ), *нравъ благъ* (там же, 10α).

Нередки случаи, когда русскому сложному слову соответствуют как простое, так и сложное греческое слово, например:

Русский язык	Греческий язык
<i>милосѣрдие</i>	εὐσπλαγχνία (Ефр.крм., 182б) σπλάγχχον (« <i>самое дорогое</i> ») (ГБ, 53γ)
<i>правовѣрныи</i>	ὀρθόδοξος (Ефр.крм., 90а) ὀρθός (там же, 305б)
<i>благодѣяние</i>	ἀγαθοεργίη (Ефр.крм., 23а) εὐχαριστία (ГБ, 240β) εὐεργεσία (там же, 156β) ἀρετή (П., 53)
<i>велемудръ</i>	σεμνός (« <i>почтенный</i> ») (Г.Амарт., 227, 12) μεγαλόφρων (« <i>имеющий возвышенный образ мыслей</i> ») (там же)
<i>нищезѣрмъць</i>	πτωχοτρόφος (Ефр.крм., 33а) πτωχεία (« <i>нищета</i> ») (там же, 295а)

В рассмотренном материале наблюдаются факты передачи греческих словосочетаний при помощи русских сложных слов, например: *добронравие* (ГБ, 12γ) — τό καλόν ἔξις (καλός «*хороший*», ἔξις «*имение чего-либо, обладание чем-либо*»); *мясораздробление* (Г.Амарт., 244, 4) — κρέων κατακοπή (κρέας «*мясо*», κατακόπτω «*разрубать мясо*»); *руковъздѣвание* (Г.Амарт., 176, 2) — χειρῶν ἔκτασις (χείρ «*рука*», ἔκτασις «*вытягивание*») и др.

Исследование древнерусских переводных памятников позволило сделать следующие выводы:

1. В русском языке существовали модели сложных слов, активность которых была в значительной мере стимулирована калькированием греческих сложных слов.

2. Широкое использование синонимии при калькировании, а также передача греческих сложных слов путём мены компонентов и образование русских сложных слов на месте греческих простых слов и словосочетаний свидетельствует о существовании в русском языке традиции словосложения, восходящей к глубокой древности.

Литература

1. Бенешевич В. Н. Древне-славянская кормчая XIV титулов без толкований / В. Н. Бенешевич. — СПб., 1906–1907. — Т. 1. — VIII, 840 с.
2. Будилович А. С. Исследование языка древнеславянского перевода XIII слов Григория Богослова по рукописи Императорской публичной библиотеки XI века / А. С. Будилович. — СПб., 1871. — 154 с.
3. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка / Ф. И. Буслаев. — М.: Учпедгиз, 1959. — 623 с.
4. Верещагин Е. М. Из истории возникновения первого литературного языка славян. Переводческая техника Кирилла и Мефодия / Е. М. Верещагин. — М.: Изд-во МГУ, 1971. — 255 с.
5. Вялкина Л. В. Греческие параллели сложных слов в древнерусском языке XI–XIV вв. / Л. В. Вялкина // Лексикология и словообразование древнерусского языка. — М.: Наука, 1966. — С. 164–188.
6. Димри (Варанаш) Д. П. Панини и его «Восьмикнижие» / Джагдиш Прасад Димри (Варанаш) // Народы Азии и Африки. — 1973. — № 6. — С. 96–103.
7. Истрин В. М. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе / В. М. Истрин. — Ленинград: Изд-во АН СССР, 1920 — 1930. — Т. 1–3.
8. Копыленко М. М. О греческом влиянии на язык древнерусской письменности / М. М. Копыленко // Русская речь. — 1969. — № 5. — С. 286–291.
9. Кочергина В. А. Словообразование санскрита: (Префиксация и основообразование) / В. А. Кочергина. — М.: Изд-во МГУ, 1990. — 206 с.
10. Кускова Н. С. Именные сложения древневерхненемецкой эпохи как структурные единицы и как средства номинации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Н. С. Кускова. — М., 1972. — 46 с.
11. Мейе А. Общеславянский язык / Антуан Мейе. — М.: Изд-во иностр. лит., 1951. — XIV, 492 с.
12. Низаметдинова Н. Х. Словообразование сложных слов в русском языке XI–XVII в.: дис. ... д-ра филол. наук / Н. Х. Низаметдинова. — М., 2003. — Кн. I. — 375 с.; Кн. II. — 386 с.
13. Селищев А. М. Старославянский язык / А. М. Селищев. — М.: Учпедгиз, 1952. — Ч. II. — 207 с.
14. Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. — СПб., 1903. — VIII, 460 с.

15. Толстой Н. И. История и структура славянских литературных языков / Н. И. Толстой. — М.: Наука, 1988. — 239 с.
16. Успенский Б. А. Языковая ситуация Киевской Руси и её значение для истории русского литературного языка / Б. А. Успенский. — М.: Изд-во МГУ, 1983. — 144 с.
17. Филин Ф. П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи: (по материалам летописей) / Ф. П. Филин // Доклады и сообщения Института русского языка АН СССР. — М., 1948. — Вып. 1. — С. 171–175.
18. Цейтлин Р. М. Лексика старославянского языка: (опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X–XI в.) / Р. М. Цейтлин. — М.: Наука, 1977. — 336 с.
19. Чернышёва М. И. Роль греческих параллелей в лексикографической практике: отбор и подача слов греческого происхождения в Словаре русского языка XI–XVII в.в. / М. И. Чернышёва // Теория и практика русской исторической лексикографии. — М.: Наука, 1984. — С. 201–210.
20. Lehmann W. P. Proto-Indo-European compounds in relation to other Proto-Indo-European Syntactic patterns / W. P. Lehmann // Acta linguistica Hafniensia. — 1969. — Vol. 12, N 1.

References

1. Beneshevich V. N. Drevne-slavjanskaja kormchaja XIV titulov bez tolkovanij / V. N. Beneshevich. — SPb., 1906–1907. — Т. 1. — VIII, 840 s.
2. Budilovich A. S. Issledovanie jazyka drevneslavjanskogo perevoda XIII slov Grigorija Bogoslova po rukopisi Imperatorskoj publichnoj biblioteki XI veka / A. S. Budilovich. — SPb., 1871. — 154 s.
3. Buslaev F. I. Istoricheskaja grammatika russkogo jazyka / F. I. Buslaev. — М.: Uchpedgiz, 1959. — 623 s.
4. Vereshhagin E. M. Iz istorii vozniknovenija pervogo literaturnogo jazyka slavljan. Perevodcheskaja tehnika Kirilla i Mefodija / E. M. Vereshhagin. — М.: Izd-vo MGU, 1971. — 255 s.
5. Vjalkina L. V. Grecheskie paralleli slozhnyh slov v drevnerusskom jazyke XI–XIV v.v. / L. V. Vjalkina // Leksikologija i slovoobrazovanie drevnerusskogo jazyka. — М.: Nauka, 1966. — С. 164–188.
6. Dimri (Varanash) D. P. Panini i ego «Vos'miknizhie» / Dzhagdish Prasad Dimri (Varanash) // Narody Azii i Afriki. — 1973. — № 6. — С. 96–103.
7. Istrin V. M. Hronika Georgija Amartola v drevnem slavljanorusskom perevode / V. M. Istrin. — Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1920 — 1930. — Т. 1–3.
8. Kopylenko M. M. O grecheskom vlijanii na jazyk drevnerusskoj pis'mennosti / M. M. Kopylenko // Russkaja rech'. — 1969. — № 5. — С. 286–291.
9. Kochergina V. A. Slovoobrazovanie sanskrita: (Prefiksacija i osnovoslozhenie) / V. A. Kochergina. — М.: Izd-vo MGU, 1990. — 206 s.
10. Kuskova N. S. Imennye slozhenija drevneverhnenemeckoj jepohi kak strukturnye edinicy i kak sredstva nominacii: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk / N. S. Kuskova. — М., 1972. — 46 s.
11. Meje A. Obshheslavjanskij jazyk / Antuan Meje. — М.: Izd-vo inostr. lit., 1951. — XIV, 492 s.
12. Nizametdinova N. H. Slovoobrazovanie slozhnyh slov v russkom jazyke XI–XVII v.v.: diss. ... d-ra filol. nauk / N. H. Nizametdinova. — М., 2003. — Kn. I. — 375 s.; Kn. II. — 386 s.
13. Selishhev A. M. Staroslavjanskij jazyk / A. M. Selishhev. — М.: Uchpedgiz, 1952. — Ch. II. — 207 s.
14. Sobolevskij A. I. Perevodnaja literatura Moskovskoj Rusi XIV–XVII v.v. — SPb., 1903. — VIII, 460 s.
15. Tolstoj N. I. Istorija i struktura slavljanskijh literaturnykh jazykov / N. I. Tolstoj. — М.: Nauka, 1988. — 239 s.
16. Uspenskij B. A. Jazykovaja situacija Kievskoj Rusi i ejo znachenie dlja istorii russkogo literaturnogo jazyka / B. A. Uspenskij. — М.: Izd-vo MGU, 1983. — 144 s.
17. Filin F. P. Leksika russkogo literaturnogo jazyka drevnekievskoj jepohi: (Po materialam letopisej) / F. P. Filin // Doklady i soobshhenija Instituta russkogo jazyka AN SSSR. — М., 1948. — Вып. 1. — С. 171–175.
18. Cejtlin R. M. Leksika staroslavjanskogo jazyka: (Opyt analiza motivirovannyh slov po dannym drevnebolgarskih rukopisej X–XI v.v.) / R. M. Cejtlin. — М.: Nauka, 1977. — 336 s.
19. Chernyshjova M. I. Rol' grecheskih paralelej v leksikograficheskoj praktike: Othor i podacha slov grecheskogo proishozhdenija v Slovare russkogo jazyka XI–XVII v.v. / M. I. Chernyshjova // Teorija i praktika russkoj istoricheskoi leksikografii. — М.: Nauka, 1984. — С. 201–210.
20. Lehmann W. P. Proto-Indo-European compounds in relation to other Proto-Indo-European Syntactic patterns / W. P. Lehmann // Acta linguistica Hafniensia. — 1969. — Vol. 12, N 1.

НИЗАМЕТДИНОВА Надіря Хом'ятівна,

доктор філологічних наук, професор кафедри історії російської мови та загального мовознавства Московського державного обласного університету; Москва, Росія;
e-mail: n3@list.ru; tel.: 007 499 3235047; моб.: +7 8 916 9509083

ДО ПИТАННЯ ПРО ВПЛИВ ГРЕЦЬКОЇ МОВИ НА РОСІЙСЬКЕ СЛОВОСКЛАДАННЯ

Анотація. У статті на значному історичному матеріалі розглянуто проблему походження словотвірних моделей складних слів і впливу давньогрецької мови на давньоруське словоскладання. Словоскладання — найдавніший і досі вельми продуктивний спосіб словотвору. Наше звернення до давньогрецького оригіналу дозволяє проникнути у смислові глибини давньоруських параллелей. Дослідження давньоруських переказних пам'яток дає можливість встановити ряд давньоруських моделей складних слів, активність яких була значною мірою стимульована калькуванням давньогрецьких складних слів. Широке використання синонімії при калькуванні, а також передача грецьких складних слів шляхом міні компонентів і виникнення російських складних слів на місці грецьких простих слів і словосполучень свідчить про існування в російській мові стародавньої традиції словоскладання.

Ключові слова: словоскладання, словотвірна модель, калькування, складні слова-кальки, давньоруська мова, давньогрецька мова.

Nadiria H. NIZAMETDINOVA,

Doctor of Philological Sciences, Professor of the History of Russian Language and General Linguistics Department, Moscow State Regional University; Moscow, Russia;
e-mail: n3@list.ru; tel.: 007 499 3235047; моб.: +7 8 916 9509083

ON THE INFLUENCE OF GREEK INTO RUSSIAN COMPOUNDING

Summary. The article on significant historical material addresses the problem of the origin of word-formation models of compound words and the influence of the Greek language in the Old Russian compounding. Compounding is one of the oldest and still very productive way of word formation. Our reference to the Ancient Greek originals penetrates the depth of meaning of ancient parallels. The study of Old Russian translated manuscripts enables to determine a number of ancient models of compound

words, the activity of which was greatly stimulated by tracings of the Greek compound words. The widespread use of synonymy in modeling words, and the transfer of the Greek compound words by translating of every component and forming of Russian compound words instead of simple Greek words and phrases indicate the existence of a Russian language compounding ancient tradition.

Key words: word composition, derivational model, translation loan-word, constructions after foreign patterns, the Old Russian language, the ancient Greek language.

Статью отримано 29.01.2014 р.

УДК 811.161.1'373.424'01

ЗАРИПОВА Анна Рифовна,

аспирант Южного федерального университета; Ростов-на-Дону, Россия;

e-mail: anna_zaripova@mail.ru; моб.: +7 8 950 8625089

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «СУДЬБА» В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

(на примере слов *суд* и *судьба*)

Аннотация. В статье рассматриваются основные представления о судьбе в древнерусском языке. Эти представления реализуются в семантической структуре слов, входящих в состав лексико-семантической группы (ЛСГ) «судьба». Рассматриваются слова *судьба*, *судъ*, *провѣдъ*, *проповѣдъ*, *проуставление*, *проуставъ*, *провидѣние*, *провѣдѣние*, в семантике которых воплощается представление о судьбе как о Божественном замысле. Основное внимание в статье уделяется анализу семантической структуры слов *суд* и *судьба*, которые являются доминантными словами группы. Делается вывод, что слова ЛСГ «судьба» в древнерусском языке отражали христианскую систему ценностей.

Ключевые слова: лексико-семантическая группа «судьба», историческая лексикология, древнерусский язык, семантическая структура слова.

*Но раз есть нечто такое, что движет всем,
и в то же время непознаваемое, это есть судьба.*
А. Ф. Лосев [2, с. 28].

*...Бог есть, в конце концов, Судьба
для каждого человека и для каждой вещи.*
А. Ф. Лосев [2, с. 30].

Одним из ключевых фрагментов русской языковой картины мира является фрагмент, касающийся представлений о контролируемости событий человеческой жизни высшей силой. Представления эти в общих чертах отражаются в семантике лексемы *судьба*. По утверждению В. И. Постоваловой, «судьба относится к числу древнейших ключевых слов нашей культуры, которые, несмотря на смену представлений человека о мире, а также изменений в самом мире и в самом человеке, упорно не хотят исчезать из языка и смыслового пространства культуры» [4, с. 207].

Чрезвычайно ёмкое понятие судьбы находит воплощение в значениях слов лексико-семантической группы (ЛСГ) «судьба», состав и семантическое наполнение которой менялось на протяжении веков. ЛСГ «судьба» в древнерусском языке включала в себя такие лексемы, как *судьба*, *судъ*, *провидѣние*, *провѣдѣние*, *промыслъ*, *промыслениѣ*, *промыслиаи*, *предопредѣление*, *рокъ*, *жребий*, *часть*.

Цель настоящей статьи, выполненной на основе данных исторических лингвистических словарей и толковых словарей современного русского языка, состоит в общей характеристике ЛСГ «судьба» в древнерусском языке на примере анализа семантической структуры составляющих её ядро слов *суд* и *судьба*.

Семантическое развитие слов данной группы происходило в истории русского языка в соответствии с двумя основными воззрениями на судьбу. Во-первых, судьбой представлялась некая Божественная идея — единственная, всезнающая и всеобъемлющая, некий Божественный замысел о мире и о каждом человеке, то, что является первопричиной всего сущего. Это представление воплотилось в древнерусском языке в синонимическом ряде таких слов, как *судьба*, *судъ*, *провидѣние*, *провѣдѣние*, *промыслъ*, *промыслениѣ*, *промыслиаи*, *предопредѣление*, *рокъ*. Во-вторых, судьба — результат творения этой высшей идеи, та форма, которую принимает человеческая жизнь в процессе Божественного промысла (*жребий*, *часть*).

Второе представление о судьбе в древнерусском языке воплощалось в семантике заимствованной из старославянского языка лексемы *жребии*.

Если обратиться к этимологии данной лексемы, то станет ясно, что она имеет в своей семантике указание на процесс отделения. П. Я. Черных возводит слово к общеславянскому *žerbъ — ‘не-что отрезанное, отрезок’. В соответствии с этой версией можно предположить, что первоначальным

значением данного слова было его буквальное значение — ‘жребий’, то есть «небольшой предмет, вынимаемый наудачу из числа одинаковых предметов при решении спорных вопросов» [10, с. 306]. В древнерусском языке происходит метафоризация, значение слова абстрагируется и переносится на метафизически значимые категории человеческой жизни, судьбы: *Жребии высокъ приимъ*. Мин. 1097 г. 88 [9, 1, столбец 882]. Таким образом, жребий становится той частью, тем назначением, которое выпадает человеку в процессе мирового «метания жребия».

Далее в истории русского языка представления о судьбе как участи, данной от Бога, продолжают развиваться по направлению, заданному словом *жребий*. В соответствии с этим, другие лексемы второго ряда, которые обозначают форму человеческой жизни, определённую высшей силой (*часть*, а затем уже в старорусском языке (с XV в.) *доля*), также имеют сему раздела, части. Слова же первого синонимического ряда (*судьба, судъ, провидѣнне, провѣдѣнне, промыслъ, промышленнѣ, промышляи, предопредѣленне, рокъ*), через семантику которых воплощается понимание судьбы как Божьего промысла, напротив, представляют собой нечто целостное, единое, абсолютное, неделимое.

Следует отметить, что в современном русском языке значения многих слов ЛСГ «судьба» теряют связь с Божественной отнесённостью, слова эти начинают восприниматься в контексте суеверных представлений. Так, лексема *судьба* трактуется либо просто как «стечение обстоятельств» [3, с. 767], либо же как «складывающийся независимо от воли человека ход событий, стечение обстоятельств (по суеверным представлениям — сила, предопределяющая всё, что происходит в жизни)» [7, с. 302]. В древнерусском же языке по семантике и характеру своего употребления слова ЛСГ «судьба» обнаруживают свою несомненную принадлежность к церковно-книжной лексике.

Святитель Николай Сербский пишет о судьбе следующее: «Если под судьбой понимается слепая случайность или фатальность, Церковь решительно не принимает, отрицает существование такой судьбы. Церковь всё обосновывает разумом, от разума и через разум. Она ничего не приписывает случайности или слепой фатальности, но всё объясняет Промыслом всемогущего и всевидящего Господа, исходящего из высшей целесообразности и характера тайных помыслов, чувств и действий человека» [6]. Именно такое понимание судьбы преобладало в древнерусской культуре, стремящейся с корнем вырвать языческие насаждения прошлых веков.

Наибольшее распространение в этот период получили слова первого синонимического ряда ЛСГ «судьба» (*судьба, судъ, провидѣнне, провѣдѣнне, промыслъ, промышленнѣ, промышляи, предопредѣленне, рокъ*), в семантике которых реализуется представление о замысле, непосредственно принадлежащем Высшей силе — Богу. Основное внимание в данной статье будет уделено анализу семантической структуры именно этих слов, наиболее характерных для древнерусского языка. Особый интерес представляет исследование семантического развития лексемы *суд* и производного от неё слова, ставшего ядром рассматриваемой ЛСГ — слова *судьба*.

По данным исторических словарей, слово *судьба* фиксируется в древнейших переводных памятниках письменности (с XI в.) в трёх основных значениях: ‘суд, судебное разбирательство’; ‘решение, приговор, тж. Божественный приговор’; ‘Божественное предопределение’. Самым употребительным в XI в. было значение ‘суд, судебное разбирательство’ лексемы *судьба*, в то время как само слово *суд* на данном этапе бытовало в других значениях, относящихся к сфере умственных и речемыслительных операций. Так, активно использовались такие лексико-семантические варианты (далее — ЛСВ) лексемы *суд*, как ‘рассуждение, суждение, мнение’: *Тако убо себѣ другы и съвѣтъники имѣи, иже не вься глѣмая тобою хвалѣть, нъ судѣмъ правдѣнымъ тѣшитатся отвѣтити ти*. Изб. Св. 1076 г., 200 [8, с. 244], ‘воля, желание, решение’: *Гь просл(ав)илъ отьця о чядѣхъ и судъ мѣрньнъ утвердилъ естъ о чядѣ(хъ)*. Изб. Св. 1076 г., 412 [8, с. 244]; ‘хула, осуждение’: *Нѣсть убо добро не хранитися отъ всякого суда*. Изб. Св. 1076 г., 355. [8, с. 244]. Кроме того, бытовали омонимы слова: *судъ* как ‘член’, *судъ* как ‘судно, корабль’ и *судъ* как ‘сосуд, ёмкость, вместилище для жидких, твёрдых и сыпучих тел; тж. образно’.

Следует отметить, что в XI в. слово *судъ* практически не фиксируется в памятниках письменности с семантикой гражданского суда. Например, в Словаре русского языка XI–XVII в.в. данное значение встречается всего дважды: в ЛСВ ‘право суда, судебная власть’: *Ойъ бо не судитъ никомуже, нъ судъ вьсь дастъ Сѣови*. (Ио. V, 22) Остр. ев., 13 об. 1057 г. [8, с. 248] и в сочетании *Судъ прятти съ* (кем-л.) — затеять тяжбу: *Хотяштуму судъ прятти съ тобою и ризу твою взяти, отъпусти ему и срачицу* (Матф. V, 40). Панд. Ант. №, 80. XI в. [8, с. 247].

Таким образом, судом мыслился либо абстрактный процесс речемыслительного характера (размышление, рассуждение), либо результат этого процесса (суждение, мнение, воля, желание, решение). Лексема же *судьба* как производная от слова *судъ* употреблялась для обозначения конкретного действия, в процессе которого происходят определённые речемыслительные акты и в результате которого принимаются те или иные решения, то есть конкретный процесс (*судьба*) заполняется абстрактными действиями речемыслительного характера (судами): *А в судѣбѣ бѣдими правители суть, и егдаже хотятъ судити, р̄ ихъ сберутся, да аще что изгълють, то не възвратится*. Флавий. Полон. Иерус. (Арх.), 157. XV в. ~ XI–XII в.в. [8, с. 272].

Следует отметить, что в XI в. наравне с вышеперечисленными ЛСВ широкое распространение получают значения слова *судъ*, использующиеся в религиозном контексте. В древнейших памятниках письменности фиксируется употребление слова *судъ*, где вершителем суда выступает Бог (‘О суде Бога над людьми’): *Се же естъ судъ, яко свѣтъ приде въ миръ, и възлюбиха члвци паче тьму, неже свѣтъ*. (Ио. III, 19) Остр. ев., 12 об. 1057 г.; *Въруи възкрѣсеню мрътвыхъ помни судъ, чья отвѣта и въздѣяннѣя по дѣломъ* Изб. Св. 1076 г., 238 [8, с. 246]. Кроме того, употреблялась такая

значение слова *судъ*, как ‘воля Бога, предопределение, промысл’: *Мало ихъ избы от смѣрти: ихже остави судъ жити, то ти убѣжаша.* Лавр. лет., 446,1337 г. [8, с. 250].

Таким образом, *судъ* на первых этапах существования письменного языка представляется как нечто абстрактное: либо мыслительная деятельность, либо мистическое действие, главным вершителем которого выступает Бог и в результате которого наступает либо воздаяние за грехи: *Не убоя ли ся Ба, не убоя ли ся суда будущааго въздания?* Патерик Син., 143. XI в. [8, с. 246], либо милование праведников: *О таковыхъ бо речехъ прркъ... блжнии мѣстви... яко ти помиловании будутъ на судъ Страшнѣмъ.* (Парен. Ефр. Сир.) Зап. (Г.), 106. 1269–1289 г.г. [8, с. 246]. Но как бы то ни было, основополагающей в этом акте остаётся сема справедливости суда, потому что активной силой здесь является Бог, тот, чья воля и чьи решения не могут не быть истинными: *Нѣтъ убо азъ Науздоносръ хвалю, и прѣвъзношаю, и славлю црѣя нбѣснаго, яко вся дѣла его истинна, и путие его суди.* (Дан. IV, 34) Библ. Генн. 1499 г. [8, с. 249]. И ни одной твари не укрыться от этого суда: *Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда Божіа не минути.* Сл. плк. Игор. [9, 3, столбец 606]. Представление о праведности, истинности суда очень крепко было связано с Божьим судом, и это религиозное понимание суда пришло в процессе перевода древнегреческих памятников. Об этом свидетельствует и то, что древнерусское сочетание *Судъ Божий* в переводных памятниках соответствует древнегреческому *ἡ δικαιοκρισία*, что значит ‘праведный суд’ [8, с. 251].

На первых этапах своего существования, таким образом, лексемы *судъ* и *судьба* находились в очень тесной семантической связи. По данным исторических словарей, эти слова с древнегреческого языка чаще всего переводятся одними и теми же лексемами: *τὸ κρίμα* (‘решение, приговор, тж. суждение’) и *ἡ κρίσις* (‘суд, судебное разбирательство, решение, приговор’). На основании этих фактов, можно утверждать, что в XI–XII в.в. ЛСВ этих слов ещё не закрепились за определённой лексемой, поэтому переходили от одного слова к другому. Об этом свидетельствует также то, что в переводных памятниках письменности слово *судъ* в значениях ‘воля Бога, промысел; судьба’ и ‘смерть, гибель по воле Бога’ переводится древнегреческим словом *ἡ εἰμαρμένη*, что значит ‘жребий, судьба’ [8, с. 251].

В процессе развития и становления языка происходит переход слов из одной сферы употребления в другую, что является закономерным для начального этапа существования письменного языка. Как уже было сказано выше, в XI–XII в.в. *судьбой* мыслился конкретный процесс гражданского суда, в то время как слово *судъ*, которому в современном русском языке свойственно данное значение, было большей частью в сфере религиозного употребления. Светскую судебную процедуру, разбор гражданских дел всё чаще начинают называть *судом* с XII–XIII в.в., когда данное значение лексемы *судьба* уходит из языкового обихода. Уже в XI–XII в.в. слово *судьба* приобретает религиозные коннотации, и *судьбой* начинают называть мистическое действие, главной действующей силой которого выступает Бог. В это время появляются такие ЛСВ, как ‘решение, приговор; тж. божественный приговор’, ‘божественное предопределение’ и ‘божественное установление’.

Таким образом, уже в XI–XII в.в. наблюдается переход значений лексемы *судьба* из области светской (судебное разбирательство как неотъемлемая часть земного существования) в область религиозную (суд как Божественная воля). Происходит переосмысление светского судебного института и его переложение на суд небесный, Божественный. Так, значение ‘решение, приговор; тж. божественный приговор’ является важной семантической ступенью перехода слова из светской сферы употребления в церковно-книжную. Приговор, решение — это то, что является результатом судебного процесса. Исходя из примеров, приведённых в исторических словарях, можно предположить, что на основе ЛСВ ‘приговор, решение’, где ещё сохраняется семантика светского, гражданского суда, параллельно развивался и религиозно окрашенный ЛСВ ‘божественный приговор’, в результате образования которого начинается постепенный отход лексемы *судьба* от семантики гражданского суда. Об этом говорит и то, что большее распространение в древнерусском языке получило значение именно с религиозной окраской — ‘божественный приговор’. Большую часть примеров, которые приводятся в исторических словарях, составляют фрагменты из Библии, и лишь один пример, самый ранний, — из переводного исторического текста Флавия содержит слово *судьба* в значении ‘решение, приговор’: *Вы же сѣве мои блази... будете братиа, пребывайте купно, подаваю же вамъ нынѣ и ризы и службу ѳръскую, молю же ся Бѣгу, да утвердитъ мою судбу, аще вы единоумите.* Флавий. Полон. Иерус. (Арх.), 111. XV в. ~ XI–XII в.в. [8, с. 273].

На основе этого самого раннего примера, датируемого XI в., можно предположить, что изначально бытовал ЛСВ ‘решение, приговор’, но параллельно развивался и ЛСВ ‘божественный приговор’ (параллелизм процедуры земного суда и суда небесного, божественного), в результате образования которого начинается постепенный переход лексемы *судьба* в религиозную сферу.

Следующий этап — абстрагирование значения и его полный переход в область церковно-книжной лексики. Уже в конце XI — нач. XII в.в. распространяются значения, полностью связанные с божественным промыслом: ‘божественное предопределение’ и ‘божественное установление’. Развитие этих значений иллюстрирует механизм переложения процедуры суда гражданского на суд Божественный. Суд земной — отражение суда небесного, самого истинного и справедливого суда. Как постановил Бог на небе, так должно быть на земле, люди должны исполнять эти постановления Божии во всякое время, ибо они — праведны, и от их исполнения (неисполнения) зависит порядок и благополучие в стране: «*Грех ради наших*» Бог, по убеждению средневекового писателя, наводит иноплеменных завоевателей, посылает стране «немилованного» правителя или дарует победу, мудрого князя в награду за смирение и благочестие» [1, с. 11].

Божественное установление, таким образом, — это божественные заветы, те правила, которые Бог установил на земле во благо людям: *Тако Бѣа поминая, блжнѣ будещи, хрании судьбу и творя правду въ всяко время*. Посл. мт. Никиф., 115. XVI в. ~ до 1118 г. [8, с. 273]. Это те заповеди, о которых поведал Господь Моисею и по которым люди должны жить во славу Господа: *Тогда бо преспѣвати можеши, аще съхраниши заповѣди и судьбы, иже повелѣ Гѣ Моисеови* (1 Парал. XXII, 13) Библ. Генн. 1499 г. [8, с. 273]. Именно благодаря божественным установлениям возможен благодетельный союз людей с Богом.

Если божественные установления людям дано и необходимо знать, чтобы исполнять их и жить по ним, то божественное предопределение, наоборот, сокрыто от людей, это то, что невозможно объяснить рациональным путём: *Судьбы Гѣя глубины великы*. Изб. Св. 1073 г. I, 345. [8, с. 273], то, что простым смертным знать не дано, они должны покориться данному предопределению, ибо оно — благо и чудо от Господа: *Чюдеса твоя и судьбы твоя кто исповѣсть, вѣдко Ги* (Патерик Скит.) ВМЧ, Дек. 31, 2519. XVI в. ~ XIV в. [8, с. 273].

Так происходит расширение значения, и 'божественное установление' абстрагируется до 'божественного предопределения'. *Предопределение* — это то, что происходит перед определением приговора, божественного установления. Следует отметить, что в этом значении уже намечается отход от значения 'суд'. Если божественное установление — это результат прямого переложения суда земного на суд небесный, то божественное предопределение — более абстрактное понятие, которое менее тесным образом связано с Божьим судом. Это не суд, это более чем суд, это то, что вне суда.

Таким образом, суд Божий и суд земной, а также лексемы *судъ* и *судьба* имели тесную связь друг с другом и были неразделимы в представлении древнерусского человека: «Судьбы Божии — всё совершающееся во вселенной. Всё совершающееся совершается вследствие суда и определения Божиих. Тайно от Бога и в независимости от Него не совершается и не может совершиться ничто. Одно совершается по воле Божией; другое совершается по поущению Божию; всё совершающееся совершается по суду и определению Божиим. По этой причине судьбы Божии часто называются в Писании судом Божиим. Суд Божий всегда праведен: праведен еси, Господи, — говорит Пророк, — и прави суды Твои» [5, с. 78].

Итак, проанализировав наиболее характерные слова ЛСГ «судьба» в древнерусском языке, можно утверждать, что на начальном этапе существования письменного русского языка судьба воспринималась как замысел Божий, который лежит в основе создания всего сущего и в основе всех свершающихся событий. Судьба в этот период — это и сама Божественная сила, и процесс её применения. В соответствии с этим большую часть древнерусской ЛСГ «судьба» составляют слова, в значении которых содержится указание на мысль Божию: лексема *суд* в значениях 'суд Божий', 'воля Бога'; ЛСВ 'божественное предопределение', 'божественное установление' слова *судьба*, а также выражающие эти представления лексемы *предопредѣление*, *провѣдѣние*, *провидѣние*, *промыслъ*, *промышленіе*, *промышляи*, *рокъ*.

И если в современном русском языке судьба как «внешняя, страшная, безличная, бессмысленная сила, несокрушимая, неотратимая, безжалостная, мрачная и непознаваемая, которая по неизвестным для человека причинам врывается в человечески обозримое, любимое, понятное, сознательно построенное и начинает управлять жизнью, слепо терзая её в разных направлениях и не давая человеку о себе никакого знания», то при оценке судьбы как результата Воли Божьей (что происходит в древнерусской культуре) она даже при всей своей трагичности для верующего предстаёт не только как *горестная и тяжёлая*, но и как *удивительная, тайная, глубокая, многозначительная* [4, с. 213]. Именно таким образом воспринималась судьба в древнерусском языке, ибо «нет слепого случая! Бог управляет миром, и все совершающееся на небе и в поднебесной совершается по суду премудрого и всемогущего Бога, непостижимого в премудрости и всемогуществе Своем, непостижимого в управлении Своем» [5, с. 75].

Древнерусская культура основана не на принципе «создания», ибо всё уже создано Богом, а на принципе воссоздания человека, обращения к его душе. Через слова ЛСГ «судьба» происходило это воссоздание, попытка приобщиться духовно к замыслу Божию и обратиться к душе древнерусского человека, дух которого оставался ещё в путях дохристианского язычества. Поэтому вся древнерусская литература была посвящена главной теме, теме Божественного провидения: «Все события, происходящие в жизни человека и общества, рассматриваются как проявление божественной воли. Бог посылает людям знаки своего гнева — небесные знамения, предупреждая их о необходимости покаяния, очищения от грехов и предлагая изменить свое поведение — оставить «беззакония» и обратиться на стезю добродетели» [1, с. 11]. В оформлении и исполнении этой главной темы важную роль играли слова ЛСГ «судьба».

Литература

1. Кусков В. В. История древнерусской литературы : учеб. для филол. спец. вузов / В. В. Кусков. — М. : Высш. шк., 2003. — 336 с.
2. Лосев А. Ф. Признавая абсолютную истину / А. Ф. Лосев // Студенческий меридиан. — 1991. — № 10. — С. 27–31.
3. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. — М. : Сов. энцикл., 1970. — 900 с.
4. Постовалова В. И. Судьба как ключевое слово культуры и его толкование А. Ф. Лосевым (фрагмент типологии миропониманий) / В. И. Постовалова // Понятие судьбы в контексте разных культур. — М. : Наука, 1994. — С. 207–214.
5. Святитель Игнатий Брянчанинов. Аскетические опыты. В 2 кн. Кн. 2 / Святитель Игнатий Брянчанинов. — М. : Благовест, 2011. — 293 с.

6. *Святитель Николай Сербский*. Миссионерские письма [Электронный ресурс] / Святитель Николай Сербский. — М., 2003. — Режим доступа: http://azbyka.ru/vera_i_neverie/o_vere/serbskiy_missionerskie_pisma_186-all.shtml (дата обращения: 01.06.2013).
7. *Словарь русского языка*. В 4 т. Т. 4 / ред. А. П. Евгеньева. — М.: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999.
8. *Словарь русского языка XI–XVII в.в.* Вып. 28. (Старичекъ — Сулебный) / Д. В. Дагурова [и др.]; гл. ред. В. В. Крысько. — М.: Наука, 2008.
9. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 т. / И. И. Срезневский. — М.: Знак, 2003.
10. *Черныш П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. Т. 1: А—Пантомима / П. Я. Черныш. — М.: Рус. яз., 1999.

References

1. *Kuskov V. V.* Istorija drevnerusskoj literatury: ucheb. dlja filolog. spec. vuzov / V. V. Kuskov. — М.: Vyssh. sh., 2003. — 336 s.
2. *Losev A. F.* Priznavaja absoljutnuju istinu / A. F. Losev // Studencheskij meridian. — 1991. — № 10. — S. 27–31.
3. *Ozhegov S. I.* Slovar' russkogo jazyka / S. I. Ozhegov. — М.: Sov. jencikl., 1970. — 900 s.
4. *Postovalova V. I.* Sud'ba kak kljuchevoe slovo kul'tury i ego tolkovanie A. F. Losevym (fragment tipologii miroponimaniy) / V. I. Postovalova // Ponjatie sud'by v kontekste raznyh kul'tur. — М.: Nauka, 1994. — S. 207–214.
5. *Svjatitel' Ignatij Brjanchaninov.* Asketicheskie opyty. V 2 kn. Kn. 2 / Svjatitel' Ignatij Brjanchaninov. — М.: Blagovest, 2011. — 293 s.
6. *Svjatitel' Nikolaj Serbskij.* Missionerskie pis'ma [Jelektronnyj resurs] / Svjatitel' Nikolaj Serbskij. — М., 2003. — Rezhim dostupa: http://azbyka.ru/vera_i_neverie/o_vere/serbskiy_missionerskie_pisma_186-all.shtml (дата обращения: 01.06.2013).
7. *Slovar' russkogo jazyka*. V 4 t. T. 4 / red. A. P. Evgen'eva. — М.: Rus. jaz.: Poligrafresursy, 1999.
8. *Slovar' russkogo jazyka XI–XVII v.v.* Vyp. 28. (Starichekъ — Sulebnyj) / D. V. Dagurova [i dr.]; gl. red. V. V. Krysko. — М.: Nauka, 2008.
9. *Sreznevskij I. I.* Materialy dlja slovarja drevnerusskogo jazyka: v 3 t. / I. I. Sreznevskij. — М.: Znak, 2003.
10. *Chernyh P. Ja.* Istoriko-jetimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo jazyka. V 2 t. T. 1. A—Pantomima / P. Ja. Chernyh. — М.: Rus. jaz., 1999.

ЗАРІПОВА Анна Ріфівна,

аспірант Південного федерального університету; Ростов-на-Дону, Росія;
e-mail: anna_zaripova@mail.ru; mob.: +7 8 950 8625089

ЗАГАЛЬНА ХАРАКТЕРИСТИКА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧНОЇ ГРУПИ «ДОЛЯ» В ДАВНЬОРУСЬКІЙ МОВІ (НА ПРИКЛАДІ СЛІВ *СУД* І *СУДЬБА*)

Анотація. У статті розглядаються основні уявлення про долю в давньоруській мові. Ці уявлення реалізуються в семантичній структурі слів, що входять до складу лексико-семантичної групи (ЛСГ) «доля». Розглядаються слова *судьба*, *судь*, *провідь*, *проповідь*, *проустановлення*, *проустановка*, *провидіння*, *провідіння*, в семантиці яких втілюється уявлення про долю як про Божественний задум. Основна увага в статті приділяється аналізу семантичної структури слів *судь* і *судьба*, які є домінуючими словами групи. Зроблено висновок, що слова ЛСГ «доля» в давньоруській мові відображали християнську систему цінностей.

Ключові слова: лексико-семантична група «доля», історична лексикологія, давньоруська мова, семантична структура.

Anna R. ZARIPOVA,

Southern Federal University postgraduate student; Rostov-on-Don, Russia;
e-mail: anna_zaripova@mail.ru; mob.: +7 8 950 8625089

GENERAL CHARACTERISTIC OF LEXICAL-SEMANTIC GROUP «DESTINY» IN THE OLD RUSSIAN LANGUAGE

Summary. In the article main representations of destiny in the Old Russian language are considered. The words of lexical-semantic group (LSG) «Destiny» contain these representations in their semantic structure. In this article the words *судьба* — *sud'ba* (destiny), *судь* — *sud* (court), *провідь* — *proved* (fate), *проповідь* — *propoved*, *проустановление* — *proustavlenije*, *проустановка* — *proustav*, *провидіння* — *providenije*, *провідіння* — *provedenije* (predetermination, predestination) and others are described. These words define destiny as Divine predestination. At first, semantic structure of words *судьба* — *sud'ba* (destiny) and *судь* — *sud* (court) are analyzed. These words are the main words of the group. The author deducts that words of LSG «Destiny» were used for description of religious life of an Old Russian people.

Key words: lexical-semantic group «Destiny», historical lexicology, the Old Russian language, semantic structure of word.

Статтю отримано 20.01.2014 р.

УДК 811.161.1'282.4'367.625(477.74)

ШВЕЦ Алёна Ивановна,кандидат филологических наук, доцент кафедры культурологии и искусствоведения Одесского национального политехнического университета; Одесса, Украина;
e-mail: lingva@neologic.com.ua; моб.: +38-050-3903782

ДИАЛЕКТНАЯ ГЛАГОЛЬНАЯ ЛЕКСИКА КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ: СОСТАВ, СТРУКТУРА

Аннотация. В статье рассматриваются сложные вопросы изучения диалектной глагольной лексики как отдельной лингвальной субстанции. Предлагается модель её системного изучения. В работе проводится анализ наиболее конструктивных, культурно информативных и характеризующихся наименьшей абстрактностью подмножеств слов, относящихся к предконечным и конечным ветвям лексического древа глагола. Объясняется, как объективируется информация о каждой номинативной единице, как определяются структурные и семантические особенности, пространственное поведение всех зафиксированных вербальных знаков. Выясняются разноплановые системные связи между лексемами, исследуется характер мотивации номинативных единиц. Предлагается моделирование семантической структуры глагольной лексики. Рассматривается структурная организация лексико-семантических парадигм глаголов разной сложности, определяются конституирующие и уточняющие парадигматические связи подмножеств. Анализируются результаты использованной методики при изучении глагольной лексики, функционирующей в разных частных диалектных системах русских переселенцев Одесской области. Определяются особенности глагольной лексики, которые обусловлены национально-культурной и конфессиональной спецификой диалектоносителей.

Ключевые слова: диалектный глагол как лингвальная субстанция, диалектная глагольная лексика, вербализация понятийного пространства, структурная организация, лексико-семантическая парадигма.

В центре внимания современной русистики актуальными остаются вопросы исследования лексики говоров, в частности, словаря и лексической семантики диалектного слова.

Территория распространения русского языка настолько велика, а специфика развития русских говоров и их функционирования настолько различна, что всё это обусловило неизбежность многоплановости, многоаспектности самых актуальных диалектологических исследований в области лексики. И всё же, несмотря на большой спектр разновекторных современных диалектологических студий, совершенствованных ими методик анализа материалов говоров, не все классы лексической системы диалектов оказались разработанными и описанными. Ярус глагольной лексики как отдельной лингвальной субстанции, функционирующей в речи диалектоносителей, на долгое время выпал из поля зрения исследователей.

В то время как в описании системности глагольного слова, принадлежащего системе литературного языка, учёные в XX в. достигли выдающихся результатов, разработка семантики диалектного глагола не была так активна. Монографические опыты в этой области немногочисленны. Недостаточная же изученность самого мобильного и конструктивного — глагольного — пласта говоров не даёт возможности решить главную задачу современной русской и славянской диалектологии — осуществить описание говоров как реальных коммуникативных систем с учётом истории их формирования и современной языковой ситуации. Первые разыскания в области русской диалектной глагольной лексики имеют важное значение, так как отражают сложный путь постижения особенностей глагольной семантики с учётом вырабатываемых методик анализа диалектного материала.

Ситуация недостаточной разработанности вопроса была обусловлена, прежде всего, научными приоритетами, характерными для начального этапа диалектологических разысканий в области лексики, которые мотивированы были не реальной языковой практикой, а социально-политической концепцией. Для I пол. XX в. было характерно утверждение постулата о быстром отмирании русских диалектов. Считалось, что демократизация культуры в достаточно короткий срок приведёт к отмиранию диалектов и повсеместному распространению литературной формы языка. Поэтому лингвистам следовало успеть собрать всё то, что было связано с исчезнувшими и исчезающими явлениями материальной культуры, с устаревшими способами ведения хозяйства, ушедшими в прошлое производственными отношениями и бытом. Следствием расстановки акцентов явилось то, что на первых этапах работы над ДАРЯ все вопросы национального и региональных атласов, а соответственно, и ответы были сориентированы в большей степени на предметную лексику, которую представлялось необходимым уточнить. Ввиду недостаточной разработанности «Вопросника» была утверждена новая «Программа собирания сведений для составления ДАРЯ», написанная под руководством Р. И. Аванесова, Б. А. Ларина, Ф. П. Филина. Наиболее полно и детально в ней освещались фонетические и морфологические черты. Было увеличено число вопросов, посвящённых синтаксису. Явления же, относящиеся к области лексики, вновь получили фрагментарное воплощение. Сбору глагольных единиц по-прежнему уделено второстепенное внимание. Так, из 153 вопросов «Программы», составленных для раздела «Лексика», только 32 были ориентированы на глагольную лексику [1, т. 3, с. 271–278]. Фрагментарность, несистемность лексической части вопросника во многом объясняется сложностью предмета исследования. Количество единиц лексического уровня диалектного языка на практике трудно исчислимо, осложнён сбор и систематизация словарного материала. И всё же главная причина заключалась в отсутствии разработанной теоретической базы изучения диалектной лексики и семантики, поскольку в диалектологии

ещё не применялся системный подход к языку, а сбор лексического материала осуществлялся без учёта семантической структуры слова. Это обусловило атомарность, несистемность представления лексики, в том числе и глагольной, во всех типах диалектологических атласов и, соответственно, «законсервировало» на продолжительное время интерес к изучению диалектного глагола как сложной лингвальной субстанции.

Прорывом в исследовательской практике диалектной лексики и семантики явилось осмысление нового подхода к фактам языка Р. И. Аванесовым — создателем оригинальной теории лингвистической географии. В рамках новой теории различительные элементы русских диалектов перестали рассматриваться как аморфные, незначимые, а были осознаны как важные структурные звенья общей системы языка. Такое понимание бытия говоров позволило сделать новый шаг в исследовании диалектной лексики и подвело к постановке проблемы типологического изучения явлений лексико-семантической сферы. Большой вклад в разработку этого вопроса внесли труды Н. И. Толстого, в которых предложено понятие семантического микрополя как «амплиуды колебания значения опорной лексемы» и разработана методика описания конкретных микрополей. Учёный сконцентрировал внимание на познании закономерностей непрекращающихся поступательных многовекторных семантических изменений слова (от синтагматических до парадигматических), в результате которых в структуре многозначного слова формируются новые семы; а также на изучение моделей семантической деривации. Главным в концепции Н. И. Толстого стало положение о необходимости найти способ выделения микрополя, которое было бы построено на формально-лингвистических, а не логических основаниях. Такое поле должно послужить основой для сравнения фрагментов лексико-семантических систем близкородственных диалектов. Опираясь на опыт моделирования наддиалектных семантических полей лексем и сопоставление реализации этих наддиалектных конструктов в реальных диалектных системах, учёный убедительно продемонстрировал варьирование структуры, конфигурации семантического поля лексем. Обращённость к совокупности ЧДС явилась важной особенностью метода. Предложенный способ конструирования микрополя не позволял «игнорировать ряд релевантных и весьма прочных семантических связей, остающихся часто вне наблюдений исследователя при подходе к семантическому полю с точки зрения чистых понятий или предметных и семантических групп».

Новаторские идеи Н. И. Толстого получили значительное распространение. Однако и в этих разысканиях диалектная глагольная лексика не рассматривалась как предмет изучения, приоритет снова отдавался предметной лексике. Следует отметить, что сам Н. И. Толстой указывал на важность проведения семантических исследований по группам лексики, относящейся к определённым частям речи. Однако подобная исследовательская практика до сих пор не проводилась. Поэтому изучение лексической семантики диалектного глагола по-прежнему следует относить к актуальным задачам диалектологии, решение которых требует новых исследований.

Диалектная глагольная лексика как предмет исследования представляет сложное явление, что обусловлено уникальностью её семантики. Выявление семантики диалектного глагольного слова не сводится к простому определению номинации реалии. Следствием ненормированности и устной формы бытования диалекта является сильная подвижность семантики, характерная для многих сегментов лексической системы говоров. Она часто проявляется в размытости понятийных границ, что обусловлено плохо структурированным денотатом (такое явление характерно для многих лексических областей). Этот факт имеет следствием «колебания» сигнификативной семантики глагольной единицы и часто приводит к появлению у неё нового значения. Для исследователя же очень важно правильно зафиксировать это новое значение.

Помимо особенностей диалектной семантики, сложности обнаруживаются в процессе обработки собранного материала, в частности, при адекватном описании сигнификативного компонента. Уверенность в правильном понимании значения языкового факта базируется на неоднократной его фиксации, использовании в различных коммуникативных ситуациях с реализацией текстового поведения этого языкового феномена. Однако такая фиксация часто затрудняется вследствие утраты слова в лексиконе большинства диалектоносителей либо из-за стёртости его семантики. В отдельных случаях к неадекватному толкованию значения лексемы может привести недостаточное знакомство собирателя с реалиями быта диалектоносителя, а также несовпадение идеографической сетки-модели собирателя и диалектоносителя.

Обобщения относительно системности словарного состава говоров могут быть получены только в результате исследования различных групп слов, системных связей и отношений в пределах разных объединений лексем на основании серии синхронных описаний отдельных частных диалектных систем. Отсутствие специальных монографических работ, посвящённых изучению глагольной лексики русских говоров Одесщины, функционирующих в отрыве от материнского языкового и диалектного массива в разноязычном окружении, позволило выбрать этот диалектный пласт, его структурную организацию и семантику в качестве предмета исследования, а также как плацдарм для выработки и применения моделей сопоставительного анализа лексической семантики опорных говоров.

В качестве опорных были выбраны четыре ЧДС сёл центральной, южной, северной части Одесской области, а также её западной зоны — места наиболее раннего появления русских переселенцев. Диалектоносители опорных говоров — это русские, исповедующие каноническое православие, и староверы.

Надёжность и достоверность диалектологического исследования в своих выводах всегда зависят от полноты и точности зафиксированного материала. Подготовка эмпирической базы, основой которой является глагольная лексика и семантика, представляет сложный, продолжительный процесс.

В связи с этим формирование корпуса материала, которое осуществлялось путём непосредственного наблюдения над живой речью информантов, анализа диалектных текстов и выявления отдельных прогнозируемых явлений по авторскому вопроснику включало несколько этапов: 1) исследование той лексики, которая уже была зафиксирована в русских говорах нашими предшественниками. Она собрана в виде картотеки, а дальше в виде словника статей Словаря русских говоров Одесщины; 2) создание специального вопросника с учётом специфики глагольной семантики, которая, как известно, зависит: от субъекта действия; от объекта действия, от направленности действия. При сборе и обработке материала мы обращали особое внимание на функционирование глагольной лексики в речи. Для этого записывали диалектные тексты и анализировали каждый контекст. Фиксация материала осуществлялась с учётом личности диалектоносителя. Отметим, что реализаторами глагольной семантики выступили номинативные единицы разной структуры: как универбы, так и их функциональные поликомпонентные альтернаты, которые объективно были также введены в классификацию и подверглись интерпретации.

Анализ лексической системы обуславливает поиск формы презентации диалектных данных, адекватной объекту анализа. В настоящем исследовании мы использовали методику представления материала через идеографическую классификацию глагольной лексики. В нашем исследовании в качестве концептуального параметра — микрополя, которое служит основой для сравнения, — используется ЛСП — «целостное, незакрытое и способное к развитию множество слов или их лексико-семантических вариантов, объединённых вокруг доминанты общностью лексического значения, упорядоченных отношением семантической производности, и служащих целям дифференцированной номинации» [2, с. 61].

В нашей работе анализу подвергались ЛСП различной структуры, представляющие собой подмножества слов, относящиеся к предконечным или конечным ветвям лексического древа глагола. Представление диалектной глагольной лексики через предконечные множества частеречного древа оказывается существенным для определения вещественного значения глаголов и характеризуется наименьшей абстрактностью. В основе такой фиксации лексического материала лежит челночный принцип: от конкретных лексических группировок, связанных с выражением понятия, к идеографическим подразделениям. Идеографическая классификация даёт возможность компактного и обозримого представления системных отношений, позволяет выявлять те их типы, которые вне схемы остались бы не выраженными явно. Такое представление лексики одновременно является самым полным с точки зрения эксплицированной антонимии. Оно предполагает возможность установления закономерностей номинации в языке. Ценность идеографической репрезентации возрастает при одновременном изучении лексики нескольких частных диалектных систем, так как позволяет с максимальной полнотой зафиксировать состав и семантику номинативных единиц, а на основании выводов определить степень дифференциации говоров, открывает перспективы для постижения в сопоставительном аспекте региональных лингвокультурных особенностей. Использование лаконичной и информативной модели представления диалектного материала одновременно оказалось удобным источником для конструирования десятков микросистем-полей, обнаруживая закономерности ареального варьирования глагольной лексики и семантики в новосформированных русских говорах Одесской области. Следует отметить, что в славистике известны работы такого типа, выполненные на материале нескольких диалектных систем. Это исследования Юзефа Тарнацкого, Марьяна Куцалы, Н. В. Никончука и его последователей П. Ф. Романюка, В. М. Куриленко, И. В. Сабадоша, Л. И. Дорошенко, В. Л. Конобродской, Т. П. Терновской, В. М. Бережняка и др.

Структура предмета исследования в идеографическом плане составила несколько важных блоков: «Человек — биологическое существо» и «Человек — социальное существо». Отдельными блоками выделены эмоциональная и интеллектуальная сферы человеческой жизнедеятельности. Классификационное (понятийное) поле сформировано 19 глагольными субсегментами. Исходя из доминирующих в границах таких множеств парадигматических отношений, мы выделили следующие типы ЛСП: ЛСП, сформированные родо-видовыми отношениями наличия / отсутствия базовой единицы (напр.: «Принимать пищу», «Покрыть одеждой», «Проводить время молодёжной среде»); ЛСП, базовые единицы которых связаны комплементарно и образуют два гиперо-гипонимических блока («Произвести на свет себе подобного» и «Прекратить существование»); ЛСП, где базовый глагол уточняется в градуированном ряду крайним членом — антонимом, перетягивающим на себя весь родо-видовой центр («Иметь здоровье»); ЛСП партитивов («Сочетаться браком», «Осуществлять строительство»); ЛСП конгломеративов, структурированное отношениями части и целого («Иметь / приобретать какую-либо внешность»). В ЛСП партитивов связь осуществляется по типу рода и вида с наличием базовой единицы, входящей в микрогруппу. ЛСП конгломеративов — это суперпарадигма (парадигма частных парадигм). Единицы таких множеств объединены одной и той же типовой ситуацией или одной темой, для них не обязательна общая идентифицирующая сема. Родовой признак значения компонентов, составляющих такие ЛСП, оказывается на периферии лексического значения слов. Обращение к сема-ономазиологическим сеткам-моделям с дистрибуцией лексем, показало, что наборы номинативных единиц часто не одинаковы и количественно, и формально, и отчасти элементами семантики. Простые противопоставленные глагольные лексические различия при тождестве семантики обусловлены формальной вариативностью глагольных единиц. При частичном формальном различии они сводятся к нечастотной вариации префиксов, суффиксов, к вариации корней, обусловленной лексикализацией фонетических изменений. Высокий процент диалектных различий на основе тождества семантики составляют междиалектные соответствия, обусловленные лексическим варьированием. На

сетках-моделях они выделяются как зоны особых противопоставленных лексических сгущений, которые обнаруживают центральные понятия в системе ценностей исследуемых этносоциумов. Подобной поликомпонентной лексике свойственна яркая маркированность, частотность употребления и полихрония, вскрываемая через спектр мотивологических признаков номинаций. Например, набор лексических средств *на в'ербач'к'и в'з'ал'и, пат ск'ир'дој наш'л'и, ула'в'ил'и в 'оз'ир'и, ф ка'пус'т'и наш'л'и, ф ка'пус'т'и в'з'ал'и, ку'п'ил'и, на'шолс'а, был за'казан* (о том, кто родился), *пр'ив'ила, приабр'ила, прин'исла* (о роженице) эксплицирует особенности вербализации ситуации 'появление новой жизни'. Перед нами знаки субститутивного характера. В основе их производства лежат архаические мотивы: «найденный ребёнок», «ребёнок — дитя растений», появление которых обусловлено табуацией ситуаций появления новой жизни. Разнообразие мотивационных признаков обуславливает специфику номинативного набора в ЛСП «Прекратить существование». Так, мотивированы по признаку 'внешнее подобие' номены *ака'ч'ур'ица* и *в'ит'инут' ја'зык*; по признаку 'персонафицированный субъект' лексемы: *паза'брат', па'выкатат', паката'вас'ит'*; представлениями «перехода» в иной мир конструкции: *на тот св'ет па'шол, пр'ис'тав'илс'а, быт' там, па'шол к Богу, пр'ин'ал Боу, быт' на прав'де, см'ерт' па'т'и'нула, ушол на кладб'иш'и'е*. Архаический мотив «оборотничества», восходящий к тотемистическим представлениям наших предков, явился производительной базой для глаголов: *кыр'кнуща, кур'быкнуща, ку'быр'кнуща, ака'пырд'ица, п'ир'и'к'и'нуца, пај'т'и в'в'ерх на'рам*. По мифопоэтическим представлениям древних славян круговой оборот через себя, кувырок — инверсия верха и низа — приводит к новой форме бытия. Идеографическая экспликация материала обнаружила наличие номинативных средств, мотивированных указанной ментальной структурой, но покрывающих различные понятийные пространства. Помимо номенов с семантикой прекращения биологического существования: *кыр'кнуща, кур'быкнуща, ку'быр'кнуща* следует указать глаголы эмоционального состояния: *кар'бы'каца* 'беспокоиться', движения: *ску'быкнуща* 'убеждать', поведения: *ка'выр'зица, ка'бырз'ица, ка'пырд'ица, ка'мырз'ица, кар'букаца* 'ломаться, капризничать, важничать'. Их объединяет наличие архаического префикса *ко-*(*алломорфы* — *ку-, ка-*) и чередование корней, восходящих к праславянскому *ver, *vьr. Отметим, что «Словарь русских народных говоров» фиксирует подобные вариативные разнодиалектные глаголы все с первичным значением 'кувыркаться'.

«Прочтение» сеток-моделей с дистрибуцией номенов выявило сферы и специфику иных живых языковых процессов в контексте динамики глагольной семантики. Полнозначные глаголы движения *ходить* и *бегать*, часто устойчиво притягивающие к себе именной компонент и приобретающие новую синтагматику, расширяют номинативное пространство при формировании аналитических номенов *б'еуат'* за *д'ит'м'и* 'воспитывать детей', *леја б'еуат'* 'о ленивой хозяйке', *б'еуат'* как *ц'уц'ык* 'оказывать внимание, ухаживать за девушкой' и монолексемы *б'еуат'* 'оказывать внимание, ухаживать за девушкой', а также аналитических номинаций *ха'д'ит'* как *скумбры'ја, ха'дит'* как *к'и'фал'к'а, ха'д'ит'* *ск'и'л'ет'инај, ду'ла'ход'ит', ха'д'ит'* как *су'хотный* 'быть очень худым'; *ха'д'ит'* *вал'инкам, ха'д'ит'* *вал'инкам* 'вести себя как лентяй'; *ха'д'ит'* *ф'д'ефках* 'пребывать в возрасте до замужества'; *ха'д'ит'* (*Ст'онај...*), *ха'д'ит'* (*п'ервым...*) 'носить в утробе ребёнка' утрачивают отчасти своё вещественное значение и служат более для выражения «качественной» бытийности. При этом семантический центр перемещается на именную компонент.

Использование методики составления сема-ономасиологических сеток позволило выстроить для каждой ЛСП наддиалектную модель с максимальным набором ДП, релевантных для суммы изучаемых диалектов, что явилось важным инструментом исследования выделенных семантических пространств. Были обнаружены лакунарные зоны и зоны индивидуальных номинативных звеньев, расширяющих инвариантную структуру.

Анализ индивидуальных номинативных звеньев позволил объяснить конфигуративное варьирование микросистем в пространстве, выявил сферы и причины семантического варьирования глагольной лексики и её альтернатив в пространстве, вскрыл определённые закономерности в сегментации глагольной лексической системы, обнаружил релевантность культурного (конфессионального) компонента: отмечена жёсткая корреляция между конфессиональностью культуры и развитием глагольной семантики в говорах исследуемых этносоциумов. «Культурные» ДП 'конфессиональная принадлежность', 'обрядовая специфика', 'ценностная характеристика социальной ситуации' могут выступать важными конструктивными элементами глагольной семантики, влияющими на формирование конфигурации структуры микросистем диалектной глагольной лексики.

Сказанное ярко демонстрируют номинативные единицы, формирующие, например, ЛСП «Быть здоровым». В одной из опорных ЧДС наряду с базовым общеупотребительным репрезентантом понятия 'иметь здоровье' отмечены индивидуальные аналитические номены, актуализирующие ДП разной степени и качества проявления здоровья: *пај'т'и у хот* 'начать выздоравливать', *быт' пр'и с'ил'и* и *ха'д'ит'* *пр'и с'и'бе* 'быть здоровым, иметь силы обслужить себя'. В ЧДС старообрядцев отмечена соотносительная единица *пај'т'и на л'ек* 'начать поправляться после таинства соборования', противопоставленная описанной цепочке по ДП 'после совершения церковного таинства'.

Следующий ряд примеров демонстрирует усложнение конфигурации инвариантной модели, вызванное отличиями в реальном плане. Так, нестарообрядцы используют номен *св'иват'* *мла'д'енца* с семантикой 'заворачивать новорожденного в пелёнки', а староверы — в значении 'свивать новорожденного свивальником вокруг по пелёнкам крестообразно трижды'. Признак 'конфессиональности' усложняет структуру ЛСП «Покрыть одеждой» в звене 'покрыть головным убором'. У староверов лексема *пак'рыт'* 'надеть платок для посещения богослужения, закрепив два его конца высоко на

груди булавкою' внутрисистемно і межсистемно протиставлена глаголам с семантикою 'надевать (надеть) платок, обвязав его концы вокруг шеи'.

Отличиями в реальном плане вызвано семантическое варьирование в пространстве универбов *м'и'шауца* и *пам'и'шауца* — элементов ЛСП партитивов «Вступать в брак». Для диалектоносителей староверов актуальной оказалась семема 'вступать в брак с иноверцем', а для другой категории русских — семема 'вступать / вступить в брак с представителем другой национальности'. Перед нами пример соотносительной локальной вербализации одной и той же ситуации с использованием единой словообразовательной модели, но с разной оценочной актуализацией включенного актанта объекта действия. Он дифференцируется по признаку 'конфессиональность' // 'национальность'.

Как результат вербального выделения степени важности социальной ситуации, как знак её ценностной характеристики в говорах староверов были произведены номены *кыркнущца*, *ака'тырд'ищца*, *ака'ч'ур'ищца*, *курбыкнущца* с семантикой 'прекратить существование (о плохом, грешном человеке (преимущественно о пьянице))'. Одновременно только у староверов Подунавья зафиксированы обозначения противоположной ситуации, субъект которой — хороший, безгрешный человек: *пашёл на правду*, *пашёл к Богу*.

Анализ наборов лексем, представленных в СРНГ, по всем семам обнаружил глагольные элементы, не известные доселе русистике, отражающие продолжающиеся живые процессы в области лексики. Нетрудно заметить в корпусе инноваций следы влияния украинского и молдавского языка на уровне глагольной лексики. Это преимущественно бытовая сфера: свадебная, строительная лексика; лексика, связанная с приготовлением брынзы и вина. Она отражает специфику социально-бытовой и природно-географической адаптации русских переселенцев в новых условиях.

Проведённое исследование выводит на дальнейшее изучение проблемы генезиса, а также углублённой интерпретации материала в широком пространственном контексте (с говорами окружения и материнскими говорами). Представленные материалы остаются надёжным источником дальнейшего конструирования лексических систем.

Литература

1. *Диалектологический атлас русского языка*: Центр Европейской части СССР. В 3 вып. Вып. III, ч. 1. Синтаксис. Лексика. Комментарии к картам / АН СССР, Ин-т рус. яз. — М.: Наука, 1997.
2. *Сентерберг И. В.* Лексическая семантика английского глагола: учеб. пособие к спецкурсу / И. В. Сентерберг. — М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1984. — 96 с.

References

1. *Dialektologicheskij atlas russkogo jazyka*: Centr Evropejskoj chasti SSSR. V 3-h vyp. Vyp. III, ch. 1. Sintaksis. Leksika. Kommentarii k kartam / AN SSSR, In-t rus. jaz. — M.: Nauka, 1997.
2. *Senterberg I. V.* Leksicheskaja semantika anglijskogo glagola: ucheb. posobie k speckursu / I. V. Senterberg. — M.: MGPI im. V. I. Lenina, 1984. — 96 s.

ШВЕЦЬ Альона Іванівна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри культурології та мистецтвознавства Одеського національного політехнічного університету; Одеса, Україна;

e-mail: lingva@neologic.com.ua; моб.: +38-050-3903782

ДИАЛЕКТНА ЛЕКСИКА ГОВІРОК ЯК ПРЕДМЕТ ДОСЛІДЖЕННЯ: СКЛАД, СТРУКТУРА

Анотація. Робота відображає перші спроби системного аналізу дієслівної лексики, що належить різним російським переселенським говіркам Одеської області. У статті розглянуто складні питання вивчення дієслівної лексики говірок як окремого лінгвального об'єкта. Пропонується модель її системного дослідження.

У роботі увага приділяється аналізу підмножин слів, що належать до передкінцевих і кінцевих гілок лексичного древа дієслова, як найбільш конструктивних, культурно інформативних і таких, що характеризуються найменшою абстрактністю. Лексичний матеріал зафіксовано за принципом: від конкретних лексичних угруповань, пов'язаних з вираженням поняття, до ідеографічних підрозділів. Для інтерпретації лексичного матеріалу застосовувалася операція конфронтації мікросистем на єдиній основі. Унаслідок цього було виявлено інформацію про кожну номінативну одиницю, визначено структурні та семантичні особливості, просторову поведінку всіх зафіксованих вербальних знаків. Запропоноване моделювання семантичної структури лексики надало можливість виявити складну організацію дієслівних номенів, відобразити системність аналізованого матеріалу, дозволило експлікувати стабільні й варіативні ланки номінацій у кожній окремій діалектній системі.

У роботі проаналізовано структурну організацію лексико-семантичних парадигм дієслів різної складності (від мікропарадигм до суперпарадигм); визначено їх парадигматичні зв'язки.

Ключові слова: діалектне дієслово як лінгвальна субстанція, дієслівна лексика говірок, вербалізація понятійного простору, структурна організація, лексико-семантична парадигма.

Alyona I. SHVETS,

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Cultural Studies and Study of Art Department in Odessa National Polytechnic University; Odessa, Ukraine;

e-mail: lingva@neologic.com.ua; mob.: +38-050-3903782

DIALECTAL VERBAL VOCABULARY AS THE SUBJECT OF RESEARCH: COMPOSITION, STRUCTURE

Summary. The complex questions of dialectal verbal vocabulary are examined as the separate lingual substance. The model of its system study is offered. The results of the used methodology are analysed as the studies of verbal lexis functioning in different dialectal systems of the Russian migrators in Odessa region. The author analyzed the composition and structural organization of the verbal lexis within the conceptual field «A man». The matter of the study has been represented through the aggregation

within the part of speech structure, which is significant for determining the real values of the verbs. The interpretation of lexical material of four dialects for the operation of verbal microsystem confrontation on the single basis is worked out.

It allows to objectify the information about every recorded nominative unit, its structural and semantic peculiarities and extensional behavior. The given idiographic classification has become a basis for drafting the invariant semantic articulation patterns of the nineteen verbal lexis microsystems. Aggregating the data into one network contributed to finding out the complicated semantic structure of the most nominations, which testifies the systemic nature of the analyzed matter, objectified the dialect speaker cognition logics on the extra lingual reality and allows to expose the national-cultural component, which manifests itself in the verbal dialect lexis of the Russian migratory groups in the Odessa region. The thesis subjects to the analysis the structural organization of the verbal lexico-semantic paradigms of different complexity levels.

Key words: dialectal verb as lingual substance, dialectal verbal lexis, verbalization of conceptual field, structural organization, lexico-semantic paradigm.

Статтю отримано 23.03.2014 р.

УДК 811.161.1'282.4(477.74)

ЗАБОЛЪЯН Людмила Олеговна,

аспирант кафедры русского языка Одесского национального университета имени И. И. Мечникова;
Одесса, Украина;
e-mail: 7321774@ukr.net

ЭМОТИВНАЯ ЛЕКСИКА, ХАРАКТЕРИЗУЮЩАЯ ЧЕЛОВЕКА ПО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМ СПОСОБНОСТЯМ, В РУССКИХ ГОВОРАХ ОДЕССКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению особенностей лексико-семантической группы диалектизмов «Интеллектуальные способности человека» на материале русских переселенческих говоров Одесщины. Особое место занимают русские говоры ближнего и дальнего зарубежья, которые в силу их островного характера дольше сохраняют исконные диалектные лексемы, а также заимствуют из соседних языков и диалектов яркие метафорические наименования, отражающие языковую картину мира русских переселенцев. Основным источником диалектного материала работы является двухтомный «Словарь русских говоров Одесщины» (2000–2001). В статье описаны системные синонимические и антонимические отношения диалектизмов внутри лексико-семантической группы «Интеллектуальные способности человека». Большая часть диалектных лексем — это эмоционально-экспрессивные образования, в связи с чем в статье поднимается вопрос о соотношении категорий «эмоциональность», «эмотивность» и «экспрессивность». Передко оценочность и эмоционально-экспрессивная окрашенность слова в рассматриваемой ЛСГ создаётся на основе метафоры. Диалектная метафора отличается большой образностью и высокой интенсивностью эмоциональной оценки. Лексико-семантическая группа, характеризующая человека по интеллектуальным способностям, представлена в исследуемых говорах лексемами как исконно русскими, так и заимствованными. Наиболее частотны заимствования из украинского, болгарского и молдавского языков.

Ключевые слова: русские переселенческие говоры, лексико-семантическая группа, эмоционально-экспрессивная лексика, категория оценки.

Современная лингвистика сосредоточила фокус своего внимания на человеческом факторе в языке. Фундаментальные положения об антропоцентризме языка и мышления были изложены в трудах В. фон Гумбольдта, О. Эсперсена, А. А. Потебни, Л. С. Выготского, А. А. Леонтьева, Е. Куриловича и др. Изучению роли человека в языке посвящены работы лингвистов В. М. Алпатов, Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, Р. А. Будагова, Ю. Н. Караулова, Е. С. Кубряковой, Л. Г. Зубковой, Г. В. Колшанского, В. В. Морковина, Б. А. Серебrenникова, Ю. С. Степанова, В. Н. Телия и др. В контексте антропоцентрического подхода в языкознании активно разрабатывается понятие «картина мира». В самом общем смысле картина мира трактуется как сложившееся представление об окружающем мире в результате восприятия человеком объективной действительности органами чувств. «Языковая картина мира — важная составная часть общей концептуальной модели мира» [8, с. 139]. В настоящее время ведутся широкие исследования наивной языковой картины мира, то есть обобщенных представлений об устройстве окружающей действительности, содержащихся в сознании людей и отраженных в языке. При этом весьма интересными оказываются наивные представления, заложенные в языке, о внутреннем мире человека. Ю. Д. Апресян подчёркивает, что они «отражают опыт интроспекции десятков поколений на протяжении многих тысячелетий и способны служить надёжным проводником в этот мир» [1, с. 351].

Предметом нашего внимания является лексика, характеризующая человека, которая представляет собой знания человека о самом себе и формирует ядро языковой картины мира. По мнению С. И. Ожегова, интеллект — это «мыслительная способность, умственное начало у человека» [17, с. 722]. Лексика с интеллектуальной семантикой давно вызывает интерес у лингвистов. Семантические, прагматические, мотивационные, аксиологические и прочие аспекты лингвистического анализа лексики поля «Интеллектуальная деятельность человека» затрагиваются в трудах Ю. Д. Апресяна, Т. В. Бахваловой, Т. Н. Вендиной, В. Г. Гака, О. П. Ермаковой, В. И. Карасика, М. Л. Ковшовой, Л. Е. Крутиковой,

Л. Б. Никитиной, С. Е. Никитиной, В. А. Плунгяна, Е. В. Рахилиной, С. И. Ожегова, Н. В. Уфимцевой и др.

Объектом нашего исследования стали диалектные слова со значением интеллектуальных способностей человека, функционирующие в русских переселенческих говорах Одесской области. В последние десятилетия в русской лингвистике наблюдается широкий интерес к изучению лексики русских говоров. За этот период подготовлены и изданы десятки диалектных словарей, отражающих словарный состав Европейской части России, а также Урала, Сибири и Дальнего Востока. Материалом для написания статьи послужила лексика, собранная во время диалектологической практики автора в 2005 году в селе Старая Некрасовка Измаильского района Одесской области, и двухтомный «Словарь русских говоров Одесщины», вышедший в 2000–2001 г.г. [19], который является итогом многолетних экспедиций, проводившихся кафедрой русского языка Одесского университета им. И. И. Мечникова с 1950 по 1991 г.г. Цель нашей статьи — описание лексико-семантической группы «Интеллектуальные способности человека». Нами было использовано определение лексико-семантической группы, данное О. С. Ахмановой в «Словаре лингвистических терминов»: «Слова, объединяемые общностью значения, независимо от принадлежности к той же или разным частям речи» [16, с. 118].

Диалектизмы со значением характеристики человека широко представлены в речи носителей русских переселенческих говоров Одесской области. «Исследование лексики русских островных говоров юга Украины даёт ценнейший материал, позволяющий судить об особенностях межъязыкового, междиалектного контактирования на лексическом уровне, о специфике функционирования и развития лексико-семантической системы русских говоров в условиях взаимодействия, взаимовлияния территориально смежных языков и диалектов, как близкого, так и отдаленного родства: русского, украинского, болгарского, немецкого и др.» [4, с. 104].

В состав лексико-семантической группы (далее — ЛСГ) «Интеллектуальные способности человека» входит более 60 диалектизмов. Около 15 диалектизмов были отмечены и картографированы лично нами в 2005 году в селе Старая Некрасовка Измаильского района. Среди них:

Битый, -ая, -ое. Умный, бывалый. Битая ана пряльщица! Ст. Некр. // (в СРНГ: в этом значении нет).

СРНГ: *Битый, ая, ое; бит, а, о. 1. В некоторых ремёслах — изготовленный, сделанный с помощью особых приёмов. ◊Битая печь. Глинобитная печь. «Печь, сделанная из глины. В ней только один под выстилается кирпичём». Соликам. Перм., Словцов, 1854. Бьют печи из глины, тогда битым зовут. Тюмен. Печь в избу битую доспели, а чувал кирпичный. Иркут. ◊Битый каравай. [Знач.?] Вязник. Влад., Богородский. Битый, ого, м. В знач. суц. а) Кушанье, приготовляемое из пшеничной муки, которую сбивают с водой, маслом и яйцами. Ядрин. Казан., 1850. На свадьбу битый подадут. Бывало битый приготавливали, беда скусный кушанье. Урал. б) Красный пряник. Уфим., 1849. А ты нишкни, битый дам. Уфим. Ярослав. ◊Битое масло. Сливочное масло. Дон., 1929.*

2. *Слабый, больной. Пск., Осташк. Твер., 1855.*

3. *Расторопный, сообразительный. Пск., Осташк. Твер., 1855. ~ Битый горшок. Шуточное или бранное название замужних женщин и вдов. Мишк. Олон., 1885–1898. Онеж. КАССР [СРНГ, т. 2, с. 299].*

Головатый, -ая, -ое. Умный (о человеке). Головатый у мене сын, здоровый. Ст. Некр.

Дурёха, -и, ж. Глупый человек. Дурёха я, вот и пашила за ниво. Ст. Некр. // СРНГ: нет.

Недоступный, -ая, -ое. Глупый. Недоступных нимнога была ранышы. Ст. Некр. // СРНГ: в этом значении нет.

СРНГ: *Недоступный, ая, ое. Недоступная лошадь. Плохо, медленно идущая лошадь; лошадь с коротким шагом. Кыштов. Новосиб., 1905 [СРНГ, т. 21, с. 32].*

Сочинитель, -я, м. Способный человек. Ой сачинитель тута у нас адин был висёлый дуже. Ст. Некр. // СРНГ: нет.

Больше половины диалектных слов лексико-семантической группы «Интеллектуальные способности человека» являются экспрессивно окрашенными, эмоционально оценочными лексемами. В лингвистике вопрос о соотношении категорий «эмоциональность», «эмотивность» и «экспрессивность» является актуальным. Категория «эмоциональность» обычно рассматривается в узкой и широкой интерпретации. В узкой интерпретации «эмоциональность» трактуется как отраженное и закреплённое в семантике слова чувство говорящего, его отношение к объекту речи [7, с. 137; 15, с. 64 и др.]. В широкой же — как совокупность выражения чувств и эмоций субъекта [6, с. 33–34; 10, с. 45], как их усиление, или интенсивность. Наряду с термином «эмоциональность» употребляется термин «эмотивность». Хотя некоторые лингвисты относят «эмотивность» к психологическим, а не лингвистическим понятиям. Так, В. Н. Телия [13, с. 129] считает, что «категория «эмотивность» связана с эмоциональной сферой психики и соотносится по содержанию с определенными типами эмоций — чувств-отношений, которые мы определяем в диапазоне одобрительной или неодобрительной реакции на обозначаемое».

Категория «эмоциональность» неразрывно связана с категорией «экспрессивность». В определении термина *экспрессивность* в лингвистике существует два подхода: функциональный и языковой. При функциональном подходе под экспрессивностью понимается «ненейтральность речи, остранение, деавтоматизация, придающие речи необычность и изобразительность» [11, с. 88; 14, с. 7]. В. И. Шаховский трактует экспрессивность как усиление выразительности, изобразительности и воздействующей силы высказываний. В. Н. Цоллер полагает, что экспрессивность «способствует выражению

с помощью необычного средства эмоционально-оценочного отношения к тому или иному явлению действительности, лучшему донесению логической и эмоционально-оценочной информации до реципиента» [15, с. 64].

Эмоционально-экспрессивные диалектизмы представляются нам наиболее интересными, так как «природа оценки соответствует природе человека», «...оценка представляет Человека как цель, на которую обращён мир...» [2, с. 181]. Лексико-семантическая группа «Наименование лиц по интеллектуальным способностям» представлена, в частности, следующими эмоционально-экспрессивными диалектизмами.

Бельбёк, -а, м. Уничижит. *Глупец, болван. А мы, бельбёки, ни умеим правильна гаварить.* Коса // СРНГ: нет.

Долдён, -а, м. Экспресс. *Бестолковый человек. Што стаиш, как далдён?* Алекс. // СРНГ: в этом значении нет.

Дубяк, -а, м. Экспресс. *Тупой человек. У ей ф класси адни дубяки.* Ст. Некр. // СРНГ: нет.

Дурашман, -а, м. 1. Экспресс. *Растяпа, дуралей. Сусет мой — дурашман. Усп. 2. Растение. Дурашман тут расте.* Усп. // СРНГ: во 2-м значении нет.

Дури́ла, -ы, м. и ж. Экспресс. *Дуралей. Если тут пьяный придёт, то как йво ругать? Дури́ла, басыла.* Ст. Некр. // СРНГ: нет.

Лббус, -а, м. Ирон. *Высокий, здоровый и глупый человек. Здравый лббус, а да малиньких пристаёт.* Усп. // СРНГ: нет.

Пётрик, -а, м. 1. Экспресс. *Голова, мозги. У ниво пётрик ни работает.* Ст. Некр. 2. *Глупый человек. Галава работаит как у пётрика — ни саображаит ничаво.* Ст. Некр. // СРНГ: нет.

Прифакүтенный, -ая, -ое. Экспресс. *Глуловатый, умственно ограниченный. Афанасий, сусет мой прифакүтенный, плоха саображаит.* Мур.

Тётёха, -и, ж. и м. Пренебр. *Недалёкий, глуловатый человек. А Лукерья-то тётёха стаит и ни знатит, гаварить ей иль нет.* Усп.

Толма́к, -а, м. Пренебр. *Дурень. Ты куды в грязюку лезиш, талма́к ты этакий.* Б. Пл.

Тупа́н, -а, м. Пренебр. *Глупый, тупой человек. Да и што и ты на ниво надеишся? Он фсигда был тупа́ном.* Вилк.

В рамках антропоцентрического подхода, где категория оценки играет роль связующего звена между сферой ментальности личности и социально-культурным контекстом, «оценка определяется через концепт «норма» и представляет собой исторически и культурно обособленную категорию» [6, с. 12]. В процессе номинации фиксируется бессознательное и сознательное отношение говорящего к действительности, что находит яркое отражение в русских переселенческих говорах Одесской области.

ЛСГ, характеризующая человека по интеллектуальным способностям, представлена в исследуемых говорах лексемами как исконно русскими, так и заимствованными. Л. Ф. Баранник отмечает, что процесс динамики лексики южнорусских островных говоров Одесщины в разноязычной среде характеризуется тем, что при сохранении в них материнской южнорусской основы, основного лексического фонда, фонематической и морфологической системы, исконно русского инвентаря аффиксов, словообразовательных моделей, общих с материнскими, южнорусскими, русские островные говоры интенсивно обогащаются лексическими заимствованиями, что способствует активизации образования в их лексико-семантической системе синонимов, антонимов, гиперонимов, гипонимов и омонимов. Наблюдения показали, что «почти 200-летнее существование в отрыве от материнских южнорусских говоров не изменило диалектной принадлежности русских переселенческих говоров Одесской области, хотя и наложило на них заметный отпечаток в виде лексических заимствований из окружающих украинского, молдавского, болгарского, гагаузского и немецкого языков» [5, с. 85].

Безглу́здый, -ая, -ое. Бестолковый. *Банки усе сафсем бизглу́зды, розум выжываючи.* Б. Пл.

Бува́лый, -ая, -ое. Бывалый. *Я бува́лая, шышки хадила делат у маладайки на свадьбу.* Спас. // СРНГ: нет.

Неу́к, -а, м. Незграмотный человек. *Неукаф многа на силе была, почти фсе.* Ст. Некр.

Порбжний, -ая, -ое. 1. *Пустой, не заселенный, безлюдный.* 2. *Без ягод (о ягодных кустах).* В со-чет.: *Порбжняя голова. Глупый человек.* Спас.

Самоу́к, -а, м. То же, что и самовук. *Я самау́к, сам выучилса читать.* Усп.

Тупа́к, -а, м. Пренебр. *Глупый, тупой человек. Да и што и ты на ниво надеишся? Он фсигда был тупа́ком.* Вилк. (болгаризм).

В составе ЛСГ отмечен тюркоязычный диалектизм *бельбёк* (см. выше). Традиционно *бельбек* переводится с тюркского как «крепкая или сильная спина». В процессе заимствования и адаптации лексемы первичное значение было утрачено.

Нередко оценочность и эмоционально-экспрессивная окрашенность слова в рассматриваемой нами ЛСГ создаётся на основе метафоры. Метафоры сконцентрированы на выделении наиболее ярких, с точки зрения диалектоносителей, свойств и качеств человека. Диалектная метафора является наглядным проявлением закона экономии языковых средств. В ней заключена не только информация о качестве и свойстве предмета речи, но и об эмоциональном отклике на это явление самого говорящего, а, кроме того, о системе моральных установок и стереотипных представлений членов данного коллектива, общества. По мнению Н. Д. Арутюновой, понять метафору — значит в какой-то степени мысленно проследить путь её создания, а это неизбежно требует умственного усилия «в преодолении несовместимости значений» и «восстановлении смысловой гармонии» [3, с. 341]. Задача реципиента

состоит в том, чтобы через призму своего личного опыта «пропустить» результаты чужого сравнения и, сопоставив их с собственным опытом, прийти к тому же заключению относительно тех же явлений и предметов, что и «создатель» метафоры.

В последнее время происхождение метафор связывают с когнитивными процессами. Д. Лакофф и М. Джонсон отмечают, что «метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении, в действии. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути... Метафора не ограничивается одной сферой языка, т.е. сферой слов: сами процессы мышления человека в значительной степени метафоричны» [9]. По результатам исследований Г. С. Баранова, А. П. Чудинова, С. С. Гусева, метафора признаётся главным инструментом мышления и находится в ментальном лексиконе человека. При этом устанавливаются глубинные структурные отношения между группами понятий, в связи с чем возникает возможность структурировать одни понятия в терминах других. Разработкой теории метафоры занимались, кроме уже названных, многие отечественные и зарубежные лингвисты: М. Блэк, Д. Серль, П. Рикер, Э. Мак-Кормак, К. К. Жоль, Л. А. Кудрявцева, Н. А. Кожевникова, В. П. Москвин, В. В. Меликов, В. В. Петров, Б. А. Плотников, В. М. Русановский, Т. В. Симашко, Г. Н. Скляревская, А. А. Тараненко, И. О. Филатенко и другие. Метафоре в диалектном языке посвящены работы русских диалектологов О. И. Блиновой, Л. Ф. Баранник, Н. Т. Бухаревой, Т. С. Коготковой, Е. В. Колоско, Н. А. Лукьяновой и др.

В ЛСГ «Интеллектуальные способности человека» имеются такие метафорические наименования: *Лалым, -а, м.* Ирон. *Болван, простофиля. Здравый лалым вымазал, а ума ни нажыл.* Ст. Некр. // СРНГ: нет.

Дураиман, -а, м. 1. Экспресс. *Растяпа, дуралей. Сусет мой — дураиман.* Усп. 2. *Растение. Дураиман тут растёт.* Усп. // СРНГ: во 2-м значении нет.

Дурница, -ы, ж. 1) *Дура. Малада я была, да и дурница.* Б. Пл. 2) *Доставшееся бесплатно, даром, за чужой счёт. Но однажды йшму дурница боком вышла.* Введ.

Системные отношения внутри диалектизмов ЛСГ «Интеллектуальные способности человека» представлены синонимическими рядами (*недоступный 'глупый', дурковатый 'глуповатый', глупый 'глупый', прифактённый* экспресс. *глуповатый, умственно ограниченный*; *дурница 'дура', пётрик* экспресс. *глупый человек*; *дурила* экспресс. *'дуралей', тётёха* пренебр. *'глуповатый человек', тупяк* пренебр. *'неразвитый, глупый, тупой человек'; мозголовый 'умный, смысленный', внимательный 'понятливый, умный', вумственный 'умный', развитый 'умный', битый 'умный, бывалый', бувалый 'бывалый'*.) и антонимическими парами (*недоступный 'глупый' — мыслявый 'умный', балыматный 'бестолковый' — докумённый 'понятливый', вумняга 'умный человек' — дурёха 'глупый человек'*).

Исследуемая лексико-семантическая группа представляет собой «социально-личностное, ценностно-ориентированное знание, содержащее представление о том, к чему человеку необходимо стремиться и чего ему необходимо избегать» [12, с. 20]. Большинство диалектизмов ЛСГ «Интеллектуальные способности человека» являются эмоционально-экспрессивными образованиями. Разбег эмотивных оценок диалектных лексем, характеризующих человека по интеллекту, очень велик. Можно утверждать, что отрицательно-интеллектуальным номинациям в большей мере присуща интенсивность эмоциональной оценки. Образность поддерживает и стимулирует эмоциональную реакцию. Лексика, характеризующая человека по интеллектуальным способностям, отличается исключительной метафоричностью, заложенной во внутренней форме слова.

Литература

1. *Апресян Ю. Д.* Интегральное описание языка и системная лексикография. Избранные труды / Ю. Д. Апресян. — М.: Языки рус. культуры, 1995. — 712 с.
2. *Арутюнова Н. Д.* Функциональные типы языковой метафоры / Н. Д. Арутюнова // Известия Академии наук СССР. Сер. литературы и языка. — М.: Наука, 1978. — Т. 37, № 4. — С. 333–343.
3. *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. — 2-е изд., испр. — М.: Языки рус. культуры, 1999. — 896 с.
4. *Баранник Л. Ф.* Особенности межъязыкового и междиалектного взаимодействия в русских островных говорах юга Украины / Л. Ф. Баранник // Язык и культура. Национальные языки и культуры в их специфике и взаимодействии. — К.: ИД Дм. Бураго, 2007. — Вып. 9, т. V (93). — С. 123–130.
5. *Баранник Л. Ф.* Лексические особенности русских переселенческих говоров Одесской области / Л. Ф. Баранник // Русские говоры на Украине. — К.: Наук. думка, 1982. — С. 85–98.
6. *Васильченко А. О.* Антропоцентрический подход к исследованию оценки в рамках межкультурной коммуникации / А. О. Васильченко // Вестник Бурятского государственного университета. — Улан-Удэ, 2009. — № 11. — С. 11–15.
7. *Курлова И. В.* К изучению глагольных способов выражения эмоциональных состояний / И. В. Курлова // Словарь. Грамматика. Текст: сб. ст. — М.: ИРЯ РАН, 1995. — С. 123–139.
8. *Кубрякова Е. С.* Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи / Е. С. Кубрякова, А. Н. Шахнарович, Л. В. Сахарный. — М.: Наука, 1991. — 240 с.
9. *Лакофф Д.* Метафоры, которыми мы живём / Д. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры. — М.: Прогресс, 1990. — С. 387–415.
10. *Лукьянова Н. А.* Экспрессивная лексика разговорного употребления: проблемы семантики / Н. А. Лукьянова. — Новосибирск: Наука, Сиб. отделение, 1986. — 230 с.
11. *Матвеева Т. В.* Лексическая экспрессивность в языке / Т. В. Матвеева. — Свердловск: УрГУ, 1986. — 92 с.
12. *Постовалова В. И.* Картина мира в жизнедеятельности человека / В. И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. — М.: Наука, 1988. — С. 8–69.
13. *Телия В. Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. — М.: Наука, 1986. — 143 с.
14. *Телия В. Н.* Метафора в языке и тексте / В. Н. Телия, В. Г. Гак, Е. М. Вольф. — М.: Наука, 1988. — 176 с.

15. Цоллер В. Н. Экспрессивная лексика: семантика и прагматика / В. Н. Цоллер // Филологические науки. — 1996. — № 6. — С. 62–71.

* * *

16. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. — М.: Сов. энцикл., 1968. — 600 с.
 17. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов. — М.: Азъ, 1993. — 955 с.
 18. Словарь русских народных говоров. — М.: Наука, 1965 — 2010.
 19. Словарь русских говоров Одесщины: в 2 т. / [ред. Ю. А. Карпенко]. — О.: Астропринт, 2000–2001.

Список использованных сокращённых обозначений русских селений

Алекс. — с. Александровка Котовского р-на;
 Александр. — с. Александровка Тарутинского р-на;
 Анат. — с. Анатольевка Березовского р-на;
 Аннов. — с. Анновка Тарутинского р-на;
 Антон. — с. Антоновка Красноокнянского р-на;
 Бел. — пгт Беляевка, райцентр;
 Б. Бур. — с. Большое Бурилово Котовского р-на;
 Б. Пл. — с. Большое Плоское Великомихайловского р-на;
 Вас. — с. Васильевка Килийского р-на;
 Введ. — с. Введенка Саратовского р-на;
 Вилково — г. Вилково Килийского р-на;
 Возн. — с. Вознесенка Первая Арцызского р-на;
 Дем. — с. Демидово Березовского р-на;
 Коса — с. Коса Болградского р-на;
 Лес. — с. Лесное Котовского р-на;
 Мирн. — с. Мирное Килийского р-на;
 М. Пл. — с. Малое Плоское Великомихайловского р-на;
 Мур. — с. Муравлёвка Измаильского р-на;
 Никол. — с. Николаевка Тарутинского р-на;
 Нов. Некр. — с. Новая Некрасовка Измаильского р-на;
 Орёл — с. Орёл Великомихайловского р-на;
 Павл. — с. Павловка Фрунзовского р-на;
 Павлов. — с. Павловка Арцызского р-на;
 Петр. — с. Петропавловка Саратовского р-на;
 Плав. — с. Плавневое Раздельнянского р-на;
 Прив. — с. Приволье Великомихайловского р-на;
 Прим. — с. Приморское Килийского р-на;
 Рус. Ив. — с. Русская Ивановка Белгород-Днестровского р-на;
 Серг. — с. Сергеевка Саратовского р-на;
 Спас. — с. Спасское Татарбунарского р-на;
 Ст. Некр. — с. Старая Некрасовка Измаильского р-на;
 Сув. — пгт Суворово Измаильского р-на;
 Триц. — с. Троицкое Беляевского р-на;
 Трост. — с. Тростянец Великомихайловского р-на;
 Усп. — с. Успенковка Саратовского р-на;
 Чап. — с. Чапаевка Котовского р-на.

References

1. Apresyan Yu. D. Integralnoe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya. Izbrannyye trudy / Yu. D. Apresyan. — М.: Yazyki rus. kulturyi, 1995. — 712 s.
2. Arutyunova N. D. Funktsionalnye tipy yazykovoy metafory / N. D. Arutyunova // Izvestiya Akademii nauk SSSR. Ser. literatury i yazyka. — М.: Nauka, 1978. — Т. 37, N 4. — С. 333–343.
3. Arutyunova N. D. Yazyk i mir cheloveka / N. D. Arutyunova. — 2-e izd., ispr. — М.: Yazyki rus. kulturyi, 1999. — 896 s.
4. Barannik L. F. Osobennosti mezh'yazykovogo i mezh'dialektного vzaimodeystviya v russkikh ostrovnnykh govorah yuga Ukrainy / L. F. Barannik // Yazyk i kultura. Natsionalnye yazyki i kulturyi v ih spetsifike i vzaimodeystvii. — К.: ID Dm. Burago, 2007. — Вып. 9, т. V (93). — С. 123–130.
5. Barannik L. F. Leksicheskie osobennosti russkikh pereselencheskikh govoren Odesskoy oblasti / L. F. Barannik // Russkie govoryi na Ukraine. — К.: Nauk. dumka, 1982. — С. 85–98.
6. Vasilchenko A. O. Antropotsentricheskyy podhod k issledovaniyu otsenki v ramkah mezhkulturnoy kommunikatsii / A. O. Vasilchenko // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. — Ulan-Ude, 2009. — N 11. — S. 11–15.
7. Kurlova I. V. K izucheniyu glagolnykh sposobov vyrazheniya emotsionalnykh sostoyaniy / I. V. Kurlova // Slovar. Grammatika. Tekst: sb. st. — М.: IRYa RAN, 1995. — С. 123–139.
8. Kubryakova E. S. Chelovecheskiy faktor v yazyke. Yazyk i porozhdenie rechi / E. S. Kubryakova, A. N. Shahnarovich, L. V. Saharnyy. — М.: Nauka, 1991. — 240 s.
9. Lakoff D. Metaforyi, kotoryimi myi zhivom / D. Lakoff, M. Dzhonson // Teoriya metaforyi. — М.: Progress, 1990. — С. 387–415.
10. Lukyanova N. A. Ekspressivnaya leksika razgovornogo upotrebleniya: problemyi semantiki / N. A. Lukyanova. — Novosibirsk: Nauka, Sib. otdelenie, 1986. — 230 s.
11. Matveeva T. V. Leksicheskaya ekspressivnost v yazyke / T. V. Matveeva. — Sverdlovsk: UrGU, 1986. — 92 s.
12. Postovalova V. I. Kartina mira v zhiznedeyatel'nosti cheloveka / V. I. Postovalova // Rol chelovecheskogo faktora v yazyke. Yazyk i kartina mira. — М.: Nauka, 1988. — С. 8–69.
13. Teliya V. N. Konnotativnyy aspekt semantiki nominativnykh edinit / V. N. Teliya. — М.: Nauka, 1986. — 143 s.
14. Teliya V. N. Metafora v yazyke i tekste / V. N. Teliya, V. G. Gak, E. M. Volf. — М.: Nauka, 1988. — 176 s.
15. Tsoller V. N. Ekspressivnaya leksika: semantika i pragmatika / V. N. Tsoller // Filol. nauki. — 1996. — N 6. — С. 62–71.

* * *

16. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. — М.: Сов. энцикл., 1968. — 600 с.
 17. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов. — М.: Азъ, 1993. — 955 с.
 18. Словарь русских народных говоров. — М.: Наука, 1965 — 2010.
 19. Словарь русских говоров Одесщины: в 2 т. / [ред. Ю. А. Карпенко]. — О.: Астропринт, 2000–2001.

ЗАБОЛ'ЯН Людмила Олегівна,

аспірант кафедри російської мови Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Одеса, Україна;
e-mail: 7321774@ukr.net

**ЕМОТИВНА ЛЕКСИКА, ЯКА ХАРАКТЕРИЗУЄ ЛЮДИНУ ЗА ІНТЕЛЕКТУАЛЬНИМИ ЗДІБНОСТЯМИ,
У РОСІЙСЬКИХ ГОВІРКАХ ОДЕСЬКОЇ ОБЛАСТІ**

Анотація. У статті розглянуто особливості лексико-семантичної групи діалектизмів «Інтелектуальні здібності людини» на матеріалі російських переселенських говірок Одещини. Особливе значення серед російських говірок мають говірки далекого та близького зарубіжжя, які через свій острівний характер довше зберігають споконвічні діалектні лексеми, а також запозичують із сусідніх мов і діалектів яскраві метафоричні назви, що відображають мовну картину світу російських переселенців. Основним джерелом діалектного матеріалу в роботі є двохтомний «Словарь русских говоров Одещины» (2000-2001). У статті описано синонімічні й антонімічні системні відносини діалектизмів усередині лексико-семантичної групи «Інтелектуальні здібності людини». Чимала частка діалектних лексем є емоційно-експресивними утвореннями. Це зумовило розгляд у статті питання співвідношення категорій «емоційність», «емотивність» і «експресивність». Нерідко оцінка й емоційно-експресивна забарвленість слова відбувається на основі метафори. Діалектна метафора відрізняється великою образністю та високою інтенсивністю емоційної оцінки. ЛСГ «Інтелектуальні здібності людини» представлена у досліджуваних говірках як споконвічно російськими, так і запозиченими лексемами. Найчастіше запозичення відбуваються з української, болгарської та молдавської мов.

Ключові слова: російські переселенські говірки, лексико-семантична група, емоційно-експресивна лексика, категорія оцінки, Одеська область.

Lyudmila O. ZABOLIYAN,

postgraduate student of the Russian Language of Odessa I. I. Mechnikov National University; Odessa, Ukraine;
e-mail: 7321774@ukr.net

**EMOTIONAL LEXIS, CHARACTERIZING A PERSON ON INTELLECTUAL CAPABILITIES IN RUSSIAN DIALECTS
OF ODESSA REGION**

Summary. The article deals with characteristic features of intellectual abilities of the person in Russian resettlement dialects of Odessa region. The special place among Russian dialects is occupied by neighbor and long distance aboard Russian due to the island character. They save native dialect lexemes and borrowings from neighbor languages and dialects in the form of bright metaphorical names reflecting Russian immigrants' language picture of the world. «The dictionary of the Russian dialects of Odessa region» becomes the main source of dialect lexicon. The article describes the synonymic and antonymic system of relations in dialecticisms of the group «Intellectual abilities of the person». The largest part of dialect lexemes are emotional — expressive creations, that is why we raise a question of correlation in categories «Emotionality» and «Expressivity». The metaphor is the basis of emotional and expressive lexemes. Dialect metaphor is distinguished with great figurativeness and high emotional assessment. Lexical and semantic groups of dialect lexemes concerning «Intellectual abilities of a person» are presented by native Russian lexemes and borrowed ones, among them Ukrainian, Bulgarian and Moldavian.

Key words: Russian resettlement dialects, lexical and semantic groups, emotionally expressive lexis, assessment category, Odessa region.

Статтю отримано 19.05.2014 р.

ПИТАННЯ ЛЕКСИКОЛОГІЇ, СЛОВОТВОРУ, СЕМАНТИКИ ТА ПРАГМАТИКИ

УДК 811.161.1'16'373.48

РАДБИЛЬ Тимур Беньюминович,

доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и общего языкознания Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия;
e-mail: timur@radbil.ru; тел.: +7 (831) 4329051; моб.: +7 903 0404906

МЕТАЯЗЫКОВЫЕ КОММЕНТАРИИ С КОМПОНЕНТОМ «СМЫСЛ СЛОВА» В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ

Аннотация. Работа посвящена особенностям семантики и функционирования метаязыковых комментариев в *истинном (подлинном, действительном) смысле слова, в прямом (буквальном, строгом, собственном) смысле слова, в узком (широком, полном) смысле слова, в известном (каком-то) смысле слова, в хорошем смысле слова* и пр. в современной русской речи. Доказывается, что указанные языковые единицы играют важную роль в организации дискурса говорящим и в выражении его специфических интенций (порою — манипулятивного типа). С помощью рассмотренных метаязыковых комментариев говорящий существенно корректирует смысл исходного комментируемого выражения, которое без этого комментария могло бы быть воспринято адресатом иначе, а именно в рамках общепринятых установок и трактовок, что явным образом не устраивает говорящего. Делается вывод, что указанные случаи следует трактовать как явления семантического преобразования особого типа, которые можно в целом определить как операции манипулятивной субституции узуального смысла в языковом высказывании.

Ключевые слова: метаязыковые комментарии, прагматика, современная русская речь.

В действительности всё иначе, чем на самом деле.
Антуан де Сент-Экзюпери

В последнее время проблема метаязыковых высказываний и — шире — обыденного языкового сознания в целом осознаётся как одно из наиболее явных применений антропоориентированных исследовательских стратегий в науке о языке. Ещё в работах Р. Якобсона осуществлено выделение метаязыковой функции языка в числе одной из базовых языковых функций: способность создавать сообщения о сообщениях является важнейшим свойством языка как первичной моделирующей системы [см., напр., 6].

Метаязыковой комментарий играет в речевой практике огромную роль, поскольку, во-первых, он выступает как объективный индикатор языковой рефлексии носителя языка, показатель её приоритетов и скрытых тенденций, а во-вторых, посредством языкового комментария говорящий управляет своим дискурсом, организует его структуру для оптимального восприятия адресатом и т. д. Автореферентный характер метаязыкового комментария снимает возможные семантические, стилистические, категориальные, формально-структурные ограничения на сочетаемость: он сочетается со словами любой тематической группы и части речи, с сочетаниями любой протяжённости и пр.

В данной статье рассматриваются особенности семантики и функционирования метаязыковых комментариев в *истинном (подлинном, действительном) смысле слова, в прямом (буквальном, строгом, собственном) смысле слова, в узком (широком, полном) смысле слова, в известном (каком-то) смысле слова, в хорошем смысле слова* и пр., а также их роль в национально-специфичных моделях организации дискурса.

В естественном языке в его обыденном употреблении очень часто эксплуатируется тема объективной истинности, реальности или правильности, нормативности. Люди, производя высказывания, постоянно апеллируют к «тому, что есть на самом деле» или к «тому, что должно быть», т. е. соотносят говоримое с реальным устройством мироздания, со структурой мира (Ч.С. Пирс) в целом («так есть») или с неким общепринятым идеалом, императивом («так должно»). Апелляция к «законам мироздания», как, впрочем, и к общечеловеческим ценностям, придаёт убедительность и весомость самым простым бытовым суждениям, мнениям, оценкам, высказанным по поводу самых незначительных фактов. Она есть также отличное средство маскировки бессодержательности, путаности, скудности и банальности высказываний.

В отечественном языкознании традиция рассмотрения манипулятивного потенциала слов и выражений подобного рода истины восходит к пионерским работам в области «языковой демагогии» Т. М. Николаевой [3] и — особенно — к книге Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелёва «Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)» [2].

Я попытаюсь показать, что указанные языковые единицы играют важную роль в организации дискурса говорящим и в выражении его специфических интенций (порою — манипулятивного типа). С помощью рассмотренных метаязыковых комментариев говорящий существенно корректирует смысл

исходного комментируемого выражения, которое без этого комментария могло бы быть воспринято адресатом иначе, а именно в рамках общепринятых установок и трактовок, что явным образом не устраивает говорящего. Перед нами — явления семантического преобразования особого типа, которое можно в целом определить как **операция манипулятивной субституции** узуального смысла в языковом высказывании [4, с. 423].

Можно условно выделить следующие семантико-функциональные разновидности подобных операций.

I. Операции с истинностью. В метаязыковых комментариях *в истинном смысле слова, в действительном смысле слова* реально не устанавливается «объективная истина», она только декларируется: значения слов и выражений интерпретируются исключительно в духе воззрений говорящего, а не в плане выражения «объективной истины».

Человек, не принадлежащий к церкви, не может быть нравственным в истинном смысле слова. Добродетели язычников — это, в сущности, пороки [НКРЯ]. — В этом примере метаязыковой рефлексив *в истинном смысле слова* реально выражает в безусловной форме только религиозно-христианскую точку зрения на вопрос о том, что значит быть нравственным, но никак не то, что мы привыкли считать «объективной истиной», т. е. верифицированным суждением. Правильная интерпретация этого высказывания в духе логического анализа естественного языка могла бы быть такой: *‘Человек, не принадлежащий к церкви, не может быть нравственным в истинном смысле слова, [как я понимаю истинный смысл этого слова, и при этом (только) мое понимание верно, т. е. соответствует действительности]’.*

Я условно именую подобные случаи использования метаязыковых показателей со значением истинности речевыми стратегиями «манипуляции с истиной». По моим наблюдениям, речевые стратегии подобного типа весьма разнообразны и крайне частотны в обыденном дискурсе. Мощный воздейственный потенциал «манипуляций с истиной», который требует от говорящего минимума интеллектуальных усилий — всего-навсего эксплицировать языковой показатель с семантикой истины, но уж никак не аргументировать или верифицировать его истинность, — позволяет нам легко оперировать понятиями «истина», «истинность» в расхожем смысле для выражения наших частных мнений и сомнительных убеждений и не подвергаться при этом вполне ожидаемому опровержению.

II. Операции с общеизвестностью. К операциям с истинностью примыкает другой тип манипулятивных преобразований, эксплуатирующий сферу эпистемической модальности — знание / незнание, определённости / неопределённости. Здесь невербализованная пропозициональная установка «(Обще)известно, что...» также используется для утверждения необщепринятых позиций:

Учёные говорят, что каждый человек в известном смысле слова по природе свое гений [НКРЯ]. — В данной фигуре речи намеренно не эксплицируется, в чём именно состоит «известный смысл» и кому именно он известен (предполагается — всем). В этих случаях очень часто (намеренно или ненамеренно) комментируемое выражение как бы дезавуируется, потому что данный оператор способствует восприятию его референта как «ненастоящего», «второсортного» — не на самом деле, а только «в известном смысле».

Особенно этот эффект усиливается, когда комментарий *в известном смысле слова* употребляется применительно к выражению, не подлежащему вероятностной или эпистемической оценке. Напр.: *...Американское правительство стремилось скрыть правду так же, как оно не начинало уголовного расследования в известном смысле слова.* — Здравый смысл предполагает, что уголовное расследование может однозначно оцениваться как начатое или как не начатое, но никак не «в известном смысле» начатое. Здесь возникает импликация, дезавуирующая само проводимое расследование в зоне адресата в ценностном плане, т. е. перед нами снова не дескрипция или номинация события, а скрытое воздействие.

К разряду эпистемических комментариев, оперирующих референциальными статусами, следует отнести и комментарий, задающий референциальную неопределённость — *в каком-то смысле слова*. Здесь предлагается обратная предыдущей коммуникативная ситуация — «какой-то» смысл слова неизвестен ни говорящему, ни адресату, но при этом имеется некий «необходимый референциальный или смысловой минимум», достаточный для того, чтобы говорящий имел право применить в данной ситуации данную номинативную единицу. Напр.: *Как вы считаете, смогут партии создать эффективные пиар-структуры, которые будут эффективно проводить избирательные кампании? — В каком-то смысле слова смогут* [НКРЯ]. — Понятно, что бремя определения этого «достаточного минимума» целиком и полностью лежит на плечах говорящего. Кроме того, в силу достаточно естественной инференции, согласно которой без этой экспликации явление или событие, скорее всего, не имеют места («в каком-то смысле слова смогут, а вообще, в прямом смысле, при более вероятном развитии событий, — нет»), говорящий легко может отказаться в дальнейшем от ответственности за содержание высказывания, упирая на то, что он имел в виду это лишь «в каком-то неопределённом смысле». Особенно это важно в случаях, когда содержание высказывания в норме должно трактоваться совершенно однозначно и, значит, не должно иметь никаких таких особых условий для своей интерпретации, т. е. добавочных «каких-то» смыслов. Напр.: *Благодаря этому установка в каком-то смысле слова безопасна* [Речь идёт о холодильных установках]. — Очевидно, что адресату желательно, чтобы установка была безопасна не «в каком-то смысле», а в единственно возможном и однозначном смысле.

III. Операции с логическими кванторами (всеобщности и существования). Квантор всеобщности эксплуатируется метаязыковым комментарием *во всех смыслах слова*: его употребление претендует на

задание говорящим исчерпывающего списка всех возможных значений используемого слова, но на деле опять же лишь предлагает субъективную интерпретацию понятия в духе собственных воззрений.

Говорящий как бы заранее перечёркивает саму возможность привнесения нового смысла, какой-либо иной интерпретации сказанного («в таком исчерпывающем ключе»). Особенно это заметно, когда говорящий сам перечисляет эти смыслы, по собственному произволению. Напр.: *Девушка Вера — маленькая во всех смыслах слова. Молодая совсем, школу только окончила, зелёная, неопытная, ума маловато, образованности не хватает. Жизнь у неё какая-то мизерабельная.*

Также интересно употребление *во всех смыслах слова* в качестве метаязыкового комментария к выражению, имеющему узусуально однозначную интерпретацию и никаких других смыслов не предполагающему. Напр.: *Бангкок — столица Таиланда во всех смыслах этого слова.* — Подобные употребления порождают в зоне адресата инференции, узусуально отсутствующие в высказывании, но нужные говорящему (в нашем случае это мысль о столице как о центре всякого рода «теневых» развлечений и удовольствий), т. е. окказиональное расширение объёма семантики в плане неузуальной метафоризации («столица греха»).

Квантор существования эксплуатируется метаязыковым выражением *в некотором смысле слова*, которое также вполне манипулятивно — говорящий осторожно обозначает одну из возможностей толкования, от которой легко отказаться впоследствии. Напр.: *Юрий Богомолов: Смерть Березовского в некотором смысле есть жизнь...* — Причём смысл этот, как правило, наведённый, неисконный, что, конечно, усиливает произвол говорящего. Ср., напр.: *Все женщины в некотором смысле — инопланетянки...*

IV. Операции с интенционалом (содержанием понятия). Показательны случаи, когда эксплицируется вполне понятная установка на уточнение значения слов, которая реально ничего не уточняет, а всё окончательно только запутывает. Напр.: *Жизнь без цели убивает в прямом смысле слова* [О том, что люди, не имеющие ясной цели в жизни и избегающие напряжённой деятельности, умирают раньше тех, кто живёт активно]. — Но разве здесь слово *убивает* употреблено в прямом значении «лишать жизни; умерщвлять»? Здесь ведь речь идёт о естественной смерти, пусть и наступающей чрезмерно рано, с точки зрения говорящего. Какое же тогда «прямое значение» он «уточняет»? А никакого. Более того, под «маской» метаязыкового комментария, апеллирующего к прямому значению, говорящий порождает в контексте как раз переносное, метафорическое — «как бы убивает, способствует ускорению наступления естественной смерти» (ср. *курение убивает*).

Резонно предположить в этой ситуации некую специфическую интенцию говорящего, связанную с целенаправленным воздействием на когнитивную, оценочную и мотивационную сферу адресата, а именно — намерение навязать своё понимание, свою оценку и свою мотивацию по отношению к денотативной зоне порождаемого высказывания. Формулируя это несколько по-другому, говорящий влияет на картину мира адресата. Лингвистический механизм здесь состоит в подмене узусуальной, ожидаемой адресатом по умолчанию в рамках принципа кооперации интерпретации интерпретацией уже другого типа — неузуальной, неидиоматичной, т. е. личностной, своей собственной. Напр.: *Отвечая на вопрос, почему Михаил Ходорковский отказался эмигрировать в свое время, Москаленко сказала: «Он патриот своей родной страны — в прямом смысле слова...».* — Обратим внимание на то, что реально, т. е. узусуально, слово *патриот* не предполагает никакого иного смысла, кроме прямого (не говоря уже о сомнительности тавтологического уточнения *своей родной страны*). Следовательно, в данном употреблении заложена неузуальная импликация «истинный, подлинный патриот», т. е. соответствующий некоему идеальному представлению о патриоте в сфере ценности говорящего. Также подобная экспликация предполагает ещё одну возможную инференцию в зоне адресата, что противники Ходорковского — патриоты («не в прямом смысле слова»), т. е. не истинные.

Очень часто употребление такого оператора вообще представляется неоправданным. Напр.: *В школе в прямом смысле слова трещат стены* [Речь идёт о повреждённых стенах в здании школы]. — Здесь употребление выражения *в прямом смысле слова* представляется вообще тавтологически-избыточным, потому что выражение *трещат стены* в узусе не предполагает какой-либо иной, не прямой интерпретации в режиме косвенного речевого акта (т. е. *стены*, в отличие, например, от *головы* или *ушей*, не могут в узусе трещать в каком-то ином, метафизическом плане).

Аналогично ведут себя метаязыковые комментарии *в буквальном смысле слова* и *в собственном смысле слова*: чаще всего они демонстрируют апелляцию как раз не к «буквальному», а к какому-то иному прочтению. Напр.: *Валя меня в буквальном смысле слова умоляла поехать на дачу...; Двухлетний британец Элфи Кэмп в буквальном смысле слова шокировал врачей.* Здесь можно заметить, что экспликация установки на буквальную интерпретацию выражения избыточна, потому что никакого «небуквального» смысла, который мог бы предполагаться по умолчанию в зоне адресата, у слов *умолять* «склонять к чему-н. мольбами, просьбами, упрашивать» и *шокировать* «приводить в смущение нарушением правил приличия, общепринятых норм» просто нет. Иными словами, у адресата начисто отсутствует возможность альтернативной, непредвиденной говорящим трактовки смысла предлагаемого высказывания, от которой мог бы «страховаться» говорящий посредством употребления оператора *в буквальном смысле слова*.

В нашем случае употребление *в буквальном смысле слова* апеллирует не к значению, а к внутренней форме слов *умолять* (вместо *мольбы* как интенсивной просьбы задействуется идея *молить*) и *шокировать* (апелляция к прямому значению производящего слова *шок* «тяжёлое расстройство функций организма вследствие физического повреждения или психического потрясения», отсутствующему у производного глагола).

Разновидностью установки на деидиоматизацию посредством оператора *в буквальном смысле слова* является использование квазисинонимичного оператора *в собственном смысле слова*. И в этом случае, несмотря на наличие эксплицированной установки на «возвращение» словам их мифического «собственного смысла», реально речь идет не о собственном смысле слов, а о трактовке комментируемого высказывания в свете интересов говорящего. Напр.: *В ответ на это жители городских районов, студенты, рабочие предприятий, члены радикальных партий стали создавать вооруженные отряды самообороны, то есть милицию в собственном смысле слова*. — Нетрудно видеть, что это — милиция как раз не в собственном сегодняшнем смысле слова, а в смысле диахроническом, историческом, первоначальном, но отсутствующем в современном узусе.

Также данный метаязыковой оператор употребляется при вполне однозначно интерпретируемых номинациях, в норме не нуждающихся в уточнении смысла. Напр.: *Здесь есть ещё одна тонкость: продавать следует не то, что людям в собственном смысле этого слова нужно, а то, чего они хотят, желают*. — Трудно предположить, что в узусе имеется какой-то особый «собственный» смысл для предикатива *нужно*. Здесь, скорее, имплицитно специфическая установка говорящего на то, что ему ведом некий истинный смысл данной номинации, неизвестный остальным, и его нужно донести до слушающего, сделав вид, что адресату этот смысл в пресуппозиции тоже известен. Перед нами, по сути, нарушение принципа кооперации под видом его соблюдения.

V. Операции с экстенционалом (объемом понятия). Аналогичным образом метаязыковые комментарии *в полном смысле слова, в широком (узком) смысле слова* эксплицируют определённые манипуляции адресата с объёмом семантики исходного выражения, что позволяет говорящему немотивированно включать в объём семантики выражения смыслы, изначально не присутствующие в ассертивной области значения. Напр.: *Высказывая своё понимание этого тезиса, губернатор сказал так: речь идёт о безопасности в широком смысле слова*. — Становится немного страшно от возможности расписанно толковать «безопасность» в устах столь авторитетного представителя власти.

Особенно «удобным» средством манипулятивной субституции в сфере экстенционала является выражение *в полном смысле слова*. Возможная манипулятивность подобного языкового комментария связана с его прагматическим потенциалом: его употребление, по сути, имплицитно ложное предположение о том, что говорящему ведом некий полный смысл какого-либо выражения, неведомый другим простым смертным, говорящим на данном языке. Особенно часто это свойство используется, например, в рекламном дискурсе: *Это в полном смысле слова уникальный продукт, аналогов которому нет в мировом эскалаторостроении* [Речь идёт о новом типе тоннельного эскалатора]. — Узуально значение слова *уникальный* «единственный в своём роде, неповторимый» не имеет ещё какого-то скрытого, более полного смысла. Данный смысл привносится, имплицитно говорящим в направлении «ещё большей уникальности», т. е. «идеальный, совершенный», что вызывает соответствующую инференцию — ауру положительной оценочности в зоне адресата.

VI. Операции с системой ценностей. Специфический тип ценностной реакции говорящего и возможности манипулятивного эффекта при употреблении метаязыкового комментария *в хорошем смысле слова* описаны мною в ряде работ — см., напр., [5]. Здесь я отмечу лишь, что экспликация говорящим позитивной оценочности в ассертивной части выражения свидетельствует о том, что «по умолчанию», в пресуппозиции, т. е. узуально позитивная оценочность в этом случае далеко не очевидна, и, напротив, в узусе возможна импликация оценочности отрицательной. Напр.: *Баста [рэпер]... стал ещё большим индивидуалистом в хорошем смысле этого слова*. — Очевидно, что в узусе слово индивидуалист без «добавки» в виде *в хорошем смысле слова*, т. е. идиоматично и конвенционально, «по умолчанию», выражают неассертивный отрицательно-оценочный компонент. Нетрудно видеть, что эта «добавка» разрушает идиоматичность, делает употребление неконвенциональным. Метаязыковой комментарий *в хорошем смысле слова* выступает здесь как своего рода оператор семантического преобразования лексемы, которая меняет своё значение посредством контекстуальной элиминации негативно-оценочных сем. Но это доказывает, что без такового преобразования данные негативно-оценочные семы в указанных словах и выражениях наличествовали.

Манипулятивный эффект подобных употреблений особенно ярко проявляется в случаях присоединения данной оценочной «добавки» к узуально внеоценочным понятиям. Напр.: *Она была женщиной в хорошем смысле слова!* — С точки зрения адресованности, в подобных случаях можно, видимо, говорить об определённом воздействии говорящего на оценочную сферу адресата, которая в зоне адресата (не ассертивно, мировоззренчески, разумеется, а подсознательно, имплицитно) по умолчанию соотносена с той, что представлена в узусе. Это можно именовать **ложная ценность**, или **псевдо-ценность**. Дело в том, что подлинные ценности (как, впрочем, и их антиподы — анти-ценности) безусловны и аксиоматичны [1]. Лишь псевдо-ценности могут быть «хорошими» только при определённых условиях, с каким-то ограничением или оговорками: содержащаяся в импликационале этих слов ложная претензия как бы дезавуируется, разоблачается экспликацией таким, на первый взгляд, невинным оценочным метаязыковым комментарием, как *в хорошем смысле (этого) слова*.

В целом, можно заключить, что посредством экспликации подобных установок говорящим порождается определённый манипулятивный эффект — своего рода навязывание адресату импликаций, пресуппозитивных смыслов и оценочных коннотаций, требуемых говорящему, но не входящих по умолчанию в ассертивную зону узуального выражения в речевой практике. Подобные речевые стратегии имеют общекоммуникативную природу. Они вытекают из универсальных законов речевого взаимодействия, и в этом плане они не специфичны, а, скорее, универсальны. Однако думается, что можно всё же интерпретировать востребованность этих конструкций именно в духе русских наци-

онально-специфичних речеповеденських стратегій — як тяготення русських моделей організації дискурсу к категорическим сужденням морального или оценочного характера, как определённую установку на некооперативное речевое поведение, в рамках которого адресату достаточно бесцеремонно навязываются некие суждения и мнения, причём в такой форме, которая не предполагает их возможного обсуждения.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. — 2-е изд., испр. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. — 896 с.
2. Булыгина Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. — 576 с.
3. Николаева Т. М. Лингвистическая демагогия / Т. М. Николаева // Прагматика и проблемы интенциональности. — М.: Наука, 1988. — С. 154–165.
4. Радбиль Т. В. Метаязыковой комментарий как средство манипуляции адресатом / Т. В. Радбиль // Логический анализ языка. Адресация дискурса / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. — М.: Индик, 2012. — С. 411–423.
5. Радбиль Т. В. «Язык ценностей» в современной русской речи и пути его исчисления / Т. В. Радбиль // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия «Филология». — Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2011. — № 6, ч. 2. — С. 569–573.
6. Якобсон Р. О. Язык и бессознательное: [пер. с англ., фр.] / Р. О. Якобсон; сост., вст. слово: К. Голубович, К. Чухрукидзе; ред. пер. Ф. Успенский. — М.: Гнозис, 1996. — 248 с.

References

1. Arutyunova N. D. Yazyk i mir cheloveka / N. D. Arut'unova. — 2-e izd., ispr. — M.: Shkola «Yazyki russkoy kul'tury», 1999. — 896 s.
2. Bulygina T. V. Yazykovaya konceptualizaciya mira (na materiale russkoy grammatiki) / T. V. Bulygina, A. D. Shmelev. — M.: Shkola «Yazyki russkoy kul'tury», 1997. — 576 s.
3. Nikolaeva T. M. Lingvisticheskaya demagogiya / T. M. Nikolaeva // Pragmatika i problema intensional'nosti. — M.: Nauka, 1988. — S. 154–165.
4. Radbil T. V. Metayazykovoy kommentariy kak sredstvo manipulacii adresatom / T. V. Radbil // Logicheskij analiz yazyka. Adresaciya diskursa / otv. red. N. D. Arut'unova. — M.: Indrik, 2012. — S. 411–423.
5. Radbil T. V. «Yazyk cennostey» v sovremennoy russkoy rechi i puti ego ischisleniya / T. V. Radbil // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya «Filologiya». — Nizhniy Novgorod: Izd-vo NNGU im. N. I. Lobachevskogo, 2011. — № 6, ch. 2. — S. 569–573.
6. Jakobson R. O. Yazyk i mir bessoznatel'noye: [per. s angl., fr.] / R. O. Jakobson; sost., vst. slovo: K. Golubovich, K. Chukhrukidze; red. per. F. Uspenskiy. — M.: Gnozis, 1996. — 248 s.

РАДБИЛЬ Тимур Беньюминович,

доктор филологічних наук, професор кафедри сучасної російської мови та загального мовознавства Нижегородського державного університету імені Н. І. Лобачевського; Нижній Новгород, Росія;
e-mail: timur@radbil.ru; тел.: +7 (831) 4329051; моб.: +7 903 0404906

МЕТАМОВНІ КОМЕНТАРІ З КОМПОНЕНТАМИ «СЕНС СЛОВА» В СУЧАСНІЙ РОСІЙСЬКІЙ МОВІ

Анотація. Робота присвячена особливостям семантики і функціонування метамовних коментарів в *истинном (подлинном, действительном) смысле слова, в прямом (буквальном, строгом, собственном) смысле слова, в узком (широком, полном) смысле слова, в известном (каком-то) смысле слова, в хорошем смысле слова* і пр. в сучасній російській мові. Доводиться, що зазначені мовні одиниці відіграють важливу роль в організації дискурсу мовець і в вираженні його специфічних інтенцій (іноді — маніпулятивного типу). За допомогою розглянутих метамовних коментарів мовець істотно коригує зміст вихідного коментованого виразу, який без цього коментаря міг би бути сприйнятий адресатом інакше, а саме в рамках загальноприйнятих установок і трактувань, що явно не влаштовують мовця. Зроблено висновок, що зазначені випадки слід трактувати як явища семантичного перетворення особливого типу, які можна в цілому визначити як операції маніпулятивної субституції узуального сенсу в мовному висловлюванні.

Ключові слова: метамовні коментарі, прагмасемантика, сучасна російська мова.

Timur B. RADBIL,

Doctor of Science (Philology), Professor of the Department of Modern Russian Language and General Linguistics of the N. I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod; Nizhni Novgorod, Russian Federation;
e-mail: timur@radbil.ru; tel.: +7 (831) 4329051; mob.: +7 903 0404906

METALANGUAGE COMMENTS WITH COMPONENT «SMYSL SLOVA» («SENSE OF THE WORD») IN THE MODERN RUSSIAN SPEECH

Summary. The article deals with semantic and functional characteristics of metalanguage comments *v istinnom (podlinnom, deystvitel'nom) smysle slova, v pr'amom (bukval'nom, strogom, sobstvennom) smysle slova, v uzkom (shirokom, polnom) smysle slova, v izvestnom (kakom-to) smysle slova, v khoroshem smysle slova* etc. in the Modern Russian speech. The fact that these language units play an important role in organization of discourse by a speaker and in manifestation of his / her specific intentions (sometimes — manipulative ones) is proved. With the help of examined metalanguage comments a speaker can essentially correct sense of source commented expressions which would be interpreted by addressee without this comment in a different way, namely within the bounds of generally accepted rules and treatments, and this situation does not obviously suit a speaker. The author arrives to the conclusion that it is necessary to treat examined phenomena a result of special semantic transformations which can be defined in whole as manipulative substitution operations of usual sense in utterance.

Key words: metalanguage comment, pragma-semantics, the Modern Russian speech.

Статтю отримано 12.04.2014 р.

ГАЖЕВА Инна Дмитриевна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии Львовского национального университета имени Ивана Франко; Львов, Украина;

e-mail: gajzeva-inna@ Rambler.ru; тел.: +38(032)2602050; моб.: +38-0962148357

АСПЕКТЫ И МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ МЕТОНИМИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Аннотация. В статье рассматривается традиция широкого понимания метонимии. В рамках такого понимания метонимия охватывает и традиционный тропеический перенос наименования по смежности, и явление смещения фокуса внимания с одного участника ситуации на другого, т. е. перепрофилирования. При этом в сферу действия метонимии закономерно вовлекаются не только именные значения, но и глагольные. Традиционно считалось, что метонимия реализуется, прежде всего, в именах. В последнее время метонимию начинают трактовать как характерный способ организации собственно глагольного значения. В статье обосновывается целесообразность дифференциации явлений собственно метонимии и перепрофилирования для лексикографической практики. Кроме того, показано, что разведение этих понятий продуктивно и в целях лингвостилистического анализа художественного текста. Для подтверждения последнего положения автор приводит фрагменты развёрнутого анализа индивидуально-авторских тропов из «Симфоний» Андрея Белого.

Ключевые слова: профилирование, метонимия, аспектизация, сдвиг фокуса внимания.

Развитие когнитивной семантики в отечественном и российском языкознании на начальном этапе характеризовалось своеобразным присвоением новой терминологии. Затем эта терминология была осмыслена более глубоко, в частности в результате её сопоставления с терминологией традиционной [9]. Подобного рода сопоставление сделало очевидным тот факт, что многие, казалось бы, новые явления, скрывающиеся за новыми терминами, были так или иначе изучены в рамках модели «Смысл — Текст», а также в теории номинации. Например, филлморовскую фреймовую семантику, по наблюдению Ю. Д. Апресяна, во многом предвосхитил сценарный способ представления эмоций, предложенный в конце 1970-х представителями Московской семантической школы [1, с. 252]. Установлению корреляций между рядами терминов когнитивной (в американском варианте) семантики и Московской семантической школы посвящена работа Е. Рахилиной [9]. Необходимо, однако, отметить, что обратным следствием указанной тенденции в отдельных случаях является снятие противопоставления между понятиями, хотя и близкими, пересекающимися, но совпадающими не полностью. Это, в частности, относится, к явлению, получившему в рамках когнитивного подхода название профилирования, перепрофилирования или различной аспектизации образа реалии и исследуемому в рамках российского и отечественного языкознания в качестве разновидности широко понимаемой метонимии.

Цель данной статьи — эксплицировать зоны несовпадения семантических пространств, стоящих за терминами «метонимия» и «профилирование», и показать плодотворность их поляризации для решения конкретных лексикографических и лингвостилистических задач.

Традиция широкого понимания метонимии восходит к работе Р. Якобсона, посвящённой поэтике Б. Пастернака [11]. Среди продолжателей этой традиции — Е. Л. Гинзбург [4], Е. В. Падучева [6; 7; 8], в рамках отечественной лингвистики — Ф. С. Бацевич [3]. Е. В. Падучева, квалифицируя метонимию как явление, носящее в языке всеобъемлющий характер, выделяет несколько её типов. Во-первых, традиционный тропеический перенос наименования по смежности. В этом случае смысл, порождаемый буквальным прочтением метонимически употребленного слова, воспринимается как аномальный: *Станканы пенились и шипели беспрестанно* (А. Пушкин). Во-вторых, явления смещения фокуса внимания с одного участника ситуации на другого, например: *Кони звенели уздечками — Уздечки звенели*. Примечательно, что в сферу действия метонимии у Е. В. Падучевой, равно как и у Е. Л. Гинзбурга, и Ф. С. Бацевича, вовлечены не только именные значения, но и глагольные. Традиционно считалось, что метонимия работает, прежде всего, на именах. В последнее время, напротив, метонимию начинают трактовать как характерный способ организации собственно глагольного значения [5]. Итак, распространяя действие метонимии и на именную, и на глагольную лексику, Е. В. Падучева квалифицирует как метонимию и перенос по смежности, и явления смещения фокуса внимания относительно участников ситуации (значимо при этом противопоставление терминов «перенос» — «смещение», «сдвиг»). «Фокусировка внимания на том или ином участнике или компоненте толкования — это, по-видимому, то же, что профилирование компонента (термин, используемый в когнитивной лингвистике)», — заключает исследовательница [6, с. 242]. При этом Е. В. Падучева считает необходимым рассматривать метонимические связи между значениями слова и явления сдвига фокуса внимания (перепрофилирования) в пределах одного значения в их единстве. Однако само это утверждение предполагает также возможность их семантической дифференциации.

Как результат действия метонимии рассматриваются случаи перепрофилирования в работе Ф. С. Бацевича [3]. Влияние процесса метонимии расценивается здесь как важнейший фактор изменения ономастических статусов имён субъектов при их взаимодействии с глагольными предикатами [3, с. 125]. При этом, в согласии с широким пониманием метонимии, под неё подводятся как перенос по смеж-

ности, так и случаи перепрофилирования образа одной реалии в результате сочетаемости её имени с различными глагольными предикатами. Ср., например: *Базар кончился поздно* — «Место–время»; *Вся деревня вышла на улицу* — «Место — то (те), что его населяет (-ют)»; *Прозвучал выстрел* — «Действие — Объект», с одной стороны, — и *Станок стоит в цехе* — *Станок вытачивает детали*; *Озеро расположено высоко в горах* — *Озеро бурлило*; *Сливы лежали на столе* — *Сливы были вкусны*, — с другой [3, с. 126-127, 130-131]. Несмотря на наличие аргументов в пользу изучения указанных явлений в их единстве, существуют также достаточные основания для их дифференциации. Игнорирование их в отдельных случаях способно привести к нежелательному разрушению единства слова: ведь собственно метонимическими отношениями связаны два разных значения слова, а перепрофилирование свидетельствует о возможности слова в одном значении одновременно принадлежать различным категориям. Ср.: «... Слово с одним и тем же значением может принадлежать к нескольким категориям, которые не исключают одна другую, так, *печь* — это УСТРОЙСТВО и ВМСТИЛИЩЕ; *школа*, *почта* — это УЧРЕЖДЕНИЕ и ПОМЕЩЕНИЕ; *время* — это ДВИЖУЩИЙСЯ ОБЪЕКТ (*время идёт*), РЕСУРС (*тратить время*), МАССА (*много времени*)...» [6, с. 166]. Другими словами, суть различий между указанными явлениями сводится к тому, что метонимическими отношениями связываются обычно имена принципиально различных сущностей, хотя и ассоциированных по смежности; в результате же перепрофилирования, разной аспектизации, напротив, один и тот же предмет поворачивается к говорящему разными своими сторонами, освещаясь лишь в одном из возможных ракурсов. Причём наличие всех остальных предполагается. При аспектизации в одном предмете акцентируется единственно важное в данной ситуации. Явление аспектизации рассмотрено Р. Лангаккером в качестве измерения, относительно которого обычно происходит конструирование сцены. Ср.: «Первое измерение связано с выбором тех аспектов сцены, которые будут взяты во внимание при построении образа, то есть с выбором профиля и базы. И если профиль представляет собой фокусную точку нашего внимания, то база является её непосредственным контекстом. Таким образом, выбор на уровне скрипта приводит к тому, что одна и та же вещь может профилироваться как *ижра* и *kawior*, включаясь в первом случае в базу размножения, а во втором — в базу еды» [12, с. 637, перевод наш. — И. Г.]. Аналогично в случае реализации артефактного значения в контексте *Станок вытачивает детали* в предмете акцентируется его предназначение (он включается в базу «производственная деятельность»), говорить же здесь о проявлении регулярной многозначности «предметность–процессуальность», основанной на метонимии, не представляется целесообразным. Равно как и в случае *Озеро находится высоко в горах* — *Озеро бурлило* — о реализации модели «место — то, что в нём находится». Дело в том, что вода конституирует озеро в качестве его самого, а не находится в нём, равно как деревья конституируют лес, строения — город. Такие реалии, как озеро и вода, лес и деревья, город и архитектурные сооружения не могут мыслиться как принципиально различные сущности, связанные отношениями смежности, как, например, город и люди, его населяющие, которые, напротив, в силу своей очевидной несовпадаемости, могут связываться метонимическими отношениями по указанной модели. Несомненно, однако, что случаи с *озером*, *лесом* ближе к метонимии, нежели случаи со *станком* и *сливами*, которые представляют собою классические примеры разных аспектизаций реалий. Это объясняется тем, что аспектизация *озера* и *леса* происходит относительно природных категорий: УЧАСТОК ЗЕМНОЙ ПОВЕРХНОСТИ, МАССА (ВЕЩЕСТВО (ВОДА), МНОЖЕСТВО ОДНОРОДНЫХ ПРЕДМЕТОВ — подвиды категории МАССА). И в случае профилирования *озера* как УЧАСТКА ПОВЕРХНОСТИ, и в случае профилирования его как МАССЫ, оно остаётся «натурфактом». В контекстах же *Сливы были вкусны*, *Станок вытачивает детали* актуализированы, в первом случае, «несобственное» свойство реалии, а во втором — «функциональное» предназначение: сливы выступают как продукт, станок как механизм. При этом имя *станок* принадлежит к именам функционального типа значения, близкого предикатному, то есть многопризнаковому. В значениях такого типа функциональный компонент занимает доминирующее положение по отношению к прочим, соответствующим природным формам реалии. Соответственно, значения этого типа устроены иерархически. В то же время имена естественных родов (типа *озеро*, *сливы*) обладают значениями идентифицирующего типа. Последние представляют собой неустойчивый комплекс семантических признаков, являющихся обобщением, в первую очередь, визуальных данных, и характеризуются полисемностью и гетерогенностью [2, с. 34]. В случае профилирования *слив* в качестве продукта, равно как и в случае профилирования *станка* в качестве артефакта-механизма — путём своеобразной «лингвистической социализации» предмета — преодолевается разрыв между «предметами для себя» и «предметами для человека», то есть между естественной и утилитарной таксономиями. Однако в первом случае профилируется один из «необязательных» компонентов значения: «способность выступать в качестве еды» — посредством приписывания *сливам* сенсорно-вкусового предиката, которому в структуре имени соответствует не семантический, а прагматический макрокомпонент¹. Во втором же случае как «функциональный» профилируется механизм-артефакт, то есть предмет, специально созданный для выполнения определённых функций. Здесь профилирование происходит, таким образом, по доминирующему признаку. Итак, случаи с *озером* и *лесом* ближе к метонимии, поскольку актуализация происходит здесь относительно одного из компонентов, соответствующих естественным параметрам реалии. При этом отношения между

¹ Ср. следующие наблюдения Н. Д. Арутюновой: «Человек аксиологически маркирует объекты внешнего мира, входящие в круг его вращения. Однако, хотя сенсорные предикаты могут быть отнесены непосредственно к объекту, они не семантизируются (подчёркнуто нами — И. Г.), то есть не имплицитно дескриптивных характеристик. Предикат *вкусный* не поддаётся даже частичному переводу на язык дескрипций: *вкусный* в применении к яблоку вовсе не значит ‘сочный, ароматный, хрустящий’...» [2, с. 35].

этими параметрами (компонентами) не субординированы и могут быть уподоблены отношениям смежности. В контексте *Сливы вкусны* происходит вовлечение объекта природного мира в сферу действия человека, то есть в зону активизации попадает не собственное свойство реалии, а интерактивное, в то время как собственные, природные свойства попадают в зону затемнения. Разноприродность категорий, относительно которых происходит профилирование реалий в контекстах *Сливы созрели* (плоды растений) и *Сливы вкусны* (еда), их принадлежность различным таксономиям: естественной и утилитарной — не даёт оснований для уподобления корреляций между этими категориями (аспектами) отношениям смежности. Наиболее удалён от метонимии случай со *станком*, где нет собственно реконструирования значения, ведь в фокусе внимания оказывается **не один из..., а доминантный** для имён этого типа функциональный компонент.

Е. В. Падучева, вслед за Д. Н. Шмелёвым [10], обращает внимание на одну важную особенность метонимически связанных значений, а именно: на возможность их совмещения в пределах одного контекста, ср.: *Висячая лампа боролась с дневным светом* (А. Белый). Определение *висячая* относится к имени *лампа*, предикат *боролась* отсылает непосредственно к референту высказывания — *свету*. Ср. также пример Н. Д. Арутюновой: *Старый тулуп крякнул* [2, с. 350]. Однако указанное совмещение значений возможно лишь в подобных конструкциях: определение, выражающее постоянный признак, актуализирует буквальное значение метонима, а глагольный предикат — конкретно-референтное. Контексты же с синтаксически однородными глагольными предикатами либо с глагольным предикатом и «отпредикатным» определением, актуализирующими разные референтные значения имени, не создают условий для подобного рода наложения значений. Ср.: **Деревня, расположенная на том берегу* [место], *трудится без выходных* [люди, населяющие место]; **Базар находился на центральной площади* [место] и *кончился в 10 утра* [время]. В то же время, для имён типа *озеро, лес* возможно включение в подобные контексты, поскольку здесь происходит именно высвечивание разных сторон одной и той же реалии, а не наложение друг на друга «картинок» с разными действующими лицами. Ср.: *Лес, что находился за рекой* [место], *бунтовал и стонал* [деревья]; *Он представил себе, как бурлило сейчас озеро* [вода], *расположенное высоко в горах* [место]. Таким образом, включение в подобные предложения может служить своеобразным тестом при разведении явлений метонимической связи между отдельными значениями слова, с одной стороны, и сдвига фокуса внимания относительно различных компонентов в пределах одного значения, с другой. Противопоставление же метонимии и профилирования (аспектизации) важно как для лексикографической практики: определение состава ЛСВ многозначного слова и количества параметров, актуальных для толкования отдельных ЛСВ, — так и для изучения поэтического языка и особенностей идиостилей. Так, дифференциация метонимии и аспектизации делает возможным разграничение простых тропов (метафор) и политропных образований, ср.: *Висячая лампа боролась с дневным светом* (А. Белый) — метонимия на именах «источник света–свет» + глагольная метафора в направлении «человек–свет»; *Море шептало: «Не надо, не надо!»* (А. Белый), *Синее озеро прохладно изморщилось от ветра* (А. Белый) — глагольная метафора в направлении «море (в аспекте шума волн — человек (в аспекте своей речевой способности)», «озеро (в аспекте нормальной неподвижности своей поверхности) — кожа человека (в аспекте проявления её физической способности к старению)».

Таким образом, изучение сочетаемости имён разных семантико-синтаксических типов с глагольными предикатами позволяет выявить зоны пересечения и несовпадения смыслов терминов «профилирование» и «метонимия» и убеждает в целесообразности их дифференциации при постановке и решении актуальных вопросов современной лексикографии и лингвопоэтики.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. — 2-е изд., испр. — М.: Языки рус. культуры, 1999. — I-XV, 896 с.
2. Апресян Ю. Д. Избранные труды. В 2 т. Т. 2 / Ю. Д. Апресян. — М.: Языки рус. культуры, 1995. — 767 с.
3. Бацевич Ф. С. Функционально-ономасиологическое исследование глагольной лексики / Ф. С. Бацевич // Очерки по функциональной лексикологии / Ф. С. Бацевич, Т. А. Космеда. — Л.: Світ, 1997. — С. 6–208.
4. Гинзбург Е. Л. Конструкции полисемии в русском языке. Таксономия и метонимия / Е. Л. Гинзбург. — М.: Наука, 1985. — 224 с.
5. Кубрякова Е. С. Глаголы действия через их когнитивные характеристики / Е. С. Кубрякова // Логический анализ языка. Модели действия. — М.: Наука, 1992. — С. 84–90.
6. Падучева Е. В. Лексика поэзии и поэзия лексики / Е. В. Падучева // Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования / [отв. ред.: Х. Баран, С. М. Гиндин]. — М.: РГГУ, 1999. — С. 552–568.
7. Падучева Е. В. Семантика *вины* и смещение акцентов в толковании лексем / Е. В. Падучева // Логический анализ языка. Языки этики. — М.: Языки рус. культуры, 2000. — С. 149–166.
8. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики / Е. В. Падучева. — М.: Языки славян. культуры, 2004. — 608 с.
9. Рахилина Е. В. О тенденциях в развитии когнитивной семантики / Е. В. Рахилина // Известия РАН. Сер. лит. и яз. — 2000. — Т. 59. — С. 3–15.
10. Шмелёв Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д. Н. Шмелёв. — М.: Наука, 1973. — 279 с.
11. Якобсон Р. О. Заметки о прозе поэта Пастернака // Работы по поэтике / Р. О. Якобсон. — М.: Прогресс, 1987. — С. 324–338.
12. Indyk M. Badacz literatury wobec językoznawstwa kognitywnego / M. Indyk // Ruch literacki. — 1995. — № 5. — С. 633–645.

References

1. Arutyunova N. D. Yazyk i mir cheloveka / N. D. Arutyunova. — 2-e izd., ispr. — M.: Yazyki rus. kulturyi, 1999. — I-UN, 896 s.

2. *Apresyan Yu. D.* Izbrannyye trudy. V 2 t. T. 2 / Yu. D. Apresyan. — M.: Yazyiki rus. kulturyi, 1995. — 767 s.
3. *Batsevich F. S.* Funktsionalno-onomasiologicheskoe issledovanie glagolnoy leksiki / F. S. Batsevich // Ocherki po funktsionalnoy leksikologii / F. S. Batsevich, T. A. Kosmeda. — L.: SvIt, 1997. — S. 6–208.
4. *Ginzburg E. L.* Konstruktsii polisemii v russkom yazyike. Taksonomiya i metonimiya / E. L. Ginzburg. — M.: Nauka, 1985. — 224 s.
5. *Kubryakova E. S.* Glagoly deystviya cherez ih kognitivnyye harakteristiki / E. S. Kubryakova // Logicheskii analiz yazyika. Modeli deystviya. — M.: Nauka, 1992. — S. 84–90.
6. *Paducheva E. V.* Leksika poezii i poeziya leksiki / E. V. Paducheva // Roman Yakobson: Teksty, dokumenty, issledovaniya / otv. red.: H. Baran, S. M. Gindin. — M.: Ros. gos. gumanit. un-t, 1999. — S. 552–568.
7. *Paducheva E. V.* Semantika vinyi i smeschenie aktsentov v tolkvanii leksemy / E. V. Paducheva // Logicheskii analiz yazyika. Yazyiki etiki. — M.: Yazyiki rus. kulturyi, 2000. — S. 149–166.
8. *Paducheva E. V.* Dinamicheskie modeli v semantike leksiki / E. V. Paducheva. — M.: Yazyiki slavyan. kulturyi, 2004. — 608 s.
9. *Rahilina E. V.* O tendentsiyah v razvitiy kognitivnoy semantiki / E. V. Rahilina // Izv. RAN. Ser lit. i yaz. — 2000. — T. 59. — S. 3–15.
10. *Shmelev D. N.* Problemy semanticheskogo analiza leksiki / D. N. Shmelev. — M.: Nauka, 1973.
11. *Yakobson R. O.* Zametki o proze poeta Pasternaka / R. O. Yakobson // Raboty po poetike / R. O. Yakobson. — M.: Progress, 1987. — S. 324–338.
12. *Indyk M.* Badacz literatury wobec jezykoznavstwa kognitywnego / M. Indyk // Ruch literacki. — 1995. — № 5. — S. 633–645.

ГАЗЕВА Інна Дмитрівна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри російської філології Львівського національного університету імені Івана Франка; Львів, Україна;
e-mail: gazheva-inna@rambler.ru; тел.: +38(032)2602050; моб.: +38-0962148357

АСПЕКТИ ТА МЕТОДИ ВИВЧЕННЯ МЕТОНІМІЇ В СУЧАСНІЙ ЛІНГВІСТИЦІ

Анотація. У статті розглядається традиція широкого розуміння метонімії. У рамках такого розуміння метонімія охоплює як традиційне перенесення найменування за суміжністю, так і явище зсуву фокусу уваги з одного учасника ситуації на іншого, тобто репрофілювання. При цьому в сферу дії метонімії закономірно потрапляють не тільки іменні значення, а й дієслівні. Традиційно вважалось, що феномен метонімії реалізується насамперед на матеріалі імен. Останнім часом метонімію починають розглядати як характерний спосіб організації власне дієслівного значення. У статті обґрунтовується доцільність диференціації явищ власне метонімії та репрофілювання для лексикографічної практики. Крім того, автор доводить, що розведення цих понять є продуктивним і для мовностилістичного аналізу художнього тексту. На підтвердження останнього положення автор наводить фрагменти розгорнутого аналізу індивідуально-авторських тропів із «Симфоній» Андрія Белого.

Ключові слова: профілювання, метонімія, аспектизація, зсув фокусу уваги.

Inna D. GAZHEVA,

PhD in Philological Science, Associate Professor of the Russian Philology Department in Ivan Franko National University of Lviv; Lviv, Ukraine;
e-mail: gazheva-inna@rambler.ru; tel.: +38(032)2602050; моб.: +38-0962148357

ASPEKTS AND METHODS OF STUDY OF METONYMY IN MODERN LINGUISTICS

Summary. The article deals with a broad understanding of metonymy. As part of this understanding metonymy includes traditional tropeal transfer items by contiguity, as well as the phenomenon of the attentional shift from one participant to the other, i. e. reprofiling. Not only the nominal values but also verbal ones are involved in the sphere of metonymy. Traditionally, metonymy was considered to be realized primarily in names. Recently metonymy began to be interpreted as a typical way of the verb meaning organizing. The article explains the value of various metonymy phenomena and reprofiling it for lexicographical practice. In addition, the author demonstrates that the separation of these concepts is effective for linguostylistic analysis of a literary text. To confirm this position the author gives detailed analysis of individual tropes of «Symphonies» by Andrei Bely.

Key words: profiling, metonymy, aspectation, shifting of the focus of attention.

Статтю отримано 25.02.2014 р.

УДК 811.161.1'373.43/45

ГОЧЕВ Гочо Недев,доктор (кандидат) филологических наук, профессор кафедры русистики Велико-Тырновского университета имени Святых Кирилла и Мефодия; Велико-Тырново, Болгария;
e-mail: gochev_g@abv.bg; тел.: +359 62629518; моб.: +359 885 583 214

ИНОЯЗЫЧНЫЕ НОВАЦИОННЫЕ ЕДИНИЦЫ В ЛЕКСИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье рассматриваются иноязычные новационные единицы в русском языке новейшего периода. Эти единицы характеризуются особенностями неологизмов и модификационных инноватов.

С точки зрения объективного состояния языков во времени, иноязычные новационные единицы делятся на синхронные и диахронные. «География» заимствованных слов в современном русском языке исключительно широка: она охватывает больше двадцати языков Европы и Азии. По географическому признаку заимствования делятся на две группы: заимствования из европейских языков и заимствования из неевропейских языков. Ведущее место в современном процессе заимствования занимают англицизмы (американизмы). Из остальных европейских языков в этом процессе выступают романские, германские (без английского) и славянские языки. Из неевропейских языков донорами становятся, в основном, некоторые языки Ближнего и Дальнего Востока. Очень редко заимствуются лексические единицы из других неевропейских языков. Тематическая классификация заимствований из разных языков свидетельствует о существенных изменениях в современной жизни русского общества.

Ключевые слова: заимствование, новационный, неологизм, инноват, синхронный, диахронный.

1. О характере и сущности новационного процесса¹. За последние двадцать с лишним лет лексическая система современного русского языка подверглась мощному влиянию новационных процессов, которые в значительной степени изменили облик её состава.

Новационный процесс или новацию мы определяем как некий впервые проявленный, ранее не существовавший феномен (единица или признак, форма, функция и т. п.) в лексической системе языка: а) новая лексическая единица (слово, номинативное словосочетание, фразеологизм); б) новое значение, новый смысл, новая материальная оболочка существующей лексической единицы; в) новый признак с точки зрения сферы использования, распространения или реализации в речи существующей лексической единицы. Перечисленные новации являются результатом действия двух основных разновидностей новационного процесса: неологизации (а) и инновации (б; в).

Процесс неологизации имеет непосредственное отношение только к лексико-семантическому уровню языка. Ключевым понятием понимания неологического процесса является «появление лексической единицы». Он порождает лексические неологизмы, т. е. ранее не существовавшие лексические единицы: слова, номинативные словосочетания, фразеологизмы (напр.: *тусовка, оборонщик, менталитет, теневая экономика* и др.).

Ключевым словом для инновационного процесса является понятие «изменение». Инновация приводит не к появлению новых лексических единиц, а к изменению (обновлению, преобразованию, возобновлению и т. п.) существующих лексических единиц, т. е. к возникновению лексических инноватов. В отличие от неологического процесса, инновационный процесс приводит к изменению как в системно-семасиологическом плане, так и в плане функционирования лексических единиц.

Инновационный процесс в системно-семасиологическом плане порождает модификационные инноваты, которые возникают в результате изменения: 1) семантического статуса: а) лексической единицы — она приобретает новые значения (ср.: *новый раунд переговоров*); б) значения лексической единицы — меняется её семантический объём (ср.: *спортивные меценаты*) или происходит переориентация её содержания (ср.: *мэр, лобби*); 2) смыслового статуса лексической единицы — происходит переосмысление понимания называемой реалии (ср.: *капиталист эксплуататор и капиталист меценат*); 3) формального статуса лексической единицы (ср.: *отечественная продукция — отечка*).

На уровне функционирования лексико-семантических единиц процесс инновации меняет их социолингвистическую характеристику и порождает адаптивные инноваты — существующие лексические единицы приобретают новый признак с точки зрения сферы использования, распространения или реализации в речи: ср., например, возврат малоупотребительных или устаревших слов из пассивного словаря в активный (*дума, лицей*) и уход слов из активного в пассивный словарь (*авангард, герой труда*); переход лексических единиц из лексики ограниченного употребления в группу слов неограниченного употребления (*ВИЧ-инфекция* — из медицинской терминологии); переход лексических единиц из одной сферы общения в другую (*держава* из книжного стиля в разговорную речь: *А за державу всё-таки обидно*).

2. Заимствования как новационные лексические единицы. Заимствования могут быть неологизмами и инноватами. Заимствования-неологизмы — это новые для русского языка иноязычные лексические единицы, называющие новые или существующие, но не имеющие названия реалии: *адидас, имидж, йогурт, клон, менталитет, сканер, тамагочи, шоковая терапия*. Заимствования-инноваты бывают только модификационными и представляют собой заимствованные значения,

¹ Более подробно об этом см. [4; 5; 6].

заимствованные синонимы русских слов и заимствованные «универбаты». Заимствованные значения (семантические кальки) — это значения, которые русские лексические единицы заимствуют из своего иноязычного эквивалента. Например, медицинский термин *вирус* в результате калькирования английского *virus* приобрёл значение 'программа, способная частично или полностью погубить записанную на компьютере информацию'. Таким же образом появились новые значения у слов *мышь* (ср. англ. mouse), *штрих* (ср. нем. Strich) и т. п. Заимствованные синонимы можно разделить на две группы: а) синонимы, уточняющие значение русского слова: *контора* — *офис* ('контора, оснащённая техникой'), *пользователь* — *юзер* (в информатике), *убийца* — *киллер* ('наёмный убийца'); б) синонимы, заменяющие русское слово: *земледелец* — *аграрий*, *аграрник*; *руководитель* — *лидер*. Заимствованные «универбаты» — это иноязычные лексические единицы, которые восполняют отсутствие русского универбата: *борьба на руках* — *армрестлинг*, *бульварная газета* — *таблоид*, *глава городской администрации* — *мэр*, *председатель парламента* — *спикер*, *служба безопасности* — *секьюрити*, *снежный человек* — *йети*.

Заимствованные инноваты не могут быть адаптивными, так как это иноязычные лексические единицы, новые по форме или по содержанию. В русский язык входят иноязычные лексические единицы, которые пополняют и обогащают состав пластов лексики, отражающих её распространение и реализацию в речи.

С точки зрения распространения в речи, они бывают неограниченного и ограниченного употребления. Заимствования, входящие в сферу неограниченного употребления, становятся общеупотребительными единицами, которые известны и понятны всем носителям русского языка: *бутик*, *визажист*, *гамбургер*, *гастарбайтер*, *джакузи*, *капучино*, *лазанья*, *монокини*, *пиранья*, *пицца*, *спагетти*, *фазенда*, *фритюрник*, *холокост*. В сферу ограниченного употребления заимствуются, как правило, термины, профессионализмы и экзотизмы, которые известны и понятны далеко не всем носителям русского языка. Термины и профессионализмы представляют собой реалии и понятия, связанные с различными областями науки и профессиональной деятельности: *декодер*, *диллинг*, *карго*, *консалтинг*, *копирайт*, *маркетинг*, *микрпроцессор*, *промоуи(е)н*, *факторинг*. Важнейшей особенностью заимствованных терминов и профессионализмов является факт, что многие из них практически сразу переходят из профессиональной речи в общеупотребительную: *дисплей*, *компьютер*, *принтер*, *сканировать*, *файл* (информатика); *бартер*, *брокер*, *ваучер*, *дилер*, *инвестор*, *инвестиции*, *каска* (экономика, финансы); *ВИЧ-инфекция*, *СПИД* (медицина); *скейтборд*, *дартс* (спорт). Экзотизмы отражают специфические реалии иноязычных культур: *бонсай*, *интифада*, *душмань*, *киокушинкай карате*, *моджахеда*, *оригами*, *сенсей*, *талибы*. С точки зрения реализации в речи, заимствования бывают: стилистически нейтральные: *аренда*, *аура*, *банкомат*, *бутик*, *фитнес*, *хостис*, *шоу*, *штрижкод* — и стилистически окрашенные: *баксы жарг.*, *дурман жарг.*, *нувориши* неодобр.

3. Классификация иноязычных новационных единиц. Ключевым понятием, объясняющим пополнение словарного состава языка за счёт заимствования лексических единиц, является понятие «контакт», который может иметь реальный или виртуальный характер.

Реальный контакт происходит на синхронном уровне, где переход языковых единиц из одного языка в другой совпадает по времени, т. е. осуществляется между живыми, одновременно функционирующими языками.

Живые, одновременно существующие и функционирующие языки (подобно любому конкретному языку) располагают своим общим «пассивным фондом», откуда они черпают языковые ресурсы для обогащения и пополнения своих словарных фондов. Речь идёт о классических («мёртвых») языках: латинском, древнегреческом, санскрите. Между живыми и классическими языками осуществляется виртуальный контакт, в результате которого и происходит переход языковых средств из классических в живые языки, т. е. переход из диахронии в синхронию.

На основе связи процесса заимствования с состоянием языков во времени (синхронией и диахронией) лексические заимствования делятся на синхронные и диахронные.

3.1. Синхронные заимствования. Реальный контакт языков происходит в результате экономических, культурных и политических связей, в которые вступают народы (носители различных языков). Он осуществляется между живыми языками, которые обогащаются за счёт заимствованных лексических единиц. Как известно, в контакт вступают язык-донор и язык-реципиент. Язык-донор предоставляет языку-реципиенту свои языковые средства для его номинативных потребностей. Благоприятные условия для принятия языковой единицы в язык-реципиент возникают в силу экстралингвистического влияния¹ стран, которым принадлежат языки-доноры. На данном этапе это влияние основывается на определённых экономических и политических преимуществах, характерных для западноевропейской и американской цивилизаций. Поэтому современный процесс заимствования однопольный: русский язык активно заимствует из других языков, обратный процесс практически не протекает.

Синхронные заимствования имеют свою «географию», т. е. территорию, откуда приходят в язык-реципиент. Как известно, она определяется, во-первых, территориальной близостью носителей различных языков и, во-вторых (при отсутствии территориальной близости), степенью реальных связей между ними. Определяющим фактором процесса заимствования иноязычных слов в русский язык в новейшее время является степень реальных связей русского государства с другими странами и на-

¹ В целях объективной оценки этого влияния следует отметить, что в наше время, независимо от кажущегося значительного наплыва заимствований в русский язык, доля иноязычных единиц от общего количества новационных языковых единиц невелика: она составляет примерно 6,8 % [см. Мечковская lib4all.ru, с. 105].

родами. Территориальная близость играет незначительную роль в этом процессе; например, украинские, белорусские и польские заимствования немногочисленны и не отражают каких-либо важных и существенных явлений русской жизни.

«География» заимствованных слов в современном русском языке исключительно широка: она охватывает больше двадцати языков Европы и Азии. На основе «географии» заимствования делятся на две большие группы: заимствования из европейских языков и заимствования из неевропейских языков.

Усиление процесса заимствования иноязычных слов по сравнению с доперестроечным периодом является важной особенностью современного новационного процесса, так как его количественные показатели свидетельствуют, во-первых, об изменениях в характере лексического состава русского языка с точки зрения происхождения, во-вторых, об усилении влияния других культур (в широком понимании этого термина) на русскую и о степени влияния каждой из них.

В русской заимствованной лексике новейшего периода англицизмы (американизмы) составляют самую большую группу. Преобладание англицизмов можно проследить в любом русском словаре, фиксирующем новые слова и значения, а также в специализированных словарях новых иностранных слов. Например, в словаре новых иностранных слов Н. Г. Комлева [8] 1500 слов, употребляющихся в современном русском языке, из которых 1025 (68,3 %) английского происхождения, 223 (14,9 %) из остальных европейских языков, 157 (10,5 %) слов, восходящих к классическим языкам, 95 (6,3 %) из неевропейских языков.

Объясняется этот факт, во-первых, доминированием в глобальной коммуникации английского языка, являющегося на данном этапе языком мирового значения; во-вторых, развитием коммуникационных технологий и информатики; в-третьих, распространением американской массовой культуры.

3.1.1. Заимствования из европейских языков. С точки зрения количественных показателей, можно обособить две основные группы: английские заимствования (чаще всего из американского варианта английского языка) и неанглийские заимствования (из остальных европейских языков).

3.1.1.1. Английские заимствования. Англицизмы обозначают реалии, понятия и термины из многих областей жизни современного русского общества. Среди них особо следует выделить лексические единицы, связанные с рыночной экономикой: *аудитор, бартер, брокер, валютная корзина, вачер, дилер, диллинг, консалтинг, лейбл, лизинг, логотип, маркетинг, менеджмент, мониторинг, ноу-хау, офшор, прайм-тайм, прайс-лист, провайдер, промоуш(е)н, режим наибольшего благоприятствования, риелтор, рэкет, спонсор, факторинг, хедж, холдинг, чартер*; с новыми технологиями, информатикой и техникой: *байт, бит, джойстик, цифровой, дисплей, драйвер, интернет, курсор, кэш, меню, монитор, микропроцессор, модем, мультимедиа, мышь, ноутбук, пле(й)ер, принтер, сайт, софтвер, телефакс, файл, хакер, чип*; с социально-политической жизнью: *брифинг, бе(й)би бум, гринпис, диссидент, имиджмейкер, импичмент, лобби, массмедиа, митинговать, мониторинг, рейтинг, рокер, скинхед, спикер, спонсор*; с наукой и образованием: *гендерный, деонтология, дианетика, кампус, кластер, тест, уфология*; с искусством и массовой культурой: *андерграунд, брейк-данс, дискотека, кастинг, клип, клипмейкер, мыльная опера, перформанс, постер, сингл, ток-шоу, триллер, хит-парад*; со спортом: *аквабилдинг, аэробика, байкер, вайндсерфинг, дартс, кикбоксинг, плей-офф, слрфинг, скейтборд, стритбол, фейр-плей, шейпинг*; с бытом: *блейзер, кейс, лайкра, маркер, секунд-хенд, слаксы, скотч, снэк-бар, тефлон, тоник, топлес(с), хот-дог, чизбургер, шоп*.

3.1.1.2. Неанглийские заимствования. В роли источников с разной степенью интенсивности выступают три языковые группы: романские, германские (без английского) и славянские языки. В словаре Н. Г. Комлева эти языковые группы представлены следующими количественными соотношениями: романские — 159 (10,6 %), германские (без английского) — 57 (3,8 %), славянские — 7 (0,5 %).

Из всех трёх групп наиболее ощутимым присутствием характеризуются **романские языки**: французский, итальянский, испанский и португальский. Из французского заимствуются, в первую очередь, лексические единицы, называющие предметы одежды, понятия моды и косметики: *бутик, дефиле, от кутюр, монокини, кутюрье, прет-а-порте, сабо; блонд, визаж, макияж, эпилятор*. Французские лексические единицы называют также реалии, термины и понятия из самых разных сфер: быта (*барбекю, биде, бистро, грилетта, гриль, круассан, патиссон, фритюрник, фуришет*); характеристики человека: *менталитет, натуралист, нудист, шармант*; техники: *аудиокассета, видео, декодер, ПАЛ, рено, СЕКАМ, ситроен*; политики: *голубые каски, глобализация, мондиализм, мондиалист, популизм, электорат*; права: *валидность, делимитация*; экономики: *аваль, авуары, депозитар, марж, минотарный, монетаризм, оферент, приватизация, транзитировать, транш*; рекламы: *матракаж*; искусства: *арьергард, ар(т) нуво, ар(т) деко, клака, клаке(л)р, ню, перформанс, экспо*; науки: *билингв, криминогенный, наратив, франкофон*; медицины: *анорексик, анорексия, антиоксидант, булимик, булимия, депрессант, токсикомания*; спорта: *трансферировать*. Основная часть немногочисленных заимствований из итальянского языка связана со сферами быта: *джакuzzi, капучино, лаванья, ницца, спагетти, тутти-фрутти, эспрессо*; одежды: *дольчики, капри, карго*; искусства: *биеннале, граффити*; спорта: *батут*; экономики: *карго, каско*. Очень активно употребляются также *папарацци* и *путана*. Меньшей употребительностью характеризуются слова *тифози* и *скудетто*. Из испанского языка активно функционируют только *мачо*, производное от него *мачизм*, и *бинго*. Почти вышло из употребления заимствованное несколько лет назад слово *макарена*. Португальский язык является источником слов *фазенда* и *пиранья*. Из португальского были заимствованы также малоупотребительные слова *ламбада* и *торсида*.

Германские (без английского) языки представлены среди заимствований в русский язык лексическими единицами из немецкого и шведского языков. Из немецкого языка закрепились такие слова, как *бермуды, вурст, гастарбайтер, глюки* жарг., *китч, мюсли, мерседес, опель, полтергейст*. На страницах печати встречаются также слова, связанные со сферой футбола: *бундеслига, бундесмашина, бундестим, оберлига*. Редко употребляется заимствованное раньше *киндер-сюрприз*. Из шведского языка заимствовано слово *омбудсмен*.

Славянские языки представлены отдельными лексическими единицами: из украинского: *державный, жовто-блакитный, майдан, мова, незалежність, помаранчевый, самостийный*; из белорусского: *батька*; из сербского: *косовар*. Отдельные польские заимствования имеют сугубо терминологический характер. Ср., напр., *реизм* (философская концепция, согласно которой реально существуют только вещи’).

3.1.2. Заимствования из неевропейских языков. Основными источниками заимствований из неевропейских языков являются восточные языки и языки Ближнего Востока. Исключительно редко встречаются лексические единицы из других неевропейских языков. Доля словарных статей этих заимствований в словаре Н. Г. Комлева составляет 95 (6,3 %).

Восточные языки представлены японским, китайским и корейским языками. Из всех немногочисленных заимствований из японского языка наибольшую популярность приобрели слова *караоке, суши, судоку*. Наряду с ними расширилось и употребление таких слов из области японского искусства, как *оригами* и *бонсай*. Из Японии пришли со своими названиями игры *тамагочи* и *го*. Расширилось и использование некоторых религиозных понятий: *дзен, дзен-буддизм*. В новейший период особенно усилился интерес к восточным единоборствам и видам спорта, что сказалось на распространении следующих слов: *айкидо, киокушинкай карате, сумо, кэндо, кюдо*. К этой группе примыкают ещё три слова, имеющие непосредственное отношение к единоборствам и спорту: *нунчак, даны, сенсей*.

С интересом к восточным единоборствам связаны и заимствования из китайского и корейского языков. Из китайского языка заимствовано несколько терминов, обозначающих китайские единоборства: *кунг-фу* с обобщающим значением ‘китайское боевое искусство’, *ушу* и *тайцзицюань*. Отметим ещё слово *цигун*, означающее ‘древнее китайское искусство саморегуляции организма’, которое лежит в основе внутренних стилей боевых искусств. Из корейского языка пришло только одно название корейского боевого искусства *тхэквондо* или *таэквондо*.

Языки Ближнего Востока представлены иранскими и арабскими заимствованиями, имеющими непосредственное отношение к исламской идеологии и войнам на Ближнем Востоке: а) из иранских языков: *душман, аятолла, талибы*; б) из арабских языков: *моджахеды, интифада, Хезболла*.

Следует отметить также арабское слово *шаурма*, пришедшее в русский язык вместе с реалией, которую оно обозначает: ближневосточное блюдо.

Другие неевропейские языки представлены отдельными лексическими единицами: *йети* (тибетского происхождения), *зомби* (африканского (из одного из языков банту: кимбунду)), *батик* (индонезийского), *йогурт* (турецкого).

3.2. Диахронные заимствования (европейские и неевропейские слова, восходящие к классическим языкам). Виртуальные контакты языков, в отличие от реальных, не происходят в ситуациях реального общения между носителями языков. Они осуществляются между живыми и «мёртвыми» языками. «Мёртвые» (классические) языки (древнегреческий, латинский, санскрит) после выхода из живого употребления превратились в значимые компоненты человеческой культуры, к которым обращаются носители различных языков в целях удовлетворения номинативных потребностей своих языков (в основном для пополнения терминологии). В отличие от реальных контактов, где язык-донор и язык-реципиент могут в различные эпохи меняться ролями, классические языки всегда выступают только в качестве доноров.

Следует иметь в виду, что обособление диахронных заимствований в русском языке имеет условный характер. Дело в том, что виртуальный контакт обычно осуществляется в каком-либо другом языке, после чего диахронные заимствования приходят в русский язык уже как синхронные.

Активно проникают в русский язык лексические единицы, **восходящие к классическим европейским языкам (латинскому, древнегреческому)**. Заимствуются также отдельные слова, восходящие к **санскриту**. В словаре Н. Г. Комлева словарные статьи слов, восходящих к классическим языкам, составляют 10,5 % (157), т. е. приблизительно столько, сколько и заимствования из романских языков.

Латинские и древнегреческие слова приходят в русский язык, как правило, через посредство других языков — это лексические единицы, во-первых, заимствованные из латыни (*валидность* — лат. *validus* ‘сильный, крепкий’) или древнегреческого языка (*аура* — гр. *aura* ‘веяние’), и, во-вторых, возникшие на базе древних языков в европейских языках: *нанотехнология* (гр. *nannos* ‘карлик’ + англ. *technology* ‘технология’), *аудиокассета* (лат. *audio* ‘я слушаю’ + англ. *cassette* ‘шкатулка, коробка для фильмов’), *аутотренинг* (гр. *autos* ‘сам’ + англ. *training* ‘тренировка’), *аллопластика* (гр. *allos* ‘иной’ + нем. *Plastik* ‘пластика’), *нейрокомпьютер* (гр. *neuron* ‘нерв’ + лат. *computare* ‘читать’).

Заимствуются и создаются лексические единицы этого типа, как правило, для обозначения отвлеченных понятий, связанных, в первую очередь, с наукой, искусством, политикой и экономикой:

— из латинского языка: *аудиовизуальный, валеология, дивизионизм, имидж, инаугурация, индексация, инкарнация, коллапс, конверсия, консенсус, коррупционер, люстрация, мануальный, менталитет, социум, экстрасенс, экстрасенсорный*;

— из древнегреческого языка: *аура, биополе, биоконверсия, биостратомия, драстичный, иконика, уридодиагностика, ксерокс, логотип, микроника, харизма, холокост, этноцид.*

Встречаются лексические единицы и из санскрита, которые появились в результате процесса более активного проникновения индуизма и буддизма: *агни-йога, буддизм, гуру, кришнаизм, прана, тантра, хатха-йога, чакры.*

Иноязычные новационные единицы характеризуются особенностями неологизмов и модификационных инноватов.

С точки зрения объективного состояния языков во времени, процесс заимствования осуществляется на основе реальных контактов между живыми языками или на основе виртуальных контактов между живыми и «мёртвыми» языками, что позволяет условно разделить иноязычные новационные единицы на синхронные и диахронные.

Ведущее место в процессе заимствования, обусловленное доминированием английского языка в глобальной коммуникации, занимают англицизмы (американизмы). Из остальных европейских языков в этом процессе выступают три языковые группы: романские, германские (без английского) и славянские языки. Из неевропейских языков участвуют отдельные восточные языки и языки Ближнего Востока. Очень редко заимствуются лексические единицы из других неевропейских языков. Тематическая классификация заимствований из разных языков показывает, что иноязычные новационные единицы служат средством номинации реалий, свидетельствующих о существенных изменениях в жизни русского общества.

Литература

1. Брагина А. А. Неологизмы в русском языке / А. А. Брагина. — М.: Просвещение, 1973. — 224 с.
2. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке / Н. С. Валгина. — М.: Логос, 2003. — 304 с.
3. Вальтер Х. Словарь заимствования в русском субстандарте. Англицизмы / Х. Вальтер, О. Вовк, А. Зумп [и др.]. — М.: ИТИ Технологии, 2004. — 414 с.
4. Гочев Г. Н. К вопросу о неологических процессах в современной русской лексике / Г. Н. Гочев // Мир русского слова и русское слово в мире: материалы XI Конгресса МАПРЯЛ. Варна, 17–23 сент. 2007 г. — София: Heron Press, 2007. — Т. 3. — С. 59–64.
5. Гочев Г. Н. К характеристике новационного процесса в лексике русского языка / Г. Н. Гочев // Мнемозинон. Язык и культура в мире русофонии. — М.: Азбуконик, 2009. — С. 129–135.
6. Гочев Г. Н. Активные процессы в лексике современного русского языка: лекции по спецкурсу. Краткий русско-болгарский словарь новаций / Г. Н. Гочев. — Велико Търново: Изд-во ВТУ им. Кирилла и Мефодия, 2013. — 107 с.
7. Комлев Н. Г. Словарь новых иностранных слов (с переводом, этимологией и толкованием) / Н. Г. Комлев. — М.: Изд-во МГУ, 1995. — 141 с.
8. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В. Г. Костомаров. — М.: Златоуст, 1999. — 247 с.
9. Крысин Л. П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни / Л. П. Крысин // Русский язык в школе. — М., 1994. — № 6. — С. 56–63.
10. Крысин Л. П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий / Л. П. Крысин // Вопросы языкознания. — М., 2002. — № 6. — С. 32–33.
11. Крысин Л. П. Новые иноязычные заимствования в нормативных словарях / Л. П. Крысин // Русский язык в школе. — М., 2006. — № 1. — С. 66–72.
12. Максимов В. И. Типы неологизмов в современном русском языке / В. И. Максимов // Русский язык за рубежом. — 2001. — № 3. — С. 52–57.
13. Мечковская Н. Б. Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков [Электронный ресурс] / Н. Б. Мечковская. — Режим доступа: <http://lib4all.ru/base/V3560/V3560Part42-102.php#>
14. Надель-Червинская М. А. Большой толковый словарь иностранных слов: в 3 т. / М. А. Надель-Червинская, П. П. Червинский. — Ростов н/Д: Феникс, 1995.
15. Попова Т. В. Неология и неография / Т. В. Попова, Л. В. Рацибурская, Д. В. Гуганова. — М.: Флинта: Наука, 2005. — 168 с.
16. Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / [отв. ред. Е. А. Земская]. — М.: Наука, 1996. — 473 с.
17. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / [ред. Г. Н. Сяляревская]; РАН. Ин-т лингвист. исслед. — С.Пб., 2005. — 894 с.
18. Чохонелидзе Н. С. Активные процессы в современном русском языке (Курс лекций для студентов гуманитарного факультета) [Электронный ресурс] / Н. С. Чохонелидзе. — Режим доступа: <http://www.slavcenter.ge>.

References

1. Bragina A. A. Neologizmy v russkom jazyke / A. A. Bragina. — M.: Prosveshhenie, 1973. — 22 s.
2. Valgina N. S. Aktivnye processy v sovremennom russkom jazyke / N. S. Valgina. — M.: Logos, 2003. — 304 s.
3. Val'ter H. Slovar' zaимstvovaniya v russkom substandarte. Anglicizmy / H. Val'ter, O. Vovk, A. Zump [i dr.]. — M.: IТИ Tehnologii, 2004. — 414 s.
4. Gochev G. N. K voprosu o neologicheskikh processah v sovremennoj russkoj leksike / G. N. Gochev // Mir russkogo slova i russkoe slovo v mire: materialy XI Kongressa Mezhdunarodnoj asociacii prepodavatelej russkogo jazyka i literatury. Varna, 17–23 sent. 2007 g. — Sofija: Heron Press, 2007. — T. 3. — S. 59–64.
5. Gochev G. N. K karakteristike novacionnogo processa v leksike russkogo jazyka / G. N. Gochev // Mnemozinon. Jazyk i kul'tura v mire rusofonii. — M.: Azbukovnik, 2009. — S. 129–135.
6. Gochev G. N. Aktivnye processy v leksike sovremennogo russkogo jazyka: lekcii po spekursu. Kratkij russko-bolgarskij slovar' novacij / G. N. Gochev — Veliko Tyrnovo: Izd-vo VTU im. Kirilla i Mefodija, 2013. — 107 s.
7. Komlev N. G. Slovar' novyh inostrannyh slov (s perevodom, jetimologiej i tolkovaniem) / N. G. Komlev. — M.: Izd-vo MGU, 1995. — 141 s.
8. Kostomarov V. G. Jazykovoju vkus jepohi. Iz nabljudenij nad rechevoj praktikoj mass-media / V. G. Kostomarov. — M.: Zlatoust, 1999. — 247 s.

9. Krysin L. P. Inozazychnoe slovo v kontekste sovremennoj obshhestvennoj zhizni / L. P. Krysin // Russkij jazyk v shkole. — M., 1994. — № 6. — S. 56–63.
10. Krysin L. P. Leksicheskoe zaimstvovanie i kal'kirovanie v russkom jazyke poslednih desjatiletij / L. P. Krysin // Voprosy jazykoznanija. — M., 2002. — № 6. — S. 32–33.
11. Krysin L. P. Novye inozazychnye zaimstvovanija v normativnyh slovarjah / L. P. Krysin // Russkij jazyk v shkole. — M., 2006. — № 1. — S. 66–72.
12. Maksimov V. I. Tipy neologizmov v sovremennom russkom jazyke / V. I. Maksimov // Russkij jazyk za rubezhom. — 2001. — № 3. — S. 52–57.
13. Mechkovskaja N. B. Obshhee jazykoznanie. Strukturnaja i social'naja tipologija jazykov [Elektronnyj resurs] / N. B. Mechkovskaja. — Rezhim dostupa: <http://lib4all.ru/base/B3560/B3560Part42-102.php#>.
14. Nadel'-Chervinskaja M. A. Bol'shoj tolkovyj slovar' inostrannyh slov : v 3 t. / M. A. Nadel'-Chervinskaja, P. P. Chervinskij. — Rostov n/D : Feniks, 1995.
15. Popova T. V. Neologija i neografija / T. V. Popova, L. V. Raciburskaja, D. V. Guganova. — M. : Flinta : Nauka, 2005. — 168 s.
16. Russkij jazyk konca XX stoletija (1985–1995) / [otv. red. E. A. Zemskaja — M. : Nauka, 1996. — 473 s.
17. Tolkovyj slovar' sovremenogo russkogo jazyka. Jazykovye izmenenija konca XX stoletija / [red. G. N. Skljarevskaja] ; RAN, In-t lingvist. issled. — SPb., 2005. — 894 s.
18. Chohonelidze N. S. Aktivnye processy v sovremennom russkom jazyke (Kurs lekcij dlja studentov gumanitarnogo fakul'teta) [Elektronnyj resurs] / N. S. Chohonelidze. — Rezhim dostupa: <http://www.slavcenter.ge>.

ГОЧЕВ Гочо Недъв,

доктор (кандидат) філологічних наук, професор кафедри русистики Велико-Тирновського університету імені Святих Кирила й Мефодія; Велико-Тирново, Болгарія;
e-mail: gochev_g@abv.bg; тел.: +359 62629518; моб.: +359 885 583 214

ІНШОМОВНІ НОВАЦІЙНІ ОДИНИЦІ В ЛЕКСИЦІ РОСІЙСЬКОЇ МОВИ

Анотація. У статті досліджено іншомовні новаційні одиниці російської мови новітнього періоду. Цим одиницям притаманні особливості неологізмів і модифікаційних інноватів. З погляду хронології новаційні одиниці можна поділити на синхронні та діахронні. «Географія» запозичених слів у сучасній російській мові є виключно широкою: вона охоплює більше двадцяти мов Європи й Азії. За географічною ознакою запозичення розподіляються між двома великими групами: запозичення з європейських мов і запозичення з неєвропейських мов. Провідне місце в сучасному процесі запозичення належить англіцизмам (американізмам). Меншим є відсоток запозичень із романських, германських (без англійської) та слов'янських мов. Дуже рідко запозичується лексика з неєвропейських мов. Тематична класифікація іншомовних запозичень свідчить про суттєві зміни в житті російського суспільства.

Ключові слова: запозичення, новаційний, неологізм, інноват, синхронний, діахронний.

Gocho N. GOCHEV,

PhD in Philological Sciences, Professor of the Russian Language, Department of the Russian Language and Culture, St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Tarnovo; Veliko Tarnovo, Bulgaria;
e-mail: gochev_g@abv.bg; tel.: +359 62629518; моб.: +359 885 583 214

FOREIGN LANGUAGE NOVATIVE UNITS IN THE RUSSIAN VOCABULARY

Summary. The article examines the foreign language novative units in present-day Russian. These lexical units possess the characteristics of neologisms and modified innovations. In terms of the objective state of languages in time, the foreign language novative units are divided into synchronic and diachronic. The geographical area of the borrowings in contemporary Russian is remarkably wide — it encompasses more than twenty languages from Europe and Asia. On this basis, the borrowings can be divided into two major groups: borrowings from European and non-European languages. *Anglicisms* and/or *Americanisms* constitute the bulk of the borrowings. Other European languages involved in this process include the Romance, Germanic and Slavic languages. Borrowings from non-European languages include some words from Oriental and Middle-Eastern languages. Borrowings from other non-European languages are very rare. The thematic classification of borrowings from different languages provides evidence for the significant changes in the life of Russian society.

Key words: borrowings, novative, neologism, innovation, synchronic, diachronic.

Статтю отримано 22.03.2014 р.

КАДЫРОВА Ление Диляверовна,

аспирант кафедры русского, славянского и общего языкознания Таврического национального университета имени В. И. Вернадского; Симферополь, Украина;
e-mail: lenie_1989@inbox.ru; тел.: +38-095-559-88-29

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НЕОЗАИМСТВОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В исследовании рассмотрены деривационные модели сложных слов с заимствованным компонентом в современном русском языке. Образование сложных лексических инноваций происходит посредством сложения основ, междусловного и внутрисловного наложения. В статье выделены следующие функционально-деривационные модели образования сложных слов с заимствованными основами: «усечённая заимствованная основа / заимствованная основа + заимствованная основа»; «заимствованная основа + соединительная гласная -о- + заимствованная основа»; «заимствованная основа + (заимствованная основа + исконный суффикс)». В работе особое место занимают инновации-композицы с усечённым первым компонентом *авиа-, авто-, агит-, био-, евро-* и др. Одна из задач исследования предусматривает рассмотрение деривационных моделей с соединительной гласной -о-, являющейся признаком адаптации лексической инновации в русском языке. Проанализированы тематические группы наиболее активных заимствованных компонентов. В статье представлен также пласт лексики из сферы интернет-коммуникации с первыми компонентами *интернет-, вики-, веб-, медиа-*.

Ключевые слова: деривационная грамматика, неозаимствование, композит, деривационная модель.

Постановка проблемы. Изучение особенностей образования сложных слов является одним из актуальных вопросов в современных лингвистических работах. Наибольший интерес у исследователей вызывает анализ лексических единиц с заимствованным компонентом, что обусловлено особой характеристикой внутренней структуры подобных неологем. Лингвисты отмечают, что сложные неологизмы характеризуются семантической насыщенностью, поскольку образуются по закону экономии языковых средств. Одной из важных особенностей композитов является то, что они называют новые реалии без привлечения аффиктивных форм, при этом одним из компонентов сложных слов выступают неозаимствования (заимствованные основы). В последние десять лет неозаимствования были объектом исследования ряда учёных (Е. А. Карпиловской, Л. Ю. Касьяновой, Л. П. Кислюк, Н. Ф. Клименко, Л. П. Крысина, А. В. Петрова, Л. В. Рацибурской, В. И. Теркулова и др.), однако и сегодня остаётся ряд дискуссионных вопросов, требующих серьёзных размышлений и решений.

Появление неологизмов исследователи связывают с современными тенденциями в изменении языка. Л. Ю. Касьянова характеризует процесс появления сложных слов, связывая данное явление с интралингвистическими факторами: «Многие слова с такого рода компонентами обозначают понятия, в целом известные и ранее, однако передававшиеся описательно; лексические единицы с иноязычными компонентами в большинстве своём служат иллюстрациями использования в процессах неологизации русского языка интернационального лексического фонда» [4, с. 89]. Заимствованные основы, как правило, проходят в современном русском языке быструю адаптацию, «к тому же иноязычные компоненты сложений имеют свободную сочетаемость, поэтому соединяются с большим количеством слов» [4, с. 89].

По замечанию Е. В. Петрухиной, «в современной русистике и славистике остается дискуссионным вопрос о статусе единиц номинации типа *арт-проект, демпинг-стратегия, бизнес-система, кофе-пауза*. Во-первых, они рассматриваются как словосочетания с аналитическими прилагательными. Во-вторых, подобные единицы в русском, а также в других славянских языках трактуются как сложные слова» [12].

Описывая процесс семантизации компонента, который вышел из состава заимствованного слова, Е. В. Красильникова подчёркивает, что «активная роль заимствующего языка в отношении плана содержания будущей морфемы проявляется уже в отборе и усвоении слов определённого семантического круга. Однако затем должна произойти отчётливая парадигматизация ряда на некоторой семантической основе. На группу одноструктурных слов как бы накладывается сетка определённой семантической парадигмы. В сознании говорящих возникает ассоциативный ряд. Так как общие семантические элементы начинают связываться с повторяющимся формальным элементом, усиливается членимость этих слов» [5, с. 108].

Актуальность предлагаемой статьи определяется необходимостью изучения сложных единиц с заимствованным компонентом в текстах современных средств массовой информации. В последние десятилетия русский язык стремится к экономии языковых средств. Одним из последствий данного языкового закона является образование сложных слов в результате сложения основ, междусловного и внутрисловного наложения. При всем разнообразии исследований, посвященных изучению неологем, функционально-деривационные модели образования сложных слов не были предметом пристального изучения.

Цель исследования — проанализировать функционально-деривационные модели образования сложных слов с заимствованными основами в современном русском языке.

Данная цель предусматривает решение ряда задач:

1. Рассмотреть активные заимствованные компоненты сложных слов.
2. Выделить тематические группы сложных слов.
3. Описать модели образования сложных слов с заимствованными компонентами.
4. Прокомментировать деривационные модели с соединительными гласными.

В исследовании выделены следующие функционально-деривационные модели образования сложных слов с заимствованными основами: «усечённая заимствованная основа + заимствованная основа»; «заимствованная основа + заимствованная основа»; «заимствованная основа + соединительная гласная -о- + заимствованная основа»; «заимствованная основа + (заимствованная основа + исконный суффикс)».

В современном русском языке особое место занимают инновации-композицы с усечённым первым компонентом *авиа-, авто-, агит-, био-, евро-* и др. По мнению Н. С. Валгиной, «усечённые» слова активно распространяются в русском употреблении, скорее всего, по двум причинам: 1) они удовлетворяют внутренние потребности языка — стремление к экономии средств выражения; 2) под влиянием западных языков [2].

Данный тезис подтверждается практическим материалом. Анализ текстов масс-медийного дискурса позволил выявить инновации-композицы, образованные по деривационной модели «**усечённая заимствованная основа + заимствованная основа**».

В медиатекстах при образовании композицы активно используется усечённый компонент *евро-* (< англ., нем. Euro... < European — ‘европейский’, первая составная часть сложных слов, имеющая значение ‘европейский’; соответствующий стандарт, принятым в странах Европы’) [6, с. 191], раскрывающий деривационный потенциал в группах слов различной тематической соотнесённости:

1. **Политические отношения:** *евродепутат* ← *евро* + *депутат*; *еврозо́на* ← *евро* + *зо́на*; *евроистеблишмент* ← *евро* + *истеблишмент*; *евролобби* ← *евро* + *лобби*; *евролоббист* ← *евро* + *лоббист*; *евроинтеграция* ← *евро* + *интеграция*; *евромитинг* ← *евро* + *митинг*; *евроскандал* ← *евро* + *скандал*; *европарламент* ← *евро* + *парламент* и др.

2. **Экономические отношения и торговля:** *евровалюта* ← *евро* + *валюта*; *еврооблигация* ← *евро* + *облигация*; *евроэкономика* ← *евро* + *экономика*; *еврочек* ← *евро* + *чек* и др.

3. **Туризм:** *еврорегион* ← *евро* + *регион*; *евровояж* ← *евро* + *вояж*; *евротур* ← *евро* + *тур*; *евротурист* ← *евро* + *турист* и др.

4. **Музыка:** *евродиск* ← *евро* + *диск*; *еврохит* ← *евро* + *хит*; *еврошоу* ← *евро* + *шоу*; *евромюзика* ← *евро* + *музыка*; *еврорадио* ← *евро* + *радио* и др.

5. **Спорт:** *евростарт* ← *евро* + *старт*; *еврофиниш* ← *евро* + *финиш*; *еврофутбол* ← *евро* + *футбол*; *еврохоккей* ← *евро* + *хоккей*; *евробаскетбол* ← *евро* + *баскетбол* и др.

6. **Компьютерные технологии:** *евроинтернет* ← *евро* + *интернет*; *еврокомпьютер* ← *евро* + *компьютер*; *евромонитор* ← *евро* + *монитор*; *европлата* ← *евро* + *плата* и др.

7. **Название товаров широкого потребления, технических устройств:** *еврогриль* ← *евро* + *гриль*; *евротехника* ← *евро* + *техника*; *евробокс* ← *евро* + *бокс* (‘коробка, приспособление, устройство по европейским стандартам’); *еврокартон* ← *евро* + *картон* и др.

8. **Образование и наука:** *европрограмма* ← *евро* + *программа*; *евротест* ← *евро* + *тест*; *еврокурсы* ← *евро* + *курсы*; *еврокласс* ← *евро* + *класс*; *евролицей* ← *евро* + *лицей* и др.

9. **Мода:** *евромодель* ← *евро* + *модель*; *евромода* ← *евро* + *мода*; *евростиль* ← *евро* + *стиль*; *европальто* ← *евро* + *пальто*; *еврожилет* ← *евро* + *жилет* и др.

10. **Медицинское обслуживание:** *евромедик* ← *евро* + *медик*; *евромассаж* ← *евро* + *массаж*; *европоликлиника* ← *евро* + *поликлиника* и др.

11. **Строительство и дизайн:** *евромебель* ← *евро* + *мебель*; *еврокухня* ← *евро* + *кухня*; *евроблок* ← *евро* + *блок*; *евроквартира* ← *евро* + *квартира*; *евроремонт* ← *евро* + *ремонт*; *евросауна* ← *евро* + *сауна* и др.

12. **Транспорт и дорожные объекты:** *еврошоссе* ← *евро* + *шоссе*; *евробензин* ← *евро* + *бензин*; *евродизель* ← *евро* + *дизель*; *евроавтобус* ← *евро* + *автобус*; *евротрамвай* ← *евро* + *трамвай*; *евромотор* ← *евро* + *мотор*; *европарковка* ← *евро* + *парковка* и др.

Инновации-композицы нередко связаны с выражением оценки. По мнению Л. Е. Бессоновой, в последние пять лет происходит взаимодействие языковых единиц, входящих в сферу политической коммуникации, с новым событийно-информативным полем «Евросоюз», при котором производные единицы с коммуникативно значимым компонентом *евро-* открывают новые смыслы в текстовом пространстве. Данный факт позволяет адресату ориентироваться в прагматических установках автора текста [2, с. 387]. Е. А. Карпиловская отмечает, что чрезмерная активность приводит к появлению негативно окрашенных номинаций, об этом свидетельствуют такие окказиональные экспрессивно-оценочные новообразования: *евроскандал*, *евролюб*, *еврознаменитость* и др. [3, с. 135].

В массмедийных текстах частотными являются неозаимствования, в состав которых входит усечённый адектив *авиационный* (*авиация* — фр. aviation < лат. avis — ‘птица’) [6, с. 28]. Усечение данного адектива приводит к появлению компонента *авиа-*, соответствующего по значению: ‘1) слову *авиационный*; 2) слову *воздушный*’ [8]. При образовании композицы продуктивнее в текстовых реализациях первое значение — ‘авиационный’: *авиабренд* ← *авиа* + *бренд*; *авиафорум* ← *авиа* + *форум* и др.: *В Украину прилетит новый авиабренд..* (заголовок, Бизнес Вести, 28.11.2013); *Рогозин поедет в Ульяновск на авиафорум и поиски «базы НАТО»* (заголовок, РИА Новости, 23.08.2012).

При образовании композитов активна функционально-деривационная модель «**займствованная основа + займствованная основа**». Частотными среди первых компонентов сложных слов выступают основы *арт-, веб-, медиа-, интернет-* и др.

Грамматическая адаптация компонента **арт-** (англ. art — ‘искусство’) характеризуется закреплённостью дефисного написания при образовании композитов (ранее этот факт был отмечен Е. В. Петрухиной). Чаще всего в массмедийных текстах компонент **арт-** фиксируется как первая часть сложных слов со значением ‘художественный, относящийся к искусству’, однако анализируемый компонент встречается и в постпозиции: *боди-арт, данц-арт, дизайн-арт, модерн-арт, поп-арт, соц-арт, тех-арт, топ-арт, фото-арт* и др. Ю. В. Романюк группирует композиты, образованные от компонента **арт-**, по присущим им категориальным словообразовательным значениям: лицо (*арт-заказчик, арт-менеджер*); опредмеченное действие, деятельность, процесс, состояние и его последствие (*арт-событие, арт-шоу*); место (*арт-галерея, арт-колледж*); результат действия (*арт-объект*) [13, с. 229].

Анализ практического материала позволил распределить неозаимствования с препозитивным компонентом **арт-** согласно предложенной исследователем классификации:

1. ‘лицо’: *арт-диктатор* ← *арт* + *диктатор*; *арт-директор* ← *арт* + *директор*; *арт-дуэт* ← *арт* + *дуэт*; *арт-журналист* ← *арт* + *журналист*; *арт-звезда* ← *арт* + *звезда*; *арт-критик* ← *арт* + *критик*; *арт-менеджер* ← *арт* + *менеджер* и др.;

2. ‘место’: *арт-галерея* ← *арт* + *галерея*; *арт-кафе* ← *арт* + *кафе*; *арт-кино* ← *арт* + *кино*; *арт-клуб* ← *арт* + *клуб*; *арт-колледж* ← *арт* + *колледж*; *арт-лицей* ← *арт* + *лицей*; *арт-рынок* ← *арт* + *рынок*; *арт-столица* ← *арт* + *столица*; *арт-студия* ← *арт* + *студия*; *арт-сцена* ← *арт* + *сцена*; *арт-театр* ← *арт* + *театр*; *арт-центр* ← *арт* + *центр* и др.;

3. ‘предметы, действия, деятельность, состояние, связанные с искусством и творческим процессом’: *арт-гламур* ← *арт* + *гламур*; *арт-каталог* ← *арт* + *каталог*; *арт-фильм* ← *арт* + *фильм*; *арт-фотография* ← *арт* + *фотография*; *арт-хит* ← *арт* + *хит*; *арт-инсталляция* ← *арт* + *инсталляция*; *арт-истеблишмент* ← *арт* + *истеблишмент*; *арт-экспозиция* ← *арт* + *экспозиция*; *арт-туризм* ← *арт* + *туризм*; *арт-терапия* ← *арт* + *терапия* (терапия творчеством) и др.;

4. ‘результат действия’: *арт-карьера* ← *арт* + *карьера*; *арт-бизнес* ← *арт* + *бизнес* и др.

Обзор текстов СМИ позволил сделать вывод, что при образовании инноваций-композигов активно используется компонент **-терапия** (греч. *θεραπεία* [therapeia] — ‘лечение, оздоровление’) (данный компонент подробно описан в исследованиях А. В. Петрова) [10]. Рассмотрим следующие модели:

1) трёхосновная модель «**займствованная основа + соединительная гласная -о- + займствованная основа + соединительная гласная -о- + займствованная основа -терапия**»: *иглорефлексотерапия*;

2) двухосновная модель «**займствованная основа + соединительная гласная -о- + займствованная основа -терапия**»: *анималотерапия* (‘вид терапии, использующий животных и их образы для оказания психотерапевтической помощи’); *дельфинотерапия* (‘метод психотерапии, согласно которому в центре психотерапевтического процесса лежит общение человека и дельфина’); 3) двухосновная модель «**займствованная основа + займствованная основа -терапия**»:

арт-терапия (терапия творчеством), *стоун-терапия* (лечение камнями), *фауна-терапия* (‘терапия, построенная на принципах единства человека и мира’), *фитнес-терапия* (лечение посредством фитнеса); *кинотерапия* (‘оздоровление посредством просмотра фильма’) и др. Приведём примеры: *Арт-терапия не требует особых навыков — в ней используется техника спонтанного рисунка, с ее помощью человек способен осознать свои переживания, научиться доверять себе и давать свободу своим действиям* («Корреспондент.net», 2.07.2008); *В кризисном центре для женщин стартуют сеансы кинотерапии...* («1К», 18.10.2012) и др.

В связи с развитием Интернет-коммуникации в современном русском языке появился пласт лексики, характеризующий данное языковое и культурное пространство. Лексема **интернет** по праву считается социальным значимым словом эпохи, что объясняет высокую продуктивность композигов с данным элементом: *интернет-агентство* ← *интернет* + *агентство*; *интернет-адрес* ← *интернет* + *адрес*; *интернет-аудитория* ← *интернет* + *аудитория*; *интернет-аукцион* ← *интернет* + *аукцион*; *интернет-банкинг* ← *интернет* + *банкинг*; *интернет-библиотека* ← *интернет* + *библиотека*; *интернет-бизнес* ← *интернет* + *бизнес*; *интернет-браузер* ← *интернет* + *браузер*; *интернет-версия* ← *интернет* + *версия*; *интернет-газета* ← *интернет* + *газета*; *интернет-журнал* ← *интернет* + *журнал*; *интернет-карта* ← *интернет* + *карта*; *интернет-класс* ← *интернет* + *класс*; *интернет-сёрфер* ← *интернет* + *сёрфер*; *интернет-сёрфинг* ← *интернет* + *сёрфинг* и др. При образовании композигов с займствованной основой *интернет* зафиксированы единицы, созданные по деривационной модели с соединительной гласной -о- (модель «**займствованная основа + соединительная гласная -о- + займствованная основа**»): *интернетомания* ← *интернет* + *-о-* + *мания*; *интернетометр* ← *интернет* + *-о-* + *метр*.

С появлением интернета продуктивным стал также компонент **веб-** (<англ. web- сокр. словосочетания World Wide Web — Всемирная паутина (об Интернете)) [6, с. 109], который участвует в образовании следующих композигов: *веб-адрес* ← *веб* + *адрес*; *веб-архив* ← *веб* + *архив*; *веб-бригада* ← *веб* + *бригада*; *веб-девелопмент* ← *веб* + *девелопмент*; *веб-документ* ← *веб* + *документ*; *веб-журналистика* ← *веб* + *журналистика*; *веб-занятия* ← *веб* + *занятия*; *веб-интеграция* ← *веб* + *интеграция*; *веб-интерфейс* ← *веб* + *интерфейс* (совокупность средств, при помощи которых пользователь взаимодействует с веб-сайтом или любым другим приложением через браузер); *веб-картография* ← *веб* + *картография*; *веб-мейл* ← *веб* + *мейл*; *веб-паук* ← *веб* + *паук*; *веб-планишет*

← *веб* + *планишет*; *веб-портал* ← *веб* + *портал*; *веб-программирование* ← *веб* + *программирование* (раздел программирования, ориентированный на разработку веб-приложений); *веб-прокси* ← *веб* + *прокси* (англ. *proxy* — ‘представитель, уполномоченный’); *веб-радио* ← *веб* + *радио*; *веб-сайт* ← *веб* + *сайт*; *веб-сервер* ← *веб* + *сервер*; *веб-сервис* ← *веб* + *сервис*; *веб-сериал* ← *веб* + *сериал*; *веб-серфер* ← *веб* + *серфер*; *веб-серфинг* ← *веб* + *серфинг*; *веб-служба* ← *веб* + *служба*; *веб-спам* ← *веб* + *спам*; *веб-студия* ← *веб* + *студия*; *веб-телевидение* ← *веб* + *телевидение*; *веб-терапия* ← *веб* + *терапия*; *веб-форум* ← *веб* + *форум* (класс веб-приложений для организации общения посетителей веб-сайта); *веб-фреймворк* ← *веб* + *фреймворк* (англ. *framework* — ‘каркас, структура’ — ‘структура программной системы; программное обеспечение, облегчающее разработку и объединение разных компонентов большого программного проекта’); *веб-хостинг* ← *веб* + *хостинг*; *веб-цвета* ← *веб* + *цвета*; *веб-чат* ← *веб* + *чат*; *веб-шаблон* ← *веб* + *шаблон*; *веб-юзабилити* ← *веб* + *юзабилити* (англ. *usability* — дословно ‘возможность использования’, ‘способность быть использованным’, ‘полезность’) и др.

Одной из продуктивных моделей с компонентом *веб-* является модель со значением ‘лица’ (второй компонент обозначает лицо, первый — конкретизирует сферу его деятельности): *веб-дизайнер* ← *веб* + *дизайнер*; *веб-мастер* ← *веб* + *мастер* (встречается также вариант *вебмастер*); *веб-разработчик* ← *веб* + *разработчик*; *веб-программист* ← *веб* + *программист*; *веб-сёрфер* ← *веб* + *сёрфер*; *веб-специалист* ← *веб* + *специалист*; *веб-дизайнер* ← *веб* + *дизайнер*.

Компонент **ВИКИ-** стал составной частью множества новых единиц в Интернет-пространстве. Впервые этот термин для описания веб-сайта был использован в 1995 году Уордом Каннингемом, разработчиком первой вики-системы WikiWikiWeb, «Портлендского хранилища образцов» программного кода, созданной 25 марта 1995 года, который заимствовал слово гавайского языка, означающее «быстрый». Н. Б. Мечковская, анализируя информационные технологии и их воздействие на языки и общение, раскрывает суть понятия «вики»: «интернет-издательский комплекс программ («движок» контента), которые позволяют из сбивчивых текстов, отрывочных справок, информационного сырья и прочих полуфабрикатов делать логически стройные сайты, связанные страницы блогов или вполне приемлемые энциклопедические статьи» [9, с. 451]. Контаминированные образования с компонентом вики-: *википедия* ← *вики* + *энциклопедия* («Википедия» — ‘свободная энциклопедия, которую может редактировать каждый’); *мамapedия* ← *мама* + *энциклопедия* (именования сайта будущих и молодых мам); *викиальность* ← *вики* + *реальность*. В результате сложения образованы композиты: *викицитатник* ← *вики* + *цитатник*; *викиучебник* ← *вики* + *учебник*; *викигид* ← *вики* + *гид*; *викисклад* ← *вики* + *склад*; *викиданные* ← *вики* + *данные*; *викивид* ← *вики* + *вид*; *викиновости* ← *вики* + *новости*; *викимедиа* ← *вики* + *медиа* и др.

В исследовании зафиксированы композиты с компонентом *медиа-* (при образовании сложных слов используется дефисное написание и слитное): *медиа-байер* ← *медиа* + *байер*; *медиа-баинг* ← *медиа* + *баинг*; *медиа-брокер* ← *медиа* + *брокер*; *медиа-селлер* ← *медиа* + *селлер*; *медиахолдинг* ← *медиа* + *холдинг*; *медиа-менеджер* ← *медиа* + *менеджер*; *медиамаркет* ← *медиа* + *маркет*; *медиамагнат* ← *медиа* + *магнат* и др. С компонентом *медиа-* образована более сложная единица, созданная по функционально-деривационной модели «заимствованная основа + (заимствованная основа + исконный суффикс -ств(о))»: *медиамагнатство* ← *медиа* + *магнатство*; *медиапартнёрство* ← *медиа* + *партнёрство*. Приведём пример: ООО «Медиа Группа Украина» — *медиа-холдинг*, который объединяет национальный телеканал общего интереса «Украина», телеканал «НЛО TV», тематические каналы «Футбол 1» и «Футбол 2», «Региональную Медиа Группу» (каналы «Донбасс», «34», «Сигма», «Сфера»), *сейлз-хаус* «Медиапартнёрство»... (МедиаБизнес, 08.08.2014). Анализируя неолоксемс с компонентом *медиа-* в современном русском языке, Н. А. Рябцева отмечает, что «*медиа* как часть сложных слов обладает более широкой семантикой, обозначая, во-первых, СМИ (пресса, радио и телевидение, кино и так далее); во-вторых, компьютерные продукты, то есть компьютерные способы передачи информации (видео, аудио, анимация, текст и так далее); в-третьих, вид искусства» [14, с. 121].

В текстовых реализациях при образовании сложных слов продуктивным может быть и второй компонент композита. Среди таких компонентов сложных слов выступают основы: *-дром*, *-визор*, *-мобиль*, *-мания* и др. Так, проанализировав сочетаемость компонента *-мейкер* с заимствованными и исконными основами в современном русском языке, Е. В. Петрухина отмечает, что «словосочетания приобретают характер композитов, а лексема из английского словосочетания по семантике сближается с аффиксами и аффиксоидами со значением деятеля (ср.: *сушист*, *шоумен*). Появление производных с русскими корнями и элементом *-мейкер* поддерживает его статус как словообразовательного форманта, который занимает промежуточное положение между радикасоидом и суффиксоидом (хотя по функции ближе к суффиксоиду)» [12]. Нами были зафиксированы инновации-композиты: *вирмейкер* ← *вирус* + *мейкер* (программист, пишущий вирусы); *бренд-мейкер* ← *бренд* + *мейкер*; *имиджмейкер* ← *имидж* + *мейкер*; *клип-мейкер* (*клипмейкер*) ← *клип* + *мейкер* и др. В перечисленных композитах деятелем выступает человек, но в текстовых реализациях зафиксированы сложные слова, в которых производителем действия является неодушевленное лицо, например, *климат-мейкер* ← *климат* + *мейкер*, *файл-мейкер* ← *файл* + *мейкер*.

Выводы. Изучение особенностей образования сложных слов является одним из актуальных вопросов в современных лингвистических работах. Следует отметить активное образование лексических инноваций посредством сложения основ, междусловного и внутрисловного наложения. В исследовании выделены следующие функционально-деривационные модели образования сложных слов с заимство-

ванными основами: «усечённая заимствованная основа / заимствованная основа + заимствованная основа»; «заимствованная основа + соединительная гласная -о- + заимствованная основа»; «заимствованная основа + (заимствованная основа + исконный суффикс)». При образовании композитов с помощью сложения основ наблюдаем появление соединительной гласной -о-, являющейся признаком адаптации лексики инновации в современном русском языке. Активными при образовании композитов являются компоненты, связанные с Интернет-коммуникацией: *интернет-, вики-, веб-, медиа-*.

Литература

1. Бессонова Л. Е. Новое слово в деривационных и текстовых реализациях: семантико-прагматический аспект / Л. Е. Бессонова // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. — 2012. — Т. 25 (64), № 4, ч. 2. — С. 385–393.
2. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособие / Н. С. Валгина. — М.: Логос, 2003. — 304 с.
3. Карпилівська Г. А. Образ держави у мові відкритого суспільства: новомова чи мова нового мислення? / Г. А. Карпилівська // Мова та культура у новій Європі: контакти і самобутність: зб. наук. доп. — К.: ВД Дм. Бураго, 2009. — 672 с.
4. Касьянова Л. Ю. Сложение как продуктивное средство неологизации в русском языке конца XX — начала XXI в. / Л. Ю. Касьянова // Гуманитарные исследования. — 2012. — № 2 (42). — С. 87–92.
5. Красильникова Е. В. Об освоении иноязычных морфем системой русского словообразования — на примере морфемы *-дром* / Е. В. Красильникова // Актуальные проблемы русского словообразования. — Самарканд, 1972. — Ч. 1. — С. 102–113.
6. Крысин Л. П. Учебный словарь иностранных слов / Л. П. Крысин. — М.: Эскмо, 2010. — 704 с.
7. Маринова Е. В. Современное состояние проблемы «свое vs. чужое» в отечественной лексикологии / Е. В. Маринова // Научный диалог. — 2012. — Вып. № 8: Филология. — С. 50–70.
8. Словарь русского языка. В 4 т. Т. 1 / [ред. А. П. Евгеньева]. — М.: Рус. яз, 1999. — 702 с.
9. Мечковская Н. Б. История языка и история коммуникации: от клинописи до Интернета: курс лекций по общему языкознанию / Н. Б. Мечковская. — М.: Флинта: Наука, 2009. — 584 с.
10. Петров А. В. Гнезда сложных слов с функционально соотносительными компонентами *-лечить* и *-терапия* / А. В. Петров // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия. Филология. — Симферополь, 2006. — Т. 19 (58), № 4. — С. 145–152.
11. Петров А. В. Продуктивность заимствованных основ в составе сложных слов русского языка / А. В. Петров // Стил. — Белград, 2010. — № 9. — С. 409–421.
12. Петрухина Е. В. Новые явления в русском словообразовании [Электронный ресурс] / Е. В. Петрухина. — Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/philology/45939.php>. Проверено: 10.08.2014.
13. Романюк Ю. В. Словотворчий потенціал нових засобів номінації у сучасній українській мові / Ю. В. Романюк // Мова та культура у новій Європі: контакти і самобутність: зб. наук. доп. — К.: ВД Дм. Бураго, 2009. — С. 226–233.
14. Рябцева Н. А. Неолоксемы с компонентом медиа в современном русском языке (по данным лексикографических источников) / Н. А. Рябцева // Вестник Челябинского государственного университета. — 2013. — № 1 (292): Филология. Искусствоведение. — Вып. 73. — С. 119–126.
15. Теркулов В. И. Номинатема: опыт определения и описания / В. И. Теркулов; [науч. ред. М. В. Пименова]. — Горловка: ГПШІЯ, 2010. — 306 с.

References

1. Bessonova L. E. Novoe slovo v derivacionnykh i tekstovykh realizacijakh: semantiko-pragmaticeskij aspekt / L. E. Bessonova // Tavriceskogo nacionalnogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. — 2012. — T. 25 (64), № 4, ch. 2. — S. 385–393.
2. Valgina N. S. Aktivnye processy v sovremennom russkom yazyke: ucheb. posobie / N. S. Valgina. — M.: Logos: 2003. — 304 s.
3. Karpilovska Ye. A. Obraz derjav u movi vidkritogo suspilstva: novomova chi mova novogo mislennya / Ye. A. Karpilovska // Mova ta kultura u novii Ievropi: kontakti i samobutnist: zb. nauk. dop. — K.: ID Dm. Burago, 2009. — 672 s.
4. Kasjanova L. Yu. Slojenie kak produktivnoe sredstvo neologizacii v russkom yazyke konca XX — nachala XXI v. / L. Yu. Kasjanova // Gumanitarnye issledovaniya. — 2012. — № 2 (42). — S. 87–92.
5. Krasilnikova E. V. Ob osvoenii inoyazichnih morfem sistemoi russkogo slovoobrazovaniya: na primere morfemi *-drom*, / E. V. Krasilnikova // Aktualnie problemi russkogo slovoobrazovaniya. — Samarkand, 1972. — Ch. 1. — S. 102–113.
6. Krisin L. P. Uchebnyj slovar inostrannih slov / L. P. Krisin. — M.: Eskmo, 2010. — 704 s.
7. Marinova E. V. Sovremennoe sostoyanie problemi «svoe vs. chujoe» v otechestvennoj leksikologii / E. V. Marina // Nauchnyi dialog. — 2012. — Vyp. № 8 Filologiya. — S. 50–70.
8. Slovar russkogo yazika. V 4 t. T. 1 / [pod red. A. P. Evgenevoi]. — M.: Rus. yaz., 1999. — 702 s.
9. Mechkovskaya N. B. Istoriya yazika i istoriya kommunikacii: ot klinopisi do Interneta: kurs lekci po obshchemu yazikoznaniyu / N. B. Mechkovskaya. — M.: Flinta: Nauka, 2009. — 584 s.
10. Petrov A. V. Gnezda slojnih slov s funkcionalno sootnositel'nimi komponentami *-lechit* i *-terapiya* / A. V. Petrov // Uche-nie zapiski Tavriceskogo nacionalnogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. — T. 19 (58), № 4. Seriya. Filologiya. — Simferopol, 2006. — S. 145–152.
11. Petrov A. V. Produktivnost zaimstvovannih osnov v sostave slojnih slov russkogo yazika / A. V. Petrov // Stil. — Belgrad, 2010. — № 9. — S. 409–421.
12. Petruhina E. V. Novie yavleniya v russkom slovoobrazovanii [Elektronni resurs] / E. V. Petruhina. — Rejim dostupa: <http://www.portal-slovo.ru/philology/45939.php>. Provereno — 10.08.2014.
13. Romanyuk Yu. V. Slovtvorchii potencial novih zasobiv nominacii u suchasni ukrainskii movi / Yu. V. Romanyuk // Mova ta kultura u novii Evropi: kontakti i samobutnist: zb. nauk. dop. — K.: VD Dm. Burago, 2009. — S. 226–233.
14. Ryabceva N. A. Neoleksemi s komponentom media v sovremennom russkom yazyke (po danm leksikograficheskikh istochnikov) / N. A. Ryabceva // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2013. — № 1 (292). Filologiya. Iskusstvovedenie. Vip. 73. — S. 119–126.
15. Terkulov V. I. Nominatema: opit opredeleniya i opisaniya / V. I. Terkulov; [nauch. red. M. V. Pimenova]. — Gorlovka: GPPHYa, 2010. — 306 s.

КАДИРОВА Леніє Діляверівна,

аспірант кафедри російського, слов'янського і загального мовознавства Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського; Сімферополь, Україна;
e-mail: lenie_1989@inbox.ru; тел.: +38-095-559-88-29

СЛОВОТВОРЧИЙ ПОТЕНЦІАЛ НЕОЗАПОЗИЧЕННЯ В СУЧАСНІЙ РОСІЙСЬКІЙ МОВІ

Анотація. У дослідженні розглянуто дериваційні моделі складних слів із запозиченим компонентом у сучасній російській мові. Утворення складних лексичних інновацій відбувається за допомогою складання основ, міжслівного та внутрішньослівного накладення. У статті виділено такі моделі функціонально-дериваційної побудови складних слів із запозиченими основами: «усічена запозичена основа / запозичена основа + запозичена основа»; «запозичена основа + сполучна голосна -о- + запозичена основа»; «запозичена основа + (запозичена основа + одвічний суфікс)». У роботі особливе значення мають інновації-композиції з усіченим першим компонентом *авиа-, авто-, агит-, био-, евро-* та ін. Одне із завдань дослідження передбачає розгляд дериваційних моделей із сполучною голосною -о-, що є ознакою адаптації лексичної інновації в російській мові. Проаналізовано тематичні групи найбільш активних запозичених компонентів. У статті представлено шар лексики сфери інтернет-комунікації з першими компонентами *интернет-, вики-, веб-, медиа-*.

Ключові слова: дериваційна граматика, неозапозичення, композит, дериваційні моделі.

Leniye D. KADYROVA,

The postgraduate of the Department of Russian, Slavic and General Linguistics of Taurida National V. I. Vernadsky University; Simferopol, Ukraine;
e-mail: lenie_1989@inbox.ru; tel.: +38-095-559-88-29

THE WORD-FORMATION POTENTIAL OF BORROWING IN MODERN RUSSIAN LANGUAGE

Summary. In the research the author considers diversion models of compound words with the borrowed component. The formation of compound lexical innovations takes place by means of combination of word stems and impositions. The author distinguished the following functionally-derivation models of compound words formation with the borrowed word stems: «the truncated borrowed basis / the borrowed basis + the borrowed basis»; «the borrowed basis + connecting vowel -o- + the borrowed basis»; «the borrowed basis + (the borrowed basis + the original suffix)». The special place in the article is occupied by innovations-compos with the truncated first component *авиа-, авто-, агит-, био-, евро-* and others. The research envisages derivation models with the connecting vowel -o- being a sign of adaptation of lexical innovation in the Russian language. The thematic groups of the most active borrowed components are analysed. The layer of the vocabulary related to Internet-communication is presented: *интернет-, вики-, веб-, медиа-*.

Key words: derivational grammar, new loanword, compound words, derivational models.

Статтю отримано 27.02.2014 р.

УДК [811.161.1+811.111]’373

НЕВОЙТ Валентина Ивановна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри російського і українського мовознавства Інститута філології Київського національного університету імені Тараса Шевченка;
Київ, Україна;
e-mail: valnev@ukr.net; тел.: +38(044) 5120839; моб.: +38-067-4446163

СЕМАНТИКА ЛЕКСИЧЕСКИХ ЭКВИВАЛЕНТОВ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Аннотация. Статья посвящена сопоставительному исследованию семантики эквивалентных слов генетически неродственных языков. Объектом анализа данной статьи стали русское слово *звезда* и английское *star*. Совпадение семантики эквивалентных слов — это закономерное явление, поскольку они обозначают одно и то же лексическое понятие. Однако это совпадение никогда не бывает полным. Особенностью рассмотренных в статье лексических единиц является достаточно значительная степень совпадения. Слова *звезда* и *star* являются ярким примером ментального и языкового единства различных национально-культурных социумов. Это единство находит отражение не только в идентичности денотативного значения данных лексем, но и в аналогичности их семантических структур в целом, в совпадении значительных фрагментов содержательной стороны рассмотренных лексем, в наличии у обоих слов переносных лексико-семантических вариантов, что позволяет говорить об эквивалентности даже на уровне образного мышления. Одинаковым для разных этносов оказалось, в частности, восприятие звезды как «судьбы, рока, участи человека». Не менее примечательным является и то, что в обоих языках слова *звезда* и *star* обозначают «чем-то прославившегося человека, яркую личность». Различия же представлены конкретными реализациями этих лексико-семантических вариантов, их реферативной отнесенностью и активностью употреблений. Эти интерпретации детерминированы конкретными условиями и обстоятельствами жизни отдельного социума, его историей и культурой.

Ключевые слова: сопоставительная лексикология, лексические эквиваленты, семантика слова, национально-культурный компонент

Сопоставительное изучение языков — одна из самых привлекательных областей современной лингвистики. Изучение же словарного состава языков в сопоставительном аспекте имеет особое значение не только для языкознания, но и для культурологии, истории, этнографии, психологии. Анализ лексических единиц и их значений, в первую очередь, способствует познанию национальных языковых

картин мира и особенностей восприятия мира различными языковыми социумами. Важным является сопоставительное изучение как лексических систем в целом, различных групп слов, так и отдельных единиц этих систем. Особый интерес вызывают так называемые эквиваленты, то есть слова, «лексические понятия которых являются межъязыковыми» [2, с. 56]. Интерес к подобным единицам вызван тем, что анализ семантических структур слов, соотносительных с точки зрения их перевода, помогает чётче очертить универсальные семантические доли и национально-культурную специфику, то есть определить степень семантической адекватности эквивалентов, что является важным для решения задач межкультурной коммуникации, а также для построения семантической типологии.

Само понятие эквивалентности, как уже говорилось выше, предполагает семантическую идентичность. В дополнение к уже приведённому выше определению эквивалентных слов, напомним, что сам термин *эквивалентность* предполагает равнозначность. В то же время, стало уже аксиомой положение о том, что «вряд ли можно найти даже два одинаковых слова в каких-либо языках» [3, с. 76].

Задача данной статьи состоит в том, чтобы выявить и описать совпадающие и несовпадающие сегменты семантики эквивалентных слов *звезда* и *star*, относящихся к основному лексическому составу генетически неродственных языков (соответственно, русского и английского).

Безусловно, говоря об эквивалентности слов, в первую очередь, подразумевают идентичность их прямого номинативного значения, максимально совпадающего с лексическим понятием. И русское слово *звезда*, и английское слово *star* являются наименованиями одного и того же денотата — «небесного тела, видимого как светящаяся точка» [4, т. 4, с. 1133–1137; 6]. Этот факт свидетельствует об одинаковом членении действительности двумя разными ментально-языковыми социумами.

Сходство семантики указанных слов этим не исчерпывается. Анализ семантической структуры наименований *звезда* и *star*, контекстов их употребления указывает на то, что национальное сознание двух разных народов отметило абсолютно одинаковые характерные черты соответствующего объекта действительности. Одна из этих черт — способность излучать свет (светиться, сверкать). Кроме того, в обеих национально-ментальных картинах совпало представление о видимой форме данного «предмета» как о фигуре с остроконечными выступами. Такое одинаковое видение небесного тела, именуемого *звездой* / *star* разными национально-ментальными социумами, очевидно, можно объяснить, с одной стороны, яркостью, важностью и значимостью самих этих характеристик тела, а с другой, — единством природы и способов её отражения человеческим сознанием.

Указанные признаки денотата сыграли важную роль в семантическом развитии их вербальных обозначений. Они стали ассоциативной базой для вторичных номинаций, для различного рода семантических интерпретаций, приведших к появлению у данных слов переносных значений и употреблений. Обычно у эквивалентных слов разных языков именно эти интерпретации являются национально маркированными, не совпадающими в картинах мира разных социумов. Однако в отношении слов *звезда* и *star* дело обстоит совсем наоборот. Они обнаруживают значительную степень схождения даже на уровне переносных значений и других семантических модификаций.

В первую очередь, бросается в глаза то, что одинаковым оказалось восприятие звезды как «судьбы, рока, участи человека», основанное, очевидно, на вере людей в то, что небесные тела влияют на жизнь человека, на его личность, на возможность или невозможность быть успешным и счастливым и наоборот. Отсюда и аналогичные фразы *to be born under a lucky (under an evil) star* [1, т. 2, с. 533] и *родиться под счастливой (несчастливой) звездой* [4, т. 4, с. 1137]. Особым переносным смыслом наполнилась и фраза *чья-либо звезда восходит / взошла* или *заходит / зашла*, когда говорят о «начале осуществления удачной карьеры» [4, т. 4, с. 1137]. Сравните аналогичные английские высказывания: *His star is in the ascendant*, то есть «он идёт в гору», а также *Star had set apparently not to rise again*, что означает «Звезда зашла, чтобы уже больше никогда не взойти» [6].

Не менее примечательным является и то, что в обоих языках слова *звезда* и *star* обозначают «чем-то прославившегося человека, яркую личность». Обоим языкам известны словосочетания *звезда кино*, *звезда шоу-бизнеса*, *звезда эстрады* и другие, ставшие особо активно употребляемыми в последнее время. Общим для слов двух языков оказалось даже такое значение, как «светлое пятно на лбу у животных». [4, т. 4, с. 1137; 1, т. 2, с. 533].

Достаточно много совпадений обнаруживается и в том сегменте семантики слов *звезда* и *star* в обоих языках, который мотивирован представлением о форме соответствующего небесного тела. Примером может служить название морского животного, имеющего очень характерную форму (в русском языке это *морская звезда*, а в английском — *star-fish*), а также название драгоценного камня *звездовик* и *star-stone* — «округло-огранённый сапфир или рубин с играющей на поверхности звёздочкой жемчужного отлива, высоко ценимый в ювелирном деле». [4, т. 4, с. 1137; 1, т. 2, с. 533].

Ещё одна область семантического совпадения рассматриваемых лексем связана с тем, что для культур обоих социумов характерны специальные предметы (значки или бейджики) остроконечной формы, которые используются как знаки различия и отличия. В результате метафорического переноса, имевшего место в обоих языках, они получили название *звезда* / *star*. Отметим, что звёзды на погонах — это атрибут формы служащих не только англо- или русскоязычных государств, но других стран мира. Ордена и медали также во многих странах делаются в виде звезды. Этот факт сам по себе является достаточно красноречивым с точки зрения поисков единства мира и отражения его в сознании различных социумов.

Принимая во внимание всё вышесказанное, можно констатировать, что ядро семантики слов *звезда* и *star*, главные их лексико-семантические варианты совпадают, что содержание указанных лексем обнаруживает почти восьмидесятипроцентную степень идентичности. Является ли это резуль-

татом одинаковой направленности мысли или результатом глобализации, ещё предстоит ответить учёным.

Однако слова *звезда* и *star* в полном объёме их семантики не являются абсолютно эквивалентными. Если совпадение проявляется на уровне структурирования их содержания, если эквивалентными оказываются также их основные лексико-семантические варианты, то различия представлены конкретными реализациями этих в основном совпадающих лексико-семантических вариантов. Такие интерпретации обусловлены конкретными условиями и обстоятельствами жизни отдельного социума, его историей и культурой. Обратимся к фактам.

Как уже говорилось выше, культурам обоих народов известны специальные знаки отличия в виде остроконечных фигур, названных звёздами. Однако для русского и английского ментально-языкового пространства представления о подобных знаках и сферах их использования кардинально различаются и по-разному коннотируют. Трудно переоценить культурно-историческую значимость для русской ментальности таких ярких реалий советского периода, как *пятиконечная звезда*, которая в советское время служила эмблемой единства интересов трудящихся всего мира; как *красноармейская звезда* — воинский значок в виде пятиконечной звезды, носимый на фуражке или на шапке, указывавший на принадлежность военного человека к Красной (позднее — Советской) Армии; как *октябрятская звёздочка* — знак принадлежности школьников младших классов к детской организации октябрят, будущих пионеров. С другой стороны, такое понятие, как *звезда шерифа* — это реалия сугубо американского бытия.

Русское представление о звезде как виде награды вербализуется при помощи таких словосочетаний, как *Андреевская звезда*, *Станиславская звезда*, *Золотая звезда героя*, *орден «Красная звезда»*, которые совершенно чужды и незнакомы английскому культурно-языковому социуму, хотя подобные звездообразные знаки и тут также используются как государственные награды.

В то же время, в англоязычной ментально-языковой среде есть свои национальные символы, не менее значимые, чем упомянутые выше русские понятия. Достаточно вспомнить словосочетание *Stars and Stripes* — государственный флаг США и *the Stars-Spangled Banner*, то есть «Звёздное знамя (государственный флаг и гимн США)» [1, т. 2, с. 533].

Ярчайшим примером фиксации в языке специфического национально-культурного феномена является наименование *Star-chamber*, которое буквально переводится как «Звёздная палата» — высший административно-судебный трибунал в Англии, учреждённый в 1488 г. Генрихом VII в качестве комитета королевского Тайного совета, предназначенный первоначально для водворения порядка в стране и обуздания вельмож. Своё название, как считается, комитет получил от украшенного звёздами потолка зала, в котором происходили его заседания. В настоящее время название *Star-chamber* превратилось в идиому и используется преимущественно в переносном значении «тайный, несправедливый суд» [1, т. 2, с. 533].

Если говорить о лексико-семантическом варианте «чем-то выдающийся человек», то невозможно не заметить, что в английском культурно-языковом пространстве значительную долю этого варианта покрывают разнообразные выражения, отражающие жизнь театра и кино. Ср: *stardom* — собирательное название звёзд в театре или кино, а также «ведущее положение в театре», *star performance* — «представление с участием знаменитостей», *star-system* — театральный термин «система звёзд, премьерство», *to star in the provinces* — «гастролировать в провинции, играя главные роли» [1, т. 2, с. 533] и многое другое. Такая детальная вербализация данной сферы жизни общества свидетельствует о том, что и в ментальности данного социума указанный лексико-семантический вариант *star* в первую очередь ассоциируется с данным видом искусства.

В русской языковой картине мира не наблюдается такого крена в употреблении данного лексико-семантического варианта *звезда*. Главными сферами его использования являются литературная деятельность и эстрадно-кино-театральная жизнь. Однако сегодня рассматриваемый вариант слова *звезда* заметно активизировался именно в последней из названных сфер.

В свою очередь, эволюция данной семантики в английских ментально-языковых социумах идёт по пути расширения сферы употребления слова *star* в значении «выдающаяся, знаменитая личность; особенный, заметный представитель». Словари фиксируют такие словосочетания, как *star athlete* — «выдающийся спортсмен», «чемпион», *star witness* — «главный свидетель» и совсем новая идиома *a bar star*, то есть «девушка, которая ходит в бары, чтобы пить и находить друзей». Например: «*Lola was known as a bar star at Pinky's Lounge*» [6].

Представленное в данной статье сопоставительное описание семантики эквивалентной русско-английской лексической пары *звезда / star* позволяет сделать вывод о том, что слова, ставшие предметом исследования, являются ярким примером ментального и языкового единства различных национально-культурных социумов. Это единство проявляется не только в идентичности денотативного значения данных слов, но и в аналогичности их семантических структур в целом, в совпадении значительных фрагментов содержательной стороны рассмотренных лексем.

В то же время, семантика слов *звезда* и *star* отражает специфические характеристики жизни конкретного социума, мотивированные его культурой, историей, образом жизни, реалиями.

Таким образом, слова *звезда* и *star* демонстрируют единство на когнитивно-семантическом уровне и его особенные национальные интерпретации.

Литература

1. *Большой* англо-русский словарь : в 2 т. Ок. 150 000 слов / сост.: Н. Н. Амосова, Ю. Д. Апресян, И. Р. Гальперин [и др.] — 3-е изд. — М.: Рус. яз., 1979.
2. *Верещагин Е. М.* Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Рус. яз., 1983. — 269 с.
3. *Манакин В. Н.* Сопоставительная лексикология / В. Н. Манакин. — К.: Знання, 2004. — 326 с.
4. *Словарь* современного русского литературного языка : в 17 т. / ред. В. И. Чернышёв. — М.; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1948–1965.
5. *Wayne Magnuson.* English idioms vocabulary [Электронный ресурс] / Wayne Magnuson. — 2012. — Режим доступа: <http://slovar-vocab.com/english/idioms-vocabulary/bite-me-6120654.html>.
6. *Webster's New International English Dictionary* [Электронный ресурс]. — 2012. — Режим доступа: <http://www.merriam-webster.com/info/commitment.htm>.

References

1. *Bol'shoj* anglo-russkij slovar': v 2 t. Ok. 150 000 slov / sost.: N. N. Amosova, Ju. D. Apresjan, I. R. Gal'perin [i dr.]. — 3-e izd. — M.: Rus. jaz., 1979.
2. *Vereshhagin E. M.* Jazyk i kul'tura: Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo jazyka kak inostrannogo / E. M. Vereshhagin, V. G. Kostomarov. — 3-e izd., pererab. i dop. — M.: Rus. jaz., 1983. — 269 s.
3. *Manakin V. N.* Sopostavitel'naja leksikologija / V. N. Manakin. — K.: Znannja, 2004. — 326 s.
4. *Slovar'* sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka : v 17 t. / red. V. I. Chernyshev. — M.; Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1948–1965.
5. *Wayne Magnuson.* English idioms vocabulary [Elektronnyj resurs] / Wayne Magnuson. — 2012. — Rezhim dostupa: <http://slovar-vocab.com/english/idioms-vocabulary/bite-me-6120654.html>.
6. *Webster's New International English Dictionary* [Elektronnyj resurs]. — 2012. — Rezhim dostupa: <http://www.merriam-webster.com/info/commitment.htm>.

НЕВОЙТ Валентина Іванівна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри російської та української мов як іноземних Інституту філології Київського національного університету імені Тараса Шевченка; Київ, Україна;
e-mail: valnev@ukr.net; тел.: +38(044) 5120839; моб.: +38-067-4446163

СЕМАНТИКА ЛЕКСИЧНИХ ЕКВІВАЛЕНТІВ У ЗІСТАВНОМУ АСПЕКТІ

Анотація. Стаття присвячена зіставному дослідженню семантики еквівалентних слів генетично неспоріднених мов. Об'єктом аналізу стали російське слово *звезда* й англійське *star*. Збіг у семантиці еквівалентних слів — це закономірне явище, оскільки такі слова позначають одне й те ж лексичне поняття. Однак цей збіг ніколи не буває повним. Особливістю розглянутих у статті лексичних одиниць є досить значний ступінь збігу. Слова *звезда* та *star* є яскравим прикладом ментальної та мовної єдності різних національно-культурних соціумів. Ця єдність знаходить своє відзеркалення не тільки в ідентичності денотативних значень обох лексем, але й в аналогічності їхніх семантичних структур в цілому, у збігу значних фрагментів змісту розглянутих лексем, у наявності в обох слів переносних лексико-семантичних варіантів, що дозволяє говорити про еквівалентність навіть на рівні образного мислення. Однаковим для різних етносів виявилось, зокрема, сприйняття зірки як «долі, талану людини». Не менш примітним є й те, що в обох мовах слова *звезда* й *star* позначають людину, яка чимось прославилася, яскраву особистість». Розбіжності ж представлені конкретними реалізаціями основних лексико-семантичних варіантів, їх референтною співвіднесеністю й активністю вживання. Ці інтерпретації детерміновані конкретними умовами й обставинами життя окремого соціуму, його історією та культурою.

Ключові слова: зіставна лексикологія, лексичні еквіваленти, семантика слова, національно-культурний компонент.

Valentina I. NEVOIT,

Ph.D. in Philological Sciences, Associate Professor of the Russian and Ukrainian Languages like foreign ones Department of Institute of Philology of Kiev Taras Shevchenko National University; Kiev, Ukraine;
e-mail: valnev@ukr.net; phone: +38(044) 5120839; mob.: +38-067-4446163

SEMANTICS OF LEXICAL EQUIVALENTS IN COMPARATIVE ASPECT

Summary. The article is about comparative analysis of genetically non-related languages equivalent words semantics. The object of the article is Russian word *zvezda* and English *star* analysis. The semantic equivalence of these words is natural as both of them determine the same lexical notion, however this equivalence can never be absolute. The peculiarity of the words is the high level of their semantic concurrence. These words can be a good example of mental and linguistic unanimity of different national and cultural societies. It is seen not only in their denotative meaning identity but also in their analogical semantic structures, matches of main fragments of their semantics, existence of figurative lexical and semantic options that evidences about their equivalence even in the creative thinking level. The perception of the star as «a destiny, fate of a person is also the same for different ethnoses. One more noteworthy fact is that in both languages words *zvezda* and *star* determine outstanding person, vivid personality. The differences in meaning are shown in concrete realizations of these lexical and semantic variants, their abstract interrelationship and usage activity. These interpretations are determined by concrete conditions and life circumstances of the society, its history and culture.

Key words: Comparative Lexicology, Lexical Equivalents, Word Semantics, National and Cultural Component.

Статтю отримано 28.01.2014 р.

УДК 811.161.1:373.611

Ли Жунь,аспирант кафедры русского языка Одесского национального университета имени И. И. Мечникова;
Одесса, Украина;

e-mail: lirain0329@gmail.com; тел.: +38-097-8308888

ОБРАЗ ЦВЕТКА В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Аннотация. В статье исследуются особенности функционирования фитонимов в русской языковой картине мира. Отмечено, что образная семантика фитонимов занимает значительное место в лингвокультурном пространстве современного русского языкового коллектива. Особую роль в развитии флористической темы играет творчество русских писателей и поэтов (А. А. Фет, И. С. Тургенев, А. Ахматова и др.). Чтобы понять глубинный смысл произведения, нужно знать «язык цветов», их символический смысл, символический подтекст. Установлены коннотативные семы, позволяющие сформировать флористические мотивы в идиостиле поэтов и писателей. Сирень представляется символом русской усадьбы; в русском лингвокультурном сознании существует поверье, что в доме, около которого посажена сирень, любовь будет вечной. В восточном представлении это символ грустного расставания, что повлияло на коннотативную структуру фитонимов в идиостиле С. Есенина и А. Ахматовой. С сиренью связаны воспоминания о весне, о чудесном месяце мае, когда пробудившаяся от зимнего сна природа одевается свежей зеленью, пёстрыми цветами, символизирует жизнь. Большая культурологическая значимость в русской языковой картине мира придаётся фиалке. Контексты из произведений подтверждают наделение фиалки символикой скромности.

Ключевые слова: русская лингвокультура, языковая картина мира, образная семантика, флористические мотивы, коннотативные семы, фитоним.

С древних времён цветы занимают особое место в творчестве поэтов, художников и писателей всего мира. В одной библейской легенде упоминается, например, о лилии, выросшей из слёз Евы, изгнанной из рая. В древнерусском сказании о новгородском купце Садко говорится об отвергнутой им морской царевне, из слёз которой появились ландыши. А один из греческих мифов повествует о юноше Нарциссе и цветке, названном его именем.

Не только древние, но и авторы более поздних эпох так или иначе затрагивали флористическую тему в своих произведениях. Особую роль в её развитии играют русские писатели и поэты. Глубокие, насыщенные, переполненные грустью и состраданием строки оставил нам Афанасий Фет. Точно передал настроение природы и разнообразие её состояний Фёдор Тютчев. И. С. Тургенев в своих произведениях обращался к символике многих цветов. Например: *«Она увидела розу, схватила её, взглянула на её измятые, запачканные лепестки, взглянула на меня, — и глаза её, внезапно остановившись, засияли слезами»*. Самым любимым цветком писателя был нарцисс. *«Когда вы будете в Спасском, — обращался И. С. Тургенев в 1882 году своим друзьям Полонским из французского Бурживаля, понимая, что болен смертельно, — поклонитесь от меня дому, саду, моему молодому дубу, родине поклонитесь, которую я, вероятно, никогда не увижу»*. И просил прислать «сиреневый цветок».

В творчестве Анны Ахматовой также присутствует большое количество *фиалок, лилий, георгинов и маргариток*. Увековечили цветы в полотнах великие живописцы. Многие творческие люди на Руси использовали символику цветов и в переписке (А. С. Пушкин, А. П. Керн, И. С. Тургенев, И. А. Гончаров, И. С. Тургенев и другие).

Таким образом, чтобы понять глубинный смысл произведения или разгадать необычное историческое явление, нужно знать «язык цветов», их символический смысл, символический подтекст.

Сирень раньше называли *рай-деревом*, а сейчас нередко называют символом русской усадьбы. Есть такая примета, что в доме, возле которого посажена сирень, любовь будет вечной. Сирень родом из Персии. 400 лет назад сирень привезли в Вену, откуда она стала быстро распространяться по всей Европе. В настоящее время в мире насчитывается более тысячи сортов сирени обыкновенной от белой до почти черной окраски. Происхождение слова *сирень* связано с древнегреческой легендой, рассказанной в «Метаморфозах» Овидия. Пан, влюблённый в нимфу Сирингу, безуспешно преследовал её, пытаясь объяснить. Боязливая нимфа, добежав до реки, просила её о помощи и была превращена в тростник, из которого безутешный Пан сделал себе свирель. Но так как свирели затем стали делать из мягкой древесины сирени, то этот куст и оказался соотнесённым с именем Сиринги, чьё сердце так и не было разбужено для любви.

В книге Н. Золотницкого «Цветы в легендах и преданиях» читаем: *«На Востоке, откуда, как мы знаем, и происходит сирень, она служит эмблемой грустного расставания, и потому влюблённый вручает её обыкновенно возлюбленной только тогда, когда они расходятся или расстаются навсегда»* [6, с. 141]. Это восприятие сирени передалось и европейской, и русской культуре. В романе «Обломов» И. Гончарова для Ольги Ильинской сирень была олицетворением весны души, первой любви. Но, независимо от намерений самой девушки, ветка сирени, протяннутая Ольгой Обломову, в точности исполнила своё роковое предназначение: Ольга и Обломов расстались.

В поэме С. Есенина «Анна Снегина» сирень также стала символом печального расставания. Ещё перед встречей поэта с Анной звучит печальный мотив сирени:

Но вот и Криуша...
Три года
Не зрил я знакомых крыш.
Сиреневая погода
Сиренью обрызгала тишь...

И в конце поэмы, когда лирический герой узнаёт об отъезде Анны из России, вновь возникает образ сирени:

Иду я разросшимся садом,
Лицо задевает сирень.
Так мил моим вспыхнувшим взглядам
Погорбившийся плетень...

Замечательным эпитетом наделяет сирень А. Ахматова в стихотворении «Лучше б мне частушки задорно выкликать»: *белая Божия сирень*. Б. Пастернак при описании сирени экспериментирует со словом: *Всем роспуском кистей лиловогроздых Сирень вбирает свежести струю*.

Есть города, где особенно много сирени. Так, поздней весной серые стены и башни старого Тааллина сливаются с лиловыми цветами сирени. И дальше, на севере Европы — в Финляндии, Норвегии — больше всего разводят сирень. С сиренью связаны, прежде всего, воспоминания о весне, о чудесном месяце мае, когда пробудившаяся от зимнего сна природа одевается свежей зеленью, пестрыми цветами, символизирует о жизни: *Знаменитая сирень, когда-то «заливавшая» усадьбу бело-фиолетово-розово-голубыми душистыми волнами — более десятка сортов, — изрослась: старая, с длинными корявыми ветвями, она почти уже не цвела...* [И. Архипова, Музыка жизни]

Сирень вдохновила П. И. Чайковского на создание редкого по красоте балета — сказки «Спящая красавица». Умна и великодушна фея Сирени, и каждый шаг её смягчает тревогу перед силами зла. А мстительная колдунья Карабос предсказывает юной красавице Авроре вечный сон после совершеннолетия... Пусть это сказка, придуманная людьми, но в памяти человека навсегда остаются прекрасным видением подаренные букеты сирени.

На Руси был прежде такой обычай: когда сирень расцветала, девушки разыскивали в кустах своё сиреневое счастье — цветки в пять или шесть лепестков — и, положив в рот, проглатывали, загадывая желание: *Наконец, внезапно распустилась сирень — эта роза русской провинции, дар скромных палисадов и признак неизбежной деревенской мечты* [9, с. 24].

Большая культурологическая значимость в русской языковой картине мира придаётся *фиалке*. Фиалка (лат. *viola odorata*, виола адората, греч. *иония*) — маленький, сильно пахнущий цветок, который, согласно народному преданию, учит скромности, и несмотря на маленький размер, является символом весны. Контексты из произведений подтверждают наделение фиалки символикой скромности, ср.: *София не хотела отличаться в свете: скромная фиалка была эмблемой её поведения; но всякий хорошо образованный человек, поговорив с нею несколько минут, с сожалением оставлял её* [Неизвестный, Модест и София]. *Женская красота для Толстого должна быть непременно скромной, как фиалка, и прятаться под большими полями шляпы* [И. Ф. Анненский. Вторая книга отражений].

Согласно греческому мифу, на лугу, откуда бог подземного царства Аид украл Персефону, росли крокусы, розы, гиацинты и фиалки. В день поминовения усопших, День фиалок (*Dies violaris*, Диес виоларис), римляне украшали этими цветами могилы. На торжественных обедах они носили венки из фиалок, так как эти цветы должны были действовать охлаждающе. Им также приписывалось смягчающее воздействие на сильную головную боль. Старое народное поверье рекомендовало проглотить первые три фиалки, найденные на краю леса, как профилактическое средство от всех болезней. Фиолетовый цвет фиалки, который связывался с верностью и постоянством, сделал её бесценным даром любви. В Средние века первая фиалка была поводом для буйных весенних праздников и танцев под открытым небом.

Фиалка для русских — один из символов Родины. В песне «Я шагаю по Москве» есть такие строки: *А если я по дому загрузу, / Под снегом я фиалку отыщу / И вспомню о Москве*. Очевидно, поэтому любил эти цветы И. С. Тургенев. Будучи в Висбадене, он каждое утро гулял с букетом душистых фиалок, который затем неизменно подносил лечившейся в одно время с ним Г. Балашовой. «Это — мои любимые цветы, — говорил он ей, как она сообщает в одной из московских газет. — Я чувствую особенное удовольствие вручать Вам их здесь каждое утро. Это нечто вне моей курсовой программы. Никому, никому не говорите об этом...» [3, с. 51].

Таким образом, фитонимы «сирень» и «фиалка» кодируют важную лингвокультурологическую информацию в языковом сознании русского коллектива. Обладая коннотативными семами, языковые единицы, номинирующие растения, формируют флористические мотивы идиостилей писателей и поэтов.

Литература

1. Грачёва И. В. Каждый цвет — уже намёк / И. В. Грачёва // Литература в школе. — 1997. — № 3. — С. 49–57.
2. Грачёва И. В. Грани самоцветов / И. В. Грачёва // Литература в школе. — 1998. — № 2. — С. 29–38.
3. Грачёва И. В. О роли художественной детали в русской классике / И. В. Грачёва // Литература в школе. — 2003. — № 3. — С. 50–55.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. — М., 1998. — Т. I–IV.
5. Домострой / сост. В. В. Колесов. — М., 1990. — 229 с.

6. *Золотницкий Н. Ф.* Цветы в легендах и преданиях / Н. Ф. Золотницкий. — М., 1991. — 287 с.
7. *Калашников В.* Атлас тайн и загадок / В. Калашников. — М.: Белый город, 2000. — 161 с.
8. *Кропотова В. Ф.* Цветы в литературе / В. Ф. Кропотова // Литература в школе. — 2001. — № 4. — С. 11–13.
9. *Мезенцев В.* Каменная сказка / В. Мезенцев. — М., 1986. — 169 с.
10. *Попова Н.* Античные и христианские символы / Н. Попова. — СПб., 2003.

References

1. *Gracheva I. V.* Kazhdy tsvet — uzhe namek / I. V. Gracheva // Literatura v shkole. — 1997. — № 3. — S. 49–57.
2. *Gracheva I. V.* Grani samotsvetov / I. V. Gracheva // Literatura v shkole. — 1998. — № 2. — S. 29–38.
3. *Gracheva I. V.* O roli khudozhestvennoy detali v russkoy klassike / I. V. Gracheva // Literatura v shkole. — 2003. — № 3. — S. 50–55.
4. *Dal V. I.* Tolkovyy slovar zhivogo velikoruskogo yazyka / V. I. Dal. — М., 1998. — Т. I-IV.
5. *Domostroy* / sost. V. V. Kolesov. — М., 1990. — 229 s.
6. *Zolotnitskiy N. F.* Tsvety v legendakh i predaniyakh / N. F. Zolotnitskiy. — М., 1991. — 287 s.
7. *Kalashnikov V.* Atlas tayn i zagadok / V. Kalashnikov. — М.: Belyy gorod, 2000. — 161 s.
8. *Kropotova V. F.* Tsvety v literature / V. F. Kropotova // Literatura v shkole. — 2001. — № 4. — S. 11–13.
9. *Mezentsev V.* Kamennaya skazka / V. Mezentsev. — М., 1986. — 169 s.
10. *Popova N.* Antichnyye i khristianskiye simvoly / N. Popova. — SPb., 2003.

ЛІ Жунь,

аспірант кафедри російської мови Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Одеса, Україна;
e-mail: lirain0329@gmail.com; тел.: +38-097-8308888

ОБРАЗ КВІТКИ У РОСІЙСЬКІЙ ЛІНГВОКУЛЬТУРІ

Анотація. У статті досліджуються особливості функціонування фітонімів у російській мовній картині світу. Відзначено, що образна семантика фітонімів посідає чільне місце у лінгвокультурному просторі сучасного російського мовного колективу. Встановлено конотативні семи, що дозволяють сформувати флористичні мотиви в ідіостилі поетів і письменників. Особливу роль у розвитку флористичної теми відіграє творчість російських письменників і поетів (А. А. Фет, І. С. Тургенєв, А. Ахматова та ін.). Щоб зрозуміти глибинний зміст твору, потрібно знати «мову квітів», їх символічний зміст, символічний підтекст. Встановлено конотативні семи, що дають змогу сформувати флористичні мотиви в ідіостилі поетів і письменників. Бузок є символом російської садиби. У російській лінгвокультурній свідомості існує повір'я, що в будинку, біля якого посаджено бузок, любов буде вічною. У східному сприйнятті це символ сумного розставання. Саме таке уявлення вплинуло на конотативну структуру фітонімів в ідіостилі С. Єсеніна й А. Ахматової. З бузком пов'язані спогади про весну, про чудовий місяць травень, коли пробуджена від зимового сну природа одягається свіжою зеленню, строкатими квітами, що символізують життя. Велика культурологічна значущість у російській мовній картині світу надається фіалці. Контексти з творів підтверджують наділення фіалки символікою скромності.

Ключові слова: російська лінгвокультура, мовна картина світу, образна семантика, флористичні мотиви, конотативні семи, фітоніми.

LI Zhun,

graduate student of the Chair of Russian linguistics of Odessa National I. I. Mechnikov University; Odessa, Ukraine;
e-mail: lirain0329@gmail.com; tel.: +38-097-8308888

IMAGE OF A FLOWER IN RUSSIAN LINGUAL CULTURE

Summary. This article deals with the peculiarities of phytonyms in the Russian language. The semantics of phytonyms has an important place in modern lingual & cultural Russian language community. Russian writers and poets devote a special role to the development of floral themes (A. A. Fet, I. S. Turgenev, A. Akhmatova, and others). It is necessary to know the «language of flowers», their symbolic meaning, symbolic overtones for understanding the deep meaning of the work. The established connotative semes allow to formulate the floral motif of the poets' and the writers' styles. Lilac is the symbol of Russian villa. In the Russian language and culture there exists such superstition: love will be eternal if lilac is planted near the house. In the East lilac is a symbol of sad departure, which influences the connotative structure of Sergei Esenin's and Anna Akhmatova's style. The memories about spring and the wonderful month of May are connected with lilac. When a nature wakes up from winter dreams, it gets dressed in fresh green and colorful flowers which symbolize a life. The violet has also a great culturology significance in Russian linguistic consciousness. Contexts of works confirm in giving the violet the symbol of modesty. The set of connotative semes is capable of forming different floral motifs in poets' and writers' idiosyncrasies.

Key words: Russian lingual culture, picture of the world, vivid semantics, flowers reasons, connotative seme, phytonym.

Статтю отримано 15.04.2014 р.

УДК 811.161.1'373'42:543.926 Есенин

РУСЕНКО Татьяна Ивановна,

аспирант кафедры общего языкознания и истории языка Донецкого национального университета; Донецк, Украина;

e-mail: rusenko-tanya@mail.ru; моб.: +38 050 1564425; +7 968 4812619

СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОДОРАТИВНЫХ НОМИНАЦИЙ В ПОЭЗИИ С. А. ЕСЕНИНА

Аннотация. Статья посвящена исследованию одоративных номинаций в поэзии С. А. Есенина. Цель работы — выявление специфики использования поэтом запаховых названий. В качестве материала для сравнения используются поэтические произведения И. А. Бунина). Обозначаются характерные для авторской манеры С. Есенина способы репрезентации запахов. Предпринимаются попытки определения степени важности указанной группы номинаций в текстах С. А. Есенина, а также места запаховых образов в его поэтической картине мира в целом.

В заключении указывается, что одоративные номинации и стоящий за ними концепт «запах» играют определенную роль в поэтической картине мира автора, выступая иногда устойчивыми образами и неся в себе дополнительную смысловую нагрузку.

Ключевые слова: одоративные номинации, концепт «запах», поэтическая картина мира, устойчивые образы, С. Есенин.

Несмотря на то, что активное изучение концептов и их сущности началось еще в 80-х годах XX века, практически все учёные отмечают отсутствие единого определения данного термина. Мы опираемся на определение концепта, предложенное В. И. Карасиком: «Культурный концепт — многомерное смысловое образование, в котором выделяется ценностная, образная и понятийная стороны» [8]. Наличие у концепта образной и понятийной сторон (а также значимостной) отмечает и С. Г. Воркачëв [3]. Подобное толкование позволяет исследовать данный феномен с разных сторон, используя в качестве материала словари, данные социологии, психологии, культурологии, а также тексты художественной литературы. В последнем из перечисленных случаев рассмотрение употребления слов, репрезентирующих концепт, позволяет получить сведения, ценные не только для языкознания, но и способствующие более глубокому пониманию творческого замысла автора, что выводит нас, тем самым, в область литературоведения (здесь уместно будет вспомнить рассуждения М. М. Бахтина об изучении «техники формы» как части художественной формы вообще [см.: 1]).

Предлагаемая работа является частью нашего исследования, посвящённого концепту «запах». В данной статье мы хотели бы остановиться на использовании одоративных номинаций в поэзии С. А. Есенина. В качестве материала для сравнения мы приводим поэтические произведения И. А. Бунина, которые были проанализированы нами ранее [2].

Из всех чувств человека обоняние, как известно, до сих пор остаётся наименее изученным. Затруднение вызывает не только определение механизма восприятия запахов, но и их типизация. Неудивительно, что с классификацией наименований запахов возникают еще большие трудности. В лингвистике встречаются разрозненные работы, использующие различные методы классификации и основанные на разном типе материала. Из известных нам исследований данной проблемы следует упомянуть работы Н. С. Павловой [10], рассматривающей структурно-семантические особенности одоративных номинаций на материале немецкого языка, а также И. В. Тарасюк [12], выявляющей когнитивные особенности запаховых названий во французском языке. Изучением ольфакторальной лексики и её роли в художественных произведениях занимаются М. В. Одинцова (И. А. Бунин) [11], Н. Иванова и Т. Ильюхина (А. П. Чехов) [6; 7], О. Г. Згазинская (М. А. Волошин) [5] и др.

На наш взгляд, рассмотрение запаховых названий в поэзии требует особого подхода ввиду специфики самой поэтической картины мира. Ж. Н. Маслова так пишет об этом: «С когнитивной точки зрения, поэзию следует рассматривать и как производное индивидуального сознания, и как отражение общекультурного уровня развития, так как поэт является представителем социума и этноса. Кроме того, искусство поэзии согласуется со способностью достраивать образ по отрывочным элементам — фундаментальной способностью восприятия человека» [9, с. 35]. Поэтому в данной статье мы не останавливаемся на какой-либо одной классификации, а обращаемся к различным методам анализа, в зависимости от того, чем интересен тот или иной пример.

В электронном собрании сочинений С. А. Есенина методом сплошной выборки нам удалось обнаружить 106 контекстов, репрезентирующих концепт «запах». В 59 случаях данное семантическое значение передается при помощи имени существительного. Начнём с центральной леммы концепта — *запах*. Слово это не несёт в себе оценочной информации, поэтому может использоваться как для описания приятных запахов, так и для неприятных. В текстах С. А. Есенина данная лексема встретилась нам 13 раз. В некоторых случаях она употребляется с многозначными глаголами, приобретающими в таком контексте «запаховое» значение (их мы рассмотрим, когда речь пойдет о глаголах). В остальном, можно сказать, что автор использует слово запах тогда, когда ему важно подчеркнуть источник его выделения. Этому способствует конструкция *имя существительное со*

значением запаха + имя существительное в родительном падеже, которое обозначает источник запаха. Например:

Мне нравится запах травы, холодом подоженной <...> [4, с. 9].

Иногда такие конструкции употребляются в любовной лирике:

Зёрна глаз твоих осыпались, завяли, / имя тонкое растаяло, как звук, / Но остался в складках смятой шали / Запах мёда от невинных рук [4, с. 220].

Стихотворения о любви, зачастую, говорят нам о близости людей. Трудно не согласиться, что упоминание запаха человека, врезавшегося в память, определённо вскрывает эту близость. Подобные моменты есть и в лирике И. А. Бунина (*Всё тот же зной и дикий запах лука / в телесном запахе твоём* [2, с. 170]). Как известно, запахи вызывают воспоминания, причём они пробуждают не логическую память, а эмоциональную. Неудивительно, что дорогие для человека моменты, люди и места ассоциируются с запахами. Следующий пример тому подтверждение: *И, встречаясь с извозчиками на площади, / Вспоминая запах навоза с родных полей, / он готов нести хвост каждой лошади, / Как венчального платья шлейф* [4, с. 146–147].

Тема крестьянства — одна из ключевых тем творчества С. А. Есенина. Родная природа, поля, быт представлены в его стихотворениях со всей полнотой. Не составляют исключения и запахи Родины. В то время как запахи мёда и роз появляются в любовной лирике, трав и навоза — в стихах о родном крае, церковные мотивы и тема смерти неразрывно связываются с запахом ладана: *В роще чудились запахи ладана, / В ветре бластались стуки костей. / И пришли к нам неожиданно-негаданно / С дальней волости груди вестей* [4, с. 113].

Запах ладана, который курят во время панихиды по умершим, становится предвестником лихих вестей. Усиливает чувство тревоги упоминание стука костей. В данном случае автор прибегает не только к обонятельным образам, но и к акустическим. Вообще, обращение к восприятию (обонятельному, тактильному, зрительному и т. д.) свойственно лирике как С. А. Есенина, так и И. А. Бунина. Синестезия как художественный приём часто используется обоими авторами, но у каждого из них приобретает различные черты. Так, С. А. Есенин стремится создать максимально яркий образ (здесь сказывается увлечение имажинизмом), И. А. Бунин же пытается не упустить из виду ни малейшей детали, сближаясь, таким образом, с импрессионистами.

Интересно также, что у С. А. Есенина тема смерти получает обрамление описаниями природы: *Запах ладана от роши ели льют, / Звонки ветры панихидную поют* [4, с. 206]. Вероятно, смерть воспринимается лирическим героем как часть миропорядка, а увядание в природе вызывает соответствующие ассоциации с человеческой жизнью (*Все мы, все мы в этом мире тленны* <...> [4, с. 251]).

Нейтральным значением при описании запахов обладает лексема *дух*. В стихотворениях С. А. Есенина она встретилась нам дважды, и в обоих случаях — с определением *хлебный*:

(1) *Сон избы легко и ровно / Хлебным духом сеет притчи* [4, с. 339].

(2) *Тихо от хлебного духа, / Снится кому-то апрель* [4, с. 345].

Данное словосочетание в текстах поэта не просто передаёт значение запаха, но символизирует собой спокойствие, тишину и умиротворение. Если в доме пахнет хлебом, значит, люди в нём не будут голодать. Получается, что хлебный дух — это, своего рода, знак крестьянского благополучия.

Осознание поэтом своих крестьянских корней приводит его к использованию диалектной лексики, которую не встретишь в текстах И. А. Бунина. Для нас это, в первую очередь, слово *пах* в значении 'запах': *Дробь копыт и хрип торговок, / Пьяный пах медовых сот. / Берегись, коли не ловок: / Визорь пылью разметёт* [4, с. 208].

Нелитературное слово хорошо вписывается в общий контекст, представляющий нашему взгляду базарную площадь, толкотню народа вперемешку с лошадьми. Благодаря обонятельным, визуальным и акустическим образам картина происходящего действительно оживает.

Помимо лексем с нейтральной оценкой запаха, конкретизирующейся в контексте, С. А. Есенин использует и такие, в которых оценка запаха задана изначально. Так, нам однажды встретилось слово *аромат*: *Хороша ты, Персия, я знаю. / Я сегодня пью в последний раз / Ароматы, что хмельны, как брага* [4, с. 286]. Как видно из стихотворения, лирический герой прощается с Персией. Для описания запахов, присущих этой прекрасной, но чужой стране, поэт использует слово с иноязычным корнем, возможно, не осознавая этого. Однако в стихотворениях о природе России лексема *аромат* не встречается.

Переходим к лексемам с негативной оценкой запаха. Это *вонь, смрад, чад* и *угар*. Следует отметить, что большинство из этих слов встречается в стихотворениях и поэмах на социально-политические темы, а негативная характеристика запаха, таким образом, переносится на ситуации и события, описываемые в этих произведениях. Обратимся к наиболее ярким примерам: *В красном стане хрип, / В красном стане смрад. / Вонь портяночная / от сапог солдат* [4, с. 56]. Неприятные запахи разделяются на *смрад* и *вонь*, причём *смрад* выступает общей характеристикой состояния в стране, а *вонь* исходит от конкретного источника — *сапог*. В данном примере с помощью запаховых номинаций характеризуется помещение и люди, находящиеся в нём. В следующем примере речь идёт о политическом строе: *Монархия! Зловещий смрад! / Веками шли пиры за пиром. / И продал власть аристократ / Промышленникам и банкирам* [4, с. 178].

Для усиления впечатления С. А. Есенин прибегает даже к употреблению двух лексем со значением 'запах' в одном предложении: *Кто бросит камень в этот пруд? / Не троньте! / Будет запах смрада, / Они сами в себе умрут, / Истлеют падью листопада* [4, с. 156]. Речь здесь идёт о людях, не способных понять и принять новшества в социальной жизни России. Исходя из конструкции,

выходит, что смрад — это источник запаха. Автор явно наделяет это слово дополнительным смыслом, связывая его с отставшими людьми и проводя мотивы смерти (*сами в себе умрут*) и гниения (*надью созвучно с падалью*).

Ещё один уникальный и чрезвычайно красочный (хоть и неприятный) образ встречаем в следующем тексте: *Не просунет когтей лазурь / Из пургового кашля-смрада; / Облетает под ржанье бурь / Черепов златохвойный сад* [4, с. 142]. Наличие семы 'запах' уходит здесь на второй план. Важной остаётся только негативная характеристика и осознание ненормальности ситуации. Пурга не метёт, она *смрадно кашляет*, если попытаться развернуть этот образ. Резкие перемены, происходящие в стране, сравнимы для поэта со стихийным бедствием, а нормальное течение жизни, очевидно, с лазурью (хотя наличие у последней когтей также настораживает).

Ещё одно существительное, на которое хотелось бы обратить внимание — это слово *дым*. С.И. Ожегов в своём словаре не отмечает у данной лексемы наличие семы 'запах'. Однако, на наш взгляд, в некоторых контекстах, когда речь идёт о курении либо пожаре, эта сторона значения может проявляться.

В общей сложности, в текстах С. А. Есенина мы обнаружили 28 случаев употребления лексемы *дым* (с наличием запаховой семантики и без неё). Такое количество употреблений не могло не привлечь нашего внимания. Следует отметить, что наименования запаха табака, махорки и пр. часто встречаются и в произведениях И. А. Бунина, но там они передают своё прямое значение. В случае с текстами С. А. Есенина, слово *дым*, помимо прямого значения, получает значение образное, ассоциативное, иногда слабо вяжущееся с основным значением и сближающееся с ним лишь по какому-либо признаку.

Итак, относительно просто обстоит дело с табачным дымом. Здесь значение прямое, есть сема запаха (запах табака). Например: *Курит — дым идёт / На три сажени, / Во немецких одеждах / Разнаряженный* [4, с. 47–48].

Через манеру курения охарактеризован царь Пётр. Так что даже табачный дым не так прост: *Глядит на Маркса, / Как на Саваофа, / Пуская Ленину в глаза / Табачный дым* [4, с. 153]. Пример интересный, так как может быть понят в разных направлениях. Сравнение Маркса с Саваофом вызывает ассоциации с церковным курением. В таком случае, табак на современном уровне развития страны заменяет ладан. С другой стороны, пускать дым (или пыль) в глаза значит задурманить. Очевидно, это поддельно-восторженное отношение к новым идеалам и хотел продемонстрировать автор.

В таких контекстах функция слова *дым* близка к функции слов *смрад*, *вонь* и *чад*: это не описание запаха, а негативная оценка происходящего.

Совсем по-другому звучит лексема *дым* в стихах о природе и в любовной лирике: *Не жалею, не зову, не плачу, / Всё пройдёт, как с белых яблонь дым. / Увядаешь золотом охваченный, / Я не буду больше молодым* [4, с. 250–251]. Строки эти довольно известны и воспринимаются читателем без всяких затруднений. *Белых яблонь дым*, очевидно, значит здесь цветение яблоневых деревьев. Точнее даже, скорость их отцветания. *Дым*, таким образом, — символ эфемерности жизни, её скоротечности и необратимости.

Таким образом, за существительными со значением запаха зачастую стоит нечто большее, нежели просто запах.

Перейдём к рассмотрению глаголов. В поэтических текстах С. А. Есенина мы обнаружили 36 случаев употребления глаголов для обозначения семантики запаха. Как известно, наиболее распространённой глагольной конструкцией, репрезентирующей запах, является «*безличный глагол* (форма 3 лица ед. числа либо среднего рода прошедшего времени) + *существительное в творительном падеже* (источник запаха)». Например: *Пахнет вербой и смолою. / Сильно то дремлет, то вздыхает. / У лесного аналая / Воробей псалтырь читает* [4, с. 214].

Таких конструкций у С. А. Есенина 8. Конструкция с личной формой глагола *пахнуть* менее употребительна, однако встретилась нам 4 раза. Например, в «Анне Снегиной»: *Приехали. / Дом с мезонином / Немного присел на фасад. / Волнующе пахнет жасмином / Плетнёвый его палисад* [4, с. 37]. В данном случае отдельно выделяется источник запаха (*жасмин*) и его носитель (*палисад*).

Помимо этого, глагол *пахнуть* может употребляться в переносном значении: *В скандале убийством пахнет. / И в нашу и в их вину / Вдруг кто-то из них как ахнет! / И сразу убил старшину* [4, с. 27]. *Пахнет убийством* — предчувствие того, что в драке кого-то могут убить. Такая развязка ожидаема героем.

Кроме форм глагола *пахнуть*, С. А. Есенин использует многозначные глаголы, которые в определённом контексте приобретают значение 'распространение запаха'. Например: *Тянет мягкой гарью с сухих перелесиц* [4, с. 26]. А также: *Туча кружево в роце связала, / Закурился пахучий туман* [4, с. 207].

В первом случае существительное *гарь* явно указывает на запах горелого. Глагол *тянет* характеризует способ его распространения. *Гарью* не просто пахнет, но запах её доносится с *сухих перелесиц*. Во втором случае сему 'запах' содержит прилагательное *пахучий*. А глагол, как и в первом примере, конкретизирует способ распространения. Конструкции подобного рода позволяют С. А. Есенину помимо немногочисленных глаголов запаха использовать другие, разнообразя, тем самым, способы репрезентации запахов. Так, для передачи значения 'распространение запаха' поэт использует такие лексемы (приводим в той форме, в которой они встречаются в тексте. — Т. Р.):

струить (гниенье), тянет (гарью), отдаёт (дымком), кадит (спорынья), задымился (вечер), закадили (дымом), дымится (овсяная гладь), веют (поцелуи).

Не найдя подходящего слова, С. А. Есенин создаёт новое. Например: *Помирись лишь в сердце со врагом, / И тебя блаженством ошафранит* [4, с. 207]. *Ошафранит*, очевидно: 'обдаст запахом шафрана'. Налицо авторский окказионализм: *шафран* → *шафранить* → *ошафранить*, где промежуточное звено выпущено (чересступенчатое словообразование).

В стихотворениях С. А. Есенина, помимо глаголов распространения / выделения / наличия запаха, мы обнаружили глаголы, репрезентирующие процесс восприятия: *нюхать, понюхать, чуть (Бреду и чую яровое / По голубеющей воде* [4, с. 220]), а также глаголы со значением 'насыщение посторонним запахом': *провонять, пропахнуть (Провоняю я редькой и луком. / И, тревожа вечернюю гладь, / Буду громко сморкаться в руку / И во всём дурака валять* [4, с. 253]).

Таким образом, С. А. Есенин использует достаточно широкий арсенал глагольной лексики для передачи семантики запаха, превосходя в этом смысле И. А. Бунина, ключевой структурой у которого является «*безличный глагол + существительное в творительном падеже*» (с небольшими исключениями, например, когда запахи передаются через контекст: *Полночный звон степной пустыни, / Покой небес, тепло земли, / И горький мёд сухой полыни, / И бедность звёздная вдали* [2, с. 130]).

Что касается прилагательных, то помимо традиционных лексем (*вонючий, смрадный, пахучий, душистый, благоуханный*), С. А. Есенин использует просторечные, которые мы не встретим у И. А. Бунина: *духовитый и дужмяный (Духовитые дубравы / Кличут ветками к реке* [4, с. 214]).

Особый интерес вызывает следующий пример: *Свобода взметнулась неистово. / И в розово-смрадном огне / Тогда над странюю калифствовал / Керенский на белом коне* [4, с. 28]. В данном случае сложное прилагательное *розово-смрадный* представляет собой совмещение цветописи с обонятельным описанием. *Розовый огонь* приобретает негативную характеристику через лексему *смрадный*. Все четверостишие пропитано экспрессией и отражает негодование героя, его отрицательные эмоции.

Причастия со значением запаха, представленные в текстах С. А. Есенина — это *пропахший, дымлящий, смердящий, кадящий*. Первая лексема встречается четыре раза и репрезентирует отмеченную нами ранее у глаголов семантику 'пропитывания запахом от источника'. Например: *Чёрная, потом пропахшая выть! / Как мне тебя не ласкать, не любить?* [4, с. 217]. *Выть*, вероятно, дорога крестьянину в силу того, что пропитана его потом, возделана его руками. Запах здесь — следствие тесной связи человека и земли.

В текстах С. А. Есенина мы также обнаружили два наречия: *зловонно* и сравнительную степень от лексемы ароматно — *ароматней*. Остановимся подробнее на втором случае: *Ароматней медуницы / пахнет жней весёлых пот* [4, с. 111].

Глагол *пахнет* не несет в себе однозначной характеристики запаха. Через сравнительную конструкцию (*ароматней медуницы*) мы узнаем о степени приятности запаха *пота весёлых жней*. Здесь следует сделать уточнение: вряд ли *пот пахнет ароматней медуницы*, но именно авторская оценка процесса жатвы (*жней весёлых*) делает такое сравнение уместным.

Итак, одоративная лексика в произведениях С. А. Есенина поражает своим разнообразием. Помимо лексем, традиционно используемых для репрезентации концепта «запах», автор прибегает к многозначным словам, приобретающим в контексте запаховое значение, диалектной лексике, а также к созданию окказионализмов. Практически все запаховые образы поэта невероятно красочны и эмоциональны, так что их оценочное значение зачастую переносится на весь контекст. Иногда при описании запахов С. А. Есенин прибегает к словам из других лексико-семантических групп восприятия, передавая, таким образом, запах через звук, цвет, вкус и тактильные ощущения. Одоративные номинации, в свою очередь, могут быть использованы в переносном значении. Таким образом, можно заключить, что одоративные номинации и стоящий за ними концепт «запах» занимают значимое место в поэтической картине мира автора, выступая иногда устойчивыми образами и неся в себе дополнительную смысловую нагрузку.

Литература

1. Бахтин М. М. Проблема содержания, материала и формы в словесном и художественном творчестве // Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. — М., 1975. — С. 6–71.
2. Бунин И. А. Стихотворения и переводы / И. А. Бунин; [сост. и авт. вступ. ст. В. Смирнов; авт. коммент. О. Елагина]. — М.: Эксмо, 2008. — 480 с.
3. Воркачёв С. Г. Концепт счастье в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа / С. Г. Воркачёв. — Краснодар, 2012. — 142 с.
4. Есенин С. А. Собрание сочинений [Электронный ресурс] / С. А. Есенин. — Режим доступа: http://royallib.ru/book/esenin_serгей/sobranie_sochinений.html.
5. Згазинская О. Г. Обонятельно-вкусовое отображение пространств Киммерии и Парижа (на материале лирики М. А. Волошина) [Электронный ресурс] / О. Г. Згазинская. — Режим доступа: <http://zkola.ru/docs/index-652928.html?page=10>.
6. Иванова Н. Прелестные подробности в ятлинском рассказе «Дама с собачкой» [Электронный ресурс] / Н. Иванова. — Режим доступа: <http://www.repetitor.org/materials/chekhov.html>.
7. Ильюхина Т. Ю. «Запах счастья» у Чехова [Электронный ресурс] / Т. Ю. Ильюхина. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/neva/2010/1/il21.html>.
8. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепт, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград: Перемена, 2002. — 477 с.
9. Маслова Ж. Н. Поэтическая картина мира в контексте гуманитарного и филологического знания / Ж. Н. Маслова // Когнитивия, коммуникация, дискурс. — 2011. — № 3. — С. 26–41.
10. Павлова Н. С. Конкретная лексика с семантическим компонентом «запах» (На материале толкового словаря немецкого языка DUDEN) / Н. С. Павлова // Известия Уральского государственного университета. — 2004. — № 33. — С. 33–45.

11. *Одинцова М. В.* Художественно-стилевая роль слов лексико-семантического поля «запах» в произведениях И. А. Бунина (Аспекты номинации и предикации): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Одинцова Мария Владимировна. — М.: Моск. гос. обл. ун-т, 2008. — 27 с.

12. *Тарасюк І. В.* Особливості номінацій запахів у сучасній французькій мові: автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.05 / Тарасюк Інна Василівна; Київ. нац. ун-т ім. Т. Шевченка. — К., 2002. — 21 с.

References

1. *Bahtin M. M.* Problema sodержaniya, materiala i formy v slovesnom i hudozhestvennom tvorchestve // Voprosy literatury i estetiki / M. M. Bahtin. — M., 1975. — S. 6–71.
2. *Bunin I. A.* Stihotvorenija i perevody / I. A. Bunin; [sost. i avt. vstup. st. V. Smirnov; avt. komment. O. Elagina]. — M.: Eksmo, 2008. — 480 s.
3. *Vorkachjov S. G.* Konzept schast'e v russkom jazykovom soznanii: opyt lingvokulturologicheskogo analiza / S. G. Vorkachjov. — Krasnodar, 2012. — 142 s.
4. *Esenin S. A.* Sobranie sochinenij [Elektronnyj resurs] / S. A. Esenin. — Rezhim dostupa: http://royallib.ru/book/esenin_serгей/sobranie_sochineniy.html.
5. *Zgazinskaja O. G.* Obonjatel'no-vkusovoe otobrazhenie prostranstv Kimmerii i Parizha (na materiale liriki M. A. Voloshina) [Elektronnyj resurs] / O. G. Zgazinskaja. — Rezhim dostupa: <http://zkola.ru/docs/index-652928.html?page=10>.
6. *Ivanova N.* Prelestnye podrobnosti v jaltinskom rasskaze «Dama s sobachkoj» [Elektronnyj resurs] / N. Ivanova. — Rezhim dostupa: <http://www.repetitor.org/materials/chekhov.html>.
7. *Il'juhina T. Ju.* «Zapah schast'ja» u Chehova [Elektronnyj resurs] / T. Ju. Il'juhina. — Rezhim dostupa: <http://magazines.russ.ru/neva/2010/1/il21.html>.
8. *Karasik V. I.* Jazykovoju krug: lichnost', koncept, diskurs / V. I. Karasik. — Volgograd: Peremena, 2002. — 477 s.
9. *Maslova Zh. N.* Pojeticheskaja kartina mira v kontekste gumanitarnogo i filologicheskogo znaniya / Zh. N. Maslova // Kognicija, komunikacija, diskurs. — 2011. — № 3. — S. 26–41.
10. *Pavlova N. S.* Konkretnaja leksika s semanticheskim komponentom «zapah» (Na materiale tolkovogo slovarja nemeckogo jazyka DUDEN) / N. S. Pavlova // Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. — 2004. — № 33. — S. 33–45.
11. *Одинцова М. В.* Художественно-стилевая роль слов лексико-семантического поля «запах» в произведениях И. А. Бунина (Аспекты номинации и предикации): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Одинцова Мария Владимировна. — М.: Моск. гос. обл. ун-т, 2008. — 27 с.
12. *Тарасюк І. В.* Особливості номінацій запахів у сучасній французькій мові: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Тарасюк Інна Василівна; Київ. нац. ун-т ім. Т. Шевченка. — К., 2002. — 21 с.

РУСЕНКО Тетяна Іванівна,

аспірант кафедри загального мовознавства і історії мови Донецького національного університету; Донецьк, Україна;
e-mail: rusenko-tanya@mail.ru; моб.: +38 050 1564425; +7 968 4812619

СПЕЦИФІКА ВИКОРИСТАННЯ ОДОРАТИВНИХ НАЗВ У ПОЕЗІЇ С. О. ЄСЕНІНА

Анотація. Статтю присвячено дослідженню одоративних назв у поезії С. О. Єсеніна. Мета роботи — виявлення специфіки використання автором запахових назв. Матеріалом для порівняння слугують поетичні твори І. О. Буніна. Виявлено властиві авторській манері С. О. Єсеніна способи репрезентації запахів. Зроблено спробу з'ясувати ступінь важливості зазначеної групи назв у текстах С. О. Єсеніна, а також місце запахових образів у його поетичній картині світу взагалі. У висновках вказується, що одоративні номінації і концепт «запах», який за ними стоїть, відіграють певну роль у поетичній картині світу автора, виступаючи іноді як стійкі образи і несучи в собі додаткове смислове навантаження.

Ключові слова: одоративні назви, концепт «запах», поетична картина світу, сталі образи.

Tatyana I. RUSENKO,

Postgraduate Student of General Linguistics and History of Language Department, Philological Faculty Donetsk National University; Donetsk, Ukraine;
e-mail: rusenko-tanya@mail.ru; моб.: +38 050 1564425; +7 968 4812619

THE SPECIFIC USAGE OF OLFACATORY NOMINATION IN THE POETRY BY SERGEY ESENIN

Summary. The paper is devoted to the analysis of the nominations of odor in the poetry by Sergey Esenin. The aim of the work is the identification of the author's specifics of usage of olfactory nominations (in comparison with poetic works by Ivan Bunin). Typical writer's methods of representation of smell are identified. The author of paper tries to determine the degree of importance of this group of nominations in the texts by Sergey Esenin and place of scent imagery in his poetic worldview. In the conclusion has been stated that the odorative nominations and the underlying concept of «smell» it play a significant part in the author's poetic worldview and sometimes become repeated images which bear an additional meaning.

Key words: nominations of odor, mental representation of scent, poetic worldview, repeatable images.

Статтю отримано 15.04.2014 р.

ПИТАННЯ ОНОМАСТИКИ І ТЕРМІНОЗНАВСТВА

УДК 811.161.1'373:7.017.4:659.13:687.53

ХЕЙЛИК Татьяна Александровна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии Запорожского национального университета; Запорожье, Украина;

e-mail: hejlikta@rambler.ru; тел.: +38 061 2794166; моб.: +38-097 5943444

ГОРЛАЧЁВА Виктория Владимировна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранного языка профессионального общения Запорожского национального технического университета; Запорожье, Украина;

e-mail: vikagorlacheva@rambler.ru

**ТИПОЛОГИЯ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ ДЕКОРАТИВНОЙ КОСМЕТИКИ
В СОВРЕМЕННОЙ РЕКЛАМЕ**

Аннотация. Статья посвящена вопросам типологии цветообозначений, функционирующих в современной рекламе. Рассматриваются структурные и семантические особенности рекламных названий цвета. Динамичность и суггестивность рекламного дискурса отражается на его лексическом фонде, в том числе цветообозначениях: рекламная цветолексика наряду с номинативной выполняет манипулятивную функцию, выступая средством привлечения внимания покупателя. Русскоязычная реклама, несомненно, имеющая собственные традиции, подвержена влиянию западных социокультурных и собственно лингвистических канонов, поэтому рекламная цветолексика содержит и общеязыковые, и новые виды цветообозначений. Общеязыковые цветообозначения представляют собой имена прилагательные с денотативно-сигнификативными семами цвета. Не все общеязыковые цветообозначения в одинаковой мере востребованы в современной рекламе. Среди общеязыковых цветообозначений разграничены семантически производные и семантически непроизводные единицы. Доля семантически производных общеязыковых цветообозначений, образованных от относительных прилагательных-характеристик явлений и объектов живой и неживой природы, более обширна. Среди окказиональных цветообозначений присутствуют функциональные колоративы (производные неизменяемые цветообозначения, которые выступают в данной функции в пределах рекламного дискурса), а также заимствования. Часть функциональных колоративов образована от лексем без денотативно-сигнификативных сем цвета (квазиколоративы). Одним из продуктивных способов образования рекламных окказиональных цветообозначений следует признать переход свободных словосочетаний (Adj + N) с цветовой семантикой в фонд рекламной цветолексики. Присутствие семы «положительная оценка» — характерная черта окказиональных цветообозначений в рекламе.

Ключевые слова: реклама, цветообозначение, значение, сема.

Современное общество невозможно представить без рекламы. Эта коммуникативная сфера прочно вошла в нашу жизнь, закрепив позиции благодаря своему мощному суггестивному потенциалу. Во многих случаях реклама выступает модератором человеческого поведения, тонко «играя на струнах» наших потребностей и желаний. Формирование и развитие все новых и новых способов и средств рекламирования, полиаспектность и манипулятивный контент рекламы объясняют значительный интерес к ней со стороны не только маркетологов, психологов, социологов, но и лингвистов. Текст, безусловно, является важным компонентом рекламы, так как именно он предоставляет потребителю всю информацию о продукции. Авторы рекламных текстов стараются повлиять на потребителя, «зацепить» его внимание и оставить текст в памяти. В рамках данной работы мы обратились к отдельному аспекту текстовой составляющей рекламы, а именно цветообозначениям. Цвет испокон веков играет важную роль для человека, для индивида он важен, так как задаёт тон и ритм жизни, определяет наше душевное равновесие, усиливает чувства и ощущения, стимулирует или расслабляет. Цветолексика языка — богатый материал для лингвистических изысканий. Широко известны работы Н. Б. Бахилиной, И. А. Герасименко, В. Г. Кульпиной, Ш. К. Жаркынбековой [1; 3; 4; 5; 7]. Реклама как вид практической деятельности человека обладает набором цветовых определителей, созданных и функционирующих в соответствии с культурно-историческими традициями и психолингвистическими факторами восприятия цвета, а также современными тенденциями цветономинации. Изучение формирования цветовых понятий и фиксаций этих перцептивно-когнитивных образов в языковой форме рекламы давно привлекает внимание учёных (А. П. Василевич [2], О. И. Кулько [6], Л. В. Печенникова [8], Ю. Н. Ус [10] и др.). Эти авторы разбивают рекламную цветолексику на тематические группы, опираясь на семантику лексем, выступивших мотиваторами названия цвета. Ю. Н. Ус рассматривает семантические типы рекламных цветообозначений современных немецкого и русского языков [10]. Кроме основных (абстрактных) цветообозначений, в рекламном тексте активно используют и мотивированные цветообозначения. «...Названия цветовых оттенков, основанные на семантическом переносе значения с предмета, обладающего характерным цветом, на обозначения цвета, — распространённый тип языковой метафоры» [10, с. 229]. О. И. Кулько указывает на наличие в русскоязычной рекламе

таких групп названий цвета, как первичные и вторичные колоративы, субстантивы от колоративов, а также лексемы, не имеющие сем цвета, но ассоциирующиеся с ним [6].

Актуальность нашей работы определена недостаточным, на наш взгляд, лингвистическим освещением вопросов структурной и семантической типологии рекламных цветообозначений. Динамичность процесса цветовой номинации в рекламе обуславливает трансформацию цветословаря: появление новых названий цвета, снижение частотности употребления некогда популярных цветообозначений. **Цель статьи** — указать структурные и семантические особенности рекламных цветообозначений, разграничив продуктивные и непродуктивные типы. **Материалом** для проведения исследования послужили цветообозначения, полученные методом сплошной выборки из рекламных текстов краски для волос. Ограниченные объёмом статьи, мы избрали относительно малую группу цветообозначений, иллюстрирующую общие тенденции номинации цвета в рекламе.

Говоря о названиях оттенков перманентной краски для волос, стоит отметить, что они представляют собой поликодовые сложные единицы, например, *913 Изысканный светлый блонд, 535 Сладкий горячий шоколад, 361 Таинственная чёрная вишня, 200 Чувственный чёрный*. Традиция использования не только словесного определения, но и числового имеет глубокие западноевропейские корни. В Словаре Цвета каждое цветообозначение сопровождается числовым шифром, например: *Саксонский синий 36 1 6* [11, с. 178]. Однако если шифры в справочных изданиях являются унифицированными, то современная реклама красок для волос различных брендов содержит в себе различные шифры и цветообозначения. Более того, в попытке привлечь внимание покупателя маркетологи стали совмещать в рекламном цветообозначении три элемента (*9.1 Викинг Очень светло-русый пепельный; 10.1 Хельсинки Светло-светло-русый пепельный осветляющий*). В этом случае, наряду с цифровым шифром и собственно колоративами употребляется единица, лишь ассоциативно связанная с цветом, но привлекающая внимание покупателя. Следовательно, группа названий оттенков краски для волос — развивающаяся система, элементы которой отличны друг от друга в семантическом и структурном аспектах. Рассмотрим более подробно.

В русскоязычной рекламе функционирует три вида цветообозначений: общеязыковые, окказиональные семантически производные и семантически пустые. Данная классификация иллюстрирует тенденции, определяющие процессы формирования фонда цветолексики в рекламе на современном этапе. В рамках нашего исследования в качестве общеязыковых цветообозначений определены имена прилагательные с цветовыми семами в денотативно-сигнификативном макрокомпоненте, получившие широкое распространение и зафиксированные словарями русского языка. Среди общеязыковых цветообозначений присутствуют семантически непроизводные (*русый, рыжий*) и семантически производные лексические единицы (*каштановый, медовый*). Семантически производные общеязыковые цветообозначения были образованы на базе относительных имён прилагательных с цветовой семантикой. Такая модель остаётся продуктивной и в настоящее время. В рекламе, как правило, задействованы лишь некоторые цветообозначения из перечня общеязыковых названий цвета.

Адъективные колоративы являются основой фонда общеязыковых цветообозначений в русском языке; значение цвета как признака традиционно репрезентируется с помощью лексем-имён прилагательных. Аналитические прилагательные *беж, блонд, бордо, индиго, шатен* мы условно отнесли к разряду общеязыковых цветообозначений, названные единицы обладают чёткой цветовой семантикой, освоены русским языком, что отражено в лексикографических изданиях: «БОРДО, неизм. прил. и БОРДОВЫЙ ... то же тёмно-красный» [19, т. 1, с. 640], однако неизменяемость этих цветообозначений и яркая заимствованная форма дают основания говорить об их особом статусе.

Согласно тематическому принципу, общеязыковые семантически производные цветообозначения разделены на две группы: единицы, образованные от относительных прилагательных — характеристик явлений и объектов живой и неживой природы; единицы, образованные от относительных прилагательных — характеристик объектов, созданных в ходе деятельности человека (артефактов). Среди семантически производных цветообозначений, мотивированных названиями объектов и явлений природы, следует выделить такие группы: названия растений (*ванильный, каштановый, охристый*); природных явлений и объектов (*медовый, перламутровый, платиновый, снежный*). Отдельная группа общеязыковых семантически производных цветообозначений мотивирована названиями предметов, созданных человеком: сплавов (*бронзовый, медный*); пищевых продуктов (*винный, коньячный, кремовый*). Дифференциация насыщенности тона, как правило, осуществляется с помощью интенсификаторов *светлый / тёмный, очень светлый, светло-светло-, ультра светлый, интенсивный*, например: *05 Светло-светло-русый бежевый; 10.02 Светло-светло-русый нежный; P28 Интенсивный чёрно-фиолетовый*.

Кроме перечисленных лексических единиц, в современной рекламе функционируют цветообозначения нового вида. Все они семантически производны, образованы с помощью переноса наименования с предмета или явления, обладающего характерным цветом, на обозначение цвета. А. П. Василевич обращает внимание на данное языковое явление, называя его «номинацией по предмету» [2, с. 18], например: *Клубника со сливками; Шоколад*. При образовании цветообозначений описанным образом происходит семантическое расширение содержательного плана слова и перераспределение сем денотативно-сигнификативного и коннотативного макрокомпонентов. В рекламном дискурсе важным является факт осознания реципиентом окказиональности нового цветообозначения. Покупатель должен ощущать необычность употребления лексемы, её мотивированность. Колоративное и неколоративное значения слова в таких случаях, как правило, взаимосвязаны. В узусе рассматриваемые лексеммы не обладают статусом цветообозначения, колоративная функция характерна для них только в рекламном

дискурсе, поэтому в рамках исследования мы определяем их как «функциональные колоративы». По своему набору признаков их нельзя отнести ни к одной части речи. Имена существительные, имена прилагательные становятся базой для создания таких рекламных цветообозначений, но семантические изменения, которые происходят в семемах данных лексем при переходе их в фонд рекламной цветолексики, трансформируют их лингвистическую суть. Становясь рекламными цветообозначениями, лексемы теряют свою прежнюю частеречную принадлежность, становятся неизменяемыми (10 *Лос-Анджелес светло-светло-русый*). Функциональные колоративы представлены однокомпонентными, двухкомпонентными и многокомпонентными (содержащими три и более компонентов) единицами. Однокомпонентные единицы в рекламе краски для волос встречаются редко (*Мёд, Ракушка*). Двухкомпонентные «функциональные колоративы» образуются по следующим схемам: Adj + Adj (740 *Огненный медный*); Adj + N (4.35 *Пряный шоколад*). По терминологии А. П. Василевича, подобные цветообозначения следует определять как модификационные композиты, совмещающие имя цвета и его модификаторы. Самый продуктивный тип рекламных окказиональных цветообозначений формируется благодаря переходу свободных словосочетаний (Adj + N) с цветовой семантикой в фонд рекламной цветолексики, например: 660 *Вишнёвый сорбет*; 210 *Черничный дайкири*; 500 *Чистый каштан*.

Подбирая цветообозначение, маркетолог опирается на аксиологические установки в обществе. Наиболее простым способом реализации положительной оценки является само слово, полноточная лексема. Это, прежде всего, слова-оценки (денотат равен оценке), например: *красивый, прекрасный, изысканный, роскошный*. Они могут одновременно, и характеризовать колерный образец, и давать ему положительную оценку (913 *Изысканный светлый блонд*, 552 *Роскошный морозный орех*). Обширная группа образована из пары прилагательных (структурная схема Adj + Adj), где один из компонентов — общеязыковой колоратив (565 *Дерзкий красный*; 7.13 *Морозный бежевый*; 200 *Чувственный чёрный*). Многокомпонентные названия цвета построены по схеме Adj + Adj + N (361 *Таинственная чёрная вишня*; 600 *Чистый светлый каштан*), а также по схеме адъективных конструкций: 830 *Сялющий золотистый блонд*. Окказиональные производные цветообозначения, как правило, мотивированы названиями продуктов питания и растений (*Божоле; Ваниль; 5.6 Вишнёвый каштан; сладкая вишня; Жгучий ром; Тирамису; Шампанское; Ямайский перец*). Есть попытка использовать топонимы как метафорические показатели цвета (5.56 *Кастилия Красное дерево медный*). Значительная группа окказиональных цветообозначений включает названия драгоценных металлов (*Изысканная платина*), камней (*Гавана Светлый янтарь; Многогранный бриллиант*).

Функциональные колоративы могут не содержать в денотативно-сигнификативном макрокомпоненте цветовой семы. Такие слова А. П. Василевич предлагает называть рекламными словами [2, с. 55]. Термин «рекламное слово», по нашему мнению, обладает нечётким значением. Этот термин может выступать названием любой лексемы, употребляемой в рекламном дискурсе. Семантический потенциал лексем, выступающих в структуре термина «рекламное слово» не содержит семы «цвет», а потому не может определять один из видов цветообозначений. По нашему убеждению, более уместным в данном случае будет термин «квазиколоратив». Таким термином мы определяем рекламное цветообозначение, характеризующееся окказиональностью, контекстуальной ограниченностью и первоначальным отсутствием семы цвета в денотативно-сигнификативном макрокомпоненте, например: *Гренада, Гавана, Каракас, Шангрила*. При номинации оттенка краски для волос подобные единицы употребляются в комплексе с функциональными колоративами с цветовой семантикой или колерным образцом (креолизованый текст), например: 8.1 *Копенгаген Светло-русый пепельный*; 8.32 *Берлин Светло-русый золотисто-перламутровый*; 6.23 *Таскания радужный светлый каштан*. Анализируя семантику окказиональных цветообозначений, мы обратились к методике проведения ассоциативных экспериментов. Ассоциативные эксперименты дали нам сведения относительно актуальности и мотивированности рассматриваемых единиц. В ассоциативном эксперименте принимали участие 20 студентов Запорожского национального университета. В качестве слов-стимулов анкетированным были предложены квазиколоративы *Антигуа, Берлин, Викинг, Голливуд, Каракас, Копенгаген, Лос-Анджелес, Мадрид, Рим, Стокгольм, Таскания, Хельсинки, Шангрила*. В ходе ассоциативного эксперимента респонденты должны были привести цветовые ассоциации на указанные квазиколоративы. Согласно результатам эксперимента, анкетированным понятны мотивы выбора квазиколоративов *Копенгаген* (более 50 % реакций: *русый, светло-русый, белый*); *Викинг* (более 60 % реакций: *блонд, светлый, русый, рыжеватый*); *Хельсинки, Стокгольм* (около 80 % реакций: *блонд, белый, светлый, почти белый*); *Голливуд* (около 70 %: *блонд, блондин, золотистый блондин*). Следовательно, фоновые знания респондентов дают возможность понять эти квазиколоративы, извлечь ассоциативную сему цвета. Хельсинки — столица Финляндии, Копенгаген — столица Дании, всё это эталонные места проживания людей, для внешности которых характерны светлые волосы. Голливуд — знаковая местность, центр киноиндустрии США, а большинство успешных голливудских актрис — обладательницы светлых волос. Викинг — название раннесредневекового скандинавского морехода, образ которого также непосредственно связан со светлыми волосами. В то же время, квазиколоративы *Антигуа, Берлин, Каракас, Лос-Анджелес, Мадрид, Рим, Таскания, Шангрила* непонятны респондентам, среди реакций мы зафиксировали лишь единичные приближенные к рекламным колерным образцам; были получены и нулевые реакции. Для носителей русского языка указанные лексемы являются семантически пустыми в цветовом аспекте.

Таким образом, названия оттенков краски для волос можно разделить на общеязыковые, окказиональные семантически производные и семантически пустые. Среди окказиональных семантически производных наиболее частотными следует признать функциональные колоративы, представленные

двухкомпонентными и многокомпонентными (содержащими три и более компонентов) единицами. Оказиональные цветообозначения без денотативно-сигнификативных цветовых сем употребляются в комплексе с функциональными колоративами с цветовой семантикой. Все производные рекламные цветообозначения антропоцентричны; они, как правило, мотивированы названиями объектов, созданных человеком (продуктов питания, топонимов, определяющих знаковые города и регионы), объектов живой и неживой природы, высоко оцениваемых в обществе.

Литература

1. Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке / Н. Б. Бахилина. — М.: Наука, 1975. — 288 с.
2. Василевич А. П. Цвет и названия цвета в русском языке / А. П. Василевич, С. Н. Кузнецова, С. С. Мищенко. — М.: URSS, 2005. — 289 с.
3. Герасименко И. А. Семантика и особенности функционирования колоратива *синий* / И. А. Герасименко // Типология мовних значень у діалектному та зставному аспектах. — Донецьк: ДонДУ, 2004. — Вип. 10. — С. 122–130.
4. Жаркынбекова Ш. К. Ассоциативные признаки цветообозначений и языковое сознание / Ш. К. Жаркынбекова // Вестник МУ. Сер. 9. Филология. — 2003. — № 1. — С. 109–116.
5. Зирка В. В. Языковая парадигма манипулятивной игры в рекламе: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: спец. 10.02.02. «Русский язык» / В. В. Зирка. — Днепропетровск, 2005. — 33 с.
6. Кулько О. И. Колоративы и обозначения цвета в рекламе / О. И. Кулько // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию Казанск. ун-та (Казань, 4–6 окт. 2004 г.): труды и материалы. — Казань, 2004. — С. 224–225.
7. Кульпина В. Г. Лингвистика цвета: Термины цвета в русском и польском языках / Валентина Григорьевна Кульпина. — М.: Моск. лицей, 2001. — 471 с. — (Библиотека журнала «Русский филологический вестник»; т. 38).
8. Печеникова Л. В. Цветообозначения в рекламном дискурсе: на материале англо-американской и российской рекламы предметов быта: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Л. В. Печеникова. — Саратов, 2006. — 264 с.
9. Словарь современного русского литературного языка. В 20 т. Т. 2 / [АН СССР, Ин-т рус. яз.]. — М.: Рус. яз., 1987. — 988 с.
10. Ус Ю. Н. Семантические типы цветообозначений современных русского и немецкого языков (на материале текстов рекламы) / Ю. Н. Ус // Матеріали міжвузівської наукової конференції молодих учених «Актуальні дослідження іноземних мов і літератур»: 13–14 лют. 2003 р. — Донецьк: ДонНУ, 2003. — С. 298–300.
11. Maerz A. A Dictionary of color / A. Maerz, M. R. Paul. — New York, 1950. — 326 p.

References

1. Bahilina N. B. Istoriya tsvetooboznacheniy v russkom yazyike / N. B. Bahilina. — M.: Nauka, 1975. — 288 s.
2. Vasilevich A. P. Tsvet i nazvaniya tsveta v russkom yazyike / A. P. Vasilevich, S. N. Kuznetsova, S. S. Mischenko. — M.: URSS, 2005. — 289 s.
3. Gerasimenko I. A. Semantika i osobennosti funktsionirovaniya kolorativa siniy / I. A. Gerasimenko // Tipologiya movnih znachen u dIahronnomu ta zistavnomu aspektah. — Donetsk: DonDU, 2004. — Vip. 10. — S. 122–130.
4. Zharkynbekova Sh. K. Assotsiativnyie priznaki tsvetooboznacheniy i yazykovoe soznanie / Sh. K. Zharkynbekova // Vestnik MU. Ser. 9. Filologiya. — 2003. — N 1. — S. 109–116.
5. Zirka V. V. Yazykovaya paradigma manipulativnoy igryi v reklame: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk: spets. 10.02.02 «Russkiy yazyk» / V. V. Zirka. — Dnepropetrovsk: DNU, 2005. — 33 s.
6. Kulko O. I. Kolorativy i oboznacheniya tsveta v reklame / O. I. Kulko // Russkaya i sopostavitelnaya filologiya: sostoyanie i perspektivy: Mezhdunar. nauch. konf., posvyaschennaya 200-letiyu Kazansk. Un-ta (Kazan, 4–6 okt. 2004): trudy i materialy / pod obsch. red. K. R. Gallulina. — Kazan: Izd-vo Kazan. un-ta, 2004. — S. 224–225.
7. Kulpina V. G. Lingvistika tsveta: Terminy tsveta v russkom i polskom yazyikah / Valentina Grigorevna Kulpina. — M.: Mosk. litsey, 2001. — 471 s. — (Biblioteka zhurnala «Russkiy filologicheskiy vestnik»; t. 38).
8. Pechennikova L. V. Tsvetooboznacheniya v reklamnom diskurse: na materiale anglo-amerikanskoy i rossiyskoy reklamyi predmetov byita: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19 / L. V. Pechennikova. — Saratov, 2006. — 264 s.
9. Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyika. V 20 t. T. 2 / AN SSSR, In-t rus. yaz. — M.: Rus. yaz., 1987. — 988 s.
10. Us Yu. N. Semanticheskie tipy tsvetooboznacheniy sovremennyih russkogo i nemetskogo yazyikov (na materiale tekstov reklamyi) / Yu. N. Us // Materiali mizhvuzivskoyi naukovoyi konferentsiyi molodih uchenih «Aktualni doslidzhennya inozemnih mov i literatur»: 13–14 lyut. 2003 g. — Donetsk: DonNU, 2003. — S. 298–300.
11. Maerz A. A Dictionary of color / A. Maerz, M. R. Paul. — New York, 1950. — 326 p.

ХЕЙЛІК Тетяна Олександрівна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри російської філології Запорізького національного університету; Запоріжжя, Україна;
e-mail: hejlikta@rambler.ru; тел.: +38 061 2794166; моб.: +38-097 5943444

ГОРЛАЧОВА Вікторія Володимирівна

кандидат філологічних наук, доцент кафедри іноземної мови професійного спілкування Запорізького національного технічного університету; Запоріжжя, Україна;
e-mail: vikagorlacheva@rambler.ru

ТИПОЛОГІЯ КОЛЬОРОПОЗНАЧЕНЬ ДЕКОРАТИВНОЇ КОСМЕТИКИ У СУЧАСНІЙ РЕКЛАМІ

Анотація. Стаття присвячена питанням типології кольоропозначень, які функціонують у сучасній рекламі. Розглядаються структурні та семантичні особливості рекламних назв кольору. Динамічність та сугестивність рекламного дискурсу відображається у його лексичному складі, в тому числі у кольоропозначеннях: рекламна кольоролексика виконує і номінативну, і маніпулятивну функції. Російськомовна реклама, безперечно, має власні традиції, проте на неї впливають західні соціокультурні та власне лінгвістичні канони, тому рекламна кольоролексика має приклади загальнономовних назв кольору та нових видів. Як загальнономовні кольоропозначення визначено прикметники з денотативно-сигніфікативними семами кольору. Не всі загальнономовні кольоропозначення однаково затребувані в сучасній рекламі. Загальнономовні кольоропозначення умовно розподілено на семантично похідні та семантично непохідні одиниці. Група семантично похідних загальнономовних кольоропозначень, що утворилися від відносних прикметників — характеристик явищ та об'єктів живої та неживої природи — більш розгалужена. Серед okazionalnih кольоропозначень було визначено функціональні колоративи (похідні стали кольоропозначення, що мають таку функцію лише в межах реклами), а також запозичення. Частина функціональних колоративів походить від лексем без денотативно-сигніфікативних сем кольору (квазіколоративи). Одним з продуктивних шляхів утворення рекламних okazionalnih

кольоропозначень слід визнати перехід вільних словосполучень (Adj+N) з колірною семантикою до групи рекламної кольоро-лексики. Наявність семи «позитивна оцінка» — характерна риса оказіональних кольоропозначень у рекламі.

Ключові слова: реклама, кольоропозначення, значення, сема.

Tatyana A. KHEJLIK,

PhD in Philological Sciences, Associate Professor of the Russian Philology Department of Zaporozhye National University; Zaporozhye, Ukraine;
e-mail: hejlikta@rambler.ru; tel.: +38 061 2794166; mob.: +38-097 5943444

Victoria V. GORLACHOVA,

PhD in Philological Sciences, Associate Professor of Business Foreign Language Department of Zaporozhye National Technical University; Zaporozhye, Ukraine;
e-mail: vikagorlacheva@rambler.ru

THE TYPOLOGY OF COLOUR DESIGNATIONS FOR DECORATIVE COSMETICS IN MODERN ADVERTISING

Summary. The article is devoted to questions of advertising color terms typology. Structural and semantic features of modern advertising color terms are analyzed. Both dynamic and manipulative basis of modern advertisement influence its vocabulary, we can see it in color naming too. Advertising color names have naming and manipulative functions at the same time, attracting target customers. The Russian-language advertisement has its own traditions but nevertheless it borrows sociocultural and verbal features of international advertisement, so modern advertising color terms are not only traditional color terms but new types of them — new (occasional) ones. As a traditional color term we consider an adjective with main color meaning. Only some traditional Russian color terms are appropriate for the advertising, so they are present in the ads. All traditional color terms can be divided: part of them is derivative by their meaning and the other is not. Semantically derivated units, which are based on natural objects' names, are more frequent in modern advertising. Besides traditional color terms and borrowings there are several groups of new color terms differ with semantic and formal features. We defined them as 'functional color terms'— semantically derivated non-changeable color terms, they name colors just in advertising text. A great part of functional color terms is based on lexical units without denotative and significant color semes in the meaning. Conversion is one of the most frequent ways of new color terms forming, as a rule, word combinations (Adj +N) with color meaning become advertising color term. It should be stressed that part of the meaning 'appreciation' is typical for occasional color terms in modern advertising text.

Key words: advertisement, color term, meaning, seme.

Статтю отримано 22.05.2014 р.

УДК 811.161.1'373.4:73.023.4:725.42:666.5

ТОМАСИК Самуэла,

аспирант кафедри російського мови Університету Казимира Великого; Быдгощ, Польща;
e-mail: samuela.tomasik@onet.eu

НАЗВАНИЯ ФАРФОРОВЫХ ИЗДЕЛИЙ ДУЛЁВСКОГО ЗАВОДА

Аннотация. Собственные имена есть везде. Они являются одним из общих факторов во всех человеческих обществах. Каждый носитель языка в повседневной жизни употребляет определённое количество имён собственных. Их изучение зависит от сотрудничества между представителями многих научных дисциплин. В данной статье говорится о современных тенденциях в номинации фарфоровых изделий завода «Дулёвский фарфор». Рассматривается место приведённых онимов в системе имён собственных. Собранный материал делится на несколько групп, приводится характеристика каждой из них. Представленные названия являются иллюстрацией разновидностей наименований предметов домашнего обихода. Анализ показывает, что собственные имена, предлагаемые заводом Дулёвский фарфор, возникли путём трансонимизации или онимизации. Представленная классификация основана на мотивационных моделях. Автор пытается ответить на следующие вопросы: почему фарфоровая продукция получает свои собственные наименования? Кто пользуется такими наименованиями? Какую информацию эти наименования несут в себе?

Ключевые слова: номинация, прагматоним, ктематоним, хрематоним, продукт человеческой деятельности, трансонимизация, онимизация.

Имена собственные: имена, фамилии, названия гор и рек, городов и деревень, улиц, магазинов, клички домашних животных, а также названия разных результатов материальной и духовной деятельности человека, возникающие благодаря развитию языка, — в постоянно изменяющемся мире являются очень богатым, недооценённым источником знаний об истории и культуре народов.

Хрематонимика — сравнительно молодая дисциплина среди других разделов ономастики. Она всё время расширяет пределы своих интересов, а также ускоряет темп концептуального и методологического развития. Всё чаще замечаются попытки её автономизации. Однако самостоятельность хрематонимики не отталкивает её от некоторых традиционных и проверенных методов, выработанных антропономстикой и топономстикой. Хрематонимика сегодня оказывает влияние на ономастику в целом, развитие предмета её изучения и используемых исследовательских методов [8, с. 181–193].

Предметом изучения данной статьи являются названия фарфоровых столовых сервизов и их отдельных частей, которые были изготовлены на заводе «Дулёвский фарфор». Все проанализированные единицы были выбраны из каталога продукции данного предприятия.

Дулёвский фарфоровый завод был основан купцом Терентием Кузнецовым в 1832 году. За 20 лет купец сделал его ведущим фарфоровым предприятием России. Изделия завода отличались благородной простотой: «ослепительная белизна сочеталась с великолепной позолотой и равномерным, насыщенным блеском глазури. Для успешного сбыта посуды требовалась иная роспись — более яркая и броская. Поэтому акцент был сделан на самобытность, народное творчество, национальные особенности и традиции, в результате чего родился неповторимый дулёвский стиль — «агашки». От бесхитростных агашек и розанов, от народного письма по керамике пошли все дулёвские рисунки, в них — душа Дулёвского фарфорового завода» [10]. Сегодня Дулёвский фарфоровый завод — технически оснащённое предприятие с непрерывным технологическим циклом. На предприятии работает около трёх тысяч человек. Это по-прежнему один из крупнейших заводов Европы, специализирующийся на выпуске высококачественного фарфора для широких слоёв населения. Изделия подмосковных мастеров отмечены многочисленными премиями и наградами [10].

Поскольку фарфоровые изделия являются материальным результатом человеческой деятельности — все названия, приведённые в настоящей статье, надо отнести к группе *хрематономимов*. Хрематономастика — отдел ономастики, исследующий названия результатов как материальной, так и духовной деятельности человека. Считается, что хрематономастика является сегодня дисциплиной, которая развивается быстрее всех остальных ономастических дисциплин; пределы и терминология хрематономастики однозначно не определены. В славянской Европе существуют разные ономастические школы. В польской и чешско-словацкой ономастических школах хрематономимом считают собственное имя единичного или серийного изделия человеческой деятельности, чаще всего не связанного с определённым ландшафтом [9, с. 70]. *Хрематономим* — это широкая дефиниция, включающая в себя также результаты умственной работы человека, напр., произведения литературы, художественные картины, скульптуру [8, с. 370]. В России деятельность человека принято делить на умственную (духовную) и практическую (материальную). Названия объектов, связанных с первой, относятся к *идеонимам*, а со второй — к *прагматономимам*. Таким образом, *хрематономим* — вид *прагматономима*, собственное имя отдельного предмета материальной культуры. Иногда в сходном значении употребляют термин *ктематоним*. Для обозначения серийных, не единичных изделий чаще всего употребляется термин *прагматономим* [8, с. 384].

Названия продуктов, предназначенных для продажи в торговой сети — явление настолько интересное для современных учёных-ономастов, что именно этому классу названий в богатой ономастической литературе за последние полвека был посвящён целый ряд научных трудов. Научному анализу подвергались, например: названия пива [1], кондитерских изделий [2], сортов чая [7], сыра [4] и др.

С точки зрения словообразования, названия изделий, предназначенных для продажи, могут быть перенесёнными или не перенесёнными названиями, а также названиями, возникшими специально для конкретного номинативного акта. Эти наименования могут быть связанными или не связанными (конвенционально мотивированными) с конкретными чертами единиц товара [7, с. 312].

В ходе проведённого исследования мы установили, что каждое изделие дулёвского завода имеет название двух уровней: 1) название фасона и 2) название украшающего рисунка.

Ad 1. В каталоге продажи завода Дулёвский фарфор имеется лишь несколько названий предлагаемых фасонов. Это названия, происходящие из разных сфер жизни: *Аппетитный, Вертикаль, Голубая роза, Европейский, Каприз, Рассвет, Сатурн, Тюльпан, Фруктовый сад, Элегия, Юбилейный*.

Надо отметить, что некоторые онимы стали названиями фасонов и украшающих их рисунков: *Анталья, Белый лебедь, Рубин, Тюльпан, Юбилейный, Янтарь*.

Ad 2. Данную группу онимов составили названия, взятые из разных сфер жизни. Одни названия возникли путём трансоимизации, т. е. переноса собственного имени с объекта одного класса на объект другого класса; другие — путём онимизации, т. е. переноса имени нарицательного одного класса объектов в имя собственное объекта другого класса.

Группу названий, возникших путём трансоимизации составили:

1. Названия, происходящие от антропонимов:

а) от женских имён; русских: *Вероника, Галина, Марина, Нина, Рита*; и заимствованных: *Глория, Кармен, Наоми, Сесиль*;

б) от имён мифологических персонажей: *Жар-птица, Феникс, Флора*.

2. Названия, происходящие от топонимов: *Анталья* (город в Турции), *Виды Москвы, Дулёво, Европейский, Монреаль* (город в Канаде), *Москва, Московский, Персидский, Саксонский букет*.

Группу названий, возникших путём онимизации, составили:

1. Названия, связанные с растительным миром (самая многочисленная группа): *Астры, Жёлтая лилия, Жёлтые розы, Ирис, Каллы, Клён, Незабудки, Папоротник, Подсолнухи, Ромашки, Сирень, Травки, Тюльпан, Фиалки, Хризантемы, Чёрная роза, Ягоды*.

2. Названия, связанные с миром животных: *Бабочки, Белый лебедь, Глухари, Далматинец, Кискины истории, Леопард, Раки*.

3. Названия драгоценных минералов: *Агат, Малахит, Рубин, Сапфир, Янтарь*.

4. Названия, связанные с течением времени: *Весенний, Вечерний, Воспоминание, Июнь, Лето, Летние фантазии, Летняя симфония*.

5. Названия, ассоциирующиеся с русской историей и культурой: *Герб России, Подарки к Рождеству, Рождённый в СССР, Русский мотив*.

6. Названия, связанные с предметами домашнего обихода: *Окна, Фонарики*.

7. Названия, ассоциирующиеся с высокими чувствами, настроением, понятиями высокого, краси-

вого: *Акварель, Вальс цветов, Классический, Красавица, Летняя симфония, Нежность, Орнаментальный, Праздничный, Свадебный, Торжественный, Торжество.*

8. Названия, указывающие на цвет, преобладающий на данном рисунке: *Голубой ситец, Золотое кружево, Отводка золотом, Розовый ситец.*

Анализируя каталог изделий завода «Дулёвский фарфор», предназначенных для продажи, можно прийти к выводу, что номинативная функция, основная функция имени собственного, реализуется не в полной мере. Так, имеются случаи, когда одно название служит одновременно названием фасона и рисунка; а также случаи ономастической омонимии, когда два разных рисунка называются одинаково. Некоторые из предлагаемых изделий не имели в каталоге названия на уровне рисунка.

Можно также сделать вывод, что авторы названий фарфоровых изделий Дулёвского завода ставили себе цель соединить русскую традицию с элементами западной культуры. По мнению авторитетной чешской исследовательницы Мирославы Кнапповой [5, с. 123–131], можно говорить о двух тенденциях образования современных названий. Первая из них — это взгляд в прошлое, напр.: *Герб России, Рождённый в СССР, Русский мотив.* Акцент делается на то, что изделие русское, традиционное, проверенное временем. Вторая номинативная тенденция связана с употреблением новых и чужих русскому языку элементов (*Английский сад, Монреаль, Наоми, Сесиль*). Акцент делается на наличие стиля, отличного от привычного, традиционного, на необычность и/или новизну изделия, его европейское качество.

Литература

References

1. *Bánková Z.* Onomastikon severočeských názvů piv od roku 1948 do roku 1990 / Z. Bánková // Onomastický zpravodaj ČSAV (Zpravodaj Místopisné komise ČSAV). — Praha, 1991–1992. — Ročník XXXII–XXXIII. — S. 205–215.
2. *Badyda E.* O problemach z ustaleniem postaci chrematonimu — na przykładzie polskich wyrobów cukierniczych / E. Badyda // Chrematonimia jako fenomen współczesności / [red.: M. Biolik, J. Duma]. — Olsztyn: Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego, 2011. — S. 31–42.
3. *Galkowski A.* Chrematonimy w funkcji kulturowo-użytkowej. Onomastyczne studium porównawcze na materiale polskim, włoskim, francuskim / Artur Galkowski. — Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2008. — 388 s.
4. *Honl I.* O tyronymech — názvech sýrů / Ivan Honl // Zpravodaj Místopisné Komise ČSAV. — Praha, 1966. — № 7. — S. 9–15.
5. *Knappová M.* Obchodní jméno jako fenomén jazykový a sociologický / Miloslava Knappová // Onomastyka polska a nowe kierunki językoznawcze: materiały z XI Ogólnopolskiej Konferencji Onomastycznej. — Bydgoszcz, 2000. — S. 123–131.
6. *Kosyl Cz.* Chrematonimy / Cz. Kosyl, J. Bartmiński // Encyklopedia kultury polskiej XX wieku. Współczesny język polski. — Wrocław, 1993. — S. 439.
7. *Magda-Czekaj M.* Czy nazwy herbat to chrematonimy? / M. Magda-Czekaj // Chrematonimia jako fenomen współczesności / [red.: M. Biolik, J. Duma]. — Olsztyn: Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego, 2011. — S. 311–318.
8. *Rzetelska-Feleszko E.* Słowiańska onomastyka / E. Rzetelska-Feleszko, A. Cieślakowa, J. Duma. — Warszawa; Kraków: Towarzystwo Naukowe Warszawskie, 2003. — T. 2. — S. 370–384.
9. *Základní soustava a terminologie slovanské onomastiky* // Zpravodaj Místopisné Komise ČSAV. — Praha, 1973. — Ročník XIV. — S. 70.
10. Дулёвский фарфор: сайт [Электронный ресурс]. — Режимы доступа: www.dulevo.ru; http://btv-project.ru/catalogue/list.php?SECTION_ID.
11. Duljovskij farfor: sajt [Elektronnyj resurs]. — URL: www.dulevo.ru; http://btv-project.ru/catalogue/list.php?SECTION_ID.

ТОМАСІК Самуела

аспірант кафедри російської мови Університету Казимира Великого; Бидгощ, Польща;
e-mail: samuela.tomasik@onet.eu; тел.: +48-723-470-635

НАЗВИ ПОРЦЕЛЯНОВИХ ВИРОБІВ ДУЛЬОВСЬКОГО ЗАВОДУ

Анотація. Власні імена є одним із загальних факторів у всіх людських суспільствах. Кожен носій мови в повсякденному житті вживає певну кількість власних назв. Їх вивчення залежить від співпраці між представниками багатьох наукових дисциплін. У даній статті йдеться про сучасні тенденції в номінації порцелянових виробів заводу «Дульовський фарфор». Розглянуто місце наведених онімів у системі власних назв. Зібраний матеріал поділяється на кілька груп, наводиться характеристика кожної з них. Представлені назви є ілюстрацією різновидів найменувань предметів домашнього ужитку. Аналіз показує, що власні імена, запропоновані заводом Дульовський фарфор, виникли шляхом трансонімізації або онімізації. Наведена класифікація заснована на мотиваційних моделях. Автор намагається відповісти на наступні питання: чому порцелянова продукція отримує свої власні найменування? Хто користується такими найменуваннями? Яку інформацію ці найменування містять у собі?

Ключові слова: номінація, прагматонім, ктематонім, хрематонім, продукт людської діяльності, трансонімізація, онімізація.

Samuela TOMASIK,

Postgraduate Student of the Russian Language of Kazimierz Wielki University; Bydgoszcz, Poland;
e-mail: samuela.tomasik@onet.eu; tel.: +48 723 470635

NAMES OF PORCELAIN PRODUCTS OF THE «DULIOVSKIJ FARFOR» FACTORY

Summary. Proper names are everywhere, they are one of the common factors in all human societies — so each language user has individual habits of how proper names are used within their communication. The study of names depends of collaboration between academics of many scientific disciplines. This article presents proper names of porcelain products produced by «Duliovskij Farfor» factory. These names were gathered by excerpt from www.dulevo.ru website. The analysis demonstrates that the ways of nominalisation are based on onymisation and transonymisation, applied to different types of proper names. The presented classification is based on motivational models. The author attempts to answer the following questions: why porcelain products are given their names? Who uses such names? Do those names carry any information?

Key words: chrematonomastics, names of porcelain products, nomination, transonymization, onimization.

Статтю отримано 18.02.2014 р.

МАЙДАНЮК Денис Викторович,

аспирант кафедры русского языка Одесского национального университета имени И. И. Мечникова;
Одесса, Украина;

e-mail: denismajdaniuk@gmail.com; моб.: +38-093-5291349

ЛОГОЭПИСТЕМА-ИДЕОНИМ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ НАРРАТИВА И. ИЛЬФА И Е. ПЕТРОВА

Аннотация. В статье рассматривается функционирование наименований объектов духовной деятельности человека в нарративе И. Ильфа и Е. Петрова в лингвокультурологическом аспекте. Нарратив И. Ильфа и Е. Петрова представляет уникальный материал для анализа реалий, используемых для описания русского социально-культурного пространства начала XX века. Идеонимы как совокупность различных категорий имени собственного, которые имеют денотаты в умственной, идеологической и художественной сфере человеческой деятельности, представляют собой сложное языковое явление. Они являются автономной, но не изолированной ономастической подсистемой языка, которая подчиняется общелингвистическим закономерностям, но обладает специфическими особенностями, обусловленными более глубоким, по сравнению с другими онимами, влиянием экстралингвистических факторов. Данная ономастическая единица отличается уникальным лингвокультурным содержанием. Называя имена, связанные с духовной сферой человеческой деятельности, употребляя для оценки и характеристики различных явлений окружающей действительности, идеонимы выполняют функцию логоэпистемы и являются следами культуры в языке или языка в культуре.

Ключевые слова: артионим, библионим, идеоним, лингвокультурологическое пространство, логоэпистема, нарратив, фильмоним.

Проблема функционирования имён собственных в художественной речи неоднократно привлекала внимание многих ученых. Проблематика исследований литературной ономастики как прогрессивного направления лингвистики опирается на солидную философскую и лингвистическую традиции (А. А. Реформатский, Л. В. Щерба, Ю. А. Карпенко, А. В. Суперанская, В. В. Виноградов, В. А. Кухаренко, О. И. Фоякова и др.). Долгое время в центре внимания исследователей находились литературные ономастиконы отдельных авторов. Другое направление литературной ономастики было посвящено исследованию отдельных разрядов литературных онимов, среди которых наибольшее внимание уделялось антропонимам и топонимам.

Проблематика, связанная с изучением периферийных разрядов имён собственных, обратила на себя внимание исследователей лишь в конце прошлого столетия (В. Д. Бондалетов, А. Л. Василевский, О. А. Дмитриев, Т. В. Евсюкова, Ю. А. Карпенко, Е. В. Кныш, И. В. Крюкова, Т. П. Романова и др.). Исследуя данные разряды, лингвисты отмечают слабую представленность в их единицах свойств имён собственных; наличие не характерных для них особенностей; неразработанность общепринятых оснований для выделения однородных групп, поддающихся четкой классификации; возможность сохранения их внутренней формы; неустойчивость и изменчивость под влиянием экстралингвистических факторов; реализацию в виде многокомпонентных наименований и аббревиатур.

Среди многочисленных разрядов имён собственных особо пристального внимания заслуживают имена, связанные с духовной сферой человеческой деятельности. К таким именам, прежде всего, следует отнести названия произведений искусства, которые изучает идеонимия.

Определяя идеонимы как совокупность различных категорий имени собственного, которые имеют денотаты в умственной, идеологической и художественной сфере человеческой деятельности [8], исследователи вместе с тем отмечают, что данные разряды собственных имён представляют собой сложное языковое явление, уяснение сущности которого связано с решением целого комплекса проблем. Идеонимы являются автономной, но не изолированной ономастической подсистемой языка, которая подчиняется общелингвистическим закономерностям, обладая однако специфическими особенностями, обусловленными более глубоким, по сравнению с другими онимами, влиянием экстралингвистических факторов. Идеоним как ономастическая единица отличается уникальным лингвокультурным содержанием.

Термин *идеоним* является родовым понятием, которое охватывает имена собственные, относящиеся к разным видам искусства, поэтому разряд идеонимов подвергается внутренней дифференциации: центральное место среди идеонимов занимают *библионимы* — «названия книг и произведений художественной литературы» [8, с. 42]) и *артионимы* — «названия произведений изобразительного и музыкального искусства» [8, с. 38]. Пока не терминованы в ономастических словарях названия художественных фильмов. Мы, вслед за Ю. Н. Подымовой [9], предлагаем именовать их фильмонимами.

Среди идеонимов более всего изучены заглавия литературных произведений — библионимы (Н. В. Губина [3], Н. В. Кожина [5], Ли Лицюнь [6], Д. Н. Медриш [7], Н. А. Фатеева [10] и др.), рассмотренные в функциональном, семантическом, структурном, литературоведческом аспектах. Если названиям художественных произведений посвящены многие научные исследования, среди которых немало монографий и диссертаций, то названия произведений живописи и музыки, а также названия фильмов в течение долгого времени оставались вне поля зрения лингвистов и практически не были предметом научного изучения, им посвящены лишь отдельные работы исследователей как А. В. Антропова [1], Е. А. Бурмистрова [2], Н. В. Кныш [4] и Ю. Н. Подымова [9].

Необходимость специального исследования данного разряда ономастической лексики связана с тем, что идеонимы ранее не рассматривались в лингвокультурологическом аспекте.

Цель нашего исследования — рассмотреть функционирование наименований объектов духовной деятельности человека в лингвокультурологическом пространстве нарратива Ильфа и Петрова. В этом плане данные номинации, употребляясь для оценки, характеристики различных явлений окружающей действительности, выполняют функцию логоэпистемы, являясь следами культуры в языке или языка в культуре.

Логоэпистемы-идеонимы — наименования объектов духовной деятельности человека (названия произведений художественной литературы и культуры) представлены достаточно широко в нарративе И. Ильфа и Е. Петрова. Логоэпистемы-идеонимы представлены в произведениях малого жанра художественной прозы И. Ильфа и Е. Петрова 3 подклассами:

1) логоэпистемы-библионимы — названия книг и произведений художественной литературы: **«1001 день, или Новая Шахерезада»** (заглавие цикла новелл Ильфа и Петрова, датированных 1929 годом), **«Горе от ума»** (*Беда произошла не оттого, что Посиделкин был глуп. Нет, скорее он был умен. В общем, произошло то, что уже бывало в истории народов и отдельных личностей, — горе от ума* [Бронированное место]), **«Аристократка»** (*Для смеха можно Зоценко, пусть сочинит чего-нибудь вроде «Аристократки», но в разрезе сахарной свеклы* [Когда уходят капитаны]), **«Граф Монте-Кристо»** (*Не понимаете? Тогда мы вам сейчас все объясним подробно. У нас есть сценарии. Сценарий сделан по роману Александра Дюма «Граф Монте-Кристо», но это не важно, мы ввели туда элементы открытия Америки* [Колумб причаливает к берегу]), **«Последний из могикиан»** (заглавие одного из фельетонов 1927-го года), **«Робинзон»** (один из фельетонов соавторов носит название «Как создавался Робинзон»), **«Соть»**, **«Мадам Бовари»** (*Жарко. По летнему времени трудно сочинить нечто массивное, многословное, высокохудожественное, вроде «Соти»*). Тянет написать что-нибудь полегче, менее великое, вроде **«Мадам Бовари»** [Литературный трамвай]), **«Как закалялась сталь»** (*Тоня окончила только школу-семилетку. Она любит художественную литературу, но «Как закалялась сталь» еще не успела прочесть* [Тоня]), **«Время, пространство, движение»**, **«Былое и думы»** (*Читали Никулина? — «Время, пространство, движение»? Читал. Мне нравится. Совсем как Герцен стал писать. Просто «Былое и думы»* [Литературный трамвай]), **«Сотьсаранчуки»** (— *Значит, так: Алексей Толстой, Гладков, Сейфуллина, потом на Л... ну, который «Сотьсаранчуки»... да, Леонов* [Когда уходят капитаны]), **«Время, вперед!»**, **«Энергия»**, **«Москва слезам не верит»**, **«Поднятая целина»**, **«Сталинадский архив»**, **«Скутаревский»**, **«Собственность»**, **«Цусима»**, **«Последний из удэге»**, **«Новые рассказы»** (*Лето урожайное по произведениям и весьма засушливое по критическим работам (джентльменство и немотивированное зачисление в шкафы, конечно, в счёт не идут). Вам нравится «Время, вперед!» Катаева? Вам нравится «Энергия» Гладкова? Вам нра... «Москва слезам не верит» Эренбурга? «Поднятая целина» Шолохова? «Сталинадский архив» Лапина и Хацревина? «Скутаревский» Леонова? «Собственность» Зозули? «Цусима» Новикова-Прибоя? «Последний из удэге» Фадеева? «Новые рассказы» Бабеля? Может быть, не нравится? Или одно нра, а другое не нра? Если так, то расскажите по возможности внятно и, главное, не скрывая своей литературной приязни или неприязни* [Мы уже не дети]), **«Вишневый сад»** (*Теперь все поглубело, гораздо стало уважительней. Теперь жарят прямо из «Вишневого сада»: «Дорогой, глубокоуважаемый шкаф». Лидин — глубокоуважаемый шкаф, и Панферов — шкаф, и Валентин Катаев <...> все зачислены в шкафы* [Мы уже не дети]), **«Похищение Европы»** Федина (... *возьмите литературу, — продолжал первый отдыхающий, — возьмите ленинградских писателей. Какая превосходная и увлекательная беллетристика. Например, «Похищение Европы» Федина. Вам нравится? Правда, замечательно?* [Разносторонний человек]), **ветка Палестины** (— *Ну, — строго спросил доктор, — скажи мне, ветка Палестины, в чём дело? Гром любил унащивать речь стихотворными цитатами* [Необыкновенные истории из жизни города Колоколамска]), **«Анти-Дюринг»** (*Из помещения ячейки общества «Друг детей» вы ходит Никаноров, держа под мышкой «Анти-Дюринг»...* [Рождение ангела]), **«Три сестры»** (— *Длинное название! — сразу сказал толстый человек с превосходными зубами, принявший у Альберта его рукопись. — Надо сократить. Пусть будет просто «Три сестры»* [Пташечка из Межрабпомфильма]);

2) логоэпистемы-фильмонимы — названия кинофильмов: **«Старое и новое»** (*Ещё каких-нибудь три года тому назад, в то розовое обольстительное утро, когда Эйзенштейн и Александров в сопровождении ассистентов, экспертов, администраторов, уполномоченных и консультантов выехали на первую съёмку «Старого и нового», уже тогда было отлично известно, что нет ничего омерзительнее и пошлее < ... > стандартов* [1001-я деревня]), **«Медвежья свадьба»** (*Однако обнаружилось, что эти жанры благополучно существуют. Афиши бесперебойно объявляли о новых художественно-показательных боевиках с минаретами, медвежьими свадьбами, боярышнями и хромыми барами* [Пятая проблема]), **«Избушка на Байкале»** (... *зазвенели колокольчики бесчисленных троек, и розовое облако снежной пыли взметнулось на Губшоссе. Это двигался из Витебска на Калматку караван кинорежиссеров на съёмку картины «Избушка на Байкале»* [Необыкновенные истории из жизни города Колоколамска]), **«Весёлая канарейка»** (— *Уже есть у нас точно такая картина, — называется «Весёлая канарейка», сам Кулешов снимал* [Пташечка из Межрабпомфильма]);

3) логоэпистемы-артионимы — названия произведений изобразительного и музыкального искусства: **«Отдыхающая Венера»** (— *Эту грудь надо свести на нет < ... > Велика. Я бы даже сказал — громадна, товарщи, громадна. — Совсем не громадная. Маленькая, классическая грудь.*

Афродита Анадиомена. Вот и у Каныы «Отдыхающая Венера»... [Саванарыло]), «Сорочинская ярмарка» (Лена Бачкова сделалась стахановкой, перекрыла все нормы и на Октябрьскую годовщину получила в подарок ленинградский патефон и десять пластинок, в том числе «Спасибо, сердце» и «Гопак» из оперы «Сорочинская ярмарка» в исполнении симфонического оркестра [Тоня]), «Гугеноты» (Председатель лжеартеля ударил по оконной раме, как Рауль де-Нанжи в четвертом действии оперы «Гугеноты», и предстал перед толпой [Необыкновенные истории из жизни города Колоколамска]).

В сатирико-юмористическом нарративе И. Ильфа и Е. Петрова звучат названия произведений представителей европейского изобразительного и музыкального искусства XIX века (Антонио Кановы, Джакомо Мейербера, П. М. Мусоргского) и названия фильмов советских кинорежиссёров, современников писателей-сатириков (В. Зазубрина, Л. Кулешова, А. Луначарского, С. Эйзенштейна). Однако, в целом, в текстах художественных произведений И. Ильфа и Е. Петрова логоэпистемы-артионимы и логоэпистемы-фильмонимы не составляют значимый в количественном отношении подкласс логоэпистем-идеонимов.

Большую часть логоэпистем-идеонимов, представленных в нарративе писателей составляют логоэпистемы-библионимы, что объясняется принадлежностью И. Ильфа и Е. Петрова к литературной среде. В рассказах, очерках и фельетонах сатириков фигурируют названия произведений художественной литературы, принадлежащие как перу классиков мировой литературы (А. Дюма, Г. Флобер, А. П. Чехов), так и перу молодых авторов, современников И. Ильфа и Е. Петрова (Ф. В. Гладков, Л. М. Леонов, Л. В. Никулин, А. А. Фадеев). Нарратив И. Ильфа и Е. Петрова представляет уникальный материал для анализа реалий, используемых для описания русского социально-культурного пространства начала XX века. Мастерское использование логоэпистем-идеонимов позволило И. Ильфу и Е. Петрову передать в рассказах, очерках и фельетонах индивидуальное мироощущение и создать неповторимую картину мира.

Литература

1. *Антропова А. В.* Названия американских, английских и российских кинофильмов: сопоставительная характеристика и проблемы перевода: дис. ... канд. филол. наук / А. В. Антропова. — Екатеринбург, 2008. — 217 с.
2. *Бурмистрова Е. А.* Названия произведений искусства как объект ономастики: дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Бурмистрова. — Волгоград, 2006. — 204 с.
3. *Губина Н. В.* Поэтика заглавий в прозе Е. И. Замятина (Название — текст — метатекст): дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Губина. — Барнаул, 2006. — 195 с.
4. *Кныш Е. В.* Лингвистический анализ наименований кинофильмов в русском языке: дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Кныш. — О., 1992. — 191 с.
5. *Кожина Н. В.* Заглавие художественного произведения: структура, функция, типология (на материале русских произведений XIX–XX веков): дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Кожина. — М., 1986. — 229 с.
6. *Лицунь Ли.* Структура, семантика и прагматика заглавий художественных произведений: дис. ... канд. филол. наук / Ли Лицунь. — М., 2003. — 184 с.
7. *Медриш Д. Н.* Чингиз Айтматов: Поэтика заглавий / Д. Н. Медриш // Проблемы художественности и анализ литературных произведений. — Пермь, 1989. — Вып. 1. — С. 17–19.
8. *Подольская Н. В.* Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. — М.: Наука, 1988. — 187 с.
9. *Подымова Ю. Н.* Названия фильмов в структурно-семантическом и функционально-прагматическом аспектах: дис. ... канд. филол. наук / Ю. Н. Подымова. — Майкоп, 2006. — 205 с.
10. *Фатеева Н. А.* О лингвопоэтическом и семиотическом статусе заглавий стихотворных произведений (на материале русской поэзии XX века) / Н. А. Фатеева // Поэтика и стилистика. 1880–1990. — М.: Наука, 1990. — С. 109–122.

References

1. *Antropova A. V.* Nazvanija amerikanskih, anglijskih i rossijskih kinofil'mov: sopostavitel'naja harakteristika i problemy perevoda: dis. ... kand. filol. nauk / A. V. Antropova. — Ekaterinburg, 2008. — 217 s.
2. *Burmistrova E. A.* Nazvanija proizvedenij iskusstva kak ob'ekt onomastiki: dis. ... kand. filol. nauk / E. A. Burmistrova. — Volgograd, 2006. — 204 s.
3. *Gubina N. V.* Pojetika zaglavij v proze E. I. Zamjatina (Nazvanie — tekst — metatekst): dis. ... kand. filol. nauk / N. V. Gubina. — Barnaul, 2006. — 195 s.
4. *Knysh E. V.* Lingvisticheskij analiz naimenovanij kinofil'mov v russkom jazyke: dis. ... kand. filol. nauk / E. V. Knysh. — O., 1992. — 191 s.
5. *Kozhina N. V.* Zaglavie hudozhestvennogo proizvedenija: struktura, funkcija, tipologija (na materiale russkih proizvedenij XIX–XX vekov): dis. ... kand. filol. nauk / N. V. Kozhina. — M., 1986. — 229 s.
6. *Licjun' Li.* Struktura, semantika i pragmatika zaglavij hudozhestvennyj proizvedenij: dis. ... kand. filol. nauk / Li Licjun'. — M.: RGB, 2003. — 184 s.
7. *Medrish D. N.* Chingiz Ajtmatov: Pojetika zaglavij / D. N. Medrish // Problemy hudozhestvennosti i analiz literaturnykh proizvedenij. — Perm', 1989. — Vyp. 1. — S. 17–19.
8. *Podol'skaja N. V.* Slovar' russkoj onomasticheskoj terminologii / N. V. Podol'skaja. — M.: Nauka, 1988. — 187 s.
9. *Podymova Ju. N.* Nazvanija fil'mov v struktorno-semanticheskom i funkcional'no-pragmaticheskom aspektah: dis. ... kand. filol. nauk / Ju. N. Podymova. — Majkop, 2006. — 205 s.
10. *Fateeva N. A.* O lingvopojeticheskom i semioticheskom statuse zaglavij stihotvornykh proizvedenij (na materiale russkoj poezii XX veka) / N. A. Fateeva // Pojetika i stilistika. 1880–1990. — M.: Nauka, 1990. — S.109–122.

МАЙДАНЮК Денис Вікторович,

аспірант кафедри російської мови Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Одеса, Україна;
e-mail: denismajdaniuk@gmail.com; моб.: +38-093-5291349

ЛОГОЕПІСТЕМА-ІДЕОНІМ У ЛІНГВОКУЛЬТУРОЛОГІЧНОМУ ПРОСТОРІ НАРАТИВУ І. ІЛЬФА ТА Є. ПЕТРОВА

Анотація. У статті розглянуто функціонування найменувань об'єктів духовної діяльності людини в наративі І. Ільфа та Є. Петрова в лінгвокультурологічному аспекті. Наратив І. Ільфа та Є. Петрова є унікальним матеріалом для аналізу реалій,

які використовуються для опису російського соціально-культурного простору початку ХХ ст. Ідеоніми як сукупність різних категорій власного імені, які мають денотати в розумовій, ідеологічній та художній сфері людської діяльності, являють собою складне мовне явище. Вони є автономною, але не ізольованою ономастичною підсистемою мови, яка підпорядковується загальнолінгвістичним закономірностям, але має специфічні особливості, що зумовлені більш глибоким, у порівнянні з іншими онімами, впливом екстралінгвістичних чинників. Ця ономастична одиниця відрізняється унікальним лінгвокультурним змістом. Називаючи імена, пов'язані з духовною сферою людської діяльності, використовуючись для оцінки та характеристики різних явищ навколишньої дійсності, ідеоніми виконують функцію логоепістем і є слідами культури в мові або мови в культурі.

Ключові слова: артіонім, бібліонім, ідеонім, лінгвокультурологічний простір, логоепістема, наратив, фільмонім.

Denys V. MAIDANIUK,

Postgraduate student of the Russian Language Department of Odessa I. I. Mechnikov National University; Odessa, Ukraine;
e-mail: denismajdaniuk@gmail.com; mob.: +38 093 5291349

THE LOGOEPISTEME-IDEONYM IN THE LINGUAL AND CULTURAL SPACE OF NARRATIVE IN ILF AND PETROV'S WRITINGS

Summary. The names of objects of spiritual functioning of human activities in the narrative of Ilf and Petrov in linguocultural aspect are examined. Narrative of Ilf and Petrov is a unique material for the analysis of the realities used in describing of the Russian socio-cultural space of the early XX century. Ideonyms as a collection of different categories of proper name that have denotations in the intellectual, ideological and artistic activities, represent a complex linguistic phenomenon. They are autonomous, but not isolated onomastic language subsystem, which is subordinate to the general linguistic laws, but has specific features due to deeper than other onyms influence of extra-linguistic factors. This onomastic unit differs by unique linguocultural content. Nominating names associated with the spiritual activities and being used for evaluation and characterization of different phenomena of reality, ideonyms fulfill the function of logoepistemes, being the traces of culture in language or languages in culture.

Key words: artionym, biblionym, ideonym, linguocultural space, logoepisteme, narrative, filmonym.

Статтю отримано 21.05.2014 р.

УДК 811.161.1'373.46

ДРОБЫШЕВА Наталья Львовна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры авиационного английского языка Национального авиационного университета; Киев, Украина;
e-mail: nat.d@list.ru; тел.: +38-0674988117

ВОПРОСЫ КАТЕГОРИАЛЬНОГО АНАЛИЗА НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Аннотация. Категориальный подход к изучению терминов расширяет возможности для проведения междисциплинарных исследований языков для специальных целей. В работе выделены максимально общие понятия широкой семантики, относящиеся к ономастиологической категории субстанции, являющиеся универсальными общенаучными общетехническими категориями. Наиболее широко в сфере науки и техники представлены такие категории (классы объектов): вещества, материалы, изделия, устройства, приборы, аппараты, агрегаты, системы, установки, сооружения, машины, — выполняющие когнитивную, классифицирующую, систематизирующую и другие функции в специальных предметных областях. Проведён анализ взаимосвязи научно-технических терминов различной степени обобщённости с общетехническими категориями. Показано, что категории формируют вокруг себя классы терминов, интегрированные по категориальным признакам на основе общего концепта. Они организуют отдельный уровень в понятийно-предметной иерархии специальной предметной области. В качестве родового понятия данные категории используются для обозначения объектов научно-технической сферы. Выделенные категории служат опорой и ориентиром профессионального мышления и профессиональной деятельности.

Ключевые слова: категория, категориальный анализ, термин, научно-техническая терминология, классификация.

Вопросы категоризации относятся к числу основных как при исследовании человеческого сознания, так и в лингвистике, где особый интерес приобретает изучение свойств категоризации в естественных языках. Возможность категоризации основывается на способности человеческого сознания объединять предметы и явления окружающей действительности по определённым признакам в классы, выделять сходные черты разных предметов и явлений, группировать и классифицировать их. Как подчёркивает Дж. Лакофф: «Идея о том, что категории определяются общими свойствами, исходит не просто от нашей наивной теории категоризации — это прежде всего важнейший практический инструмент, являющийся принадлежностью нашего мышления» [6, с. 143].

Представляя собой разновидность мыслительной деятельности человека, категории непосредственно связаны с познанием окружающей действительности, с умением группировать и классифицировать окружающие объекты и явления на разряды и классы, а через них осмысливать, понимать и интерпретировать окружающий мир.

Терминологии как иерархически организованные многоуровневые многоплановые, многофункциональные, адаптивные системы [1; 2; 9; 10] отражают категориальный аппарат конкретных областей знания, репрезентируют профессиональные картины мира. При этом категории как важнейшие поня-

тия, организующие семантические классы терминов, занимают доминантные позиции и способствуют упорядочению терминологии и её стандартизации.

Научно-технические категории как родовые понятия высокой степени интегрированности и общности представляют собой объект постоянного внимания терминоведов. «Систематизация понятий, как и систематизация терминов, начинается с выделения наиболее широких понятий. Принято выделять «наиболее широкие и универсальные категории» [4, с. 86], а затем включать в них все другие классы понятий. Каждый этап человеческого развития связан с определённым набором общенаучных, общетехнических понятий, а в каждой области знания и деятельности имеются специальные понятия разной степени обобщённости — от самых крупных классов до наименьших, лежащих на низшей ступени иерархии.

Учёными разработаны различные категориально-понятийные классификации специальной лексики, в которых объекты на основе категориальных признаков могут быть сведены к небольшому числу обобщающих категорий. Предметы, процессы, состояния, величины, режимы, свойства, единицы измерения, науки и отрасли, профессии и занятия — основные понятийные категории, принятые в современной науке.

Классифицируя специальные понятия, Д. С. Лотте выделял следующие категории общенаучных и общетехнических понятий: предметы (материалы, орудия, инструменты, детали и т. п.), процессы (явления), свойства и величины (параметры, геометрические образы, единицы измерения и т. п.). Приведённые понятийные категории представляют собой, как пишет Д. С. Лотте, широкие «семантические группы, выступающие важнейшими понятиями в организации специальной, терминологической лексики» [7, с. 48].

Дальнейшее развитие классификация терминологической лексики находит в работах Т. Л. Канделаки и представляет собой «систему значений научно-технической терминологии: категория предметов, категория процессов, категория состояний, категория режимов, категория свойств, категория величин, категория единиц измерений, категория наук и отраслей, категория профессий и занятий» [5, с. 9–10]. Т. Л. Канделаки отмечает, что «особое положение в классификации занимают семантические категории, выделяемые внутри имён существительных...». Это, прежде всего, обозначение предметов, названия свойств, отвлечённые от их носителя; названия действий, в отвлечении от их субъекта и др. [5, с. 135].

А. В. Суперанская, выделяя в терминологическом поле самые общие категории предметов, процессов, свойств, величин, описывает для каждой из них определённый набор наиболее характерных признаков: 1) для категории предметов — форма, размер, происхождение, конструкция, назначение, материал, химический состав, способ изготовления, принцип действия и т. п.; 2) для категории процессов — характер протекания, скорость, интенсивность, время, причины возникновения, результаты; 3) для категории свойств — их сущность, условия приобретения, влияние на предмет, ими обладающий, и на другие предметы; 4) для категории величин — способы их определения и измерения [8, с. 141].

Настоящая работа проводится с целью выявления и анализа наиболее широких универсальных категориальных понятий, объединяющих объекты на основе общего концепта (прототипа), выполняющих когнитивную, классифицирующую, систематизирующую, ориентирующую и другие функции в специальных предметных областях науки и техники.

Категории предметов, процессов и признаков являются основными ономазиологическими категориями и выражают наиболее абстрактные общекатегориальные понятия. В научно-технической сфере к категории предметов относится обширная совокупность объектов, члены которой существуют не обособленно, а, в свою очередь, сгруппированы в категории как целостные классы определённых технических объектов. Эти категории как максимально общие специальные понятия в иерархии ономазиологических категорий занимают отдельный категориальный уровень; с их помощью может уточняться непосредственно категория предметов. Наиболее широко в научно-технической сфере представлены следующие категории (классы объектов): вещества, материалы, изделия, устройства, приборы, аппараты, агрегаты, системы, установки, сооружения, машины и др. Названные универсальные категориальные понятия широкой семантики представляют собой зафиксированное средствами языка понимание и осмысление специалистами определённого рода объектов профессиональной деятельности научно-технической сферы. Данные понятия выработаны специалистами в процессе профессиональной практики и являются продуктом категориальной деятельности их сознания. Сознание классифицирует и разделяет всё множество предметов (технических объектов) на указанные выше категории, тем самым вся громадная область, попадающая под категорию предметов, разбивается на вполне обозримое и ограниченное число подмножеств. С их помощью бесконечное многообразие, свойственное реальным объектам, может быть сокращено, и создаётся возможность обходиться обращением к высшему уровню. Тем самым «упрощена» ориентация специалиста в профессиональной сфере. При этом реализуется принцип когнитивной экономии. Перечисленные содержательные единицы задают порядок рассмотрения и определённый тип видения самых разнообразных объектов научно-технической сферы, проявляя в качестве основных номинативные, конститутивные, классифицирующие, систематизирующие и ориентирующие функции. Объекты профессиональной понятийно-предметной научно-технической сферы воспринимаются и вербализируются в понятиях указанных специальных категорий. Напр.: *Радиальные фильтры как технологические сооружения для очистки воды имеют важные особенности. Эковата представляет собой сухое сыпучее вещество. Расширительные баки — это устройства, предназначенные для поглощения увеличивающегося*

объёма воды. *Пластинчатые теплообменники — это аппараты, поверхность которых образована из тонких гофрированных пластин.*

Специальные категориальные понятия характеризуются высокой степенью абстрактности и входят в группу общенаучных, общетехнических и межотраслевых терминов. В процессе развития языка происходит заимствование терминов из одной области знаний в другую. Некоторые термины становятся общими для разных областей знания и деятельности. При этом сохраняется первоначальный основополагающий признак и приобретаются новые специальные особенности значения термина, сопровождающиеся размытием его чётких первоначальных границ. Расплывчатое значение подобных лексических единиц отмечается А. С. Гердом [3]. Указанные лексические единицы-категории имеют широкое значение и употребляются именно в этом широком значении, выполняют роль родовых понятий, формирующих классы терминов (объектов), объединённых общностью категориальных признаков. В каждой области знания и деятельности они приобретают своё специфическое наполнение, всякий раз конкретизируясь с помощью определителей, характерных для конкретной области. При сочетании категорий с другими лексическими единицами происходит сужение значения, само же понятие при этом конкретизируется, например:

— устройства (*вытяжные устройства, устройства контроля и безопасности, распределительные устройства, зажимные устройства и др. В настоящее время электромагнитные теплосчётчики превзошли тахометрические устройства по объёмам продаж*);

— приборы (*отопительные приборы, измерительные приборы, трассопоисковые приборы, приборы учёта тепла и воды и др. К сожалению, установленные на подводках к отопительным приборам краны, как правило, не позволяют уменьшить теплоотдачу этих приборов*);

— аппараты (*отопительные аппараты, теплообменные аппараты, электрохимические антинакипные аппараты, аппараты магнитной обработки воды, сварочные аппараты и др. Аппараты мембранной дегазации воды называются контакторами*);

— системы (*системы теплоснабжения, системы мусороудаления, системы дымоотведения, системы климатизации, системы водоотведения, системы обратного осмоса, системы антиблокировки насоса и др. На базе насоса «Водомёт» была разработана система автоматизированного водоснабжения «ВодомётДом»*);

— установки (*котельные установки, приточно-вытяжные установки, бактерицидные УФ-установки, ветроэлектрические установки, натрий-катионитовые установки, газогенераторные установки, насосные установки и др. В процессе работы установок обратного осмоса мембраны могут засоряться и частично терять свои свойства*);

— сооружения (*водозаборные сооружения, очистные сооружения, сооружения фильтрации, сооружения для механической очистки сточных вод, сооружения для глубокой очистки сточных вод и др. Уменьшение высоты слоя фильтрующего материала позволяет снизить потери напора на фильтре, их габариты и, в конечном итоге, стоимость этих фильтровальных сооружений*);

— материалы (*теплоизоляционные материалы, полимерные материалы, трубные материалы, лакокрасочные материалы, мембранные материалы и др. Работа с изоляционными материалами, необходимо соблюдать правила их транспортирования и хранения*).

Отнесённость объекта к той или иной категории связана с человеческим фактором в языке, с динамикой и процессуальным характером языковых и неязыковых явлений. Каждый технический объект обладает набором признаков, свойств и связей, по которым он может быть отнесён к той или иной категории или иметь отношение к разным категориям. Как правило, каждый объект может относиться к одной категории, при этом может включаться в другие категории в зависимости от присущих ему категориальных признаков и свойств.

В процессе проведённого категориального анализа установлено, что понятийные поля различных категорий могут пересекаться. Отдельные категории могут определяться друг через друга: *Устройства на базе печатных плат являются функционально и конструктивно законченными изделиями. Комбинированная очистка применена в локальных установках «Осина» и «Осина Р», предлагаемых НИИ сантехники. Эти сооружения состоят из метантенков и биофильтров.* Обращает на себя внимание, что само разграничение категориальных понятий нигде не выполнено. Анализ многочисленных примеров, рассмотренных на материале научно-технической терминологической лексики, показывает, что включение одних и тех же технических объектов в различные категории объясняется не только характером свойств и связей, отличающих категории (различия между ними основаны на совокупности нескольких признаков), но нередко является результатом нечёткости, размытости категориальных границ.

Осмысление категорий может осуществляться, в том числе, на основе чувственно-наглядных образов, эмпирического образного компонента, содержащегося в структуре значения той или иной категории. Обратившись к «Большому толковому словарю» С. А. Кузнецова, рассмотрим для примера нормализованные определения для слов *прибор* и *аппарат*. В «Большом толковом словаре» приводится следующее определение *прибора*: «1) техническое устройство, аппарат какого-либо назначения». *Аппарат* — «1) устройство для выполнения какой-либо определённой работы». Как следует из определений, словарь не фиксирует конкретных различий между аппаратом и прибором. Поэтому неслучайно в значениях данных лексических единиц наблюдается размытость границ, что подтверждается и практикой их употребления. На практике семантические поля этих близких по значению терминов пересекаются: *Электрические водонагреватели также подразделяются на проточные и накопительные. Приборы мощностью 3–6 кВт рассчитаны на стандартное напряжение 220 В.*

Более мощные (7–32 кВт) аппараты требуют отдельной линии с автоматическим выключателем. Т. е. специалисты различают эти понятия, относя к приборам более мелкие и относительно простые объекты, а к аппаратам — более крупные и сложные, хотя употребление этих терминов иногда носит произвольный характер. Перцептивное знание, связанное с визуальным восприятием, в частности с размерами, электрических водонагревателей (эмпирический образный компонент), находит своё отражение в «скрытой» семантике терминов-категорий *прибор* и *аппарат* и может проявляться при употреблении их в тех или иных речевых актах, связанных с профессиональной деятельностью. Влияние эмпирического образного компонента ярко прослеживается на следующих примерах именовании котлов, которые специалисты могут относить к разным категориям (приборам, аппаратам, агрегатам). При этом небольшие по размерам и мощности (настенные) котлы, как правило, относят к приборам, напольные котлы небольшой мощности — к аппаратам, самые крупные котлы (полупромышленные, промышленные) — к агрегатам: *На рынке котельного оборудования появилась новая линейка настенных газовых котлов. Приборы могут быть оборудованы беспроводной системой Kлубу-wire, позволяющей управлять котлом из той части дома, из которой это наиболее удобно. Напольные газовые котлы серии C210/310 мощностью до 573 кВт не имеют ограничений на температуру в обратной линии. Возможно каскадное соединение нескольких аппаратов. Фирма Noval представила комбинированные («газ — жидкое топливо») котлы серии Costo. Это стальные жаротрубно-дымогарные агрегаты с реверсивной топкой. Мощность агрегатов данной серии, предназначенных для работы на жидком топливе — 1450 кВт.*

Терминсистема наследует иерархическую структуризацию знаний конкретной предметной области и представляет собой многоуровневую иерархию, в которой каждый термин в своём отдельном значении характеризуется определённым понятийным уровнем. При этом чётко прослеживается взаимная связь и зависимость понятий, их системная обусловленность.

Соподчинённые понятия (классы объектов) от наиболее широкого универсального категориального понятия, такого как вещества, материалы, изделия, устройства, приборы, аппараты, агрегаты, системы, установки, сооружения, машины и др. — вершины семантической иерархии — через ряд промежуточных понятий до терминов, обозначающих конкретные частные понятия (номенклатуру), образуют вертикальные родо-видовые цепочки. Например: *прибор — отопительный прибор — радиатор — стальной панельный радиатор — стальной панельный радиатор 11 ПК*. Подобные категориальные цепочки указывают место специального понятия в системе понятий, его объём. Они могут быть построены для любого термина и быть разной длины.

Таким образом, в научно-технической терминологии категории (вещества, материалы, изделия, устройства, приборы, аппараты, агрегаты, системы, сооружения, машины и др.) представляют собой максимально широкие специальные понятия, формируют вокруг себя классы терминов, интегрированных по категориальным признакам и организуют отдельный категориальный уровень в понятийно-предметной иерархии. Выполняя важную роль в структурировании и систематизации научно-технической сферы, категории служат опорой и ориентиром профессионального мышления и профессиональной деятельности специалистов.

Литература

1. Арнольд В. И. Современные лингвистические теории взаимодействия системы и среды / В. И. Арнольд // Вопросы языкознания. — 1991. — № 3. — С. 118–126.
2. Бондарко А. В. Опыт лингвистической интерпретации соотношения системы и среды / А. В. Бондарко // Вопросы языкознания. — 1985. — № 1. — С. 13–23.
3. Герд А. С. Неспециальная лексика специальных текстов и словари / А. С. Герд // Очерки научно-технической лексикографии. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. — С. 146–150.
4. Гринёв С. В. Введение в терминоведение / С. В. Гринёв. — М.: Моск. лицей, 1993. — 309 с.
5. Канделаки Т. Л. Семантика и мотивированность терминов / Т. Л. Канделаки. — М.: Наука, 1977. — 168 с.
6. Лакофф Дж. Когнитивное моделирование / Дж. Лакофф // Языки и интеллект. — М.: Прогресс, 1996. — С. 146–183.
7. Лотте Д. С. Некоторые принципиальные вопросы отбора и построения научно-технических терминов / Д. С. Лотте // Известия АН СССР. Отделение технических наук. — 1940. — № 7. — С. 9–15.
8. Суперанская А. В. Общая терминология: Вопросы теории / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева. — М.: Изд-во ЛКИ, 2007. — 248 с.
9. Heilighen F. Classic publications on complexly evolving Systems / F. Heilighen. — Brussels, 1995.
10. Honavar Vasant. What are complex adaptive systems? / Honavar Vasant. — Iowa, 1996.

References

1. Arnol'd V. I. Sovremennye lingvisticheskie teorii vzaimodejstvija sistemy i sredy / V. I. Arnol'd // Voprosy jazykoznanija. — 1991. — № 3. — S. 118–126.
2. Bondarko A. V. Opyt lingvisticheskoj interpretacii sootnoshenija sistemy i sredy / A. V. Bondarko // Voprosy jazykoznanija. — 1985. — № 1. — S. 13–23.
3. Gerd A. S. Nespecial'naja leksika special'nyh tekstov i slovarei / A. S. Gerd // Ocherki nauchno-tehnicheskij leksikografii. — SPb.: Izd-vo SPbGU, 2002. — S. 146–150.
4. Grinev S. V. Vvedenie v terminovedenie / S. V. Grinev. — M.: Mosk. licej, 1993. — 309 s.
5. Kandelaki T. L. Semantika i motivirovannost' terminov / T. L. Kandelaki. — M.: Nauka, 1977. — 168 s.
6. Lakoff Dzh. Kognitivnoe modelirovanie / Dzh. Lakoff // Jazyki i intellekt. — M.: Progress, 1996. — S. 146–183.
7. Lotte D. S. Nekotorye principal'nye voprosy otbora i postroenija nauchno-tehnicheskij terminov / D. S. Lotte // Izvestija AN SSSR. Otdelenie tehniceskij nauk. — 1940. — № 7. — S. 9–15.
8. Superanskaja A. V. Obshhaja terminologija: Voprosy teorii / A. V. Superanskaja, N. V. Podol'skaja, N. V. Vasil'eva. — M.: Izd-vo LKI, 2007. — 248 s.
9. Heilighen F. Classic publications on complexly evolving Systems / F. Heilighen. — Brussels, 1995.
10. Honavar Vasant. What are complex adaptive systems? / Honavar Vasant. — Iowa, 1996.

Дробишева Наталія Львівна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри авіаційної англійської мови Національного авіаційного університету;
Київ, Україна;

e-mail: nat.d@list.ru; тел.: +38-0674988117

ПИТАННЯ КАТЕГОРІАЛЬНОГО АНАЛІЗУ НАУКОВО-ТЕХНІЧНОЇ ТЕРМІНОЛОГІЇ

Анотація. Категоріальний підхід до вивчення термінів розширює можливості для проведення міждисциплінарного дослідження мов для спеціальних цілей. У роботі виділено максимально загальні поняття широкої семантики, які відносяться до ономазіологічної категорії субстанції і є універсальними, загальнонауковими, загальнотехнічними категоріями. Найбільш широко у сфері науки і техніки представлено категорії (класи об'єктів): речовини, матеріали, вироби, пристрої, апарати, агрегати, системи, установки, спорудження, машини, — що виконують когнітивну, класифікуючу, систематизуючу й інші функції у спеціальних предметних галузях. Проведено аналіз взаємозв'язку науково-технічних термінів різного ступеню узагальненості із універсальними категоріями. Показано, що категорії формують навколо себе класи термінів, інтегровані за категоріальними ознаками на основі спільного концепту. Вони організують окремий рівень у спеціальній понятійно-предметній галузі. Як родові поняття ці категорії використовують для позначення об'єктів науково-технічної сфери. Виділені категорії є опорою й орієнтиром професійного мислення та професійної діяльності.

Ключові слова: категорія, категоріальний аналіз, термін, науково-технічна термінологія, класифікація.

Natalya L. DROBYSHEVA,

PhD in Philological Sciences, Associate Professor of the English Aviation Department of National Aviation University;
Kiev, Ukraine;

e-mail: nat.d@list.ru; tel.: +38-067-4988117

SCIENTIFIC AND TECHNICAL TERMINOLOGY CATEGORIAL ANALYSIS

Summary. The categorial approach to the terms study enlarges possibilities for interdisciplinary researches of languages for special purposes. In the paper the most general notions of broad meaning belonging to the onomasiological substance category which are universal general scientific and technical are singled out. In the field of science and technology categories (classes of objects) substances, materials, products, devices, appliances, apparatus, machines, systems, installations, structures, machines carrying out cognitive, classifying, systematizing, and other functions in special subject areas are presented the most widely. The analysis of interrelation between scientific and technical lexis and terms of broad meaning is conducted. It is shown that the categories form classes of terms which are integrated according to categorial characteristics based on the common concept. They organize a particular categorial level in the categorial conceptual hierarchy in the special knowledge domain. As a generic notion the given categories are used to denote objects in scientific and technical sphere. These categories are support and guiding line for professional thinking and activity.

Key words: category, categorial analysis, term, scientific and technical terms, classification.

Статтю отримано 12.03.2014 р.

ПИТАННЯ ФРАЗЕОЛОГІЇ

УДК 811.161.1'367.32

СТЕКОВА Татьяна Ивановна,доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка Новосибирского государственного педагогического университета; Новосибирск, Россия;
e-mail: steksova@inbox.ru; тел.: +7 913 9498776**СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА РУССКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ
С ОБОРОТОМ *ЕСЛИ НА ТО ПОШЛО***

Аннотация. В статье обсуждается проблема асимметричных предложений русского языка. На примере оборота *если на то пошло* рассматриваются значения и условия его употребления. Сопоставляются словарное толкование оборота и речевая практика. Отмечаются особенности его функционирования. Выявляется недостаточность словарных дефиниций. При помощи трансформации выявляются возможные синонимические замены. Приводятся данные проведённого лингвистического эксперимента, которые подтверждают выводы автора статьи. Всё это позволяет определить место предложений с данным оборотом в системе русских предложений.

Ключевые слова: асимметричная структура, семантика, прагматика, функционирование, речевой оборот *если на то пошло*.

Вышедшие в 1987 г. «Очерки по синтаксису сложного предложения» М. И. Черемисиной и Т. А. Колосовой привлекли внимание лингвистов к вопросу о границах понятия «сложное предложение» и о типах конструкций, близких к сложному предложению по целому ряду признаков, но имеющих какое-либо лингвистическое отличие. Как справедливо отмечали авторы, границы между простыми и сложными, монопредикативными и полипредикативными, монопропозитивными и полипропозитивными конструкциями не вполне очевидны и представляют серьёзную исследовательскую задачу [4]. И хотя прошло уже более двадцати лет после выхода «Очерков...», нельзя сказать, что эта задача полностью решена. Внимание лингвистов по-прежнему привлекают различные конструкции, которые не поддаются однозначной трактовке.

Ещё в 1980 г. Т. А. Колосова обратила внимание на то, что существует целый ряд синтаксических конструкций, в которых между планом выражения и планом содержания произошел сдвиг и означаемое и означающее не находят точного взаимного соответствия [1]. Подобные предложения Татьяна Андреевна предложила считать предложениями асимметричной структуры. По мнению исследователя, в подобных предложениях первая часть предложения значительно десемантизирована и служит средством актуализации информации, заключённой в придаточной части. Т. А. Колосова выделила две группы сложных предложений асимметричной структуры, в одной из которых проявляется тенденция к избыточности, а в другой к свёрнутости, имплицитности одного из смысловых блоков. Эта научная идея оказалась весьма плодотворной и востребованной.

Продолжая исследование предложений асимметричной структуры [3], обратимся к предложениям с компонентом *если на то пошло*. По формальным признакам предложение с данным оборотом мы должны отнести к сложным: *Если на то пошло, то ты напрасно это сделал*, — так как в нём две предикативные единицы, соединённые подчинительным союзом *если*. Обращение же к смысловой стороне предложения показывает, что подобный вывод преждевременный. Вне контекста компонент *если на то пошло* оказывается информативно недостаточным, непонятно, какое событие он отражает. Попытаемся выявить основные значения указанного оборота, его функции и особенности употребления в речи.

Прежде всего отметим, что эта конструкция относится к разговорным. Как отмечает Н. Ю. Шведова, «в разговорной речи, как и в речи письменной, говорящий употребляет готовые, закреплённые в системе языка формы, которые, однако, в отличие от пользования письменной речью, обдуманно не отбираются, а используются естественно и непосредственно в процессе говорения» [6, с. 3]. Принадлежность данного оборота к разговорным языковым средствам и закреплённость формы отмечают и словари:

Словарь Даля: *Если на то пошло* (разг.) — *если уж так нужно, раз так необходимо*.

Словарь Ожегова: *Если на то пошло* (разг.) — *если уж так нужно, раз так необходимо*.

Обратим внимание, что в словарях толкование значения данного речевого оборота даётся с условной семантикой. Наблюдения же над функционированием данного оборота в речи заставляют усомниться в справедливости такой трактовки. Как представляется, семантический союз *если* в данном обороте речи утрачивает свою условную семантику. Возможность ослабления или полной утраты условного значения в предложениях с союзом *если* уже была отмечена [2, с. 572 и сл.] Однако все

рассмотренные здесь случаи касаются только самого союза или союзной скрепы, лексическое наполнение предикативной единицы с данным союзом остаётся свободным. Предложения же с оборотом **если на то пошло** характеризуются тем, что эта конструкция лексически ограничена, её словесное наполнение не свободно, грамматическая форма встречает, используя слова В. В. Виноградова, «сопротивление лексического материала». При этом любопытно, что одна и та же конструкция с одним и тем же лексическим наполнением в речи может иметь разное значение. Рассмотрим несколько примеров.

(1) *Да, правильно, он был не наш, но и вообще ничей. Даже и не свой, поскольку часто терял ощущение именно себя, своей, так сказать самости. Если на то пошло, он хотел быть просто человеком* (Е. Шкловский).

(2) *Может, потому, дурачок, что в ней — ты! Ты ведь мне теперь кто? Ты мой Константин Сергеевич... мой Владимир Иванович... мой Ален Делон, мой Олег Меньшиков... да что там! Ты — мой президент, если на то пошло... — и вдруг она припала губами к его руке. Ему это показалось грубым наигрышем, театром дурного вкуса. — Брось, Катя: медузы, наверно, и те смеются...* (Г. Полонский).

(3) — *Посмотрите на этого параноика. Он не признаёт математики. Она для него не существует. Если на то пошло, то я докажу, что он сам не существует. — Когда вы с этим справитесь, подсчитайте тепловой баланс нового режима, — спокойно сказал Дан. Нового режима! Это значит, придётся перемонтировать всю установку* (Д. Гранин).

При попытке подставить в данные предложения вместо оборота **если на то пошло** словарное толкование **если уж так нужно, раз так необходимо** убеждаемся, что смысл предложения в одних случаях разрушается. Сравним: (1) *Если на то пошло, он хотел быть просто человеком* — ***Если уж так нужно / раз так необходимо, он хотел быть человеком**. (2) *Ты — мой президент, если на то пошло...* — ***Ты мой президент, если уж так нужно...**

В других случаях такая замена формально возможна, но в контексте приводит к искажению смысла: (3) *Посмотрите на этого параноика. Он не признаёт математики. Она для него не существует. Если на то пошло, то я докажу, что он сам не существует. — Если так необходимо, то я докажу*. В принципе, такое предложение имеет право на существование и выражает условную семантику. Но в данном контексте оно становится немотивированным, искажает смысл текстового фрагмента.

Анализ примеров показывает, что в них нет условной семантики, следовательно, данные предложения, «лишь внешне воспроизводящие схему сложного предложения» [6, с. 7], являются, по Т. А. Колосовой, предложениями асимметричной структуры [1]. Формально полипредикативные, эти предложения являются монопропозитивными. Компонент **если на то пошло** является модусным. М. И. Черемисина и Т. А. Колосова под модусом понимают вербализованную субъективную интерпретацию диктумного события. По их мнению, в модусе получает выражение факт осознания субъективного отношения к событию, о котором идёт речь [5, с. 35]. Значение компонента выявляется при помощи трансформации, синонимической замены.

Так, в первом примере данный компонент можно без ущерба для смысла предложения заменить на **откровенно говоря**: *Да, правильно, он был не наш, но и вообще ни чей. Даже и не свой, поскольку часто терял ощущение именно себя, своей, так сказать самости. Откровенно говоря, он хотел быть просто человеком*. Во втором примере оборот **если на то пошло** используется для введения последнего аргумента в споре, для усиления категоричности и допускает замену на оборот **в конце концов**: *Может, потому, дурачок, что в ней — ты! Ты ведь мне теперь кто? Ты мой Константин Сергеевич... мой Владимир Иванович... мой Ален Делон, мой Олег Меньшиков... да что там! Ты — мой президент, в конце концов...* Возрастание интенсивности убеждения допускает замену и на выражение **более того**. Ср.: — *С тобой всё ясно... поняли тебя, садись, — сказала рыжая Джемма. — Да, да, я — за варьете! — крикнул ей фехтовальщик. — Это лучше сейчас работает... прямее... веселее... свободнее, если на то пошло! — Бездушье — да, оно ищет свободы, ты прав, малый, — сказала Джемма. — Чтоб уйти от себя... от образа человеческого... — Ты о чём это? (Г. Полонский). — Да, да, я — за варьете! — крикнул ей фехтовальщик. — Это лучше сейчас работает... прямее... веселее... более того, свободнее...*

Из проанализированных более восьмидесяти примеров модусное значение компонента **если на то пошло** отмечено в семидесяти процентах предложений. Любопытно отметить тот факт, что, по наблюдениям М. И. Черемисиной и Т. А. Колосовой, модус обычно выражается в форме предикативной единицы, главного компонента сложного предложения: *Вполне возможно, что Сидоров сегодня не придёт* [5, с. 36]. Модусный же компонент, выраженный оборотом **если на то пошло**, занимает позицию придаточной предикативной единицы, что сближает его с такими конструкциями, как *если говорит о..., что касается...* Но в отличие от указанных конструкций, отражающих тенденцию к избыточности, фразеологизированная конструкция **если на то пошло** отражает тенденцию к экономии речевых усилий, в свёрнутом виде передаёт различные модусные ситуации.

В ряде других случаев, как в примере 3, союз **если** имеет ослабленное условное значение, и этот оборот речи допускает синонимическую замену на обстоятельственный компонент **в таком/этом случае**, который встраивается в структуру предикативной единицы. Ср.: — *Посмотрите на этого параноика. Он не признаёт математики. Она для него не существует. Если на то пошло, то я докажу, что он сам не существует. — Он не признаёт математики. Она для него не существует.*

В таком случае я докажу, что он сам не существует. В таком случае = в данной ситуации, раз (если) так сложилась ситуация.

Из всех проанализированных примеров словарное значение разговорного оборота **если на то пошло** встретилось лишь в двух случаях: *Там ящички с винтовками. Сам видел, как грузили, — оживился Воробейко. — Ну, а патронов в артиллерийском складе, что около станции, хоть завались! Если на то пошло, то мы хоть сегодня ночью вагон этот загоним сюда, к водокачке, здесь в момент разгрузим и сложим в запасной камере. Водокачка на отшибе, этого никто и не заметит... Только зевать не приходится. Раймонд следил за подходившим к будке парнем.* (Н.А.Островский). *Ему захотелось как можно скорее доказать ей, что он не несчастный мальчик с грязными руками, каким она его считает, а взрослый, рассудительный молодой человек, который, если на то пошло, сумеет скрыть свои страдания и может вести такой разговор, как и тот адъютант, который так поразил его еще дома* (К. Станюкович). В этих примерах анализируемый оборот легко заменить на его словарное толкование: **Если так нужно, то мы хоть сегодня ночью загоним этот вагон сюда... Взрослый, рассудительный молодой человек, который, если так нужно, сумеет скрыть свои страдания...**

Для подтверждения или опровержения данных наблюдений был проведён небольшой лингвистический эксперимент. Двадцати студентам 2-го курса было предложено определить значение выражения **если на то пошло** и охарактеризовать речевую ситуацию, в которой оно могло быть употреблено. Все студенты отметили разговорный характер данного оборота, причём половина студентов считает, что он обычно употребляется в конфликтной ситуации, при споре для усиления категоричности, при введении последнего аргумента: *«Обычно данное выражение употребляется в споре между людьми при эмоциональном напряжении, когда один человек пытается доказать другому какой-то факт, дополняя свою мысль примером, который, как он считает, тривиальный, либо, наоборот, из ряда вон выходящий, в зависимости от речевой ситуации»; «Это выражение обычно используется в ситуации спора, когда выражается несогласие с позицией собеседника».* Студентами было сформулировано два значения: 1) *если говорить о...* и 2) *если дело принимает такой оборот.* Несмотря на то, что в толковании оборота студенты повторили союз **если**, нетрудно заметить, что этот союз полностью утрачивает в первом случае своё условное значение. Устойчивая формулировка *если говорить о...*, как неоднократно отмечалось в лингвистической литературе, не имеет пропозитивного смысла и служит для актуализации темы сообщения. Во втором случае условная семантика союза значительно ослаблена, и оборот легко допускает замену на **в таком случае**.

Таким образом, очевидно, что и для студентов словарное толкование исследуемого выражения не является единственно возможным и, более того, частотным. Обращает на себя внимание тот факт, что во всех случаях употребления важна речевая ситуация. Этот оборот не может начинать коммуникацию, он появляется только в процессе её развития и предвещает введение той информации, которая в другой речевой ситуации могла остаться не озвученной. Причём это распространяется не только на реальный, но и на внутренний диалог. В художественном тексте предложения с компонентом **если на то пошло** очень часто встречаются в несобственно-прямой речи.

С точки зрения позиции в предложении, данный оборот сохраняет свойства придаточной предикативной единицы с семантикой условия, т. е. не имеет закреплённого места. Он может начинать предложение: *Если на то пошло, я и твою выходку готов простить* (Л. Дворецкий). Может находиться в интерпозиции: *И на хрен, если на то пошло, такая жизнь?* (Н. Катерли). Может завершать предложение: *Мог бы, кажется, сказать, не темнить, если на то пошло* (В. Валеева). «Генетическая» память проявляется и в том, что данный устойчивый оборот, как и любая предикативная единица с условным союзом **если**, имеет факультативную позицию частицы **то / так**: *Ну, если на то пошло, так её мамы и папы под этим холмиком нет* (Н. Катерли); *Уж если на то пошло, то Стаська рисовала реальные возможности: вот лошадь, вот ходок, запрягай, привязывай корову и едем* (Е. Пермяк).

Таким образом, проблема границы простого и сложного предложения, сформулированная более двадцати лет назад М. И. Черемисиной и Т. А. Колосовой, до сих пор остаётся актуальной, что свидетельствует о безусловном лингвистическом чутье учёных, наметивших путь лингвистических исследований для многих своих последователей и учеников. А функционирование предложений с **оборотом если на то пошло** демонстрирует недостаточность, узость его словарного значения.

Литература

1. Колосова Т. А. Русские сложные предложения асимметричной структуры / Т. А. Колосова. — Воронеж, 1980. — 164 с.
2. Русская грамматика. В 2 т. Т. 2 / под ред. Н. Ю. Шведовой. — М.: Рус. яз., 1980. — 709 с.
3. Стеклова Т. И. Синтаксический статус сочетания **дело в том, что** / Т. И. Стеклова // Асимметрия как принцип функционирования языковых единиц: сб. ст. в честь проф. Т. А. Колосовой. — Новосибирск, 2008.
4. Черемисина М. И. Очерки по теории сложного предложения / М. И. Черемисина, Т. А. Колосова. — Новосибирск: Наука, 1987. — 197 с.
5. Черемисина М. И. Очерки сложного предложения / М. И. Черемисина, Т. А. Колосова. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: ЛИБРОКОМ, 2010. — 226 с.
6. Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису разговорной речи / Н. Ю. Шведова. — М.: Изд-во АН СССР, 1960. — 377 с.

References

1. Kolosova T. A. Russkie slozhnye predlozhenija asimetričnoj struktury / T. A. Kolosova. — Voronezh, 1980. — 164 s.
2. Russkaja grammatika. V 2 t. T. 2 / pod red. N. Ju. Shvedovoj. — M.: Rus. jaz., 1980. — 709 s.

3. *Steksova T. I.* Sintaksicheskiy status sochetaniya delo v tom, chto / T. I. Steksova // Asimetriya kak princip funkcionirovaniya jazykovykh edinic : sb. st. v chest' prof. T. A. Kolosovoj. — Novosibirsk, 2008.
4. *Cheremisina M. I.* Oчерки po teorii slozhnogo predlozhenija / M. I. Cheremisina, T. A. Kolosova. — Novosibirsk : Nauka, 1987. — 197 s.
5. *Cheremisina M. I.* Oчерки slozhnogo predlozhenija / M. I. Cheremisina, T. A. Kolosova. — 2-e izd., ispr. i dop. — M. : LIBROKOM, 2010. — 226 s.
6. *Shvedova N. Ju.* Oчерки po sintaksisu razgovornoj rechi / N. Ju. Shvedova. — M. : Izd-vo AN SSSR, 1960. — 377 s.

СТЕКОВА Тетяна Іванівна

доктор філологічних наук, професор кафедри сучасної російської мови Новосибірського державного педагогічного університету; Новосибірськ, Росія;
e-mail: steksova@inbox.ru; тел.: +7 913 9498776

СЕМАНТИКА І ПРАГМАТИКА РОСІЙСЬКИХ ВИСЛОВЛЮВАНЬ ІЗ ЗВОРОТОМ *ЕСЛИ НА ТО ПОШЛО*

Анотація. У статті обговорюється проблема асиметричних пропозицій російської мови. На прикладі звороту *если на то пошло* розглядаються значення та умови його вживання. Зіставляються словникове тлумачення звороту та мовна практика. Відзначаються особливості його функціонування. Виявляється недостатність словникових дефініцій. За допомогою трансформації визначено можливі синонімічні заміни. Наводяться дані проведеного лінгвістичного експерименту, які підтверджують висновки авторки статті. Все це дозволяє визначити місце пропозицій з даним оборотом у системі російських пропозицій.

Ключові слова: асиметрична структура, семантика, прагматика, функціонування, мовленнєвий зворот *если на то пошло*.

Tatyana I. STEKSOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor of the Modern Russian at Novosibirsk State Pedagogical University;
Novosibirsk, Russia;
e-mail: steksova@inbox.ru; тел.: +7 913 9498776

THE SEMANTICS AND PRAGMATICS OF THE RUSSIAN UTTERANCES WITH THE USE *ЕСЛИ НА ТО ПОШЛО* (*IESLI NA TO POSHLO*)

Summary. The article discusses the problem of asymmetric sentences of the Russian language. On the example of turn of speech *если на то пошло* (*iesli na to poshlo*) the author considers values and conditions of its use. Verbal interpretation and speech practice is compared. Peculiarities of its functioning are marked. Failure in dictionary definitions is brought to light. With the help of transformation the synonymous substitution is examined. The data of linguistic experiment that confirms the conclusions of the author are made. It allows to define the place of sentences with this turn of speech in Russian.

Key words: asymmetric structure, semantics, pragmatics, operation, Russian speech turn *если на то пошло* (*iesli na to poshlo*).

Статтю отримано 28.01.2014 р.

УДК 811.161.1'373.74:82-6 Л. Толстой

ЕРЁМЕНКО Ирина Анатольевна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии Львовского национального университета имени Ивана Франко; Львов, Украина;
e-mail: gazheva-inna@rambler.ru; тел.: +38(032)2336578; моб.: +38-0975890073

ФРАЗЕОТВОРЧЕСТВО Л. ТОЛСТОГО КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЕГО ЭПИСТОЛЯРНОГО ИДИОСТИЛЯ

Аннотация. Фразеотворчество Л. Толстого представляет собой составляющую его эпистолярного идиостиля. Среди индивидуально-авторских фразеобразований Л. Н. Толстого особое место занимает камерная фразеология. Она формируется в связи с потребностями момента. Последний возникает в ходе развития определенной ситуации и отражает целую нравственно-психологическую картину. Камерная фразеология выступает стилистически выразительным средством. Представляет собой при этом «абсолютное сгущение мысли», она вбирает в себя социально-этические наблюдения и выводы писателя. Статья посвящена статусу камерной фразеологии в современной лингвистике. Особое внимание уделяется механизму её образования. Кроме того, в статье определено её место, значение и функции в эпистолярном идиостиле Л. Толстого.

Ключевые слова: фразеологическая единица, камерная фразеология, идиостиль, эпистолярный.

Изучение фразеологии писем Л. Н. Толстого во всём её многообразии и полноте даёт возможность воссоздать своеобразие авторского фразеопотребления: определить характер отношения мастера к языковому материалу, пути и способы его живого обращения в речи.

Фразеологический запас языка служил писателю не только готовым материалом, «образным сырьём», подвергшимся творческой обработке, но также и образцом его собственной работы над словом. Фразеотворчество — неотъемлемая часть языкового своеобразия эпистолярного наследия Л. Н. Толстого. Индивидуальные фразеологические новообразования — это созданные автором и поэтому лишённые (в большинстве случаев) регулярного употребления образования «с нерегулярной

формально-смысловой организацией, проистекающей из цельнообразного переосмысления их компонентного состава» [7, с. 136]. Они являются единицами речи и отличаются «творимостью» в том или ином речевом акте, что и позволяет называть их «индивидуальными» или «речевыми». Данные образования формируются в конкретном тексте, не входят, как правило, в систему языка и соответственно не фиксируются словарями. Однако в силу своей образности и выразительности, данные речевые формулы обычно выступают как яркое стилистическое средство текста, отличаясь при этом высокой информативностью, подчёркивая и заостряя авторскую мысль.

Индивидуально-авторские идиомы в исследуемых текстах представлены совершенно особым, уникальным явлением фразеотворчества писателя — «камерной фразеологией», функционирующей в его частной (семейно-бытовой) переписке.

Термин **камерная фразеология** впервые употребил и ввел в научный обиход В. Л. Архангельский [1, с. 133]. Некоторые замечания по данному вопросу имеются в работах Л. И. Ройзензона [9, с. 247]. В его терминологии это «индивидуальные» или «индивидуально-авторские» ФЕ, то есть такие обороты, которые созданы и устойчиво употребляются только одним человеком [9, с. 253] или небольшим коллективом, ограниченной группой людей.

Исследуя механизм возникновения камерной фразеологии, мы отчасти основываемся на теории внутренней речи (внутреннего монолога) литературных персонажей произведений Л. Н. Толстого, сформулированной акад. В. В. Виноградовым [3, с. 180]. Первые шаги в разработке именно данной проблемы предприняты А. П. Рудневым [10, с. 78], который исследует это явление на материале фразеологии семьи Л. Н. Толстого.

Под камерной фразеологией мы понимаем устойчивые, воспроизводимые словесные комплексы, которые возникают и функционируют в замкнутой сфере узкого круга общения (семья, родственники, друзья и т. д.). В каждой семье люди связаны общими интересами, семейными традициями, единым культурным укладом. И в ней могут бытовать на протяжении многих лет устойчивые выражения, наименования, понятные и принятые только здесь, в данной семье. Эти выражения становятся ФЕ именно в камерном, интимном употреблении, воспринимаются в субъективном, переосмысленном виде, совсем иначе, чем они могут быть употреблены в общепринятом речевом контексте.

В большой семье Л. Н. Толстого на протяжении долгого времени складывались специфические устойчивые выражения, обусловленные многими сложными взаимоотношениями. Эти обороты, созданные одним человеком «автором», путём многократного повторения (использования) в его разговорной и письменной речи становились достоянием членов семьи писателя, проникали в их речь, стабилизировались и закреплялись в словаре каждого из них. Эта подлинно фамильная фразеология помогает лучше узнать семью Толстого, его самого с точки зрения её быта, уклада, взглядов и интересов. Она является выражением интеллектуальной, духовной атмосферы семьи, центром которой была титаническая фигура Льва Толстого. В ряде других случаев эта фразеология выражает интимные частные понятия [10, с. 76].

То или иное явление действительности, чем-либо поразившее Толстого, часто обобщалось им и наделялось символикой, а само словесное обозначение его становилось «толстовскими» поговорками и выражениями, понятными лишь знающим те ситуации, из которых они возникли. Писатель охотно разрабатывает те сложные, разнообразные и тонкие семантические возможности, которые кроются в формах интимного, семейного понимания с полуслова.

Бесспорно и то, что любое слово живёт в нашем сознании не только со всеми его значениями. Оно, с одной стороны, непременно вызывает ещё и целый круг ассоциаций, отражающих реальные связи объективного мира, а с другой — в сознании писателя (как и любого человека с художественным восприятием реальной действительности) возникают образные ассоциации, которые и лежат в основе большей части речевых, окказиональных ФЕ [5, с. 11], в том числе и камерных. Тем более, что данные авторские фразеологические образования как раз и выступают окказиональными оборотами, то есть созданными по случаю и являющимися «характерными поговорками» писателя, но не ставшими достоянием общего литературного языка [2, с. 58], так как «окказиональность есть известная степень незаданности речевого факта системой языка, что создаёт определённую степень неожиданности такого факта для языковой системы [13, с. 246].

Компоненты камерного фразеологизма реализуют потенциальную неисчерпаемость смысла слова и его модификаций в зависимости от конкретной ситуации, порождающей данную сочетаемость слов. Поскольку камерная фразеология полна индивидуальных своеобразий, непосредственно понятных только в данном психологическом контексте. Индивидуальный смысл, накладываемый на слова случайными экспрессивными ассоциациями, нейтрализует их привычные лексические значения.

Смысловая индивидуализация при образовании «камерных фразеологизмов» ведёт к их изоляции, к их «непонятности» для другого лица, для посторонних. Смысл слов в данных сочетаниях несоизмерим с кругом их значений и применений во внешней речи. «Камерная фразеология» сродни внутренней речи, речи для себя и «своего» круга, она не предназначена для широкого, всеобщего сообщения — разъяснения. Поэтому она готова замкнуться в рамках индивидуального диалекта, не подчиниться логическим нормам общего языка. Это своего рода алогический «эгоцентрический» продукт индивидуальной речевой деятельности определенного человека, группы лиц, ограниченного коллектива [3, с. 182]. Отсюда семантическая «закрытость», высокая степень своеобразной смысловой «арготичности» таких сочетаний в плане их восприятия посторонними людьми, не знакомыми предварительно с их специфическим значением.

Рассмотрим ряд ситуаций, проясняющих механизм возникновения и последующего функционирования таких речевых формул.

Так, например, фразу «*архитектор виноват*» произнёс маленький Илья Львович Толстой, когда, получив к рождественским праздникам красивую чашку, разбил её, зацепившись за высокий порог. Он как-то слышал, что старшие осуждали архитектора за сделанный порог. Лев Николаевич, всегда внимательно наблюдавший за детьми, подмечает в сыне желание обвинить другого человека в своём промахе, и добродушно посмеивается (!) над ним. С тех пор поговорка: «архитектор виноват» осталась в семье Толстых. И каждый раз, когда кто-либо из членов семьи в своих ошибках и промахах винил другого человека или случайность, то ему тут же с хитрой улыбочкой напоминали, что, вероятно, «*архитектор виноват*» [11, с. 111]. Ещё один пример. Однажды во время урока французского языка в комнату к детям вошёл Лев Толстой. Он наклонился над диктовкой дочери Татьяны. Заметив, что она закрывает чернильницу всякий раз, как обмакивает в неё перо, он спросил о причине такого действия. В ответ услышал: «*Чернила испаряются*». Лев Николаевич выразил удивление, но ничего не ответил. Однако в следующий раз, когда дочь привела такое же нелепое и неправдивое объяснение своему поведению, он тихо проговорил: «Да, *чернила испаряются*» [11, с. 111].

Смысл данных речевых формул узнаётся не по прямым или переносным словарным значениям, составляющим их структуру, а по символическому отношению этих слов к той конкретной ситуации, которая нашла в них отражение. Образуется сложная система экспрессивно-символических «тропов», переносных форм изображения [3, с. 192]. В «полном» понимании этих форм речи играют роль не столько общие для всех лексические значения слов, сколько их интимно-кружковое экспрессивное окружение. Общие лексические значения слов «перекрываются» и вытесняются индивидуально-символическими понятиями.

Как видим, связь между лексическими значениями слов и их экспрессивно-символическим применением в той или иной ситуации — причина их смысловой доступности лишь очень узкому, в данном случае, семейному кругу.

Вся «камерная фразеология» Толстого формируется в связи с потребностями момента, возникающего в ходе развития определённой (чаще всего) бытовой ситуации, передавая характеризующие её понятия, оценки. Иначе говоря, естественность речевого общения порождает подобные образования, полные смысла и изобразительной неповторимости. Со временем, прочно закрепляясь в устной речевой практике семьи Л. Н. Толстого и ближайшего окружения, они находят своё применение в текстах писем в качестве яркого, выразительного стилистического средства, вбирая в себя глубокие социально-этические обобщения и наблюдения писателя. Их употребление в том или ином контексте — это уже последующая реализация закреплённой (в устной форме общения) «минимальной» устойчивости и воспроизводимости. «Камерная фразеология» выполняет при этом функцию достижения экономичности выражения, т. е. компрессии мысли, языковой экономии. Целая нравственно-психологическая ситуация отражается в соответствующем «камерном» образовании, представляя собой «абсолютное сгущение мысли» [3, с. 182].

Данным авторским речевым формулам, как и узуальным ФЕ, свойственна идиоматичность, всегда сопряжённая с наличием образной мотивировки. Специфика их идиоматичности состоит в том, что это свойство проявляется лишь в особых единичных контекстах, служащих указательным минимумом. Соответствующие контексты неповторимы в силу того, что они несут на себе печать индивидуального творчества, как и возникающие в них образные обороты.

«Камерная фразеология» фиксируется нами лишь в письмах Толстого к членам семьи, самым близким родственникам и друзьям. Она чётко ориентирована на адресата, подготовленного к её восприятию. Неизбежность декодирования этих выражений в общении с «непосвящёнными» лицами каждый раз разрушала бы образный и эмоционально-экспрессивный эффект их употребления. Такая фразеология в частно-бытовой переписке Толстого представлена лишь отдельными образованиями, но их специфические особенности очень явственны, так как они в известной степени могут служить мерилем художественности и выразительности языка писателя.

Фразеологические выражения, употреблявшиеся в семье Толстых, как и любое устойчивое языковое сочетание, можно классифицировать с различных точек зрения. Наибольший интерес представляют следующие положения: выявить состав камерной фразеологии, нашедшей отражение на страницах толстовских писем; установить семантику и выяснить окказиональный генезис.

По семантическому признаку рассматриваемые выражения можно разделить на несколько групп, первая из которых: условные, семейные обозначения соответствующих реалий домашней обстановки (модель *имя прилагательное + имя существительное*: «вырезушечная перегородка», «пироговский диванчик», «тетенькина шифоньерка»).

Обратимся к страницам толстовских писем: «Особенно интересует состояние духа мама. Что она, не хандрит ли за *вырезушечной перегородкой*, что и как рассуждает о будущем» (т. 61, с. 63). «Вырезушечная перегородка» отделяла часть комнаты, занимаемой Л. А. Берс, от так называемой «маленькой гостиной», в которой любила проводить вечера берсовская молодёжь.

«Не знаю почему, но ничего не доставляет мне такого удовольствия, как сознание того, что вы в Ясном, ... и я иначе вас себе не представляю, как в вашей комнате во флигеле, на «*пироговском диванчике*», за вашим любимым столиком, рядом с шифоньеркой, в которой всё есть. — «Когда у нас нет, что нам нужно, мы с Николенькой говорили: *нет тетенькиной шифоньерки*» — (т. 67, с. 58).

«Пироговский диванчик» и «тетенькина шифоньерка» — это условные обозначения предметов обстановки дома Толстых. Правда, во втором случае происходит отступление от чисто номинативной

функции данного «камерного фразеологизма». Его семантика значительно расширяется и метафоризируется. Перед нами редкий и зафиксированный в единичном варианте случай пояснения содержания «камерного» образования текстом авторского письма.

Это объясняется, очевидно, двумя основными причинами: во-первых, этот фразеологизм необходим в условиях данного контекста как одна из условных яснополянских реалий, о которых идёт речь. Следовательно, Толстому крайне важно его употребление именно в этом случае. Во-вторых, не исключено, что данное выражение не имело столь широкого хождения в семье Толстого, как некоторые другие условные обозначения домашней обстановки, и поэтому могло быть неизвестно Т. А. Кузминской, в письме к которой и даётся его расшифровка. Этот оборот мог более или менее активно использоваться в лексиконе только двух братьев — Льва и Николая, о чём и говорится в письме.

Данные обороты, органически вплетаясь в ткань авторского текста, подчёркивают его повествовательную непринуждённость, общий эмоциональный настрой писателя, «взаимопонятность» между корреспондентами того, о чём идёт речь, что в целом усиливает доверительность и контактность между Толстым и его адресатом (функция «интимизации» повествования).

Вторая группа толстовских «камерных» образований представлена единицами с семантическим обозначением нравственно-бытовых, социальных и психологических оценок соответствующих явлений действительности. Их, как и сочетания первой группы, можно считать окказиональными образованиями.

Особое место в этой подгруппе занимает камерный фразеологизм «*анковский пирог*», употреблённый в различных текстах писем семейно-бытового характера 5 раз. И это не случайно. Обратимся к семантике этого выражения. Почему формы жизни, которым придают главное значение, получили название «анковский пирог», <...> не говоря уже о странном эпитете «анковский» [6, с. 70]. «Анковский пирог» — традиционный пирог в доме Толстых, подававшийся в исключительных случаях: в большие праздники или при «хороших» гостях. Устойчивое выражение «*анковский пирог*» применялось как символ барского, дворянского благополучия, сытости и могло воспроизводиться по различному поводу, хотя в целом сохраняло постоянный контекст. Это выражение произошло от фамилии хорошего знакомого семей Берсов и Толстых профессора-медика Н. Б. Анке, сообщившего им рецепт приготовления пирога. Значение этой словесной формулы объясняет Сергей Львович Толстой: «Для отца *Анковский пирог* служил эмблемой особого мировоззрения, которое трудно сформулировать одним словом. Анковский пирог — это домовитость, и семейная традиционность, и — говоря современным языком — буржуазный уклад жизни, и вера в необходимость материального благополучия, и непреклонное убеждение в незыблемости современного строя» [12, с. 12]. Таким образом, для Л. Н. Толстого этот *анковский пирог* имел иносказательное значение. Борьба против *анковского пирога* — это мировоззренческая сущность жизни и деятельности великого писателя. Отсюда и столь активное его использование в толстовских корреспонденциях.

Данный «камерный фразеологизм» писателя отличается высокой степенью семантического обобщения, широтой охвата соответствующего явления действительности, что так свойственно природе общеязыковых ФЕ. Трудно найти в узуальной фразеологии устойчивую единицу, семантически адекватно соотносимую с данным авторским образованием. Возможно, что и появление в словаре Толстого камерных фразеологизмов (во всяком случае многих из них) связано со своеобразным восполнением отсутствующих ФЕ с аналогичными или подобными значениями. Иными словами, индивидуальные образования истинного мастера слова способны ярко, оригинально выразить такие тонкие, глубокие оттенки смысла и всестороннего обобщения, которые бессильны передать узуальные ФЕ. Это, собственно, и оправдывает их появление в авторском тексте.

Сочетание *арзамасский ужас* появилось после того, как писатель, ночуя в гостинице Арзамаса, испытал приступ тоски и ужаса, связанный с мыслями о смерти [4, с. 110]. Оно стало символом смятенного и катастрофического душевного состояния. В конце августа 1869 года Лев Николаевич отправился в Пензенскую губернию, чтобы осмотреть продававшееся там имение. 4 сентября он писал с дороги Софье Андреевне: «Что с тобой и детьми? Не случилось ли что? Я второй день мучаюсь беспокойством. Третьего дня я ночевал в Арзамасе, и со мной было что-то необыкновенное. Было 2 часа ночи, я устал страшно, хотелось спать, и ничего не болело. Но вдруг на меня нашла тоска, страх, ужас такой, какого я никогда не испытывал» — (т. 83, с. 168). *Арзамасский ужас* был только наивысшей точкой того тяжёлого душевного состояния, в котором жил с середины 1869 г. Толстой. И вызвано оно было не переутомлением, как считают иногда, а напряжёнными мыслями о том, что делать дальше.

Рассмотрим окказиональную семантику ещё двух камерных образований. Первое из них — «*времена долгополого сюртука*» (структура: им. сущ. + словосочетание (прилагательное и сущ.) — своеобразный символ, скорее всего, внешней упрощённости деревенского образа жизни, столь далёкого от дворянско-снобистских условностей города и высших социальных слоёв. Это и обязательный крестьянский труд, без которого Толстой не представлял себе жизни в деревне. Второй фразеологизм представлен в виде сочетания английских слов «some more», что обозначает «*т.е. ещё*». Эта фраза, выражающая одобрение и желание получить ещё, завелась в семье Толстых после того, как маленький Лев Львович после причастия сказал в церкви «please some more» (пожалуйста, ещё немного). Подобные выражения оказываются тесно связанными с речевой ситуацией, возникают из неё, выступают в качестве эмоционально-экспрессивного образования.

подавляющее большинство примеров камерной фразеологии Л. Н. Толстого имеет «единичное употребление» [14, с. 97], то есть прослеживаются они в текстах писем один раз. И лишь некоторые из рассматриваемых образований (такие, например, как *анковский пирог*, *муаровый жилет*)

приобретают «минимальную воспроизводимость» [14, с. 98], то есть неоднократно употребляются в ряде текстов Лев Толстого. При этом хотелось бы отметить следующую особенность. Выделяя единичное употребление в качестве наиболее характерной степени воспроизводимости большинства «камерных фразеологизмов» писателя, мы имеем в виду их адекватную фиксацию в исследуемых текстах. Что же касается жизнеспособности этих оборотов в контексте всего творчества Толстого, а также его речевой (устной) практики общения и речи целого ряда лиц, связанных с ним семейными узами, а также отношениями дружбы и сотрудничества, то уже на уровне макроконтраста данные образования будут обладать достаточно устойчивой воспроизводимостью. Об этом свидетельствуют богатые мемуарные и литературно-исследовательские материалы о жизни писателя и его семейном окружении (Сухотина-Толстая, Кузминская).

Исследования А. П. Руднева доказывают использование семейной фразеологии Толстых в ряде художественных произведений писателя. А Н. П. Пузин замечает по этому поводу: «Во многих творениях Толстого пробивается автобиографическая струя, с чем неизменно сплетались семейные предания» [8, с. 34].

Возникновение камерной фразеологии — это своеобразный элемент творчества писателя, направленный на создание новых устойчивых формул, совершенствующих и расширяющих собой семантико-структурные разновидности фразеологии современного русского языка. Отличаясь «творимостью» в том или ином речевом акте, большинство из них являются целиком новообразованиями автора, и лишь единичные камерные фразеологизмы создаются по аналогии с уже существующими в узусе.

Семантика данных образований писателя отличается глубиной обобщения, неоднозначностью и многоаспектностью смысловых оттенков, отражённых в их значении. Отличительная черта этих речевых формул — прочная связь с широким контекстом всего творчества Л. Н. Толстого. Само их значение уникально, единично и неповторимо, результат осмысления писателем определённой ситуации, факта объективной действительности. Поэтому момент их возникновения и форма воплощения — явление непредсказуемое.

Литература

1. *Архангельский В. Л.* Омонимические соответствия устойчивых фраз и свободных предложений / В. Л. Архангельский // Вопросы истории и теории русского языка. — Тула: Тул. ГПИ им. Л. Н. Толстого, 1990. — Вып. 3. — С. 39–74.
2. *Бабкин А. М.* Лексикографическая разработка русской фразеологии / А. М. Бабкин. — М.: Наука, 1994. — 263 с.
3. *Виноградов В. В.* О языке Толстого (50–60-е гг.) / В. В. Виноградов // Литературное наследство. — М.: Изд-во АН СССР, 1939. — Т. 35–36 / В. В. Виноградов. — С. 196–201.
4. *Гусев Н. Н.* Два года с Толстым / Н. Н. Гусев. — М.: Худ. лит., 1973. — 463 с.
5. *Зуева Р. С.* Наблюдения над речевыми словосочетаниями / Р. С. Зуева // Русское языкознание. — Алма-Ата, 1991. — Вып. 2. — С. 24–36.
6. *Литературное наследство.* Т. 69, кн. 2. — М.: Изд-во АН СССР, 1961. — 527 с.
7. *Петрова С. И.* Окказиональное фразообразование / С. И. Петрова // Сборник научных трудов / Моск. пед. ин-т иностр. яз. — М., 1984. — Вып. 232. — С. 136–150.
8. *Пузин Н. П.* Дом-музей Л. Н. Толстого в Ясной Поляне / Н. П. Пузин. — М.: Планета, 1986. — 143 с.
9. *Ройзензон Л. И.* Об одном аспекте конфронтации фразеологизма и слова / Л. И. Ройзензон // Труды Самаркандского государственного университета. Вопросы фразеологии. — Самарканд, 1976. — Вып. 178. — С. 248–255.
10. *Ройзензон Л. И.* О понятии «камерная фразеология» (на материале семьи Л. Н. Толстого) / Л. И. Ройзензон // Проблемы русской фразеологии: респ. сб. — Тула, 1979. — С. 75–82.
11. *Сухотина-Толстая Т. Л.* Воспоминания / Т. Л. Сухотина-Толстая; [сост. А. И. Шифман]. — М.: Худ. лит., 1981. — 525 с. — (Литературные мемуары).
12. *Толстой С. Л.* Очерки былого / С. Л. Толстой. — 3-е изд., испр. и доп. — Тула: Приокское кн. изд-во, 1965. — 512 с.
13. *Ханпира Э. И.* Окказиональные элементы в современной речи / Э. И. Ханпира // Стилистические исследования: на материале современного русского языка. — М.: Наука, 1989. — С. 245–317.
14. *Чиркова Е. К.* О критериях отграничения окказиональных слов от новых слов литературного языка / Е. К. Чиркова // Современная русская диалектология. — Ленинград: Наука, 1985. — С. 91–101.

References

1. *Arhangelskiy V. L.* Omonimicheskie sootvetstviya ustoychiviyh fraz i svobodnyih predlozheniy / V. L. Arhangelskiy // Voprosy istorii i teorii russkogo yazyika. — Tula: Tul'skiy GPI im. L. N. Tolstogo, 1990. — Vyip. 3. — S. 39–74.
2. *Babkin A. M.* Leksikograficheskaya razrabotka russkoy frazeologii / A. M. Babkin. — M.: Nauka, 1994. — 263 s.
3. *Vinogradov V. V.* O yazyike Tolstogo (50–60 gg.) / V. V. Vinogradov // Literaturnoe nasledstvo. — M.: Izd-vo AN SSSR, 1939. — T. 35–36 / V. V. Vinogradov. — S. 196–201.
4. *Gusev N. N.* Dva goda s Tolstyim / N. N. Gusev — M.: Hud. lit., 1973. — 463 s.
5. *Zueva R. S.* Nablyudeniya nad rechevymi slovosochetaniyami / R. S. Zueva // Russkoe yazyikoznanie. — Alma-Ata, 1991. — Vyip. 2. — S. 24–36.
6. *Literaturnoe nasledstvo.* T. 69, kn. 2. — M.: Izd-vo AN SSSR, 1961. — 527 s.
7. *Petrova S. I.* Okkazionalnoe frazeobrazovanie / S. I. Petrova // Sbornik nauchnyh trudov / Mosk. ped. in-t inostr. yaz. M., 1984. — Vyip. 232. — S. 136–150.
8. *Puzin N. P.* Dom-muzey L. N. Tolstogo v Yasnoy Polyane / N. P. Puzin. — M.: Planeta, 1986. — 143 s.
9. *Royzenzon L. I.* Ob odnom aspekte konfrontatsii frazeologizma i slova / L. I. Royzenzon // Trudy Samarkandskogo gosudarstvennogo universiteta. Voprosy frazeologii. — Samarkand, 1976. — Vyip. 178. — S. 248–255.
10. *Royzenzon L. I.* O ponyatii «kamernaya frazeologiya» (na materiale sem'i L. N. Tolstogo) / L. I. Royzenzon // Problemy russkoy frazeologii: resp. sb. — Tula, 1979. — S. 75–82.
11. *Suhotina-Tolstaya T. L.* Vospominaniya / T. L. Suhotina-Tolstaya; [sost. A. I. Shifman]. — M.: Hud. lit., 1981. — 525 s. — (Literaturnye memuary).
12. *Tolstoy S. L.* Ocherki byilogo / S. L. Tolstoy. — 3-e izd., ispr. i dop. — Tula: Priokskoe kn. izd-vo, 1965. — 512 s.
13. *Hanpira E. I.* Okkazionalnye elementy v sovremennoy rechi / E. I. Hanpira // Stilicheskie issledovaniya: na materiale sovr. rus. yaz. — M.: Nauka, 1989. — S. 245–317.
14. *Chirkova E. K.* O kriteriyah otgranicheniya okkazionalnyh slov ot novyih slov literaturnogo yazyika / E. K. Chirkova // Sovremennaya russkaya dialektologiya. — Leningrad: Nauka, 1985. — S. 91–101.

БРЕМЕНКО Ірина Анатоліївна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри російської філології Львівського національного університету імені Івана Франка; Львів, Україна;
e-mail: кафедра@rambler.ru; тел.: +38(032)23365; моб.: +38-0975890073

ФРАЗЕОТВОРЧИСТЬ Л. ТОЛСТОГО ЯК СКЛАДОВА ЙОГО ЕПІСТОЛЯРНОГО ІДІОСТИЛЮ

Анотація. Фразеотворчість Л. Толстого є складовою його епістолярного ідіостилю. Серед індивідуально-авторських фразеотворень Л. М. Толстого особливе значення має камерна фразеологія. Вона формується у зв'язку з потребами моменту. Останній виникає в ході розвитку певної ситуації та відображає цілу морально-психологічну картину. Камерна фразеологія виступає стилістично-виразним засобом. Представляючи собою при цьому «абсолютне згущення думки», вона вбирає в себе соціально-етичні спостереження й висновки письменника. Стаття присвячена статусу камерної фразеології в сучасній лінгвістиці. Особлива увага приділяється механізму її утворення. Крім того, у статті визначено її місце, значення і функції в епістолярному ідіостилі Л. Толстого.

Ключові слова: фразеологічна одиниця, камерна фразеологія, ідіостиль, епістолярій.

Ірина А. YEREMENKO,

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Russian Philology Department of Ivan Franko National University of Lviv; Lviv, Ukraine;
e-mail: кафедра@rambler.ru; tel.: +38(032)2336578; моб.: +38-0962148357

THE DERIVATION OF PHRASEOLOGISMUS OF LEO TOLSTOY AS A PART OF HIS EPISTOLARY INDIVIDUAL STYLE

Summary. The derivation of phraseologisms of Leo Tolstoy is a part of his epistolary individual style. The chamber phraseology occupies a special place among the individual formations of Leo Tolstoy. It is formed in connection with the needs of the moment, which arises in the course of some situation and reflects the whole moral-psychological picture. Chamber phraseology appears as a stylized and expressive means. Representing an «absolute concentration» of thought, it takes up as social and ethical observations and conclusions of the writer. The article is devoted to the status of the chamber phraseology in modern linguistics. Particular attention is paid to the mechanisms of its formation. In addition, the author reveals its place, role, and function in the epistolary individual style of Leo Tolstoy.

Key words: phraseological unit, chamber phraseology, individual style, epistolary.

Статтю отримано 25.02.2014 р.

ПИТАНИЯ ГРАМАТИКИ

УДК 811.161.1:373.611

ПЕТРОВ Александр Владимирович,

доктор филологических наук, профессор кафедры русского, славянского и общего языкознания Таврического национального университета имени В. И. Вернадского; Симферополь, Украина; e-mail: liza_nada@mail.ru; тел.: +38-099-0648261

**ПРЕФИКСАЛЬНЫЕ ПОВТОРЫ СТРАДАТЕЛЬНЫХ ПРИЧАСТИЙ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Аннотация. В статье исследуются осложнённые префиксальные повторы страдательных причастий, которые специализируются на передаче значений многократности и интенсивности. Были зафиксированы удвоения с префиксами *из-(ис-)*, *раз-(рас-)*, *о-*, *не-* и *за-*, однако в редупликаторах преобладает префикс *пере-* со значением «повторения действия заново, ещё раз или иначе», что обусловлено наибольшим соответствием значения префикса значению повтора в целом. В составе удвоений преобладают основы глаголов физического действия. Повторы дублируют лексическую сочетаемость глагола, развивают сочетаемость, несвойственную мотиватору, и формируют новые значения. Как правило, исследуемые лексические единицы связаны с объектным актантом, но в контекстах появляется субъектный актант в творительном падеже и сирконстанты с количественной семантикой, которые служат для усиления оттенка интенсивности признака.

Ключевые слова: повторы (редупликация, удвоения), редупликант, редупликатор, префиксальные повторы страдательных причастий, прямое и переносное значение повторов, лексическая сочетаемость адъективных повторов.

В русском языке, прежде всего в разговорной речи, функционирует немало удвоенных образований, компонентами которых являются целые слова, обладающие формальной и смысловой общностью. В лингвистике нет единого термина для выражения повторения, в качестве синонимов выступают следующие термины: удвоение, повтор и редупликация. Редупликация используется как древнейшая модель образования слов и «свойственна языкам различного строя» [7]. Проблемы повтора неоднократно обсуждались в работах русских и зарубежных лингвистов, интенсивно разрабатываются в востоковедении (Н. Ф. Алиева, Л. Брюно, В. В. Виноградов, В. А. Виноградов, И. Г. Галенко, Н. К. Дмитриев, О. Ю. Крючкова, А. А. Реформатский, А. А. Потебня, И. И. Ревзин, Э. Сепир, З. Б. Уринбаев, Б. А. Успенский и др.). Удвоение квалифицируется учёными как способ создания особых значений. Так, А. А. Потебня писал, что «повторение (собственно удвоение, утроение, в отличие от анафоры и пр.) слова» является средством «синекодического представления продолжительности действия, интенсивности качества, множества вещей» [8, с. 441]. Данный способ образования единиц словаря оценивается как простейший, элементарный, как одна из языковых универсалий. В. А. Виноградов отмечает, что «...чаще редупликация выступает как средство варьирования лексического значения, выражая интенсивность, дробность, уменьшительность и т. п.» [7, с. 408]. По мнению Э. Сепира, «этот процесс обычно используется с самоочевидным символизмом для обозначения таких понятий, как распределение, множественность, повторность, обычность действия, увеличение в объёме, повышенная интенсивность, длительность» [10, с. 59].

Дискуссионными являются вопросы о функциональной стороне редупликации, её грамматическом статусе и месте в системе способов словопроизводства. Как правило, в составе повтора выделяется компонент-основа, исходная неповторная единица. Для её обозначения будем использовать термин, применяемый лингвистами-востоковедами, «редупликант» [12]. Соотносительным термином «редупликатор», согласно установленной традиции, называется компонент повтора, присоединяемый к редупликанту.

Лексико-грамматическая классификация повторов основывается на структурном соотношении компонентов повтора и включает в себя два основных типа: полный и вариативный. Полный повтор соответствует удвоению редупликанта без каких-либо изменений, например: *белый-белый*, *высоко-высоко*, *едва-едва*. Вариативный повтор имеет несколько разновидностей, среди них Л. А. Голда и Т. В. Матвеева выделяют осложнённые повторы, в которых редупликатор по морфемному составу сложнее редупликанта. В зависимости от характера словообразовательного аффикса редупликанта учёные выделяют: а) осложнённые префиксальные повторы, например: *крест-накрест*, *тёмный-претёмный*, *считанный-пересчитанный*, *отличница-разотличница*; б) осложнённые суффиксальные повторы, например: *мало-мальски*, *рад-радешенек*, *цел-целёхонький*, в) повторы с многоаффиксным осложнением, например: *мало-помалу*, *жить-поживать*, *вет-повевает* [6].

Цель статьи — изучить лексико-грамматическую и семантическую структуру адъективных гомогенных повторов модели «отглагольное прилагательное + префиксальное причастие» в русском языке. Исследование проводилось на основе Интернет-ресурсов и Национального корпуса русского языка.

Объектом изучения являются лексические единицы типа *штопаный-перештопаный*, функционирующие в языке с варьирующимся написанием, поскольку количество суффиксов (-ни- или -н-) в них не получило регламентации в «Правилах орфографии и пунктуации 1956 г.». Незначительную часть в языке составляют повторы с суффиксом -т- (*битый-перебитый, мытый-перемытый, мятый-перемятый*): *Битый-перебитый шальными пулями лес шумит развесистыми кронами под порывами сырого ветра, шевелит обрубками сучьев.* — Режим доступа: <http://asng.org.ua/1/evn/2/94>; *Около 2,5 часов бродил по битому-перебитому полю...* — Режим доступа: <http://relichunter.ru/viewtopic.php...>

Не исключены повторы действительных причастий с суффиксом -ви- и префиксом *пере-* (*видавший-перевидавший*), однако в нашей картотеке они единичны: *Моё обращение к читателю может показаться наивным и бессодержательным. Тем более оно может показаться таким читателю искушённому и видавшему-перевидавшему виды.* — Режим доступа: <http://lito.ru/avtor/fuji>

В качестве рабочей гипотезы мы принимаем точку зрения Б. З. Букчиной и Л. П. Калакуцкой, которые рекомендуют писать одно *н* в обоих словоформах. Исследователи полагают, что «эти лексикализованные сочетания представляют собой одно целое», поэтому нельзя «считать их двумя самостоятельными частями, из которых одна является причастием, а другая прилагательным». Этот тип целостного словосочетания исследователи квалифицируют как прилагательное и рекомендуют, вопреки существующему правилу, и во втором, префиксальном, компоненте писать в суффиксе одно *н* [2].

Лексические удвоения переключаются с фразеологизмами, и грань между повтором-словом и повтором-фразеологизмом является очень зыбкой. Исследуемые единицы могут быть отнесены к фразеологическим сериям. Явление фразеологических серий тесно связано с процессами фразеобразования и с фразеологическим моделированием. По мнению В. Л. Архангельского, «фразеологические единицы, образующие серию, целесообразно назвать членами фразеологической серии. Каждая фразеологическая серия представляет собою, во-первых, определённую организацию однотипных единиц как членов серии, во-вторых, внутреннюю организацию лексических интегрантов в однотипных единицах, образующих серию» [1, с. 7]. Однако содержание понятия «фразеологическая серия» требует уточнения. Вопрос о месте и роли фразеологических серий в русской фразеологической системе ещё не решён, и их типы в современном русском языке не определены.

Исследователи Л. А. Голда и Т. В. Матвеева обращают внимание на то, что «префиксальные повторы страдательных причастий усиливают значение многократности или даже формируют его, одновременно в них возможно появление значения интенсивности» [6, с. 101]. В повторе представлены формы глаголов разного вида, «что, вероятно, делает невозможным усиление видовой семантики». И далее: «Многократность и интенсивность нельзя связать со значением префикса *пере-* в редупликаторе. Значение многократности в осложнённых повторах с префиксом *пере-* возникает при наложении значения этого префикса на значение длительности, в высшей степени свойственное повтору с редупликантом — глаголом несовершенного вида. Таким образом, повтор содержит специфическую трансформацию семантики редупликанта, несводимую к простой сумме значений его компонентов» [6, с. 101]. В то же время, как показал проанализированный нами фактический материал, семантика интенсивности косвенно коррелирует именно с префиксом *пере-*, поскольку в зафиксированных повторах, осложнённых другими префиксами, компонент интенсивности зачастую не актуализируется: *из-(ис-)* (*раненый-израненый, хоженьый-исхоженьый*), *раз-(рас-)* (*ношеный-разношенный, писанный-расписанный*), *о-* (*писанный-описанный*), *не-* (*писанный-неписанный*) и *за-* (*латанный-залатанный, езженьый-заезженьый*). Ср.: *А вот умчался Милешкин на какой-то писанный-расписанный в газетах БАМ, вокруг его деревни всё идет прахом.* — Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/416390/read>; *Как же мне тошно стало, когда нам сообщили, что ехать надо было не на кулички, а просто на проспект Руставели, хоженьый-исхоженьый.* — Режим доступа: <http://kolobokos.livejournal.com/120801.html>.

Таким образом, выкристаллизовавшаяся в языке модель префиксальных повторов страдательных причастий включает формант *пере-* со значением «повторения действия заново, ещё раз или иначе», что обусловлено наибольшим соответствием значения префикса значению повтора в целом. Модели повторов с другими префиксами ещё не оформились в языке.

Адъективные повторы употребляются в прямом и переносном значении в соответствии с семантикой мотиваторов: *путать / перепутать нити, мысли — путаные нити, путаные мысли — путаные-перепутанные нити, путаные-перепутанные мысли.* Ср.: *Весь клубок путаных-перепутанных западных идей «демократии», «либерализма», «прав человека» прикрывают чудовищный «свободный рынок», вмешательство в жизнь других государств.* — Режим доступа: <http://www.voskres.ru/articles/budanzev2.htm>.

Ср.: *пилить 1. Разрезать пилой. Пилить брёвна. Пилить деревья. Многолетние развалившиеся пиленые-перепиленные деревья, неподросший молодняк, неухоженный кустарник.* — Режим доступа: [http://soroga.ru/Форум Вологодских рыбаков/viewtopic.php...](http://soroga.ru/Форум%20Вологодских%20рыбаков/viewtopic.php...)

// перен. Разг. Изводить, донимать непрерывными попреками, придирками. Пилить прислугу с утра до вечера. *В Америке изобретатель — не пропавший человек, осуждаемый соседями, пиленный-перепиленный семьей за неспособность приносить деньги.* — Режим доступа: <http://in-nov.ru/doc/2007.30sep/kto.htm>.

Повторы дублируют и неузуальную сочетаемость глагола (например, *пилить бюджет*): *Пилил бюджет Савешкин не один, а с другом, господином Гиришем!* — Режим доступа: <http://7x7-journal.ru/post/41968>; *Наш многострадальный бюджет, пиленный-перепиленный, ворованный-переворованный, начинают ещё разводить на постройку кошачье-собачьих приютов.* — Режим доступа: http://dubaser.ru/Форум/Прямоток..._i_vrach_i_fotovideo...

Однако, отражая семантику глагола, его сочетаемость, повторы способны изменять типичную лексическую сочетаемость мотиваторов, а также развивать новые значения, что выявляется на уровне синтагматики. Так, лексическая единица *штопаный-перештопаный*

а) повторяет сочетаемость глагола *штопать* (1. Заделывать дыру в какой-л. ткани, изделии, не затягивая края в рубец, а переплетая нитки тем или иным образом. Штопать чулки. Штопать бельё) ... *съездила в монастырь, собрала остатки игуменьиного хозяйства, две гарднеровские чашки и спиртовку-кофейницу, немного постельного белья, штопаного-перештопаного.* — Режим доступа: <http://ulickaya.ru/content/view/48/8/>

В контекстах наблюдается употребление повтора в составе метонимии, представленной моделью «одежда — человек в этой одежде» (штопаная-перештопаная одежда — штопаная-перештопаная старушка): *Старушка была штопаная-перештопаная и уж такая робкая, что, казалось, не только говорить, но и смотреть боялась.* — Режим доступа: <http://blikwomen.com.ua/writer/7632/books/52497/grossman...>; *Показательна одна история, рассказанная Людмилой Касаткиной: «Когда мне было 11 лет, я прибежала к маме зарёванная и говорю: «У Тани новое платье, а я хожу вся штопаная-перештопаная».* — Режим доступа: <http://1001material.ru/1091.html>;

б) развивает сочетаемость, несвойственную мотиватору (*штопаный-перештопаный* «ЛАЗ», мяч, сапог; *штопаные-перештопаные ботинки, ракеты, шины*), поскольку объектами при предикате, согласно словарной дефиниции, выступают ткань и изделия из неё: *Штопаный-перештопаный «ЛАЗ» выпуска восемьдесят затёртого года, огнедышащий и громыхающий, но удивительно живучий...* — Режим доступа: <http://lib.anwar.org/load/fb2/98950>; *В ДЮСШ, где я занимался, было от силы три штопаных-перештопаных мяча, застиранная до дыр форма и один душевой сосок на всю потную после тренировок ораву.* — Режим доступа: <http://fc-retro.at.ua/news/>; *Тут же он свежеевал добычу, замотал тушку в полиэтилен и спрятал в потайной карман, нож тоже замотал и сунул в штопаный-перештопаный сапог.* — Режим доступа: http://knizhnik.org/Виктор_Глумов/gorod-smerti/7; *...домашняя кладовая Степана Николаевича буквально ломилась от старых и, к его глубочайшему сожалению, абсолютно ненужных вещей: штопаных-перештопаных ботинок, драных-предраных фуфаяк и другого хлама.* — Режим доступа: <http://ua.miass.info/index.php?id=69>; — *Но ведь так может чёрт знает до чего дойти! Так может до стратегических ракет дойти! — До стратегических — вряд ли. Кому они, штопаные-перештопаные, нужны. А вот до ракетных комплексов — почему бы нет. Если уже не дошло. Время у нас такое, что кто на чём сидит — тот то и продаёт.* — Режим доступа: <http://univerlib.ru/book/2496/103>; *У меня они [шины] уже штопаные-перештопаные.* — Режим доступа: <http://autolada.ru/viewtopic.php?t=192627>;

в) формирует образные значения:

— «много раз изменяемый, исправляемый, дополняемый (о законодательных актах)» (*штопаный-перештопаный закон, штопаная-перештопаная Конституция: С одной стороны, закон нужный, потому что старый закон, штопаный-перештопаный, уже стало невозможно править, только переписать заново.* — Режим доступа: http://winst.do.am/news/zakon_ob_obrazovanii_uchite_sami...; *Наконец, даже эта затёртая до дыр, штопаная-перештопаная Конституция была Конституцией РФСФР — не существующего к тому времени государства.* — Режим доступа: <http://zyrianiin.livejournal.com/255038.html>;

— «много раз подвергшийся хирургическому лечению, хирургическому вмешательству» (*штопаный-перештопаный человек*): *Он был весь штопаный-перештопаный, как Франкенштейн. После последней полостной операции у него весь живот в огромных шрамах остался.* — Режим доступа: <http://antifa.fm/3609.html>; *Штопаный-перештопаный хирургами, Илья Григорьевич Шкловский в декабре 1945 года вернулся в Казахстан, откуда он ушёл в армию.* — Режим доступа: http://militera.lib.ru/memo/russian/dobrovolsky_urala/09.html.

Обнаружены префиксальные повторы, употребляющиеся только в переносном значении (*езженный-заезженный, жёваный-пережёванный*): *В основе «Звездопляса» — езженный-заезженный приём, используемый теперь во всех ночных клубах, когда под фонограммы певцов-звёзд имитируются «номера».* — Режим доступа: <http://tyz-golodovka.livejournal.com/81301.html?thread=1020309>; *Старый, жёваный-пережёванный вопрос о дате возникновения Донецка должен быть снят с повестки дня.* Режим доступа: <http://infodon.org.ua/uzovka/781>; *А с другой стороны — жёваный-пережёванный сюжет, ничего оригинального, пластилиновые образы, стыренные из других фильмов.* — Режим доступа: http://ouch.kiev.ua/2007/08/blog-post_8473.html.

Как правило, исследуемые повторы связаны с объектным актантом. Однако в контекстах появляется субъектный актант в творительном падеже со значением а) лица, выраженного субстантивом, личным или неопределённым местоимением, и б) предмета (псевдосубъекта), в функции которого выступают абстрактные существительные (*жизнь, судьба* и др.): *Я, например, вырос в семье, где иногда даже сахарей не было, иногда терял сознание от голода, а пока учился, носил штопанное-перештопанное мамой.* — Режим доступа: <http://forum.astrakhan.ru>; *Конечно, это ошибка, а ещё я обнаружила там и другую: скачала «Оделась туманами» — там написано В. Ширков, а стала слушать — и тут же узнала игранный-переигранный мною в студенческие годы романс того же Даргомыжского «Оделась туманами Сьерра-Невада».* — Режим доступа: <http://talkin.ru>; *Загадочное слово «Аэлита» я помню с детства. Тогда случайно наткнулась на потрепанный, читанный-перечитанный кем-то до меня невзрачный журнальчик.* — Режим доступа: <http://KulturMultur.com>; *Бродяга Радж — «маленький человек», бесконечно добрый и обаятельный, битый-перебитый судьбой ворюшка, который ни при каких обстоятельствах не теряет оптимизма и веру в будущее, ока-*

зывается чище и возвышеннее тех, кто вытолкнул его на социальную обочину. — Режим доступа: <http://my-hit.ru/film/9903>; *Пришли гости: Андрюха Никитин, мятый-перемятый, тёртый-перетёртый жизнью человек, до костей обкатанный суровой действительностью, её буднями, пришла Оксанка Михайлова — Андрюхина зазноба, остальные были свои — Лилия с Таней и отец с матерью.* (В. Поволяев. Женская банда).

Реже встречаются актанты с локативной семантикой: *Сама «рублёвка» — тема жёваная-пережёваная в прессе, эфире и на кухне.* — Режим доступа: <http://www.listerman.ru/pressa/pesherniy-glyanec.htm>

В контексте адъективные повторы сопровождаются сирконстантами с количественной семантикой — *много раз, не раз, по десять раз, многократно, не один раз, миллион раз, сто раз, много-много раз* и др.: *виденные-перевиденные много раз деревья и скалы...* — Режим доступа: <http://rasteli.org.ua/2008/01/61>; *Деревянную беседку, как ни старайся, ожидает судьба деревянного грибка из пионерского лагеря: стоит она такая крашеная-перекрашенная 100 раз и, наконец, полностью приходит в негодность.* (Е. Владыкина. «Храм уединённого размышления»); *В пластиковую бочку из-под Раундапа, множество раз хорошенько мытую-перемытую, решили налить воду для полива тепличных огурцов, чтобы, значит, прогрелась на солнышке.* — Режим доступа: <http://dacha.wcb.ru> Дачный Форум?showtopic=15297.

Глагольно-адъективные основы повторов можно распределить по следующим лексико-семантическим группам: глаголы физического действия (*пахать: паханые-перепаханные земли, стирать: стиранный-перестиранный халат*), глаголы движения (*ездить: еженный-перееженный путь*), глаголы речи (*ругать: руганое-переруганое телевидение*), глаголы зрительного восприятия (*видеть: виденный-перевиденный сюжет*), глаголы умственной деятельности (*считать: считанный-пересчитанный бюджет*), глаголы слухового восприятия (*слышать: слышанный-переслышанный концерт*): *Второй концерт Рахманинова. Слышанный-переслышанный... Лавина звуков, лавина мелодий, лавина чувств...* — Режим доступа: <http://www.e-reading.ws/bookreader.php/1027184>. В составе повторов преобладают основы глаголов физического действия.

Редкими являются осложнённые повторы модели «префиксальный редупликант + префиксальный редупликатор», при этом редупликатор включает в свой состав префикс *пере-*: *заложенный-перезаложенный, истолкованный-переистолкованный, заштопанный-перештопанный*): *За те десять лет, что Стелла живёт отдельно, Блани многое пережила: умерли родители, пришлось продать их большой, но заложенный-перезаложенный дом, его ещё называли «Мечтой».* Режим доступа: http://briefly.ru/uiljams/tramvaj_zhelanie; *«Горе от ума» — текст истолкованный-переистолкованный, читанный-перечитанный, поэтому в нём осталось мало уголков...* — Режим доступа: http://ut.ee/cno/dno/060302_chitat.html; *Одеваясь дома в красивую одежду, а не в ту, что вышла из моды или уже заштопана-перештопана, женщина проявляет уважение к своим домочадцам...* — Режим доступа: <http://VirgoClub.ru>.

В Интернет-источниках были найдены повторы, состоящие из трёх компонентов, которые бывают однокоренными (*штопанный-перештопанный-уштопанный*) или наряду с однокоренными включают образования с другим корнем, точнее, причастный предикатив (*читано-перечитано-пересмотрено, читано-перечитано-перепросмотрено*): *Сколько читано-перечитано-пересмотрено, а некоторые вещи открываются далеко не сразу...* — Режим доступа: <http://lazarev.org>; *Карелия! Сколько читано-перечитано-перепросмотрено!!! Край прекрасный и болотистый, очень заманчив.* — Режим доступа: <http://uehali.com/ueh/index.php>

В префиксальных повторах прослеживается градация признака: *«Джейн Эйр» III. Бронте читана-перечитана-зчитана. Один из самых добрых и наивных женских романов, даже томик себе купила.* — Режим доступа: <http://forum.x-city.com.ua>. В составе повторов зафиксированы потенциальные постпозитивы с префиксом *у-*: *А я (пока дочка не слышит): «Ну наконец-то! Кукла за пять лет уже стирана-перестирана-устирана, штопана-перештопана-уштопана была».* — Режим доступа: <http://proshkolu.ru>.

Таким образом, префиксальные повторы страдательных причастий специализируются на передаче значений многократности и интенсивности. В редупликаторах преобладает префикс *пере-* со значением 'повторения действия заново, ещё раз или иначе', что обусловлено наибольшим соответствием значения префикса значению повтора в целом. Зафиксированы в редупликаторах и другие префиксы, однако эти префиксальные модели в языке находятся в стадии формирования.

Перспективной работы является изучение повторов с точки зрения прагматической функции, а также исследование причастных предикативов.

Литература

1. Архангельский В. Л. Фразеологические серии в русской фразеологической системе / В. Л. Архангельский // Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. — Ростов : Северо-Запад. кн. изд-во, Вологод. отд., 1965. — С. 6–9.
2. Букчина Б. З. Сложные слова / Б. З. Букчина, Л. П. Калакуцкая. — М. : Наука, 1974. — 152 с.
3. Виноградов В. А. Редупликация / В. А. Виноградов // Лингвистический энциклопедический словарь / [под ред. В. Н. Ярцевой]. — М. : Сов. энцикл., 1990. — С. 408.
4. Войнова А. В. О правописании лексикализованных сочетаний типа *штопанный-перештопанный* / А. В. Войнова // Русский язык в школе. — 1986. — № 3. — С. 68–72.
5. Галенко И. Г. Из наблюдений над удвоением корней, основ и слов / И. Г. Галенко // Вопросы языкознания. — Львов, 1955. — С. 42–55.

6. Голда Л. А. Структурно-семантическая классификация лексикализованных повторов русского языка / Л. А. Голда, Т. В. Матвеева // Слово в системных отношениях на разных уровнях языка. — Свердловск, 1986. — С. 95–104.
7. *Лингвистический энциклопедический словарь* / [под ред. В. Н. Ярцевой]. — М.: Сов. энцикл., 1990. — 685 с.
8. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. III / А. А. Потебня. — М.: Просвещение, 1968. — 551 с.
9. *Правила русской орфографии и пунктуации*. — М., 1956.
10. Сепир Э. Язык / Э. Сепир; [пер. с англ. А. М. Сухотин]. — М.; Ленинград, 1934. — 223 с.
11. *Словарь русского языка*: в 4 т. / [ред. А. П. Евгеньева]. — М.: Рус. яз., 1981–1984.
12. *Языки Юго-Восточной Азии: проблемы повторов* / [отв. ред. А. К. Оглоблин]. — М.: Наука, 1980. — 272 с.

References

1. *Archangel'skiy V. L. Phraseological series in Russian phraseological system / V. L. Archangel'skiy // Problems of phraseology and objectives of its study in higher and secondary education*. — Rostov: Northwestern Publishing House, Vologodskiy department, 1965. — P. 6–9.
2. *Bookchina B. Z. Compound words / B. Z. Bookchina, L. P. Kalakutskaya*. — Moscow: Nauka, 1974. — 152 p.
3. *Vinogradov V. A. Reduplication / V. A. Vinogradov // Linguistic Encyclopedic Dictionary / [ed. V. N. Yartseva]*. — Moscow: Soviet Encyclopedia, 1990. — P. 408.
4. *Voinova A. V. About spelling lexicalized combination knitting up — reknitting up type / A. V. Voinova // Russian language in the school*. — 1986. — № 3. — P. 68–72.
5. *Galenko I. G. From observations on the doubling of the roots, foundations and words / I. G. Galenko // Problems of Linguistics*. — Lviv, 1955. — P. 42–55.
6. *Golda L. A. Structural-semantic classification of lexicalized repetitions in Russian language / L. A. Golda, T. V. Matveeva // The word in systemic relations at different levels of language*. — Sverdlovsk, 1986. — P. 95–104.
7. *Linguistic Encyclopedic Dictionary / [ed. V. N. Yartseva]*. — Moscow: Soviet Encyclopedia, 1990. — 685 p.
8. *Potebnya A. A. From the notes on Russian grammar. Vol. III / A. A. Potebnya*. — M.: Education, 1968. — 551 p.
9. *Rules of Russian spelling and punctuation*. — M., 1956.
10. *Sepir E. Language / E. Sepir; [trans. from English A. M. Suhotin]*. — M.; Leningrad, 1934.
11. *Russian Dictionary*: in 4 vol. / [ed. A. P. Evgenieva]. — M.: Russian lang., 1981–1984.
12. *Languages of Southeast Asia: problems of repetitions / [head. ed. A. K. Ogloblin]*. — M.: Nauka, 1980. — 272 p.

ПЕТРОВ Олександр Володимирович,

доктор філологічних наук, професор кафедри російського, слов'янського та загального мовознавства Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського; Сімферополь, Україна;
e-mail: liza_nada@mail.ru; тел.: +38-099-0648261

ПРЕФІКСАЛЬНІ ПОВТОРИ ПАСИВНИХ ДІСПРИКМЕТНИКІВ В РОСІЙСЬКІЙ МОВІ

Анотація. У статті досліджуються ускладнені префіксальні повтори пасивних дісприкметників, які спеціалізуються на передачі значень багатократності та інтенсивності. Були зафіксовані подвоєння з префіксами *из-(ис-)*, *раз-(рас-)*, *о-*, *не-* і *за-*, однак у редуплікаторах переважає префікс *пере-* зі значенням «повторення дії заново, ще раз чи інакше», що зумовлено найбільшою відповідністю значення префікса значенню повтору в цілому. У складі подвоєнь переважають основи дієслів фізичної дії. Повтори дублюють лексичну сполучуваність дієслова, розвивають сполучуваність, що невласлива мотиватору, і формують нові значення. Як правило, досліджувані повтори пов'язані з об'єктним актантом, але в контекстах з'являється суб'єктний актант в орудному відмінку і сирконстанти з кількісною семантикою, які служать для посилення ознаки інтенсивності.

Ключові слова: повтор (редуплікація, подвоєння), редуплікант, редуплікатор, префіксальні повтори пасивних дісприкметників, пряме і переносне значення повторів, лексичне поєднання ад'єктивних повторів.

Aleksandr V. PETROV,

Grand PhD in Philological Sciences, Prof. of the Chair of Russian, Slavonic and general linguistics of Taurida National V. I. Vernadsky University; Simferopol, Ukraine;
e-mail: liza_nada@mail.ru; tel.: +38 099 0648261

THE PREFIXATIONAL REPETITIONS OF PASSIVE PARTICIPLES IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Summary. In the article the complicated prefixational repetitions of passive participles are examined. They specialize in transfer of multiplicity and intensity meanings. The repetitions with prefixes *iz-(is-)*, *raz-(ras-)*, *o-*, *ne-* and *za-* were traced, however prefix *pere-* with the meaning «the repetition of the actions from the very beginning, again or in the other way» prevails in the reduplicators, due to the better appropriation of the meaning of prefix to the meaning of repetition in the whole. In the structure of reduplication the verbs' basis of physical action are dominant. Repetitions duplicate the lexical verb compatibility, develop their compatibility which is not specific for motivator, and form the new meaning. As a rule, the lexical units under consideration are connected with the object actant, but in the contexts the subjective actant in Accusative case and sirkonstants with the quantitative semantics appear; they serve for strengthening the characteristic of intensity.

Key words: repetitions (reduplication, doublets) reduplicant, reduplicator, the prefixed repetitions of passive participles, direct and figurative meaning of repetitions, lexical compatibility of adjectival repetitions.

Статтю отримано 28.02.2014 р.

УДК [811.16+811.111]’23’366.5’367.3

ГРЫГЕЛЬ Марцин,кандидат филологических наук, адъюнкт Жешувского университета; Жешув, Польша;
e-mail: mgrygiel@poczta.fm; тел.: (0048) 692 003 242**АФФИРМАЦИЯ КАК ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ**

Аннотация. В данной статье сделана попытка сформулировать теорию универсального языкового явления, определяемого в лингвистической литературе как «аффирмация». В польских источниках это явление определяется также как *twierdzenie* (утверждение), например, в таких терминах как *zdanie twierdzące* (утвердительное предложение) или *partykuła twierdząca* (утвердительная частица). Вопрос аффирмации рассматривался главным образом при исследовании языкового явления отрицания, которое в большей степени привлекало внимание лингвистов. Задачей нашего исследования является использование аналитических инструментов, выработанных когнитивной лингвистикой, для описания и анализа явления аффирмации в славянских языках и в английском языке, а также указание, что утверждение (аффирмация) может рассматриваться как грамматическая категория с систематизированной структурой.

Ключевые слова: аффирмация, подтверждение, отрицание, когнитивная лингвистика, славянские языки, грамматические категории.

Целью данной статьи является презентация результатов и краткое представление произведённого впервые исследования лексикально-грамматической категории аффирмации в пределах её семантической структуры с использованием методик когнитивного языкознания на материале сербского и некоторых других славянских языков, а также языка английского.

Синтез наших исследований представлен в монографии «The Semantics of Affirmation: Serbian, Other Slavic Languages and English in Cognitive Analysis», где сделана попытка найти ответ на вопрос о том, что представляет собой явление, определяемое в языкознании как «аффирмация». Можно сделать вывод, что явление это нельзя точно обозначить в отрыве от системы, образующей категорию полярности (polarity) [3]. Одна из задач данной работы — показать, что аффирмация — это категория с релятивной определённостью (relative markedness). Следовательно, её значение зависит от расстановки отношений, в которых координаты являются изменчивыми. Определение аффирмации зависит также от того, какие иные понятия принимаются во внимание, каким образом очерчивается сфера их действия и какова их взаимозависимость. Дополнительным подтверждением этого является факт субъективного и недискретного характера семантических категорий, а следовательно, только лишь частичного совмещения понятий. Проблема эта хорошо известна в когнитивном языкознании [см., напр.: 6, с. 107–151]. Но с другой стороны, главным связующим звеном этой категории являются, на наш взгляд, собственно функции аффирмации, а не её форма.

В своём исследовании мы предлагаем рабочее определение аффирмации как позитивного формирования предложения. Аффирмация противопоставлена негации. Такого типа соотношение можно усмотреть, например, в предложении *I do respect each and every opponent*, которое является аффирмативно усиленным, но по содержанию соответствует предложению *I respect my opponents*. Этот процесс можно назвать *позитивной поляризацией* (positive polarization). Следующие части анализа представляют возможность наблюдать аффирмацию с различных точек зрения. Это позволяет расширить и углубить предложенную исходную дефиницию.

Объективность требует утверждения того факта, что представленные способы языковой реализации данного явления имеют в значительной мере селективный характер и концентрируются только на избранных его аспектах. Мы преднамеренно не касаемся более подробного анализа аффирмации на уровне лексическом или прагматическом (в традиционном понимании этого термина), поскольку главной областью нашего исследования является предикат и аффирмация предложения.

Определение аффирмации как языковой категории, обладающей как формой, так и содержанием, имеет свои истоки в конструктивистской грамматике, где язык представляется как сеть взаимосвязанных формально-символических структур, соединяющих различные уровни его организации. Мы уделяем внимание также когнитивной гипотезе, согласно которой грамматические категории выражают мотивированные пространственные отношения. В предложенной модели *расстояния* сделана попытка установить зависимость аффирмации от системы отношений и взаимодействующих внутри системы ценностных значений.

Аффирмация — трудно определяемое, проблематичное и многоуровневое явление, которое зачастую проявляется только в плане функциональном [7, с. 24–26]. Поэтому обращение к когнитивному языкознанию, признающему особую роль значения и широко понимаемой семантики в формировании грамматических категорий, представляется здесь в высшей степени обоснованным. Для лучшего понимания существа аффирмации, которая основана на системе контрастных отношений, используется модель *расстояния*. Цель такой модели — образное представление утверждения о том, что окружающие нас явления мы концептуализируем в форме системы поляризованных ценностей, которые исходно имеют вид пространственных отношений. В этом случае оппозиция *близко / далеко* может рассматриваться как прототип иных биполярных ценностей, таких как *конкретность / абстрактность, добро / зло, я / ты, правда / ложь*, и, в конечном итоге, *аффирмация / негация*. Этот тео-

ретический конструкт показывает, что идентификация «маркёров аффирмации» на языковом уровне зависит от конкретной конфигурации ценности в границах модели *расстояния*. Это значит, что определённые «маркёры аффирмации» выполняют данную функцию только в определённом контексте. Как и лексические категории (по природе своей полисемичные и с изменчивым значением), аффирмация — явление динамическое. Этим объясняется тот факт, что конструкции, признаваемые в качестве «маркёров аффирмации», могут одновременно выступать в отрицательных (негативных) контекстах, где чаще всего функционируют как «маркёры ассерции».

Подобно явлению негации, аффирмация является понятием многоуровневым, которое невозможно ограничить выражением утверждения, апробации или позитивной ассерции. Аффирмация — это явление логическое, семантическое, лексическое и грамматическое. Часто считают, что аффирмация, в противоположность негации, не имеет универсального маркёра, ассоциирующегося с этой функцией, а самой распространённой схемой обозначения аффирмации в языке признаётся наличие оппозиции по отношению к негации через сам факт отсутствия негатора [2, с. 131–152]. Тем не менее, оказывается, что в языке существует множество способов придания высказыванию аффирмативного характера. Одной из задач исследования и является локализация, систематизация и определение мотивирующих значений аффирмации.

Аффирмация представляется обычно категорией неопределённой, проявляющейся в формальном плане отсутствием негатора. В каждом языке существуют грамматические, лексические или прагматические механизмы, позволяющие подчеркнуть или интенсифицировать позитивный характер данного высказывания. С этой точки зрения аффирмацию, а в особенности мощную аффирмацию, можно трактовать как разновидность модальности. Она не изменяет основного содержания высказывания, но её применение позволяет погрузить события в прагматический контекст, где говорящий убеждает в возникновении или существующей реальности данного положения вещей. Следовательно, объём аффирмативной модальности частично покрывается с ассерцией, понимаемой как соответствие фактическому состоянию, но проявление и семантические структуры аффирмации являются более широкими и более развитыми. С другой стороны, аффирмативная модальность ограничивается только утвердительными высказываниями, в то время как ассерция охватывает предложения утвердительные и отрицательные.

Мы считаем, что аффирмация — категория грамматическая, обладающая однако множеством черт, характерных для лексических категорий. Наличие у этой категории степеней сравнения позволяет выделять слабую и сильную аффирмацию, а также ценности промежуточные. Аффирмация полисемична, так как мотивирована рядом значений, образующих семантическую сеть. Все способы репрезентации явления аффирмации в языке, по нашему мнению, следует признавать видами модальности. В нашей монографии основное внимание уделено грамматическим проявлениям аффирмации, выступающим как в области глагола, так и в рамках группы номинальной (имеются в виду квантификаторы, союз «и», творительный падеж, вспомогательные глаголы, энклитические формы) [3].

На первом этапе анализа нашей целью было ближайшее рассмотрение группы слов, определяемых в языкознании как квантификаторы, и изучение их воздействия на аффирмативное определение предиката [1, с. 82–99]. Анализ позволил предположить, что хотя квантификаторам не единожды можно приписать конкретную числовую ценность, но в языке они функционируют чаще всего как показатели предикативной модальности, которые придают предложению значение «полноты» или же подтверждают факт осуществления происшедшего. Так, добавляя определение типа *все* или *один*, говорящий зачастую не намеревается конкретизировать количество участников события, а скорее информирует о факте осуществления события либо о потенциальной возможности его реализации, подчёркивая его аффирмативный характер. Напр.: *Wszystko się udało vs. Udało się* (*Всё удалось vs. Удалось*). Как первое, так и второе предложение может быть употреблено по отношению к единичному случаю. Различие заключается лишь в степени подчёркнутости аффирмативного значения, то есть усиления / эмфазы. Сравните: *Wszystko się udało / Wszystko jest OK. Zdałem egzamin vs. Udało się / Jest OK. Zdałem egzamin*.

Подобное наблюдаем при функционировании союза «и», который своим отнесением к значению «инклюзия / включение» выполняет функцию, аналогичную той, которая осуществляется с помощью квантификаторов со значением *все* и *один*. Напр., в сербском: *On sam i kopa, i ore, i kuva, i pere* — ‘He himself digs, and ploughs, and cooks, and washes’ (*всё*), в русском *ну ты и эгоист!* ‘You are really an egoist’ (*один* такой).

Типично синтаксическим способом реализации аффирмации можно считать «аффирмативную модальность», в частности, так называемое «аффирмативное наклонение». Анализ собранного фактографического материала позволяет утверждать, что сербский язык располагает синтаксическими средствами выражения аффирмативной модальности. Заменяя краткие формы вспомогательных глаголов их полными соответствиями, говорящий придаёт высказыванию дополнительное значение, которое соответствует мощной аффирмации, напр.: *on jeste dobar igrač, mi jesmo ga tamo našli, ta kuća hoće da se sruši*. Подобные аффирмативные конструкции имеются также в болгарском языке: *tja e sledvala v Sofija vs. tja sledvala v Sofija*; русском: *он (есть) учитель vs. Он учитель* и в английском: *she does live in London, he did go to Brighton, I am your friend* [5, с. 134–168].

Важное значение для понимания функционирования языковой категории аффирмации имеет утверждение о том, что анализ синтаксических маркёров аффирмации становится возможным благодаря наблюдению их в плане исторического развития. Здесь использовались результаты исследования грамматикализации и описания исторического развития вспомогательных глаголов. В нашей концепции

выдвинут не принимаемый во внимание до настоящего времени постулат, согласно которому важнейшим условием, ведущим к возникновению вспомогательных глаголов и их дальнейшей эволюции, является необходимость выражения аффирмации. Возникает это из желания говорящего более сильно подчеркнуть позитивный характер высказывания и сопоставить его с противоположным мнением собеседника. Этот постулат могут проиллюстрировать примеры развития вспомогательных глаголов в сербском и английском языках, где сформировались сильные и слабые формы вспомогательных глаголов. Постулат поддерживается фактом, что на дальнейшем этапе развития слабые формы трансформируются в энклитические конструкции, а в конечном итоге превращаются во флективные форманты. На каждом этапе развития этого процесса выражение аффирмации с помощью глагольных форм становится всё слабее.

Не только союз «и», но также предлог «с» обладает значением «инклюзии / включения». Синтетическим соответствием предлога «с» в славянских языках является творительный падеж. Именно функция конъюнкции предопределяет его роль («маркера аффирмации»). Анализ фактического материала приводит к выводу о том, что имманентные значения аффирмативного творительного падежа изображаются на схеме воображаемой ёмкости и её метафорических расширений в виде *полной ёмкости, сложения / соединения и бытия*. В отличие от него часто выражающий негацию родительный падеж в своей семантической структуре использует ту же самую воображаемую схему ёмкости, но в противоположном виде *пустой ёмкости, вычитания / разделения и небытия*. Идентификация семантической структуры творительного падежа позволяет понять его аффирмативный характер, особенно бросающийся в глаза при сопоставлении с выражающим частичность, дизъюнкцию и негацию родительным падежом, напр.: *torta s orasima — torta bez oraha*. Аффирмативное значение, локализованное на уровне конструкции с творительным падежом, может, в свою очередь, использоваться для выражения аффирмации на уровне предложения, а следовательно, для создания конструкций предикативной аффирмации [4, с. 29–42].

Одновременно прослеживаются процессы создания аффирмативных конструкций, начиная от лексических источников и кончая наиболее абстрактными формальными конструкциями, где функция аффирмации сигнализируется только порядком слов. Здесь следует обратить внимание на выражение аффирмации с помощью энклитических конструкций и конструкций, возникших в результате наследования семантики «подобия» и трансферта её на всё более отдалённые от исходного значения группы слов.

Славянские языки и английский язык располагают также широким спектром лексических показателей аффирмативной модальности, которые обычно проявляют тенденцию к дальнейшей грамматикализации. В целях их систематизации и одновременного анализа аффирмативной семантической структуры нами была использована модель концептуальной метафоры. К выделенным концептуальным метафорам, описывающим функции аффирмативной модальности, принадлежат: *аффирмация бытие, аффирмация сложение / соединение, аффирмация комплектность, аффирмация неопределённость, аффирмация высшая степень, аффирмация подобие, аффирмация согласие*.

Исследование семантики аффирмации является очень важным по нескольким причинам. Прежде всего, оно способно помочь в поисках ответа на ряд наиболее общих вопросов, касающихся функционирования языка: что такое грамматика и каким образом возникают грамматические категории? Аффирмация, будучи очень общей, абстрактной и слабо грамматикализованной языковой категорией, является про-структурой, находящейся на высоком уровне в языковой иерархии. Как и другие языковые категории, аффирмация приобретает значение в зависимости от возникающей в нашем сознании концептуализации пространственных отношений и конфигураций в границах системы зависимостей, которую мы изображаем с помощью модели *расстояния*. Эта концептуализация имеет динамический характер, а внутри системы происходят такие когнитивные процессы: *метафоризация, концептуальная интеграция* и наиболее важная для выражения аффирмации *поляризация*. Наше исследование аффирмации приводит к выводу о том, что грамматические категории формируются теми же самыми когнитивными процессами, которые предопределяют наше видение пространства и делают возможной ментальную организацию окружающего нас мира.

Литература

1. Grygiel M. Kwantyfikacyjne i egzystencjalne wykładniki afirmacji na przykładzie języka serbskiego / M. Grygiel // Slavia Meridionalis. — Warszawa, 2010. — N 10. — P. 82–99.
2. Grygiel M. Способы выражения согласия в русском и сербском языках / M. Grygiel // Коммуникативные параметры текста. — Rzeszów : Wyd-wo UR, 2012. — С. 131–152.
3. Grygiel M. The Semantics of Affirmation / M. Grygiel. — Rzeszów : Wyd-wo UR, 2013. — 249 p.
4. Grygiel M. Выражение аффирмации с помощью творительного падежа / M. Grygiel // Коммуникативные аспекты грамматики и текста I. — Rzeszów : Wyd-wo UR, 2013. — С. 29–42.
5. Grygiel M. Affirmation as a type of modality: evidence from Serbian and English / M. Grygiel // Zeitschrift für Slawistik. — 2013. — N 2. — P. 134–168.
6. Langacker R. W. On the continuous debate about discreteness / R. W. Langacker // Cognitive Linguistics. — 2006. — N 17(1). — P. 107–151.
7. Lewandowska-Tomaszczyk B. Depth of Negation / B. Lewandowska-Tomaszczyk // A Cognitive Semantic Study. — Łódź, 1996. — P. 24–26.

References

1. Grygiel M. Kwantyfikacyjne i egzystencjalne wykładniki afirmacji na przykładzie języka serbskiego / M. Grygiel // Slavia Meridionalis. — Warszawa, 2010. — N 10. — P. 82–99.

2. Grygiel M. Sposoby wyrażenia zgłoszenia w russkom i serbskom jazykah / M. Grygiel // Kommunikativnye parametry teksta. — Rzeszów : Wyd-wo UR, 2012. — С. 131–152.
3. Grygiel M. The Semantics of Affirmation / M. Grygiel. — Rzeszów : Wyd-wo UR, 2013. — 249 p.
4. Grygiel M. Wyrażenie afirmacji s pomoshh'ju tvoritel'nogo padezha / M. Grygiel // Kommunikativnye aspekty grammatiki i teksta I. — Rzeszów : Wyd-wo UR, 2013. — S. 29–42.
5. Grygiel M. Affirmation as a type of modality: evidence from Serbian and English / M. Grygiel // Zeitschrift für Slawistik. — 2013. — N 2. — P. 134–168.
6. Langacker R. W. On the continuous debate about discreteness / R. W. Langacker // Cognitive Linguistics. — 2006. — N 17(1). — P. 107–151.
7. Lewandowska-Tomaszczyk B. Depth of Negation / B. Lewandowska-Tomaszczyk // A Cognitive Semantic Study. — Łódź, 1996. — P. 24–26.

ГРИГЕЛЬ Марцин,

кандидат філологічних наук, ад'юнкт Жешувського університету; Жешув, Польща;
e-mail: mgrygiel@poczta.fm; тел.: (0048) 692 003 242

АФІРМАЦІЯ ЯК ГРАМАТИЧНА КАТЕГОРІЯ

Анотація. У даній статті зроблено спробу сформулювати теорію універсального мовного явища, що визначається у лінгвістичній літературі як «афірмація». У польських джерелах це явище визначається також як *twierdzenie* (ствердження), наприклад, у таких термінах як *zdanie twierdzące* (стверджувальна пропозиція) або *partykuła twierdząca* (стверджувальна частка). Питання афірмації розглядається, головним чином, при дослідженні мовного явища заперечення, яке більшою мірою привертало увагу лінгвістів. Завданням нашого дослідження є використання аналітичних інструментів, вироблених когнітивною лінгвістикою, для опису та аналізу явища афірмації у слов'янських мовах і в англійській мові, а також вказівку, що афірмація може розглядатися як граматична категорія із систематизованою структурою.

Ключові слова: афірмація, стверджувальне речення, заперечне речення, когнітивна лінгвістика, слов'янські мови, граматичні категорії.

Marcin GRYGIEL,

PhD in Philological Sciences; Associate Professor of the Rzeszow University; Rzeszow, Poland;
e-mail: mgrygiel@poczta.fm; phone: (0048) 692 003 242

AFFIRMATION AS A GRAMMATICAL CATEGORY

Summary. The goal of the present paper is to try to put the universal linguistic phenomenon of affirmation into a theoretical framework and to view it as a grammatical category. In linguistics, affirmation is, presumably, most commonly understood as a positive counterpart of negation. Typically, the phenomenon of affirmation is mentioned only en passant when discussing other grammatical categories or properties. In the present paper affirmation is held to constitute a semantic category grounded in spatial relations. The author argues that the way we perceive space and linguistic categories can be represented by a cognitive mechanism visualized by means of the proposed DISTANCE model. The paper discusses theoretical aspects of affirmation and presents arguments for adopting a cognitive approach in the study of this linguistic category. Contrary to the traditional approaches, affirmation was defined not as a formal operator that changes the truth value of a proposition, but as a positive meaning configuration.

Key words: affirmation, affirmative sentence, negative sentence, cognitive linguistics, Slavic languages, grammatical categories.

Статтю отримано 9.04.2014 р.

КАРАВАЕВА Татьяна Леонидовна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков гуманитарных факультетов Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Одесса, Украина;
e-mail: tkaravaeva@ukr.net; моб.: +38-067 7328513

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ОПЕРАТОРОВ НЕРЕАЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье представлены результаты анализа некатегориальных средств выражения нереальности, а также конструкций, которые включают эпистемические предикаты. Исследуются характеристики вводных слов и наречий в аспекте выражения различных эпистемических значений и представления относительной и абсолютной нереальности. Предпочтение той или иной конструкции определяется субъективной эпистемической характеристикой всего высказывания. Описываются отличительные черты операторов нереальности, которые характеризуют как нереальное всё высказывание и, выходя за рамки высказывания в текст, весь контекст — диктуму.

К диктумным средствам выражения относят сослагательное наклонение и модальные глаголы, к модусным — эпистемические предикаты, объединяющие в себе средства, относящиеся к различным грамматическим классам (полнозначные глаголы, глаголы-связки, вводно-модальные слова и конструкции и т. д.). С точки зрения выражения нереальности, т. е. выражения отношения говорящего к содержанию высказывания как «не-факту», выделяются следующие группы модусных средств: 1) перцептивно-когнитивные предикаты (предикаты мнения, предположения, воображения); 2) предикаты чувственного восприятия (в эпистемических значениях); 3) конструкции типа *it seems that / it's likely that*.

Сходную с эпистемическими предикатами (глаголами) функцию выполняют вводно-модальные слова со значениями вероятности и предположения (эпистемические наречия), функционирующие, как правило, в качестве вводных элементов высказывания.

Эпистемические наречия, как и остальные модальные операторы, могут употребляться в контексте реальной ситуации, изменяя её модальность с реальной на нереальную. Различные операторы способны выражать оба типа отношений и обе степени нереальности: относительную и абсолютную.

Ключевые слова: эпистемические, перцептивно-когнитивные предикаты и предикаты чувственного восприятия; модальность; эпистемическое значение; операторы нереальности; шкала вероятности.

Нашему обращению к теме функциональной стороны представления категории нереальности способствовало возрастающее в течение последних нескольких десятилетий научное внимание к когнитивному ракурсу современной лингвистической парадигмы, в которой наиболее востребованной остаётся определение текстовой парадигмы. Для понимания её природы важно иметь в виду сопряжённо-деятельностную систему всех текстовых категорий, и, прежде всего, категории модальности [5; 12; 14]. Будучи универсальной языковой категорией, функционирующей на разных уровнях языка, она выявляется «как в области грамматико-строєвых элементов языка, так и в области его лексико-номинативных элементов» [4, с. 92].

Традиционное категорическое противопоставление объективности и субъективности в рамках модальности является, с нашей точки зрения, в значительной степени условным. Таким образом, мы рассматриваем любые модальные значения как субъективные. Особенно это касается значений, относящихся к сфере нереальности. Подобный ракурс позволяет не ограничивать инвентарь средств выражения нереальности только грамматическими способами, но, расширив само поле нереальности, объединить в нём разноуровневые средства выражения.

Цель работы состоит в выявлении специфических принципов употребления в английском языке операторов нереальности и эпистемических предикатов.

Говорящий как субъект мыслящий прогнозирует, предполагает, высказывает своё мнение, являющееся интерпретацией отражения реального положения дел. Мнение говорящего всегда субъективно, и эта субъективность словесно выражена категорией модальности. Помимо выражения модальности категориальными средствами, существуют и другие способы, называемые лексическими, лексико-грамматическими, семантико-синтаксическими и т. д. К ним относятся, кроме модальных глаголов, вводно-модальные слова — эпистемические (модальные) прилагательные и наречия, определённые группы глаголов (эпистемические предикаты) и вводные конструкции [6].

Положение дел как желаемое, возможное, вероятное, потенциальное с точки зрения говорящего может быть представлено, пользуясь терминологией Ш. Балли, не только в диктуме, но и в модусе. К так называемым диктумным средствам выражения относят сослагательное наклонение и модальные глаголы, к модусным — эпистемические предикаты, объединяющие в себе средства, относящиеся к различным грамматическим классам (полнозначные глаголы, глаголы-связки, вводно-модальные слова и конструкции и т. д.). С точки зрения выражения нереальности, т. е. выражения отношения говорящего к содержанию высказывания как «не-факту», мы выделяем следующие группы модусных средств: 1) перцептивно-когнитивные предикаты (предикаты мнения, предположения, воображения); 2) предикаты чувственного восприятия (в эпистемических значениях) (по определению Н. Д. Арутюновой, эти глаголы входят в сенсорный план [2], у Г. А. Золотовой — в ментальную модусную рамку) [7]; 3) конструкции типа *it seems that / it's likely that*.

К первой группе в английском языке относятся ЛСГ глаголов воображения: *to imagine, to conceive, to fancy, to visualize, to see, to dream, to daydream* и др.; предикаты мнения, знания, веры: *to believe, to suppose, to think, to assume, to presume, to guess, to bet*; предикаты *to appear, to seem*.

Вторая группа включает предикаты *to see, to feel, to hear* в эпистемических (когнитивных) смыслах, что иногда позволяет объединять эти глаголы в одну группу с перцептивно-когнитивными. С. А. Крылов считает, что все модусы, в конечном счёте, сводятся к двум видам: эпистемическому и эмотивному. Он также относит к группе эпистемических перцептивные (сенсорные и информативные) предикаты: глаголы говорения [8, с. 71].

Говоря о предикатах, входящих в группу перцептивно-когнитивных, надо заметить, что они объединяют несколько семантических кластеров. Если можно предположить, что эти глаголы по-разному передают значения «нереальности», то наивысшая степень нереальности будет передаваться ЛСГ глаголов воображения. К этой группе мы относим глаголы воображения: *imagine, visualize, dream, conceive, see, fancy* с общей семой «*make up an image of something possible*».

В следующей таблице мы представили значения группы глаголов, которые мы считаем эпистемическими, выражающим нереальность. Данные даются по четырём англо-английским словарям: *The Cassell Concise Dictionary, The Oxford English Dictionary, BBC English Dictionary* и *Cassell's New English Dictionary*. Как видно из таблицы, все эти предикаты, хоть и в различной степени, демонстрируют в своей семантике наличие «нереальных» значений. Несоответствие мыслимого и реального является презумпцией глаголов группы воображения, впрочем, как и «казаться», «чудиться» и т. д. [10, с. 113–114, 185, 140; 1, с. 381]. При этом оговаривается, что эта презумпция принадлежит говорящему, поскольку сам субъект подразумевает, что то, о чём он думает, соответствует действительности.

И. Б. Шатуновский отмечает, что глагол «воображать» в контексте первого лица употребляется в значении контролируемого субъектом мысленного действия, заключающегося в том, что субъект создаёт в уме образ какого-либо объекта, реального или ирреального [11, с. 269].

Эпистемические предикаты. ЛСГ глаголов воображения

Глагол	The Cassell Concise Dictionary	The Oxford English Dictionary	BBC English Dictionary	Cassell's New English Dictionary
Imagine	1) to form an image of in the mind, to conceive, to form an idea 2) to suppose, to think, to apprehend, to believe, to presume, to fancy	1) to form a mental image of, to picture to oneself 2) to create a mental conception of, to conceive, to suppose, to assume 3) to conjecture, to guess, to suspect, to suppose 4) to form an idea with regard to something not known with certainty; to think, to suppose, to fancy	1) to form an idea in mind 2) to see or hear something that doesn't exist 3) to think	1) to form an image in the mind, to conceive, to form an idea 2) to suppose, to think 3) to conjecture, to guess
Visualize	1) to picture in the mind, to call up a visual image of	1) to form a mental vision, image or picture of something not visible or present to the sight or of an abstraction 2) to make visible to the mind or imagination	1) form a mental picture 2) to imagine	1) to externalize or give visible form to the idea, mental image
Dream	1) to think, to imagine as in a dream 2) to conceive as possible	1) to imagine or fancy as in a dream, to think, to believe (a thing) to be possible, to picture to oneself 2) to have any conception of, to think of as at all possible 3) to conceive, to imagine to form imaginary visions		1) to have visions, to think, to imagine as in a dream 2) to conceive as possible, to imagine or conceive in a visionary fashion 3) to picture in hope or imagination
Conceive	1) to form, as an idea or concept, in the mind 2) to imagine or suppose as possible 3) to think	1) to take into, or form in, the mind a mental representation or idea of 2) to think of, to have a conception 3) to imagine, to fancy	1) to imagine. 2) to believe	1) to imagine, suppose as possible 2) to think
Fancy		1) to frame in fancy; to portray in the mind; to picture to oneself 2) to conceive, to imagine 3) to believe without being able to prove	1) to think, to suppose something to be true	1) to form a conception in the mind, to picture to oneself 2) to be inclined to think, to suppose 3) to imagine, to believe erroneously

Глагол	The Cassell Concise Dictionary	The Oxford English Dictionary	BBC English Dictionary	Cassell's New English Dictionary
See	1) to perceive mentally 2) to imagine, to picture to oneself	1) to behold (visual object) in imagination, in a dream 2) to perceive in one's mind's eye, to envisage as possible 3) to perceive mentally 4) to apprehend by thought to give credence to, to believe	1) to realize something is true by observing thinking 2) to understand 3) to imagine	1) to perceive mentally 2) to understand 3) to imagine, to picture to oneself

Как видно из приведённых данных, семантика перечисленных глаголов включает целый диапазон эпистемических значений, выражающих различную степень нереальности: от «думать, предполагать, что некое положение вещей является возможным», т. е. значений, сближающих эту группу с когнитивными глаголами, до «представлять нечто нереальное как действительное», на основании чего мы относим их к операторам нереальности.

К этой группе относятся также глаголы *picture*, *say* в значении «вообразить, представить»: *Well, picture this, Jase. Instead of a car, the doctor has a mastodon waiting in the garage to take him to hospital. You think the battery people would like that?* [18, с. 82].

Следующая степень нереальности передаётся эпистемическими предикатами со значениями предположения, веры, глаголами слабой ассерции [9, с. 35]. Значения нереальности, присутствующие в семантике глаголов мнения, сближают их с группой глаголов воображения: *to think*; *to imagine*; *to be of opinion*; *to believe*; *to fancy*, *to picture*; *to pretend* *to*; *to take for granted*; *to suppose* и т. д.

В научном дискурсе встречаются и другие глаголы, которые можно отнести к этой же группе, например: *to consider*, *to imply*, *to anticipate*, *to try to hypothesize*, *to estimate*, *to predict*. Эта группа глаголов также имеет ряд значений, позволяющих называть их операторами нереальности. Эти значения, в свою очередь, варьируются по степени выражаемого ими нереального действия. Это может быть более сильная степень, приближающая глагол к группе глаголов воображения, как, например, в случае с глаголами «*think*, *believe*» в значении «*to imagine*»; или менее явная интерпретация происходящего как «не-факта» со значениями «*to think*, *to believe*, *to perceive as possible*» и т. д.

Характеризуя семантику предикатов мнения, исследователи иногда применяют шкалу вероятности или достоверности, разделяя их на несколько групп. Так, Е. А. Барляева выделяет предикаты мнения проблематической и категорической достоверности [3, с. 52]. Семантика предикатов мнения включает неуверенность в соответствии содержания высказывания действительности, сомнение или отсутствие аргументации: *I thought back to the past evening, and my encounter downstairs, and I believed I knew now what had been expected of me* [17, с. 125].

Следующая степень нереальности передаётся предикатами чувственного восприятия *to see*, *to feel*, *to hear*. Хотя глаголы чувственного восприятия ориентированы на отражение актуального состояния мира в его предметном, процессуальном и событийном аспектах, восприятие не отделено от ментальных операций. Вследствие этого перцептивные глаголы способны развивать эпистемические (когнитивные) значения, а вместе с ними и «способность вводить пропозицию» [2, с. 413-415].

Способность глаголов приобретать когнитивные значения различна, что, по мнению Н. Д. Арутюновой, зависит от их семантики. Чаще она развивается у «результативных, констатирующих глаголов». Так, развитие в семантике глагола «видеть» значения экстравертного наблюдения, вывода из наблюдений, полученных в разное время, сближает его с глаголами мнения [2, с. 425]. Эти значения, как отмечают исследователи, обычно проявляются в первом (реже втором) лице, тогда как третье лицо выражает достоверное знание: *He felt that he knew him quite well, even just meeting him on and off during this one day* [13, с. 211].

Структурно отличаются от предыдущей группы эпистемические глаголы-связки *seem*, *appear*. Конструкции вроде *He seemed (appeared) to...* являются производными от более развёрнутой модели *It seemed (to me) that...*, где каждому предикату соответствует своё предложение (модусу — главное, диктуму — придаточное). Эпистемические предикаты сигнализируют о субъективной эпистемической характеристике высказывания с точки зрения говорящего. Конструкции с *seem* и *appear*, несмотря на общую функцию, отражают две разные модели восприятия и отражения действительности: *seem* употребляется, когда говорящий располагает непосредственной информацией, полученной из ощущений, а не путём логических выводов, и сообщает, что имеющейся информации не хватает для окончательного утверждения; тогда как *appear* употребляется, когда говорящий из-за недостатка информации делает логический вывод и сообщает, что эта информация не может служить идентификатором истинности.

Оба глагола выражают мнение, основанное на впечатлении или умозаключении, но заключают в себе оттенок сомнения и недостоверности впечатления, призрачности ощущения. Как и в других случаях с эпистемическими предикатами, в конструкциях с *seem to* / *appear to* часто совпадает сфера «Я-говорящего» и субъекта. В нарративном режиме, как уже было отмечено ранее, точка зрения обнаруживается не только во взаимодействии с местоимением первого лица, но и местоимением третьего лица: *Jake lifted his head, and he seemed to be listening to the siren and the hundred — odd sounds of the Pool* [17, с. 132].

К вводным конструкциям мы относим конструкции типа *it seems that, it is certain that*. Являясь эпистемической модусной рамкой, эти конструкции передают отношение говорящего к высказыванию, кодируя препозиционно «реальное» высказывание модальностью нереальности: *It seemed that one was never cured of the habit of speculating about every man long after one had ceased to want am of them ever again* [13, с. 167]. Как видно из приведённых примеров, в данных конструкциях употребляются эпистемические прилагательные и наречия (вводно-модальные слова), которые и выражают ту или иную степень нереальности описываемой ситуации.

Сходную с эпистемическими предикатами (глаголами) функцию выполняют вводно-модальные слова со значениями вероятности и предположения (эпистемические наречия), функционирующие, как правило, в качестве вводных элементов высказывания. Эпистемические наречия *probably, likely, maybe, perhaps, possibly, apparently, obviously, seemingly, presumably* и др. представляют собой особый тип операторов нереальности, так как характеризуют всё высказывание, всю названную в предложении ситуацию, а не непосредственно глагольное действие. Они создают «рамку нереальности», по определению и в силу своей семантики выражая только одно модальное значение — различную степень уверенности говорящего в истинности своих слов. Если пользоваться терминологией исследователей, разделяющих высказывание на диктум и модус, эпистемические наречия реализуют категорию персуазивности, т. е. выражают степень уверенности (а точнее — неуверенности говорящего) в соответствии того, о чём идёт речь в его высказывании, действительности.

Семантика эпистемических наречий характеризуется большей степенью «автороцентричности» [1; 9]. Вероятностная оценка базируется на обработке говорящим имеющихся у него знаний, полученных путём непосредственного наблюдения, из других источников или в результате умозаключения. Различная степень нереальности (вероятности, возможности), заложена непосредственно в семантику вводных элементов. Градуированный характер вероятностной оценки отмечается многими исследователями [см.: 2; 7; 8 и др.].

Часто исследования строятся на сопоставительном анализе модальных слов и модальных глаголов как лексического и грамматического средств выражения различных оттенков предположения. Исследователи исходят из идеи о том, что различие между отдельными модальными словами проявляется в той степени предположения, которая связывается носителями с той или иной лексемой. Порой различие указывается в процентном соотношении. В различных исследованиях выделяется от двух до четырёх степеней вероятности, при этом иногда оценка проходит по двум «осям»: шкале оценки достоверности и шкале оценки вероятности, каждой со своим набором средств. Семантика вводных элементов высказывания в последнее время привлекает особое внимание исследователей. В частности, этой проблемой занимались Е. В. Падучева, И. Б. Шатуновский, Г. А. Золотова и др. Если взглянуть на количество средств выражения уверенности и неуверенности, то станет очевидным факт значительного превосходства тех единиц, с помощью которых выражается та или иная степень неуверенности, недостоверности. Объясняется это достаточно легко: уверенность в достоверности своих слов говорящему приходится эксплицитировать значительно реже, чем неуверенность. Уверенность говорящего выражается имплицитно, за исключением тех случаев, когда это становится необходимым, т. е. так или иначе, подчёркивается в конструкции высказывания. То же касается и большей степени вероятности. Максимальные (полярные) значения можно выразить с помощью категориальных средств. Любая другая степень предположительности, недостоверности или меньшей, чем 100%, вероятности нуждается в обязательной экспликации. Таким образом, количество единиц, маркированных значениями нереальности, превосходит количество нейтральных в этом отношении единиц.

Эпистемические наречия, как и остальные модальные операторы, могут употребляться в контексте реальной ситуации, изменяя ее модальность с реальной на нереальную. Выше уже шла речь о том, что эпистемические наречия, как и другие операторы нереальности, будучи эгоцентрическими единицами, принадлежат говорящему, выражают его точку зрения. Наиболее естественным контекстом поэтому для них является высказывание от первого лица, т. е. прямая речь. В следующих примерах эпистемические значения предположения и неуверенности выражаются наречием *maybe*: «*Oh, I don't know. Maybe that was a setup, too. Maybe Eichel chose to have her killed on Joey's property, blowing what that would make Stephen think.*» «*Maybe Eichel's hired help got a little carried away, decided to have some fun. I'm not necessarily suggesting that Eichel killed her himself*» [15, с. 312].

Как видно из приведённых примеров, обязательность контекста настоящего времени для употребления эпистемических наречий не безусловна. Первый и последний примеры свидетельствуют о том, что эти единицы могут быть употреблены и в контексте прошедшего времени. Что касается вопроса о принадлежности эпистемических наречий, то их субъект не вызывает сомнений — во всех примерах с прямой речью субъектом мнения и эпистемической оценки является говорящий. Эпистемические наречия выражают различные оттенки предположения.

В следующих примерах эпистемическое наречие *perhaps* употребляется в другом контексте: «*Perhaps the leisurely ways of Victorian life lent themselves more agreeably to the devices of psychic investigation, or perhaps the painstaking documentation of phenomena has largely gone out as a means of determining actuality; at any rate, Dr. Montague had not only to engage assistants but to search for them* [16, с. 34]. Пример является высказыванием от третьего лица. Значения предположения и сомнения, передаваемые эпистемическим наречием, и в этих случаях принадлежат «говорящему» — повествователю.

Таким образом, рассмотрев различные операторы, относящиеся к некатегориальным средствам выражения нереальности, мы пришли к выводу, что они способны выражать оба типа отношений и обе степени нереальности — относительную и абсолютную. Отличительной чертой операторов не-

реальності являється їх «область определения»: вони характеризують як нереальне всё предложение (высказывание) и, виходя за рамки высказывания в текст, весь непосредственный контекст — диктету. Перспективними являються дослідження функцій одиниць дискурсивного рівня, являючихся факторами проявлення категорії нереальності.

Литература

1. *Апресян Ю. Д.* Интегральное описание языка / Ю. Д. Апресян. — М.: Языки рус. культуры, 1995. — 766 с.
2. *Арутюнова Н. Д.* Модальные и семантические операторы / Н. Д. Арутюнова // Облик слова: сб. ст. памяти Д. Н. Шмелёва. — М.: Рус. словари, 1997. — С. 411–431.
3. *Барляева Е. А.* Авторизация как средство актуализации автора научного текста / Е. А. Барляева // Диалектика текста. — СПб.: Алетейя, 1999. — С. 41–59.
4. *Блох М. Я.* Теоретические основы грамматики / М. Я. Блох. — М.: АСТ, 2004. — 240 с.
5. *Дешериева Г. И.* О соотношении модальности и предикативности / Г. И. Дешериева // Вопросы языкознания. — 1987. — № 1. — С. 34–58.
6. *Зеленчиков А. В.* Пропозиция и модальность: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 — германские языки / А. В. Зеленчиков. — СПб., 1997. — 19 с.
7. *Золотова Г. А.* Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. — М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 2004. — 544 с.
8. *Крылов С. А.* О содержании термина «предикаты пропозициональной установки» / С. А. Крылов // Пропозициональные установки в логическом и лингвистическом аспекте: тез. докл. рабочего совещания. — М.: Прогресс, 1987. — С. 62–77.
9. *Милосердова Е. В.* Семантика и прагматика модальности (на материале простого предложения современного немецкого языка) / Е. В. Милосердова. — Воронеж: ВГПИ, 1991. — 390 с.
10. *Падучева Е. В.* Семантические исследования (Семантика времени и вида) / Е. В. Падучева. — М.: Языки рус. культуры, 1996. — 464 с.
11. *Шатуновский И. Б.* Семантика предложения и нереферентные слова / И. Б. Шатуновский. — М.: Алтея, 1996. — 390 с.
12. *Штелинг Д. А.* Грамматическая семантика английского языка. Фактор человека в мире / Д. А. Штелинг. — М.: Гнозис, 1996. — 428 с.
13. *Dickens Ch.* The Heart of London / Ch. Dickens. — London: Penguin Books, 1994. — 530 p.
14. *Givon T.* English grammar: a function based introduction / T. Givon. — Amsterdam, Philadelphia: Benjamins Publ. Co., 1993. — 440 p.
15. *Hartmark J.* Principal Defence / J. Hartmark. — N.-Y.: Ivy Books, 1992. — 521 p.
16. *Jackson Sh.* The Haunting of the Hill House / Sh. Jackson. — N.-Y.: Penguin Books, 1987. — 358 p.
17. *Maurier du D.* I'll Never Be Young Again / D. du Maurier. — London: Pocket Books, 1966. — 572 p.
18. *Moore E.* There's a Mastodon in my Living-room / E. Moore. — N.-Y.: Penguin Books, 1985. — 390 p.

References

1. *Apresyan Yu. D.* Integral'noe opisaniye yazyka / Yu. D. Apresyan. — M.: Yazyki rus. kul'tury, 1995. — 766 s.
2. *Arutyunova N. D.* Modal'nye i semanticheskiye operatory / N. D. Arutyunova // Oblik slova: sb. st. pamyati D. N. Shmeleva. — M.: Rus. slovary, 1997. — S. 411–431.
3. *Barlyayeva E. A.* Avtorizatsiya kak sredstvo aktualizatsii avtora nauchnogo teksta / Ye. A. Barlyayeva // Dialektika teksta. — SPb.: Aletejya, 1999. — S. 41–59.
4. *Bloh M. Ya.* Teoreticheskiye osnovy grammatiki / M. Ya. Bloh. — M.: AST, 2004. — 240 s.
5. *Desherieva G. I.* O sootnoshenii modalnosti i predikativnosti / G. I. Desherieva // Voprosy yazykoznanija. — 1987. — № 1. — S. 34–58.
6. *Zelencshikov A. V.* Propozitsiya i modal'nost': avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04 — germanskije yazyki / A. V. Zelencshikov. — SPb., 1997. — 19 s.
7. *Zolotova G. A.* Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka / G. A. Zolotova, N. K. Onipenko, M. Yu. Sidorova. — M.: In-t rus. yaz. im. V. V. Vinogradova RAN, 2004. — 544 s.
8. *Krylov S. A.* O soderzhanii termina «predikaty propozitsional'noj ustanovki» / S. A. Krylov // Propozitsional'nye ustanovki v logicheskom i lingvisticheskom aspekte: tez. dokl. rabocheho soveschaniya. — M.: Progress, 1987. — S. 62–77.
9. *Miloserdova E. V.* Semantika i pragmatika modal'nosti (na materiale prostogo predlozheniya sovremennogo nemetskogo yazyka) / E. V. Miloserdova. — Voronezh: VGPI, 1991. — 390 s.
10. *Paducheva E. V.* Semanticheskiye issledovaniya (Semantika vremeni i vida) / E. V. Paducheva. — M.: Yazyki rus. kul'tury, 1996. — 464 s.
11. *Shatunovskij I. B.* Semantika predlozheniya i nereferentnye slova / I. B. Shatunovskij. — M.: Alteya, 1996. — 390 s.
12. *Shteling D. A.* Grammaticheskaya semantika anglijskogo yazyka. Faktor cheloveka v mire / D. A. Shteling. — M.: Gnozis, 1996. — 428 s.
13. *Dickens Ch.* The Heart of London / Ch. Dickens. — London: Penguin Books, 1994. — 530 p.
14. *Givon T.* English grammar: a function based introduction / T. Givon. — Amsterdam, Philadelphia: Benjamins Publ. Co., 1993. — 440 p.
15. *Hartmark J.* Principal Defence / J. Hartmark. — N.-Y.: Ivy Books, 1992. — 521 p.
16. *Jackson Sh.* The Haunting of the Hill House / Sh. Jackson. — N.-Y.: Penguin Books, 1987. — 358 p.
17. *Maurier du D.* I'll Never Be Young Again / D. du Maurier. — London: Pocket Books, 1966. — 572 p.
18. *Moore E.* There's a Mastodon in my Living-room / E. Moore. — N.-Y.: Penguin Books, 1985. — 390 p.

КАРАВАЄВА Тетяна Леонідівна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри іноземних мов гуманітарних факультетів Одеського національного університету імені І. І. Мечникова; Одеса, Україна;

e-mail: tkaravaeva@ukr.net; моб.: +38-067 7328513

ФУНКЦІОНАЛЬНА СПЕЦИФІКА ОПЕРАТОРІВ НЕРЕАЛЬНОСТІ

Анотація. У статті представлено результати аналізу некатегоріальних засобів вираження нереальності, а також конструкцій, які включають епістемічні предикати. Досліджуються характеристики вступних слів і прислівників в аспекті вираження різних епістемічних значень та подання відносної й абсолютної нереальності. Перевага тієї чи іншої конструкції визначається суб'єктивною епістемічною характеристикою всього висловлювання. Описуються відмінні риси операторів нереальності, які характеризують як нереальне все висловлювання і, виходячи за рамки висловлювання в текст, весь контекст — диктету.

До диктумних засобів вираження відносять умовний спосіб і модальні дієслова, до модусних — епістемічні предикати, що поєднують у собі засоби, які відносяться до різних граматичних класів (повнозначних дієслів, дієслів-зв'язок, вставних модальних конструкцій). З точки зору вираження нереальності, тобто вираження ставлення мовця до змісту висловлювання як «не-факта», виділяються такі групи модусних засобів: 1) перцептивно-когнітивні предикати (предикати думки, припущення, уяви); 2) предикати чуттєвого сприйняття (в епістемічних значеннях); 3) конструкції типу *it seems that / it's likely that*.

Подібну до епістемічних предикатів (дієслів) функцію виконують вставні модальні слова зі значеннями ймовірності та припущення (епістемічні прислівники), що функціонують, як правило, як вступні одиниці висловлювань.

Епістемічні прислівники, як і решта модальних операторів, можуть уживатися в контексті реальної ситуації, змінюючи її модальність з реальної на нереальну. Різні оператори здатні виражати обидва типи відносин і обидва ступеня нереальності: відносну й абсолютну.

Ключові слова: оператори нереальності; епістемічні, перцептивно-когнітивні предикати та предикати чуттєвого сприйняття; модальні слова; категорія нереальності; шкала ймовірності.

Tatyana KARAVAYEVA,

Associate Professor of the department of foreign languages of Odessa I. I. Mechnikov National University; Odessa, Ukraine;
e-mail: tkaravaeva@ukr.net; phone: +38-067 7328513

FUNCTIONAL SPECIFICS OF IRREALITY OPERATORS

Summary. The article represents results of the investigation of non-categorical means of expression of irreality as well as constructions which include epistemic predicates. The peculiarities of parenthesis are viewed from the point of the representation of different epistemic meanings as well as both absolute irreality and relative one. The choice of any unit with the epistemic component is determined with the subjective epistemic specifics of the whole utterance. The distinctive features of the irreality operators that characterize both the whole of utterance, beyond the statements in the text, and the whole of context — dictum as unreal are regarded.

There are subjunctive mood and modal verbs among the means of dictum and while among the means of modus there are epistemic predicates, including phenomena of different grammatical classes such as meaningful verbs, linking verb, modal parenthesis and so on. The following groups of the means of modus are distinguished from in the aspect of expressing irreality that expressing by a speaker's attitude towards the contents of an statement as a non-fact: 1) perceptive-cognitive predicates (predicates of opinion, of estimates, imagination); 2) predicates of perceptual perception (in their epistemic meanings); 3) constructions such as: *it seems that / it's seems that*.

Modal parenthesis with meanings of probability and assumption and which usually working as parenthetical expression fulfil functions that are alike to epistemic predicates. Epistemic adverbs like as the rest modal operators are able to be used in the context of real situation therefore changing its modality from real into unreal. Different operators can express both types of relations and both degrees of irreality: relative and absolute.

Key words: irreality operators; epistemic, perceptual-cognitive predicates and space predicates of sense perception; epistemic adverbs; category of irreality; scale of probability.

Статтю отримано 15.01.2014 р.

ПИТАННЯ ГЛОТОДИДАКТИКИ ТА МЕТОДИКИ ВИКЛАДАННЯ МОВИ

УДК 811.161.1'243'38:371.315(438)

ДЗЕВАНОВСКАЯ Дорота,

доктор филологических наук, профессор, заместитель декана Института Неофилологии Краковского педагогического университета; Краков, Польша;
e-mail: ddziewan@up.krakow.pl; тел.: +48 12 6626740; моб.: +48 600191764

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕСУРСОВ ИНТЕРНЕТА В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Аннотация. В статье указывается на возможности использования Интернета как инструмента для познавательной и обучающей деятельности, а также как инструмента для реального общения в ходе аудиторной и внеаудиторной работы с польскими студентами-русистами. В настоящее время использование ресурсов Интернета в преподавании / изучении иностранного языка стало признанным стандартом во всём мире. Благодаря Интернету преподавателям и студентам стали доступны печатные, звуковые, мультимедийные материалы, которые обогащают дидактический процесс, делают его более интересным и инновационным. Интернет становится дополнительным методом в обучении. Он способен частично заменить учебник. Стоит обратить внимание на то, что пользователь Интернета может встретиться с самой разнообразной информацией. Поэтому в процессе обучения важным является не сам поиск и нахождение информации, а методы работы с этой информацией. Использование ресурсов Интернета в обучении иностранным языкам требует применения современных проблемных методов: дискуссий, проектных методов, работы в малых группах, методов создания вторичных текстов. В статье указывается также на то, что электронная почта, чат-коммуникация, форумы, блоги открывают новые возможности речевого общения в естественной языковой среде. Электронная коммуникация может быть эффективной языковой практикой. Однако, по наблюдениям автора статьи, не все виды электронной коммуникации в полной мере могут оказаться пригодными в процессе совершенствования умения пользоваться живой разговорной русской речью.

Ключевые слова: Интернет, коммуникация, разговорная речь, дискуссия, метод проектов, личность.

В настоящее время возможности компьютерных сетей превзошли воображения поколения начала XXI века. Процесс информатизации всех сфер жизни человека приобретает всё большие масштабы. Поэтому нельзя переоценить роль информационно-технологий в практике обучения иностранным языкам. Широкие возможности предоставляет использование информационно-коммуникативных технологий при организации учебного процесса, а также в самостоятельной работе учащихся [9, с. 330].

В настоящей статье мы обсудим важнейшие вопросы, касающиеся использования компьютерной сети в работе с польскими студентами, изучающими русский язык как иностранный в Институте неофилологии Краковского педагогического университета.

Интернет как глобальная сеть является колоссальным источником информации, а также средством речевого общения. Лёгкость и доступность поиска, большой выбор ресурсов и их разнообразие, широкий тематический диапазон, актуальность информации, разнообразие стиля и жанра — это несомненные преимущества, которыми обладает Интернет. Преподавателю иностранных языков Интернет даёт неоценимую возможность найти разнообразный языковой материал и адаптировать его для дидактических целей. Не вызывает сомнения, что материалы, почерпнутые из Интернета, обогащают дидактический процесс, вносят в него новизну, делают его более интересным и инновационным. В свою очередь, поиск информации в Интернете позволяет обучаемым обогатить свой лексический арсенал, узнать гораздо больше информации и социокультурных особенностей, чем предлагают традиционные учебники.

Однако следует обратить внимание на то, что использование Интернета, его информационных ресурсов и услуг в процессе обучения иностранным языкам влечёт за собой необходимость нового осмысления целей и задач обучения. По мнению Е. С. Полат, «формирование коммуникативной компетенции остаётся приоритетной целью, но особую значимость приобретают задачи формирования умений работать с иноязычной информацией» [6, с. 367]. Е. С. Полат подчёркивает, что в настоящее время специалист в любой области знания должен не только уметь добывать нужную информацию из разных источников (печатных, звуковых, электронных), но также подвергать её анализу. Это связано с необходимостью формирования у обучаемых интеллектуальных умений критического мышления [6, с. 367]. Сегодня формировать такое умение лишь с помощью учебников и учебных пособий недостаточно, потому что содержащаяся в них информация быстро устаревает. В данном случае помощь могут оказать мощные ресурсы глобальной сети. Пользователям Интернета предоставляется возможность навигации в сети с помощью мощных поисковых систем. Наиболее известными поисковыми системами являются ЯНДЕКС и РАМБЛЕР. Конечно, главное средство поиска информации в сети Интернет — всемирная паутина (www). В последнее время наиболее популярными и часто используемыми стали такие средства распространения культурной информации, как, например, виртуальные музеи. Кроме того, бурно развиваются электронные библиотеки, которые, как правило, бесплатно

обеспечивают доступ к своим каталогам. Одним из самых авторитетных порталов, обладающим большим образовательным потенциалом, является сайт «ГРАМОТА.РУ» (электронный адрес: <http://www.gramota.ru>). Здесь можно получить разнообразную и, что очень важно, достоверную информацию о русском языке. На глазах расширяется количество баз данных, сайтов и поисковых систем, которые могут облегчить и обогатить процесс обучения иностранным языкам. Обширный список справочно-информационных сайтов, которые могут быть использованы в образовательном процессе, составлен авторами статьи «Коммуникативно-информационные технологии в обучении русскому языку как иностранному» [8, с. 308–319].

В процессе обучения важным является не сам поиск и нахождение информации, а методы работы с этой информацией. По этому поводу Е. С. Полат пишет: «Если мы возьмём актуальный и интересный текст из Интернета и организуем на занятии традиционную работу по пересказу прочитанного, ответам на вопросы и переводу, то успеха в плане формирования критического мышления не добьёмся» [6, с. 369]. Слова Е. С. Полат наглядно свидетельствуют о том, что с использованием ресурсов Интернета в обучении иностранным языкам появилась необходимость применения современных проблемных методов: дискуссии, проектные методы, ситуационный анализ, работа в малых группах сотрудничества. Не менее ценными могут оказаться методы создания вторичных текстов на основе прочитанного или услышанного. Многие специалисты по методике преподавания русского языка как иностранного признают, что проблемные технологии обучения способствуют успешному формированию коммуникативной компетенции, а также развитию у учащихся мыслительных и творческих способностей [2, с. 264].

Осознавая необходимость формирования у студентов умения самостоятельного критического мышления, на занятиях по практикуму русского языка я нередко применяю метод проектов, так как в проектной работе важным становится не сам предмет обучения, а способ приобретения учащимися знаний и умений. Использование этой инновационной методики обучения иностранным языкам даёт возможность развивать у студентов умение самостоятельно отбирать информационный материал для решения коммуникативных задач по определённой теме, а также самостоятельно работать с различными источниками.

В методике преподавания языков выделяется несколько видов проектов: индивидуальные, групповые, исследовательские, творческие, информационные, игровые [2, с. 266–267]. Разнообразными могут быть также формы презентации, например, устный отчёт, интервью, мультимедийная презентация в PowerPoint, воспроизведение видеозаписи, статья, эссе. Выбор вида проекта и формы представления его результатов должен осуществляться с учётом познавательного-воспитательного критерия и критерия коммуникативной ценности. Применение этих критериев даёт возможность: 1) расширять знания обучаемых по данной теме; 2) удовлетворять познавательные потребности обучаемых, отвечающие их личным интересам; 3) развивать их исследовательские способности; 4) развивать умение самостоятельно критически пересматривать отобранный материал; 5) совершенствовать умения в области устной и письменной речи [1, с. 56].

При выборе проблемы (темы) проекта мы учитываем как требования учебной программы, так и личные интересы студентов. В. Г. Костомаров отметил, что Интернет как всемирная паутина «обретает подобие коллективного разума, заставляющего человечество синхронизироваться, думать в унисон, жить в едином киберпространстве» [3, с. 147]. Нельзя поэтому удивляться, что наши студенты посредством Интернета готовы не только расширять свои знания о России, но и познавать поликультурную картину мира, обсуждать общественно-моральные, политические, социальные вопросы. Об этом наглядно свидетельствуют предложенные ими темы для разработки своих проектов. Приведём некоторые из них: *Как не превратиться в жертву моды; Проблема безработицы; Как искать работу; Несколько причин, чтобы сменить работу; Рост агрессии и преступности среди молодёжи; Чему учат личные контакты с иностранцами; Евросоюз и евроскептики.*

На самом деле, Интернет способен удовлетворять запросы пользователей в поиске разнообразных по содержанию, стилям, объёму и сложности текстов. Нашим студентам хорошо знакомы российские Интернет-ресурсы, и они легко находят информацию на интернет-сайтах. Кроме того, они на основании заголовков, ключевых тематических слов и фраз, содержащихся в тексте, без особых затруднений умеют подобрать текст по заданной преподавателем или интересующей их теме. При поиске и отборе информации студенты-русисты являются вполне самостоятельными пользователями сети Интернет и не нуждаются в помощи преподавателя. Они умеют правильно оценивать достоверность и пригодность почерпнутой из Интернета информации. Это свидетельствует о том, что у наших студентов на уровне поиска и фильтрации информации имеется практический и интеллектуальный опыт, т. е. сформированы основы умения критического мышления. Опыт работы со справочно-информационными сайтами формировался у них во время школьного обучения, в процессе изучения родного языка и других учебных предметов. Накопленный опыт оказался пригодным в процессе изучения иностранных языков, в том числе русского языка.

Материалы, доступные в Интернете, являются источниками актуальной и аутентичной информации. Не вызывает сомнений, что материал, насыщенный российскими реалиями, создаёт условия для погружения иностранного обучающегося в естественную среду. Тексты, почерпнутые из подлинных источников, знакомят студентов с новыми сферами функционирования изучаемого ими реального языка, который резко отличается от искусственного языка учебных пособий. Именно в этом заключается их ценность. По-моему, нельзя скрывать факт, что аутентичные тексты, созданные не для учебного, а для реального общения изобилуют иноязычными заимствованиями, новообразованиями,

сленгом, молодёжным жаргоном и даже obscenизмами. Поэтому отработка таких текстов должна осуществляться под опытным глазом преподавателя, задача которого — помочь студентам снять языковые трудности, а также трудности, связанные с незнанием некоторых реалий, артефактов русского мира, русской культуры, русского менталитета. Таким образом, использование аутентичных текстов, взятых из Интернета, должно быть направлено как на совершенствование лингвистической и коммуникативной компетенций, так и на развитие у студентов толерантности к чужому мнению, культуре, обычаям и традициям народа, язык которого является объектом изучения, то есть на развитие социокультурной компетенции.

Как упоминалось выше, Интернет открывает новые возможности речевого общения в естественной языковой среде. По словам Е. С. Полат, «Интернет — это, прежде всего, диалог культур, международное общение. Это реальная практика в международном общении» [6, с. 368].

В методике обучения иностранным языкам активно завоёвывает позиции подход, сосредоточенный на ученике (*student-centered approach*), что связано с изменением статуса обучаемого, который из пассивного участника процесса обучения должен превратиться в активного исследователя, несущего ответственность за собственное образование. Согласно этому подходу, задача учителя заключается в том, чтобы раскрыть личностный потенциал учащихся и помочь им в выборе стратегии овладения языком [10, с. 104]. Нацеленность дидактического процесса на образование сознательной, автономной личности связана с необходимостью подготовки студентов к самостоятельному совершенствованию знаний по иностранному языку в ходе внеаудиторной работы. Для поддержания собственного уровня знания разговорной речи, оценки своего речевого поведения в разных коммуникативных ситуациях студенты могут использовать естественную среду общения, т. е. использовать ресурсы электронной коммуникации: электронную почту, чат-коммуникацию, форумы, блоги, записи в гостевой книге и др.

Не вызывает никаких сомнений, что общение в сети с разными пользователями на разные темы частично заменяет употребление живой разговорной речи при обучении языку вне языковой среды. Кроме того, общение в сети даёт возможность использовать усвоенные в процессе обучения речевые навыки в реальной языковой ситуации. Иначе говоря, студенты переносят свои знания в реальную среду. В свою очередь, на занятиях они могут использовать слова и выражения, которые почерпнули из общения с носителями русского языка в чатах, на форумах и т. п. Следовательно, компьютерная коммуникативная среда может интенсифицировать речевой опыт учащихся и стать дополнительным источником информации о специфике коммуникативных процессов.

По нашему мнению, не все виды электронной коммуникации в полной мере могут оказаться пригодными в процессе совершенствования умения пользоваться естественной русской речью.

Широкие возможности в общении с различными пользователями сети на уровне разговорной речи предоставляет чат-коммуникация. Однако в чате студенты сталкиваются с жаргонной лексикой и агрессивностью в общении. Кроме того, скорость ответов в чате очень высока, и, как признают студенты, иногда им очень трудно поддерживать диалог с участниками чата.

Малоприспособленными для развития коммуникации в сети являются также гостевые книги. Их главным недостатком можно считать то, что сообщения ограничиваются зачастую краткими репликами с оценкой сайта.

Преимущественно на форумах осуществляется обсуждение разных тем и вопросов. Форумы, как правило, позволяют участникам высказать своё мнение, развить дискуссию. Однако общение на форуме требует хорошего знания научного стиля и речевого этикета. Эта форма интернет-коммуникации может показаться мало пригодной тем студентам, которые заинтересованы в общении разговорного характера.

Большие возможности погружения в естественную коммуникативную среду предоставляет общение по электронной почте. По моим наблюдениям, в последнее время усиливается тенденция сближения электронной переписки с неэлектронной формой письма. Это даёт возможность изучающим иностранный язык вести переписку с естественными адресатами на интересующие их темы и заодно изучать специфику языка электронных писем. Пользователь электронной почты на данное письмо может ответить не сразу, благодаря чему у иностранца есть время для анализа полученной информации и обдумывания ответа. Таким образом, поддерживая связь с собеседником, иностранец имеет возможность совершенствовать свои языковые умения. По словам студентов, они чувствуют себя наиболее свободно и комфортно при общении с носителями языка по электронной почте. Добавим, что наши студенты проходят языковую практику в Москве и заводят знакомства с российской молодёжью. Общаясь на русском языке с друзьями, они не боятся сделать ошибку и без стресса могут развивать свои речевые умения.

По моему мнению, уже давно прошло время, когда об Интернете говорилось исключительно как о замечательном средстве, обеспечивающем межкультурное общение. Всё чаще появляются смелые критические высказывания в его адрес, которые преимущественно касаются влияния языка Интернета на «языковой вкус». По замечанию Н. Т. Свидинской, «в современном русском языке наблюдаются семантические изменения в лексике и лексической сочетаемости, отмечается активизация разговорных элементов в литературном языке (...) «Языковой вкус» в настоящее время связывают с демократизацией речи, что находит проявление в употреблении стилистически сниженного языка» [7, с. 579].

С. М. Михайлов обращает внимание на то, что в компьютерной коммуникации применяются разнообразные аббревиатуры, которые комментируют речевое поведение пользователя сети, например:

LOL — Laughing Out Loud — очень громко смеюсь; ASAP — As Soon As Possible — как можно скорее; BRB — Be Right Back — сейчас вернусь; BTW — By The Way — кстати; CYO — See You Online — до встречи в сети; IC — I See — я вижу / понимаю; OIC — Oh, I see — да, понимаю; LSR — Later — позже; 10X — Thanks — спасибо; W8 — wait — подожди [см. 4, с. 20–21]. Аббревиация является одной из наиболее характерных особенностей языка всемирной паутины. В польском языке интернастов и пользователей сотовых телефонов также появились многие аббревиатуры и забавные выражения, например: *ABJW* (A bo ja wiem — Откуда мне знать), *ЗМАJ SIE* (Trzymaj się — Пока), *PPNMSP* (Po prostu nie mogłem się powstrzymać — Просто, я не мог воздержаться).

Невербальные средства, используемые в устной коммуникации, которые отсутствуют в компьютерном общении нередко восполняются «смайликами», например: |-O зевать, ☺ или :) улыбаться, :@ кричать, :P показывать язык, ☹ или :-(печаль, огорчение. По словам Я. Монкоша-Богдан, эти конвенциональные знаки «сигнализируют настроение отправителя информации и заменяют в кибернетическом пространстве ту часть общения между людьми, которая в реальных контактах выражается интонацией голоса, выражением лица или *body language (mowa ciała)*» [5, с. 264]. (Обширные списки «смайликов» и аббревиатур доступны на сайте <http://smaylik.by.ru/sokr/1.htm>). Эти знаки нельзя игнорировать, их освоение облегчает общение по электронной почте.

Общению в естественной языковой среде свойственна образность речи, эмоциональная окрашенность высказывания. Для повышения выразительности сообщений используются различные языковые средства. Вслед за С. М. Михайловым приведём некоторые из них: редуцирование формы слов (*лю* — любить; *мя* — меня; *ме* — мне; *книтъ* — кто-нибудь; *чнитъ* — что-нибудь; *мога(е)* — может быть); усечение основы (*универ* — университет; *маг* — магнитофон; *баскет* — баскетбол; *бутер* — бутерброд); транслитерация (*friend* — френд; *comment* — коммент, *please* — плиз; сленговые образования (*Зачот!* — здорово; *Вмемориз* — интересное сообщение; *5 баллов!* — очень хорошо, интересно; *+1* — ничего нового); фонетический принцип написания слов (*скока* — сколько; *чо, чево* — чего; *исчо, исчо* — еще; *фсе* — все; *кажеца* — кажется); растяжка гласных для выражения удивления, досады или иронии (*хорошооооо* — хорошо; *знаааааааете* — знаете; *помогииииите* — помогите; *ууууужас* — ужас); индивидуальное словотворчество (*стрелялка* — о компьютерной игре, *жужжалка* — о компьютере, о мобильном телефоне) [4, с. 21–23].

Следует обратить внимание на то, что разнообразие языковых средств в кибернетическом пространстве может негативно влиять на процесс самостоятельного изучения иностранными студентами современной русской разговорной речи и даже стать причиной снижения мотивации к самообразованию. Большим недостатком компьютерной коммуникативной среды можно признать то, что в ней нередко изобилуют ошибки. Конечно, можно согласиться с мнением, что неотредактированный текст является более спонтанным. Но иностранному студенту любая ошибка может показаться языковой нормой и закрепиться в памяти.

В свете сказанного выше, можно поставить вопрос: *Стоит ли изучающих русский язык как иностранный обучать особенностям компьютерной коммуникации?* Думаю, что да. Ведь польские студенты, погружаясь в естественную коммуникативную среду посредством Интернета, хотят знать, что значит, когда говорят или пишут, например: «чувак» (молодой мужчина), «жосско» (жестоко, сильно, крепко, строго), «ржунимагу» (очень смешно).

В данном случае появляется необходимость поддержки со стороны преподавателя. Считаем, что вхождение в компьютерную коммуникативную среду изучаемого иностранного языка должно осуществляться на занятиях по языку в форме предварительной подготовки, нацеленной на приобретение студентами умений, необходимых для дальнейшей самостоятельной работы. Описание дидактических процедур, применяемых на подготовительном этапе, требует отдельного обсуждения. В настоящей статье мы можем указать лишь на основные ожидаемые результаты по завершении предварительной подготовки: 1) развитие языковой догадки; 2) совершенствование творческого и критического мышления; 3) умение предупреждать возможные трудности в понимании специфических элементов разговорной речи; 4) умение выяснять и уточнять смысл непонятных слов и выражений; 5) умение формулировать и отстаивать свою точку зрения.

Подводя итоги, следует сказать, что уникальные возможности Интернета создают новые условия для организации учебного процесса. Сегодня одна из главных задач обучения иностранным языкам состоит в том, чтобы не только дать знания учащимся, но и пробудить их личностные мотивы изучения иностранного языка, развить стремление к речевому совершенствованию.

Литература

1. Дзевановская Д. Метод проектов — суть развивающего, лично ориентированного обучения / Д. Дзевановская // *Język, literatura i kultura Rosji w XXI wieku. Teoria i praktyka*. — Kielce: Wyd-wo Naukowe Uniwersytetu Humanistyczno-Przyrodniczego Jana Kochanowskiego w Kielcach, 2011. — С. 55–60.
2. Капитонова Т. И. Методы и технологии обучения русскому языку как иностранному / Т. И. Капитонова, Л. В. Москвин, А. Н. Шукин. — М.: Рус. яз., 2008. — 308 с.
3. Костомаров В. Г. Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики / В. Г. Костомаров. — М.: Гардарики, 2005. — 287 с.
4. Михайлов С. М. Технология обучения естественной речи с использованием компьютерной коммуникативной среды / С. М. Михайлов. — СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена: ООО Книжный дом, 2011. — 139 с.
5. Монкоша-Богдан Я. О языке интернастов / Я. Монкоша-Богдан // *Новое в теории и практике описания и преподавания русского языка*. — Варшава: Artico, 2002. — С. 188–193.
6. Полат Е. С. Интернет в обучении иностранным языкам / Е. С. Полат // *Методика обучения иностранным языкам: традиции и современность* / [ред. А. А. Миролубов]. — М.: Титул, 2010. — С. 367–370.

7. Свидинская Н. Т. Нужно ли на занятиях РКИ обучать элементам современной разговорной речи? / Н. Т. Свидинская // Слово есть дело: юбил. сб. науч. тр. в честь проф. Ирины Павловны Лысаковой. — СПб.: Сударыня, 2010. — Т. 1. — С. 578–582.
8. Хромов С. С. Коммуникативно-информационные технологии в обучении русскому языку как иностранному / С. С. Хромов, Е. В. Жданова, О. В. Харитоновна // Русистика и современность: материалы XIV междунар. науч.-практ. конф. 29.09 — 1.10.2011. — СПб.: Северная звезда, 2012. — Т. 2. — С. 308–319.
9. Чуваева К. М. Использование функциональных возможностей LMS Moodle при обучении русскому языку как иностранному / К. М. Чуваева // Там же. — С. 330–335.
10. Щукин А. Н. Методика преподавания русского как иностранного: учеб. пособие для вузов / А. Н. Щукин. — М.: Высш. шк., 2003. — 334 с.

References

1. Dzevanovskaja D. Metod projektov — sut' razvivajushhego, lichnostno orientirovannogo obuchenija / D. Dzevanovskaja // Język, literatura i kultura Rosji w XXI wieku. Teoria i praktyka. — Kielce: Wyd-wo Naukowe Uniwersytetu Humanistyczno-Przyrodniczego Jana Kochanowskiego w Kielcach, 2011. — S. 55–60.
2. Kapitonova T. I. Metody i tehnologii obuchenija russkomu jazyku kak inostrannomu / T. I. Kapitonova, L. V. Moskovkin, A. N. Shhukin. — M.: Rus. jaz., 2008. — 308 s.
3. Kostomarov V. G. Nash jazyk v dejstvii. Ocherki sovremennoj russkoj stilistiki / V. G. Kostomarov. — M.: Gardariki, 2005. — 287 s.
4. Mihajlov S. M. Tehnologija obuchenija estestvennoj rechi s ispol'zovaniem komp'juternoj komunikativnoj sredy / S. M. Mihajlov. — SPb.: RGPU im. A. I. Gercena: OOO Knizhnyj dom, 2011. — 139 s.
5. Monkosha-Bogdan Ja. O jazyke internavtov / Ja. Monkosha-Bogdan // Novoe v teorii i praktike opisaniya i prepodavaniya russkogo jazyka. — Varshava: Artico, 2002. — S. 188–193.
6. Polat Je. S. Internet v obuchenii inostrannym jazykam / Je. S. Polat // Metodika obuchenija inostrannym jazykam: tradicii i sovremennost' / [red. A. A. Miroljubov]. — M.: Titul, 2010. — S. 367–370.
7. Svidinskaja N. T. Nuzhno li na zanjatijah RKI obuchat' jelementam sovremennoj razgovornoj rechi? / N. T. Svidinskaja // Slovo est' delo: jubil. sb. nauch. tr. v chest' prof. Iriny Pavlovny Lysakovoj. — SPb.: Sudarynja, 2010. — Т. 1. — С. 578–582.
8. Hromov S. S. Kommunikativno-informacionnye tehnologii v obuchenii russkomu jazyku kak inostrannomu / S. S. Hromov, Je. V. Zhdanova, O. V. Haritonova // Rusistika i sovremennost': materialy XIV mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 29.09 — 1.10.2011. — SPb.: Severnaja zvezda, 2012. — Т. 2. — С. 308–319.
9. Chuvaeva K. M. Ispol'zovanie funkcional'nyh vozmozhnostej LMS Moodle pri obuchenii russkomu jazyku kak inostrannomu / K. M. Chuvaeva // Там же. — С. 330–335.
10. Shchukin A. N. Metodika prepodavaniya russkogo kak inostrannogo: ucheb. posobie dlja vuzov / A. N. Shhukin. — M.: Vyssh. shk., 2003. — 334 s.

ДЗЕВАНОВСЬКА Дорота,

доктор філологічних наук, професор, заступник декана Інституту неоліології Краківського педагогічного університету; Краків, Польща;

e-mail: ddziewan@up.krakow.pl; тел.: +48 12 6626740; моб.: +48 600191764

ВИКОРИСТАННЯ РЕСУРСІВ ІНТЕРНЕТУ В ПРОЦЕСІ НАВЧАННЯ ІНОЗЕМНІЙ МОВИ

Анотація. У статті вказано на можливості використання Інтернету як інструменту для пізнавальної та навчальної діяльності, а також як інструменту для реального спілкування у процесі аудиторної та позааудиторної роботи з польськими студентами-русистами. У даний час використання ресурсів Інтернету у викладанні / вивченні іноземної мови стало визнаним стандартом у всьому світі. Завдяки Інтернету викладачам і студентам стали доступними друковані, звукові, мультимедійні матеріали, які збагачують дидактичний процес, роблять його цікавішим і інноваційним. Інтернет стає додатковим методом у навчанні. Він здатен частково замінити підручник. Варто звернути увагу на те, що користувач Інтернету може зустрітись з найрізноманітнішою інформацією. Тому в процесі навчання важливим є не сам пошук і знаходження інформації, а методи роботи з цією інформацією. Використання ресурсів Інтернету в навчанні іноземними мовами вимагає застосування сучасних проблемних методів: дискусій, проектних методів, роботи в малих групах, методів створення вторинних текстів. У статті вказано також на те, що електронна пошта, чат-комунікація, форуми, блоги відкривають нові можливості мовного спілкування у природному мовному середовищі. Електронна комунікація може бути ефективною мовною практикою. Однак не всі види електронної комунікації повною мірою можуть виявитися придатними у процесі вдосконалення вміння користуватися живим розмовним російським мовленням.

Ключові слова: Інтернет, комунікація, розмовне мовлення, дискусія, метод проектів, особистість.

Dorota DZIEWANOVSKA,

Habilitated doctor, professor of Cracow Pedagogical University, vice-dean of Faculty of Arts; Cracow, Poland;

e-mail: ddziewan@up.krakow.pl; tel.: +48 12 6626740; моб.: +48 600191764

USAGE OF THE INTERNET RESOURCES IN THE PROCESS OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING

Summary. The author of the paper presents the possibilities of using the Internet as a means of acquiring knowledge and of teaching, as well as a source of the real language communication in the process of auditorial or extra-auditorial work with Polish students of Russian philology. Nowadays, usage of the Internet resources in teaching and learning of a foreign language has become a widely acclaimed standard all over the world. Thanks to the Internet, printed, audio and multimedia materials, which enrich the didactic process and make it more interesting and innovative, have become available for both lecturers and students. The Internet has become a complementary source of teaching, and it can partially replace a handbook. It is worth noticing that a user of the Internet may encounter various information. That is why, not only self-searching and finding the information is important in the process of teaching but methods of working with this information, as well. It means that usage of the resources of the Internet in foreign language teaching requires the application of contemporary problem solving methods like e. g. discussion, project methods, small group work, methods of creating secondary texts. The author of the paper also indicates that electronic mail, chat-communication, forums, blogs and others open up new possibilities of language communication in the natural language environment. Electronic communication may become effective language exercise. However, according to the observations of the author of the paper, not all kinds of electronic communication may turn out to be fully useful in the process of mastering the skill of using colloquial Russian speech.

Key words: Internet, communication, colloquial speech, discussion, project method, personality.

Стаття отримано 20.05.2014 р.

УДК [372.881.1+37.013]:811.161.1

НУРТАЗИНА Марал Бекеновна,

доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилёва; Астана, Казахстан; e-mail: maral0204@mail.ru; тел.: +7(717 2) 709500 (+32201); моб.: +7 701 9998259

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Аннотация. В статье обсуждаются актуальные проблемы пересмотра приоритетов и перехода к планированию результатов образования на языке компетенций, на методах диагностики и оценки межкультурной компетенции (МКК). Отмечается, что компетенция есть динамичная совокупность знаний, умений, навыков, способностей и личностных качеств, которую студент обязан продемонстрировать после завершения части или всей образовательной программы. Подробно излагаются вопросы развития МКК средствами образовательной среды, касающиеся методов диагностики и оценки таких средств. Это способствует активизации процесса познания учащихся, развитию способности к самостоятельному обучению, умению конкурировать с соперниками на рынке труда. Доказывается, что компетентностный подход придаёт процессу подготовки специалиста практико-ориентированный характер, позитивно влияет на развитие инновационных процессов в сфере профессионального образования, позволяет разработать методы повышения точности в системе измерения уровня профессиональной компетентности специалиста. Рассматривается методология взаимосвязи языковой, коммуникативной и межкультурной компетенции, определяющая факторы коммуникативной личности в контексте выявления компетентности, коммуникативное поведение как сущностный компонент культуры человека. Предлагаются новые подходы к изучению своеобразия МКК и параметры формирования МКК. Излагаются когнитивный, социолингвистический и лингвострановедческий аспекты формирования МКК. Обсуждаются некоторые модели и парадигмы обучения русскому языку в ракурсе МКК.

Ключевые слова: межкультурная компетенция, образование, обучение русскому языку, методы диагностики и оценки, информационные технологии.

Известно, что изучение любого языка есть изучение соответствующей национальной культуры. Именно на этой основе базируется идея мультикультурализма в образовательных документах Совета Европы, регулирующих языковую политику. В этом контексте компетенция есть динамичная совокупность знаний, умений, навыков, способностей и личностных качеств, которую студент обязан продемонстрировать после завершения части или всей образовательной программы. Перед преподавателями русского языка вузов Казахстана в свете Болонской Конвенции актуализируется задача пересмотра приоритетов и перехода к планированию результатов образования на языке компетенций, на методах их диагностики и оценки, что способствует активному процессу познания студентов, гибкости и умению к самостоятельному обучению. Это, в свою очередь, поможет им при дальнейшем трудоустройстве в условиях жёсткой конкуренции на рынке труда.

Возникает вопрос о необходимости осмысления проблемы инновационного потенциала применения компетентностного подхода к образованию, о чём свидетельствуют работы современных учёных [1; 9; 12; 6; 15], так как именно такой аспект 1) помогает проецировать весь процесс образования на его конечные результаты в плане представления совокупности знаний, умений и навыков; 2) способствует созданию результатов образования как нормы его качества, в соответствии с ГОСО, «компетентностной моделью специалиста, обеспечивающего его мобильность в изменяющемся обществе» [1, с. 3]; 3) содействует направленности стандартов и учебных планов на результаты обучения, которые становятся сравнимыми и прозрачными.

В таком случае результаты образования, выраженные на языке компетенций, как считает С. Г. Тер-Минасова [9, с. 24], — это путь к расширению академического и профессионального признания и мобильности, к увеличению сопоставимости и совместимости дипломов и квалификаций. В контексте полиэтничного и мультикультурного образовательного социума Республики Казахстан осуществление компетентностного подхода является дополняющим фактором поддержания единого образовательного, профессионально-квалификационного и культурно-ценностного пространства [1, с. 4], так как оно связано с процессами глобализации, выражающимися в будущем не только в процессах приспособления к меняющимся условиям, но и в расширении информационного пространства, деловых и личных контактов, в развитии новых информационных технологий. Вот почему компетентностный подход придаёт процессу подготовки специалиста практико-ориентированный характер, позитивно влияет на развитие инновационных процессов в сфере профессионального образования, позволяет разработать более точную систему измерения уровня профессиональной компетентности специалиста.

1. Методология рассматривания взаимосвязи коммуникативной, языковой и межкультурной компетенций (КК, ЯК и МКК)

Прежде всего, необходимо систематизировать некоторые теоретико-методологические вопросы формирования ЯК, КК и МКК. Известно, например, что существуют так называемые «индикаторы культурного разнообразия» [15; 13; 12; 14], знание которых способствует пониманию социокультурных различий в межкультурном взаимодействии, выявлению наиболее типичных ошибок в разных ситуациях общения. Так, знание истории, географического положения, условий социализации, образова-

тельных практик и конфессиональной принадлежности способствует пониманию стилей поведения, способов принятия решений, межличностным и групповым взаимоотношениям. Полиязычное образование выступает в качестве механизма формирования МКК, способствует устранению трудностей понимания другой культуры, формирует уважительное отношение к ней, позволяет учитывать всевозможные социокультурные факторы в процессе МКК и отвечает нацеленности современных студентов на вхождение в мировое поликультурное социопространство.

В связи с активизацией межкультурных и различных профессиональных контактов в Республике Казахстан возрастает потребность сообщества в специалистах языкового профиля, владеющих тремя языками: казахским, русским и английским. Успешное осуществление межкультурно-профессионального взаимодействия предполагает овладение и профессионально-значимыми концептами обозначенных культур, которые определяют специфику языкового, культурного, общественного и делового поведения, детерминированного влиянием различных исторических традиций и обычаев, образа жизни и т. п. Известно, что именно когнитивная готовность коммуникантов способствует формированию контекста лингвального, социолингвистического, межкультурного общения и его эффективной реализации. А это, в свою очередь, приводит к международному профессиональному сотрудничеству. Характер межличностного общения в когнитивном пространстве определяется интенциями коммуникантов и стратегиями их достижения (кооперацией, соперничеством, сотрудничеством, конфликтами и др.).

Определяющим уровнем для овладения языком и, в последующем, базисной основой для принятия решений в профессиональной сфере выступает ЯК как интегративное качество личности. Долгое время в нашей стране ЯК касалась, большей частью, её лексико-стилистического аспекта, который совершенно не был связан с обработкой в сознании и анализом когнитивных аспектов организации профессиональной коммуникации на русском языке. Известно, что проектирование и составление фреймов [11, с. 43; 10, с. 12-18; 15, с. 8-9] непосредственно связано с конструированием профессиональной ситуации, с иллюстрацией ядерных, околоядерных и периферийных компонентов выражения тех или иных смыслов, а также с вовлечением в аспект анализа знаний, мнений и представлений о мире у разных представителей культур с интенцией прогнозирования возможных их реакций и поведений, предугадывания развития событий и отбора коммуникативных стратегий. В научной литературе отмечается [2, с. 89; 7, с. 27], что всестороннее комплексное исследование стратегий и тактик лингвокоммуникативного поведения репрезентантов казахо-русско-англоязычного социума, их лингвосоциологических и культурологических особенностей способствует «приобщению «неносителей» языка к концептуальной системе, картине мироздания, ценностным ориентирам носителей иностранного языка, сближению межкультурной дистанции, воспитанию готовности адаптироваться к деловой культуре другого народа, иному социокультурному контексту взаимодействия и воздействия с целью выработки оптимальной стратегии профессионального сотрудничества на иностранном языке» [10, с. 167–169].

Именно в таком случае наблюдается адекватное коммуникативное поведение, взаимопонимание представителей разных культурных сообществ при их взаимодействии для решения прагматических задач. Поэтому обучение студентов ЯК, КК и МКК облигаторно должно быть основано на целостной концепции, которая бы включала выработку культурных стандартов делового языкового общения, умения дифференцированно использовать язык в варьирующихся ситуациях делового общения, формулы делового этикета (особенно если нет параллельных соответствий), понимания национального менталитета и др. Для адекватного межкультурного понимания и эффективного взаимодействия необходима пропорциональная зависимость между уровнями ЯК, КК и МКК. В случае асимметрии между вышеперечисленными компетенциями велика вероятность непонимания, так как от профессионала, владеющего языком, ждут соответствующего уровня МКК и обращаются к нему как к обладающему достаточным объёмом социальной, социокультурной и культурологической информации.

1.1. Определяющие факторы коммуникативной личности в контексте выявления МКК

О. А. Леонтович, описывая системно-динамическую модель межкультурной коммуникации между русскими и американцами, отмечает, что «культурная компетенция предусматривает верную расшифровку пресуппозиций, фоновых знаний, ценностных установок, сигналов психологической и социальной идентичности» [5, с. 84], а это означает, что в структуре коммуникативных составляющих личности как главного субъекта коммуникации одной из доминант выступает поведенческий аспект. В. Б. Кашкин справедливо выделяет определяющие параметры коммуникативной личности: мотивационный, когнитивный и функциональный, — отводя особое место последнему, так как он подразумевает «практическое владение вербальными и невербальными средствами общения, умение варьировать коммуникативные средства; построение дискурса в соответствии с нормами кода и правилами этикета, что, в конечном итоге, характеризует проявления личности на уровне коммуникативного поведения» [4, с. 131–132]. Такого же мнения придерживается и В. И. Карасик, говоря, что в структуре коммуникативной личности «поведенческий аспект есть «набор намеренных и помимовольных характеристик речи и паралингвистических средств общения» [3, с. 22–28].

1.2. Коммуникативное поведение как сущностный компонент культуры человека

В структуре коммуникативного поведения (далее — КП) выделяется совокупность норм и традиций общения (лингвистический и экстралингвистический аспекты): 1) национально-маркированные компоненты; 2) универсальный инвариант; 3) личностные характеристики коммуниканта. Согласно исследованию Ю. А. Сорокина и И. Ю. Марковиной [7, с. 11–19], к компонентам культуры, несущим национально-специфическую окраску, можно отнести: «традиции (или устойчивые элементы культуры), а также обычаи (определяемые как традиции в «соционормативной» сфере культуры) и обряды (выполняющие функцию неосознанного приобщения к господствующей в данной культуре системе

нормативных требований); бытовую культуру, тесно связанную с традициями, вследствие чего её нередко называют традиционно-бытовой культурой; повседневное поведение (привычки представителей некоторой культуры, принятые в некотором социуме нормы общения), а также связанные с ним мимический и пантомимический (кинесический) коды, используемые носителями некоторой лингвокультурной общности; «национальные картины мира», отражающие специфику восприятия окружающего мира, национальные особенности мышления представителей той или иной культуры; художественную культуру, отражающую культурные традиции того или иного этноса» [7, с. 34–39]. К национально-маркированным компонентам относятся: а) нормы, б) традиции, в) стереотипы поведения, г) коммуникативные стратегии, д) невербальные компоненты (символы, жесты).

Так, под нормами КП понимаются речевой этикет, который обязателен для выполнения (такие формулы этикета, как приветствия и прощания, формулы благодарности, вежливости, извинения, знакомства, утешения, сочувствия и т. д.), а также табу (то, что запрещено произносить и говорить). В структуре КП обычно выделяют общекультурные нормы, характерные для всей лингвокультурной общности (принятые правила этикета, вежливого общения в ситуациях самого общего плана, возникающие между людьми вне зависимости от сферы общения, возраста, статуса, сферы деятельности); групповые нормы, закреплённые культурой для определённых групп (профессиональные, гендерные, социальные, возрастные и др.); ситуативные нормы, зависящие от конкретной экстралингвистической ситуации; индивидуальные нормы, характеризующие индивидуальную культуру и коммуникативный опыт индивида (личностное преломление общекультурных и ситуативных коммуникативных норм в языковой личности) [2; 7; 6; 8; 11].

Традиция как составная часть культуры каждого народа предполагает сохранение своих обычаев, традиций и обрядов, передаваемых из поколения в поколение. Так, обычаи, традиции и обряды казахского народа формировались на протяжении нескольких столетий, на которые оказали влияние и кочевой образ жизни, и мусульманская религия. В настоящее время возродился интерес к прошлому у молодого поколения. И это естественно, ведь люди должны знать историю того места, где они живут, помнить и передавать обычаи, традиции и обряды будущим поколениям. Стереотип, порождающий суждения и оценки, относится к мышлению и поведению человека; это зафиксированная мыслительная конструкция, автоматическая умственная реакция на что-либо. Поведение стереотипа зависит от того, что человек воспринимает: после получения информации на вход стереотип возвращает фиксированные суждения и оценки. Вот почему поведенческие стереотипы во многом определяют наши суждения, оценки окружающего и отношение к нему. Коммуникативные стратегии различаются по той цели, которую они преследуют. Выделяются следующие типовые цели коммуникации: конвенциональная (согласие, заключение договора в ситуации конфликта или поддержание договора (конвенции)); конфликтная (обнаружение разногласий и акцентирование на разногласиях участников коммуникации с тем, чтобы создать конфликт, или поддержание, разжигание существующего конфликта); манипуляционная (захват смыслового пространства коммуникации с тем, чтобы навязать участнику коммуникации свою коммуникативную стратегию и, соответственно, своё видение реальности) [6, с. 28–32].

Невербальные компоненты — важный аспект обучения языку. Так, национальные символы (И. А. Стернин использует термин «социальный символизм» [8, с. 123]), включающие в себя государственный флаг, национальный цвет, государственный гимн и жесты и имеющие национально-специфические компоненты кинесического общения невербальные средства в коммуникативном акте, часто имеют лакунизированный характер, который необходимо учитывать на занятиях. Изучение национально обусловленных жестов приветствия, прощания, благодарности, сомнения, извинения, призыва к действию способствует более эффективному усвоению особенностей иноязычной культуры. Универсальный инвариант, включающий облигаторность коммуникативной реакции в форме коммуникативного одобрения / неодобрения, принятия / непринятия коммуникативного сообщения; значимость коммуникативной поддержки; коммуникативный настрой на партнёра; проявление коммуникативной инициативы, креативности выступают как факторы успешности общения. Личностные характеристики коммуниканта: индивидуальное своеобразие и неповторимость каждого студента, — проявляются в стиле общения, тональности коммуникации.

1.3. Свообразие межкультурной компетенции

МКК может рассматриваться в трёх аспектах: 1) как способность сформировать в себе иную лингвокультурную идентичность, что предполагает знание языка, ценностей, норм, образцов поведения другого коммуникативного сообщества; при таком подходе усвоение максимального объёма информации и адекватного знания иной культуры является основной целью овладения МКК; такая задача может быть поставлена для достижения аккультурации, вплоть до полного отказа от родной культурной принадлежности; 2) как способность достигать успеха при контактах с представителями другого культурного сообщества, даже при недостаточном знании основных элементов культуры своих партнёров. Именно с этим вариантом МКК приходится чаще всего сталкиваться в практике межкультурной коммуникации, например, в мультикультурном и полилингвальном Казахстане; 3) как способность членов некоторой культурной общности добиваться понимания в процессе взаимодействия с представителями другой культуры с использованием разных стратегий для предотвращения конфликтов «своего» и «чужого» и создавать в ходе взаимодействия «новую межкультурную коммуникативную общность».

1.3.1. Когнитивный аспект рассмотрения МКК

Известно, что даже самые элементарные различия в социолингвистических моделях способствуют непониманию и могут иметь достаточно серьёзные последствия. Так, грамматические или фонетические ошибки в речи свидетельствуют о том, что человек недостаточно хорошо владеет иностран-

ным языком, в то время как социопрагматические ошибки могут вызвать разные чувства и эмоции у говорящего и слушающего (негодование, удивление, возмущение, недоверие, отторжение и т. д.). Это важно учитывать при обучении русскому языку как иностранному. Когнитивный подход в лингвистике позволяет подчеркнуть единство и взаимопроникновение таких аспектов языковой системы, как внутреннее строение и функционирование в живом общении, представить языковую систему как сложный, многокомпонентный механизм, делающий возможным как порождение речи, так и её восприятие и понимание, ещё раз доказать, что язык по своему факту существования одновременно и коммуникативная, и когнитивная структура, а языковые данные обеспечивают наиболее очевидный и естественный доступ к когнитивным процессам и механизмам.

1.3.2. Социокультурный аспект рассмотрения МКК

Социокультурные параметры полиязычного образования включают в себя не только лингвистическую, лингвострановедческую, социальную и социокультурную компетенции, но и национальную лингвокультурную компетенцию, для выработки которой характерно использование различных культурных феноменов в географическом, историческом, экономическом, ценностном, социальном, эстетическом ракурсах. Знание социокультурного фона очень значимо, т. к. без него сложно сформировать МКК. Известно, что изучение культуры и языка предполагает освоение общеобразовательных сведений и, главное, обеспечивает развитие личности, поддерживая мотивацию студентов. Применение нетрадиционных форм проведения занятий способствует формированию социокультурной компетенции.

1.3.3. Социолингвистический аспект рассмотрения МКК

Социолингвистическая компетенция проявляется «в способности осуществлять выбор языковых форм, использовать их и преобразовывать в соответствии с контекстом» [10, с. 45], для чего необходимо их распознавать и адекватно использовать в коммуникативном акте; необходимо научиться осознанно и толерантно воспринимать «чужой» менталитет; знать национально-маркированные формы общения, разные модели речевых и поведенческих клише; сформировать навыки и умения соотносить языковые средства с определёнными ситуациями и нормами речевого поведения, которых придерживаются носители языка. Многие исследователи в области межкультурной коммуникации [см., напр., 7; 9; 7; 6] отмечают, что наиболее ярко отсутствие социолингвистической компетенции прослеживается в коммуникативных ситуациях речевого этикета, что объясняется фактом непосредственной связи правил речевого этикета с установившимися в разной лингвокультуре «законами ситуативного применения» языковых единиц [12, с. 8–11].

1.3.4. Лингвострановедческий аспект рассмотрения МКК

Лингвострановедческий аспект рассмотрения МКК предполагает знание таких лексических единиц, которые «наполнены» национально-культурным компонентом семантики, и умение адекватно применять их и фоновые знания (по терминологии Л. В. Пуриковой, «фреймовые пресуппозиции» [11, с. 4]) в виде вербальных и невербальных компонентов в ситуациях межкультурного общения для достижения взаимопонимания в межкультурных ситуациях общения. Так, для успешного общения необходимо овладеть **историко-культурным фоном** с целью приобщить студентов к иной картине мира (этот фон включает сведения о культуре общества в процессе его исторического развития); **социокультурным фоном**; **этнокультурным фоном**, включающим информацию о быте, традициях, праздниках; **семиотическим фоном**, содержащим информацию о символике, обозначениях, особенностях иноязычного окружения [10, с. 78–81]. Необходимо также овладеть знаниями о поведенческой культуре, особенностях взаимоотношений в обществе, нормах, ценностях, разговорных формулах, языке телодвижений.

2. Параметры формирования межкультурной компетенции

Чтобы овладеть МКК студентам, а затем и будущему специалисту, настроенному на вхождение в глобализованное поликультурное пространство, необходимо иметь представление об основных теориях межкультурной коммуникации, объясняющих различие в поведении, образе жизни, деловых или корпоративных культурах представителей различных национальных сообществ. Анализ данных теорий позволяет выделить «индикаторы культурного разнообразия бизнес-среды» [см., напр., 3; 13; 15; 14], необходимые в поликультурной среде. Это: высококонтекстуальность / низкоконтекстуальность; монохронность / полихронность; высокая / низкая дистанция власти; индивидуализм / коллективизм; маскулинность / феминность; высокий / низкий уровень избегания неопределённости; культурная грамотность. Знание индикаторов культурного разнообразия создаёт основу для формирования социокультурной и межкультурной компетенций студентов, изучающих русский язык, для выработки способности коммуникантов к ведению диалога на основе знаний как своей культуры, так и культуры партнёра. При этом МКК является составной частью общей социокультурной компетенции. Многие учёные отмечают, что формирование МКК следует рассматривать как процесс обретения ещё одного образа мира, который не вступает в противоречие с когнитивными образами и смыслами, а напротив, расширяет личностные горизонты восприятия действительности, толерантно воспринимая другую культуру.

Модель формирования МКК языковой личности предполагает обоснование механизмов отражения культуры в языке и речи, психолингвистической специфики межкультурного общения, структуры МКК, принципов её формирования в процессе обучения иностранному языку, содержания процесса обучения и системы заданий, направленных на формирование МКК.

3. Методы, модели и парадигмы обучения русскому языку в ракурсе компетентностного подхода

В научной литературе неоднократно отмечается, что обучение МКК представляет собой комплексный образовательный процесс, при реализации которого необходимо направить все усилия на

активизацию понимания фрагментов картины мира разными этносами: а) путём включения аутентичных материалов (текстов, стихов, песен, видеоматериалов и др.) в процесс изучения языка; б) путём использования активных форм обучения (проблемных заданий, ролевых игр социокультурной направленности); в) путём привлечения студентов к различным видам внеаудиторной работы (культурно-страноведческие викторины и конкурсы, переписка с зарубежными друзьями и др.), направленным на решение конкретных задач аккультурации. Чтобы добиться аутентичной модели поведения на языковом и неязыковом уровнях, необходимы: а) использование приёма имитации (например, во время учебного просмотра видеофильмов или в процессе художественной коммуникации); б) целенаправленная организация обучения с приёмом конструирования ситуаций, стимулирующих проявление образцов, которые характерны для той или иной лингвокультуры; в) типичные интонационные модели; г) употребление речевых шаблонов и клише, выполняющих роль фреймов [11, с. 62–64]. Мы согласны с Л. В. Цуриковой в том, что «фреймы, схемы коммуникативного поведения могут быть одинаковыми в разных лингвокультурах, поскольку существуют общечеловеческие ценности, но скрипты, сценарии абсолютно различны» [11, с. 61–62].

В ЕНУ имени Л. Н. Гумилёва (Астана, Казахстан) на базе филологического факультета создана Лаборатория прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации, где проводятся специальные занятия по обучению русскому языку в виде кросс-культурных тренингов, направленные на развитие навыков межкультурной коммуникации и компетентности, толерантности, профилактики и преодоление ксенофобии и отдельных форм её проявления у студентов разных факультетов. Это создаёт предпосылки для формирования следующих навыков и умений: а) ориентироваться в феноменах иного образа жизни, сознания и системы чувств, иерархии ценностных ориентаций; б) воспринимать и понимать факты иной культуры, сравнивать их с собственным миропредставлением и культурным опытом, находить между ними различия и общность; в) вступать с ними в диалог, критически осмысливать их и тем самым обогащать собственную картину мира. В качестве непосредственных составляющих формирования МКК мы используем на занятиях по русскому языку такие методы и приёмы: 1) лингвострановедческие и культурологические комментарии к аутентичным учебным курсам; 2) методические разработки с параллельными текстами, дающими представление о казахско-русско-английских межкультурных различиях, например: а) в поведенческой сфере (манеры приветствия; невербальные средства общения; нормы поведения в повседневной жизни; национально-специфичные нравы и обычаи; деловой этикет; деловой протокол; б) в речевой сфере (основные стандарты деловой переписки; культура речи; ведение переговоров (в том числе телефонных); возможные темы бесед, темы табу; «светская беседа»; в) в сфере отношений и восприятий (межличностные отношения, восприятие времени и пространства; индивидуализм и коллективизм; отношение к работе; восприятие цвета; отношение к окружающей среде (экологическое сознание); стереотипы; восприятие социальных ролей мужчины и женщины, вопросы эмансипации.

Активно интегрируя и адаптируя в учебный процесс информационные технологии, преподаватели русского языка разрабатывают и включают в содержание занятий электронные презентации, показывают виртуальные демонстрации, иллюстрируют лекции и практические занятия наглядными материалами, содержащимися в различных электронных энциклопедиях; используют активные методы обучения (тренинги, ролевые игры, дискуссии, «круглые столы», «кейс-стади» и т. д.) и другие интерактивные технологии. Достаточно активно внедряется в учебный процесс метод проектов, который способствует актуализации имеющихся знаний, генерирует новые идеи и способствует приобретению новых креативных умений и навыков у студентов. Использование видео-уроков, способствующих созданию реальных и воображаемых ситуаций общения с использованием различных приемов работы, создает атмосферу и эффект синергетического сотрудничества преподавателя и студента. В лаборатории ЕНУ созданы образцы звучащих и письменных текстов и видеосюжетов; эти материалы содержат большое количество культурно маркированных единиц (поговорок, фразеологизмов, идиом и т. п.), поэтому все учебные задания непосредственно нацелены на формирование МКК. При обучении языку часто используется приём игрового моделирования, который реализуется в различных тренинговых упражнениях и методах: ролевые игры, воображаемые ситуации, сценарии, различные обучающие игры, — так как они вызывают физическую и эмоциональную активность обучаемых, стимулируют их воображение и импровизацию. Такой приём актуализирует у студентов умение варьировать форму своего высказывания, выбирать определённые вербальные или невербальные средства коммуникации, модель поведения согласно ситуации межкультурного общения.

Итак, ЯК, КК и МКК — это такая способность, которая позволяет языковой личности выйти за пределы собственной культуры и приобрести качества медиатора культур, не утрачивая собственной культурной идентичности. Для формирования всех названных компетенций необходимы знания таких областей культуры, в которых «конфликт культур» наиболее вероятен. Поэтому знание приёмов, методов и моделей обучения русскому языку в ракурсе компетентностного подхода позволяет прогнозировать возможные коммуникативные неудачи и даже избегать их. Кроме того, учёт развития у студентов сопоставительного мышления в аспекте ориентации в феноменах иного образа жизни, как они могут распознавать их и воспринимать, а также сравнивать их с собственной культурой; интерпретативного умения активной коммуникации с точки зрения культурных детерминант родной и иной культуры для прояснения непонимания в межкультурном общении способствует активному вовлечению обучаемых в успешную коммуникативную деятельность в социокультурном контексте Евразийства.

Литература

1. Закон Республики Казахстан «Об образовании» (с изм. и доп.) // Сборник Законов по образованию в РК. — Астана : МОН РК, 2012. — 89 с.
2. Грушевицкая Т. Г. Основы межкультурной коммуникации : учеб. для вузов / Т. Г. Грушевицкая, В. Д. Попков, А. П. Садохин. — М. : МГУ, 2003. — 219 с.
3. Карасик В. И. Языковые ключи / В. И. Карасик. — М. : Гнозис, 2009. — 289 с.
4. Кашкин В. Б. Основы теории коммуникации : краткий курс / В. Б. Кашкин. — М. : АСТ : Восток-Запад ; Минск : Харвест, 2007. — 284 с.
5. Леонтович О. А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения / О. А. Леонтович. — М. : Гнозис, 2005. — 352 с.
6. Нуртазина М. Б. Взаимосвязь языковой, коммуникативной и межкультурной компетенций: методы и модели обучения русскому языку / Maral Nurtazina // Jezyk Rosyjski jako przedmiot nauczania w szkole wyzszej. — Lublin : Wyd-wo Uniwersytetu M. Curie-Sklodowskiej, 2013. — P. 285–299.
7. Сорокин Ю. А. Этнопсихолінгвістика / Ю. А. Сорокин, И. Ю. Марковина, А. Н. Крюков [и др.]. — М. : Наука, 1988. — 192 с.
8. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие / И. А. Стернин. — Воронеж, 2001. — 211 с.
9. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. — М. : Изд-во МГУ, 2004. — 352 с.
10. Фурманова В. П. Межкультурная коммуникация: язык, культура, ментальность / В. П. Фурманова // Межкультурная коммуникация : сб. науч. тр. — Саранск : Мордов. гос. ун-т им. Н. П. Огарёва, 2005. — 236 с.
11. Цурикова Л. В. Проблема естественности дискурса в межкультурной коммуникации / Л. В. Цурикова. — Воронеж : ВГУ, 2002. — 257 с.
12. Byram M. Investigating Cultural Studies in Foreign Language Teaching / M. Byram. — Clevedon : Multilingual Matesers ltd., 1991. — 219 p.
13. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of Language / D. Crystal. — 2nd ed. — Cambridge : Cambridge University Press, 2003. — 506 p.
14. Hall E. Hidden Differences, Studies in International Communication: How to communicate with Germans / E. Hall, M. Hall. — Hamburg : Stern Magazine, 1983. — 97 p.
15. Hofstede G. Cultures and Organisations: Software of the Mind / G. Hofstede. — 3rd ed. — Maastricht : McGraw-Hill, 2010. — 576 p.

References

1. Zakon Respubliki Kazahstan «Ob obrazovanii» (s izm. i dop.) // Sbornik Zakonov po obrazovaniiu v RK. — Astana : MON RK, 2012. — 89 s.
2. Grushevitskaya T. G. Osnovy mezhkulturnoy kommunikatsii: uchebnik dlya vuzov / T. G. Grushevitskaya, V. D. Popkov, A. P. Sadokhin. — M. : MGU, 2003. — 219 s.
3. Karasik V. I. Yazykovyie klyuchi / V. I. Karasik. — M. : Gnozis, 2009. — 289 s.
4. Kashkin V. B. Osnovy teorii kommunikatsii: kratkiy kurs / V. B. Kashkin. — M. : AST : Vostok-Zapad ; Minsk : Harvest, 2007. — 284 s.
5. Leontovich O. A. Russkie i amerikantsyi: paradoksy mezhkulturnogo obscheniya / O. A. Leontovich. — M. : Gnozis, 2005. — 352 s.
6. Nurtazina M. B. Vzaimosvyaz yazykovoy, kommunikativnoy i mezhkulturnoy kompetentsiy: metody i modeli obucheniya russkomu yazyku / Maral Nurtazina // Jezyk Rosyjski jako przedmiot nauczania w szkole wyzszej. — Lublin : Wyd-wo Uniwersytetu M. Curie-Sklodowskiej, 2013. — P. 285–299.
7. Sorokin Yu. A. Etnopsiholingvistika / Yu. A. Sorokin, I. Yu. Markovina, A. N. Kryukov [i dr.]. — M. : Nauka, 1988. — 192 s.
8. Sternin I. A. Vvedenie v rechevoe vozdeystvie / I. A. Sternin. — Voronezh, 2001. — 211 s.
9. Ter-Minasova S. G. Yazyk i mezhkulturnaya kommunikatsiya / S. G. Ter-Minasova. — M. : Izd-vo MGU, 2004. — 352 s.
10. Furmanova V. P. Mezhkulturnaya kommunikatsiya: yazyk, kultura, mentalnost / V. P. Furmanova // Mezhkulturnaya kommunikatsiya : sb. nauch. tr. — Saransk : Mordov. gos. un-t im. N. P. Ogareva, 2005. — 236 s.
11. Tsurikova L. V. Problema estestvennosti diskursa v mezhkulturnoy kommunikatsii / L. V. Tsurikova. — Voronezh : VGU, 2002. — 257 s.
12. Byram M. Investigating Cultural Studies in Foreign Language Teaching / M. Byram. — Clevedon : Multilingual Matesers ltd., 1991. — 219 p.
13. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of Language / D. Crystal. — 2nd ed. — Cambridge : Cambridge University Press, 2003. — 506 p.
14. Hall E. Hidden Differences, Studies in International Communication: How to communicate with Germans / E. Hall, M. Hall. — Hamburg : Stern Magazine, 1983. — 97 p.
15. Hofstede G. Cultures and Organisations: Software of the Mind / G. Hofstede. — 3rd ed. — Maastricht : McGraw-Hill, 2010. — 576 p.

НУРТАЗИНА Марал Бекенівна,

доктор філологічних наук, професор кафедри теоретичної та прикладної лінгвістики Євразійського національного університету імені Л. М. Гумільова; Астана, Казахстан;
e-mail: maral0204@mail.ru; тел.: +7 (7172) 709500 (+32201); моб.: +7 701 9998259

МІЖКУЛЬТУРНІ КОМПЕТЕНЦІЇ ЯК НЕОБХІДНА УМОВА РОЗВИТКУ ІННОВАЦІЙНИХ ПРОЦЕСІВ У НАВЧАННІ РОСІЙСЬКІЙ МОВИ

Анотація. У статті обговорюються актуальні проблеми перегляду пріоритетів і переходу до планування результатів освіти мовою компетенцій, на методах діагностики та оцінки міжкультурної компетенції (МКК). Відзначається, що компетенцією є динамічна сукупність знань, умінь, навичок, здібностей і особистісних якостей, яку студент зобов'язаний продемонструвати після завершення частини або всієї освітньої програми. Докладно викладаються питання розвитку МКК засобами освітнього середовища, що стосуються методів діагностики та оцінки таких засобів. Це сприяє активізації процесу пізнання учнів, розвитку здатності до самостійного навчання, вмінню конкурувати з суперниками на ринку праці. Доводиться, що компетентнісний підхід надає процесу підготовки фахівця практико-орієнтований характер, позитивно впливає на розвиток інноваційних процесів у сфері професійної освіти, дозволяє розробити методи підвищення точності у системі вимірювання рівня професійної компетентності фахівця. Розглядається методологія взаємозв'язку мовної, комунікативної і міжкультурної компетенції, визначаються чинники комунікативної особистості в контексті виявлення компетентності, комунікативна поведінка як сутнісний компонент культури людини. Пропонуються нові підходи до вивчення своєрідності МКК і параметри формування МКК. Викладаються

когнітивний, соціолінгвістичний і лінгвокраїнознавчий аспекти формування МКК. Обговорюються деякі моделі та парадигми навчання російській мові в ракурсі МКК.

Ключові слова: міжкультурна компетенція, освіта, навчання російській мові, методи діагностики й оцінки, інформаційні технології.

Maral B. NURTAZINA,

Doctor of Philological Sciences, Professor of Theoretical and Applied Linguistics Department in the L. N. Gumilyov Eurasian National University; Astana, Kazakhstan;
e-mail: maral0204@mail.ru; tel.: +7 (7172) 709500 (+32201); cell ph.: +7 701 9998259

INTERCULTURAL COMPETENCE AS A REQUIRED CONDITION FOR DEVELOPMENT THE INNOVATION PROCESSES IN RUSSIAN LANGUAGE TRAINING

Summary. The paper discusses the current questions of revision priorities and transition to the planning results of the language of competencies, of the methods of diagnosis and assessment of intercultural competence (ICC). It is noted that the competence is a dynamic combination of knowledge, skills, abilities and personal qualities which students must demonstrate after completion of the educational program. The issues of ICC development by means of learning environment based on the methods of diagnosis and evaluation is stated in detail that promotes active learning process of students, flexibility and the ability to self-directed learning, and this, in turn, will help them with future employment in a competitive labor market. It is proved that the competence imparts the practice-oriented nature to the process of expert preparation, has a positive effect on the development of innovative processes in the field of vocational education, allows to devise the more accurate system for measuring the level of professional competence of the expert. The methodology of language relationship, communicative and intercultural competences and communicative personality determinants in the context of identifying competence, communicative behavior as an essential component of human culture is considered. The new approaches to the study of identity and parameters of the ICC are suggested. The cognitive, socio-linguistic, linguistics and country-specific studies for creation of ICC are outlined. Some models and paradigms of the Russian language teaching in the context of ICC are discussed.

Key words: intercultural competence, education, training, the Russian language, methods of diagnosis and evaluation, information technology.

Статтю отримано 23.02.2014 р.

УДК 811.161.1'243:37.02«20»

БЕРДИЧЕВСКИЙ Анатолий Леонидович,

доктор педагогических наук, профессор Университета прикладных наук Бургенланда;
Айзенштадт, Австрия;
e-mail: berdit@tele2.at; тел.: +43 1 6003048; моб.: +43 688-8653802

МЕТОДИКА РКИ В 21 ВЕКЕ, или КАК ЧТО-ЛИБО ИЗМЕНИТЬ, НИЧЕГО НЕ МЕНЯЯ

Аннотация. Статья посвящена проблемам современной методики РКИ. Анализируя состояние преподавания РКИ на современном этапе, автор приходит к выводу, что чисто коммуникативная методика, не удовлетворяет современным требованиям в изменившихся условиях изучения русского языка в Европе. В качестве цели обучения РКИ он предлагает выдвинуть формирование межкультурной компетенции личности, в результате чего достигается взаимопонимание в процессе межкультурного диалога.

Данная цель реализуется в процессе межкультурного образования средствами РКИ. Новые задачи ставит перед методикой РКИ преподавание русского языка как второго или третьего иностранного и детям российских соотечественников за рубежом. Основываясь на проведенном анализе, в качестве ближайших неотложных задач методики РКИ автор предлагает выделить следующие: разработка современной технологии межкультурного образования средствами русского языка как второго или третьего иностранного и специальной методики преподавания семейного русского языка как аспекта русской культуры; разработка теории современного межкультурного учебника и мультимедийных средств по русскому языку как второму или третьему иностранному и межкультурного учебника по русскому языку как семейному для детей соотечественников за рубежом; подготовка преподавателей «русского языка как семейного».

Ключевые слова: коммуникативная методика, «выездная методика», культуuroбразующая концепция обучения, межкультурная компетенция, межкультурное образование, русский язык как второй и третий иностранный, русский язык для детей российских соотечественников за рубежом.

Советская методика преподавания иностранных языков была, не боюсь этого слова, лучшей в мире. Но её можно было бы сравнить с военной наукой, которая наиболее активно развивается и двигается вперёд в экстремальных, кризисных, ситуациях — во время боевых действий армии. Так и наша методика в то время: мы должны были научиться общению на иностранном языке наших учащихся, которые никогда не будут или очень редко будут общаться с носителями языка. Нужно было придумать такую систему, с помощью которой мы могли бы мотивировать, заинтересовать и действительно научить общению на языке, в основном с учителем. «Для репродуктивного пользования языком необходимо создавать искусственные условия, поскольку у учащихся нет естественной потребности выражать свои мысли на иностранном языке», — писала в 50-е годы известный методист профессор С. К. Фоломкина. То есть нашу методику мы двигали вперёд не от хорошей жизни.

У наших же учеников такой возможности не было: надо было научить их общению на иностранном языке без выезда в страну языка. Поэтому и развивали «бывездную методику», что было намного трудней, чем готовить учеников к общению с носителями языка в стране.

Тот факт, что чисто коммуникативная методика, которая благодаря Е. И. Пассову позволила мотивировать и заинтересовать «бывездных» учащихся иностранным языком, не удовлетворяет современным требованиям, стало особенно ясно в начале 1990-х, когда начались активные контакты обучающихся друг с другом. Вот выдержки из дневников во время обмена школьниками 15-17 лет из Эссена (ФРГ) и Дубны (Россия). При этом чисто языковых проблем во время общения не возникало.

Таня:

Николь совершенно не старается, хотя я у неё в гостях. Вместо того, чтобы дать мне что-нибудь почитать, она меня только спрашивает, что я хочу: откуда же я знаю, что мне понравится? И бывает так, что сижу полчаса со стаканом, в котором уже почти пусто, а никто больше ничего не наливает. Потом целый час я сидела и смотрела, как она моет посуду. Наверное, завтра мы никуда не поедим, потому что они ждут от меня, что я им сама предложу куда-нибудь поехать, а мы ведь в России организовали для них отличную культурную программу. А когда по телевизору начались новости, в которых только и говорилось о катастрофах, вообще никто на меня внимания не обращал. И как они только это смотрят? Там только политика. Кому это интересно?

Меня удивило, что она так мало знает, хотя и ходит в гимназию. Она не знает ни одного стихотворения наизусть и очень удивилась, когда я прочитала ей стихотворения Гёте и Гейне. Она считала, что эти тексты можно только анализировать. А почему бы после анализа их не выучить наизусть?

Николь:

Таня высокомерна, избалована и ничем не интересуется. За столом почти ничего не ела из того, что мы ей предлагали. Даже стакан не допила. А потом она сидела и смотрела, как я убираю со стола и мою посуду, вместо того, чтобы помочь. На наши предложения завтра куда-нибудь пойти она вообще никак не отреагировала. Ей, кажется, абсолютно всё равно. Мне страшно вспомнить о той обязательной скучнейшей культурной программе в России. Она вообще ничем не интересуется. Когда мы смотрели новости, она даже не взглянула на экран. Зато после этого, наверное, чтобы похвастаться, она прочитала наизусть несколько стихотворений на немецком языке, а потом спросила, не прочитаю ли я своё любимое стихотворение. Как будто мне надо что-то учить наизусть! Это же всегда можно посмотреть в книге! Значительно важнее знать, где это можно найти и как проинтерпретировать. Учить наизусть — это же каменный век!

Данные недоразумения возникли не в результате языковых трудностей, а в результате различий в культурных особенностях Германии и России (различия в этикете, встреча гостей, ежедневные ритуалы, система образования и т. д.), хотя из страноведчески-ориентированных коммуникативных учебников школьники знали, как, например, пользоваться московским (берлинским) метро или гостиницей в России (Германии), как делать покупки и т. д., читали отрывки из произведений Пушкина и Гёте, знали географию и немалую историю страны языка, разыгрывали диалоги и были как бы подготовлены к общению на основе коммуникативной методики. Поэтому в 1990-х годах возникла необходимость в создании «бывездной методики», основанной на обучении взаимопониманию в процессе общения на иностранном языке с его носителями.

Такая методика основывается на том факте, что язык есть органическая часть культуры, и отдельно языка и культуры не существует (Е. И. Пассов). Следовательно, **обучать** мы должны **не языку** как таковому, а **культуре**, частью которой является язык. Можно согласиться с проф. Е. И. Пассовым в том, что «все перекосы в обучении начинаются с неверно сформулированной или понятой цели обучения» [7].

Изменились ли цели образования средствами РКИ на современном этапе?

В связи с такой культуурообразующей концепцией обучения иностранным языкам в настоящее время наблюдается отход от абсолютизации коммуникативного подхода и чисто коммуникативной компетенции в качестве цели обучения и говорится только о коммуникативной ориентации учебного процесса. Очевидно, сейчас можно говорить о «посткоммуникативном этапе» в методике преподавания иностранных языков. Речь при этом не идёт о каком-то новом методе, а скорее о новой перспективе, которая должна пронизывать весь процесс образования средствами иностранного языка. Эта перспектива состоит в расширении целей образования, состоящем в том, что его результатом должна быть не только и не столько коммуникативная, сколько **межкультурная компетенция** — умение общаться с представителями другой культуры, включающее способность к пониманию ограниченности своей собственной культуры и своего собственного языка и умение переключиться при встрече с другой культурой на другие не только языковые, но и неязыковые нормы поведения.

Формирование межкультурной компетенции осуществляется в учебном процессе через **межкультурное образование** — «индивидуальный процесс развития личности, ведущий к изменению поведения индивидуума, связанном с пониманием и принятием культурно-специфических форм поведения представителей других культур» [8, с. 40], содержанием которого являются факты культуры, как своей собственной, так и страны изучаемого языка.

Переход от чисто коммуникативного к межкультурному образованию требует изменения всей системы образования средствами иностранного языка, ибо нельзя, изменив цели системы, оставить без изменения все остальные её компоненты: содержание, методы, средства и формы образования (что и делалось, к сожалению, в течение последних десяти лет). В особой мере это относится к разработке средств — учебников русского языка нового поколения, построенных по принципу межкультурного

образования и имеющих целью формирование межкультурной компетенции. Об этом мы говорим, начиная с Братиславского Конгресса МАПРЯЛ (1999), и на всех последующих конгрессах: в С.-Петербурге (2003) и Варне (2007).

Изменилось ли с тех пор что-нибудь, прежде всего, в содержании, а значит, и в средствах образования РКИ? Если и изменилось, то очень мало или совсем ничего. Как в песне: «Так хочется сойти, но остановок нет...»: хочется вернуться обратно, но нельзя, потому что на конгрессах говорилось другое. И вернувшись после дискуссий на конгрессах и круглых столах, где мы соглашались, что цели теперь другие (а следовательно, другое содержание, методы, средства и формы образования), продолжаем работать по хорошо знакомым нам привычным учебникам, иногда построенным даже по грамматико-переводному методу (т. е. по принципам 18-го(!) века), в которых «упражнение означает **искусственное** (выделено мной. — А. Б.) пользование языком для усвоения языковых знаний» [9].

Всё-таки выпрыгиваем на ходу, хотя остановок и нет, и билет у нас до конечной станции — **межкультурное образование**.

Если же мы всё-таки согласимся с тем, что методика РКИ сделала ещё один шаг вперёд и стала **межкультурной**, то нам многое нужно изменить в системе образования средствами РКИ (и продолжать движение без остановок).

Попробуем выяснить, что конкретно.

1. Как известно, при общении носителей различных культур, которых можно назвать **межкультурными личностями** (ср. понятие «диалоговый человек» у Клода Ажежа [1] или понятие «языковая личность» у Ю. Н. Караулова [6]), каждый из них вносит в ситуацию общения свой коммуникативный (культурный стиль), своё видение и понимание окружающей действительности, включающее знание о стране собеседника (география, политическая ситуация и т. д.), а также знания о своей собственной стране, которые придадут ситуации социальный смысл и имеют решающее значение для взаимопонимания. Овладение межкультурной компетенцией, таким образом, невозможно без восприятия взгляда на себя со стороны: сенсбилизация к особенностям родной культуры является важнейшим этапом на пути к межкультурной компетенции. Поэтому можно выделить два основных этапа на пути к межкультурной компетенции:

- Осознание системы ориентации, характерной для родной культуры (self-awareness).
- Осознание значения культурных факторов в процессе коммуникативного взаимодействия (cross-cultural awareness).

Таким образом, межкультурное образование изменяет роль родного языка и родной культуры в учебном процессе: они становятся неотъемлемыми аспектами межкультурной коммуникации, оптимизирующими весь процесс изучения иностранного (русского) языка.

2. Диалог на иностранном языке представляет собой **диалог двух иностранцев** с различными культурами, и модели повседневного общения между носителями одного языка не могут быть автоматически перенесены в ситуации межкультурной коммуникации. Поэтому усвоение страноведческой информации в ситуациях повседневного общения носителей русского языка (как это делается в некоторых учебниках — монокультурный диалог Тани и Димы) не ведёт к автоматическому пониманию другой культуры (а значит, и другого языка) и успешному взаимопониманию между общающимися.

В связи с этим хотелось бы подчеркнуть опасность «страноведенизации» процесса межкультурного образования: простого расширения коммуникативной компетенции за счёт элементов страноведения, которое приведёт к вытеснению из учебного процесса индивидуального восприятия чужого. Дело в том, что **страноведение представляет типичное** в общем явлении (культуре), а **межкультурное образование выделяет индивидуальность** другого и не ограничивает его лишь функцией представителя своей культуры. В контакте с незнакомым, «чужим» выделяется именно индивидуальное, а не стереотипное представление о данном народе, данной стране и культуре. Межкультурный диалог как средство и цель образования направлен не на кажущееся объективным выяснение различающихся культурных фонов общающихся, а на **обмен личным опытом** в условиях этих культурных фонов, благодаря чему и достигается взаимопонимание.

3. Суть межкультурного образования состоит в «обучении пониманию чужого» («Fremdverstehens unterricht» — G. Helbig), направленному на преодоление ксенофобии и существующих стереотипов, в обучении взаимопониманию представителей различных культур в процессе общения. Этот тезис требует изменения концепции и смысла самой идеи образования в контексте диалога культур и диалога индивидов. В ходе межкультурного диалога происходит процесс рефлексии ориентационной системы собственной культуры (A. Thomas), «распатывание» [5] монокультурного сознания индивида, когда представитель одной культуры при контакте с представителем другой культуры пытается понять его систему восприятия, мышления, ценностей и действий, включить эту систему в своё культурное поле и действовать в соответствии с этой рефлексией. Требуется, таким образом, определённая дистанция по отношению к своей собственной культуре для успешного осуществления процесса межкультурного общения. При этом культура в процессе межкультурного образования концентрируется вокруг двух полюсов: макродиалог, т. е. непосредственно диалог культур, и микродиалог — диалог в сознании, разыгрываемый во внутренней речи обучающегося. Это сопряжение макро- и микродиалогов в их единстве и представляет суть процесса межкультурного образования.

Необходимо также учитывать **фактор контекстуализации**, согласно которому определённые коммуникативные сигналы, независимо от языка этих сигналов, активизируют у слушателя соответствующий им культурный фон, определяющий понимание ситуации и вызывают определённые действия в этой ситуации. Несовпадение культурных контекстов и ведёт к непониманию собеседника.

Можно выделить различные уровни межкультурной компетенции:

1. **Когнитивный** — **владение знаниями** об общностях и различиях в ценностях, нормах и образцах поведения в контактируемых культурах.

2. **Аффективный** — **владение умением** встать на позицию партнёра по межкультурному общению и идентифицировать возможный конфликт как обусловленный ценностями и нормами его культуры.

3. **Коммуникативно-поведенческий** — **владение умениями** осуществлять конкретные действия в межкультурной ситуации.

Данные уровни, формирование указанных умений должны найти отражение в современной технологии межкультурного образования.

Итак, систему межкультурного образования средствами РКИ на современном этапе можно представить следующим образом:

- **Цель** межкультурного образования: подготовка к контакту с другой культурой, адекватному поведению в условиях чужой культуры, т. е. формирование межкультурной компетенции личности, в результате чего достигается взаимопонимание в процессе межкультурного диалога.

- **Содержание** межкультурного образования: факты культуры страны изучаемого языка в сравнении с родной.

- **Единицы образования:** релевантные для межкультурного контакта тексты-дискурсы — «связные тексты в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами» [2, с. 136–137].

- **Средства** образования: национальные варианты межкультурных учебников и мультимедийных средств (учебных комплексов), разработанные представителями контактирующих культур.¹

4. Новые задачи ставит перед методикой РКИ и его изменившийся статус.

С начала 1990-х годов **русский язык** перестал быть обязательным для изучения в качестве первого иностранного языка в Восточной Европе, а в Западной Европе он всегда изучался **в качестве второго или третьего иностранного**.

Практически везде он сейчас изучается как второй или третий иностранный при первом, как правило, английском или немецком в Европе и испанском или французском в Америке. Однако методика РКИ этого изменившегося факта не учитывает и продолжает развиваться как методика обучения русскому языку как первому иностранному, рассматривая обучающихся как *tabula rasa* в иностранном языке. В этом плане межкультурное образование средствами русского языка как второго, а чаще — третьего иностранного должно иметь последовательную ориентацию на языковой, учебный и межкультурный опыт обучающихся и учитывать стратегии устного и письменного общения, полученные ими в процессе изучения первого (второго) иностранного языка и культуры его носителя или, если это имело место, в процессе межкультурного образования средствами первого (второго) иностранного языка. Это в значительной мере интенсифицирует и оптимизирует учебный процесс и сокращает сроки изучения языка. Следовательно, необходимо и новое поколение учебников по **русскому языку как второму или третьему иностранному**.

5. В последнее десятилетие методика РКИ столкнулась ещё с одной, совершенно новой для неё проблемой: **преподавание русского языка детям российских соотечественников за рубежом**.

Дело в том, что эти дети не являются чисто русскоязычными, так как со сверстниками, а в двуязычных семьях — и с одним из родителей, они общаются на языке страны проживания, который в этом случае преобладает в их общении. Для них русский язык фактически перестал быть родным, но в то же время и не стал иностранным.

Если в России ребёнок поступает в школу со словарным запасом в 5–7 тысяч русских слов, то за границей его словарь к этому периоду не превышает 400–500 слов. Поэтому для обучения этих детей не срабатывает методика преподавания русского языка как родного или как иностранного. Необходима специальная методика «русского как семейного».

Значит, и преподавателям русского языка как родного или русского как иностранного очень сложно преподавать «русский как семейный». Для этого нужна специальная подготовка. Не годятся для обучения таких детей и учебники для детей с родным русским языком или учебники русского языка для иностранцев, изданные в России, какими бы красочными они ни были. Необходимы национально ориентированные учебники для детей из смешанных семей, проживающих в данной конкретной стране, учитывающие особенности культуры России и страны проживания.

Суммируя всё вышеизложенное в качестве ближайших неотложных задач методики РКИ можно выделить следующие:

1. Разработка современной **технологии межкультурного образования** средствами русского языка как **второго или третьего иностранного** и специальной методики преподавания **семейного русского языка** как аспекта русской культуры.

2. Разработка **теории современного межкультурного учебника** и мультимедийных средств по русскому языку как **второму или третьему иностранному** и **межкультурного учебника по русскому языку как семейному** для детей соотечественников за рубежом.

3. Подготовка преподавателей «**русского языка как семейного**».

Литература

1. Ажеж К. Человек говорящий. Вклад лингвистики в гуманитарные науки / Клод Ажеж. — М.: Логос, 2003. — 280 с.

2. Арутюнова Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Сов. энцикл., 1990. — С. 136–137.

3. Бердичевский А. Л. Что, как и почему в межкультурном образовании? / А. Л. Бердичевский // Русский язык за рубежом. — М., 2007. — № 6. — С. 42–46.
4. Бердичевский А. Л. Почему дети российских соотечественников за рубежом не хотят учить русский язык? / А. Л. Бердичевский // Русский язык в центре Европы. — 2010. — № 13. — С. 129–131.
5. Библиер В. С. Диалог культур и школа XXI века / В. С. Библиер // Школа диалога культур. Идеи. Опыт. Проблемы. — Кемерово: АЛЕФ, 1993. — С. 9–106.
6. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — М.: УРСС, 2003. — 264 с.
7. Пассов Е. И. Терминосистема методики, или Как мы говорим и пишем / Е. И. Пассов. — СПб.: Златоуст, 2009. — 124 с.
8. Рот Ю. Межкультурная коммуникация: теория и тренинг: учеб.-метод. пособие / Ю. Рот, Г. Коптельцева. — М.: ЮНИТИ, 2006. — 223 с.
9. Фоломкина С. К. Методика рецептивного и репродуктивного овладения иностранным языком / С. К. Фоломкина // Иностранные языки в школе. — 1950. — № 3. — С. 50–61.
10. Bachmann S. Sichtwechsel Neu 1,2,3: Allgemeine Einführung / Saskia Bachmann, Sebastian Gerhold, Bernd-Dietrich Müller, Gerd Wessling. — München: Ernst Klett Verlag, 1997. — 44 S.
11. Bolten J. Interkulturelle Kompetenz / Jürgen Bolten. — Erfurt: Landeszentrale für politische Bildung Thüringen, 2007. — 124 S.
12. Byram M. Describing intercultural communication and the intercultural speaker / M. Byram // Language and Culture Awareness in Language Learning: Teaching for the Development of Learner Autonomy. — European Centre for Modern Languages, Report, Workshop. — 1997. — N 3.
13. Schneider M. Interkulturelles Lernen im Russischunterricht / M. Schneider // Fremdsprachenunterricht. — 1997. — N 3. — S. 162–165.

References

1. Azhezh K. Chelovek govorjashhij. Vklad lingvistiki v gumanitarnye nauki / Klod Azhezh. — M.: Logos, 2003. — 280 s.
2. Arutjunova N. D. Diskurs / N. D. Arutjunova // Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'. — M.: Sov. encikl., 1990. — S. 136–137.
3. Berdichevskij A. L. Chto, kak i pochemu v mezhkul'turnom obrazovanii? / A. L. Berdichevskij // Russkij jazyk za rubezhom. — M., 2007. — № 6. — S. 42–46.
4. Berdichevskij A. L. Pochemu deti rossijskikh sootchestvennikov za rubezhom ne hotjat učit' russkij jazyk? / A. L. Berdichevskij // Russkij jazyk v centre Evropy. — 2010. — № 13. — S. 129–131.
5. Bibler V. S. Dialog kul'tur i shkola XXI veka / V. S. Bibler // Shkola dialoga kul'tur. Idei. Opyt. Problemy. — Kemerovo: ALEF, 1993. — S. 9–106.
6. Karaulov Ju. N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost' / Ju. N. Karaulov. — M.: URSS, 2003. — 264 s.
7. Passov E. I. Terminosistema metodiki, ili Kak my govorim i pishem / E. I. Passov. — SPb.: Zlatoust, 2009. — 124 s.
8. Rot Ju. Mezhkul'turnaja kommunikacija: teorija i trening: ucheb.-metod. posobie / Ju. Rot, G. Koptel'ceva. — M.: JuNITI, 2006. — 223 s.
9. Folomkina S. K. Metodika receptivnogo i reproduktivnogo ovladenija inostrannym jazykom / S. K. Folomkina // Inostrannye jazyki v shkole. — 1950. — № 3. — S. 50–61.
10. Bachmann S. Sichtwechsel Neu 1,2,3: Allgemeine Einführung / Saskia Bachmann, Sebastian Gerhold, Bernd-Dietrich Müller, Gerd Wessling. — München: Ernst Klett Verlag, 1997. — 44 S.
11. Bolten J. Interkulturelle Kompetenz / Jürgen Bolten. — Erfurt: Landeszentrale für politische Bildung Thüringen, 2007. — 124 S.
12. Byram M. Describing intercultural communication and the intercultural speaker / M. Byram // Language and Culture Awareness in Language Learning: Teaching for the Development of Learner Autonomy. — European Centre for Modern Languages, Report, Workshop. — 1997. — N 3.
13. Schneider M. Interkulturelles Lernen im Russischunterricht / M. Schneider // Fremdsprachenunterricht. — 1997. — N 3. — S. 162–165.

БЕРДИЧЕВСЬКИЙ Анатолій Леонідович,

доктор педагогічних наук, професор Університету прикладних наук Бургенланду; Айзенштадт, Австрія;
e-mail: berdit@tele2.at; тел.: +43 1 6003048; моб.: +43 688 8653802

МЕТОДИКА РМІ У 21 СТОЛІТТІ, або ЯК ЩОСЬ ЗМІНИТИ, НЕ ЗМІНЮЮЧИ НІЧОГО

Анотація. Статтю присвячено проблемам сучасної методики російської мови як іноземної. Аналізуючи стан викладання РМІ на сучасному етапі, автор приходиться до висновку, що чисто комунікативна методика не задовольняє сучасним вимогам Європейської освіти. Як мету у навчанні РМІ запропоновано висунути формування міжкультурної компетенції особистості, внаслідок чого можна досягти взаєморозуміння у процесі міжкультурного діалогу. Ця мета реалізується в процесі міжкультурної освіти засобами РМІ. Нові завдання ставить перед методикою РМІ викладання російської мови як другої або третьої іноземної та викладання її дітям російських співвітчизників за кордоном. Ґрунтуючись на проведеному аналізі, найближчими невідкладними завданнями методики РМІ автор пропонує визначити такі: розробка сучасної технології міжкультурної освіти засобами російської мови як другої або третьої іноземної та спеціальної методики сімейного викладання російської мови як аспекту російської культури; розробка теорії сучасного міжкультурного підручника і мультимедійних засобів з російської мови як другої або третьої іноземної та міжкультурного підручника з російської мови як сімейної для дітей співвітчизників за кордоном; підготовка викладачів «російської мови як сімейної».

Ключові слова: комунікативна методика; «війзна методика»; культуруотворююча концепція навчання; міжкультурна компетенція; міжкультурна освіта; російська мова як друга і третя іноземна; російська мова для дітей російських співвітчизників за кордоном.

Anatoly L. BERDICHEVSKY,

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, University of Applied Sciences Burgenland; Eisenstadt, Austria;
e-mail: berdit@tele2.at; phone: +43 1 6003048; mob.: +43 688-8653802

NEW WINE IN OLD BELLOWS

Summary. The article deals with the problems of modern methods of teaching Russian as a foreign language. Analysing the state of teaching Russian as a foreign language on the modern stage the author comes to the conclusion that the pure communicative methods do not meet the modern demands of studying Russian in the changed conditions of Europe. As the aim

of teaching Russian as a foreign language he suggests cross culture competence for the achievement of mutual understanding in cross culture dialogue. This aim will be realised in cross culture teaching Russian as a foreign language. Teaching Russian as a second or third language and for the children of compatriots abroad invokes new problems with methods of teaching Russian as a foreign language. He works out new modern technology of cross cultural education by means of Russian as a second or third language, and a special method of teaching Russian as a home and family-circle language in the framework of Russian culture. The author works out a theory of a modern cross cultural manual and multimedia aids in Russian as a second or third language, and a cross cultural manual of Russian as a home and family-circle language for the children of compatriots abroad. Teacher-training of «Russian as a home and family-circle language» is suggested.

Key words: communicative methods; «departure» methods; culture teaching theory; cross culture competence; cross culture teaching; teaching Russian as a second or third language; teaching Russian for the children of compatriots abroad.

Стаття отримано 30.01.2014 р.

УДК 81'23:37.026

ПЛОТНИЦКАЯ Светлана Валерьевна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков гуманитарных факультетов Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Одесса, Украина; e-mail: S_Plotnitskaya@mail.ru; тел.: +38(048) 7613957; моб.: +38 096 5959048

ТЕОРИЯ КОММУНИКАЦИИ В СВЕТЕ ЛИНГВОДИДАКТИКИ

Аннотация. Статья посвящена проблеме формирования профессиональной языковой личности студента на занятиях по английскому языку в университете, где важно учитывать определённые решающие факторы психолингвистики. Теория Н. Хомского о глубинных и поверхностных структурах и теория В. Л. Скалкина об иноязычно-речевой коммуникативной компетенции являются основой методики обучения иностранным языкам в университете. Основная идея заключается в развитии монологической речи студентов с использованием разветвлённых синтаксических структур на базе профессиональных текстов из оригинальных источников. Коммуникативная направленность определяет роль говорящего как участника общения и обозначает конкретную цель его высказывания: информировать слушателей, оценить что-либо, сообщить, воздействовать на слушателей путём доказательства. Основой профессионально-направленного монологического высказывания является текст, ибо он является базой развития тезауруса обучаемого. Чтобы произвести научный профессионально-ориентированный монолог необходимо использовать разветвлённые синтаксические структуры, которые состоят из сложных предложений с более чем одним ядерным центром, которые могут подвергаться лексико-грамматическим трансформациям.

Ключевые слова: профессиональная языковая личность, иноязычно-речевая коммуникативная компетенция, монологическая речь, разветвлённые синтаксические структуры, ядерный центр.

Овладение иностранным языком на основе коммуникативной лингвистики рассматривается как процесс, конечной целью которого являются возможность и способность участвовать в общении, то есть порождать и воспринимать иноязычную речь в соответствии с реальной ситуацией общения и заданной прагматической целью коммуникации.

Статья посвящена формированию профессиональной языковой личности студента университета на занятиях по английскому языку, где важно учитывать определённые факторы психолингвистики. Современная наука накопила факты, в свете которых становится очевидным, что язык принадлежит к классу кодов. Изучая функционирование кибернетических устройств, учёные приходят к выводу, что речевое общение является одним из типичных кибернетических процессов, а язык, с точки зрения теории информации, можно рассматривать как одну из кодовых систем, служащих для передачи и хранения информации. Под языком, таким образом, понимается принятая в данной общности людей многоярусная система дифференцированных информационных знаков, с помощью которой осуществляется передача, приём и хранение сообщений любой содержательной сложности [8]. Человек живёт в мире своего концептуального сознания, понятийного мышления. Внутренняя картина мира накладывается на внешнюю картину, благодаря чему становится возможным понимание. Концептуализация — это когнитивный процесс, который происходит в то время, когда слушающий или читающий, выходя за рамки эксплицитно выраженной текстовой информации и учитывая соответствующий контекст, конструирует новую ментальную семантическую и трансформированную грамматическую репрезентацию информации, т.е. новые понятия концептуализируются на основе подобных концептов, уже существующих в мозгу человека. *При работе над аутентичным профессионально значимым текстом на иностранном языке имеет место процесс порождения и трансформации семантических и грамматических концептов.* Коммуникативный подход предполагает переплетение с подходом когнитивным. Общение оказывается возможным не только при наличии в картине мира говорящего фреймов, но и в переработке этих фреймов в языковые путём придания им свойства коммуницируемости. Совокупность языковых, коммуницируемых фреймов образует языковую картину мира. Конечным результатом любого общения будет разница между значениями, которых придерживаются собеседники. Понимание состоит в истолковании реципиентом полученного сообщения. Концепт, проходя входной фильтр должен стать ментальной репрезентацией и попасть в хранилище информации реципиента, а само сообщение укладываться в составленный заранее код. Основным понятием коммуникативной лингвистики

является коммуникативная компетенция, которая определяется как сумма знаний, умений и навыков говорящего и слушающего использовать иностранный язык в изменяющихся речевых ситуациях и порождать не только грамматически правильные, но и социально-приемлемые высказывания. Эффективность коммуникации как одного из видов взаимодействия заключается в установлении строгих соответствий между речевыми единицами, мыслями и речевыми высказываниями. Для эффективной коммуникации характерны точность выражения, ясность, целенаправленность, строгий подбор слов, логичная организация материала, последовательность в изложении мысли.

При переводе с одного языка на другой меняется материальная сторона, но сохраняется смысловая. Для кодовой интерпретации языка важна частотность появления языковых элементов в речи и вероятностные связи между ними. Если в языке знаки одного яруса равноправны, то в речевой практике их положение становится ранговым. Канал связи пропускает максимальное количество информации, если он согласован с кодом, т. е. если время, необходимое для передачи кодового знака, пропорционально логарифму его вероятности. Вероятностные связи между словами уменьшают время реакции на слова в контексте и облегчают выбор нужного продолжения как при порождении, так и при восприятии устного высказывания.

Переход от одной системы связи к другой имеет в своей основе один из главных механизмов мышления — анализ через синтез. Концепция анализа через синтез, выдвинутая («активной теорией») Стивенса и Халле, основана на утверждении, что для понимания высказывания необходимо построить синтаксическую модель, соответствующую той, которая используется в процессе порождения речи. Результаты исследований Миллера позволяют говорить о том, что механизм понимания в своей основе не различается с механизмом планирования высказывания при его продуцировании. Действие модели «анализ через синтез» базируется на том положении, что в процессе смыслового восприятия входной сигнал (S) претерпевает сложные преобразования и превращается в слуховой образ (A), подвергающийся предварительному анализу, результат которого позволяет выдвинуть предположение о характере образа (P). Если A и P совпадают, то идёт дальнейшая, более глубинная обработка. Общим для процессов производства и восприятия речи является наличие мысленного предвосхищения, вероятностного прогнозирования, которое формируется и осуществляется на основе мыслительного механизма «анализ через синтез». Структура вероятностного прогнозирования включает в себя этапы «опробирования» различных прогнозов, сличения их с программой и другими элементами, имеющими место в восприятии или производстве речи. Эффект порождения речевого высказывания на иностранном языке является более сложным в психолингвистическом смысле, чем вообще операции, описываемые такими понятиями, как навык или умение. Говоря о порождении речевого высказывания на иностранном языке, методисты пришли к идее так называемого вторичного умения. По мнению В. Л. Скалкина [8], более подходящим психолингвистическим термином для описания феномена владения языком вместо вторичного умения является термин *иноязычно-речевая коммуникативная компетенция*. Такая компетенция — это способность к смыслокодирующей и декодирующей деятельности и профессионально-информационной ориентировке в ситуации общения, которая опирается на весь комплекс знаний, умений и навыков и предполагает сознательный выбор и конструирование нового на основе фразового контура. Опорой являются также лексические единицы, составляющие основу данного подъязыка, автоматизм и воспроизведение готового, повторяющегося, ранее встречавшегося и хранящегося в памяти элемента профессиональной речи.

Создавая систему обучения разветвлённым синтаксическим структурам, мы исходим из первостепенной необходимости формирования у обучаемых иноязычной речевой компетенции, без которой ни вступление в коммуникацию, ни участие в ней в качестве реципиента или трансмиссора невозможно. В данном контексте под разветвлённой синтаксической структурой (РСС) будем понимать каждое предложение, состоящее из более одного предикативного центра или более одного ядерного предложения, способное в силу своей структуры подвергаться лексико-грамматической трансформации. РСС — это сложное предложение, состоящее из двух и более элементарных предложений, а также простое предложение, включающее сложные грамматические конструкции: Complex Object, Complex Subject, Absolute Participle Construction, Gerundial Complex [7].

Долговременная память — хранилище моделей предложений и слов, т. к. наиболее употребительные рекуррентные языковые элементы находятся в верхних слоях долговременной памяти, а чтобы вспомнить редко встречающиеся слова, надо затратить больше усилий и времени. Память на активную лексику и синтаксические структуры формируется в рече-двигательном анализаторе, в то время как работа слухового и зрительного анализаторов способствует формированию пассивного словаря и фразовых контуров. Наличие в долговременной памяти набора эталонов, или «следов» разветвлённых синтаксических структур является обязательным условием развёртывания информационного процесса. Говоря о механизмах порождения речевого высказывания, правомерно считать, что они составляют некоторую иерархическую систему, в которой одни функционируют синхронно, а другие в выборочной последовательности. Модель коммуникативной системы предполагает наличие, по крайней мере, двух партнёров: передающего и принимающего информацию. Возникает следующая цепь: говорящий — сообщение — каналы связи — сообщение — слушающий.

В идеале языковая компетенция может быть представлена как система правил для передачи знаний с помощью единиц языка различных уровней. Говорящий из готового материала строит правильные, но каждый раз новые по содержанию фразы и высказывания, отработанные с точки зрения их ситуативной отнесённости и коммуникативных задач. Таким образом, границы между произвольным и непроизвольным, осознанным и неосознанным, автоматизированным и творческим неста-

бильны, подвижны и меняются под влиянием целого ряда факторов, включая сам процесс развития умений и навыков. Следует иметь в виду, что процесс порождения речи совершается одновременно на нескольких уровнях, между которыми действует система кодовых переходов. На каждом ярусе действует своя система механизмов, характеризующаяся той или иной степенью автоматизации. Речевое высказывание из программы разворачивается как матрица, в которой также действует конкретная система автоматизмов. В монологической речи замысел высказывания формируется с помощью глубинных процессов межкодовых внутреннеречевых переходов, участвующих в порождении монологического высказывания. Данная концепция перекликается с концепцией Н. Хомского о глубинных и поверхностных структурах, согласно которой «языковая компетенция» предполагает совершенное владение грамматическими процессами. Глубинная структура соотносится с поверхностной структурой посредством некоторых мыслительных операций, в современной терминологии, — посредством грамматических трансформаций. Трансформационные операции, связывающие глубинную и поверхностную структуры, являются действительными мыслительными операциями при трансмиссии и рецепции. Знание языка включает способность приписывать глубинные и поверхностные структуры бесконечному множеству предложений, соотносить эти структуры соответствующим образом и приписывать семантическую и фонетическую интерпретацию парам глубинных и поверхностных структур. Глубинная структура выражает семантическое содержание предложения; поверхностная структура определяет форму предложения. Когда предложение реализуется как физический сигнал, в мышлении образуется система суждений, выражающих значение предложения; этот физический сигнал и система суждений связываются грамматическими трансформациями. Поверхностная структура прямо связана с физическим сигналом; в основе поверхностной структуры лежит глубинная структура, а также система категорий и составляющих более абстрактного характера.

Вскрытие глубинной структуры и объяснение становления поверхностной структуры осуществляется с помощью трансформационного анализа. Производя поверхностную структуру из глубинной, мы обнаруживаем и объясняем не только её грамматические, но и логико-семантические свойства. Это делает трансформацию пригодной не только для анализа предложения, но и для его порождения. Формирование фразовых стереотипов, которому способствует определённый комплекс умственных действий, есть процесс формирования навыков быстрого свернутого грамматического анализа «от формы к содержанию». В овладении монологической речью перед студентом возникают две трудности: реализация смысловой и языковой программ коммуникации.

Для того, чтобы возникло речевое побуждение, должны появиться необходимые условия: система взаимодействующих конкретных факторов объективного и субъективного плана, вовлекающих человека в языковую коммуникацию, т. е. ситуацию [8]. Таким образом, у истоков речевого побуждения стоит ситуация. Мотивация порождает коммуникативное намерение, ведущее к ориентировке в условиях задачи, выбору того или иного способа ее решения. Коммуникативная направленность определяет роль говорящего как участника общения и обозначает конкретную цель его высказывания: информировать слушателей, оценить что-либо, сообщить, воздействовать на слушателей путём доказательства. В естественных условиях устнойязычного общения наблюдается определенная последовательная зависимость лингвистических категорий от коммуникативных, которая имеет следующий вид: ситуация — индивид — тема — текст. Основой профессионально-направленного монологического высказывания, по нашему мнению, является текст, ибо текст — это база формирования у студентов фонетических, лексических, грамматических и информационно-коммуникативных навыков; текст для специальных целей — это естественный полигон разворачивания разветвлённых синтаксических структур, реальная последовательность которых существует в языке; текст является базой развития тезауруса обучаемого. Под тезаурусом понимается особое психолингвистическое устройство, включающее владение определённым лексико-грамматическим набором, соответствующими алгоритмами смыслообразования при трансмиссии и рецепции, а также определённым набором экстралингвистических концептов как знаковым отпечатком внутреннего языкового кода коммуниканта.

Известно, что процесс речи можно рассматривать как сложную последовательность взаимосвязанных действий, каждое из которых включает фазу ориентировки, поиска или выбора решения, фазу осуществления и контроля [2]. Для воспроизведения прочитанного или прослушанного сообщения необходимо понять, осмыслить, запомнить и уже затем воспроизвести извлечённую информацию, причём передать её в соответствии с нормами данного языка и стиля; удержание и передача речевого сообщения зависят от направленности внимания, объёма и характера передаваемой информации и повторного восприятия текста.

Теоретические исследования показывают, что процесс синтеза предложения на любом языке осуществляется по принципу от общего к частному, от плана предложения, его структуры, к конкретизации отдельных частей этого предложения. Основные операции этого механизма — операции выбора и составления (объединения, группировки) элементов отбора по заданному языковым нормам правилу в соответствии с замыслом [7]. Следовательно, говорение как вид деятельности основывается на сложной совокупности навыков внутреннего и внешнего оформления высказывания, которые могут формироваться только в результате многократных мотивированных необходимостью удовлетворения потребности общения речевых действий, которые, приобретая значение для говорящего, становятся его речевыми поступками.

Классическая логика вычленяет в суждении два основных элемента, называемых «терминами суждения» — **субъект** как понятие о предмете мысли, относительно которого нечто утверждается или отрицается, и **предикат** как понятие о том, что утверждается или отрицается относительно пред-

мета мысли. Эти термины выражаются в предложении языковыми элементами, которые в грамматике принято называть *членами предложения*. Существуют главные и второстепенные члены предложения, причём последние могут трансформироваться в придаточные предложения. Одним из методов структурного анализа предложения, разработанного Э. Хэррисом, является анализ по цепочкам (string analysis), который состоит в постепенном удалении из предложения факультативных для него элементов. Процедура удаления из предложения поддающихся устранению элементов производится до тех пор, пока не оказывается, что при попытке удалить хотя бы еще один элемент, предложение теряет статус предложения, т. е. перестает существовать как грамматическое предложение английского языка. В результате такого анализа в предложении вычленяется его каркас, ядро, которое состоит только из обязательных для структуры данного предложения элементов. Данная концепция о наличии в каждом предложении необходимого для него структурного ядра и примыкающих к этому ядру слева и справа адьюнктов, не являющихся необходимыми для сохранения данным предложением статуса предложения, нашла отражение в идее отраженности или факультативности придаточного предложения в составе сложноподчинённого. В зависимости от того, из каких и скольких ядерных цепочек произведено данное предложение и какие трансформационные операции применялись в процессе его деривации, в предложении реализуются определённые синтаксические связи между его элементами. Эти синтаксические связи служат для образования самого «каркаса» или «ядра предложения», той или иной его синтаксической модели, которая и существует в связи с валентностью глагола. Валентность глагола является основным фактором в создании той или иной модели предложения на основе глубинной связи. Глубинное предложение — это абстрактная категория, представленная в символах NP + VP1 (подлежащее + сказуемое), — это диалектическое единство логического и лингвистического явлений. В синтаксисе английского языка имеются коррелятивные конструкции, взаимосвязанные процессами трансформации, т. е. взаимнообратимые конструкции. (Ex.: *I saw him doing it* = *I saw that he was doing it*). В данном случае произошло сокращение придаточного предложения до атрибутивной формы. Придаточное предложение, представляющее собой полную, некомпрессированную структуру, является исходной формой для структуры с герундиальным трансформом (т. е. компрессированной структуры), т. к. придаточное предложение исторически является более древней формой по сравнению с герундием. Взаимотрансформируемыми формами можно считать те инфинитивные и герундиальные структуры, которые можно свести к их исходной форме — придаточному предложению-приложению. (Ex.: *He has even given hopes that he will make exchanges of estates.* → *He has even given hopes of (his) making exchanges of estates.* → *He has even given hopes to make exchanges of estates.*)

Принцип трансформации в применении к разветвлённым синтаксическим структурам, по нашему мнению, включает 3 основные операции, к которым можно свести все остальные: 1) опущение; 2) дополнение (объединение), 3) замена [7]. Набор трансформационных возможностей некоторых конструкций называется потенциалом; практически это та или иная часть всех преобразований, которым может подвергаться данная конструкция. Возможность структурных изменений практически неисчерпаемы. Л. С. Бархударов прав, говоря, что «возникновение теории глубинных и поверхностных синтаксических структур дало возможность за бесконечным разнообразием реально употребляемых в речи предложений увидеть строго ограниченное количество функционально значимых отношений» [1]. Иерархия синтаксических функций оказалась поставленной в зависимость от разграничения поверхностных и глубинных структур и в известной мере от соотношения формы и содержания, абстрактного и конкретного.

Методическим выводом проведённого исследования является следующее:

1) при работе над РСС нужно учитывать тот факт, что обучаемые, не являясь носителями английского языка, будут исходить из своего языкового опыта и мысленно представлять разветвлённую синтаксическую структуру средствами родного языка: трансформировать, например, герундиальный или независимый причастный обороты, а также сложное дополнение и сложное подлежащее с инфинитивом в соответствующие придаточные предложения различных типов на родном языке;

2) механизмы формирования РСС носят планомерный характер с постепенным нарастанием трудностей, что возможно при чёткой организации упражнений в обучении продуцированию монологического высказывания на базе профессиональных текстов из оригинальных источников.

Литература

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л. С. Бархударов. — М.: Междунар. отношения, 1975. — 240 с.
2. Выготский Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский // Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления / [ред.: Ю. Б. Гиппенкрейтер, В. В. Петухов]. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. — С. 153–175.
3. Жинкин Н. И. Речь как проводник информации / Н. И. Жинкин. — М.: Наука, 1982. — 159 с.
4. Леонтьев А. А. Пеихолингвистика / А. А. Леонтьев. — Л.: Наука, 1979. — 116 с.
5. Лотман Ю. М. Избранные статьи. В 3 т. Т. 1 / Ю. М. Лотман. — Таллин, 1992.
6. Рабинович З. Л. О нейрофизиологических механизмах мышления / З. Л. Рабинович, Г. С. Воронков // Тезисы докладов X международной конференции, посвященной памяти А. Б. Когана. — Ростов н/Д, 1992. — С. 190–192.
7. Радомская С. В. Методика обучения монологизированию с использованием разветвлённых синтаксических структур / С. В. Радомская. — О., 1996. — 201 с.
8. Скалкин В. Л. Обучение монологическому высказыванию (на материале английского языка) / В. Л. Скалкин. — К.: Рад. шк., 1983. — 119 с.
9. Хомский Н. Язык и мышление / Н. Хомский. — М.: Изд-во МГУ, 1972. — 122 с.
10. Chomsky N. Rules and Representations / N. Chomsky. — Columbia Univ. Press, 1980.
11. Chomsky N. The Sound Pattern of English / N. Chomsky, M. Halle. — NY, 1968.

References

1. *Barhudarov L. S.* Jazyk i perevod (Voprosy obshhej i chastnoj teorii perevoda) / L. S. Barhudarov. — M.: Mezhdunar. otnoshenija, 1975. — 240 s.
2. *Vygotskij L. S.* Myshlenie i rech' / L. S. Vygotskij // Hrestomatija po obshhej psihologii. Psihologija myshlenija / [red.: Ju. B. Gippekrejter, V. V. Petuhov]. — M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1981. — S. 153–175.
3. *Zhinkin N. I.* Rech' kak provodnik informacii / N. I. Zhinkin. — M.: Nauka, 1982. — 159 s.
4. *Leont'ev A. A.* Psiholingvistika / A. A. Leont'ev. — L.: Nauka, 1979. — 116 s.
5. *Lotman Ju. M.* Izbrannye stat'i. V 3 t. T. 1 / Ju. M. Lotman. — Tallinn, 1992.
6. *Rabinovich Z. L.* O nejrofiziologicheskikh mehanizmah myshlenija / Z. L. Rabinovich, G. S. Voronkov // Tezisy dokladov X mezhdunarodnoj konferencii, posvyashhennoj pamjati A. B. Kogana. — Rostov n/D, 1992. — S. 190–192.
7. *Radomskaja S. V.* Metodika obuchenija monologizirovaniju s ispol'zovaniem razvetvlyonnyh sintaksicheskikh struktur / S. V. Radomskaja. — O., 1996. — 201 s.
8. *Skalkin V. L.* Obuchenie monologicheskomu vyskazyvaniju (na materiale anglijskogo jazyka) / V. L. Skalkin. — K.: Rad. shk., 1983. — 119 s.
9. *Homskij N.* Jazyk i myshlenie / N. Homskij. — M.: Izd-vo MGU, 1972. — 122 s.
10. *Chomsky N.* Rules and Representations / N. Chomsky. — Columbia Univ. Press, 1980.
11. *Chomsky N.* The Sound Pattern of English / N. Chomsky, M. Halle. — NY, 1968.

ПЛОТНИЦЬКА Світлана Валеріївна,

кандидат педагогічних наук, доцент кафедри іноземних мов Одеського національного університету імені І. І. Мечникова;
Одеса, Україна;
e-mail: S_Plotnitskaya@mail.ru; тел.: +38(048) 7613957; моб.: +38 096 5959048

ТЕОРІЯ КОМУНІКАЦІЇ У СВІТЛІ ЛІНГВОДИДАКТИЦІ

Анотація. При формуванні професійної мовної особистості студента на заняттях з англійської мови в університеті важливо враховувати певні вирішальні чинники психолінгвістики. Теорія Н. Хомського про глибинні і поверхневі структури і теорія В. Л. Скалкина про іншомовну комунікативну компетенцію є основою для методики навчання іноземним мовам в університеті. Основна ідея полягає в розвитку монологічного мовлення студентів з використанням розгалужених синтаксичних структур на базі професійних текстів з оригінальних джерел. Комунікативна спрямованість визначає роль того, хто говорить, як учасника спілкування і означає конкретну мету його висловлювання: інформувати слухачів, оцінити що-небудь, повідомити, впливати на слухачів шляхом доведення. Основою професійно-спрямованого монологічного висловлювання є текст, бо він є базою розвитку тезауруса студента. Щоб зробити науковий професійно-орієнтований монолог необхідно використати розгалужені синтаксичні структури, що утворюються із складних пропозицій з більш ніж одним ядерним центром і можуть піддаватися лексико-граматичним трансформаціям.

Ключові слова: професійна мовна особистість, іншомовна комунікативна компетенція, монологічне мовлення, розгалужені синтаксичні структури, ядерний центр.

Svetlana V. PLOTNITSKAYA,

PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Foreign Language Department of Odessa I. I. Mechnikov National University; Odessa, Ukraine;
e-mail: S_Plotnitskaya@mail.ru; tel.: +38(048) 7613957; mob.: +38 096 5959048

THE THEORY OF COMMUNICATION IN THE LIGHT OF LINGUAL DIDACTICS

Summary. While forming the professional linguistic personality of a student it is very important to take into account some deciding factors of psycholinguistics. The theory of N. Chomsky about the deep and external structures and V. L. Skalkin's theory about the foreign speech communicative competence are the bases of the teaching method of the foreign languages at the university. The main idea is the development of the monological speech of the students with the help of multilevel syntax constructions on the basis of professional texts from the original sources. A communicative orientation determines the role of the speaker as a participant of communication and designates the certain aim of his expression: to inform listeners, to estimate anything, to report, to affect listeners by proof. The basis of the professionally-oriented monologue is the text, because it is the basis of thesaurus development of the student. To produce a scientific professionally-oriented monologue one has to use multicomponent syntax structures consisted of complex sentences with more than one kernel centre which can be subjected to lexico-grammatical transformations.

Key words: professional linguistic personality, foreign speech communicative competence, monological speech, multicomponent syntax structures, kernel centre.

Статтю отримано 18.05.2014 р.

УДК 811.161.1:372.46:371.334

ВНЕНК Эва,Магистр Русской филологии Жешувского университета; Жешув, Польша;
e-mail: ewa_wnek@wp.pl; тел.: +48 791355827

ИНТЕРАКТИВНЫЕ МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Аннотация. Целью статьи является представление интерактивных методов обучения на уроках русского языка и литературы: мозгового штурма, проекта, проведения дебатов, презентаций. Они ориентированы на широкое взаимодействие учеников не только с учителем, но и друг с другом. Являясь равноправными субъектами обучающего процесса, они учатся критически мыслить, взвешивать альтернативные мнения, принимать продуманные решения, а также участвовать в дискуссиях. Задачей исследования является также использование на уроках мультимедийных средств, например обучающих программ, игр, презентаций, интернет-технологий, которые вызывают интерес у учащихся и способствуют развитию коммуникативных умений.

Ключевые слова: интерактивные методы, мозговой штурм, проект, проведение дебатов, мультимедиа, технология.

В настоящее время происходит совершенствование методических технологий, поиск и внедрение новых форм и методов изучения языка и литературы в школе. Эти формы и методы непосредственно связаны с процессами взаимодействия между учителем и учениками, в результате чего происходит передача и усвоение знаний, умений и навыков, предусмотренных содержанием обучения. В связи с этим существует несколько подходов к определению методов обучения, которые основаны на степени осознанности восприятия учебного материала: пассивные, активные, интерактивные, эвристические и прочие. **Целью** этой статьи является представление и характеристика интерактивного метода, поскольку он всё более популярен, особенно с использованием мультимедийных средств и Интернета, что привлекает внимание учеников и способствует эффективному обучению.

Суть интерактивного метода («inter» — взаимный, «act» — действовать) состоит во взаимодействии, сосуществовании в режиме беседы, диалога с кем-либо. Важное отличие интерактивного метода от активных методов в том, что он ориентирован на более широкое взаимодействие учеников не только с учителем, но и друг с другом, а также на доминирование активности учащихся в процессе обучения. Место учителя в интерактивных уроках сводится к направлению деятельности учащихся на достижение целей урока. Учитель также разрабатывает план урока — интерактивные упражнения и задания, — которые выполняются учениками и отличаются от обычных тем; а выполняя их, ученики не только закрепляют уже изученный материал, но и изучают новый.

«Интерактивное обучение» — это способ познания, осуществляемый в формах совместной деятельности преподавателя и обучающихся: все взаимодействуют друг с другом, обмениваются информацией, совместно решают проблемы, моделируют ситуации, оценивают действия соучеников и своё собственное поведение. Учащиеся выступают здесь как субъекты учения, автономный элемент обучающей системы. Для интерактивного процесса характерна высокая интенсивность коммуникации, организация и развитие диалогического общения, ведущего к взаимопониманию и взаимодействию. Благодаря диалоговому общению учащиеся учатся критически мыслить, решают сложные проблемы на основе анализа обстоятельств и информации, взвешивают альтернативные мнения, а также участвуют в дискуссиях, при этом общаясь с другими людьми [2, с. 234–235]. Такая активность учеников является существенной, полезной и целевой установкой, которая осуществляется с максимальной мотивацией учащихся и при минимальном управлении со стороны учителя [11, с. 328]. Это процесс *стремления узнать новое, участвовать в общении на изучаемом языке, проявить свои знания и способности* [1, с. 15].

В связи с этим в интерактивных методах важны такие элементы, как:

- формирование заложенных компетенций;
- вклад всех учащихся, которые являются активными субъектами приобретения знаний, навыков и умений благодаря собственной работе и общению с другими людьми;
- использование процессов групповой динамики;
- раскрытие творческих возможностей ученика;
- использование средств вербальной и невербальной коммуникации (мимика, жесты, манера держаться, способ говорить);
- диалогическое взаимодействие в системах «преподаватель — обучающийся» и «обучающийся — обучающийся»;
- работа в малых группах на основе сотрудничества;
- активно-ролевая (игровая) и тренинговая организация обучения;
- самооценка участниками педагогического процесса своей деятельности и взаимодействия [11, с. 328–329].

Важную роль играет также право учеников высказать своё мнение (не только позитивное, но и негативное) о том, что им кажется полезным, а что хотели бы изменить в работе над языком. Учащиеся, работая в коллективе, учатся взаимодействовать, получать и оказывать помощь, делить

ответственность за работу, которая оценивается ими самими и группой. Учитель выполняет роль советника, которая требует усилий на подготовительном этапе, но в фазе реализации даёт возможность наблюдать за учениками и стать их партнером [11, с. 329].

Учебный процесс, опирающийся на использование интерактивных методов обучения, организуется с учётом включённости в процесс познания всех обучающихся группы без исключения. Совместная деятельность означает, что каждый вносит свой особый индивидуальный вклад, и в ходе работы идёт обмен знаниями, идеями, способами деятельности. Организуется индивидуальная, парная и групповая работа, используется проектная работа, ролевые игры, осуществляется работа с документами и различными источниками информации. Интерактивные методы основаны на принципах взаимодействия, активности обучаемых, опоре на групповой опыт, обязательной обратной связи.

Интерактивные методы обеспечивают:

1. Высокую мотивацию.
2. Прочность знаний.
3. Творчество и фантазию.
4. Коммуникабельность.
5. Активную жизненную позицию.
6. Командный дух.
7. Ценность индивидуальности,
8. Свободу самовыражения.
9. Акцент на деятельность,
10. Взаимоуважение.
11. Демократизм.

Интерактивные формы и методы обучения позволяют значительно быстрее раскрыть творческий потенциал учащихся. На уроках литературы основная цель заключается в формировании культуры читательского восприятия через развитие творческих способностей школьников. Решаются следующие задачи обучения:

1. Развитие эмоциональной чуткости к слову, интонации, стилю речи.
2. Развитие потребности выражения чувства, представления, мысли в слове.
3. Освоение программных произведений.
4. Развитие умения анализа и интерпретации художественного текста.
5. Освоение литературно-теоретических понятий.

Одним из используемых в работе методов интерактивного обучения является **метод проектов**. Разработка проектного метода осуществляется на основе культурологического подхода преподавания литературы. *Дидактический проект* — это образовательная стратегия, в которой ученикам даётся возможность выбора темы, а от них требуются организаторские способности, инициатива, умение называть проблему и подготовить план реализации задания [8, с. 7]. При реализации дидактического проекта учащиеся приобретают разные умения: планирование работы, самостоятельное нахождение и отбор информации, решение проблем, умение работать в группе и оценивать результаты своей работы и работы соучеников. Кроме того, этот метод активизирует учеников, они выполняют практические задания, действуют в реальных ситуациях, что способствует более эффективному усвоению материала. Результатами проекта могут быть представлены в виде статьи, интервью, альбомов или рисунков: исторической школы, семьи или знаменитые люди из нашего района, кроме того выставки, походы в театр, а также составление каталога учебных материалов [10, с. 322]. Дидактический проект состоит из следующих этапов:

1. Выбор темы.
2. Определение целей.
3. Постановка исследовательских вопросов.
4. Распределение заданий между членами группы.
5. Выбор формы презентации результатов задания.
6. Назначение сроков выполнения этапов задания.
7. Выбор способа и критериев оценки задания [10, с. 323–324].

Примерами заданий-проектов, которые могут быть реализованы в школе или в вузе, являются: показ традиций, праздников, национальной кухни, конкурс песни, постановка пьесы, ознакомление с телеканалами страны изучаемого языка, составление тематических словарей и другие [10, с. 325].

Одной из основных задач обучения является развитие у учеников речевой деятельности, способности к диалогу, пониманию другого человека, поэтому для решения этих вопросов актуально использование иного очень популярного метода — **дискуссии**. По мнению Е. С. Полата, умение вести дискуссию и участвовать в ней является одним из базовых умений студента. Дискуссия способствует формированию у студентов умений рассматривать вопрос на занятиях по лингвориторическим дисциплинам неоднозначно, многосторонне [4, с. 314–315]. Проведение дискуссии состоит из нескольких этапов: подготовительного; познавательного, который включает самостоятельную работу, анализ материала; проведения дискуссии; рефлексивного [4, с. 315].

В процесс обсуждения включаются все учащиеся, даже те, которые при традиционной форме ведения урока уклоняются от ответов, от обсуждения того или иного вопроса. Очень важно научить учащихся грамотно аргументировать свою точку зрения. Для речевого оформления высказывания можно предложить ряд готовых речевых моделей. Во время дискуссии хорошо видно, умеют ли учащиеся планировать свою деятельность, идти на компромиссы, слушать друг друга, аргументированно

доказывать свою точку зрения, владеть собой. Чтобы участники дискуссии все это осознали, очень важен момент рефлексии, когда каждый из учеников осмысливает своё поведение и степень своего участия в дискуссии. Метод группового обсуждения способствует выработке собственной точки зрения, развитию инициативы, становлению соответствующих коммуникативных умений и навыков.

Следующим методом, который требует участия всех учащихся, является *мозговой штурм* — оперативный метод решения проблемы на основе стимулирования творческой активности, при котором участникам обсуждения предлагают высказывать как можно большее количество вариантов решения, в том числе самых фантастических. При его организации необходимо ознакомить учеников с основными правилами проведения мозгового штурма:

- называя идеи, нельзя повторяться;
- чем больше список идей, тем лучше;
- надо разрабатывать проблему, подходя к ней с разных сторон, расширять и углублять различные подходы;
- идеи не оцениваются и не критикуются.

Зная правила, ученики свободно высказывают свои идеи, формулируют свою мысль. Все предложенные идеи записываются на доске, а после обсуждения определяются самые важные. Успех мозгового штурма зависит от психологической атмосферы и активности обсуждения, поэтому очень важна роль ведущего. Именно он может «вывести из тупика» и вдохнуть свежие силы в процесс.

Для развития навыков устной и письменной речи необходимы задания с использованием *метода ситуаций*, основанных на естественных условиях. Ситуация — это совокупность обстоятельств и отношений, создающих то или иное положение. Особенностью ситуации является способность речи отражать ситуацию подбором лексики, выбором интонации и структуры. Ситуативно-направленные упражнения должны быть сформулированы так, чтобы вызывать у учеников определённую речевую реакцию и интерес, а также учитывать их жизненный опыт и быть полезными в будущей жизни. Самое важное в процессе коммуникации, чтобы у говорящего была определённая речевая задача и чтобы он воздействовал на собеседника. Заданием по ситуации, которое появляется на уроках очень часто, является ведение диалога, когда все учащиеся вовлечены в процесс обучения, но есть и другие упражнения: монологическая речь, речевая реакция в письменной форме и т. д. Выполняя упражнения такого типа, ученики оказываются в новой ситуации, перед новой проблемой и испытывают затруднения, разрешая проблему. Целью метода ситуаций является умение ориентироваться в новой ситуации и развитие коммуникативности, а также развитие языковых умений [5, с. 210–211].

В жизни молодёжи важную роль играет образ, движение, что обусловлено влиянием ТВ и компьютера, поэтому использование экспонирующих методов, как выставка, фильм, показ, а кроме того Интернет-ресурсов привлекает внимание учащихся. В настоящее время Интернет является орудием, способствующим эффективному обучению, обогащающим дидактический процесс, а поэтому ускоряющим усвоение знаний [6, с. 212]. Использование компьютера и Интернета повышает мотивацию и познавательную активность учащихся, расширяет их кругозор и позволяет применить обучение во взаимодействии. Помогает также учащимся преодолеть психологический барьер на пути использования иностранного языка как средства общения.

Использование мультимедийных ресурсов имеет много преимуществ, это прежде всего:

- актуализация программы обучения и материалов, обогащение содержания программы и её обновление;
- презентация новейшей лексики, которая обычно уже не появляется в учебниках, что связано с бурным развитием техники и других областей жизни;
- ознакомление учеников с лексикой в её стилистическом разнообразии (разговорная речь, публицистический стиль);
- расширение страноведческих знаний, состоящих из фактов из области культуры, элементов быта, знакомства с общественной и политической ситуацией страны, с известными людьми, с традициями и нормами;
- мотивация к изучению языка, целесообразность дидактического процесса;
- развитие самостоятельной работы учащихся с Интернет-ресурсами;
- возможность замены учебника подлинными материалами [9].

Большим учебно-воспитательным потенциалом обладают видеоклипы, создание гипертекста, мультимедиа-презентации, электронные обучающие программы и учебные Интернет-ресурсы.

Видеоклипом может служить, например, телепередача, лучше всего информационная, разделённая на короткие части объёмом в 2–4 минуты (так языковой материал легче усваивается). Клипы могут быть использованы как языковой материал и как документ, позволяющий перейти к обсуждению какого-либо вопроса. Кроме того, клипы стимулируют процесс устной речи, влияют на эмоции и переживания учеников, предоставляют социокультурные знания о стране и людях. Важнейшими преимуществами обладает контакт с живым, актуальным языком, обучение пониманию со слуха иноязычной речи, а также неразрывность образа и звука [12, с. 186–187]. Кроме того, видеосюжеты динамичны, полно отражают коммуникативную действительность, процесс общения с использованием вербальных и невербальных средств, приближая их к реальной жизни. Работа с использованием видеоклипа состоит из нескольких этапов:

1. Побуждение интереса к теме, объяснение лексики, которая нужна при осмыслении ситуации, а также выполнение заданий, направленных на то, чтобы ученик представил себе ситуацию в видеоклипе и задумался о том, как бы он сам повёл себя.

2. Восприятие информации с опорой на зрительно-слуховые образы. На этом этапе предлагаются тексты диалогов с пропусками, чтобы ученики дополняли реплики действующих лиц. Такие упражнения направлены на проверку понимания основного содержания ситуации, а также на максимальное активизирование внимания.

3. Выражение критического отношения к содержанию ситуации путём выполнения заданий после просмотра видеоклипа. К ним принадлежат: проверка прогнозов, связанных с пониманием слов и фраз, проверка дополнений реплик, запоминание диалогов посредством перифразировки, анализ ситуации [3, с. 75–77].

Хорошей формой организации занятий является также *создание гипертекста*: «метода построения текста и мультимедийной информации в виде сети взаимосвязанных текстовых, графических и звуковых файлов. В настоящее время гипертекст как принцип интерактивной обучающей среды получил наибольшее распространение при создании компьютерных учебных курсов по языку» [1, с. 57–58]. При использовании гипертекстовой технологии ученик сам определяет подход к изучению и созданию материала на базе своих способностей, знаний, уровня подготовки [12, с. 185].

Среди учителей широко применяются также мультимедийные презентации (ММП). Обладая элементарной компьютерной грамотностью, можно создавать оригинальные учебные материалы, которые увлекают, мотивируют и нацеливают учащихся на успешные результаты. Образовательный потенциал ММП может эффективно использоваться на уроках для осуществления наглядной поддержки обучения речи и применения различных видов языковых и речевых упражнений. Преимуществами ММП являются сочетание разнообразной текстовой аудио- и видеонаглядности, активизация внимания всего класса, эффективность восприятия и запоминания нового материала, возможность использования для презентации интерактивной, мультимедийной доски, которая позволяет более наглядно семантизировать новый лексический, грамматический и даже фонетический материал. Важно, чтобы учащиеся самостоятельно подготовили презентацию, чтобы развивать креативные способности. Кроме того, предоставление другим студентам полученных знаний способствует их закреплению [7, с. 89].

Интересной формой использования на занятиях Интернет-ресурсов являются также виртуальные экскурсии, например, посещение городов, музеев, театров, достопримечательностей, что не только позволяет сэкономить время, но и формирует краеведческую и культуроведческую компетенции, не выходя из аудитории [6, с. 219].

Само интерактивное занятие представляет собой форму обучения, основанную на интенсивном межличностном общении и взаимодействии всех субъектов, включённых в учебно-познавательный процесс. Внедрение технологии интерактивного обучения в образовательный процесс необходимо не только в связи с тем, что она приводит к «более высокому уровню результативности и продуктивности учебного процесса; формированию более дружественной, доброжелательной обстановки в классе; повышению самооценки и коммуникативной компетентности школьников», но и в связи с запросами общества: для развития обществу нужны современно образованные, нравственные, предприимчивые люди, которые могут самостоятельно принимать ответственные решения в ситуации выбора, прогнозируя их возможные последствия, способные к сотрудничеству.

Литература

1. Азимов Э. Г. Словарь методических терминов / Э. Г. Азимов, А. Н. Шукин. — СПб., 1999.
2. Жумабаева А. Е. Креативное развитие учащихся средствами родного языка / А. Е. Жумабаева // Современные проблемы глоттодидактики. — Rzeszów : Wyd. Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2009.
3. Игнатъева Л. Видеопособие как средство развития межкультурной компетенции в курсе РКИ / Л. Игнатъева // Там же.
4. Митина С. Н. Технология проведения дискуссии как особого рода диалогической речевой деятельности / С. Н. Митина // Там же.
5. Шевелёва Н. Использование нетрадиционных речевых форм ситуаций в обучении родному языку в учебных комплексах I–IV классов / Н. Шевелёва // Русистика и современность. Глоттодидактика 3. — Rzeszów : Wyd. Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2003.
6. Dziedzic M. Использование Интернет-ресурсов в обучении иностранному языку на примере русского / M. Dziedzic // Современные проблемы глоттодидактики. — Rzeszów : Wyd. Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2009.
7. Kossakowska-Maras M. Использование глоттодидактических материалов в формировании социокультурной компетенции студентов / M. Kossakowska-Maras // Там же.
8. Mentrak A. Zarządzanie projektami edukacyjnymi / A. Mentrak. — Warszawa, 1999.
9. Pado A. И стар, и млад, WEB-сайтам рад. Использование Интернет- и TV-ресурсов на разных уровнях изучения языка / A. Pado // Русистика и современность. Глоттодидактика 4. — Rzeszów : Wyd. Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2006.
10. Pado A. Обучение иностранным языкам по методу проекта / A. Pado // Современные проблемы глоттодидактики. — Rzeszów : Wyd. Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2009.
11. Paliński A. Об эффективном обучении и активизирующих методах обучения иностранному языку / A. Paliński // Современные проблемы глоттодидактики. — Rzeszów : Wyd. Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2009.
12. Wojciechowska W. Активные формы обучения на практических занятиях для филологов-русистов изучающих русский язык как иностранный / W. Wojciechowska // Там же.

References

1. Azimov A. G. Slovar' metodicheskix terminov / A. G. Azimov, A. N. Shchukin. — SPb., 1999.
2. Zhumabaeva A. E. Kreativnoe razvitie uchashixsya sredstvami rodnogo yazyka / A. E. Zhumabaeva // Sovremennye problemy glottodidaktiki. — Rzeszów : Wyd. Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2009.
3. Ignat'eva L. Videoposobie kak sredstvo razvitiya mezhkul'turnoj kompetencii v kurse RKI / L. Ignat'eva // Tam zhe.
4. Mitina S. N. Texnologiya provedeniya diskussii kak osobogo roda dialogicheskoy rechevoj deyatel'nosti / S. N. Mitina // Tam zhe.

5. *Sheveleva N.* Ispol'zovanie netradicionnykh rechevykh form situacij v obuchenii rodnomu yazyku v uchebnykh kompleksah I-IV klassov / N. Sheveleva // *Rusistika i sovremennost'. Glottodidaktika 3.* — Rzeszów : Wyd. Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2003.
6. *Dziedzic M.* Ispol'zovanie Internet-resursov v obuchenii inostrannomu yazyku na primere russkogo / M. Dziedzic // *Sovremennye problemy glottodidaktiki.* — Rzeszów : Wyd. Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2009.
7. *Kossakowska-Maras M.* Ispol'zovanie glottodidakticheskix materialov v formirovanii sociokul'turnoj kompetencii studentov / M. Kossakowska-Maras // *Tam zhe.*
8. *Mentrak A.* Zarządzanie projektami edukacyjnymi / A. Mentrak. — Warszawa, 1999.
9. *Pado A.* I star, i mlad, WEB-sajtam rad. Ispol'zovanie Internet- i TV-resursov na raznyx urovnjax izucheniya yazyka / A. Pado // *Rusistika i sovremennost'. Glottodidaktika 4.* — Rzeszów : Wyd. Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2006.
10. *Pado A.* Obuchenie inostrannym yazykam po metodu proekta // A. Pado // *Sovremennye problemy glottodidaktiki.* — Rzeszów : Wyd. Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2009.
11. *Palin'ski A.* Ob effektivnom obuchenii i aktiviziruyushchih metodax obucheniya inostrannomu yazyku / A. Palin'ski // *Tam zhe.*
12. *Wojciechowska W.* Aktivnye formy obucheniya na prakticheskikh zanyatiyah dlya filologov-rusistov izuchayushchix russkij yazyk kak inostrannyj / W. Wojciechowska // *Tam zhe.*

ВНЕК Ева,

Magistr Rosijskoj filologii Zhesuv'skogo univ'ersiteta; Zhesuv, Pольшa;
e-mail: ewa_wnek@wp.pl; тел.: +48 791355827

ІНТЕРАКТИВНІ МЕТОДИ НАВЧАННЯ НА УРОКАХ РОСІЙСЬКОЇ МОВИ ТА ЛІТЕРАТУРИ

Анотація. Метою статті є подання інтерактивних методів навчання на уроках російської мови та літератури: мозкового штурму, проекту, проведення дебатів, презентацій. Вони орієнтовані на широку взаємодію учнів не лише з учителем, але й один з одним. Будучи рівноправними суб'єктами процесу навчання, учні навчаються критично мислити, зважати на альтернативні думки, приймати продумані рішення, а також брати участь у дискусіях. Завданням даного дослідження є також використання на уроках мультимедійних засобів, наприклад, навчальних програм, ігор, презентацій, інтернет-технологій, які викликають зацікавлення в учнів і сприяють розвитку комунікативних умінь.

Ключові слова: інтерактивні методи, мозковий штурм, проект, проведення дебатів, мультимедіа, технологія.

WNEK Ewa,

Master of Russian philology of Rzeszyw University; Rzeszyw, Poland;
e-mail: ewa_wnek@wp.pl; phone: +48 791355827

INTERACTIVE METHODS FOR THE TEACHING RUSSIAN LANGUAGE AND LITERATURE

Summary. This article is dedicated to the interactive methods in teaching the Russian language and literature, including brainstorming, project, debates, presentation. They are orientated towards wide cooperation between all of students and a teacher. Being subject in teaching process, students are learning to think critically, to consider alternative views, to make a decision, to take part in discussions. Attention is also paid to the role of using the multimedia, for example educational programmes, games, PowerPoint presentations, Internet, which interest, catch students' attention and develop communication skills.

Key words: interactive methods, brainstorming, project, discussions, multimedia, technology.

Статтю отримано 20.05.2014 р.

УДК 378.147:811.161.1

ВОРОНИНА Наталия Анатольевна,

аспирант кафедры педагогики Благовещенского государственного педагогического университета;
Благовещенск, Россия;
e-mail: natalia.voronina.1983@mail.ru; моб.: +7-89098100614; +7-89146081358

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФОРМ И ПРИЁМОВ ИГРОВОГО ОБУЧЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗА

Аннотация. Развитие коммуникативной ответственности обучающегося рассматривается как приоритетное условие становления выпускника вуза в современном информационно-коммуникативном обществе. Глобализация, высокий уровень информатизации, виртуализация действительности — основные характеристики сегодняшнего общества — оказывают влияние на формирование личностных и профессиональных качеств, свойств, способностей человека. Будущие специалисты всё чаще испытывают трудности в целостном восприятии мира, анализе большого объема информации, в критическом отношении к фактам и событиям. Трудности возникают не только в виртуальной, но и в реальной коммуникации. Это способствует развитию коммуникативной безответственности. Следовательно, особое внимание требуют проблемы организации образовательного процесса в вузе в соответствии с потребностями и вызовами информационно-коммуникативного общества.

В статье раскрывается возможность использования форм и приёмов игрового обучения в развитии коммуникативной ответственности студентов в процессе их профессиональной подготовки. Особое внимание уделяется текстовым и матричным играм, приводятся ситуации их использования на занятиях в вузе. Рассматриваются и отдельные приёмы игрового и ролевого обучения.

Ключевые слова: коммуникативная ответственность, игра, текстовая игра, матричная игра.

Коммуникативная ответственность в условиях современного информационно-коммуникативного общества является необходимым атрибутом межличностного, межгруппового, межкультурного, межнационального и международного общения.

Взаимодействие, построенное на принципах коммуникативной ответственности, предполагает готовность понимать и принимать партнёра коммуникации как значимого Другого, строить с ним диалог, определяя выбор вербальных и невербальных средств общения в зависимости от контекста ситуации, осознавать меру своей ответственности за успешность процесса коммуникации, выступать активным субъектом в системе всех взаимоотношений личности с окружающей её действительностью.

В данной статье рассмотрены некоторые формы и приёмы игрового обучения, использование которых направлено на развитие у студентов высших учебных заведений коммуникативной ответственности. Под коммуникативной ответственностью мы понимаем способность личности совершать в процессе коммуникации собственный выбор вербальных и невербальных способов порождения, соотнесения и согласования смыслов и действий в соответствии с принятыми в обществе или сообществе социальными, нравственными и правовыми нормами.

Современное информационно-коммуникативное общество характеризуется такими явлениями, как глобализация, высокий уровень информатизации и виртуализации действительности, которые оказывают влияние на становление личностных и профессиональных качеств, свойств и способностей человека. Молодые люди всё чаще испытывают трудности в целостном восприятии мира (вследствие формирования клипового мышления), в анализе и синтезе большого объёма информации, в критическом отношении к фактам и событиям, происходящим в стране и мире, трудности в реальном, а не виртуальном общении, у них наблюдается ослабление чувства сопереживания, коммуникативная безответственность.

Следовательно, в настоящее время особое внимания требуют проблемы организации образовательного процесса в вузе в соответствии с особенностями информационно-коммуникативного общества. Ответом на вопросы о том, как мотивировать студентов на вдумчивое изучение и глубокое осмысление учебных материалов; какие формы и методы обучения будут эффективны в вузе при развитии коммуникативной ответственности студентов, — станет использование форм и приёмов игрового обучения.

Феномен игры неоднократно становился предметом научного внимания. Философские аспекты игровой деятельности наиболее полно рассматривались в научных исследованиях О. С. Анисимова, Н. В. Борисовой, И. С. Кона, Г. П. Щедровицкого и др. Отечественные педагогика и психология долгие годы исследовали преимущественно вопросы природы игры и её значения для психического развития и обучения ребёнка (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн, Б. Г. Ананьев, Д. Б. Эльконин и др.). С. Л. Рубинштейн даёт, на наш взгляд, наиболее общее и полное определение понятию «игра»: «Игра человека — порождение деятельности, посредством которой человек преобразует действительность и изменяет мир. Суть человеческой игры — способность, отражая, преобразовывать действительность» [2, с. 650].

С целесообразностью применения игр на уроке нельзя не согласиться. Однако на практике дидактические возможности игры используются, на наш взгляд, не в полной мере. В данной статье предложены варианты использования текстовых и матричных игр, которые применялись с целью развития коммуникативной ответственности на занятиях по дисциплине «Русский язык и культура речи» у студентов-первокурсников, обучающихся в соответствии с Государственным образовательным стандартом России по специальности 050303 «Иностранный язык».

Текстовые игры. Текстовые игры представляют собой форму организационной работы на основе прочитанного текста. Этот вид игры может быть использован для усвоения фактического материала, выстраивания логической структуры текста, анализа различных или сходных точек зрения на проблему, изложенную в тексте; выделения основной информации и др.

Текстовая игра начинается с серьёзного и вдумчивого изучения участниками текстового материала; затем они принимают участие в игре, оказывая друг другу взаимную поддержку и одновременно соревнуясь друг с другом. Эта взаимная поддержка и вызов способствуют скорейшему усвоению прочитанного и переносу его в рабочую практику.

Текстовая игра «Последовательность подготовки к выступлению». Цель игры: работая в малых группах, за определённое время выстроить текстовые карточки в логической последовательности, самостоятельно дополняя пропущенные звенья.

Студентам, распределённым на группы по 3-5 человек, для ознакомления были предложены карточки с напечатанным на них текстом. Набор карточек представлял собой совокупность действий, которые необходимо предпринять оратору при подготовке к устному публичному выступлению. Студентам было необходимо расположить карточки и представить законченную последовательность частей текста. Игра усложнялась тем, что одна из карточек была «утеряна» преподавателем и студенты должны самостоятельно восстановить этот этап. Игра завершалась представлением каждой командой своего варианта, где особое внимание уделялось обоснованию «утерянных-восстановленных» карточек. Итогом дискуссии стал обобщённый вариант последовательности подготовки к устному публичному выступлению, составленный из нескольких предложенных. В дальнейшей работе составленная студентами «инструкция» помогала им в подготовке выступления.

Текстовая игра «Особенности научного стиля». Цель игры: за определенное время изучить фактическую информацию текста. Данная текстовая игра может быть использована как элемент лекции

и позволит учащимся вдумчиво усвоить значительный объём теоретической информации (фактов, терминов, дат и др.).

Тема «Особенности научного стиля» не была новой для студентов-первокурсников. Изучение этой темы в вузе было направлено на повторение, систематизацию, углубление знаний, поэтому учащимся, работающим в малых группах, был предложен теоретический текст для самостоятельного изучения. После завершения времени, отведённого на чтение, студенты должны были написать на отдельные карточки вопросы по тексту. Вопросы предполагали наличие только одного варианта ответа. На одной стороне карточки необходимо было написать один вопрос, а на обратной стороне — ответ на этот вопрос. Закончив с написанием карточек, студенты складывали их в общую стопку. В группе назначался координатор, который прочитывал карточки и отбирал лишние (имеющие фактические ошибки, неразборчиво написанные, карточки с двумя вопросами и др.). Несколько дублирующих карточек оставляли в стопке. Карточки располагались стороной, где написан вопрос, кверху. Далее стопка карточек была помещена в центр стола, вокруг которого располагались студенты, которые по очереди брали по одной карточке и отвечали на вопрос. Если ответ был правильный, то студент брал карточку себе, если ответ был ошибочным, то необходимо было перевернуть карточку, вслух прочитать правильный ответ всем студентам и положить карточку в нижнюю часть стопки. Дублирующиеся карточки позволяли ещё раз повторить материал, лучше закрепляя его усвоение. Игра продолжалась до тех пор, пока все карточки из стопки не оказывались у студентов. Победитель определялся подсчётом карточек.

Текстовая игра «Основные мысли». Цель: выделить основную информацию прочитанного текста (прослушанного отрывка лекции).

На занятии студентами был прочитан фрагмент лекции, а затем им было предложено выписать на карточки не более трёх основных, по их мнению, тезисов лекции. Карточки с тезисами надо было расположить по значимости в порядке убывания. Последней карточкой в ряду (с менее значимым тезисом) следовало обменяться с другим студентом. Затем снова проранжировать карточки с тезисами. Далее работа продолжилась в паре с другим студентом. Необходимо было сравнить выбранные им значимые тезисы и свои, а в случае несовпадения попытаться прийти к консенсусу. Закончилась игра общей дискуссией.

Использование текстовых игр на занятиях по русскому языку (или любому предмету), а именно обсуждение, конспектирование, сокращение, выстраивание текстовой последовательности и т. д. способствует выработке умения анализировать, устанавливая связи между явлениями, выстраивать цепочку от общего к частному и в конечном итоге приводит к разрушению мозаичной, фрагментированной картины мира. Студент при использовании в процессе обучения текстовых игр выступает с позиции равноправного субъекта, не получает образование, а образовывается в созданных для этого благоприятных условиях. Постановка студента в ситуации выбора и ответственности за этот выбор, появление возможности развивать коммуникативные навыки, общаясь в парах и / или малых группах, критически относиться к информации, выделять главные тезисы, выстраивать их в целостную картину, — всё это способствует развитию такой способности, как коммуникативная ответственность.

Матричные игры. В матричной игре, как видно из её названия, используется таблица в форме матрицы, которую учащиеся, следуя игровым инструкциям, последовательно заполняют. Матричная игра является игрой информационного типа. В центре внимания игр информационного типа находится определённая информация, которая исследуется, сравнивается, противопоставляется и обсуждается. Матричная игра исследует пары понятий и предназначена специально для глубокого, направленного усвоения информации.

В этой игре игроки соотносят друг с другом различные вопросы и предметы; открывают для себя, какое влияние оказывает усиление или ослабление одного фактора на другие факторы; определяют причинно-следственные связи между различными действиями; сравнивают преимущества или недостатки различных решений, концепций; исследуют разнообразные точки зрения.

Матричная игра «Функциональные стили речи». Цель: исследовать сходства и различия между функциональными стилями речи.

Студенты знакомятся с материалом о типах функциональных стилей и заполняют матрицу, по очереди называя ключевые характеристики того или иного стиля, отличительные особенности каждого стиля и сходства. Побеждает игрок или команда, занявшая большее количество клеток.

	Научный	Публицистический	Официально-деловой	Разговорный	Художественный
Научный	№ 1	№ 2	№ 3	№ 4	№ 5
Публицистический	№ 6	№ 7	№ 8	№ 9	№ 10
Официально-деловой	№ 11	№ 12	№ 13	№ 14	№ 15
Разговорный	№ 16	№ 17	№ 18	№ 19	№ 20
Художественный	№ 21	№ 22	№ 23	№ 24	№ 25

Клетки по диагонали с верхней левой по нижнюю правую (выделенные цветом) заполняются характеристиками стиля (сфера общения, цели общения, способ общения и др.).

Клетки над диагональю заполняются отличительными особенностями стилей (например, выбрав клетку № 2, студенты называют отличия публицистического стиля от научного). Клетки под

диагональю заполняются сходными особенностями стилей (*например, выбрав клетку № 12, студенты называют сходства официально-делового и публицистического стилей*).

Матричная игра «Портрет аудитории». Цель игры: охарактеризовать особенности аудитории, перед которой будет произнесена речь, для достижения успеха при произнесении устного публичного выступления. Типы аудитории могут быть охарактеризованы по возрастному принципу, гендерному, социальному, национальному и др. В матрице клетки по диагонали заполняются чертами или характеристиками, предпочтениями для того или иного типа аудитории. Клетки над диагональю заполняются общими чертами двух типов аудитории, а клетки под диагональю заполняются различиями между типами аудиторий.

В матричную игру можно играть в индивидуальном режиме, в парах, в малых группах и в больших группах, разделённых на малые. Режимы игры могут меняться по её ходу: вы можете начать матричную игру с индивидуального режима, а затем предложить игрокам объединиться в пары или малые группы. По окончании игры можно предложить игрокам объединиться и поделиться друг с другом своими информационными находками и наработками [1].

Кроме применения текстовых матричных игр, в процессе развития коммуникативной ответственности на занятиях русского языка и культуры речи использовались деловые и ролевые игры (например, деловая игра «Открытая вакансия»). В силу достаточной разработанности данных игровых форм в методике преподавания различных дисциплин, остановимся на рассмотрении отдельных приёмов игрового обучения, используемых для создания учебной ситуации ответственной коммуникации.

Приём «Витязь на распутье». Цели: развитие способности отвечать за своё мнение, убедительно аргументировать его (у «сторон»); развитие критического отношения к полученной информации (у «витязя»); развитие способности делать осознанный выбор.

Студенту для ознакомления был предложен текст и задание к нему: определить жанровое своеобразие и стилиевую принадлежность. Остальные студенты, прочитав текст и выполнив задание к нему, были разделены на три группы («вправо пойдёшь», «влево пойдёшь», «прямо пойдёшь») и убеждают «витязя» присоединиться к их группе, аргументируя своё мнение. Витязь должен выбрать, с мнением какой группы он согласен и подойти к этой группе.

Приём «Проецирование в перспективу» (на примере темы «Жанры делового стиля») для проведения ролевой игры «Открытая вакансия»). Цель: применить свои компетенции на практике в процессе составления резюме, собеседования в фирме; повысить уровень коммуникативной ответственности в процессе участия в деловой игре и её последующем анализе.

Каждый студент получил домашнее задание: составить резюме с проекцией в перспективу на 10 лет, т.е. спрогнозировать, спроектировать этапы своего личностного и профессионального развития, как будто прошло уже 10 лет; пройти собеседование при устройстве на новое место работы. Описание ситуации:

1 этап. В начале занятия был избран состав работодателей: директор фирмы, менеджер по подбору персонала, бухгалтер. Все соискатели на доске написали названия вакансий, на которые они претендуют (на доске появилось несколько одинаковых вакансий, что помогло создать ситуацию конкурсного отбора). Представители фирмы, опираясь на изложенные вакансии, продумали направления деятельности фирмы, её название, краткую историю (фирма оказалась филиалом крупной международной корпорации, которой требуются сотрудники по самым разным направлениям).

2 этап. Соискатели представили работодателям свои резюме. Собеседование. Оглашение списка принятых сотрудников.

3 этап. Анализ результатов деловой игры по следующим направлениям:

– эффективность деятельности работодателей: впечатление, которое они производят на соискателя; умение создать дружелюбную атмосферу; профессионализм; корректность и др.;

– составление резюме;

– самопрезентация соискателя;

– составление рейтинга соискателей;

– оценка эффективности формы деловой игры и предложения по её дальнейшему использованию на занятиях и во внеаудиторной деятельности.

Соискатель должен был вступить в диалог с работодателями, уметь понять смысл вопроса и требований, предъявляемых к нему, уметь выбрать из возможных вариантов ответа наиболее соответствующий, отвечать за свои личностные и профессиональные достижения. Соискатель берет ответственность за себя, но не сегодняшнего, а за себя будущего (проецирование в перспективу), отвечая за результат своей прогностико-проектировочной деятельности. Работодатели должны были создать «историю» фирмы, спрогнозировав запросы будущего общества к человеку и его деятельности. Им необходимо было ответить на вопросы: в каком обществе мы будем жить через 10 лет; какие услуги будут востребованы; какой человеческий капитал будет нужен для успешного развития деятельности фирмы? Кроме того, работодателям было нужно проанализировать резюме, проранжировать их в соответствии с требованиями, предъявляемыми к сотрудникам фирмы, пригласить наиболее соответствующих на собеседование, провести собеседование и выбрать будущего сотрудника, обосновать свой выбор.

Приём «Герой нашего времени». Цели: развитие навыков аргументации в процессе коммуникации; развитие навыка коллаборации студентов; определение критериев «героической» личности, выбор личности, которая достойна считаться героем нашего времени; развитие коммуникативной ответственности.

Каждый студент до занятия определился с выбором «героя». На занятии группа разделилась на пары. Работая в парах, каждый стремился убедить другого в том, что именно его «герой» достоин стать «героем нашего времени». Таким образом, в парах определялся один герой. Студенты объединились в четвёрки, и работа по убеждению продолжилась до тех пор, пока не оставался один герой. Далее следовала рефлексия: почему студенты сделали именно этот выбор, каковы критерии «героичности»? Опираясь на эти критерии, группа ранжировала всех «героев», которые предлагались ранее. После завершения этой работы студенты получали домашнее задание: подготовить устное публичное выступление «Кто он: герой нашего времени?».

Каждый студент сначала аргументировал свою позицию в паре, а затем они вместе приходили к консенсусу. Убедивший теперь нес ответственность не только за своё мнение, но и выступал от имени пары, а затем и группы. Если студент смог убедить партнёров по коммуникации в своей правоте, подобрав убедительные аргументы, значит, он обладает высоким уровнем коммуникативной ответственности, так как сумел достичь эффективной коммуникации, услышать и убедить каждого, взять на себя ответственность за мнение группы.

Приём «Один за всех, а все за одного» (по теме «Научный стиль речи. Жанры научного стиля речи. Доклад»). Цели: развитие активности, субъектности, ответственности; развитие навыков коллаборации.

Студенты получили задание, состоящее из нескольких частей. Они могли выполнить его совместно или разделить на части между собой или парой, но оценку получают общую. Упражнение состояло из следующих частей: создание «Портрета аудитории», сбор материала, написание текста доклада, презентация доклада.

После произнесения доклада происходила оценка участниками общего результата группы и личного вклада в работу группы каждого участника. У студента был выбор: выполнять отдельную часть задания, отвечая, таким образом, за её качество, работать в паре над заданием или участвовать в выполнении всех частей, но это не снимало с него ответственности за результат группы в целом.

Формы и приёмы игрового обучения помогают сделать образовательный процесс в вузе более интересным, стимулирующим к работе, развивающим активность, субъектность, коммуникативную ответственность студентов. Универсальность этих форм, позволяющая наполнять их разнообразным предметным содержанием, способствует успешной реализации целей обучения.

Литература

1. Мастерская Тренерских Технологий. Всё для бизнес-тренера [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.methodmaster.ru>; <http://www.methodmaster.ru/resursy/metodicheskie-stati/interaktivnye-formaty> (дата обращения: 24.06.2013).
2. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии / С. Рубинштейн. — СПб.: Питер, 2002. — 720 с.

References

1. Masterskaya Trenerских Tehnologiy. Vse dlya biznes-trenera [Elektronnyi resurs]. — URL: <http://www.methodmaster.ru>; <http://www.methodmaster.ru/resursy/metodicheskie-stati/interaktivnye-formaty> (24.06.2013).
2. Rubinshteyn S. L. Osnovy obshchey psihologii / S. Rubinshteyn. — SPb.: Piter, 2002. — 720 s.

ВОРОНИНА Наталия Анатоліївна,

аспірант кафедри педагогіки Благовіщенського державного педагогічного університету; Благовіщенськ, Росія;
e-mail: natalia.voronina.1983@mail.ru; моб.: +7-89098100614; +7-89146081358

ВИКОРИСТАННЯ ФОРМ І ПРИЙОМІВ ІГРОВОГО НАВЧАННЯ У ПРОЦЕСІ РОЗВИТКУ КОМУНІКАТИВНОЇ ВІДПОВІДАЛЬНОСТІ СТУДЕНТІВ ВУЗУ

Анотація. Розвиток комунікативної відповідальності учня розглянуто як пріоритетну умову становлення випускника вузу в сучасному інформаційно-комунікативному суспільстві. Глобалізація, високий рівень інформатизації, віртуалізація дійсності — основні характеристики сучасного суспільства — впливають на формування особистісних і професійних якостей, властивостей, здібностей людини. Майбутні фахівці все частіше відчують труднощі в цілісному сприйнятті світу, аналізі великого обсягу інформації, у критичному ставленні до фактів і подій. Труднощі виникають не лише у віртуальній, а й у реальній комунікації. Це призводить до комунікативної безвідповідальності. Отже, особливої уваги потребують проблеми організації освітнього процесу у вузі відповідно до потреб і викликів інформаційно-комунікативного суспільства.

У статті розкривається можливість використання форм і прийомів ігрового навчання у розвитку комунікативної відповідальності студентів у процесі їх професійної підготовки. Особлива увага приділяється текстовим і матричним іграм, визначаються ситуації їх використання на заняттях. Розглядаються й окремі прийоми ігрового та ролівого навчання.

Ключові слова: комунікативна відповідальність, гра, текстова гра, матрична гра.

Natalia A. VORONINA,

postgraduate student of department of pedagogics Blagoveshchensk State Pedagogical University;
e-mail: natalia.voronina.1983@mail.ru; моб.: +7-89098100614; +7-89146081358

USE OF FORMS AND TECHNIQUES OF THE GAME TRAINING FOR THE DEVELOPMENT OF COMMUNICATIVE RESPONSIBILITY OF UNIVERSITY STUDENTS

Summary. Development of communicative learning is considered as foreground condition of the graduates' formation in today's information and communication society. Globalization, a high level of informatization and virtualization of reality are the main characteristics of today's society. They have an impact on the formation of personal and professional qualities, properties, capabilities of a man. Future specialists are experiencing difficulties in a holistic perception of the world, the analysis of a large amount of information, critical attitude to the facts and events. Difficulties arise in the real, not virtual communication and it leads to communication irresponsibility. Therefore, problems of the organization of the educational process at the university in

accordance with the needs and challenges of the information and communication society require special attention. The article describes the use of forms and methods¹ training in the development of communicative responsibility of students in the process of their professional training. Special attention is paid to text and matrix games in the classroom at the University. The author considers some techniques of games and role-based training.

Key words: communicative responsibility, game, text game, matrix game.

Статтю отримано 28.10.2013 р.

УДК 81'38'42'276.6:62

МАЛЬЦЕВА Людмила Васильевна,

аспирант кафедры языкознания и русского языка Горловского института иностранных языков Донбасского национального педагогического университета; Горловка, Украина;
e-mail: maltseva85@inbox.ru; моб.: +38-095-6827536

АДАПТАЦИЯ УЧЕБНО-НАУЧНОГО ТЕКСТА: СУБТЕКСТ СТАРОГО ЗНАНИЯ

Аннотация. Статья представляет собой дискурсивный анализ текста научного стиля. Учебно-научный текст рассматривается как система субтекстов. Каждый субтекст реализует в тексте свою познавательную задачу. Статья посвящена изучению сущности адаптации учебно-научного текста к учебно-педагогической ситуации. В статье раскрывается объём понятия «субтекст старого знания». Учебно-научный текст представляет собой довольно своеобразный подстиль научного стиля. Эта своеобразность выражается в содержательной сложности информации, усложнении или упрощении структуры текста. Как известно, учебно-научный текст ориентируется на массу получателя информации, и именно поэтому он вариателен в отношении объёма. В текстах изучаемых нами учебных пособий имеет место облегчённое изложение научного материала, что снимает содержательные трудности, при этом форма вторичного текста особо не отличается от формы исходного текста. Изложены основные принципы функционирования этого понятия в учебно-научном тексте. Выделены и проанализированы способы адаптации субтекста старого знания к возрастным и психологическим особенностям учащихся. Проанализированы учебники по теоретической грамматике славянских, романских и германских языков с позиции адаптации субтекста старого знания.

Ключевые слова: адаптация, учебно-научный текст, субтекст старого знания, маркеры.

Как известно, адаптация учебно-научного текста заключается в приспособлении научного знания к новым дискурсивным условиям, в данном случае к учебно-педагогической ситуации. Естественно, и автор, и читатель сталкиваются с функциональными изменениями первичных параметров текста, то есть с сокращением, упрощением или усложнением первоисточника.

Цель статьи — изучить адаптацию одного из субтекстов онтологического аспекта эпистемической ситуации, а именно субтекста старого знания в учебно-научном тексте. Задачи: проанализировать учебники по теоретической грамматике славянских и романо-германских языков с позиции адаптации субтекста старого знания; выделить основные способы адаптации субтекста старого знания.

Учебно-научный текст как элемент эпистемической ситуации является составным звеном системы текстов по определённой дисциплине и, следовательно, должен раскрывать круг ее основных понятий в их логико-смысловой иерархии. УНТ обычно соответствует программным требованиям определенного этапа обучения (имеется в виду тезаурусная замкнутость смысловых полей научной специальности).

Учебно-научный текст представляет собой довольно своеобразный подстиль научного стиля. Эта своеобразность выражается в содержательной сложности информации, усложнении или упрощении структуры текста. Как известно, учебно-научный текст ориентируется на массу получателя информации, и именно поэтому он вариателен в отношении объёма. В текстах изучаемых нами учебных пособий имеет место облегчённое изложение научного материала, что снимает содержательные трудности, при этом форма вторичного текста особо не отличается от формы исходного текста. Здесь нет трудных для понимания и усвоения эмоционально-образных и субъективно-оценочных средств, отсутствуют иностилевые включения. Доминируют наиболее типичные для научного стиля языковые средства.

Следует отметить, что традиционно адаптация научного текста проявляется в упрощении терминологической системы, в широком использовании общекультурной лексики, в употреблении слов в их прямых, предметно-логических значениях, в наличии большого количества абстрактной лексики (преимущественно имен существительных), в ограниченности словарного состава, в отборе и использовании лексических средств. Необходимо обратить внимание на то, что адаптации должно подвергаться не только новое знание, но и старое, так как удачно подобранный учебно-научный текст может не только легко предоставить научную информацию, но и способствовать её быстрому усвоению.

Учебно-научные тексты мы относим к вторичным текстам адаптирующего типа. Адаптирующие тексты создаются с целью приспособления первичного речевого произведения к новым условиям его использования. Очевидно, подразумевается, что первичный текст будет совершенно непонятен адресатам, поэтому его необходимо приспособить, другими словами, «подогнать» под фоновые знания

и языковую картину мира реципиентов. Естественно, в процессе адаптации аутентичный текст претерпевает изменения как на лексическом, морфологическом, так и на синтаксическом уровне. Единственное условие образования адаптированных текстов — информационное ядро должно оставаться без изменений.

Помимо этого, необходимо учитывать, что такой элемент дискурса, как образ адресата, также является одним из условий качественного процесса адаптации научного текста к педагогической ситуации. Очевидно, что учебно-научные тексты рассчитаны на определенную целевую аудиторию читателей, следовательно, адаптация построена на сокращении объема первичного научного текста и изменении его семантической структуры. Более того, имеет место быть развёрнутость и детализация текстообразующих концептов. Именно поэтому мы можем говорить о необходимости адаптации всех составляющих онтологического аспекта эпистемической ситуации: субтекста нового знания, старого знания и прецедентного субтекста. В данной статье мы рассмотрим адаптацию субтекста старого знания к учебно-педагогической ситуации.

Субтекст старого знания — это представление в тексте уже изученной информации, которая непосредственно связана с новым знанием. Его значимость в учебно-научном тексте нельзя недооценивать, потому что он систематизирует уже изученную информацию, помогает адресату ориентироваться в новом знании, играя роль фундамента для новой информации. Мы можем назвать следующие функции субтекста старого знания в учебно-научном тексте:

1. Актуализация опорных знаний.
2. Систематизация изученной информации.
3. Закрепление изученного материала.
4. Создание основы для изучения новой информации.
5. Внедрение информации в «фонд активных знаний» реципиента.

В изучаемых нами учебно-научных текстах можно выделить такие способы адаптации, как чередование и обобщение.

Чередование представляет собой наиболее часто встречающийся способ реализации субтекста старого знания и заключается в том, что в одном предложении или абзаце могут одновременно встречаться как субтекст нового знания, так и субтекст старого. Такое использование уже известной реципиентам информации объясняется тем, что создание УНТ неизбежно связано с критическим усвоением, а также интерпретацией научной информации. Каждый научный текст входит в состав метанаучной коммуникации, следовательно, он становится субъектом интертекстуального взаимодействия. Новое научное знание занимает свое место в нише науки и со временем стареет. Как только информация укрепились в «фонде знаний» учащихся, она перестала быть новой, но в то же время она постоянно извлекается из этого фонда, чтобы быть основой для следующей порции знаний. Следовательно, в учебно-научном тексте мы можем наблюдать постоянное чередование субтекстов нового и старого знания. И действительно, в изучаемых нами УНТ старое знание постоянно пересекает новое, что позволяет постоянно актуализировать и систематизировать опорные знания:

«В сравнении с остальными частями речи глагол имеет самый богатый набор грамматических категорий. Имена существительные и прилагательные имеют три грамматические категории (рода, числа и падежа), числительные — лишь категорию падежа. У глагола семь грамматических категорий. Это в свою очередь обуславливает разветвленную систему грамматических форм глагола» [13, с. 131]. Из примера видно, как автор, представляя в тексте новую информацию, отсылает читателя к уже изученной, чтобы старое знание укоренилось в сознании учащихся. В данном примере средством выражения старого знания является предложение: *«Имена существительные и прилагательные имеют три грамматические категории (рода, числа и падежа), числительные — лишь категорию падежа»*. Это предложение состоит из уже изученной информации и вводится в текст в виде сравнения. Сравняются грамматические категории уже изученных частей речи (имя существительное, числительное) и изучаемого (глагол).

Обобщение — это выводы и подведение итогов в учебно-научном тексте. Используется для закрепления и систематизации изученного материала. Этот вид адаптации занимает завершающее место в любом тексте, однако без обобщения не может обойтись ни одно изучаемое явление, так как учебно-научный текст является средством кумуляции знаний. Следовательно, накопившаяся в УНТ информация должна поддаваться некой систематизации. Такая конкретика прослеживается в изучаемых нами учебниках по теоретической грамматике иностранных и восточнославянских языков, где субтекст старого знания внедрен не только в текст, но и представлен отдельным параграфом, который разбит на пункты: *«Таким чином, категорії відмінка, роду і числа іменника та прикметника не однотипні. В іменнику вони є засобом відтворення позамовної дійсності, їх граматичні значення семантично вмотивовані; щодо прикметника, то його іменні категорії є похідними, базою для них служать категорії іменника»* [3, с. 101]. В данном случае средством выражения старого знания является отдельный абзац, размещенный в конце параграфа, который включает в себя краткую информацию, изучаемую ранее. Такой субтекст старого знания, который состоит из двух объёмных предложений, направлен на систематизацию изучаемых знаний.

Маркерами субтекста старого знания в учебно-научном тексте можно назвать:

— глаголы, обозначающие ментальность действия, чаще всего со значением мысли, речи, восприятия, а также формы инфинитива: *напомним, вспомним, запомним, как уже было сказано, следует напомнить: «Comme on l'a dit, la valeur des formes du pluriel de la personne a sa spécificité»* [5, с. 56]. Как уже было сказано, значение форм множественного числа первого лица имеет свою специфику;

— модальні слова з утвердительним значенням: *как известно, очевидно, несомненно, действительно*: «*As is known, modern Perfect Tenses are formed by means of the auxiliary verb to have followed by the past participle of the notional verb*» [4, с. 89]. Як відомо, сучасні свершенні часи формуються з допомогою допоміжного глагола *иметь*, після якого слідує основний глагол. В старому англійському мові...

Обобщая вышесказанное, делаем вывод: субтекст старого знания — это «фундамент» нового знания. Он является обязательным атрибутом любого УНТ. Субтекст старого знания обладает своим набором способов адаптации учебно-научного текста к новым дискурсивным условиям, а также к потребностям учащихся. Чередование и обобщение являются основными способами адаптации субтекста старого знания в учебно-научном тексте.

Литература

1. *Баженова Е. А.* Научный текст как система субтекстов : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : спец. 10.02.01 — русский язык / Е. А. Баженова. — Екатеринбург, 2001. — 42 с.
2. *Баженова Е. А.* Научный текст в аспекте политекстуальности / Е. А. Баженова. — Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2001. — 272 с.
3. *Безпояско О. К.* Граматика української мови / О. К. Безпояско. — К. : Либідь, 1993. — 336 с.
4. *Блох М. Я.* Теоретическая грамматика английского языка / М. Я. Блох. — М. : Высш. шк., 1983. — 383 с.
5. *Васильева Н. М.* Французский язык. Теоретическая грамматика / Н. М. Васильева. — М. : Высш. шк., 1991. — 298 с.
6. *Габидуллина А. Р.* Учебно-педагогический дискурс / А. Р. Габидуллина. — Горловка : ГГПИИЯ, 2009. — 292 с.
7. *Гак В. Г.* Теоретическая грамматика французского языка / В. Г. Гак. — М. : Добросвет, 2000. — 832 с.
8. *Головин Б. Н.* Роль терминологии в научном и учебном общении. Термин и слово / Б. Н. Головин. — Нижний Новгород : Изд-во ГГУ им. Н. И. Лобачевского, 2000. — 127 с.
9. *Данилевская Н. В.* Место оценки в чередовании старого и нового знания (на материале научного текста) / Н. В. Данилевская // Филологические науки. — 2005. — № 4. — С. 60–69.
10. *Носович Е. В.* Методическая аутентичность учебного текста : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / Е. В. Носович. — М. : РГБ, 2003. — 178 с.
11. *Раевская Н. Н.* Теоретическая грамматика современного английского языка / Н. Н. Раевская. — К. : Высш. шк., 1976. — 304 с.
12. *Торсуева И. Г.* Текст как система, структурно-семантические единицы текста (на сопоставительной основе французского и русского языков) / И. Г. Торсуева. — М. : МГПИИЯ, 1986. — 289 с.
13. *Шанский Н. М.* Современный русский язык. Словообразование. Морфология / Н. М. Шанский. — М. : Просвещение, 1987. — 256 с.

References

1. *Bazhenova E. A.* Nauchnyy tekst kak sistema subtekstov : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk : spets. 10.02.01. «Russkiy yazyk» / E. A. Bazhenova. — Ekaterinburg, 2001. — 42 s.
2. *Bazhenova E. A.* Nauchnyy tekst v aspekte politekstualnosti / E. A. Bazhenova. — Perm : Izd-vo Perm. un-ta, 2001. — 272 s.
3. *Bezpozasko O. K.* Gramatika ukraYinskoYi movi / O. K. Bezpozasko. — K. : LibId, 1993. — 336 s.
4. *Bloh M. Ya.* Teoreticheskaya grammatika angliyskogo yazyka / M. Ya. Bloh. — M. : Vyssh. shk., 1983. — 383 s.
5. *Vasileva N. M.* Frantsuzskiy yazyk. Teoreticheskaya grammatika / N. M. Vasileva. — M. : Vyssh. shk., 1991. — 298 s.
6. *Gabidullina A. R.* Uchebno-pedagogicheskiy diskurs / A. R. Gabidullina. — Gorlovka : GGPIIYa, 2009. — 292 s.
7. *Gak V. G.* Teoreticheskaya grammatika frantsuzskogo yazyka / V. G. Gak. — M. : Dobrosvet, 2000. — 832 s.
8. *Golovin B. N.* Rol terminologii v nauchnom i uchebnom obschenii. Termin i slovo / B. N. Golovin. — Nizhniy Novgorod : Izd-vo GGU im. N. I. Lobachevskogo, 2000. — 127 s.
9. *Danilevskaya N. V.* Mesto otsenki v cheredovanii starogo i novogo znaniya (na materiale nauchnogo teksta) / N. V. Danilevskaya // Filologicheskie nauki. — 2005. — N 4. — S. 60–69.
10. *Nosonovich E. V.* Metodicheskaya autentichnost uchebnogo teksta : dis. ... kand. ped. nauk : 13.00.02 / E. V. Nosonovich. — M. : RGB, 2003. — 178 s.
11. *Raevskaya N. N.* Teoreticheskaya grammatika sovremennogo angliyskogo yazyka / N. N. Raevskaya. — K. : Vyssh. shk., 1976. — 304 s.
12. *Torsueva I. G.* Tekst kak sistema, strukturno — semanticheskie edynitsyi teksta (na sopostavitelnoy osnove frantsuzskogo i russkogo yazykov) / I. G. Torsueva. — M. : MGPIIYa, 1986. — 289 s.
13. *Shanskiy N. M.* Sovremennyiy russkiy yazyk. Slovoobrazovanie. Morfologiya / N. M. Shanskiy. — M. : Prosveschenie, 1987. — 256 s.

МАЛЬЦЕВА Людмила Василівна,

аспірант кафедри мовознавства та російської мови Горлівського інституту іноземних мов Донбаського національного педагогічного університету; Горлівка, Україна;
e-mail: maltseva85@inbox.ru; моб.: +38-095-6827536

АДАПТАЦІЯ НАВЧАЛЬНО-НАУКОВОГО ТЕКСТУ: СУБТЕКСТ СТАРОГО ЗНАННЯ

Анотація. Стаття є дискурсивним аналізом тексту наукового стилю. Учебно-науковий текст розглядається як система субтекстів. Кожен субтекст реалізує в тексті своє пізнавальне завдання. Стаття присвячена вивченню суті адаптації учебно-наукового тексту до учебно-педагогічної ситуації. У статті розкривається об'єм поняття «субтекст старого знання». Учебно-науковий текст уявляє собою досить своєрідний підстиль наукового стилю. Ця своєрідність виражається у змістовній складності інформації, ускладненні або спрощенні структури тексту. Як відомо, учебно-науковий текст орієнтується на масу одержувача інформації, і саме тому він змінюється відносно обсягу. У текстах досліджуваних нами навчальних посібників має місце полегшений виклад наукового матеріалу, що знімає змістовні труднощі, при цьому форма вторинного тексту суттєво не відрізняється від форми вихідного тексту. Викладено основні принципи функціонування цього поняття в учебно-науковому тексті. Виділено та проаналізовано способи адаптації субтексту старого знання до вікових і психологічних особливостей учнів. Проаналізовано підручники із теоретичної граматики слов'янських, романських і германських мов з позиції адаптації субтексту старого знання.

Ключові слова: адаптація, учебно-навчальний текст, субтекст старого знання, маркери.

Ludmila V. MALTSEVA,

post-graduate student of the Linguistics and the Russian Language Chair of Gorlovka Foreign Languages Institute in the Donbass National Pedagogical University;
e-mail: maltseva85@inbox.ru; tel.: +38-095-6827536

ADAPTATION OF THE EDUCATIONAL-SCIENTIFIC TEXT: THE SUBTEXT OF OLD KNOWLEDGE

Summary. The article represents the discursive analysis of the scientific style text. The educational-scientific text is considered as the system of subtexts. Each subtext realizes in the text its own educational task. The article deals with the study of the essence of the educational-scientific text adaptation to the educational-pedagogic situation. The author reveals the content of the notion «the subtext of old knowledge». The educational-scientific text represents original enough type of scientific style. This originality is expressed in substantial complexity of the information, complication or simplification of the text structure. The educational -scientific text is known to be guided by weight of the addressee of the information, and for this reason it is variable in volume. In texts of manuals studied by us the scientific material is made easier and it removes substantial difficulties, thus the form of the secondary text does not differ much from the initial text. The author represents the main principles of this notion functioning in the educational-scientific text. It is singled out and analyzed the ways of the adaptation of the subtext of old knowledge to the age and psychological peculiarities of pupils. The textbooks in the theoretic grammar of Slavonic, Romanic and Germanic languages from the point of view of the old knowledge subtext adaptation are analyzed.

Key words: adaptation, educational-scientific text, the subtext of old knowledge, markers.

Статтю отримано 18.01.2014 р.

УДК [811.161.1+821.161.1]’243’367.333/.4

ХЛОПЬЯНОВ Александр Владимирович,

доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся естественных факультетов Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; Москва, Россия;
e-mail: runlet@bk.ru; тел.: +7-915-2430593

ОБ ИЗУЧЕНИИ РУССКИХ ПОЭТИЧЕСКИХ АТРИБУТИВНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В ИНОЯЗЫЧНОЙ АУДИТОРИИ

Аннотация. Грамматический и стилистический анализ атрибутивных словосочетаний в художественном тексте приводит к пониманию данных языковых единиц как важнейшего средства создания эстетического эффекта в художественном произведении. Существующие подходы грамматического анализа требуют расширения представления о словосочетании как синтаксической единице, часто принимающей в поэтическом тексте особые коннотации. Объяснение таких стилистических оборотов возможно благодаря грамматико-стилистическому анализу. В правилах сочетания слов, в закономерностях образования словосочетаний разных видов и типов ярко проявляется национальная специфика языка.

В теоретической (вводной) части статьи рассматриваются атрибутивные словосочетания с точки зрения их структуры (адъективные, генитивные, многокомпонентные конструкции) и семантики. В основной части работы представлен анализ атрибутивных словосочетаний с точки зрения особенностей сочетаемости в них лексем в художественном тексте на примере произведений А. С. Пушкина. Особое внимание уделяется конструкции «родительного атрибутивного» ввиду её более сложной трансформационной модели. В заключительной части статьи предпринята попытка объяснения атрибутивного словосочетания как неделимой единицы эстетической информации. Работа ориентирована на преподавателей русского языка как иностранного.

Ключевые слова: синтаксис, словосочетание, лингвопоэтика, семантика.

Обращаясь к изучению художественного текста и его грамматическому и стилистическому анализу, иностранные учащиеся даже продвинутого этапа нередко сталкиваются с проблемой восприятия атрибутивных словосочетаний, отличительной чертой которых является тесная связь между его составляющими, которые выражают единое, хотя и расчленённое понятие или представление. Аtribuтивные словосочетания играют важную роль в процессе мыслительной деятельности человека: с помощью определения, фиксирующего некоторую характеристику объекта, осуществляется объединение отдельных объектов в единый класс (процесс категоризации), и, с другой стороны, происходит деление множества однородных объектов на подмножества (процесс классификации).

Источниками формирования семантики словосочетания служат грамматические особенности его компонентов. Синтаксической моделью, чаще всего употребляемой для выражения атрибутивных отношений, является модель «прилагательное + существительное». Это свидетельствует о том, что прилагательное, будучи одной из самых древних по употребительности в атрибутивной функции частей речи, по-прежнему занимает ведущее место в системе средств выражения атрибутивных отношений. В любом словосочетании с конкретным именем лексическое значение существительного содержит в себе сему, указывающую на возможность или необходимость признака, которая реализуется с помощью зависимого компонента — прилагательного. Прилагательное как часть речи характеризуется общим категориальным значением качества, свойства, признака. Оно включается в сферу обозначения предметов или явлений через взаимодействие с существительными, выражая признак: *громкие голоса, тёмное небо.*

Помимо модели «прилагательное + существительное» существуют другие формы выражения атрибутивных отношений. В функции определения (атрибута) выступают четыре основных класса слов: причастия как отглагольные прилагательные (*сидящий человек*); местоимения (некоторые их подклассы) (*его книга, другое письмо*); числительные (*первый шаг*); существительные (*вязанка дров, дом отца*).

Позицию атрибута могут занимать наречия (*поездка вечером, соседи справа*), существительные с предлогами (*женщина с умом, человек без принципов*) и инфинитив (*надежда встретит, попытки выучить*).

О. С. Ахманова в «Очерках по общей и русской лексикологии» разделяет все словосочетания на две большие группы — именные и глагольные, при этом определительные словосочетания отнесены к именным, а обстоятельственные — к глагольным. В основе общей классификации атрибутивных (именных) словосочетаний такого рода лежит категоризация по принципу «ограничивающих» и «описывающих» атрибутивных словосочетаний. В составе первых определение ограничивает, суживает значение определяемого, именно поэтому наиболее типичной сферой их употребления стали составные термины и понятия, например, *серная кислота, гражданская авиация, сотовый телефон*. К описательным относятся такие атрибутивные словосочетания, в которых определение не только не ограничивает определяемое, но и сообщает о нем нечто дополнительное — *заплаканные глаза, нежный взор, детская радость*. Разновидностью описательных словосочетаний «являются образные обозначения с образным, метафорическим употреблением слов, входящих в данное словосочетание. Например, канцелярская крыса — не крыса, а человек, как и тертый калач» [1, с. 173].

И. И. Ковтунова выделяет атрибутивные и субстантивные словосочетания, понимая под первыми конструкции типа «прилагательное + существительное», под вторыми — «существительное + существительное», и приходит к заключению, что в атрибутивных словосочетаниях более сильное ударение падает на имя существительное: *белые лилии, на зеленых блюдах, слабый свет* и т. д., а в субстантивных словосочетаниях «более сильное ударение несет на себе зависимая предложно-падежная словоформа: *приклад ружья, загон для скота, куча листьев, вдоль берега реки*» [5, с. 100].

В иноязычной аудитории преподаватель сталкивается с определенными трудностями при появлении в тексте инверсии, характерной для экспрессивной речи. В случае возникновения инверсии член более сильное ударение возникает в начале конструкции, а более слабое приходится на конец фразы.

Особое внимание следует уделить изучению вариантов словорасположения с поэтической окраской — таких конструкций, «в которых члены инверсированы, но экспрессивная интонация (нисходящее расположение акцентов) отсутствует» [5, с. 141]. Последние замечания нам кажутся исключительно важными, мы обратимся к ним позже при исследовании атрибутивных словосочетаний в поэмах А. С. Пушкина.

Национальная специфика языка ярко проявляется в правилах сочетания слов, в закономерностях образования словосочетаний разных видов и типов. Поскольку словосочетания образуются на основе синтаксических особенностей слов, принадлежащих к различным частям речи, на основе присущей им синтаксической сочетаемости, следует различать словосочетания именные (субстантивные и адъективные), глагольные и наречные (или адвербиальные) — по грамматически господствующему слову (стержню словосочетания). В строе предложения словосочетания могут выполнять «очень разнообразные функции». Так, именование словосочетание *первый снег* играет в разных своих формах (*первого снега, первому снегу, первым снегом, о первом снеге*) разную роль в составе предложения [2, с. 234].

Традиционным, по классификации В. В. Виноградова, является деление словосочетаний на простые и сложные. Если применить эту классификацию только к интересующим нас атрибутивным словосочетаниям, то к простым словосочетаниям будут отнесены двусловные сочетания, состоящие из двух знаменательных слов, например: *простые люди, зеленая трава* и т. д. К простым словосочетаниям семантически примыкают и трёхсловные словосочетания, в которых определительная часть представляет собой семантически неделимое словосочетание с целостным смысловым содержанием: *человек острого ума, девушка скромного поведения*. Особое внимание изучающих русский язык иностранцев стоит обратить на то, что даже трёхсловные словосочетания типа *человек твёрдого характера* близки к простым только с семантической точки зрения; в синтаксическом же отношении они ничем не отличаются от сложных словосочетаний.

Сочетания имён существительных с именами прилагательными, наиболее известные в лингвистической литературе как *адъективные словосочетания*, «представляют собой одну из самых регулярных и продуктивных конструкций в большинстве языков. Многие учёные разных направлений признают уникальность сочетаний существительных с прилагательными как единиц, обладающих особым, промежуточным статусом, связанным с формальной расчленённостью состава и одновременной синтетичностью значений анализируемых сочетаний, выступающих довольно часто в качестве готовых комбинаций».

Н. В. Юдина обращает внимание на существование в сфере сочетаний «прил. + суц.» особых структур знания, получивших название *атрибутивно-субстантивных комплексов*, отличающихся по ряду признаков от известных комбинированных языковых единиц» [7, с. 8]. Эти словосочетания представляют собой промежуточные единицы, находящиеся между полностью свободными и устойчивыми сочетаниями. Они существуют в сознании носителей языка в виде целостной когнитивной структуры,

имеющей скрытый смысл, как правило не выводимый из семантики составляющих компонентов, а основанный на фоновых знаниях носителя языка.

Субстантивные атрибутивные словосочетания привлекают внимание тем, что представляют собой случай, когда в качестве определения одной субстанции выступает другая. Такие словосочетания разнообразны и выражают различные оттенки смысловых отношений. Распространение имени существительного — главного компонента словосочетания — именами существительными в родительном падеже и в косвенных падежах с различными предлогами представляет собой живой, продуктивный способ сочетания слов для выражения определительных отношений. Такие словосочетания обычно выражают отношение принадлежности или владения: *лицо женщины, дневники Пришвина, дом отца* и т. д.

Р. О. Якобсон замечает *метонимическую природу генитивных* словосочетаний: в данном случае родительный падеж имеет значение исключения обозначенного им предмета из содержания высказывания или о том, что этот предмет представлен только частично [8, с. 149].

Несмотря на то, что существует возможность обращения генитивной конструкции в атрибутивную, не всякая генитивная конструкция может быть представлена в языке как атрибутивная. Скажем, генитивный оборот *ручка двери* может быть представлен атрибутивным *дверная ручка*. Но, например, оборот *ножка стула* в атрибутивном своем виде в современном языке не представлен. С другой стороны, не всякая адъективная конструкция такого типа может быть трансформирована в генитивную: так, словосочетание *оконная рама* вряд ли может быть представлена в виде *рама окна*, хотя формальных оснований для этого нет. Ср. *балконная дверь*.

Существуют и другие формы синтагматической связи слов, которые носят семантически еще более сложный характер и психологическую структуру которых можно понять не сразу, на что указывает в своих работах А. Р. Лурия, который рассматривает эту особенность на двух примерах: *кусоч хлеба* (родительный части) и *брат отца* (родительный атрибутивный). *Кусоч хлеба* вовсе не выражает два понятия: «хлеб» и «кусоч»; это словосочетание выражает простейшие отношения между одним объектом (хлебом) и его частью (кусочком). Конструкция *брат отца* является более сложной, выражающей не два изолированных объекта (брата и отца) и не один конкретный объект (кусоч хлеба), а являющейся обозначением третьего, неупомянутого в данной конструкции объекта (дяди) [6, с. 151].

Стоит учесть, что конструкция «родительного атрибутивного» появилась в русском языке значительно позднее конструкции «родительного части». Она имеет большую психологическую сложность, и понимание ее требует значительного числа промежуточных трансформаций.

Первая сложность восприятия иностранцем данной конструкции заключается в том, что в ней четко выражены иерархические, парадигматические компоненты: *брат отца* — это не просто два существительных и вовсе не «брат+отец»; данная структура выражает отношение брата к отцу, причём второе существительное, стоящее в родительном падеже (*отца*), выражает вовсе не объект, а лишь качество, которое семантически несёт функцию прилагательного (*отцовский брат*). Поэтому, как бы проста ни казалась эта конструкция, на самом деле она сложна: два слова (*брат отца*) выражают на самом деле одного субъекта, а не двух, причём этот субъект открыто не обозначен (это не «брат» и «отец», а «дядя»). Вторая сложность связана с тем, что эта конструкция является «обратимой». Можно сказать *брат отца* (и это будет дядя), а можно изменить порядок этих двух существительных и сказать *отец брата*, но это будет уже не дядя, а отец (отец моего брата = мой отец). Совершенно иное мы имеем в «необратимых конструкциях». Так, можно сказать *кусоч хлеба* или *ножка стола*, но нельзя сказать *хлеб куска*, или *стул ножки*. Таким образом, необратимость конструкции служит дополнительной семантической опорой, облегчающей понимание её значения.

Атрибутивное значение слова, стоящего в родительном падеже и на самом деле имеющего значение прилагательного, противоречит обычному для русского языка порядку слов, в котором прилагательное, выражающее свойство предмета, предшествует существительному. Поэтому, чтобы понять подлинное значение этой конструкции (родительного атрибутивного), следует провести целый ряд дополнительных психологических операций или трансформаций: нужно отвлечься от вещественного, именного значения второго существительного, придать ему значение прилагательного, а для этого нужно изменить порядок слов, потому что в привычных формах русского языка прилагательное стоит на первом месте.

А. А. Камынина выделяет семь значений родительного падежа, среди которых есть такие, как значение субъекта (*пение соловья*), носителя признака (*красота души*) и признака (*страна чудес*), причём последний определяется как «родительный определительный, часто опирающийся на внутренний контекст» [4, с. 65]. Обратим внимание на то, что первые два типа во многих случаях могут употребляться в значении признака: ср. *пение соловья* — *соловьиное пение*, *красота души* — *душевная красота*. Словосочетания типа *красота девушки*, которое приводит Р. Якобсон, свидетельствует об атрибутивном значении именительного падежа, что не исключает наличия атрибутивного словосочетания *девичья красота*, но здесь вряд ли можно говорить об обратимости.

Понятие «комбинированные словосочетания» используется Н. Ю. Шведовой [см., напр., 3] по отношению к словосочетаниям, которые образованы на основе связей, исходящих от разных стержневых слов, и являются структурно неразложимыми. Из атрибутивных сочетаний это такие примеры, как *судья республиканской категории, револьвер марки Смита*. При делении словосочетаний по структуре на простые и сложные В. В. Виноградов говорит, что простые словосочетания обычно двусловны, сложное же словосочетание в большинстве случаев является продуктом распространения простого словосочетания: *близкий друг Пушкина*. К сложным относятся словосочетания, которые образуются на основе разных способов связей, исходящих из одного и того же главного слова. Так,

словосочетание *красивая лампа с абажуром* в соответствии с этой классификацией является сложным, т. к. слова в нём связаны и согласованием, и управлением, исходящими от одного и того же главного слова *лампа*.

При обращении к поэтическим произведениям А.С.Пушкина внимание привлекают атрибутивные словосочетания, состоящие из нескольких (двух, трёх, четырёх) компонентов, например *волн осенний хлад, в часы досугов золотых, свадьбы день ужасный*. Приведённые примеры являются соединением двух атрибутивных словосочетаний (адъективного сочетания и генитивной конструкции) и могут быть разделены формально на отдельные составляющие единицы — *осенний хлад* и *хлад волн; в часы досуга* и *золотой досуг; день свадьбы* и *ужасный день*. Однако, даже не обращаясь к тексту соответствующих поэм, читатель чувствует, что при подобном разделении утрачивается особое звучание, особое содержание и прелесть приведенных выражений. Каждое из разделённых словосочетаний вполне может существовать в языке (и существует), тем не менее часто при подобном разъятии составных компонентов нарушается тонкое именование того или иного явления, ощущения, реалии художественного мира поэмы. Согласимся, что явления *осенний хлад* и *хлад волн* (даже не принимая во внимание стилистическую маркированность слова *хлад*) не создадут того представления в сознании читателя, которое появляется при обращении к словосочетанию *волн осенний хлад*.

Эти сочетания различаются по характеру синтаксической связи между компонентами, по позиции составляющих их грамматических форм: нормативной (*толпа могучих сыновей, наслажденья дикой неги*) или стилистически маркированной, когда атрибут может оказаться либо в препозиции (*волн осенний хлад*), либо в смешанном препозитивно-постпозитивном положении (*свадьбы день ужасный, часы досугов золотых*).

Словосочетание *судьба твоих грядущих дней* — одна из ключевых фраз мудреца финна, героя поэмы «Руслан и Людмила», оказывает сильное эстетическое воздействие: во-первых, благодаря неразложимости сочетания компонентов, во-вторых, из-за усложнённой семантики слова *судьба*. При нарушении его структуры (исключении атрибута *грядущие*), указанное словосочетание теряет смысл (*судьба дней*), поскольку *грядущие дни* — перифраза *будущего*. Таким образом, *судьба твоих грядущих дней* трансформируется в *судьба твоего будущего*, или *твоя будущая судьба*. В таком случае, обнаруживается, что слово *судьба* реализует в этом словосочетании два своих значения: «предопределение» и «жизнь». В данном случае имеет место характерный для раннего периода творчества Пушкина прием расширения ассоциативного ряда «время». Ср., например, в стихотворении «Безверие», написанном в 1817 году:

Наш век — неверный день, всечасное волнение.
Когда, холодной тьмой объемля грозно нас,
Завесу вечности колеблет смертный час...

Единственной объединяющей их формальной чертой оказывается наличие во всех них одного и двух существительных или одного и двух прилагательных; с содержательной же точки зрения их объединяет наличие коннотативного плана, что указывает на выполнение ими по крайней мере экспрессивной функции. Эту группу разнородных сочетаний нельзя определить с помощью какого-то общепринятого термина, но, поскольку между ними наличествует уже отмеченное формальное и содержательное сходство, мы будем рассматривать их в качестве комбинированных атрибутивных словосочетаний, независимо от того, исходит ли связь от одного слова или от разных слов. Среди них будут и структурно неразложимые сочетания, и формально свободные. Для нас существенно, является ли такое атрибутивное словосочетание неделимой единицей эстетической информации.

Литература

1. Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии / О. С. Ахманова. — М.: Учпедгиз, 1957. — 295 с.
2. Виноградов В. В. Поэтика русской литературы. Избранные труды / В. В. Виноградов. — М.: Наука, 1976. — 511 с.
3. Грамматика современного русского литературного языка. — М.: Наука, 1970. — 767 с.
4. Камынина А. А. Современный русский язык: Морфология: учеб. пособие для студ. филол. фак. / А. А. Камынина. — М.: Изд-во МГУ, 1999. — 240 с.
5. Ковтунова И. И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение / И. И. Ковтунова. — 2-е изд. — М.: URSS, 2002. — 240 с.
6. Лурия А. Р. Язык и сознание / А. Р. Лурия; ред. Е. Д. Хомская. — М.: Изд-во МГУ, 1979. — 320 с.
7. Юдина Н. В. Лексическая сочетаемость в когнитивном аспекте (на материале конструкции «прилагательное + существительное»): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 — теория языка / Н. В. Юдина. — М., 2006. — 46 с.
8. Якобсон Р. О. Избранные работы / Р. О. Якобсон. — М.: Прогресс, 1985. — 460 с.

References

1. Ahmanova O. S. Oчерки po obščey i russkoy leksikologii / O. S. Ahmanova. — M.: Uchpedgiz, 1957. — 295 s.
2. Vinogradov V. V. Poetika russkoy literatury. Izbrannyye trudy / V. V. Vinogradov. — M.: Nauka, 1976. — 511 s.
3. Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. — M.: Nauka, 1970. — 767 s.
4. Kamyнина A. A. Sovremennyy russkiy yazyk: Morfologiya: ucheb. posobie dlya stud. filol. fak. / A. A. Kamyнина. — M.: Izd-vo MGU, 1999. — 240 s.
5. Kovtunova I. I. Sovremennyy russkiy yazyk. Poryadok slov i aktualnoe chlenenie / I. I. Kovtunova. — 2-e izd. — M.: URSS, 2002. — 240 s.
6. Luriya A. R. Yazyk i soznanie / A. R. Luriya; red. E. D. Homskaya. — M.: Izd-vo MGU, 1979. — 320 s.
7. Yudina N. V. Leksicheskaya sochetayemost v kognitivnom aspekte (na materiale konstruktсии «prilagatelnoe suschestvitelnoe»): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.19 — teoriya yazyka / N. V. Yudina. — M., 2006. — 46 s.
8. Jakobson R. O. Izbrannyye raboty / R. O. Jakobson. — M.: Progress, 1985. — 460 s.

ХЛОПЬЯНОВ Александр Владимирович,

доцент кафедры російської мови для іноземних учнів природничих факультетів Московського державного університету імені М. В. Ломоносова; Москва, Росія;
e-mail: runlet@bk.ru; тел.: + 7-915-2430593

ПРО ВИВЧЕННЯ ПОЕТИЧНИХ АТРИБУТИВНИХ СЛОВОСПОЛУЧЕНЬ В ІНШОМОВНІЙ АУДИТОРІЇ

Анотація. Граматичний і стилістичний аналіз атрибутивних словосполучень в художньому тексті призводить до розуміння даних мовних одиниць як найважливішого засобу створення естетичного ефекту в художньому творі. Існуючі підходи граматичного аналізу вимагають розширення уявлення про словосполучення як синтаксичну одиницю, яка часто має в поетичному тексті особливі конотації. Пояснити такі стилістичні обертони можливо завдяки граматико-стилістичного аналізу. У правилах поєднання слів, у закономірностях творення словосполучень різних видів і типів яскраво проявляється національна специфіка мови.

У теоретичній (вступній) частині статті розглянуто атрибутивні словосполучення з точки зору їх структури (ад'єктивні, генітивні, багатоконпонентні конструкції) і семантики. В основній частині роботи представлено аналіз атрибутивних словосполучень з точки зору особливостей сполучуваності в них лексем у художньому тексті на прикладі творів О. С. Пушкіна. Особлива увага приділяється конструкції «родового атрибутивного» зважаючи на її більш складну трансформаційну модель. У заключній частині статті зроблено спробу пояснити атрибутивне словосполучення як неподільну одиницю естетичної інформації. Робота орієнтована на викладачів російської мови як іноземної.

Ключові слова: синтаксис, словосполучення, лінгвопоетика, семантика.

Alexander V. KHLOPYANOV,

Ass. Prof. of Department for the Russian Language for Foreign Students in Moscow State Lomonosov University;
Moscow, Russia;
e-mail: runlet@bk.ru; tel.: +7-915-2430593

ON THE STUDY OF RUSSIAN POETIC ATTRIBUTIVE COLLOCATIONS BY FOREIGNERS

Summary. Grammatical and stylistic analysis of attributive phrases in a literary text describes these linguistic units as an important means of creating an aesthetic effect in the artwork. The present linguistic methods give more ideas how to interpret connotative collocation. Explanation of such stylistic overtones becomes possible due to grammatical and stylistic analysis. In the leading part of the article attribute combinations are described in terms of their structure (adjective, genitive, multicomponent structure) and semantics. The main part of the paper contains the analysis of attributive phrases in connection with the works of A. S. Pushkin. The particular attention is paid to «attributive genitive» structure because of its more complicated transformational model. In the final part attributive phrases are considered as units of aesthetic information. Work is focused on teachers of Russian as a foreign language.

Key words: syntax, collocation, linguopoetics, semantics.

Статтю отримано 12.03.2014 р.

УДК [811.161.1+811.411.21]'243'366.58:378

ЦАПКО Тамара Петровна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри мовної підготовки Харківського національного університету радіоелектроніки; Харків, Україна;
e-mail: t_p_tsapko@mail.ru; тел.: +38(057) 7021524; моб.: +38-097-2144388

ПРОБЛЕМЫ «ГЛАГОЛЬНОЙ» ИНТЕРФЕРЕНЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ АРАБОГОВОРЯЩИХ СТУДЕНТОВ

Аннотация. Одной из центральных проблем, возникающих в процессе обучения иностранному языку и взаимодействия языковых систем, является проблема интерференции. Выявление различных зон и типов интерференции на базе сопоставительно-типологических исследований на примере русского и арабского языков может быть использовано при создании учебных пособий, что будет способствовать повышению эффективности обучения русскому языку как иностранному.

Ключевые слова: сравнительная типология, билингвизм, межъязыковая интерференция.

Одним из принципов методики преподавания иностранного языка признан принцип учета родного языка учащихся. В связи с этим в процессе обучения адекватной коммуникации на изучаемом языке важное место занимает сопоставление языков. Сведения о сходстве и различиях между сопоставляемыми языками способствуют более стойкому овладению иностранным языком путем профилактики возможной интерференции. Одной из лингводидактических задач, которые решает сравнительное языкознание, является установление характера межъязыковых интерференций и путей их преодоления. Лингвистической причиной межъязыковой интерференции может стать методически релевантное отличие между родным и неродным языками. Проблема интерференции особенно актуальна, когда определенное грамматическое явление представлено как в родном языке учащихся, так и в изучаемом иностранном, однако в их функционировании существуют различия. В этом случае грамматические

модели родного языка переносятся в изучаемый язык. Таким образом, интерференция есть не что иное, как подмена схем и моделей изучаемого языка соответствующими элементами родного языка, или видоизменение первых по образцу вторых.

В практике преподавания русского языка как иностранного особое внимание уделяется глаголу, который является одним из важнейших классов слов для многих языков, базой, которая организует языковую деятельность человека. В процессе овладения такой сложной видо-временной системой, как русская, перед носителями арабского языка возникают трудности, обусловленные, прежде всего, отсутствием видов и особенностями употребления глагольных времен в их родном языке. Это необходимо четко осознавать на начальном этапе обучения, поскольку в этот период закладывается лингвистическая база, от которой зависит дальнейшее овладение языком. Поэтому сравнительный анализ русского и арабского глагола имеет большое значение для методики преподавания русского языка как иностранного на начальном этапе.

Цель этой работы заключается в том, чтобы на базе сравнительно-типологических исследований разных аспектов русского и арабского языков выявить совпадения и различия в использовании языковых средств в этих языках, что имеет важное методическое значение в преподавании русского языка как иностранного для преодоления языковой интерференции.

Явления языковой интерференции уже давно привлекают внимание психологов, лингвистов и методистов [3; 5; 6; 12; 13]. И хотя в этой отрасли в последнее время достигнуты значительные успехи [1; 8; 11], приходится констатировать, что учение об интерференции пока что существенно не повлияло на практику обучения русскому языку как иностранному. Представляется целесообразным дать общие сведения об арабском языке и о системе форм и значений арабского глагола, а также проанализировать ошибки в языке арабских студентов, предопределённые влиянием родного языка.

Современный арабский язык функционирует в трех формах: литературной — в виде литературного языка, диалектной — в виде арабских территориальных диалектов с их местными говорами, и разговорно-бытовой форме, которая занимает промежуточную позицию — арабские региональные обиходно-разговорные языки (койне). По характерным лингвистическим признакам, особенно морфологическим и фонетическим, все диалекты арабского мира принято объединять в две основных группы: восточную и западную. В восточную группу входит, вместе с другими, сиро-палестинская подгруппа (сирийский, ливанский, иорданский, палестинский диалекты); западная подгруппа включает так называемые магрибские диалекты, в частности марокканский. Между диалектами восточной и западной групп много существенных различий. Литературный язык изучается специально, в школе, и используется преимущественно в письменном виде; устная форма его реализации ограничена: ораторская речь, научные выступления, лекции, радио- и телепередачи, интервью. В быту им почти не пользуются.

Современный арабский литературный язык характеризуется значительным развитием словоизменения. Это единственный из семитских языков, сохранивший грамматические категории определенности — неопределённости, рода и числа, а также систему склонения и спряжения, систему форм наклонений и залогов.

Арабские словари придерживаются алфавитно-корневого принципа: слова расположены по гнездам однокоренных слов. Исходное слово — глагол в форме 3-го лица ед. числа прошедшего времени, являющийся основой для образования других глагольных и отдельных именных форм. В отличие от русского, арабский глагол не имеет категории вида и инфинитива, что важно учитывать при обучении русскому языку студентов, говорящих на арабском языке.

Особенность арабского языка, как и других семитских языков, заключается в том, что лексический смысл слова выражается, прежде всего, согласными звуками корня. Для арабского языка характерен корень из 3-х согласных. Гласные звуки являются основными показателями словообразования и словоизменения и служат для уточнения лексического значения и выражения грамматических отношений. В роли словообразовательной морфемы выступают не отдельные гласные, а вся сумма, то есть определённые словообразовательные модели, являющиеся своеобразным «каркасом» слова. Возможно, этим определяется своеобразное, недостаточно «уважительное» отношение арабских студентов к системе гласных в русском языке.

Арабский глагол имеет свои категориальные особенности и противопоставляется именным образованиям (существительным, прилагательным) и частицам, хотя большое количество глаголов в арабском языке образовано от именных основ. Арабскому глаголу, как и русскому, свойственны грамматические категории времени, наклонения, залога, лица, числа, рода. Есть атрибутивная форма глагола — причастие. В то же время, арабский глагол имеет особые формы — породы и масдары — и, в отличие от русского, не имеет категории вида, форм инфинитива и деепричастия. Арабский глагол имеет три числа (единственное, множественное, двойственное), три лица и два рода. В отличие от русского глагола, арабский глагол изменяется и в настоящем, и в прошедшем времени по лицам, во 2-м и в 3-м лице единственного числа и множественного числа по родам, в двойственном числе по родам в 3-м лице. Таким образом, арабский глагол имеет 13 форм в настоящем времени и столько же в прошедшем. В будущем времени глагол спрягается, как в настоящем, но перед глагольной формой ставится частица, выражающая значение будущего времени. Поскольку исторически глагольные формы образовались путём слияния личных местоимений с глагольным корнем и местоименные аффиксы присутствуют в этих формах, личные местоимения (я, ты и др.) при глаголах не используются.

Категория вида является специфической категорией славянских языков. Эта категория, имеющая основополагающее значение для всей системы русского языка с точки зрения взаимосвязи с другими

грамматическими категориями, в частности с категорией времени, является противопоставлением двух грамматических значений и форм несовершенного и совершенного вида и свойственна всем глаголам русского языка. Противопоставление видов проявляется как в видовых парах, то есть глаголах, имеющих одно лексическое значение и принадлежащих к разным видам (*писать — написать, читать — прочитать*), так и в одновидовых глаголах, которые имеют лишь несовершенный или лишь совершенный вид (*принадлежать, содержать* — несовершенный вид; *состояться, очутиться* — совершенный вид). Кроме того, среди видовых пар выделяются двувидовые глаголы, видовое противопоставление которых устанавливается из контекста и не опирается на формально-морфологические отличия (*использовать, классифицировать*).

Арабский глагол не имеет параллельных видовых форм. Лишь в зависимости от контекста глагол в каждом отдельном случае может передавать значение несовершенного, или совершенного вида. В зависимости от коммуникативных условий арабский глагол *kataba* (3-е лицо ед. числа прошедшего времени) можно перевести на русский язык как «он писал» и «он написал». Поскольку в арабском языке отсутствует какое-либо категориальное противопоставление совершенности / несовершенности как качественного представления действия, носитель языка может прибегнуть к «внеглагольным» средствам качественной характеристики действия, а именно: обстоятельствам (времени, образа действия), частицам и т. д. Так, поставив перед глаголом в форме прошедшего времени *kataba* «писал» элемент *kad* «уже», говорящий показывает, что идет речь о действиях, имеющих свой результат (*kad kataba* «он уже написал»); а употребление перед этим же глаголом обстоятельства времени *ku'l'iyam* «каждый день» показывает, что действие не доведено до своего конца и повторяется (*ku'l'iyam kataba* «он каждый день писал»).

Поскольку в русском языке формы времени тесно связаны с категорией вида, во время работы над видо-временной системой русского глагола в арабоязычной аудитории необходимо учитывать отсупствие видов глагола в арабском языке и особенности употребления временных форм.

Формы настоящего времени в арабском языке в значениях: действие, совпадающее с моментом речи, и действие, происходящее обычно, свойственное данному лицу, — имеют адекватные значения глагольных форм настоящего времени в русском языке, что не вызывает никаких проблем в процессе обучения.

Трудности возникают в таких случаях. В арабском языке действие, происходящее одновременно с другим действием в прошлом, выражается глаголом в форме настоящего времени. Отсюда ошибки: «*Мальчик стоял на одной ноге и думает о Москве*», «*Я не прочитал текст, потому что мой сосед мешает мне заниматься*». Преподаватель должен объяснить студентам, что, в отличие от арабского языка, в русском языке для обозначения двух действий, происходящих одновременно, используется одна временная форма глагола.

В арабском языке форма настоящего времени может присоединяться к глаголу в форме прошедшего времени и иметь обстоятельственное значение цели. Отсюда ошибки наподобие «**После школы я поехал учусь в Украине*». Следует разъяснять студентам, что в такой конструкции после глагола в форме прошедшего времени необходим инфинитив глагола.

В арабском языке глагол в форме настоящего времени употребляется в некоторых конструкциях, в аналогах которых в русском языке используется инфинитив, например, после глаголов со значением начала или продолжения действия, соответствующих русским глаголам *начать, продолжать*. Отсюда ошибки в языке студентов: «*Я отдохнул и начал занимаюсь*», «*Я буду продолжать учусь в университете*». Кроме того, после арабских глаголов со значением желания, возможности, стремления, соответствующих русским *хотеть, мочь, любить*, а также после модальных слов, соответствующих русским — *нужно, необходимо, можно, нельзя, должен*, в арабском языке употребляется глагол в форме сослагательного наклонения, которое образуется от формы настоящего времени. Отсюда ошибки в языке студентов: «*Я люблю гуляю в парке*», «*Можно я беру ручку?*», «*Если человек хочет получает письма, он должен пишет их*».

В арабском языке три формы прошедшего времени — прошедшее простое и две формы прошедшего сложного. Прошедшее простое передается глаголом в форме прошедшего времени, что адекватно русскому языку. Однако в русском языке может быть использован глагол несовершенного или совершенного вида, поэтому работа над формой прошедшего времени в русском языке тесно связана с изучением видов глаголов.

Сложная форма прошедшего времени — прошедшее длительное — состоит из сочетания форм прошедшего времени глагола «*быть*» с формами настоящего времени основного глагола и употребляется в двух значениях. Первое значение — прошедшее длительное действие. В языке арабских студентов распространены такие ошибки: «**Вчера я был разговариваю по телефону*». «**Я опоздал, потому что долго был сплю*». Ошибки подобного рода объясняются тем, что грамматические модели родного языка переносятся в русский язык, который изучается. Необходимо объяснить студентам, что для сообщения о факте действия в прошлом, когда действие лишь называется, или для обозначения длительного действия в прошлом необходимо использовать глагол несовершенного вида в форме прошедшего времени.

Второе значение прошедшего длительного времени в арабском языке — действие обычное, повторяющееся в прошлом. Отсюда часто встречаются ошибки, например «**На родине я часто был хожу в кино*». В русском языке в этом случае необходимо использовать глагол несовершенного вида в форме прошедшего времени: «*На родине я часто ходил в кино*». Поскольку форма прошедшего длительного времени арабского глагола передает основные значения несовершенного вида русского глагола,

необходима тщательная работа над значениями несовершенного вида глагола, чтобы предотвратить и устранить ошибки в языке студентов.

Вторая сложная форма прошедшего времени в арабском языке — давнопрошедшее — имеет значение действия, которое происходило давно, или действия, которое осуществлялось ранее другого действия в прошлом. В арабском языке давнопрошедшее время состоит из форм прошедшего времени глагола «*быть*», частицы «*уже*» и основного глагола в форме прошедшего времени. Очень часто студенты используют эту конструкцию для построения фраз на русском языке: «*В школе я уже был изучал биологию*», «*Когда мы пришли в деканат, секретарь был уже ушёл*». В русском языке здесь необходимо употребление глаголов прошедшего времени несовершенного (*В школе я изучал биологию*) и совершенного вида (*Когда мы пришли в деканат, секретарь уже ушёл*).

В арабском языке три формы будущего времени: будущее простое и две формы будущего сложного. Эти понятия не совпадают с тем, что мы называем будущее простое (*я напишу, я прочитаю*) и будущее сложное (*я буду писать, я буду читать*) в русском языке.

Будущее простое время имеет значение будущего времени и передается глаголом в форме настоящего времени с частицей, которая выражает значение будущего времени, или без частицы, если из контекста ясно, что речь идет о будущем. Опираясь на грамматические конструкции родного языка, студенты составляют фразы: «*Вечером я пишу письмо домой*», «*Завтра преподаватель говорит вам, когда мы едем на экскурсию*». Преподаватель должен объяснить, что для обозначения будущего действия в русском языке используется глагол в форме будущего времени несовершенного или совершенного вида.

Будущее сложное время употребляется для обозначения будущего предварительного действия и длительного действия в будущем. Будущее предварительное определяет действие, которое совершается в будущем раньше другого будущего действия, и передается с помощью форм настоящего времени глагола «*быть*», которые присоединяются к глаголу в форме прошедшего времени, или могут отсутствовать, если из контекста ясно, что речь идет о будущем: «*Что мы делаем, когда написали контрольную работу?*». Употребляя в этом примере глагол в форме настоящего времени, студенты ориентируются на функционирование будущего простого времени в арабском языке. Студенты должны четко осознавать, что для обозначения законченности в будущем одного действия раньше другого будущего действия в русском языке употребляется глагол совершенного вида в форме будущего времени: «*Что мы будем делать, когда напишем контрольную работу?*»

Значение длительного действия в будущем в арабском языке передает конструкция, состоящая из форм будущего времени глагола «*быть*» и основного глагола в форме настоящего времени: «*Завтра контрольная работа по биологии: когда я буду учу текст?*» Следует объяснить студентам, что в этом случае в русском языке необходимо употребление глагола несовершенного вида в форме будущего времени: «*Завтра контрольная работа по биологии: когда я буду учить текст?*»

Отличия в функционировании временных форм глагола в русском и арабском языках вызывают ошибки в языке студентов. Очень часто студенты строят русские фразы, используя грамматические модели родного языка. Поэтому на каждом практическом занятии необходима постоянная и тщательная работа над значениями вида и времени русского глагола.

Литература

1. Алимов В. В. Интерференция в переводе : учеб. пособие / В. В. Алимов. — М. : КомКнига, 2005. — 232 с.
2. Бурлаков М. А. Обучение активному владению иноязычной лексикой в вузе / М. А. Бурлаков. — Львов : Вища шк., 1988. — 247 с.
3. Вагнер В. Н. Методика преподавания русского языка англоговорящим и франкоговорящим. Фонетика. Графика. Части речи / В. Н. Вагнер. — М. : Изд-во РУДН, 1995. — 324 с.
4. Даниленко А. И. К вопросу о категории возвратности в арабском и русском языках / А. И. Даниленко // Вестник Харьковского политехнического института. — 1987. — № 244. — С. 65–66.
5. Затовканиук М. Н. Классификация явлений языковой интерференции (на материале лексики и грамматики) / М. Н. Затовканиук // Русский язык за рубежом. — 1973. — № 2. — С. 74–77.
6. Зимняя И. А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке / И. А. Зимняя. — М. : Просвещение, 1985. — 160 с.
7. Костомаров В. Г. Методика преподавания русского языка как иностранного / В. Г. Костомаров, О. Д. Митрофанова. — М. : Рус. яз., 1990. — 286 с.
8. Кузьмина С. Е. Языковая интерференция : учеб. пособие / С. Е. Кузьмина. — Нижний Новгород : НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2008. — 98 с.
9. Лопатин В. В. Современный русский язык. Теоретический курс. Словообразование. Морфология / В. В. Лопатин [и др.]. — М. : Рус. яз., 1989. — 262 с.
10. Шанский Н. М. Русская лингводидактика и языкознание / Н. М. Шанский // Научные основы и практика преподавания русского языка и литературы : тез. докл. и сообщ. на III Конгрессе МАПРЯЛ. — М. : Рус. яз., 1976. — С. 43–58.
11. Шарбатов Г. Ш. Арабский литературный язык, современные арабские диалекты и региональные обиходно-разговорные языки / Г. Ш. Шарбатов // Языки Азии и Африки. IV. Афразийские языки. Книга I. Семитские языки. — М. : Наука, 1991. — С. 250–330.
12. Этова Р. А. Сопоставительный анализ грамматических систем русского и арабского языков. Глагол / Р. А. Этова. — М. : Рус. яз., 1979. — 59 с.

References

1. Alimov V. V. Interferentsiya v perevode : ucheb. posobie / V. V. Alimov. — M. : KomKniga, 2005. — 232 s.
2. Burlakov M. A. Obuchenie aktivnomu vladeniyu inoyazychnoy leksikoy v vuze / M. A. Burlakov. — Lvov : Vischa shk., 1988. — 247 s.
3. Vagner V. N. Metodika prepodavaniya russkogo yazyika anglogovoryaschim i frankogovoryaschim. Fonetika. Grafika. Chasti rechi / V. N. Vagner. — M. : Izd-vo RUDN, 1995. — 324 s.

4. *Danilenko A. I.* K voprosu o kategorii vozvratnosti v arabskom i russkom yazykakh / A. I. Danilenko // Vestnik Harkovskogo politehnicheskogo instituta. — 1987. — № 244. — S. 65–66.
5. *Zatovkanyuk M. N.* Klassifikatsiya yavleniy yazykovoy interferentsii (na materiale leksiki i grammatiki) / M. N. Zatovkanyuk // Russkiy yazyk za rubezhom. — 1973. — № 2. — S. 74–77.
6. *Zimnyaya I. A.* Psihologicheskie aspekty obucheniya govorenuyu na inostrannom yazyke / I. A. Zimnyaya. — M.: Prosveschenie, 1985. — 160 s.
7. *Kostomarov V. G.* Metodika prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo / V. G. Kostomarov, O. D. Mitrofanova. — M.: Rus. yaz., 1990. — 286 s.
8. *Kuzmina S. E.* Yazykovaya interferentsiya: ucheb. posobie / S. E. Kuzmina. — Nizhniy Novgorod: NGLU im. N. A. Dobrolyubova, 2008. — 98 s.
9. *Lopatin V. V.* Sovremenniy russkiy yazyk. Teoreticheskiy kurs. Slovoobrazovanie. Morfologiya / V. V. Lopatin [i dr.]. — M.: Rus. yaz., 1989. — 262 s.
10. *Shanskiy N. M.* Russkaya lingvodidaktika i yazykoznanie / N. M. Shanskiy // Nauchnyye osnovy i praktika prepodavaniya russkogo yazyka i literatury: tez. dokl. i soobsh. na III Kongresse MAPRYaL. — M.: Rus. yaz., 1976. — S. 43–58.
11. *Sharbatov G. Sh.* Arabskiy literaturniy yazyk, sovremennyye arabskie dialekty i regionalnyye obihodno-razgovornyye yazyki / G. Sh. Sharbatov // Yazyki Azii i Afriki. IV. Afraziyskie yazyki. Kniga I. Semitskie yazyki. — M.: Nauka, 1991. — S. 250–330.
12. *Etova R. A.* Sopostavitelnyy analiz grammaticheskikh sistem russkogo i arabskogo yazykov. Glagol / R. A. Etova. — M.: Rus. yaz., 1979. — 59 s.

ЦАПКО Тамара Петрівна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри мовної підготовки Харківського національного університету радіоелектроніки; Харків, Україна;
e-mail: t_p_tsapko@mail.ru; тел.: +38(057) 7021524; моб.: +38-097-2144388

ПРОБЛЕМИ «ДІСЛІВНОЇ» ІНТЕРФЕРЕНЦІЇ ПІД ЧАС НАВЧАННЯ РОСІЙСЬКОЇ МОВИ ЯК ІНОЗЕМНОЇ АРАБОМОВНИХ СТУДЕНТІВ

Анотація. Однією із центральних проблем, що виникають у процесі навчання іноземної мови та взаємодії мовних систем, є проблема інтерференції. Виявлення різноманітних зон і типів інтерференції на базі порівняльно-типологічних досліджень на прикладі російської й арабської мов може бути використано при створенні навчальних посібників, що буде сприяти підвищенню ефективності навчання російської мови як іноземної.

Ключові слова: порівняльна типологія, білінгвізм, міжмовна інтерференція.

Tamara P. TSAPKO,

Candidate of Philological Sciences, Ass. Prof. of the Language Training Chair in the Kharkov National University of Radio Electronics; Kharkov, Ukraine;
e-mail: t_p_tsapko@mail.ru; тел.: +38(057) 7021524; моб.: +38-097-2144388

«VERB» INTERFERENCE PROBLEMS IN LEARNING THE RUSSIAN LANGUAGE AS FOREIGN FOR ARABIC STUDENTS

Summary. One of the basic problems raising in the process of learning the foreign language and language systems interaction is an interference problem. The revelation of the different interference zones and types on the typical comparison researches base using Russian and Arabic as an example can be used in writing any educational textbooks, that promotes «The Russian language teaching as a foreign one» effectiveness increasing.

Key words: comparative typology, bilingualism, inter-linguistic interference.

Статтю отримано 12.05.2014 р.

Цзя Юннин 贾永宁,

магистр филологии, старший преподаватель Института иностранных языков Сианьского нефтяного университета; Сиань, Китай;

e-mail: jiayn1@sohu.com; тел.: +86-29-85303280; моб.: +86-138-91860588

ИНТЕРФЕРЕНТНЫЕ ОШИБКИ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ РУССКИХ ПРЕДЛОГОВ И СОЮЗОВ

Аннотация. В статье проанализированы причины интерферентных ошибок в употреблении китайскими студентами русских предлогов и союзов. Типичные ошибки китайских студентов в употреблении русских предлогов и союзов обусловлены интерферентным влиянием на русский язык родного китайского языка. Типичной ошибкой при употреблении русских предлогов является их использование в качестве самостоятельных слов без учёта формальной и семантической связанности с существительными в синтаксемах. Типичные ошибки использования русских союзов происходят прежде всего в группе подчинительных союзов. Мы считаем, что основные причины возникновения трудностей в использовании русских подчинительных союзов заключаются в том, что китайским студентам сложно: 1) осознать функциональные различия русских союзов и предлогов; 2) усвоить формальную автономность русского союза; 3) выявить роль союза как средства связи частей сложного предложения; 4) отличить составные союзы от свободных сочетаний слов, которые входят в них. При обучении китайцев русскому языку необходимо учитывать эти особенности. Только специальные упражнения для снятия трудностей могут помочь успешному преодолению интерферентных ошибок в употреблении русских предлогов и союзов.

Ключевые слова: синтаксис, предлог, союз, китайско-русская языковая интерференция, ошибка, изучение русского языка как иностранного.

При изучении русского языка предлоги и союзы представляют для китайских учащихся большую трудность. В. В. Виноградов отмечает, что русские «связочные слова очень многочисленны и продуктивны» [2, с. 544]. Обращаясь к статистике, он пишет, что предлоги, наряду с союзами, частицами и местоимениями, занимают самое значительное место среди наиболее употребительных слов. В процессе обучения русскому языку китайские студенты часто встречаются с проблемами, связанными со склонением падежей имён существительных, с которыми предлоги объединяются в синтаксическое единство. Однако более серьёзной проблемой в этом отношении стало для китайских студентов употребление предлогов в качестве отдельного слова на уровне русской синтаксической семантики, что приводит к нарушению предложнопадежного соединения, являющегося отличительной чертой русского предлога. При употреблении союза китайские студенты часто пренебрегают формальной автономностью союзов в синтаксических конструкциях, в результате чего сталкиваются с проблемами соотносённости союзов со связанными ими частями синтаксических конструкций. Ввиду того, что в китайском языке предлоги и союзы, являющиеся служебными словами, очень близки по форме (одно и то же слово может служить и предлогом, и союзом, в зависимости от конкретных контекстов), китайские студенты иногда путают их синтаксические роли в русском языке. Это проявляется, во-первых, в самостоятельном употреблении предлогов без учёта изменений форм падежей имён существительных, объединённых с предлогами в синтаксемы; во-вторых, в появлении в русской речи китайцев псевдозависимости союзов и определённых падежных форм имён существительных. В данной статье проблемы появления интерференции и механизмы её нейтрализации рассматриваются на основе сопоставительного анализа русского и китайского языков.

1. Различия в использовании русских и китайских предлогов.

В «Русской грамматике» под редакцией Н. Ю. Шведовой предлог определяется как «служебная часть речи, оформляющая подчинение одного знаменательного слова другому в словосочетании или в предложении и тем самым выражающая отношение друг к другу тех предметов и действий, состояний, признаков, которые этими словами называются: *говорить о поездке, состоять из части*. Предлогами выражаются те же общие отношения, которые выражаются косвенными падежами существительных (кроме отношения субъектного): это всегда один из видов отношения определительного (по месту, времени, причине, условию, цели и др.) или объектного, либо это отношение необходимого информативного восполнения» [3, т. 1, § 1655].

Для определения того или иного значения первообразного предлога всегда требуется контекст, минимальное словесное окружение. Таким окружением служат соединяемые предлогом члены словосочетания и синтаксема — форма конкретного слова, образующая вместе с предлогом предложнопадежное соединение, — уже в отношении самого этого соединения к минимальному контексту в предложении. Установить в таком синтаксическом единстве отдельное от предлога значение падежа обычно невозможно. На уровне синтаксической семантики предложнопадежная форма нечленима [3, т. 1, § 1666].

Тесными и живыми связями многих предложных новообразований со словами знаменательных частей речи объясняется то, что предлог часто лишён важнейшего признака отдельного слова — **цельнооформленности** [3, т. 1, § 1668]. Типичная ошибка китайских студентов заключается в том, что они употребляют русские предлоги как отдельные слова, не осознавая, что на уровне синтаксической

семантики предложнопадежная форма нечленима. Примеры ошибочных предложений, составленных китайскими студентами:

*1. *Номера в гостинице приготовили за два дня до делегации приехать.*

*2. *За несколько минут до поезда приехать он позвонил жене.*

*3. *Он пошёл в ресторан получить работу посудомойщика, для зарабатывать на мелкие расходы.*

Возникновение ошибки обусловлено интерференцией стереотипа мышления на китайском языке.

Китайские предлоги — служебные слова, выражающие субъектно-объектные, пространственные, временные, целевые и причинные отношения. Предлоги выражают отношения между неоднородными членами предложения, а именно между сказуемым и обстоятельством. В отличие от русского языка, в котором предлоги делятся на первообразные и непервообразные (производные), а последние, в свою очередь, на отыменные, отглагольные и наречные, многие предлоги в китайском языке являются дериватами глаголов. Они похожи на глаголы и могут употребляться как глаголы. Предлог с объектом (часто существительное или местоимение) образует предложный оборот. В современном китайском языке предложный оборот обычно ставится перед глаголом. Поэтому очень часто студенты пишут *для зарабатывать и подобное вместо для заработка или чтобы зарабатывать в указание цели (пример 3), не трансформируя глагол зарабатывать в однокоренное существительное заработок в соответствии с законами русского языка. Вместо до приезда делегации употребляют *до делегации приехать (пример 1); вместо до приезда поезда пишут *до поезда приехать (пример 2) и под.

Чтобы избежать подобных ошибок у китайских студентов, надо обращать большое внимание на различие в употреблении предлогов в китайском и русском языках и подчёркивать их отличительные особенности, целенаправленно выполнять тренировочные упражнения для выработки навыка правильного употребления предложно-падежных сочетаний с глаголом либо вместо глагола.

2. Различия в использовании русских и китайских союзов

Союз — это служебная часть речи, при помощи которой оформляется связь между частями сложного предложения, между отдельными предложениями в тексте, а также (это относится лишь к некоторым союзам) связь между словоформами в составе простого предложения. При помощи большинства союзов дифференцируется синтаксический вид связи — её сочинительный или подчинительный характер. Оформляя связь, союз в то же время выполняет квалифицирующую функцию: он обозначает, с какой степенью конкретизации, отношения между соединяемыми предложениями или их членами.

Специфика русского союза как связующего слова, в отличие от предлогов и союзных слов, заключается в том, что его контакт с синтаксической конструкцией не закреплён никакими формальными показателями. В этом смысле союз, будучи неотъемлемым элементом образуемой синтаксической конструкции, в то же время сохраняет **формальную автономность**. Эта автономность составляет характерную особенность грамматического поведения союза, отличающую его, с одной стороны, от тех союзных слов, которые имеют формы словоизменения, и с другой стороны, от предлогов, служебная функция которых осуществляется во взаимодействии с падежной флексией [3, т. 1, § 1670]. Предлоги осуществляют свою служебную функцию в обязательном единстве с падежными формами существительного, тогда как союзы не только не связаны с грамматическими формами соединяемых слов, но и вообще безразличны к их принадлежности к той или другой части речи [3, т. 1, § 1669].

По синтаксическим свойствам союзы делятся на сочинительные (*и, а, но, или* и др.) и подчинительные (*что, как, если, потому что, хотя, чтобы* и др.). Распространённые ошибки у китайских студентов чаще связаны с неправильным использованием подчинительных союзов, при помощи которых в русском языке выражается зависимость одной единицы от другой. Непривычным для китайцев является и то, что придаточные части сложноподчинённых предложений, включающие целый ряд подчинительных союзов, в русском языке могут стоять в препозиции, в постпозиции и в интерпозиции по отношению к главной части [3, т. 1, § 1683]. Поэтому мы подробнее остановимся на интерферентных ошибках китайцев при употреблении подчинительных союзов.

Наши исследования позволили систематизировать интерферентные ошибки в использовании китайскими студентами русских подчинительных союзов на основании следующих причин:

1) **Неосвоение формальной автономности союза.** Например: **Когда (после того как) ему возвращении в родной город, он стал опытным компьютерным инженером.* В предложениях с союзами *когда / после того как* студенты сочетают косвенные падежи местоимения и существительного, забывая о такой особенности русского союза, как отсутствие формальной зависимости от грамматических форм соединяемых компонентов. Правильный вариант: *Когда / после того как он вернулся в родной город, он стал опытным компьютерным инженером.*

2) **Путаница в синтаксической роли предлога и союза.** Например, случаются такие ошибки: **За несколько минут до самолёт вылетел, он позвонил жене.* **После он возвратился в родной город, он стал опытным компьютерным инженером.* В первом предложении вместо составного союза *до того как*, за которым следует предложение, студенты написали только его первую часть, так как представили, что здесь должен функционировать предлог *до*. Во втором предложении, подобно первому, употребляется только *после*, воспринимаемый как предлог, вместо составного союза *после того как*.

В китайском языке предлоги и союзы по форме бывают очень близки, даже омонимичны. Например: слово *убуу* (*из-за, так как*) может выполнять синтаксическую функцию как предлога (*Убуу* (является предлогом) *dèzhōng yīnsù, yuánlái de jīhuà qǐxiāo le.* — *Из-за разных причин (по разным причинам) первоначальный план отменяется*), так и союза. Во втором случае *убуу* — компонент двойного союза *убуу ... уйне*, в котором *убуу* выражает причину, а *уйне* — следствие: *Убуу*

lǎoshī bìng le, yīncǐ wǒmen jīntiān méiyǒu shàngkè. — *Из-за того, что учитель заболел, сегодня у нас не будет урока.* Ошибочными являются предлагаемые студентами фразы: **Из-за того что различных факторов, первоначальный план отменяется.* **Из-за учитель заболел, сегодня у нас не будет урока.*

3) **Невыявление связующей роли союза между частями сложных предложений.** Например: **По мере того как изучая русский язык, мы стали глубже понимать значение фразеологизмов.* **Ваня делает всё, как по требованию родителей.* Ошибка в первом примере объясняется тем, что в китайском языке нет деепричастий. Деепричастный оборот воспринимается китайцами часто как придаточное предложение, связанное с главным двойными союзами. Во втором примере не произведена необходимая замена предложно-падежной формы однокоренным глаголом-сказуемым. Правильные варианты таковы: *По мере того как мы изучаем русский язык, мы глубже понимаем значение фразеологизмов.* *Ваня делает всё, как требуют родители.*

4) **Трудности в употреблении синтаксически мотивированных составных союзов.**

В русском языке основная масса синтаксически мотивированных (синтагматических) составных союзов образована при участии предлогов. Такие союзы сохраняют связь с синтаксемами, имеющими эти предлоги. В качестве строевого элемента этих союзов всегда выступает простой союз (*как, что, чтобы, если* и под.), относящий всё образование к классу союзов. Этот элемент соединён с предложноименным сочетанием, выполняющим роль семантического конкретизатора. Наиболее характерным типом русских союзов, включающих в свой состав предложное сочетание, являются союзы с местоименным словом *то* в позиции именной словоформы. В образовании таких союзов участвуют простые и составные предлоги различной структуры: *в то время как; если ... то; по мере того как; с тем, чтобы* и др. [3, т. 1, § 1678]. Китайские студенты встречают наибольшую трудность в употреблении таких союзов из-за их сложности. Примеры ошибочного конструирования фраз: **После того вернулся в родной город, он стал опытным компьютерным инженером.* **Прежде несколько минут чем самолёт вылетел, лётчик позвонил жене.* В первом примере имеется предложное сочетание с местоимением *то*, но опущен ключевой союзный компонент *как*, относящий всё образование к классу союзов. Во втором примере проблема более сложная. Студенты по ошибке употребили предлог *прежде* вместо *за* и дистантно расположили компоненты составного союза *прежде чем*, что недопустимо в русском языке. В русском языке такая позиция разрешена только двухместному союзному соединению типа *если ... то, если ... так*, в которых *то* и *так* служат коррелятами. Правильные варианты: *После того как он вернулся в родной город, он стал опытным компьютерным инженером.* *За несколько минут до вылета лётчик позвонил жене.* / *Прежде чем вылететь, лётчик позвонил жене.*

Наши наблюдения приводят к выводу о том, что типичные ошибки китайских студентов в употреблении русских предлогов и союзов связаны с интерферентным влиянием на русскую речь родного китайского языка. Типичной ошибкой при употреблении русских предлогов является их использование в роли самостоятельных слов без учёта их формальной и семантической связанности с существительными. Типичные ошибки употребления русских союзов китайцами наблюдаются в группе подчинительных союзов. Мы считаем, что основные причины появления трудностей в использовании русских подчинительных союзов заключаются в том, что китайским студентам сложно: 1) осознать функциональные различия русских союзов и предлогов; 2) усвоить формальную автономность русского союза; 3) выявить роль союза как средства связи частей сложного предложения; 4) отличить составные союзы от свободных сочетаний входящих в них компонентов. При обучении китайцев русскому языку необходимо учитывать эти трудности. Только специальные упражнения для снятия этих трудностей могут помочь успешному преодолению интерферентных ошибок в употреблении русских предлогов и союзов.

Литература

1. Арбузова И. И. Разъяснение грамматических функций русских пространственных предлогов в иностранной аудитории / И. И. Арбузова // Ярославский педагогический вестник. — Ярославль, 2011. — № 4, т. II. — С. 116–120.
2. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. — М.: Высш. шк., 1986. — 639 с.
3. Русская грамматика. В 2 т. Т. 1 / ред. Н. Ю. Шведова. — М.: Наука, 1980. — 783 с.
4. Роль служебных слов в синтаксисе китайского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.webkursovik.ru/kartgotrab.asp?id=-38657.
5. Предлоги в китайском языке [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.lingvo-wiki.

References

1. Arbutzova I. I. Raz'yasnenie grammaticheskikh funktsiy russkikh prostranstvennykh predlogov v inostrannoy auditorii / I. I. Arbutzova // Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik. — Yaroslavl, 2011. — N 4, t. II. — S. 116–120.
2. Vinogradov V. V. Russkiy yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove) / V. V. Vinogradov. — M.: Vyssh. shk., 1986. — 639 s.
3. Russkaya grammatika. V 2 t. T. 1 / red. N. Yu. Shvedova. — M.: Nauka, 1980. — 783 s.
4. Rol' sluzhebnykh slov v sintaksise kitayskogo yazyika [Elektronnyy resurs]. — URL: www.webkursovik.ru/kartgotrab.asp?id=-38657.
5. Predlogi v kitayskom yazyike [Elektronnyy resurs]. — URL: www.lingvo-wiki.

Цзя Юннін,

магістр філології, старший викладач Інституту іноземних мов Сіаньського нафтового університету; Сіань, Китай;
e-mail: jiaun1@sohu.com; тел.: +86-29-85303280; моб.: +86-138-91860588

ИНТЕРФЕРЕНТНИ ПИМИЛКИ КИТАЙСЬКИХ СТУДЕНТИВ ПРИ ВИКОРИСТАННІ РОСІЙСЬКИХ ПРИМЕННИКІВ І СПОЛУЧНИКІВ

Анотація. У статті проаналізовано причини інтерферентних помилок у вживанні китайськими студентами російських применників і сполучників. Типові помилки китайських студентів у вживанні російських применників і сполучників зумовлені інтерферентним впливом на російську мову рідної китайської мови. Типовою помилкою при вживанні російських применників є їх використання в ролі самостійних слів без урахування формальної та семантичної пов'язаності з іменниками у синтаксемах. Типові помилки вживання російських сполучників спостерігаються передусім у групі підрядних сполучників. Ми вважаємо, що основні причини виникнення труднощів у використанні російських підрядних союзів полягають у тому, що китайським студентам складно: 1) усвідомити функціональні відмінності російських сполучників і применників; 2) засвоїти формальну автономність російського сполучника; 3) виявити роль сполучника як засобу зв'язку частин складного речення; 4) відрізнити складені сполучники від вільних поєднань слів, що входять до них. При навчанні китайців російській мові необхідно враховувати ці особливості. Тільки спеціальні вправи для зняття труднощів можуть допомогти успішному подоланню інтерферентних помилок у вживанні російських применників і сполучників.

Ключові слова: синтаксис, применник, сполучник, китайсько-російська мовна інтерференція, помилка, вивчення російської мови як іноземної.

Yongning JIA,

Master of Philology, senior lecturer at the Institute of Foreign Languages of Xi'an Petroleum University; Xi'an, China;
e-mail: jiaun1@sohu.com; tel.: +86 29 85303280; mob.: +86 138 91860588

INTERFERENTIAL ERRORS BY CHINESE STUDENTS DURING USE OF RUSSIAN PREPOSITIONS AND CONJUNCTIONS

Summary. The article analyzes the causes of interferential errors in the use of Russian prepositions and conjunctions by Chinese students. The typical errors of Chinese students in the use of Russian prepositions and conjunctions are caused by interferential influence of native Chinese on Russian. The typical mistake in the use of Russian prepositions is to use them as separate words without taking into account the formal and semantic relatedness with nouns in syntaxemes. The typical errors of using Russian conjunctions occur primarily in the group of subordinating conjunctions. We believe that the main causes of the difficulties in the use of Russian subordinating conjunctions lie in the fact that it's difficult for Chinese students: 1) to understand the functional differences of Russian conjunctions and prepositions; 2) to learn the formal autonomy of Russian conjunctions; 3) to identify the role of the conjunctions as communication means of parts of a complex sentence; 4) to distinguish between the complex conjunctions and free combinations of words included therein. We must consider these features in teaching Russian to Chinese. Special exercises for relieving these difficulties can help successfully overcome interferential errors in use of Russian prepositions and conjunctions.

Key words: syntax, prepositions, conjunctions, the Sino-Russian language interference, error, learning of Russian as a foreign language.

Статтю отримано 26.01.2014 р.

УДК 811.161.2'367.635:37.02

МАРУСИНЕЦЬ Маріанна Михайлівна,

молодший науковий співробітник Інституту педагогічної освіти і освіти дорослих НАПН України;
Київ, Україна;
e-mail: marusynetsm@ukr.net; тел.: 095-5772517

МОДАЛЬНІ ЧАСТКИ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ: ДІАГНОСТИЧНИЙ І ДИДАКТИЧНИЙ КОНТЕКСТ

Анотація. Стаття присвячена опрацюванню критеріїв виокремлення модальних часток української мови. Визначено природу, обсяг і структуру лінгвістичної категорії модальності. Модальність потрактовано як гетерогенну когнітивно-прагматичну категорію, що репрезентується різнорівневими засобами та проявляється як спосіб ментально-чуттєвого відображення дійсності і як взаємодія різних складових комунікативної ситуації (мовця, слухача, змісту висловлення, дійсності). Модальні частки української мови розглянуто як окрему частину мови, відмінну від інших невідмінюваних частин мови, що надає окремим словам, словосполученням, реченням додаткових смислових та емоційних відтінків. Основними спільними критеріями виокремлення модальних часток є їх нездатність самостійно функціонувати як речення та змінювати умови істинності речення. Елімінація модальних часток з речення не робить його граматично неправильним. Решта традиційних критеріїв є проблематичними, оскільки вони також стосуються інших часток та службових слів.

Ключові слова: модальність, модальні частки, діагностичний контекст, дидактичний контекст, критерії виокремлення, категорійний статус.

Постановка проблеми. Незважаючи на комунікативну значимість модальних часток, їх докладне дослідження почалося порівняно нещодавно. Пізній інтерес до модальних часток значною мірою пов'язаний із особливостями їхньої семантики — поліфункціональністю та наявністю особливого лек-

сичного значення, яке повною мірою реалізується лише у контексті. Дотепер відсутня єдина точка зору на категорійний статус та межі цього класу слів, не встановлено статус окремих лексем, відсутні чіткі критерії їх виокремлення. Насправді, частки важко виокремити з усієї службової лексики через те, що їхні значення можуть перетинатися зі значеннями прислівників, сполучників, вигуків і модальних слів.

Аналіз останніх досліджень і публікацій. Кількість досліджень, присвячених часткам української мови, невелика. Виходять окремі праці та статті, присвячені дослідженню їх категорійного статусу [4; 5], семантико-функціональної специфіки [3; 8; 12], синтаксичних особливостей [2].

В українському мовознавстві частки розглядаються як окрема частина мови, не пов'язана з прийменниками, сполучниками та прислівниками. Незважаючи на розмаїття точок зору на ознаки часток, вчені відзначають, що переважна більшість часток у своєму значенні містить модальні відтінки й тяжіє до категорії модальних слів [4; 5]. «Часткою називається службова частина мови, що надає окремим словам, словосполученням, реченням додаткових смислових та емоційних відтінків у значенні або використовується для творення деяких граматичних форм та нових слів. <...> Від інших службових частин мови частки відрізняються тим, що не є засобом синтаксичного зв'язку. Основне призначення їх полягає у видозміні значень окремих слів, цілих речень [7, с. 245].

Автори академічного видання «Сучасна українська літературна мова: Морфологія» тлумачать частки як «неповнозначні незмінні слова, що виконують модальну роль у складі слова або речення», відрізняють з-поміж інших фразових (питальних, оклично-підсилювальних, стверджувальних, заперечних тощо) власне-модальні, «що вносять у висловлення певний емоційно-оціночний момент, найчастіше сумнів щодо вірогідності повідомлюваного (1) або, навпаки, тверду впевненість у важливості чи винятковості повідомлюваного (2)»: 1) *мов, мовляв, мабуть, ледве чи, наче, ніби, мовби, навряд, навряд чи*; 2) *ба, ой, ну (ну й)* [9, с. 502–510].

Модальність належить до основних мовних категорій, що реалізують комунікативний потенціал речення та слугують засобом зв'язку речення з екстралінгвістичною дійсністю. Ґрунтовні дослідження категорії модальності репрезентовано працями В. В. Виноградова, Н. Ю. Шведової, Г. О. Золотової, В. Г. Гака, Ш. Баллі, В. Г. Адмоні, О. В. Бондарка, В. О. Плунгяна, Г. Вайдта, О. С. Мельничука, І. Р. Вихованця, А. П. Загнітка, В. М. Бріцина, В. В. Мозгунова та ін. Однак, незважаючи на давню традицію вивчення модальності, досі не запропоновано єдиного витлумачення обсягу цієї мовної категорії. Доволі проблемною, як засвідчують виконані дослідження, є диференціація модальних значень.

Підсумовуючи потрактування модальності з позицій сучасної граматичної типології, Л. А. Бірюлін та О. Є. Корді виділяють шість типів модальних значень, об'єднаних ознакою «точка зору мовця», яка включається у будь-яке витлумачення модальності [10, с. 67–68]:

- 1) Оцінка мовцем змісту висловлення з точки зору реальності / ірреальності.
- 2) Оцінка ситуації, про яку йде мова у висловленні, з точки зору її можливості, необхідності або бажаності.
- 3) Оцінка мовцем міри його впевненості у достовірності висловленого.
- 4) Цільова установка мовця або комунікативна функція висловлення. За цією ознакою усі речення поділяються на розповідні, питальні, спонукальні, оптативні (виражають бажання).
- 5) Значення ствердження / заперечення.
- 6) Емоційна та якісна оцінка змісту висловлення, яка виражається лексично (словами зі значенням «погано» або «добре», просодично, а також за допомогою вигуків).

Аналогічні погляди домінують у синтаксисі української мови, про що свідчить інтерпретація модальності, представлена в енциклопедії «Українська мова»: «модальність (... від лат. *modus* — спосіб, міра) — це функціонально-семантична категорія, яка виражає відношення змісту висловлення до дійсності або суб'єктивну оцінку висловлюваного» [11, с. 367].

Усі вищезгадані варіанти традиційної концепції модальності містять чимало суперечностей. Визначення модальності як відношення змісту висловлення до дійсності з точки зору мовця дозволяє включити в її обсяг будь-яке вираження думки чи почуття та майже необмежену кількість різноманітних значень, що виражаються усіма мовними засобами. Окрім того, недостатньо вмотивованим є положення про те, що заперечення відноситься до кола модальних значень. Заперечення поєднується з різноманітними мовними одиницями, у тому числі з модальними. Наприклад, значення можливості та дозволу є модальними, а заперечення можливості — це неможливість, заперечення дозволу — заборона. Як стверджувальним, так і заперечним реченням можуть бути властиві однакові модальні типи, наприклад: модальність припущення (*Можливо, вона прийде. Можливо, вона не прийде.*), гіпотетична модальність (*Вона би прийшла. Вона би не прийшла.*). Окрім того, модальність — егоцентрична категорія. Саме на основі цього зі сфери модальності слід виключити заперечення, яке не відноситься до егоцентричних категорій.

Услід за Г. О. Золотовою, ми виключаємо з кола модальних значень типи речень за метою висловлювання, оскільки «комунікативна спрямованість висловлення не збігається з модальним відношенням до дійсності, що виражається у цьому висловленні» [6, с. 145].

У контексті нашого дослідження поділяємо позиції В. М. Бріцина й В. В. Мозгунова і визначаємо модальність речення як *гетерогенну когнітивно-прагматичну категорію, що репрезентується різноманітними засобами та проявляється у наступних аспектах: як спосіб ментально-чуттєвого відображення дійсності та як взаємодія різних складових комунікативної ситуації (мовця, слухача, змісту висловлення, дійсності).*

До кола модальних значень зараховуємо наступні:

1. Значення реальності, ірреальності, проблематичності, вірогідності, можливості, впевненості, сумніву, що відображають ступінь впевненості мовця у достовірності повідомлюваної інформації.

2. Значення необхідності, повинності, дозволу, зобов'язання, бажаності, волевиявлення, вміння.

Усі ці відношення встановлюються з точки зору мовця, що дає підстави говорити про суб'єктивний характер модальності речення.

Постановка завдання. Мета дослідження полягає у виокремленні контекстів, у яких вживаються модальні частки української мови.

Виклад основного матеріалу. На основі аналізу праць вітчизняних та зарубіжних вчених і власного матеріалу дослідження подаємо огляд критеріїв виокремлення модальних часток.

1. Частки не відмінюються [13; 14; 15]. Цей критерій не може бути застосований до усіх часток української мови. Наприклад, відмінюються частки, що походять від займенників: *він* (*А хто його знає!*), *ти* (*Справжній тобі актор!*). Окрім того, категорію відмінка мають частки *мені* та *собі*: *Піди собі відпочинь. Зараз мені забирай своє манаття!*

2. Частки мають омоніми в інших лексичних категоріях [13; 14; 15]. В українській мові за походженням одні частки є первісними, інші утворилися від різних частин мови: від дієслів: *давай, би, було, хоч*; від прислівників: *вже, лише, там, просто*; від займенників: *воно, все, собі, то*; від сполучників: *чи, та, і, а..* Також треба враховувати, що усі вторинні частки зберігають семантику твірного слова, тому наявні різноманітні переплетення в них значень твірного і похідного елементів, пор.: *Гнуться мало не до землі струнки білі берези* (*мало не* = частка + прислівник); *Зараз мені забирай своє манаття!* (*мені* = частка + займенник); *Ну й маєш увесь результат* (*ну й* = частка + сполучник).

Для розрізнення часток та повнозначних частин мови використовується заміна слова, що аналізується, його синонімом, який би чітко вказував на те, яка це частина мови; слово, що аналізується, також можна замінити словосполученням, яке означає, що дане слово є членом речення (оскільки частка не може бути членом речення). Наприклад, у реченні *А як ви це робите?* прислівник *як* можна замінити словосполученням *яким чином*. У прикладі *Як нема? Хіба хто вкрав?* така заміна неможлива; отже, слово *як* є часткою, що характеризує інтенсивність дії.

3. У більшості випадків частки ненаголошені [13; 14; 15]. Більшість часток української мови не мають наголосу, при вимові вони зливаються з наступними чи попередніми словами. Це відрізняє частки від омонімічних вигуків, які завжди наголошені та відокремлюються комою або знаком оклику. Наприклад, порівняймо *А йди-но сюди!* (*А* є часткою) *А, і ви тут!* (*А* є вигуком).

Проте ненаголошеність не може бути критерієм виокремлення модальних часток української мови, оскільки, як видно з наступних прикладів, та сама частка може бути як наголошеною (*Що, твоє сумління чисте? Що ти, що ти, що ти?*), так і ненаголошеною (*Що за покоління росте?*).

4. Частки відрізняються специфічною неперекладністю: кожна частка перекладається на іншу мову не одним і тим самим еквівалентом, а різноманітними способами, залежно від структурного типу речення, його лексичного наповнення, інтонації та екстралінгвістичних факторів. Наприклад, *Хто його знає!* (*його* — частка) не перекладається на німецьку мову часткою, а виразом зі схожим значенням: *Da steckt ja keiner drin!* (дослівно: *у середину не заглянеш*). Угорською це можна перекласти як *Isten tudja!* (дослівно: *Бог знає*), тобто знову не за допомогою частки.

5. Частки не вживаються на першому місці у реченні [13; 14; 15]. Цей критерій є також проблематичним. В українській мові багато часток може вживатися на початку речення, наприклад: *Так доведи це!*

6. Частки мають фіксовану позицію в реченні (можуть стояти лише після рематичного елементу) [13; 14; 15]. В українській мові частки бувають препозитивними (*он, невже, хай, ну, не, ні, дай*), постпозитивними (*же, ж, бо, но*), а також можуть мати різні позиції в реченні (*би, все-таки*).

В українській мові виділяємо наступні модальні частки: *а, або, адже, аж, але, амінь, ані, ану, атож, ач, ачей, ба, бач, би, б, бігма, бо, бодай, було, буцім, виключно, він, властиво, воно, впрост, все, все-таки, всього, всього-навсього, га, гаразд, ге, геть, да, дай, де, дедалі, десь, добре, доперва, еге, єдино, ж, же, за, завгодно, заледве, звичайно, знай, зрозуміло, і, ич, іч, коли, краще, куди, ледве, лише, лишень, ліпше, мов, мовби, на, навіть, навпаки, най, натурально, -но, ну, о, ож, ой, он, онде, ось, осьде, от, отже, ото, отож, оце, пак, попросту, прецінь, просто, прямо, рівно, розумітися, саме, се, собі, справді, ся, так, таки, так-таки, там, теж, ти, тільки, то, тобто, тож, то-то, тут, уже, факт, хіба, хоча, хоч, це, цебто, ци, чей, чи, це, що, щоб, щойно, що-раз, як, якби, який, як-от, якраз.*

Висновки. Модальні частки широко представлені в українській мові та відрізняються від інших часток та службових частин мови такими ознаками: 1) модальні частки не можуть слугувати засобом синтаксичного зв'язку; 2) модальні частки не змінюють умов істинності речення; видалення модальних часток з речення не робить його граматично неправильним, змінюється лише ілюктивна сила висловлення. Решта традиційних критеріїв є проблематичними, оскільки вони стосуються й інших часток та службових слів.

Література

1. Бріцин В. М. Когнітивні аспекти теорії модальності / В. М. Бріцин, В. В. Мозгунов // Мовознавство. — 2013. — № 2-3. — С. 128–148.

2. *Вихованець І. Р.* Теоретична морфологія української мови / І. Р. Вихованець, К. Г. Городенська. — К. : Пульсари, 2004. — 398 с.
3. *Давиденко М. О.* Частки української мови з погляду їх складу, функції та семантики : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.02 / М. О. Давиденко ; Одес. пед. ін-т ім. К. Д. Ушинського. — О., 1993. — 162 с.
4. *Загнітко А. П.* Словник часток : матеріали і статті / А. Загнітко, А. Каратаєва ; Донец. нац. ун-т. — Донецьк : ДонНУ, 2012. — 381 с.
5. *Загнітко А. П.* Частки в системі службових частин мови : типологічний і лексикографічний вияви / А. П. Загнітко // *Лінгвістичні студії : зб. наук. пр.* — 2011. — Вип. 22. — С. 104–115.
6. *Золотова Г. А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г. А. Золотова. — М. : КомКнига, 2005. — 352 с.
7. *Олійник О. Б.* Граматика української мови : навч. посіб. / О. Б. Олійник, В. Д. Шинкарук, Г. М. Гребницький. — К. : Кондор, 2007. — 544 с.
8. *Педченко С. О.* Семантика і функціонування модальних часток у сучасній українській літературній мові : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.01 / С. О. Педченко ; Харк. нац. ун-т ім. В. Н. Каразіна. — Х., 2010. — 20 с.
9. *Сучасна українська літературна мова : Морфологія* / [за заг. ред. І. К. Білодіда]. — К. : Наук. думка, 1969. — 583 с.
10. *Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность* / [отв. ред. А. В. Бондарко]. — Л. : Наука, 1990. — 263 с.
11. *Українська мова : енциклопедія* / ред. кол.: В. М. Русанівський, О. О. Тараненко [та ін.]. — 3-тє вид., зі змінами і допов. — К. : Укр. енцикл. ім. М. П. Бажана, 2007. — 856 с.
12. *Чолкан В. А.* Речення з суб'єктивно-модальними формами в сучасній українській мові : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.01 / В. А. Чолкан ; Чернів. нац. ун-т ім. Юрія Федьковича. — Чернівці, 2001. — 198 с.
13. *Bross F.* German modal particles and the common ground [Електронний ресурс] / F. Bross // *Helikon. Multidisciplinary Online Journal.* — 2012. — Vol. 2. — P. 182–209. — Режим доступу: helikon-online.de/2012/Bross_Particles.pdf.
14. *Helbig G.* Lexikon deutscher Partikeln / G. Helbig. — Leipzig : Enzyklopädie, 1988. — 258 S.
15. *König E.* A relevance-theoretic approach to the analysis of modal particles in German / E. König, S. Requard // *Multilingua. Journal of Cross-Cultural and Interlanguage Communication.* — 1991. — Vol. 10 (1–2). — P. 63–78.

References

1. *Bricyn V. M.* Kognityvni aspekty teorii modal'nosti / V. M. Bricyn, V. V. Mozgunov // *Movoznavstvo.* — 2013. — № 2–3. — S. 128–148.
2. *Vyhovaneč' I. R.* Teoretychna morfologija Ukraïns'koï movy / I. R. Vyhovaneč', K. G. Gorodens'ka. — K. : Pul'sary, 2004. — 398 s.
3. *Davydenko M. O.* Chastky Ukraïns'koï movy z pogljadu ih skladu, funkciï ta semantyky : dys. ... kand. filol. nauk : 10.02.02 / M. O. Davidenko ; Odes. ped. in-t im. K. D. Ushyn's'kogo. — O., 1993. — 162 s.
4. *Zagnitko A. P.* Slovník chastok : materialy i stat'ii / A. Zagnitko, A. Karatajeva ; Donec. nac. un-t. — Donec'k : DonNU, 2012. — 381 s.
5. *Zagnitko A. P.* Chastky v systemi sluzhbovyh chastyh movy : typologijnyj i leksykografichnyj vyjavny / A. P. Zagnitko // *Lingvistychni studii : zb. nauk. pr.* — 2011. — Vyp. 22. — S. 104–115.
6. *Zolotova G. A.* Oчерк функционального синтаксиса русского языка / G. A. Zolotova. — M. : KomKniga, 2005. — 352 s.
7. *Olijnyk O. B.* Gramatyka Ukraïns'koï movy : navch. posib. / O. B. Olijnyk, V. D. Shynkaruk, G. M. Grebnyč'kyj. — K. : Kondor, 2007. — 544 s.
8. *Pedchenko S. O.* Semantyka i funkcionuvannja modal'nyh chastok u suchasnij Ukraïns'kij literaturnij movi : avtoref. dys. ... kand. filol. nauk : 10.02.01 / S. O. Pedchenko ; Khark. nac. un-t im. V. N. Karazina. — Kh., 2010. — 20 s.
9. *Suchasna Ukraïns'ka literaturna mova : Morfologija* / [za zag. red. I. K. Bilodida]. — K. : Nauk. dumka, 1969. — 583 s.
10. *Teorija funkcional'noj grammatiki: Temporal'nost'. Modal'nost'* / [otv. red. A. V. Bondarko]. — L. : Nauka, 1990. — 263 s.
11. *Ukraïns'ka mova : encyklopedija* / red. kol.: V. M. Rusaniv's'kyj, O. O. Taranenko [ta in.]. — 3 vyd., zi zminamy i dopov. — K. : Ukr. encykl. im. M. P. Bazhana, 2007. — 856 s.
12. *Cholkan V. A.* Rechennia z sub'jektyvno-modal'nymy formamy v suchasnij Ukraïns'kij movi : dys. ... kand. filol. nauk : 10.02.01 / V. A. Cholkan ; Cherniv. nac. un-t im. Jurija Fed'kovyča. — Chernivci, 2001. — 198 s.
13. *Bross F.* German modal particles and the common ground [Elektronnyj resurs] / F. Bross // *Helikon. Multidisciplinary Online Journal.* — 2012. — Vol. 2. — P. 182–209. — Rezhym dostupu: helikon-online.de/2012/Bross_Particles.pdf.
14. *Helbig G.* Lexikon deutscher Partikeln / G. Helbig. — Leipzig : Enzyklopädie, 1988. — 258 S.
15. *König E.* A relevance-theoretic approach to the analysis of modal particles in German / E. König, S. Requard // *Multilingua. Journal of Cross-Cultural and Interlanguage Communication.* — 1991. — Vol. 10 (1–2). — P. 63–78.

МАРУСИНЕЦ Марианна Михайловна,

младший научный сотрудник Института педагогического образования и образования взрослых НАПН Украины;
Киев, Украина;
e-mail: marusynetsm@ukr.net; тел.: 095-5772517

МОДАЛЬНЫЕ ЧАСТИЦЫ В УКРАИНСКОМ ЯЗЫКЕ: ДИАГНОСТИЧЕСКИЙ И ДИДАКТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Аннотация. Статья посвящена исследованию критериев выделения модальных частиц украинского языка. Определены природа, объём и структура лингвистической категории модальности. Модальность представлена как гетерогенная когнитивно-прагматическая категория, которая выражается равноуровневыми средствами и проявляется как способ ментально-чувственного отражения действительности и как взаимодействие различных составляющих коммуникативной ситуации (говорящего, слушателя, смысла высказывания, действительности). Модальные частицы украинского языка рассмотрены в статье как отдельная часть речи, отличная от других несклоняемых частей речи, слова которой придают отдельным словам, словосочетаниям, предложениям дополнительные смысловые и эмоциональные оттенки. Основными общими критериями выделения модальных частиц является их способность самостоятельно функционировать как предложения и изменять условия истинности предложения. Элиминация модальных частиц из предложения не делает его грамматически неправильным. Другие традиционные критерии являются проблематичными, поскольку они также касаются иных частиц и других служебных слов.

Ключевые слова: модальность, модальные частицы, диагностический контекст, дидактический контекст, критерии выделения, категориальный статус.

Marianna M. MARUSYNETS,

Junior Research Fellow of the Institute of Teacher Education and Adult Education of NAPS of Ukraine;
Kiev, Ukraine;
e-mail: marusynetsm@ukr.net; tel.: +38 095 5772517

MODAL PARTICLES IN UKRAINIAN: DIAGNOSTIC AND DIDACTIC CONTEXT

Summary. The article investigates the criteria for identifying of modal particles in Ukrainian. The author defines the nature and the structure of modality as linguistic category. It is interpreted as a heterogeneous category which has cognitive and pragmatic characteristics and represents at various language levels; it expresses a way of mental and perceptual reflection of reality and results from the interaction of various constituents of a speech event (speaker, hearer, utterance content, objective reality). Ukrainian modal particles are regarded as a part of speech, which differs from other functional parts of speech; it adds various senses and emotive connotations to words, phrases and sentences. The main common identification criteria for modal particles are their inability to function as sentences and to change the true conditions of a sentence. The elimination of a modal particle from a sentence does not make it grammatically incorrect. The other traditional identification criteria are regarded as problematic since they apply to other classes of particles and functional parts of speech.

Key words: modality, modal particles, diagnostic context, didactic context, identification criteria, categorical status.

Статтю отримано 28.09.2014 р.

РЕЦЕНЗІЇ

Г. С. Яроцкая. Аксиогенез экономического сознания в русской лингвокультуре : [монография] / Галина Сергеевна Яроцкая. — Одесса : Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова, 2013. — 552 с.

G. S. Yarotskaya. Axiogenez ekonomicheskogo soznaniya v russkoj lingvokulture : [monografija] / Galina Sergeevna Yarotskaya. — Odessa : Odesskij natsionalnyj universitet im. I.I. Mechnikova, 2013. — 552 s.

Рецензируемая монография посвящена актуальной проблеме современной антропологической лингвистики — лингвоаксиологическому моделированию экономического сознания. Экономика как социальный феномен детально изучена в различных областях гуманитарного знания, но с позиций лингвоконцептологии экономические ценности еще не были предметом специального анализа.

Книга состоит из введения, трёх глав, посвященных соответственно языковой репрезентации ценностной динамики экономического сознания, аксиогенезу обыденного и теологического модусов этого сознания, аксиосфере этого сознания в допетровский период, и заключения.

В первой главе детально обсуждаются понятия современной лингвокультурной концептологии. В основу авторской концепции положена когнитивно-дискурсивная модель лингвокультурного концепта, включающая его системный потенциал (совокупность средств апелляции к этому ментальному образованию, зафиксированных в лексикографии и паремиологии), субъектный потенциал (языковое знание в сознании индивида) и коммуникативную реализацию (апелляцию к концепту в конкретной ситуации общения) (с. 31–32). Г. С. Яроцкая предлагает широкую трактовку экономических концептов, включая в их состав как понятия экономики («торговля», «товар», «собственность» и др.), так и понятия политики, философии, психологии и этики («справедливость», «милосердие», «власть», «закон» и др.). Автор справедливо отмечает, что экономическое сознание в России формировалось под влиянием православия и накопленного обществом многовекового опыта жизни в определенных социально-экономических и природно-климатических условиях. Эти факторы во многих ситуациях вели к драматическим коллизиям ценностных установок. Представляется обоснованной предлагаемая в книге схема модусов и уровней экономического сознания, включающая обыденный, научно-теоретический и теоретико-богословский модусы (с. 47) и логико-рациональный, психологический и аксиологический уровни (с. 52). В монографии выделены и обоснованы уровни аксиосферы применительно к русскому экономическому сознанию — метауровень (называющий универсальные ценности — «истина», «добро», «справедливость», «свобода»), макроуровень (определяющий ценности для того или иного типа экономической культуры — «успех», «бизнес», «конкуренция» и др.) и микроуровень (фиксирующий ценности определенного типа людей — «стахановец», «трудоголик», «олигарх», «магнат» и др.).

Автор суммирует основные наблюдения философов и культурологов по поводу особенностей осмысления реальности, свойственных традиционному русскому взгляду на мир (бинарность мышления, логоцентричность, иррациональность, несклонность к компромиссу, преобладание экзогенных ценностей над эндогенными), отмечая при этом неизбежную субъективность в исследованиях концептов. В монографии показаны различные аспекты изучения экономического дискурса — анализ конкретных единиц в рамках экономического текста, исследование текстов экономических теорий в риторическом аспекте, описание идиостилей авторов экономических теорий, характеристика жанров и стилей экономического языка, освещение экономической терминологии, объяснение динамики экономического сознания (с. 97–100).

Заслуживают внимания наблюдения и рассуждения автора относительно динамики рассматриваемых концептов в интервале между исходным и развивающимся их содержанием в направлениях их смыслового расширения и сжатия. Эта динамика анализируется в рамках четырех периодов аксиогенеза — дохристианского, христианского, советского и постсоветского.

Во второй главе детально анализируются ценностные сферы древнерусского экономического сознания дохристианского периода, объективация этого сознания в религиозных текстах и в текстах русской народной сказки. В качестве доминантных исходных концептов (протоконцептов) русской лингвокультуры древнейшего периода автор рассматривает ментальные образования «род/мир», «правда», «воля». Специалисты в области лингвокультурологии обратят внимание на приведенные в монографии аргументы в пользу признания в качестве императивов родовой общности ментальных образований «правда-совесть», «правда-закон», «правда-справедливость» (с. 144–146). В книге приводится множество иллюстративных примеров, объясняющих развитие лексем, относящихся к экономической сфере жизни. Так, заслуживает внимания интерпретация этимологии диад «труд» — «страдание», «труд» — «работа». Автор делает обоснованный вывод относительно того, что значимой являлась оппозиция по линии волеизъявления — добровольный труд на себя и для себя и принудительная работа на кого-то (с. 193). В более полном виде ценностная шкала приоритетов по отношению к видам трудовой деятельности приобретает, как пишет Г. С. Яроцкая, следующий вид: самой престиж-

ной является **служба** князю, далее следует **труд** как условие выживания, третье — это домашние **хлопоты** как женское занятие, и наконец, на последнем месте находится принудительная **работа**, не предусматривающая вознаграждения (с. 200). В христианский период переосмысливается ценность труда: труд приобретает воспитательный характер. Весьма информативен раздел, посвященный экономическим концептам в текстах русских сказок. Обратим внимание на следующее наблюдение автора: «отношение к выгоде, богатству, труду является жестко социально обусловленным: эти сферы жизнедеятельности по-разному оцениваются по отношению к представителям высокого и низкого социального статусов» (с. 276).

В третьей главе книги идет речь о ключевых концептах русской аксиосферы, относящихся к универсальным ценностям («власть», «правда», «закон») и ценностям типа экономической культуры («хозяйство», «трудовая деятельность», «торговля», «деньги», «богатство / бедность» и др.). Автор анализирует пословицы о труде и следующим образом представляет их фреймовую структуру: 1) отношение к труду, 2) разновидности трудовой деятельности, 3) распределение трудовых обязанностей и приложенных усилий, 4) виды трудовой занятости, 5) вознаграждение за труд, 6) ритм трудовой деятельности, 7) способы уклонения от труда, 8) коллективный / индивидуальный характер трудовой деятельности. В книге выделены полярные позиции субъектов, оценивающих труд: это моралист-праведник и прагматик (ср.: *Трудами не хвались, а гордись. — Работа дураков любит*).

В заключении автор формулирует основные выводы исследования, к числу которых относятся тезисы о противоречивости ценностей, лежащих в основе русского экономического сознания, о специфике эволюции и инволюции экономических концептов, о лингвистически релевантных способах номинации и реноминации этих ментальных образований.

Монография Г. С. Яроцкой представляет собой глубокое исследование актуальной проблемы аксиологической лингвистики, содержит множество нетривиальных наблюдений и выводов, образующих непротиворечивую концепцию аксиогенеза, и несомненно привлечёт к себе внимание широкого круга специалистов, изучающих соотношение языка и культуры.

КАРАСИК Владимир Ильич,

доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета; Волгоград, Россия;
e-mail: vkarasik@yandex.ru

Vladimir I. KARASIK,

Grand Ph.D. in Philological Sciences, Professor, Head of the English Philology Department in Volgograd State Pedagogical University; Volgograd, Russia;
e-mail: vkarasik@yandex.ru

Українською та російською мовами

Свідоцтво про реєстрацію в Державному комітеті телебачення і радіомовлення України КВ № 8932 від 6 липня 2004 р.

Часопис «Мова» Постановою президії ВАК України № 1-05/6 від 12 червня 2002 р. включено до переліку № 10 наукових фахових видань України. Перереєстровано Постановою президії ВАК України № 1-05/8 від 22.12.2010 р.

Рекомендовано до друку Вченою радою ОНУ

Тираж 200 прим. Зам. № 630 (139).

Адреса редакції / Адрес редакции / Address: Французький бульвар, 24/26,
кімн. 111, 113, Одеса, Україна, 65058
Телефон / Phone: +38 (048) 776-22-77;
Факс / Fax: +38 (048) 746-51-14
E-mail: stepanov.odessa@gmail.com; nlla@mail.ru

Видавництво і друкарня «Астропринт». 65091, м. Одеса, вул. Разумовська, 21
Тел.: (0482) 37-07-95, 37-14-25, 33-07-17, (048) 7-855-855
www.astroprint.odessa.ua
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 1373 від 28.05.2003 р.

ISSN 2307—4558. Мова. 2014. № 21. 1—268.